

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

МУРАТ ЛАУМУЛИН

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В
ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ И
МИРОВОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Том V

Центральная Азия в XXI столетии

Алматы – 2009

УДК 327
ББК 66.4 (0)
Л 28

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан*

Научное издание

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор Байзакова К.И.
Доктор политических наук, профессор Сыроежкин К.Л.

Л 28 **Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том V: Центральная Азия в XXI столетии – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 440 с.**

ISBN 9965-458-88-X

В книге рассматриваются проблемы геополитического положения Центральной Азии, государственно-национального, экономического и политического развития каждого из государств региона, влияния ислама, ситуации в каспийском регионе, безопасности. Рассматривается влияние на регион стратегии и политики великих держав и региональных игроков: России, США, ЕС, КНР, Японии, Индии, Ирана, Пакистана и Турции. Изучается также проблема безопасности Центральной Азии с точки зрения деятельности международных организаций и военно-политических объединений – ОДКБ, НАТО и ШОС.

Большое место в книге занимают проблемы политического и экономического развития государств Центральной Азии. Отдельный раздел посвящен Республике Казахстан, ее месту в системе международных отношений, влиянию на внешнюю политику РК геополитических процессов, политическим и экономическим реформам в Казахстане.

Монография адресована широкому кругу специалистов по международным отношениям, безопасности, геополитике, политологии, истории, историографии и востоковедению. Книга рекомендуется в качестве учебного пособия для факультетов и кафедр международных отношений, истории, политологии, востоковедения.

Автор: Лаумулин Мурат Туарович, доктор политических наук

**Л 0802000000
00(05)-09**

**УДК 327
ББК 66.4(0)**

ISBN 9965-458-88-X

(С) КИСИ при Президенте РК, 2009
(С) Лаумулин М.Т., 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия: Центральная Азия между геополитическими центрами	7
ЧАСТЬ I. ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА	15
Глава 1. Влияние геоэкономических процессов на Центральную Азию	15
Глава 2. Возвращение России	17
- Российско-американские отношения - Россия и Европа - Россия и Китай - Политика России в отношении Афганистана и Южной Азии – Россия и арабский мир – Политика России в СНГ - Фактор Украины - Конфликт на Кавказе – Проблемы безопасности СНГ	
Глава 3. Россия и Центральная Азия	82
- Газпром как геополитическое оружие - Новый союзник РФ: Узбекистан – Неопределенность в Киргизстане – Важная периферия: Таджикистан - Туркменистан: смена власти - Казахстан и Россия	
Глава 4. Запад и Центральная Азия	112
- Американская стратегия в ЦА после 2005 г.: подведение итогов - Европейские интересы и Центральная Азия - «Большая Тройка» в Центральной Азии - Сотрудничество во имя?.. Центральная Азия и НАТО	

Глава 5. Центральная Азия и Китай.....	155
- Китайская интерпретация интересов КНР в Центральной Азии - К чему стремится Китай в регионе?	
- Китайско-киргизские отношения - Китайско-узбекские отношения - Китайско-таджикские отношения - Китайско-туркменские отношения - Казахстанско-китайские отношения - ШОС как геополитический инструмент Китая	

ЧАСТЬ II. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИГРОКИ.....184

Глава 1. Стратегия Японии в Евразии.....	184
Глава 2. Новый участник Большой Игры – Индия.....	193
Глава 3. Пакистан и Центральная Азия	200
Глава 4. Иран и Центральная Азия.....	205
Глава 5. Новый «старший брат»? - Турция.....	213

ЧАСТЬ III. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....226

Глава 1. Внутренние и внешние проблемы Узбекистана	226
- Узбекская экономическая модель - Рост социального недовольства и внутриполитический кризис - Кланово-региональная структура политического ландшафта Узбекистана - Фактор исламской оппозиции - Андижанские события - Стабилизация режима – Внешняя политика	

Глава 2. «Островок демократии» в Центральной Азии - Киргизстан	269
- Заслуги и просчеты А.Акаева - Киргизская экономическая модель - Политическое развитие Киргизстана	

- Исламизм - Внешняя политика - Падение Акаева – Пос- такаевский Киргизстан	
Глава 3. Драма постсоветского Туркменистана	294
- Системные особенности режима Туркменбashi - Ре- жим Туркменбashi и наркоторговля - Борьба с исламом	
- Экономическое развитие Туркменистана при С.Ниязове	
- Трубопроводная политика Ашхабада - С.Ниязов и СНГ - Отношения с внешним миром - Туркменская оттепель	
Глава 4. Кризис и возрождение постсоветского Таджикистана ...	324
- Таджикистан в период нестабильности - Таджикистан в период стабилизации - Политическая система Таджи- кистана - Таджикская многовекторность - Вытеснение России - Pax Iranica: Таджикистан как часть иранского мира - Отношения с соседями	
Глава 5. Гарант стабильности в регионе: казахстанская модель ..	354
- Особенности формирования внешней политики Казах- стана - Проблемы модернизации Казахстана - Казахс- танская экономическая модель - Казахстан в глобальной политике - Казахстан и его соседи - Феномен Астаны	
- Итоги модернизации	
Заключение.....	404
Resume	421
К библиографии	435
Об авторе	435

*Автор выражает искреннюю благодарность своей второй маме –
Мустафиной Майе Габиденовне, первому и самому внимательному
читателю всех томов настоящего издания, за ее неоценимый вклад
в редактирование этих книг.*

Вместо предисловия: Центральная Азия между geopolитическими центрами

Пятый том настоящего издания, который фактически представляет собой отдельное исследование, посвящен развитию Центральной Азии в новом веке (с необходимыми экскурсами в предшествующий период). В исследовании использован синтезированный подход: рассматривается политика и стратегия внешних сил (глобальных и региональных) в отношении Центральной Азии, а также положение в международных и региональных отношениях каждого из государств региона. Особое внимание удалено России – не только как глобальному игроку, но и как державе, тесно связанной с регионом отдаленной, недавней и современной историей. Фактически, саму Россию в ряде случаев можно рассматривать как часть Центральной Азии.*

Каждое из государств региона рассматривается в данном исследовании с точки зрения его места в системе региональных отношений, международной политики и безопасности. Изучаются также проблемы внутренней политики, экономического развития и внешней политики всех пяти стран Центральной Азии. По мере возможности, мы старались привязать центральноазиатскую политику к мировым процессам, глобализации и всей сложной структуре международных отношений.

Если в период с 1992 по 2001 годы все политологические и политические рассуждения, доклады, статьи и книги начинались с распада СССР, что служило своего рода эталонным вступлением в современную geopolитику, то после 11 сентября 2001 г. такой преамбулой стали события, связанные с этой датой. Стало нормой считать, что изменения, последовавшие вслед за 11 сентября и антитеррористической операцией в Афганистане (а потом – и после второй войны в Ираке), привели к принципиально новому раскладу geopolитических сил в мире, а epicентром этого процесса была Центральная Азия и прилегающие регионы: Каспий, Кавказ, Средний и Ближний Восток и в целом – вся Центральная Евразия. В действительности, имел место чрезвычайно динамичный и многофакторный geopolитический процесс, механизм которого был заложен задолго до 2001 года. В результате событий 2001-02 гг. на ближайшее время была снята самая

---

* Такая точка зрения заслуживает право на существование с учетом нахождения в составе современной РФ таких регионов как Алтай, Южная Сибирь, Якутия, Бурятия, а такжеrudиментов Золотой орды в Поволжье и на Урале – регионов, рассматриваемых востоковедением как фрагменты исторической «Центральной Азии».

серьезная угроза безопасности Центральной Азии, исходившая со стороны воинствующего исламизма.

Очевидно, что геополитическое положение вокруг Центральной Азии в 2000-е гг. претерпело качественные изменения. Эти изменения касались: во-первых, отношений между крупными геополитическими акторами между собой в глобальном контексте – США, России, Китая, Европейского Союза; во-вторых, политики крупных геополитических центров силы в отношении Центральной Азии (Каспийского региона и Закавказья); в-третьих, отношенияй между крупными – США, РФ, КНР, ЕС – и средними (региональными) геополитическими акторами – Индией, Пакистаном, Ираном, Турцией: 1) между собой; 2) в контексте геополитики в Центральной Азии; в-четвертых, политики центральноазиатских государств и их отношений: 1) между собой; 2) с крупными и региональными акторами.

В этот период на геополитическую ситуацию вокруг и внутри Центральной Азии прямо или косвенно влияли следующие факторы: - военные конфликты с участием США и их союзников (Афганистан, Ирак); - ситуация на Ближнем Востоке; борьба с международным терроризмом; нефтяная политика ОПЕК; крупные транспортные и коммуникационные проекты (БТД, трубопровод Казахстан-Китай, Россия-Япония и т.д.); расширение НАТО и ЕС; интеграционная политика на постсоветском пространстве); процесс смены правящих режимов в странах СНГ.

В 2000-е гг. стало очевидно, что Китай не хочет быть статистом в регионе. Он упорно выдвигался в лидеры, в том числе в рамках ШОС. С учетом роста влияния Китая можно было прогнозировать формирование новых геополитических комбинаций с участием помимо КНР России, Индии, Ирана и других государств, включая центральноазиатские республики.

Политика и геополитика Центральной Азии и в целом постсоветского пространства в середине 2000-х гг. определялась во многом процессом смены элит в ряде государств СНГ, который получил название т.н. «цветных революций». То есть, в событиях в охваченных этим процессом республиках отчетливо прослеживалась комбинация внешних и внутренних факторов. Здесь невооруженным взглядом была заметна и роль внешних игроков - США, России и Европейского Союза. В этой «геополитической игре» Россию изображали проигравшей стороной.

В Центральной Азии эффект от «цветных революций» носил более шокирующий характер. Фактически, события 2005 г. в Киргизстане и Узбекистане показали, какой разрушающий эффект может иметь резкая смена власти. По сути дела, эти эксперименты показали, до каких пределов Запад может способствовать распространению «цветных революций». В Центральной Азии подобные эксперименты могли закончиться серьезной

дестабилизацией обстановки и повлечь за собой крайне опасные последствия, что и подтвердили события в Бишкеке и Андижане. Практически, на примере Киргизии все заинтересованные стороны (Запад, Россия, Китай) пришли к консенсусу и взаимопониманию. Этот консенсус базировался на понимании опасности резкой и радикальной ломки политических и экономических отношений в центральноазиатском обществе. К сожалению, такое взаимопонимание отсутствовало в отношении Узбекистана. Запад настаивал на том, чтобы побудить Ташкент к резкой смене своего внутриполитического и экономического курса. Андижанские события Запад настойчиво продолжал рассматривать в антикаримовском духе. Все это подтолкнуло Ташкент к сворачиванию военно-политического сотрудничества с США и НАТО и беспрецедентному для постсоветской эпохи сближению с Москвой.

Необходимо отметить, что США осуществляли в 2000-е гг. сложную евразийскую стратегию. Это была комбинация одновременных или последовательных действий на огромном пространстве от Ближнего Востока, включая Средний Восток, Кавказ, Каспий, Афганистан, Центральную Азию, политику в отношении Китая, Ирана, диалог с Москвой. Почти все движения США в Евразии в той или иной степени затрагивали и Центральную Азию.

Европейский фактор по-прежнему оказывал влияние на Евразию и Центральную Азию. Надо иметь в виду, что отношения между постсоветскими странами и Европой развивались не очень стабильно, усиливалось политическое давление по линии ОБСЕ, Совета Европы и т.д. Имело место некоторое обособление друг от друга ЕС и Евразии. Этот процесс был связан также с преждевременным расширением Евросоюза, которое началось в 2004 г.. Евросоюзу еще предстоит геополитическое «переваривание» новых государств. Все это ставило под вопрос франко-германский проект по превращению ЕС в полноценного геополитического игрока и его освобождению из-под атлантической опеки Америки.

Важным геополитическим событием стало давно ожидаемое открытие трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) во второй половине 2000-х гг. Все указывало на то, что его успешная реализация зависела от масштабов участия Казахстана. Но Астана ни по субъективным (политическим), ни по объективным (объемы добываемой нефти) не могла гарантировать полноценного заполнения БТД. Это означало, что на Казахстан продолжало оказываться давление с нескольких сторон. Другой угрозой стабильности в Каспийском регионе вполне могла стать реальная милитаризация каспийского бассейна. Так, появление иностранных военных баз на Каспии могло спровоцировать резкую реакцию таких государств

как Россия и Иран, вполне резонно рассматривающих регион как свое «внутреннее море».

Республика Казахстан после декабря 2005 г. вступила в новую фазу своего развития. Соответственно, неизбежно менялся характер отношений РК с внешним окружением, место и роль Казахстана в региональной политике. Новая фаза развития geopolитической ситуации в регионе и вокруг него характеризовалась постепенным изменением ролей и степени влияния на ЦА со стороны крупных игроков. Все более активной становилась политика России, пытающейся реализовать крупномасштабные geopolитические проекты на постсоветском пространстве. Буквально на глазах менялись стратегия и политика Китая, который демонстрировал активный, наступательный характер своего видения будущего Центральной Азии и ее отношений с КНР. Не вызывает сомнений, что Пекин видел себя в среднесрочной перспективе ведущей силой и экономическим протектором региона.

Несколько парадоксальным выглядело поведение Соединенных Штатов в середине 2000-х гг. По некоторым признакам можно было сделать вывод, что США смирились с тактикой их «выдавливания» из Центральной Азии, которую в те годы проводили Москва и Пекин. Однако, внимательный анализ подсказывал, что Вашингтон не оставил своих прежних geopolитических и стратегических планов по реализации собственной «Евразийской стратегии». К середине 2000-х гг. почти полностью ушел с geopolитической сцены Европейский Союз. Этот вывод касался как стратегии Евросоюза в отношении Центральной Азии в целом, так и степени активности политики отдельных европейских держав. В это время ЕС способен лишь опосредованно влиять на ситуацию в ЦА посредством спорадической активности в рамках ОБСЕ, НАТО и некоторых европейских институтов. Причина этого крылась в резко затормозившейся политической интеграции ЕС (провал Евроконституции), которая соответственно заморозила все geopolитические проекты, расширением ЕС, событиями в Восточной Европе (Украина), сменой власти в ФРГ, а также трансформацией отношений ЕС с Россией.

В то же время, в этот период существенно выросли роль, престиж и влияние Казахстана в Центральной Азии. Астана доказала, что в определенных кризисных ситуациях (смена власти в Киргизстане) способна практически на равных участвовать в урегулировании региональных кризисов. Причины возрастания международного веса РК лежали как в очевидном экономическом прогрессе страны, успехе проведенных реформ, консолидации элит и в целом – национальном подъеме в обществе, так и в неблагополучном положении – внутриполитическом, экономическом и международном – наших соседей по региону.

В сложных условиях 2004-05 гг., когда резко возросла угроза внешнего вмешательства во внутренние дела Казахстана, Москва оказала максимальную поддержку руководству РК на внешнеполитическом уровне. Благодаря целенаправленным действиям обеих сторон угроза реализации радикальной смены власти по сценарию «цветных революций» была снята с повестки дня. Со своей стороны Казахстан полностью поддерживал все интеграционные усилия России, проводил чрезвычайно лояльную к ней политику в рамках СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС и ЕЭП. При этом, поддержка РК порой могла негативно отразиться на двусторонних отношениях Казахстана с рядом государств ближнего и дальнего зарубежья, а также на экономических интересах Казахстана.

К этому времени можно было говорить о внешнеполитической стратегии президента В.Путина как о сложившейся политике. Она носила прагматичный характер (но не во всем и не всегда), учитывает геополитические и экономические ресурсы и реальные возможности России. Москва сумела также превратить экономику (точнее – энергетическое сотрудничество) в мощный инструмент по достижению внешнеполитических целей. С другой стороны, Россия умело использовала для создания противовеса Западу свои отношения с азиатскими странами, прежде всего – с Китаем. Но основным объектом приложения геополитической активности Москвы оставалось постсоветское пространство.

В качестве механизма для достижения этой долгосрочной цели был предложен экономический (но по сути – геополитический) проект Единого Экономического пространства (ЕЭП). После событий на Украине 2004-05 гг. Россия вынуждена оставить ЕЭП и вернуться к его более ранней версии – ЕврАзЭС. Тем не менее, суть обоих проектов оставалась прежней: путем глубокой экономической интеграции заложить основы для интеграции политической – т.е. воссоздать в новых условиях и в новой форме некое геополитическое (с чертами имперского) образование в Евразии под эгидой России («либеральная империя»). Но эта политика не была успешной. Причины этого носили как объективный характер – неготовность практически всех республик СНГ пожертвовать своим вновь приобретенным суверенитетом, так и субъективный – целенаправленные действия внешних сил, прежде всего Запада, по срыву любых интеграционных планов России на постсоветском пространстве.

Нельзя не принимать во внимание и то, что интересы России и Китая в регионе Центральной Азии не во всем совпадают, а мотивация к сотрудничеству имеет свои нюансы. Китайские политики не оставили незамеченным, что в последние годы Россия сделала большой шаг для возвращения в Центральную Азию и утверждения там своего военно-политического

присутствия и влияния. По-видимому, в это время Китай начал работать над поиском адекватного ответа вызову со стороны России с тем, чтобы удерживать в рамках своих интересов ее возвращение в регион. Очевидно было также, что Китай сделает все, чтобы не допустить эрозии ШОС как главного geopolитического инструмента своего влияния в Центральной Азии и балансира китайско-российских отношений. Со своей стороны, Россия рассматривала ШОС в большей степени как (временный) geopolитический инструмент в духе доктрины Примакова, поскольку имеет с КНР совпадающие либо близкие позиции практически по всем острым вопросам международной обстановки.

В течение 2005 г. стратегия США в Центральной Азии претерпела драматические изменения. Суть их состояла в том, что Вашингтон был вынужден смириться с сужением своего влияния, и как следствие – перейти к более реалистичной политике. В отношении Казахстана это выразилось в невмешательстве в президентские выборы 2005 г. В 2005 г. в Вашингтоне произошло оформление нового стратегического подхода к региону – проекта «Большой Центральной Азии». С формальной точки зрения проект БЦА выразился в перераспределении ответственности в соответствующих департаментах госдепа США: Центральная Азия была выведена осенью 2005 г. из сферы ответственности Европейского управления и передана в управление, отвечающее за страны Южной Азии и Среднего Востока. США фактически выразили свою поддержку Н.Назарбаеву по формуле «демократия в обмен на власть».

На фоне «геополитического отката» Евросоюза из Центральной Азии, подход ЕС строится на принципе восприятия региона как «буферного фильтра». Имелась одна важная особенность: в отличие от США ЕС признавал «особые интересы» России в Центральной Азии. Таким образом, гарантией стабильного развития Центральной Азии является взаимный учет интересов всех заинтересованных сторон и geopolитических игроков. В 2007 г. ЕС разработал новую стратегию в отношении Центральной Азии и тем самым попытался придать своей политике в регионе наступательный характер.

К концу первого десятилетия ХХI века государства Центральной Азии подходят с полностью сложившимися, но различными политическими и социально-экономическими системами. Также различны их внешнеполитические ориентации и geopolитические векторы развития. Однако в политической эволюции стран региона существовало и много общего. В той или иной форме центральноазиатские государства подошли к завершению периода постсоветского развития. В одних государствах региона уже сформировались более или менее устойчивые политические системы или экономические модели.

К таковым в первую очередь относится Республика Казахстан, обладающая наиболее устойчивой и стабильной политической и экономической системой. Это обстоятельство налагало вольно или невольно на Казахстан роль лидера и стабилизатора центральноазиатского пространства, локомотива региональной интеграции.

В других государствах региона сложились на первый взгляд устойчивые политические системы, однако в них не были проведены или не завершены реформы, не достигнута экономическая стабилизация и не обеспечен устойчивый экономический рост. К таким республикам вполне можно отнести Киргизстан и Узбекистан. Вследствие социально-экономических проблем в этих странах постоянно возникает угроза серьезной внутриполитической дестабилизации.

Для Таджикистана были характерны несколько другие проблемы. Политическая система этой самой бедной республики региона является следствием временного и, следовательно, неустойчивого компромисса между государственной властью и исламской оппозицией. С политической точки зрения Таджикистан опаздывал в своем развитии от остальных государств региона на пять-семь лет. Экономическое положение этой республики также не внушало поводов для оптимизма. И наконец, совсем особняком от всех государств Центральной Азии стоял ниязовский Туркменистан, в котором в условиях полной закрытости и изолированности от региональных и мировых процессов сформировался тоталитарный режим культа личности С.Ниязова (Туркменбashi).

Четыре государства Центральной Азии – Казахстан, Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан в 2000-е гг. регулярно проходили через парламентские или президентские выборы. Это означало новые витки обострения внутриполитической борьбы. Учитывая важное геополитическое положение Центральной Азии, все основные геополитические центры силы и великие державы проявляли неослабный интерес к внутриполитическим процессам в странах региона. Этот интерес выражался как в критике тех или иных режимов и оказании на них внешнего давления, так и в поддержке т.н. оппозиции.

Таким образом, политическое развитие и экономическая эволюция государств Центральной Азии вызывает живой интерес со стороны мировых геополитических центров силы.

Для ряда стран региона в 2000-е гг., хотя и в меньшей степени, чем в период 1990-х гг., сохранялась угроза со стороны радикального ислама. К социально-политическим проблемам следует отнести проблему наркотиков и наркотрафика. Проблема водных ресурсов сохраняла свой как внутренний, так и региональный характер. К региональным и межгосударственным

ным проблемам относятся этнические, пограничные, торговые и другие проблемы, связанные с территориально-экономическим взаимодействием стран региона. По-прежнему сохраняет свою актуальность, несмотря на свою сложность, необходимость региональной интеграции и решение экологических проблем.*

---

* См.: Касенов У.: Безопасность Центральной Азии: глобальные, региональные и национальные проблемы. – Алматы: Кайнар, 1998. – 280 с.; Безопасность Центральной Азии и интересы внешних сил. – Москва: ЦСПИ, Фонд Р.Люксембург, МИСП, 2004; Бурнашев Р., Черных И. Безопасность в Центральной Азии: методологические рамки анализа (военный сектор безопасности). – Алматы: КазНУ, 2006. – 416 с. ; Военно-политическая расстановка сил в каспийско-центральноазиатском регионе. – Алматы: КИСИ, 2003. – 208 с.; Джангузин Р.Н. Новые независимые государства Центральной Азии в системе международных отношений. – Киев: ИМЭМО НАН Украины, 2005.; Динамика политических процессов в Центральной Азии после 15 лет трансформации: проблемы перспективы. – Алматы: ФФЭ, 2006. – 136 с.; Кушкумбаев С. Центральная Азия на путях интеграции: geopolитика, этничность, безопасность. – Алматы: ТОО Казахстан, 2002. – 200 с.; Наумкин В.В. Центральная Азия в мировой политике. Конспект лекций. – Москва: МГУ, 2005. – 132 с.; Олкотт М.Б. 12 мифов о Центральной Азии // Казахстан и мировое сообщество. 1995. № 3. С. 96–109; Олкотт М.Б. Центральная Азия: катапультирование в независимость // Оборонная политика – политика обеспечения мира и безопасности. Т.І. – Киев: RAND-AAAS. 1992. С. 49–58; Омаров Н. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации. – Бишкек: ФФЭ, 2008. – 253 с.; Олкотт М. Второй шанс Центральной Азии /Моск. Центр Карнеги; Фонд Карнеги за Международный мир. – Москва; Вашингтон, 2005. – 487 с.; Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991–2006). – Москва: ЦСПИ, 2006. – 270 с.; Парамонов В., Строков А., Столповский О. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. – Бишкек: ОФАК, 2008. – 200 с.; Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии в условиях политической и социально-экономической трансформации. V Ежегодная Алматинская конференция. – Алматы: КИСИ, 2007. – 314 с.; Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы. – Алматы: КИСИ, 2008. – 312 с.; Центральная Азия в системе глобальных отношений: Сборник материалов конференций. – Алматы: ТОО «ФинЭк», 2002. – 254 с.; Центральная Азия в системе современных международных отношений в условиях глобализации. Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы: КазНУ, 2004; Центральная Азия: геоэкономика, geopolитика, безопасность. – Ташкент: Шарк, 2002; Центральная Азия до и после 11 сентября: geopolитика и безопасность. – Алматы: КИСИ, 2002. – 209 с.; Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы. Под ред. Б. Румера. – Алматы: East Point, 2002-2006; Проблемы трансформации, интеграции и безопасности государств Центральной Азии. Под ред. Т.Бодио, А.Вежбицкого и П.Залэнского. – Варшава: ИПН ВУ, 2008. – 422 с. (на польском, русском и английском языках); Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – 615 с. (на рус. и нем. яз.).

ЧАСТЬ I. ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Глава 1. Влияние геоэкономических процессов на Центральную Азию

Проблемы Центральной Азии разделяются на экономические и политические. Причем первые в отличие от прежних лет принимают геоэкономический характер, а вторые – надрегиональный характер.

По мнению зарубежных экспертов, в последние годы государства Центральной Азии прошли некий рубеж. Экономический рост, наблюдавшийся в некоторых республиках за последние несколько лет, был обусловлен повышением цен на сырьевые товары, экспортруемые странами региона, в частности на нефть и газ, а также возросшим спросом на закупки этих товаров, растущими внутренними инвестициями, совершенствованием управления в области макроэкономики, развитием инфраструктуры. Этот относительный подъем экономики, стимулировал развитие сферы услуг (строительство, банковская деятельность) и некоторых производственных отраслей.

Наряду с отмеченным, аналитики называют ряд рисков, связанных с перспективным развитием республик Центральной Азии. Некоторые угрозы связаны с перспективами развития мировой экономики. Они включают вялый рост (или падение) цен на энергоресурсы и/или снижение экспортной активности основных товаров: хлопка, алюминия, золота. Терроризм, особенно в тех районах, где сохраняется возможность быстрого возникновения этнического конфликта, продолжает оставаться одной из угроз безопасности региона. Большие риски перспективам опасности для дальнейшего развития государств ЦА могут возникнуть в связи с политической нестабильностью и неудачным управлением. Уже очевидна перспектива длительной экономической и политической нестабильности в Кыргызстане и нарастания напряженности в Узбекистане.

В последнее время в зарубежных геоэкономических кругах высказывается мысль, что Центральная Азия становится частью нового формирующегося экономического и геополитического порядка в Евразии и Азии. Этот процесс характеризуется расширением рынков в сторону государств Юго-Восточной Азии, Китая, Кореи, Индии, Турции и России. Процесс развивается на фоне замедления (говорят даже о стагнации) экономичес-

кого развития Европы, на которую ранее ориентировались многие страны СНГ во главе с Россией.

Усиление «казиатской» парадигмы и укрепление евразийской экономической самостоятельности (в случае реализации интеграционных проектов России и ЦА) может иметь далеко идущие стратегические последствия. Некоторые специалисты отмечают, что Япония уже учитывает этот вариант и готовится реагировать на него путем расширенного проникновения и участия в экономических проектах в Центральной Евразии (Сибирь, Центральная Азия, Дальний Восток, Восточная Азия).

ЕврАЗЭС и АСЕАН - две наиболее жизнеспособные группировки на части территории бывшего Советского Союза и в Юго-Восточной Азии. Взаимодействие между входящими в них странами осуществляется почти исключительно на двусторонней основе по схеме «страна ЕврАЗЭС-страна АСЕАН». Исключением является начавшийся диалог России с АСЕАН, который, можно надеяться, в определенной степени вовлечет в него и другие страны ЕврАЗЭС. Существует общая для обеих сторон задача - не допустить чрезмерной асимметричной зависимости от глобальных и региональных центров экономической мощи.

Сила «притяжения» России слабее по сравнению с ведущими лидерами мировой торговли, однако ее «масса» достаточна, чтобы привлекать евразийские государства. Помимо Белоруссии, Украины и Казахстана, которые прочно вошли в ее орбиту, «притяжение» России отчасти испытывают Узбекистан и Туркмения. В свою очередь, последние являются местными центрами «гравитации» соответственно для Киргизии и Таджикистана, а Украина – для Молдавии. Таким образом, формируется цепочка, соединяющая эти постсоветские страны в потенциальный Евразийский союз.

На евразийском пространстве, Россия остается для ряда стран центром притяжения. Ядро группы формируют пять стран: Россия, Белоруссия, Украина, Казахстан и – в меньшей степени – Узбекистан. Вокруг этого ядра создается поле притяжения для менее крупных европейских стран (Молдавия) и государств Центральной Азии (Киргизия, Туркмения и Таджикистан). Усилия России по интеграции при существующей структуре торговли с другими странами – республиками бывшего СССР сопровождаются выходом на передний план энергетического сектора. Превращению его в двигатель межгосударственной кооперации препятствуют несколько барьеров.

Российский потенциал интеграции с другими странами ограничен отдельными проектами. К тому же у России кроме энергоносителей найдется не так уж много других продуктов, обладающих привлекательностью на мировом рынке. Существующие проекты не обеспечены

общеэкономическими взаимосвязями, и поэтому ни у России, ни у ее партнеров нет достаточных оснований для активного участия государства в их продвижении. Сегодня только государственная политика России и Казахстана в общих чертах совместима с двумя описанными сценариями. Москва и Астана активно ищут новые каналы взаимодействия, но готовы отступить на второй план, если инициативу возьмут в свои руки негосударственные компании.*

Глава 2. Возвращение России

Период первого президентского правления В.Путина можно было бы охарактеризовать словами канцлера А.Горчакова: «Россия сосредотачивается». Но уже в 2003-04 гг. стало отчетливо заметно, что «Россия возвращается» в geopolитическом смысле. В том числе это бросалось в глаза в Центральной Азии. В 2008 г. подошло к концу второе президентство В.Путина. За период нахождения у власти этого политика внутренняя политика, экономическое положение и международное положение Российской Федерации существенно изменились по сравнению с периодом Б.Ельцина. В.Путину удалось остановить центробежные и деструктивные социально-политические процессы в стране и стабилизировать ситуацию. Стало набирать темп поступательное экономическое развитие.

Все эти факторы отразились на внешней политике России. В настоящее время Россия уверенно позиционирует себя на мировой арене как великую Евразийскую державу, наследницу Советского Союза, имеющую интересы как на Западе, так и на Востоке. Эта тенденция особенно наглядно проявилась в последние годы правления В.Путина. Россия пытается на равных разговаривать с Западом, строит тесные партнерские отношения с новыми центрами силы на мировой арене – Китаем и Индией.

---

* См.: Азовский И.П. Центральноазиатские республики в поисках решения транспортной проблемы. – Москва, 1999; Алимов Р. Центральная Азия: общность интересов. – Ташкент: Шарк, 2005; Модернизационные процессы в Центральной Азии: модели будущего: Материалы международной конференции г. Алматы, 28-29 октября 2004 г. – Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2004. – 190 с.; Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы. – Бишкек: ОФАК/ИЦАК, 2007. – 296 с.; Файзуллаев Д. Центральная Азия и единое экономическое пространство ЕврАЗЭС. – Москва: МГУП, 2007. – 192 с.; Концепция развития национальных экономик государств Центральной Азии в условиях глобализации и регионализации мировой экономики. – Алматы: ИМЭП, 2008. – 108 с.; Центральная Азия: состояние и перспективы регионального взаимодействия. Материалы 6-й Ежегодной Алматинской конференции. – Алматы: КИСИ, 2008. – 260 с.

Феномен «неоимперского» возрождения России непосредственным образом влияет на постсоветское пространство. Москва рассматривала СНГ как сферу своих «особых» интересов, зону своего влияния, что не признавалось (или частично признается) Западом. Однако политика России в отношении СНГ протекает в противоречивых условиях и на фоне серьезных объективных изменений: в ряде республик Содружества произошла насилиственная или при прямом вмешательстве извне смена власти (Грузия, Украина, Киргизия). В других происходит естественный процесс ухода руководителей советского призыва (Азербайджан, Туркменистан). Москва не может не учитывать все эти явления при реализации своей стратегии на постсоветском пространстве.

На долгосрочную перспективу Россия остается для Казахстана фактором, который он не сможет игнорировать и который будет оказывать на него постоянное и многостороннее влияние. Однако, само геополитическое положение России (что верно и для Казахстана) уникально: она уже находится на трех разломах: между радикальным исламом и христианской цивилизацией, между богатыми и бедными, между Европой и Азией.

Доля России в мировом ВВП в 2000 году была равна всего 2,1%, соотношение ВВП России к ВВП всего Западно-Европейского региона составляло в 2003-м 12,5%. В 2015 году доля России в мировом ВВП будет равна почти 3%, а соотношение ВВП России и всей Западной Европы составит порядка 17%. Тем не менее экономически Россия в перспективе неизбежно будет сильным государством, займет по размерам ВВП первое место в Европе и пятое-шестое место в мире.

В экономике современной России преобладают признаки начальных стадий индустриального развития, одну из которых можно охарактеризовать как «ресурсную», а вторую - как «инвестиционную». В ближайшие десять лет, согласно заявлению Президента РФ В. В. Путина, Россия увеличит долю азиатского направления в своем экспорте нефти и газа с нынешних 3 до 30%. Таким образом, Россия ищет возможности для преодоления чрезмерной привязанности своего экспорта к евро-атлантической зоне.

Относительное влияние России в Шанхайской организации сотрудничества меньше, чем, например, в ЕврАзЭС. Но ШОС играет уникальную роль по подключению к диалогу по Центральной Азии Китая, а в перспективе и других крупных региональных игроков. Российская позиция представляется неадекватной и не соответствующей национальным интересам. Китай готов выделить деньги на совместные программы, однако Москва высказывает опасения, что его вклад может оказаться больше российского и это даст ему возможность контролировать Фонд развития ШОС. Сама же Россия вносить деньги отказывается. При этом Москва расходует

многие миллионы долларов на деятельность всевозможных европейских организаций и лишь отчасти пополняет небольшой, четырехмиллионный, бюджет ШОС, который полностью уходит на функционирование структур самой организации.

Экономический рост и возрастающее влияние РФ на мировую экономику своим прямым следствием имеет и рост политического влияния. Этот фактор ощущают на себе страны СНГ и Казахстан.

Россия признает наличие в Евросоюзе энергетических проблем и готова взять на себя свою долю бремени по обеспечению энергетической безопасности «Большой Европы». Она остается крупнейшим поставщиком топлива в ЕС и с 2000 г. ведет с ним энерго-диалог. Однако, российская политика, учитывая стратегическую важность данного рынка, не строится на самопожертвовании, а исходит из pragматических национальных интересов. Как евразийская держава мирового калибра, Россия естественно заинтересована в свободе рук в своей энергетической политике по всем азимутам. Поэтому на повестку дня встает вопрос о коррекции сложившейся асимметрии ее энергоэкспорта в пользу восточного и южного направлений.

Новый курс Кремля проявляется в намерении вернуть России позиции великой державы в соседних регионах. В последнее время Москва демонстрирует готовность использовать свои ресурсно-стратегические преимущества (в частности, «нефтегазовое оружие») для реструктуризации своего окружения. Некоторые наблюдатели рассматривают эти шаги в русле строительства «либеральной энергетической империи», даже введен в оборот новый термин – «мировая держава второго ранга».

Для Москвы постсоветское пространство в целом и СНГ, в частности, остаются ареной соперничества, конкуренции и даже борьбы с другими geopolитическими акторами (США, ЕС, КНР, Ираном, Турцией, арабским миром) в условиях углубления глобализации. Россия намерена оставаться сильным государством в пределах своего естественного ареала - Евразийского пространства. Здесь открываются выгодные возможности для geopolитического противостояния давлению Запада путем «перезагрузки» его союзов и институтов.

Россия вернулась в клуб великих держав во многом благодаря своим энергетическим ресурсам. Несмотря на спорадически возникающие проблемы и противоречия с Западом, Россия по центральным вопросам налаживает сотрудничество в сфере безопасности с США, НАТО и ЕС. Это стало возможным благодаря пониманию общности угроз всем заинтересованным сторонам.

В современных условиях для Соединенных Штатов Россия выступает в качестве скорее тактического, чем стратегического партнера, и в этом

отдают отчет в Москве. Цементирующей основой альянса между Россией и США очевидным образом выступает борьба с терроризмом. Но для Соединенных Штатов, Россия не выглядит даже тактическим союзником.*

* См.: Внешняя политика России: от Ельцина к Путину. Пер. с нем. Составители: С. Кройберг, Грабовски С., Унзер Ю. – Киев: Оптима, 2002. – 304 с.; Адомайт Х. Возвращение России на международную арену // Internationale Politik (Berlin, русская версия). 2006. № 4. С. 3-10; Выборнов В.Я. Развитие, угрозы, безопасность в XXI в. и Россия. – Москва: ИВ РАН, 2007. – 285 с.; Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка). – Москва: Экономика, 2007. – 751 с.; Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. – Москва: РОССПЭН, 2006. – 440 с.; Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения безопасности России. – Москва: РАГС, 2008. – 224 с.; Гомар Т. Россия одна навсегда? // Россия в глобальной политике (Москва). 2008. Т. 6. № 5.; Золотарёв П. Цели и приоритеты внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2007. Т.5. № 2. С. 76-87; Корзун В.А. Интересы России в Мировом Океане в новых геополитических условиях. – Москва: РАН, ИМЭМО, Наука, 2005. – 522 с.; Косолапов Н. Формирование глобального миропорядка и Россия // Мировая экономика и международные отношения (Москва). 2004. № 11. С. 3-14.; Лозанский Э.Д. Россия между Америкой и Китаем. – Москва: Международные отношения, 2007. – 288 с.; Медведев Д. Национальные приоритеты. – Москва: Европа, 2008. – 504 с.; Морозов С. Дипломатия В.В. Путина. Внешняя политика России. 1999-2004 гг. – Санкт-Петербург: ИД «Измайловский», 2004. – 256 с.; Олкотт М.Б. Владимир Путин и нефтяная политика России. - М: Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. Вып. 1 – 2005; Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. – Москва: русский мир, 2005. – с 430 с.; Петровский В. От империи - к открытому миру. О внешней политике России переходного периода. – Москва: РОССПЭН, 2007. - 208 с.; Примаков Е.М. Россия возвращается к положению великой державы // Международная жизнь (Москва). 2007. № 1-2. С.32-42; Примаков Е.М. Восстановление России в качестве державы мирового класса // Международная жизнь (Москва). 2008. № 1-2. С.48-51; Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России. 1648-2005. – Москва: Аспект пресс. 2006. – 399 с.; Россия и Азия: проблемы взаимодействия. Под ред. Кокарева К.А. – Москва: РИСИ, 2006. – 438 с.; Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить. Под ред. С.Караганова. – Москва: АСТ, 2008. - 448 с.; Россия и мир в начале XXI века: новые вызовы и новые возможности. Отв. ред. Н.А.Симония и др. – Москва: Наука, 2007. – 297 с.; Россия между Западом и Востоком: мосты в будущее. Отв. ред. РАН Н.П. Шмелев. – Москва: МО, 2003. – 512 с.; Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава. – Москва: Алгоритм, 2006. – 272 с.; Стратегический ответ России на вызовы нового века. Под общ. ред. Л.И. Абалкина. – Москва: Экзамен, 2004. – 608 с.; Якунин В.И. Геополитические вызовы России. Современное транспортное измерение. – Москва: Ленанд, 2007. – 81 с.; Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация. Отв. ред. И.С.Семененко. – Москва: ИМЭМО, 2008. – 152 с.; Россия в многообразии цивилизаций. Ч.И-ИI. Под ред. Н.П.Шмелева, Т.Т.Тимофеева, В.П.Федородова. – Москва: ИЕ РАН, 2007; Шолл-Латтур П. Россия Путина: эффект сжатия. Империя под прессингом НАТО, Китая и ислама. Пер. с нем. С.Уткина. – Москва, 2007; Rumer E. Russian Foreign Policy beyond Putin. – London: Routledge, 2007. – 100 р.; Trenin D. The End of Eurasia: Russia on the border between Geopolitics and Globalization. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. – XI+354 pp.

Российско-американские отношения

Фактически, Россия при Ельцине упустила момент, когда она могла бы стать решающим фактором, определяющим развитие ситуации в центральноазиатском регионе. Поэтому ее активность должна была, видимо, охватывать не только страны бывшего постсоветского пространства, но и их внешнее окружение. Наиболее опасным было бы распространение на этот регион российско-американского противоборства.*

Россия болезненно реагировала на сближение государств региона с США в военно-технической области. Так, в августе 2002 г. было объявлено о намерении Вашингтона поставить Казахстану партию американских военных вертолетов и джипов, что было расценено Москвой не столько как попытку укрепить военные возможности Казахстана, сколько дать толчок военному сотрудничеству с США в ущерб для России.

Россия опасалась также, что стратегия США может иметь двойственный эффект. События 11 сентября 2001 г. стали своего рода катализатором политики США в регионе и помогли Вашингтону подойти к нему вплотную. Стратегия американской администрации, заключающаяся в попытке ослабить влияние России в этом регионе и занять в нем лидирующие позиции силовыми методами, могла оказаться, в конечном счете, «близорукой» и неэффективной.**

* См.: Арон Л. США и Россия: отношения сквозь призму идеологий // Россия в глобальной политике (Москва). 2006. № 3. Т. 4. С. 44-61. Давыдов А. Россия – США: экономическое сотрудничество против “холодной войны” // Internationale Politik (Berlin, русская версия). 2003. № 2. С. 21-28. Зонн И., Жильцов С. Россия и США в Центральной Азии и на Кавказе: поиск региональной стабильности // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 1. С. 127-136. Иниотин И. Российская стратегия в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 2. С. 30-39. Капустина Е.Б. Эволюция американской концепции партнерства с Россией в 1990-е годы // США - Канада (Москва). 2004. № 9. С. 81-96. Лаумулин М.Т. Столкновение интересов и стратегия России и США на современном этапе: ситуация в мире и в Центральной Азии // Analytic (Алматы). 2003. № 4. С. 3-8. Легвold Р. Современные отношения между США, Россией и Китаем и выводы по Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЕР). 2005. № 2. С. 15-21. Легвold Р. Между партнерством и разладом (Россия и США) // Россия в глобальной политике (Москва). 2006. № 5. Т. 4. С. 141-152.

** См.: Маргелов В., Кривохиха В. Россия и США: некоторые ориентиры отношений // Международная жизнь (Москва). 2005. № 7-8. С. 110-129. Маргелов М. Россия и США. К вопросу о приоритете отношений // Международная жизнь (Москва). 2005. № 12. С. 41-53. Маргелов М. Россия – мост между Западом и Востоком // Международная жизнь (Москва). 2006. № 12. С. 32-39. Озюбищев С. Россия – США: невыполненная повестка дня // Мировая экономика и международные отношения (Москва). 2005. № 1. С. 34-45. Пластун В. Политика России и США в Центральной

В стратегическом, и тактическом плане для России было полезным наладить сотрудничество двух стран в рамках решения проблем региона. Во всяком случае, с некоторого времени ни Соединенные Штаты не могут игнорировать фактор России в регионе, ни Москва не может не учитывать американское присутствие в нем.

В Вашингтоне стремились к тому, что Россия должна согласиться, что борьба с терроризмом является самой приоритетной проблемой для обеих стран, и в этой борьбе главная задача будет заключаться в том, чтобы не допустить попадания оружия массового поражения в руки террористов. Хотя эта проблема международная, но, тем не менее, лидерство в ее решении могли взять на себя Россия и США. Москве и Вашингтону необходимо было разработать план совместных действий для развития сотрудничества в правоохранительной деятельности, обмене разведданными, в здравоохранении и, главное, в предотвращении попадания биологического и ядерного оружия в руки террористов. Это сотрудничество должно базироваться на понимании того, что терроризм является главной угрозой и для России, и для США, и что обе страны имеют больше шансов на успех в борьбе против терроризма, если она будет вестись сообща.

США подталкивали Россию к пониманию необходимости (помимо расширения взаимодействия с НАТО) всячески способствовать созданию нового союза безопасности, который был бы нацелен на противодействие новым угрозам. Он мог бы быть создан между Россией и членами НАТО, или в рамках «Большой Восьмерки» с привлечением в последующем таких важных стран, как Китай, Индия, и других, для противодействия новым и более опасным угрозам: глубочайшая дестабилизация ситуации в Южной Азии или на Ближнем Востоке.

В условиях после заключения в мае 2002 г. российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов, касающегося стратегических ядерных сил обоих государств, наращивание Соединенными Штатами мощного неядерного потенциала могло предположительно составить угрозу для российских стратегических сил сдерживания, в том числе ядерных. Как представляется, такое положение дел могло теоретически дестабилизиро-

---

Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 1. С. 143-148. Подлесный П.Т., Сыромятов А.В. Мир, США и Россия в начале XXI столетия: сценарии мирового развития // США - Канада (Москва). 2006. № 7. С. 93-107. Трофимов Д. Россия и США в Центральной Азии: проблемы, перспективы, интересы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 1. С. 82-94. Шаклеина Т.А. От иллюзии партнерства к реальности взаимодействия в российско-американских отношениях // США - Канада (Москва). 2004. № 12. С. 3-16. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике // США - Канада (Москва). 2006. № 9. С. 3-18.

вать обстановку в мире. Исходя из этого, политика России в области контроля над вооружениями стала строиться на том, чтобы не допустить значительного дисбаланса в стратегических вооружениях с США.

Тем самым Россия, чтобы сохранить свой статус крупной военной державы и поддерживать стратегический паритет в ключевых областях, должна была развивать на Севере и Дальнем Востоке подводный флот, который в будущем должен стать одним из элементов противоспутниковой и противокосмической обороны; а на Балтике, Черном и Каспийском морях развивать легкие корабельные силы с современным ракетно-артиллерийским и противоминным вооружением.

Ряд российских экспертов считал, что резкое ужесточение позиции Конгресса в отношении режимов Центральной Азии и даже американское военное проникновение в регион соответствовало национальным интересам России. Эти круги надеялись на то, американцы якобы не собираются «выталкивать» Россию из региона, что в Вашингтоне понимают, что демократизирующаяся Россия способна сыграть в данном регионе заметную стабилизирующую роль. Но США были бы согласны с такой ролью России только при условии, если она не будет стремиться к установлению прежней гегемонии, и не будет препятствовать американскому проникновению в регион. Следует отметить, что Россия также является наряду с другими постсоветскими государствами объектом американской критики с точки зрения проблемы соблюдения прав человека.

Белый дом обвинял Москву в том, что власти допустили манипуляции с подсчетом голосов на октябрьских 2003 г. президентских выборах в Чечне и проведенных в декабре парламентских выборах; что ни те, ни другие не соответствовали международным стандартам. В своей оценке парламентских выборов миссия наблюдателей ОБСЕ и Белый дом поддержали в феврале 2004 г. эти оценки, подвергнув критике широкое использование государственного аппарата и фаворитизм в средствах массовой информации, которые привели к искажениям в предвыборной кампании. Россия обвиняется Западом в том, что российские власти продолжали оказывать давление на средства массовой информации, в результате чего была ликвидирована последняя крупная негосударственная телекомпания; в том, что уголовное преследование и угрозы уголовного преследования против крупных финансовых сторонников оппозиционных партий и независимых неправительственных организаций лишили эти партии возможности соперничать на выборах, ослабили гражданское общество и подняли вопросы о соблюдении законности в России.

Запад выдвигал Москве также претензии в том, что ряд дел о «предполагаемом шпионаже» вызывает у него озабоченность в отношении власти закона и влияния ФСБ. Но основной повод для критики российской политики – конфликт в Чечне.

Российское руководство во главе с В.Путиным исходило из того соображения, что в настоящее время реальной угрозы со стороны Запада нет. Таким образом, с учетом ослабления позиций России в мире, ей крайне выгоден альянс с Западом. Таким образом, у России не остается выхода, кроме как действовать коллегиально, т.е. координировать свои шаги с Вашингтоном (как это, по-видимому, имело место в случае с Грузией). Ситуация могла измениться только тогда, когда экономический подъем России возвратит ей статус одного из центров силы на мировой арене. Это создаст все основания для более равноправных партнерских отношений между Соединенными Штатами и Россией. В 1997 году был создан Совместный постоянный совет Россия-НАТО. Для постоянных консультаций с Россией 28 мая 2002 года в Италии был создан специальный Совет Россия-НАТО. Несмотря на созданные институты взаимодействия, расширение альянса вызывает тревогу у России.

Официальная Москва указывала, что с очередным расширением НАТО начинает оперировать в зоне жизненно важных интересов России. Нынешнее расширение НАТО порождает совершенно иную geopolитическую обстановку, причем исключительно неблагоприятную, нанесет удар по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Уже сейчас военная активность альянса на новых территориях становится все очевидней: полеты самолетов-разведчиков системы АВАКС, установка мощных РЛС у границ с Россией во всех трех балтийских странах, постоянные учения американских и натовских военных на их территории. Появились сообщения о разработке военными экспертами альянса «промежуточной задачи» охраны воздушного пространства вступающих в НАТО трех прибалтийских государств. После саммита в Стамбуле в июне 2004 г. и окончательной интеграции Латвии, Литвы и Эстонии в военные структуры альянса это должно было приобрести постоянный характер.

В этой связи понятна озабоченность Москвы относительно действия на страны Балтии нынешнего основополагающего документа в сфере контроля над обычными вооружениями - адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Балтийские республики к документу не присоединились, равно как его не ратифицировали и сами страны-члены НАТО, а это означает, что территория стран Балтии под качественные и количественные ограничения на вооружения и военную технику формально не подпадает.

Примером успешного сотрудничества РФ и США стало Соглашение об ограничении распространения переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК), подписанное в Братиславе министром обороны РФ С. Ивановым и государственным секретарем США К. Райс в ходе встречи президентов Путина и Буша в феврале 2005 г. Данный вид вооружений эффективно использовался

партизанами против американских войск в Афганистане и Ираке, а до этого применялся против советской/российской авиации в Афганистане и Чечне.

Официальная позиция России к расширению НАТО определяется как сдержанно-негативная. Главная озабоченность состоит в том, что территория стран Балтии стала территорией Северо-Атлантического союза и, таким образом, инфраструктура военного блока вышла на российские границы с охватом жизненно важных для России и Белоруссии районов, обеспечила оперативный простор ОВМС НАТО для действий на всей акватории Балтийского моря. Использование территории и объектов военной инфраструктуры стран Балтии позволит ОВС блока сократить сроки развертывания передовых группировок в непосредственной близости от западных границ России.

Но в отношениях между Россией и НАТО помимо военно-тактических и военно-стратегических параметров недоверия существует и политическая составляющая. В современных условиях для Соединенных Штатов Россия выступает в качестве скорее тактического, чем стратегического партнера. Цементирующей основой альянса между Россией и США очевидным образом выступает борьба с терроризмом. Но при этом для европейских членов НАТО, в отличие от Соединенных Штатов, Россия не выглядит даже тактическим союзником.

Как считают российские эксперты, события вокруг войны в Ираке показали, что конфигурации внутри НАТО могут меняться, причем очень быстро. Для России важно трезво оценивать различия подходов Соединенных Штатов и прежних европейских членов альянса, фиксировать и pragmatically использовать возникающие внутри блока противоречия и трения. В этой ситуации ставка должна делаться на укрепление дружеских двусторонних отношений России с Германией, Францией и Италией в расчете на то, что эти страны, также действуя в рамках консенсусного принципа и обладая гораздо большим авторитетом, чем новые участники альянса, смогут блокировать потенциальные инициативы восточноевропейских стран, способные привести к ухудшению отношений с Россией.

В целом, Россия уже выработала стратегию своих отношений с Западом: в ближайшем будущем Россия не будет стремиться вступать в НАТО или становиться младшим союзником США. Вместо этого Москва, вероятно, будет выстраивать партнерство в области безопасности с США, НАТО и Евросоюзом, одновременно укрепляя связи в этой области со странами СНГ и поддерживая независимые от Запада отношения с азиатскими гигантами – Китаем и Индией, а также в рамках ШОС. Как считают российские аналитики, это сложная схема, требующая ясного стратегического видения и точного расчета, но в принципе реализуемая. Ими предлагается подход

к НАТО как к «стратегическому тылу» России и в то же время внешнему источнику ее «военной модернизации». Однако, отношения России с Западом, в т.ч. через НАТО, неизбежно выводят российскую внешнюю политику на новый круг проблем: расширяющееся стратегическое сотрудничество с Китаем и присутствие НАТО в Центральной Азии.

Несмотря на очевидное сближение РФ и США после 11 сентября наблюдался разный подход России и США ко многим проблемам мировой политики, а интересы двух государств сталкиваются в различных областях международных отношений. Так, Вашингтон серьезно относился к сотрудничеству с Москвой при условии принятия ею роли младшего партнера. В конце апреля 2003 г. с целью зондажа позиции В.Путина Э.Блэр сделал от имени США и Великобритании недвусмысленное предложение России присоединиться к «однополярной коалиции» в составе США, Европы, России и возможно Японии. Однако для Запада не вызывает сомнений, что Москва должна играть в этой коалиции второстепенную роль, а ведущую – Соединенные Штаты.

Однако в ходе дальнейших российско-американских консультаций в мае 2003 г., Москва в лице министра иностранных дел РФ И.Иванова дала понять, что она остается на позиции многополярности. В то же время, Россия выступила за реформу ООН. При этом Москва настаивает на сохранении многополярного характера этой организации. Это был откровенно антиамериканский демарш, т.к. Иванов подчеркнул, что ни одно государство в мире (т.е. США) не может в одиночку бороться против терроризма и распространения ОМУ.

Одной из важнейших сфер соприкосновения и столкновения интересов и стратегий США и России на международной арене является ООН. Операция США в Ираке поставила фактически под вопрос само существование этой международной организации в традиционной форме. Послевоенный Ирак выступает своего рода полигоном, на котором проверяется новая модель мирового устройства.

В результате активной дипломатии в течение мая 2003 г. ООН была фактически спасена и во многом благодаря компромиссу, достигнутому между Москвой и Вашингтоном. В результате ООН получила в Ираке больше прав, чем ожидалось. Это несомненно можно расценивать как стремление США и Великобритании показать Россию, что она по-прежнему рассматривается как важный стратегический партнер.

От России в Белом доме ждали, что она не будет сопротивляться новому международному праву, создаваемому Соединенными Штатами: роль мирового жандарма для США, право превентивного удара, гуманитарные интервенции, снижение национального суверенитета государств мира. Основной задачей ООН на этом этапе остается участие в достижении компромисса

между стремлением США максимально подчинить себе международную политику и сопротивлением другими державами этому процессу.

НАТО является очень важным инструментом США и своего рода «при-манкой» Вашингтона для России. Существование альянса выполняло две основные функции: обеспечивало влияние США в Европе и давало европейцам возможность влиять на принятие решений Вашингтоном. Война в Ираке показывает, что НАТО во многом утратило эти функции. Однако их сохранение как внешних атрибутов очень важно как для США, так и для Европы с точки зрения их привлекательности для Москвы. Очевидно, что Россия в обозримом будущем не будет допущена к принятию решений альянса. Более того, в последнее время этот механизм заблокирован противоречиями между американцами и европейцами. Однако для Москвы поддерживается иллюзия, что НАТО по-прежнему остается важным элементом трансатлантических отношений, единым инструментом геостратегии и geopolитики Запада.

В целом спектр как российско-американских противоречий, так и взаимных интересов, имел достаточно широкий географический и тематический разброс. При определенных обстоятельствах Центральная Азия могла стать точкой пересечения конфликтных линий во взаимоотношениях двух держав. Но при любом раскладе Центральная Азия как регион столкновения российско-американских противоречий имела конфликтные фланги – Афганистан, Иран, Кавказ и Каспий, где также параллельно и одновременно происходило столкновение интересов Вашингтона и Москвы.

Россия и Европа

Ключевой страной для европейской (в т.ч. энергетической) политики России является ФРГ. Германо-российские отношения воспринимаются большинством немцев как беспроблемные. Президент В. В. Путин продолжает пользоваться в ФРГ популярностью вопреки всем антипутинским кампаниям в германских СМИ. Спорадические попытки Меркель противопоставить хорошие отношения с США добрым отношениям с Россией («Нам нужно меньше Путина и больше Буша») не встречают особого отклика среди избирателей, у которых каждый день перед глазами катастрофические результаты американских действий в Ираке. Экономическое сотрудничество с Россией никем не ставится под вопрос. О продолжении германо-российского стратегического партнерства неоднократно говорила и А.Меркель даже в периоды ухудшения российско-европейских отношений.

Основные цели политики России в отношении ЕС состоят в следующем: сохранение франко-германо-российской «тройки», которая имеет

уникальное значение для Европы; продолжение и усиление энергетической зависимости стран ЕС от России; достижение и сохранение поддержки России со стороны ключевых европейских держав (ФРГ, Франции, Италии и по возможности - Великобритании) как баланс в отношениях РФ с США, восточноевропейскими странами Евросоюза; выработка совместной политики на важных для Москвы направлениях геополитики.

«Тройка» Париж-Берлин-Москва рассматривается в России как первый проект общеевропейского строительства, решающий шаг к преодолению раскола континента. Один из важных элементов сохранения влияния России на немецкую политику и на европейскую энергетическую политику – назначение бывшего канцлера Г.Шредера главой Северо-Европейского трубопровода.

Важнейшие аспекты экономического сотрудничества ЕС и России были рассмотрены в «Российском проекте», подготовленном группой видных экономистов, финансистов и политических деятелей Франции и РФ. По мнению авторов проекта, его первостепенной задачей могло бы стать содействие в реконструкции российской инфраструктуры. Это позволило бы подтянуть их к европейскому уровню и создать условия для формирования единого европейского экономического пространства Россия-Евросоюз. Другое направление – это давно назревшее расширение и улучшение трубопроводной системы.

Как считают российские стратеги, долговременное, рассчитанное на десятилетия, крупномасштабное сотрудничество двух взаимодополняющих экономических комплексов - России и Евросоюза - могло бы заложить основы нового, мощного центра многополюсного мира XXI в. По их мнению, при благоприятном развитии событий этот центр может выйти к середине нынешнего столетия на первое место в мире. Энергетические ресурсы Казахстана, Каспийского региона и Центральной Азии (поставленные под контроль России) рассматриваются в Москве как необходимое и важное дополнение к этой стратегии.

С другой стороны, отношения Европейского Союза с Россией неизбежно отражаются на европейской политике на постсоветском пространстве, отношениях со странами Центральной Азии и Казахстаном. Во всех документах ЕС присутствует мнение о том, что экономические потенциалы и интересы Евросоюза и РФ взаимно дополняют друг друга. Россия представляет для европейских экспортёров товаров и капитала расположенный рядом огромный рынок с большим потенциалом роста прибыли. Союз является главным торговым партнёром России, однако структура торговли несбалансирована: большая ее часть приходится на минеральное топливо, которое составляет основу импорта Евросоюза из РФ.

Неблагоприятным фактором считается устойчивая зависимость ЕС от поставок российских энергоносителей. Признается необходимость реструктуризации и улучшения конкурентоспособности российской промышленности, а также снятия ограничений доступа для экономических агентов ЕС на российский рынок. Увеличение экспорта европейских товаров и рост европейского инвестирования в экономику России обусловлены определенными усилиями с ее стороны, а именно - созданием рыночных условий, улучшением инвестиционного климата и достижением устойчивого экономического роста.

Евросоюз намерен также поддерживать и интенсифицировать политический диалог с Россией и содействовать ее вовлечению в сферу деятельности международных организаций и структур - таких, как Совет Европы, ОБСЕ, «Большая Восьмерка» и ВТО. В то же время для ЕС желательно участие России в инициированных им гуманитарных акциях, операциях по поддержанию мира, миростроительству и разминированию в конфликтных регионах (в рамках европейской политики безопасности и обороны).

Учитываются также «мягкие» угрозы безопасности для ЕС, исходящие из России. При оценке положения дел в России усматривается существование в России опасных для Евросоюза явлений (называемых «мягкими» угрозами безопасности), которые требуют к себе постоянного внимания. К «мягким» угрозам относятся: недостаточная безопасность ядерных объектов; организованная преступность, включая незаконный оборот наркотиков; незаконная иммиграция в ЕС из России; торговля людьми; «отмывание» денег; распространение болезней, а также загрязнение окружающей среды (особенно Балтийского моря). Обеспокоенность Европейского Союза вызывают негативные социальные показатели и демографические тенденции в России - сохраняется и даже усиливается неравенство групп населения, регионов.

Главной формально-юридической проблемой между Россией и Европейским союзом к концу путинского правления в 2008 г. являлось продление Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) - международно-правового документа, определяющего основы их отношений. В конце 2007 года срок действия СПС истек. Россия выступала за то, чтобы речь шла о договоре. В иерархии международно-правовых документов «договор» стоит выше «соглашения», и Москва считала, что заключение более весомого по статусу документа само по себе будет отражать приоритетное, стратегическое значение, которое стороны придают друг другу. Брюссель же исходил из того, что в нормотворческой практике Европейского союза сложилась традиция заключать договоры только между самими странами-членами. Москва видела будущий базовый документ предельно кратким и рамочным.

Брюссель категорически не желал отказываться от тактики увязок, уже неоднократно приносившей ему дивиденды. Соглашаясь на словах с иде-

ей подписания рамочного документа, евробюрократы начали добиваться включения в главный документ основных требований, предъявляемых Европейским союзом России. Такую тактику европейские чиновники успешно применяли в отношении Китая, Туркмении, Казахстана, Азербайджана, государств Ближнего Востока и Северной Африки.

Следует отметить также, что идейный вакуум, который наблюдался в Москве и Брюсселе в плане стратегии развития отношений друг с другом возник вследствие идеи о формировании четырех «общих пространств», которая была предложена Францией, подхвачена и извергнута Еврокомиссией и закончилась принятием малопонятных по статусу совместных «планов действий». Они представляли собой хаотичный набор деклараций, благих пожеланий и мелких «домашних заданий», обращенных в основном к России. Тем не менее, не следует переоценивать кризис отношений между РФ и ЕС. Экономическое сотрудничество между Россией и ЕС шло по нарастающей: больше половины российского товарооборота приходится на Евросоюз, причем он растет на 15-20% в год.

Однако, инициатива в конфликте 2007 г. исходила со стороны России. Именно Москва запретила ввоз польского мяса, перестала поставлять нефть в Литву и сознательно пошла на обострение, точно рассчитав, что ее конфликт с Восточной Европой вызовет реакцию в Западной Европе, которая перерастет на остальной Евросоюз. Следует помнить, что В.Путин всегда нормально сотрудничал с Западом – на равных и по-деловому. Но в 2007 г. произошел отход от бесконфликтного существования. При этом уже несколько лет назад Москва в своем общении с Евросоюзом стала делать упор на двусторонние контакты.*

---

* См.: Арбатова Н. Россия-ЕС после 2007 года: российские внутриполитические дебаты. (RNV № 20). – Paris: IFRI, 2007. – 25 р.; Гомар Т. Евросоюз и Россия: в поисках равновесия между geopolитикой и регионализмом. – Paris: IFRI, 2006. – 22 р.; Данилов Д. Общее пространство внешней безопасности России и ЕС: амбиции и реальность // Мировая экономика и международные отношения (Москва). 2005. № 2. С. 35-48; Караганов С. Европейская стратегия России: новый старт. Ситуационный анализ под руководством Караганова С. // Россия в глобальной политике (Москва). 2005. № 2. Т. 3. С. 172-185; Лизачев В. Россия и Европейский Союз // Международная жизнь. 2006. № 1-2. С. 66-82; Арбатова Н. Общее политическое пространство безопасности между Россией и ЕС: императивы и препятствия // Индекс безопасности (Москва). 2008. № 3. С. 63-76; Расширение Европейского Союза и Россия. Под ред. О.В.Буториной, Ю.А.Борко. – Москва: Деловая Россия, 2006. – 568 с.; Энгин М.Л. В поисках партнерских отношений. Россия и Европейский Союз в 2004-2005 годах. – Санкт-Петербург: Россия-Нева, 2006. – 576 с.; Бордачев Т.В. Пределы европеизации. Россия и Европейский Союз в 1991-2007 гг.: теория и практика отношений. – Москва: ГУ ВШЭ, 2008; Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века Часть I-III. Доклады ИЕ РАН № 180-182. – Москва: ИЕ РАН, 2006. – 157 с; 78 с.; 113 с.

Россия и Китай

В новом столетии Китай приобрел для России критически важное геополитическое значение. Масштаб сотрудничества между Москвой и Пекином достиг беспрецедентного уровня в 2005 г. Россия и Китай провели ряд совместных крупномасштабных военно-тактических и военно-стратегических учений; приняли Совместную декларацию о международном порядке в XXI веке и в рамках ШОС предприняли беспрецедентный совместный демарш против присутствия США в Центральной Азии.*

Россия в своей китайской политике стремится: перевести торговые отношения из бартерной плоскости в валютно-финансовую, привлечь китайские инвестиции в освоение ресурсов Дальнего Востока и Сибири, минимизировать риск демографической экспансии, получить гарантии для совместных энергетических и трубопроводных проектов, сохранить Китай как важный рынок для экспорта вооружений, на равных с Пекином участвовать в решении политических проблем в Северо-восточной Азии, не допустить доминирования КНР в ШОС и в Центральной Азии, использовать Пекин в качестве противовеса Соединенным Штатам.**

Основной проблемой, осложняющей российско-китайские отношения на нынешнем этапе, является трубопровод Ангарск - Дацин. Серьезный конфликтный потенциал содержится на российском Дальнем Востоке. Разительный контраст между численностью населения восточных регионов России и Северо-Восточного Китая потенциально может превратить демографический фактор в серьезную проблему во взаимоотношениях двух стран.*** Население российского Приморья не только сокращается, но и замещается на аполитичных мигрантов, идет повальная деквалификация местных кадров, а своя администрация в немалой степени коррумпирована китайскими деньгами.

Российские власти пока настроены категорически против сдачи в аренду Китаю приморских портов и пытаются сыграть на противоречиях между зарубежными инвесторами – КНР и Японией. Власти китайских северо-восточных провинций будут предпринимать новые попытки получить выход к Японскому морю, поскольку это является жизненной необходимостью для дальнейшего экономического развития всего китайского северо-востока.

---

* См. Лаумулин М.Т., Сыроежкин К.Л. Внешняя политика КНР на современном этапе: реалии и амбиции // Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы. – Алматы: КИСИ, 2005. С. 8-72.

** Merry E.W. Russia and China in Asia: Changing Great Power Roles. – Washington, DC: American Foreign Policy Council, 2002. – IX+61 pp.

*** Дагбайн Б. Россия - Китай: демографическая проблема может стать политической //Азия и Африка. 2004. №11. С.33.

Визит В.Путина в КНР в октябре 2004 г. должен был устраниć негативные тенденции в развитии двусторонних отношений. В результате Москва пошла на беспрецедентные территориальные уступки, которые должны были продемонстрировать лояльность России и ее стремление сохранять дружеские отношения с Пекином.

Так, В.Путин и Ху Цзинъао подписали несколько деклараций и соглашений. Тем не менее, Путин старательно уклонялся от вопроса о строительстве новых трубопроводов для поставки в Китай нефти и газа из Сибири. Москва предпочитает сначала направить сибирскую нефть в порт на российском Дальнем Востоке. «Газпром» подписал соглашение с Китайской национальной нефтяной корпорацией, но только об изучении общих возможностей поставок российского газа для удовлетворения китайских нужд, а не о конкретном проекте. Как считают специалисты, этот отказ мог быть вызван давлением со стороны США.

Со своей стороны, Китай гарантировал России поддержку при вступлении в ВТО. В качестве компенсации Пекин будет добиваться от Москвы разрешения на экспорт рабочей силы. Но проблемы в торгово-экономических отношениях между РФ и КНР нарастают. В ближайшие 5 лет товарооборот между Россией и Китаем может возрасти до 60 миллиардов долларов в год. ГТК России предусмотрено значительное повышение таможенных пошлин на товары из Китая (не менее 3,5 доллара за вес 1 кг.). Это приведет к повышению розничных цен на китайские товары на 50%. Портфель заказов до 2010 года на поставку в Китай российских вооружений и военной техники превысил 6 млрд. долларов при объеме всего портфеля заказов в 15 млрд. долларов. Однако, Москва начинает опасаться чрезмерного вооружения Китая. Существует информация, что эти настроения у В. Путина активно подогреваются из Вашингтона.

В Министерстве обороны Российской Федерации считают, что «в случае дальнейшего укрепления политического и военно-политического потенциала ШОС сформируется зона мира и стабильности на юго-восточном и дальневосточном направлениях, исключающая возникновение крупномасштабной военной угрозы». В настоящее время между Генеральными штабами Вооруженных Сил России и Народно-освободительной армии Китая (НОАК) установлены прямые контакты. Ежегодно проводятся штабные переговоры. Ведется диалог с китайскими партнерами по вопросам стратегической стабильности и контроля над вооружениями. В полной мере это касается и военно-технического сотрудничества.

Летом 2005 г. состоялись беспрецедентные российско-китайские военные учения «Мирная миссия-2005», которые показали, что это больше, чем просто маневры. Фактически, это шаг к построению новой системы

обеспечения безопасности в Азии, центральным элементом которой должна стать Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Состоявшаяся российско-китайская демонстрация военно-политических возможностей несла в себе еще одно весьма важное сообщение: по определенным направлениям Россия готова работать в паре с Китаем, выполняя роль ведомого.

Как известно, в 2004 году политика Китая изменилась. Председатель Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что практика поставок готовой военной техники из России себя исчерпала, пришло время искать новые формы взаимодействия. А министр обороны КНР Цао Ганчуань предложил снять все ограничения на поставку российской военной техники в Китай и обеспечить доступ китайских специалистов к секретным ноу-хай российского ВПК. Российское Минобороны предложение китайцев фактически проигнорировало, в результате чего военно-техническое сотрудничество с КНР практически полностью прекратилось.

Главная проблема заключается в том, что Россия и Китай еще не освободились от попыток извлечь выгоду из противоречий, которые другая сторона имеет с США.* Пока Москве и Пекину не удается выстроить новые российско-китайские отношения в контексте улучшения отношений обеих сторон – и РФ, и КНР – с США. Более того, сближение России и США создало трения в отношениях России с Китаем по целому ряду вопросов.

Это такие проблемы как российско-американские договоренности по вопросам стратегической стабильности, а также предложения Москвы НАТО по созданию совместной ПРО ТВД в Европе и других регионах; расширение НАТО и новый формат сотрудничества Россия – НАТО; экономические и энергетические вопросы. К проблемам второго ряда можно отнести присутствие китайских нелегальных иммигрантов в России, недовольство российских военных соглашениями по поводу отвода войск от границы, объективное соперничество за первенство в региональных организациях и др.

В то же время сохраняется взаимная заинтересованность РФ и КНР в сотрудничестве в Центральной Азии. Эта заинтересованность балансирует на грани взаимного антиамериканизма, и поэтому крайне хрупка.** В перспективе, Россия не будет приветствовать реальное усиление геополитического, военно-стратегического и даже экономического влияния КНР в регионе. Однако, в Москве по-видимому начинают испытывать беспо-

---

* See: Carpenter T.G. Managing the US-China-Russia Triangle //Heartland. 2002. No2, pp.141-148.

** Garnett Sh. (ed.) Rapprochement or Rivalry? Russia-China Relations in a Changing Asia. – Washington: The Carnegie Endowment for International Peace, 2000.

костью относительно усиления влияния КНР (в т.ч. в Центральной Азии) и растущей зависимости от Китая. Попытки Пекина превратить ШОС из политической организации в экономический союз (под эгидой Китая) не встретили понимания в Москве.

Российско-китайская повестка на ближайшие годы была озвучена во время официального визита в Российскую Федерацию Председателя КНР Ху Цзиньтао 30 июня - 3 июля 2005 г.) в Совместной декларации о международном порядке в XXI веке. В этом документе Россия и Китай продемонстрировали совпадение основополагающих взглядов на ключевые вопросы современного мироустройства, общее видение перспектив развития человечества. Москва и Пекин подтвердили свою приверженность формированию нового справедливого и рационального миропорядка, основанного на примате международного права, многосторонних подходах, равенстве и взаимном уважении, повышении роли ООН в мировой политике.

Таким образом, Россия имеет с КНР совпадающие либо близкие позиции практически по всем острым вопросам международной обстановки. Мощным сближающим стороны фактором остается прагматическое стремление защитить национальные экономические, политические и военные интересы против любой внешней силы, будь то какое-либо государство, группа государств, международные и транснациональные организации. Параллелизм стремлений позволяет России и Китаю гибко координировать свои действия на международной арене, не боясь на себя жестких союзнических обязательств, не втягиваясь в системный антагонизм и конфронтацию с другими глобальными центрами силы. Совпадение интересов позволяет решать проблемы политическими средствами, добиваясь отказа от диктата с позиции силы. С согласованным мнением России и Китая не может не считаться ни один актор международных отношений.*

---

* См.: Кашин В. Российско-китайские отношения в 2005 г. // Проблемы Дальнего Востока (Москва). 2006. № 3. С. 71-73. Киндалов В., Лиманов О. Россия и Китай в Центральной Азии: изменяющаяся геополитическая ситуация // Центральная Азия и Кавказ (Лулес, Швеция). 2003. № 3. С. 83-89. Клименко А. Стратегическое партнерство между Россией и Китаем в Центральной Азии и некоторые пути совершенствования региональной системы безопасности // Проблемы Дальнего Востока (Москва). 2005. № 2. С. 6-23. Комиссина И., Куртов А. Россия – Китай – страны Центральной Азии: к новому качеству международных связей // Центральная Азия и Кавказ (Лулес, Швеция). 2004. № 2. С. 175-182. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай-Россия 2050: стратегия соразвития. – Москва: ИЭС, 2006. – 656 с. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). – Москва, 2005. Лузянин С. Российско-китайское взаимодействие в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения (Москва). 2005. № 5. С. 61-71. Лю Цайци. Китайско-российские отношения в новой геополитической ситуации. 1991-2003 гг. Политико-дипломатические аспекты. – Москва: ИДВ РАН, 2004. – 220 с.

В целом, Россия начинает понимать, что ей угрожает превращение в младшего партнера Китая. Следовательно, Москва должна предпринять ряд шагов в военной области (ограничение продажи новейших технологий), лимитирование экономического сотрудничества с Китаем (прежде всего на региональном уровне) и демографического проникновения; усиление своего влияния (в противовес Китаю) в Центральной Азии и ШОС.

В российско-китайских отношениях сохраняют остаточное влияние три негативные проблемы, которые отрицательно сказываются на их партнерстве: 1) вопрос о «китайской экспансии» в России и его интерпретации; 2) гипотеза об угрозе превращения РФ в «сырьевой придаток» Китая; 3) неурегулированные (спорные) участки границы. Нельзя не принимать во внимание и то, что интересы России и Китая в регионе не во всем совпадают, а мотивация к сотрудничеству имеет свои нюансы. По мнению некоторых китайских аналитиков, стратегическое партнерство между двумя странами инициировано рядом внешних вызовов, затрагивающих общие интересы безопасности, и соответственно стремлением сообща противостоять им.

Еще один блок противоречий двух стран связан непосредственно с Центральноазиатским регионом. Россия считает свое присутствие в нем обоснованным историческими связями российских народов с народами бывших республик СССР по праву их длительного даже по историческим меркам совместного проживания. Наличие экономических, военных, гуманитарных и иных связей лишь усиливает этот аргумент. Китай относится к этому с пониманием, однако в Пекине полагают, что тот, кто вкладывает больше средств в освоение и развитие региона, имеет соответствующие права на влияние в нем.*

Несмотря на все это, ответственные российские аналитики понимают, что дружественные отношения с Китаем имеют исключительно важное

* См.: Лю Цинцай. Современная внешняя политика Китая и китайско-российские отношения // Проблемы Дальнего Востока, 2004. № 5. С. 54-59. Михеев В. Внешняя политика Китая и современные вызовы для российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 12. С. 16-30. Михеев В. Российско-китайские отношения: успехи и новые вызовы России // Азия и Африка (Москва). 2005. № 1. С. 2-6. Рогачев И.А. Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. – Москва: ИДВ РАН, Известия, 2005. - 280 с. Российско-китайские отношения: состояние, перспективы. (М.В. Александрова и др.). – Москва: ИДВ РАН, 2005. – 412 с. Файзуллаев Д. Россия и geopolитическая перегруппировка сил в Центральной Азии // Азия и Африка (Москва). 2006. № 3. С. 10-15. Цинцай Лю. Современная внешняя политика Китая и китайско-российские отношения // Проблемы Дальнего Востока (Москва). 2004. № 5. С. 54-60. Шлындев А. О некоторых аспектах российско-китайского взаимодействия на международной арене (часть первая) // Проблемы Дальнего Востока (Москва). 2006. № 1. С. 22-33; № 2. С. 22-32.

значение, и настаивают на необходимости постоянно и целенаправленно укреплять партнерство с ним во всех сферах. В целом, большинство специалистов и Китая, и России уверены, что обе страны могут и должны быть вместе. Одно из противоречий в российско-китайских отношениях некоторыми аналитиками усматривается в неприемлемой для России активности КНР по укреплению своего влияния в Центральной Азии. По их мнению, китайское руководство склонно рассматривать ШОС как инструмент укрепления китайской гегемонии в регионе.

Политика России в отношении Афганистана и Южной Азии

После сентябрьских 2001 г. терактов в США перед Россией появилась реальная возможность частично преодолеть противоречия с Америкой, а также падение своего геополитического влияния. Прочное взаимодействие с США и странами Запада в антитеррористической борьбе позволило России перейти с геополитической позиции «факультативного партнера» Запада на роль ключевого союзника в борьбе с терроризмом, а в целом – достичь статуса стратегического партнера. Но все же современное геополитическое положение России можно однозначно оценить как чрезвычайно трудное, а возможности расширения ее геополитического влияния – как чрезвычайно ограниченные.

С одной стороны, американский блицкриг в Афганистане оказался выгоден для России. Проблема Талибана, которая могла иметь совершенно непредсказуемые последствия для южного фланга Российской Федерации, была почти решена. С другой стороны, в результате проведенной США операции в Афганистане Вашингтон получил доступ к ресурсам Центральной Азии и Закавказья, позволяющий ему создать разветвленную транспортно-энергетическую инфраструктуру, связанную, главным образом, с углеводородными ресурсами Каспия, Туркмении и, возможно, Узбекистана, оттеснив таким образом Россию на задний план.

Россия вела в отношении Афганистана крайне сдержанную и осторожную политику. Это касается в первую очередь регулярных предложений со стороны Запада и представителей Северного альянса присоединиться к международным коалиционным силам, на которые Москва отвечает категорическим отказом.

Запущенной остается проблема экономической помощи Афганистану со стороны России. Москва настаивала на том, что прежде чем выделять деньги на помощь афганцам, они должны признать наличие долга перед Россией. Законодательство РФ не позволяет оказывать финансовую помощь тем государствам, которые не признают свои долги перед Россией.

В реальности Россия не собирается требовать этот долг у афганцев, но настаивает на его официальном признании. Это даст России возможность предъявить определенные претензии Парижскому клубу и после их обсуждения открыть российскую линию для афганской стороны.

Российская помощь Афганистану свелась к военным поставкам режиму Х.Карзая: на 28 млн. долл. - в 2002 г., на 50 млн. - в 2003 г. и более чем на 70 млн. - в 2004 г. Такие поставки Национальной армии Афганистана необходимы сейчас, как признают обе стороны. Афганский вопрос для России на этом этапе был актуален по нескольким параметрам. Россия была заинтересована в первую очередь в стабилизации этой страны, получении гарантий, что из Афганистана не будет более исходить угроза терроризма, в блокировании потока наркотиков и поддержке своего военно-политического клиента – Северного альянса. В той или иной мере аналогичные интересы в Афганистане имели государства Центральной Азии. В целом российские интересы в Афганистане можно было разделить на политические, военно-стратегические и экономические.*

Ситуация в экономике Афганистана, несмотря на потерю темпа российскими организациями и согласованную активность Запада, уже закрепившегося здесь на многих ключевых позициях, оставляет, как считали в Москве, нишу и для успешной деятельности российских предпринимателей. Для России наиболее важным представляется военно-техническое сотрудничество, которое носит не экономический, а политический и военно-стратегический характер. Россия выразила готовность оказать помощь в воссоздании афганской армии, которая смогла бы контролировать ситуацию и поддерживать порядок в стране.

Россия выступает за скорейшее создание новых афганских вооруженных сил, которые были бы способны взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение национальной безопасности страны. Она активно подключилась к этому процессу и в течение 2003 года безвозмездно предоставила Афганистану военное имущество и услуги. Другие силовые ведомства России также оказывают определенную техническую, методологическую и образовательную поддержку становлению правоохранительных органов и спецслужб Афганистана.

Позиция Москвы по афганской проблеме была еще раз подтверждена на неформальной встрече министров обороны РФ и НАТО в румынском городе Пояно-Брашов в декабре 2004 г. Министр обороны РФ Сергей

---

* См.: Коргун В. Россия и Афганистан // Internationale Politik (Berlin, русская версия). 2002. № 3. С. 76-85; Коргун В. Россия – Афганистан: на пути к восстановлению сотрудничества // Азия и Африка (Москва). 2006. № 8. С. 59-60.

Иванов заявил, что хотя российские военнослужащие не участвовали в антитеррористической операции в Афганистане, но в то же время ежегодно безвозмездная материально-техническая помощь со стороны РФ афганской армии эквивалентна 100 млн. долл. Министр подчеркнул, что при этом Россия не будет поставлять в Афганистан военную технику.

В результате Россия сделала шаг навстречу европейским государствам: правительство РФ одобрило проект соглашения с Францией о военном транзите через российскую территорию. Аналогичное соглашение с Германией, подписанное еще год назад, было внесено на ратификацию в Госдуму. Этими шагами Россия выделила Берлин и Париж из общенатовского ряда: Москва отказалась подписывать соглашение о военном транзите с НАТО в целом. За последний год Германией осуществлено свыше 230-ти рейсов военно-транспортной авиации через Россию на территорию Афганистана.

Наиболее острой для России проблемой, связанной с Афганистаном, являлась проблема наркотиков. Россия в силу ее географического положения была избрана наркодельцами в качестве одного из транзитных мостов (и рынка) для контрабанды афганских наркотиков. Проблема наркотиков была тесно связана с военным присутствием российских войск в Таджикистане и охраной границ этой республики. США проводили политику вытеснения российских пограничников.

Россия предпринимает конкретные шаги по борьбе с наркотиками. В ближайшее время будет принята специальная программа по борьбе с наркоугрозой из Афганистана и транзита через Центральную Азию. В ходе переговоров Россия намерена предложить странам ЕС и НАТО схему скоординированного взаимодействия в борьбе с наркотиками. По мнению российской стороны, такое сотрудничество может быть налажено по линиям ОДКБ - НАТО и НАТО - ШОС.

Таким образом, у России и государств Центральной Азии существовала четко выраженная общность интересов в отношении Афганистана, которая базировалась прежде всего на стремлении обеспечить свою безопасность, стабильность в регионе и недопустить повторения угрозы воинствующего исламизма.

В российско-пакистанских отношениях в течение 2002-03 гг. наметились явные перемены к лучшему. В ходе своего визита в Москву в феврале 2003 г. П.Мушарраф назвал такие составляющие этих отношений как военно-техническое сотрудничество, взаимодействие в области безопасности, решение политических проблем, а также торгово-экономические связи. Москву волнует вопрос об обязательстве Исламабада по борьбе с терроризмом, призванного прекратить перемещение укрывающихся от возмездия террористов в другие страны. Отдавая должное усилиям ад-

министрации Мушаррафа по нейтрализации организаций воинствующих исламистов в Пакистане, Россия, тем не менее, озабочена исходящими с афгано-пакистанского направления угрозами терроризма.

Потенциальной сферой пакистано-российского сотрудничества является продажа российских вооружений. Но эта область чрезвычайно сильно подвержена влиянию политических и geopolитических факторов. Пакистанская сторона несколько раз в весьма осторожной форме обращалась к России с просьбой наладить военно-техническое сотрудничество, в частности продажи российского оружия. Эта идея прозвучала и во время визита в Москву П.Мушаррафа, а также в ходе бесед И.Иванова в Исламабаде. Тем не менее, российское руководство дало отрицательный ответ. При этом Россия весьма активно продает оружие Индии, что не может не отражаться негативно на балансе сил в Южной Азии.

Вопрос о вероятной посреднической роли России в урегулировании кашмирской проблемы являлся особенно тонким. Судя по всему, Исламабад готов увидеть в Москве посредника в урегулировании индо-пакистанского вооруженного противостояния. В последний раз попытка Путина организовать переговоры между Индией и Пакистаном в Алматы в 2002 г. окончилась неудачей.

Для России проблема Южной Азии связана с внешнеполитическими и geopolитическими интересами, поскольку этот регион, примыкающий к Центральной Азии, является одним из ключевых в российской внешнеполитической стратегии, поскольку Россия в последние годы стремится восстановить свое влияние в Южной Азии. Таким образом, смягчение напряженности в индо-пакистанских отношениях и урегулирование конфликта политическими средствами не только соответствует стратегическим интересам России, но и создает основу для взаимодействия Москвы с другими державами – КНР, США и ЕС. Как и другие великие державы, Россия крайне заинтересована в снижении угрозы ядерного конфликта в Южной Азии и «денуклеаризации» Пакистана.*

Россия и арабский мир

В 1990-е гг. Россия сохраняла т.н. остаточное влияние на Ближнем Востоке. Она еще располагала относительно сильным влиянием на палестинских лидеров. Постоянно шли контакты между ними и российской стороной, их поддерживали и Арафат и нынешний лидер М.Аббас (Абу

---

* См.: Серенко И. Россия и Пакистан на пути к взаимовыгодному сотрудничеству // Азия и Африка сегодня (Москва). 2008. № 10. С. 7-10.

Мазен). В этом отношении Израиль был очень заинтересован в российском влиянии на руководство создаваемого под патронажем США палестинского государства.

В начале 2000-х гг. произошли подвижки в отношениях России с Сирией. Осложнение военно-политической обстановки вокруг Сирии после войны в Ираке, пробуксовка мирного ближневосточного процесса и усиление давления в связи с событиями в Ливане заставили сирийское руководство принять диктат Запада. При этом Москва фактически поддержала международное давление на Дамаск. Особую значимость для России имел тот факт, что сирийский порт Тартус являлся единственным в Средиземном море пунктом базирования ВМФ РФ на безвалютной основе.

В целом, Россия давно отказалась от прежней политики советских времен безоговорочной поддержки палестинцев. Однако, жесткие односторонние действия США и солидарность с европейскими державами заставляли Москву время от времени демонстрировать показную солидарность с арабскими странами. На политику России в регионе большое влияние оказывал тот факт, что исламский радикализм и терроризм на территории РФ и СНГ активно поддерживался из арабских источников.

В 2003 г. Франция, Германия и Россия упорно сопротивлялись военной операции против Ирака. Глобальные центры силы – ЕС, Россия и Китай – внимательно следили за реализацией американской стратегии США на Ближнем Востоке. В Париже, Берлине, Москве и Пекине прекрасно отдавали отчет, что этот регион является необходимым элементом для установления Соединенными Штатами своей глобальной гегемонии.

Российско-саудовские отношения нельзя назвать легкими по всем параметрам. Фактически, с конца 1970-х гг. Эр-Рияд вел необъявленную войну против СССР. После распада СССР Саудовская Аравия продолжала поддерживать исламистов на постсоветском пространстве и на территории самой РФ, прежде всего в Чечне. Федеральная служба безопасности РФ считает международную исламскую организацию «Аль-Харамейн», базирующуюся в Саудовской Аравии, ключевой структурой, негласно финансирующей наемников и экстремистов в Чечне. С 1997 года эта структура оказывала особенно активную финансовую помощь дагестанским ваххабитам, ставившим задачу свергнуть в республике существующий конституционный строй и создать на территории Чечни и Дагестана «великое исламское государство» с одновременным выходом из состава России.

Финансирование исламских экстремистов осуществлялось через широкую сеть различных фондов, имеющих преимущественно саудовское и арабское происхождение. В 1999-2000 годах в месяц эти фонды зарабатывали до 40 миллионов долларов. Часть тут же разворовывалась, до

Чечни обычно доходило от 2 до 6 миллионов долл. ежемесячно. Эмиссары организации «Аль-Харамейн» осуществляли сбор разведанных в Чечне, помогали сепаратистам вести не только боевые действия, но и информационную войну с Россией.

После взрывов домов в Москве летом 1999 г. В.Путин, тогда премьер-министр РФ, практически открытым текстом обвинил «внешние силы», под которым подразумевались арабские государства во главе с Саудовской Аравией, в поддержке экстремистов, террористов и сепаратистов на Кавказе. В этот момент отношения между Эр-Риядом и Москвой находились в крайне плохом состоянии. Но события 11 сентября и охлаждение саудовско-американских отношений стремительно повернули ситуацию на сто восемьдесят градусов. За поворотом внешней политики Эр-Рияда скрывались далеко идущие соображения и причины стратегического характера.

Политические риски и сомнения в устойчивости американской экономики заставили богатые арабские страны искать новые возможности для инвестиций. Наиболее привлекательным партнером для них показалась Россия. Инвесторы из арабских стран проявили неожиданный интерес к России. Ключевую роль для развития российско-арабского экономического сотрудничества сыграл состоявшийся в сентябре 2003 г. визит в Москву фактического правителя страны, саудовского наследного принца Абдаллы.

Этот визит отразил качественно новую ситуацию: в Саудовской Аравии сложилось понимание того, что Россия может стать потенциальным объектом для инвестиций. Но еще в 2002 г. Москву неофициально посещал принц Турки аль-Фейсал, шеф службы общей разведки Саудовской Аравии, от которого российская сторона впервые услышала предложение о многомиллиардных инвестициях в обмен на политическую поддержку в Совете Безопасности ООН в случае необходимости «блокировать американскую агрессию». По-видимому, эти визиты были следствием «панических» настроений, охвативших саудитские правящие круги с лета 2002 г., когда стало известно о намерениях США нанести удар по Ираку, и когда произошла утечка доклада РЭНД о планах по оккупации Саудовской Аравии американскими войсками.

После второй войны в Ираке Эр-Рияд стал понимать, что США могут заменить Саудовскую Аравию на пост-саддамовский Багдад в качестве агента своего влияния, источника нефтяных ресурсов и страны для дислокации американских стратегических баз. Принц Абдалла и президент В.Путин подписали соглашение о сотрудничестве в нефтегазовой сфере и реализации совместных нефтехимических проектов. Сенсационной частью соглашения стало предложение саудовской стороны инвестировать в Россию 200 млрд. долл. Более того, российские компании допускались (в качестве субподрядчиков) в саудовский нефтегазовый сектор.

В свою очередь российская сторона считала, что может дать арабским инвесторам то, чего они не смогут получить в других странах - возможность расширить сферу инвестиций. Так, одними из наиболее привлекательных отраслей для арабских инвесторов являются смежные с нефтедобычей отрасли - производство нефтяного оборудования, насосов, труб, сепараторов. Причем арабы не только намерены инвестировать в производство, но и готовы потом закупать продукцию. Ряд отраслей промышленного производства в арабских странах (тяжелая и горнодобывающая отрасли, объекты инфраструктуры, металлургия) уже был привязан к российским стандартам в силу использования еще советского оборудования, технологий и запасных частей. Речь также могла идти как об участии российских компаний в нефтяных проектах в Саудовской Аравии, так и об участии арабских компаний в проектах на территории РФ. Российские и арабские компании могли взаимодействовать в совместных проектах в третьих странах.

Наибольшим спросом в арабском регионе последнее десятилетие пользовалась российская бронетанковая техника: ОАЭ стали одним из первых покупателей новых российских боевых машин пехоты БМП-3: на вооружении армии эмиратов находятся 652 такие машины. После иракской агрессии Кувейт в 1994 году закупил в России 126 БМП-3, 46 БМП-2, а также 27 реактивных систем залпового огня «Смерч», противотанковые управляемые ракеты «Фагот» и «Бастион». Стали пользоваться спросом в регионе и российские системы ПВО: в 2000 году ОАЭ заключили с тульским КБ приборостроения контракт стоимостью 734 млн. долл. на разработку и поставку в страну 50 зенитных ракетно-пушечных комплексов «Панцирь-С1».

В случае если Россия воспользовалась бы этим историческим шансом, в ближневосточном регионе возникла бы качественно новая ситуация. Переориентация с США (стремящихся максимально сузить внешнеполитическое поле России) на развитие стратегического партнерства с Саудовской Аравией и другими арабскими нефтяными монархиями могла бы вызвать уже в краткосрочной перспективе далеко идущие последствия. Как считали в Кремле, использование российского права вето в СБ ООН и других доступных мер противодействия американскому диктату могло бы предотвратить «пристегивание» Вашингтоном все новых и новых государств региона (Иран, Йемен, Сирия, Ливия) к «оси зла».

Приобретение Саудовской Аравией своеобразного геополитического «щита» в лице России могло бы вызвать своего рода «эффект домино»: другие нефтяные монархии Персидского залива - Кувейт, Катар, Бахрейн, ОАЭ, Оман), опираясь на Саудовскую Аравию (а через нее - на Россию), смогли бы выступить в защиту своего суверенитета. Первым наиболее

чувствительным ударом по глобалистским замыслам США могло бы стать, например, поддержанное Россией коллективное требование арабских государств Персидского залива о безоговорочном скорейшем выводе американских войск с их территории. В этом случае даже американская оккупация Ирака не позволила бы США установить свой единоличный контроль над нефтяным рынком. Кроме того, из-под удара оказался бы выведен Иран (следующая наиболее вероятная цель США в регионе после Ирака), что также способствовало бы укреплению его отношений с Россией.

По некоторым данным, российский лидер консультировался с американской стороной относительно неожиданно начавшегося российско-саудовского сближения, которое затрагивало как минимум по трем параметрам стратегические интересы США: 1) отток денег из американской экономики; 2) ослабление контроля США над мировым нефтяным рынком; 3) рост технологического и военного ресурса Саудовской Аравии, население и правящая элита которой враждебно относится к США.

Реальной платой за сближение, которую потребовала Россия, являлся отказ от арабской поддержки чеченских боевиков. Следует иметь ввиду, что приведенные выше геополитические и внешнеполитические калькуляции российских стратегов не принимали в расчет глубину зависимости Саудовской Аравии и других монархий региона от США и серьезность их намерений избавиться от американского присутствия. Но процесс эрозии традиционного саудовско-американского стратегического альянса был налицо.

С 2007 г. политика РФ в регионе стала испытывать влияние доминирующей тенденции последнего времени – ухудшение отношений с Западом. Поэтому неожиданно резкое выступление В.Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. получило продолжение во время его визита в страны Ближнего Востока. Выступление российского президента на 43-й Мюнхенской конференции по безопасности и его интервью каналу «Аль-Джазира» были многими расценены в арабском мире как начало новой «холодной войны» между Россией и США. Путин посетил страны с монархическими режимами – Саудовскую Аравию, Катар и Иорданию. Повестка дня турне Владимира Путина включала такие сложные проблемы как палестино-израильский конфликт, положение в Ираке и ядерные амбиции Ирана. Встал также вопрос о создании газового картеля по образцу ОПЕК.

Саудовские предприниматели хотели бы снижения таможенных пошлин на свои товары, создание совместной зоны свободной торговли, льготные условия для инвесторов, создание совместного российского-саудовского

банка в помощь инвесторам. Со своей стороны Путин посоветовал им открывать дочерние банки в России и предложил, прежде чем создать зону свободной торговли, участвовать в российских экономических зонах, прежде всего в портовых. В числе других целей визита, возможно, было и прощупывание российской стороной саудовского рынка вооружений. Но главной целью была попытка согласовать с Саудовской Аравией стратегию поведения на нефтяном рынке, направленную на недопущение снижения мировых цен на нефть, а также изучение позиции стран Персидского залива на предмет создания так называемой «газовой ОПЕК».

В Катаре поездка позволила окончательно урегулировать наметившийся кризис в отношениях России с этой ключевой и богатейшей в арабском мире страной. Этот кризис был связан с громким инцидентом, произошедшим весной 2004 года, когда в Катаре был убит один из лидеров чеченского сепаратизма. В Катаре прозвучало сообщение Путина о том, что он всячески приветствует идею международного газового картеля. ранее Москва категорически отвергала сведения о том, что Россия готовит некий международный картельный сговор производителей газа, мечтая получить экономический рычаг для политического давления на Европу. С таким предложением уже выступал осенью 2006 г. иранский аятолла Али Хаменеи, но тогда российский МИД решительно отверг эту идею.

На деле перспективы такого газового картеля были неясны: специфика рынков здесь совсем другая, контракты обычно долгосрочные, и возможность контролировать поставки отличается от практики ОПЕК. К тому же Россия, Иран и Катар выступали друг перед другом скорее как конкуренты, особенно на европейском рынке. Основная идея газовой ОПЕК сводится к монополизации рынка природного газа с последующим диктатом условий потребителям со стороны поставщиков. Однако существенные различия в политических позициях потенциальных участников нового картеля не оставляли надежд на его скорое создание. Симптоматично, что, не дожидаясь результатов катарского саммита, Россия предприняла попытку начать строительство альтернативного газового альянса на постсоветском пространстве.*

---

* См.: Евтушенков В. После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе // Россия в глобальной политике (Москва). 2005. № 3. Т. 3. С. 140-152; Белокреницкий В. Исламский мир и Россия // Азия и Африка сегодня (Москва). 2007. № 5. С. 33-34; Белокреницкий В. Я. и др. Россия, исламский мир и глобальные процессы // Восток - Oriens (Москва). 2007. № 3. С. 148-160; Люкманов А. Энергетический плацдарм России на Арабском Востоке // Международная жизнь (Москва). 2006. № 7. С. 60-70; Сатановский Е. Россия и последствия ускоренной модернизации Ближнего и Среднего Востока // Международная жизнь (Москва). 2006. № 6. С. 76-86.

Политика России в СНГ

Как представляется, в новом веке сложилась определенная тактика и стратегия РФ в отношении СНГ, которую с полным основанием можно назвать «доктриной Путина». Она базировалась на том, что, во-первых, без некоторых ключевых республик бывшего Союза Россия не сможет восстановить, или восстановит, но с большим напряжением, свой статус великой державы. Во-вторых, процесс ре-интеграции должен носить первоначально экономический характер, и только на следующей фазе – политический. В-третьих, основой для восстановления под своей эгидой единого пространства Россия выбрала сохранившиеся с советских времен остатки инфраструктуры в энергетике, транспорте и коммуникациях. Кроме того, Москва делает упор на сферу безопасности и военно-стратегические связи, использует гуманитарный фактор, трудовую миграцию, наличие русской диаспоры и т.д.

Наиболее действенными инструментами своей интеграционистской политики Россия рассматривала различные экономические и – в меньшей степени – политические объединения: ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ. В тоже время в последние годы остро проявился кризис СНГ как политico-правового института. Такая политика Москвы наталкивалась на прямое или скрытое сопротивление стран СНГ. Некоторые из них выбрали прямую ориентацию на Запад (Грузия, Украина, Молдова, в некоторой степени – Азербайджан); другие готовятся к тому, чтобы в будущем сменить geopolитические приоритеты (Армения). Неоимперская политика Москвы вызывает даже недовольство со стороны ближайших союзников (Беларусь).

Политика России в СНГ основное внимание сосредотачивала на отношениях с Украиной, Беларусью, Казахстаном, а также на развитии ситуации на Южном Кавказе. Россия и страны Запада, как правило, поддерживают разные политические силы: в Беларуси, Украине, Казахстане, Азербайджане и Грузии. Как правило, политические фавориты Запада в этих государствах считаются в Москве антироссийскими политиками.

В течение многих лет раздражающим фактором в СНГ были позиция Грузии и характер отношений между двумя странами. Они еще более ухудшились после прихода к власти М.Саакашвили в результате т.н. «революции роз» и свержения ветерана советской и постсоветской политики (бывшего члена политбюро ЦК КПСС и министра иностранных дел СССР) Э.Шеварднадзе в конце 2003 г. В начале 2004 г. Саакашвили был выбран новым президентом Грузии. Во время его правления резко обострилась проблема непризнанных автономий – Аджарии, Абхазии и Южной Осетии. Первая была возвращена в состав Грузии. «Революция роз» создала опас-

ный прецедент, открыв волну т.н. цветных революций на постсоветском пространстве.

Главной особенностью режима Э Шеварднадзе была его хроническая политическая слабость и шаткая социальная база. Главный ресурс, на котором вернулся к власти грузинский лидер, были нестабильность режима Гамсахурдия и поддержка (на первых порах) со стороны Москвы. К 2003 г. этот ресурс был полностью исчерпан. Переворот в Тбилиси был активно поддержан Соединенными Штатами. На протяжении всего 2003 г. Вашингтон оказывал на президента Грузии давление, призывая его к уходу от власти. После смещения Шеварднадзе президент Дж.Буш пообещал новому руководству Грузии помочь «в случае возникновения внешней или внутренней угрозы». С этой целью между Тбилиси и Вашингтоном установлена прямая телефонная линия. Тем самым, США были готовы вмешаться в развитие грузинских событий в случае неблагоприятного для оппозиции поворота дел.*

Одной из важнейших мотиваций вмешательства извне в развитие политической ситуации в Грузии стало убеждение Запада, в первую очередь Вашингтона в том, что в СНГ наступило время смены поколений политических лидеров. При этом стратегические круги в США считали, что помимо чисто возрастной ротации должна происходить смена лидеров на качественном уровне. Это означало, что США взяли курс на смещение лидеров советской эпохи, т.е. выходцев из советского партийного и административного аппарата. При этом совершенно не учитывалось то обстоятельство, что зачастую именно эти лидеры являются единственными гарантами социальной стабильности и проведения реформ. Ярким примером данного подхода стало вмешательство США в политическое развитие Грузии, когда вместо постепенного, эволюционного подхода, предлагавшегося Россией, был навязан радикальный, «сербский» сценарий, балансирующий на грани развязывания гражданской войны.

Любые события в постсоветских регионах являлись предметом непосредственного интереса основных игроков - США и России. В Армении удалось избежать тех потрясений, которые произошли в Грузии. В Азербайджане эти игроки предпочли не воздействовать на внутриполитическую борьбу. С уходом с политической арены Алиева-старшего вопрос смещения

---

* До сих пор до конца остается невыясненной роль, которую сыграл т.н. Фонд Сороса в подготовке путча. Ряд прямых и косвенных фактов указывает на то, что вмешательство во внутренние дела имело место. Открытым остается вопрос, насколько тесно координировал Фонд Сороса свою подрывную деятельность с официальными ведомствами США. Известно, что Фонд Сороса несколько лет финансировал работу как минимум четырех будущих министров.

руководителей старого советского образца решился «сам собой». Следует обратить внимание еще на один момент: взяв на себя ответственность по подготовке событий, американцы уступили часть реализации этого плана России, которой была отведена роль миротворца. Вашингтон сформировал в Грузии своеобразный «американский клуб», то есть фактически – полностью проамериканское и прозападное правительство.

События в Грузии затронули также такие страны как Турция, Иран, Азербайджан и Армения. Влиятельные стратегические круги на Западе считали, что смена власти в Грузии должна рассматриваться в общем контексте изменений на Южном Кавказе и прихода к власти в Баку нового лидера. Для этих кругов Грузия и Азербайджан уже являются частью евроатлантической системы; следующим шагом должно стать принятие этих государств в НАТО. Характерно, что западная стратегия рассматривала Грузию и Азербайджан, которые являются единственным коридором для транзита энергоресурсов Каспия и обеспечивают Соединенным Штатам и их европейским союзникам доступ на Ближний Восток, в едином геополитическом ансамбле.

Следующая цветная революция произошла на Украине во время президентских выборов осенью 2004 г. «Оранжевая революция», организованная бывшим премьером В.Ющенко и министром Ю.Тимошенко, преследовала цель предотвратить передачу власти от Л.Кучмы к представителю восточных русскоязычных регионов В.Януковичу, пользовавшемуся доверием Москвы. В этой ситуации Запад в лице США, ЕС, Польши, балтийских государств, а также Грузии активно поддержали антиконституционные действия «оранжевых», которые не признали легитимность выборов, блокировали Верховную Раду и навязали повторные выборы, в которых победил уже В.Ющенко. В начале 2005 г. последний был признан всеми внешними и внутренними силами в качестве законного президента. Но Украина вошла в полосу хронического политического кризиса, продолжающегося до настоящего времени.

Тем самым в конце 2004 – начале 2005 гг. Украина пережила глубокую политическую трансформацию. Уход с политической сцены бывшего президента Л.Кучмы и приход к власти политического тандема В.Ющенко и Ю.Тимошенко ознаменовал вступление Украины в новую фазу развития. Фактически, произошло завершение постсоветской фазы развития этой страны. Новое руководство страны внесло существенные коррективы в такие направления украинской внешней политики как интеграция на постсоветском пространстве (ЕЭП); двусторонние отношения, в первую очередь – российско-украинские; а также в целом – в позицию Киева в рамках СНГ. Этот курс являлся отражением новых приоритетов Киева

на международной арене: сближение - с последующей интеграцией - с западными структурами: ВТО, НАТО и ЕС. Включение Украины в эти структуры радикальным образом изменяло всю геополитическую ситуацию в Центральной Евразии, ухудшало стратегическое положение России и ее союзников по ОДКБ.

У В.Ющенко и Ю.Тимошенко уже сложилась вполне стройная схема движения страны на Запад. Предполагалось, что дрейф Украины на Запад пройдет в три этапа: сначала ВТО, затем НАТО и, наконец, ЕС. В целом поддержка украинской оранжевой революции полностью отвечала стратегическим интересам США. Согласно концепциям винтингтонских стратегов, утверждение демократии на Украине будет способствовать установлению стабильности на восточной периферии Европы и даст мощный импульс демократическим реформам на всем постсоветском пространстве. Кроме того, это может стать стимулом для реформ (т.е. для дестабилизации) в России. Прием Украины в НАТО резко усилил бы возможности США для стратегического контроля в Черноморском регионе и в Восточной Европе. Фактически, вступление Украины в НАТО означало бы полное и окончательное геополитическое окружение России, после которого у Москвы уже никогда не появится возможности восстановить свою роль великой (мировой) державы.

Европейское направление было самым сложным во внешней (и внутренней) политике В.Ющенко. Фактически, новый президент пришел к власти во многом на спекулировании европейским фактором - т.е. перспективой вступления Украины в Евросоюз. Однако, в реальности у Украины было крайне мало шансов для полноправной интеграции с ЕС (в отличие от вступления в ВТО и НАТО). После прихода к власти В.Ющенко Вашингтон проводил активную политику по политической поддержке нового руководства этой страны. На различные виды финансового содействия для Украины президент просил конгресс выделить в общей сложности 105,2 миллиона долларов по трем ключевым программам: экономическую помочь, обучение военных кадров и финансирование оборонных поставок и услуг из США. Активным сторонником скорейшего приема Украины в западные структуры являлась Польша. На саммите НАТО в Брюсселе в 2004 г. фактически было принято решение о принятии Киева в этот альянс. Однако, открытым остался вопрос о сроках вступления: это могло произойти в краткосрочной перспективе (2-3 года), или в среднесрочной (5-6 лет).

Фактически, вследствие провозглашенного Киевом курса на интеграцию в западные структуры создалось противоречие между этим курсом и обязательствами и связями Украины в рамках СНГ, ЕЭП и двусторонних отношений с Россией. Как известно, Россия – поставщик энергоносителей,

но Украина на этом поле играла с ней на равных, поскольку обеспечивала транзит. Здесь позиции Украины особенно укрепились после того, как выяснилось, что обходной маршрут газового транзита через Белоруссию является для России, по крайней мере, не менее проблематичным. Кроме того, Россия являлась главным инвестором Украины, но играть здесь решающую роль в долгосрочной перспективе Россия не сможет. С одной стороны, суммарные финансовые возможности российского капитала непропорциональны с возможностями капитала западного, а с другой стороны, Украина, с ее изменчивой политической ситуацией, не выглядела самым оптимальным партнером. С другой стороны, Россия является для Украины прежде всего рынком сбыта промышленных товаров.

Таким образом, налицо была взаимная зависимость российской и украинской экономик друг от друга. Это означало, что возможности Москвы оказывать давление на Киев были существенно ограничены. С другой стороны, Украина по-прежнему была объективно заинтересована в продолжении сотрудничества с Россией, но только в тех областях, где ей это было выгодно. Главной задачей украинской внешней политики при В.Ющенко было устранить противоречие между российским и европейским векторами, избегать глубокой интеграции на постсоветском пространстве и зависимости от России.

Помимо тесных экономических и энергетических связей ВПК двух стран объективно, еще с советских времен были привязаны друг к другу. С учетом перспективы вступления Киева в НАТО, а также стратегического положения Украины, эта проблема приняла чрезвычайно острый характер как для России, так и для других стран – ее союзников по ОДКБ. Украина считает нецелесообразным создание Совета безопасности СНГ в составе руководителей силовых ведомств государств-участников Содружества, секретарей Совета безопасности и министров иностранных дел. Также делегация Украины воздержалась от поддержки предложения о создании Совета гуманитарного сотрудничества СНГ и подписании соглашения о создании единого гуманитарного пространства Содружества.

Большая часть высшего российского руководства была уверена, что участие Украины в ЕЭП необходимо прежде всего самой Украине. Долгие годы Киев добивался от России, Казахстана и Белоруссии создания полномасштабной зоны свободной торговли. С приходом к власти на Украине нового руководства в стране изменилась не только внутренняя, но и внешняя политика. Причем, интеграция в Европу является приоритетным направлением, а отношения с Россией и СНГ - второстепенным. Таким образом, у России в связи с изменением внешнеполитического курса Украины осталось два варианта. Первый – достижение некоего компромисса

с Киевом в целях сохранения сотрудничества в приоритетных областях (транспорт, энергетика, военно-техническое взаимодействие). Второй – полное разрушение ЕЭП, выпадение Украины из процессов интеграции на постсоветском пространстве.

Ряд советников В.Путина считали, что России не стоит обращать внимания на евроатлантическую риторику нового украинского руководства, и расценивали ее как политический блеф. Они предлагали занять максимально жесткую позицию отстаивания своих национальных интересов в отношениях с Украиной. В кругах, близких к В.Путину предлагалось прекратить бесполезные переговоры с Украиной о совместном использовании газотранспортной системы и портов. Благодаря этой многолетней практике Украине удалось заморозить реализацию крайне важных проектов по созданию газопроводов в обход Украины и модернизации собственно российских портов. Некоторые круги в России предлагали взять под опеку политические силы в русскоязычных регионах – на Восточной Украине и в Крыму.

Антироссийские силы, олицетворявшиеся «оранжевым» блоком, раскололись в 2005 г. Власть постепенно перешла к премьер-министру, которым стал воспользовавшийся поддержкой России во время событий 2004 г. В.Янукович. Одновременно политическая система республики пережила радикальную трансформацию: из президентской (в последние годы – полупрезидентской) она превратилась в парламентскую. Силы, которые привели к власти В.Януковича (промышленный капитал Восточной и Центральной Украины) не допустили сползания внешней политики Киева к откровенно прозападной. В тоже время она не стала и открыто пророссийской. Украина по-прежнему видела себя в качестве части Европы и Запада. Но вступление Киева в НАТО было заморожено и превращено в отдаленную перспективу.

В этих условиях возник новый вариант создания российско-украинского консорциума путем обмена активами. Украинские компании получат доли в газовых месторождениях России, а Газпром – в трубопроводной системе Украины. То есть, произойдет создание крупнейшей в мире энергетической корпорации, контрольный пакет которой будет находиться в руках России. Киев пытался наладить сотрудничество в энергетической области напрямую с Астаной. Янукович считал, что Украина должна служить не только транзитной страной для поставок газа из Казахстана на европейские рынки (при этом нефть и газ из Казахстана должны еще будут пройти тем же транзитом через территорию России, чтобы попасть на Украину и далее в Западную Европу), но и возможным пунктом получения энергоресурсов из бассейна Каспия путем трубопровода, который прошел бы из Казахстана

в Азербайджан, Грузию, Турцию и через Средиземное море - в Европу. Фактически эта транскаспийская труба повторяла трассу уже проложенного нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан.

Кризис политики В.Путина по интеграции постсоветского пространства наглядно выразился в ухудшении российско-белорусских отношений, которое началось в 2006 г. Фактически, начался распад Союзного государства Беларусь-Россия. Как считали российские аналитики, единственной причиной, почему А.Лукашенко согласился на данный проект, было авантюрное стремление войти в российское политическое руководство и сменить Б.Ельцина.

Тем не менее, Белоруссия сохраняла свое важное военно-стратегическое значение для России, но в категориях прежнего противостояния в Европе. Белоруссия является наиболее последовательным и активным государством в процессе военной интеграции в рамках ОДКБ. Между вооруженными силами РФ и РБ существует т.н. коалиционный подход, т.е ВС двух государств представляют собой симбиоз и имитацию единых сил. Это позволяет экономить на военных расходах и оптимизировать систему управления. Между РФ и РБ заключено свыше 30 договоров в военной сфере. Для военно-стратегических интересов России большое значение имеют РЛС «Волга» (в аренде до 2020 г.) и РЛС «Антей», которые обеспечивают слежение за передвижениями в Северной Атлантике, Северной и Центральной Европе, а также обеспечивают связь с российскими подводными ракетоносцами в Атлантике.

Белоруссия вошла в состав Движения неприсоединения, претендует на роль одного из лидеров и стремится к его реформированию, чтобы превратить движение в экономически интегрированное сообщество. Субсидирование белорусской экономики Россией было во многом связано с идеей Российско-Белорусского Союза. Однако в реальности имела место незаметная стратегия А.Лукашенко по проведению независимой от Москвы политики и стремлению сохранить белорусский суверенитет.

С одной стороны, Москве удалось стабилизировать отношения с Киевом после «оранжевой революции» в Украине и газовой войны конца 2005 – начала 2006 гг. С другой стороны, на этой же почве в конце 2006 г. вспыхнул конфликт с Минском, принявший еще более критические формы. В отличие от Украины российско-белорусский кризис был более болезненным для Москвы, поскольку Беларусь долгое время позиционировала себя в качестве самого надежного союзника РФ в СНГ, заявляла о строительстве совместного Союзного государства. С военно-стратегической точки зрения обе республики равнозначны для geopolитического положения России, но потеря Беларуси воспринимается в Кремле болезненнее.

Не вызывает сомнений, что в 2005-07 гг. полным ходом шла перестройка всей системы Москвы как с Киевом, так и Минском. При этом стратегические цели российского (путинского) руководства оставались неизменными: удержать эти постсоветские государства в своей орбите, не допустить вступления в НАТО (Украины и Молдовы), включить их в новый интеграционный формат.

Российско-молдавские отношения приняли новый характер, вышли за рамки СНГ и приняли более «европейский», или западный характер. То есть, из двусторонних они все более превращались в многосторонние, где новыми и активными участниками становились Евросоюз, ОБСЕ и НАТО. Такой механизм работал в отношении Грузии и готовится для Армении и Азербайджана. Поводом для активного вмешательства Запада и его институтов являлись и т.н. замороженные конфликты. Аналогичную схему Запад хотел бы навязать и отношениям России с Украиной, а впоследствии - и с Белоруссией. Этот фактор являлся наиболее слабым звеном в проводимой Москвой «доктрины Путина» по ре-интеграции постсоветского пространства.

Отношения Москвы с Тбилиси с осени 2006 г. находились в самой низкой точке со временем распада СССР. Это являлось следствием как откровенно антироссийской политики президента М.Саакашвили, носившей часто грубый и провокационный характер, так и упрямым стремлением Кремля навязать Грузии свое решение многочисленных двусторонних проблем. Конфликтное поле охватывало такие вопросы как судьба непризнанных государств на территории бывшей Грузинской ССР, вероятное вступление Тбилиси в НАТО и в целом - прозападный курс этой республики, транспортные, коммуникационные, экономические и энергетические проблемы. Характерно, что Тбилиси остался в составе СНГ, хотя для многих было очевидно, что Грузия должна была покинуть Содружество в течение 2006 г. По-видимому, М.Саакашвили предпочел остаться в СНГ из тактических соображений, используя его как канал для поддержания минимальных отношений с Москвой, а также для сохранения контактов с другими участниками Содружества.

Азербайджан можно охарактеризовать как «лояльного противника» России. В целом политика Азербайджана – с учетом таких факторов как карабахская проблема, трубопровод БТД и влияние Турции – носила традиционно антироссийский характер. Однако Г.Алиеву, а затем и его сыну Ильхаму удавалось проводить в отношении Москвы сбалансированную политику и не доводить отношения до кризиса, как это имело место с Грузией. Важным фактом сближения Баку и Москвы стало признание Азербайджаном российско-казахстанского принципа делимитации Каспий-

ского моря и присоединение азербайджанской стороны к каспийской оси Москва-Астана. Кроме того, Баку после колебаний отказал Вашингтону в размещении базы США (НАТО) на азербайджанском побережье Каспия и не присоединился к анти-иранской коалиции, которую с конца 2005 г. пытались сформировать Соединенные Штаты.

Однако во внешней политике Баку постоянно имелась вероятность возобновления открыто прозападного курса. Особенность позиции Баку состоит в том, что он пытался проводить сбалансированную политику в отношениях и с западными, и с восточными партнерами. Когда осенью 2005 г. США пытались добиться от азербайджанского руководства разрешения на открытие своей военной базы вблизи Баку, оно ответило отказом, предвидя неизбежные осложнения с Россией и Ираном. В Баку также вполне реалистично оценивали риски и возможные потери от членства в ГУАМ. Некоторые партнеры Азербайджана по ГУАМ давали Ильхаму Алиеву не один повод считать, что чрезмерное сближение с альянсом способно создать определенные угрозы для стабильности азербайджанского режима.

В целом, если Москва сумела бы найти приемлемое для всех сторон решение карабахской проблемы, то ей удалось бы вернуть Азербайджан в интеграционистскую группу стран СНГ. Но был возможен и другой поворот событий: если Армения усилит западный крен в своей внешней политике, то это неизбежно подтолкнет Баку в сторону Москвы.

Армению можно назвать «нелояльным союзником» России. Она всегда рассматривалась как традиционно дружественное России государство Закавказья (Южного Кавказа). Москва оказала вполне реальную и весомую военно-техническую помощь Еревану во время войны за Нагорный Карабах, а в дальнейшем всегда блокировала любые попытки решить кризис по сценариям, неудовлетворяющим Ереван. В 2005. г. Армения была включена в инициированную президентом США Дж.Бушем программу «Вызовы тысячелетия». Из стран СНГ участниками этой программы стали только Армения и Грузия. Программа предназначена для стран, демонстрирующих поддержку демократии и экономическим реформам.

Активная деятельность США в Армении свидетельствовала о том, что финансируемая США т.н. «машина демократии», т.е. подготовленная извне и не подчиняющаяся властям сеть различных НПО, уже подготовлена в республике. Она охватила все слои населения, начиная от элит армянского общества, кончая простыми гражданами. Различные западные неправительственные и религиозные организации в течение пятнадцати лет в результате кропотливой работы «на местах» вырастили целое поколение, которое должно возглавить процесс «обновления и истинной демократии» в республике.

Таким образом, с началом нового века на территории СНГ оформились три сценария передачи власти. Первый – российский: передача власти доверенному политику на определенных и четко оговоренных условиях или гарантиях; второй – азербайджанский: наследование власти (при благоприятных внешнеполитических и международных условиях); третий – грузинский: насилиственное смещение первого лица (при определенных geopolитических условиях и вмешательстве извне).

Будущее Содружества Независимых Государств стало заметно беспокоить российское руководство еще при Б.Ельцине, которое серьезно задумалось, почему с таким трудом идут интеграционные процессы в Содружестве, что этому мешает и что нужно делать, чтобы эти процессы приобрели, наконец, позитивную динамику.*

В этой связи в Москве поставили перед собой следующие задачи: четкая фиксация СНГ как приоритетного направления российской внешней политики; примат обеспечения задач национальной безопасности; pragmatический и одновременно дифференцированный подход к партнерам в зависимости от их встречной готовности учитывать российские интересы; акцент на взаимодействие в экономической сфере, включая задачу продвижения российского бизнеса; упор на развитие двустороннего сотрудничества и одновременно корректировка приоритетных направлений интеграции, предполагающая перенос акцента с многопрофильного СНГ на специализированные: Союз Беларусь - Россия, ЕврАзЭС, ОДКБ.

При этом, надеясь за счет лидерства в формирующемся ЕЭП вернуть утраченные позиции на постсоветском пространстве, Кремль идет на существенные уступки, которые зачастую позволяют партнерам попросту использовать пока не существующий интеграционный проект в своих целях.

---

* См.: Алесин В.И. Содружество Независимых Государств: интеграция или взаимодействие? // Казахстан - Спектр (Алматы, КИСИ). 2006. № 3. С. 24-31. Акимов А.В. Центральная Азия и СНГ: разъединение или интеграция? // Форум: Центральная Азия в евразийской перспективе. Восток. 1996. № 5. С. 19-28. Годин Ю. Квазиинтеграция в СНГ и национальная безопасность России // Мировая экономика и международные отношения (Москва). 2004. № 12. С. 46-52. Гушер А. Проблемы и перспективы СНГ // Азия и Африка (Москва). 2005. № 4. С. 9-19. Делягин М. После СНГ: одиночество России // Россия в глобальной политике (Москва). 2005. № 4. Т. 3. С. 142-151. Зиядуллаев Н. СНГ в глобальной экономике: стратегия развития и национальная безопасность // Мировая экономика и международные отношения (Москва). 2005. № 4. С. 29-35. Комаров В. Содружество независимых государств: трансазийский коридор развития // Центральная Азия и Кавказ (Лулес, Швеция). 2005. № 1. С. 163-170. Кузнецова Е. Ближнее зарубежье: всё дальше от России // Россия в глобальной политике (Москва). 2004. № 5. Т. 2. С. 136-150. Примбетов С. ЕврАзЭС: итоги и перспективы // Казахстан и современный мир (Алматы, ЦВПА). 2003. № 4. С. 144-152.

По мнению российских стратегов, наиболее тревожным и опасным для авторитета России и Содружества в целом оставалось кавказское направление, и в первую очередь политика Грузии. Одной из главных проблем, омрачающих отношения России с этой страной, остается то, как и какими средствами президент Саакашвили и его группа намерены вести дело урегулирования грузино-абхазского и грузино-южноосетинского конфликтов в целях восстановления территориальной целостности Грузии.

Москва также опасалась, что спусковым механизмом для принятия руководством Азербайджана решения на применение силы в Карабахе вполне может стать резкое обострение военной ситуации вокруг Южной Осетии или Абхазии, дистанцирование России от этой ситуации и очевидный успех Тбилиси хотя бы на одном из указанных направлений. В настоящее время происходит эскалация конфликта в Южной Осетии, что скорее всего, потребует вмешательства России. Также российские стратеги имеют ввиду, что на Южном Кавказе может разыграться крупномасштабный конфликт между прозападным Азербайджаном и пророссийской Арменией.

Резко негативную позицию заняла Москва в отношении наметившегося блока «Сообщества Демократического Выбора». Официально Россия не отреагировала на формирование антироссийским руководством Грузии и Украины нового образования, но российские масс-медиа, политики разного уровня и общественное мнение выразили свою негативное отношение. Оно происходило на волне «антиоранжевых» настроений после событий в этих республиках.

В 2005 г. наметился кризис в СНГ: Туркменистан заявил о своем выходе из Содружества (ассоциированное членство); со своей стороны Россия наоборот начала своими действиями выталкивать из СНГ Грузию. Аналогичные настроения - покинуть или заморозить свое участие в СНГ - выражали такие республики как Украина и Молдова. Россия могла оказаться перед сложным выбором: продолжать деятельность по формированию различных интеграционных объединений на постсоветском пространстве – ЕЭП, ЕврАзЭс и союз с Беларусью, или отдать предпочтение важному шагу в сторону дальнейшей интеграции России в глобальную экономику - вступлению в ВТО.

Планы формирования ЕЭП лишь в том случае были бы совместимы с участием России во Всемирной торговой организации, если Беларусь, Украина и Казахстан вступят в ВТО одновременно с Россией. Если это условие выполнено не будет, то Москве придется тормозить либо один, либо другой процесс. Если, что наиболее вероятно, Москва отдаст предпочтение ВТО, то ее решение неизбежно вступит в противоречие с особым

режимом ее экономических отношений с Беларусью, если только к этому времени не будет принято совместное решение о политической интеграции двух стран.

В конце августа 2005 г. в Казани состоялся саммит глав государств СНГ. Во встрече, проходившей в закрытом режиме, приняли участие лидеры всех стран-участниц Содружества за исключением президента Туркменистана С.Ниязова. В ходе заседания были обсуждены актуальные вопросы реформирования Содружества, гуманитарного сотрудничества, борьбы с терроризмом и общей безопасности. По итогам встречи главы государств подписали ряд документов о сотрудничестве в гуманитарной, правовой и военной сферах. Президент Туркменистана С.Ниязов через своего представителя заявил об отказе от полноценного членства в Содружестве, оставив за собой только ассоциированное членство. Другим спорным моментом саммита стали выборы нового председателя СНГ. Предполагалось, что на этом посту В.Путин сменит президент РК Н.Назарбаев.

В начале октября 2005 г. в Санкт-Петербурге прошло заседание, в котором принимал участие Казахстан, Совета глав государств-членов Организации «Центрально-азиатское сотрудничество», в ходе которого было принято решение об объединении Организации «Центрально-азиатское сотрудничество» с Евразийским экономическим сообществом. Главы государств-членов ОЦАС, учитывая совпадение стратегических целей и задач Организации «Центрально-азиатское сотрудничество» и Евразийского экономического сообщества, принимая во внимание то, что практические задачи по созданию интегрированного рынка, программ в водно-энергетической, транспортной, продовольственной и других сферах, стоящих перед ОЦАС в настоящее время, успешно решаются в рамках ЕврАзЭС, приняли решение поддержать обращение Республики Узбекистан о вступлении в ЕврАзЭС. Решающую роль в этом решении сыграла Россия.

В целом Россия стремилась более эффективно использовать уже существующие механизмы: СНГ, Союзное государство Беларусь-Россия, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС и строить новые - ЕЭП. Однако, проект ЕЭП был фактически заморожен вследствие позиции Украины. Проект Союзного государства Беларусь-Россия был поставлен под вопрос вследствие кризиса в отношениях в конце 2006 – начале 2007 гг.

В этих крайне сложных условиях 2004-06 гг. Казахстан поддержал усилия России по сохранению, пусть и формальному, Содружества Независимых Государств на ближайшую перспективу. Существование СНГ является гарантией сохранения некоторой политической стабильности на пост-советском пространстве. Но с другой стороны, Астана и Москва начали в 2006 г. неофициальные и неафишируемые консультации по раз-

работке альтернативы СНГ – нового интеграционного объединения, более компактного, более эффективного и сплоченного в военно-стратегической и экономической области. Свои предложения казахстанская сторона представила осенью 2006 г.

Казахстан исходил из того, что более перспективным представляется изменение самой идеологии и концепции дальнейшего существования СНГ. Реформа Содружества, подразумевающая его превращение в действенное интеграционное экономическое объединение, не целесообразна. Анализ основных аспектов развития новых независимых государств дает основание полагать, что на постсоветском пространстве нет достаточной базы для одновременной и многосторонней интеграции в силу значительной дифференциации социально-экономического, политического, общего уровня развития этих государств. Москва, однако, не приняла несколько радикальный казахстанский вариант реформирования СНГ, вместо этого предпочтя продолжать поддерживать «коматозное» существование Содружества, но в прежнем составе.

Существуют и другие аспекты отношений между РФ и СНГ. Россия заинтересована, чтобы часть ее международной помощи в рамках международных программ развития направлялась в бедные страны Содружества. Следует также отметить, что Россия оказывает помочь странам СНГ и по другим, «невидимым» каналам. Речь идет о льготных ценах на некоторые виды топлива и сырья, денежных переводах на родину гастарбайтеров, бесплатное обучение студентов из стран СНГ и т.п. По данным Минфина, за счет льготных цен страны СНГ получали дополнительно в 2004 - 2005 гг. в зависимости от ставки транзита от 4.4 - 4.5 млрд. долл. (при учете льготных цен) до 3.2 - 3.5 млрд. долл. (при учете рыночных цен) ежегодно.

Политическая элита РФ старалась делать акцент на интеграцию в рамках четверки: Россия, Беларусь, Казахстан и Украина, - рассчитывая, что остальные республики СНГ сами потянутся к данному объединению. За рамками интеграции остаются только Туркменистан (тем не менее, он войдет в создаваемый Евразийский газовый консорциум), Узбекистан и Азербайджан. Впрочем, в перспективе последние два государства, возможно, присоединятся к интеграционным процессам. В ЕЭП явно войдут страны ЕврАзЭС - Таджикистан и Кыргызстан. Молдова и Армения также рассматривают этот вопрос.

Однако у России не сложилось комплексной и стратегически выверенной политики по отношению к государствам Содружества, что объясняется рядом серьезных причин. На первом месте стоит проблема центробежных тенденций, отдаляющих эти страны друг от друга. Фак-

тически невозможно по единой схеме строить отношения со странами, за годы независимого развития далеко «разбежавшимися» друг от друга. Именно поэтому РФ провозгласила приоритет развития двусторонних связей.

Далее, наблюдалось отсутствие в российской политической элите консенсуса по вопросу внешней политики РФ в СНГ. Так, ее военный истеблишмент нацелен на восстановление властных позиций РФ в отношениях с ними, для чего пытается использовать любые легитимные средства - от развития военно-технических связей до педалирования угроз национальной безопасности этих стран со стороны международного терроризма, экстремизма и наркокриминальности. В то же время, другие политические силы России предлагают вообще избавиться от так называемого «центральноазиатского подбрюшья».

Москву беспокоило активное проникновение в государства СНГ третьих стран и зарубежного капитала, что делало трудно прогнозируемыми перспективы политики официальной Москвы в Содружестве. На формирование внешнеполитического курса влияли также серьезные внутренние факторы: Чечня, проблема взаимоотношений с мусульманскими регионами РФ, угрозы национальной безопасности страны и др.

Хотя острая полемика вокруг российской концепции «ближнего зарубежья» 1990-х годов ушла в прошлое, Россия, страны ЕС и США так и не приблизились к осознанию необходимости проведения на постсоветском пространстве если не совместной, то по крайней мере скоординированной политики. Чаще всего их действия развивались разными, в лучшем случае параллельными курсами, и лишь в чреватой обострением ситуации усиливается элемент сотрудничества (уход Шеварднадзе, урегулирование конфликта между Тбилиси и Батуми).

Россия и страны Запада, как правило, поддерживают разные политические силы: в Беларуси, Украине, Казахстане, Азербайджане и Грузии. Учитывая то обстоятельство, что последние и предстоящие годы отмечены началом процесса смены политического руководства в подавляющем большинстве постсоветских государств, то вполне можно исходить из того, что возникшее в последние годы скрытое соперничество России и Запада, проигранное, с точки зрения Москвы, в Грузии и в Азербайджане, за влияние на исход политической борьбы в соответствующих странах может только усиливаться. Оно особенно будет касаться Украины и Беларуси, а затем может распространиться и на Казахстан.

В целом российские национальные интересы на пространстве СНГ можно было свести к следующим основным позициям.

1) Обеспечение стабильности в государствах Содружества и на всем постсоветском пространстве на основе тесных партнерских отношений со всеми государствами. Снятие напряженности в связи с конфликтами в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Приднестровье.

2) Беспрепятственное использование транзитного потенциала государств СНГ в целях поддержания партнерских отношений России со странами Запада, Китаем, Индией, Ираном, Ближним Востоком.

3) Сохранение единого экономического пространства, что в перспективе может быть востребовано для прорыва в российской экономической модернизации и укрепления экономик стран СНГ. К числу приоритетных долгосрочных интересов России относится и усиление ее роли в вопросах использования гидроэнергетических и минеральных ресурсов, прежде всего из центральноазиатского региона.

4) Международное признание (со стороны Запада, Китая и др.) особой роли России на пространстве СНГ, выражющееся, в частности, в консультациях с ней перед принятием важных решений, влияющих на урегулирование конфликтов, изменение geopolитической конфигурации.

В целом Россия стремилась более эффективно использовать уже существующие механизмы: СНГ, Союзное государство Беларусь-Россия, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС и строить новые - ЕЭП. Однако, проект ЕЭП был фактически заморожен вследствие позиции Украины. Проект Союзного государства Беларусь-Россия был поставлен под вопрос вследствие кризиса в отношениях в конце 2006 – начале 2007 гг.

На Западе неоднозначно оценивали политику путинской России в т.н. ближнем зарубежье. В целом, она критиковалась как на доктринальном уровне, т.е. за стратегические цели и установки, так и на уровне инструментализации, т.е. за методы ее реализации. Несмотря на то, что критика со стороны Запада носила порой откровенно субъективный и спекулятивный характер, там вполне справедливо указывали на тот факт, что у России нет ресурсов – демографических, экономических, военных и культурно-цивилизационных – для достижения поставленных целей. Единственным, но времененным преимуществом России оставалась эксплуатация общего советского наследия. К числу объективных факторов следует отнести географическое (понимаемое в Москве ошибочно как geopolитическое) и в некотором смысле историческое единство евразийского пространства.

Таким образом, к концу правления В.Путина политика России на постсоветском пространстве вошла в чрезвычайно противоречивую фазу, когда ее стратегические интересы и цели пришли в противоречие с лимитами ее мощи и разнонаправленными векторами развития других стран СНГ.

Фактор Украины

В конце 2004 – начале 2005 гг. Украина пережила глубокую политическую трансформацию. Уход с политической сцены бывшего президента Л.Кучмы и приход к власти политического тандема В.Ющенко и Ю.Тимошенко ознаменовал вступление Украины в новую фазу развития. Фактически, произошло завершение постсоветской фазы развития этой страны. Еще до прихода к власти В.Ющенко и его союзники открыто провозгласили четко выраженную прозападную ориентацию Украины. Можно утверждать, что именно эта концепция стали ядром предвыборной программы движения «Наша Украина» и принесла победу В.Ющенко на президентских выборах.

Украина имела и имеет критическое значение для geopolитики СНГ. Этот факт практически ни у кого не вызывает сомнений. Достаточно вспомнить установку известного американского геополитика З.Бжезинского, который отмечал в своей известной работе «Великая шахматная доска», что «без Украины Россия уже никогда не вернет себе статус супердержавы».* Вот почему любой политический кризис в Украине, который мог бы повернуть вектор развития этой страны в ту или иную сторону, так остро воспринимался в других республиках бывшего Союза ССР.

Как известно, в первые годы XXI в. между Россией и Западом развернулось жесткое геополитическое соперничество за контроль над Украиной. Особенно драматические формы оно приобрело в конце 2004 г., во время президентских выборов в Украине, которые завершились, как известно, Майданом и «коранжевой революцией». В результате президентом стал прозападный политик В. Ющенко, стремящийся включить Украину в орбиту НАТО и Европейского союза. Как считают российские эксперты, вопрос о том, в чьей сфере влияния будет находиться Украина - западной или российской - приобретает все большую остроту.**

В первой половине 1990-х годов Украина придерживалась многовекторной внешней политики. Однако в конце 1990-х был взят курс на интеграцию в европейские и евроатлантические структуры. Интерес России к укреплению связей с Украиной объясняется целым рядом причин. Во-первых, Украина исключительно важна для РФ с геостратегической точки зрения:

---

* См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. Превосходство Америки и его геостратегические императивы. – Москва: Международные отношения. 1998. - С. 114-115.

** См.: Работяжев Н. Украина между Россией и Западом: опыт геополитического анализа // Мировая экономика и международные отношения (Москва). 2008. № 9. С. 75-83.

альянс этих двух государств обеспечил бы выход России к Черному морю и к Балканам, укрепил бы ее позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе, Черноморском бассейне и Средиземноморском регионе. Во-вторых, в Украине проживают миллионы этнических русских, судьба которых не может быть безразлична России. В-третьих, через территорию Украины Россия осуществляет транспортировку углеводородов в Европу.

Украина является вторым после России среди бывших советских республик по важности и значению государством. Другой американский ученый С.Хантингтон обращает внимание на то, что Украина занимает особое геостратегическое положение, поскольку «находится на цивилизационной «линии разлома».* Характерно, что часть украинских политологов открыто критикуют откровенный прозападный курс нынешнего режима.**

Можно констатировать, что у Запада в целом существовала стратегическая цель включения Украины в свою сферу влияния. Это стремление диктовалось следующими причинами. Прежде всего, Украина рассматривалась Западом как инструмент сдерживания российских геополитических амбиций. Предполагалось, что независимость Украины от России и ее включение в орбиту влияния Запада позволят предотвратить воссоздание « neo-российской империи» на постсоветском пространстве. Вашингтон полагается на (после-кучмовскую) Украину как на важный инструмент нейтрализации политического и военно-политического влияния России в СНГ.

Как считало большинство российских экспертов, свои цели были у блока НАТО, хотя они в принципе совпадают с интересами США. Прежде всего, это желание продвинуть Североатлантический альянс дальше на восток. При этом, если Украина станет членом НАТО, она будет вынуждена свернуть свой оборонно-промышленный комплекс и уступить западным странам свое место на рынке вооружений. Ее роль в случае вступления в альянс, скорее всего, будет заключаться в том, чтобы «сдерживать» Россию и «участвовать, при необходимости, в формировании нового «санитарного кордона», который позволил бы отделить Россию от стран Европы.

Европейский союз также стремился к включению Украины в свою сферу влияния. Стратегия ЕС в отношении Украины, навязанная западно-европейскими государствами, строилась на том, чтобы держать Украину

* Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М., 2003. - С. 41. См. также: Медведев Р. Расколотая Украина. – Москва: ИЭС, 2007. - 176 с.; На фоне «оранжевой революции»: Украина между Востоком и Западом: вчера, сегодня, завтра / Под ред. К.Ф. Затулина. – Москва: Институт стран СНГ, 2005. – 240 с.

** См.: Смирнов В.Н. Украина в свете современных вызовов глобализации // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 26-40.

на расстоянии: поддерживать инициативы по содействию вступления Украины в ВТО, упрощению процедуры выдачи виз и разработке планов беспошлинной торговли с Украиной, но ничего конкретно не говорить о перспективах принятия Украины в Евросоюз. Брюссель был заинтересован скорее в формировании зоны экономической и политической стабильности, базирующейся на общих (европейских) ценностях и охватывающей ЕС и близлежащие к нему государства. В то же время для Евросоюза одной из важнейших является проблема поставок углеводородов из России в Европу через украинскую территорию. Поэтому ЕС был не заинтересован ни в конфликте с Россией из-за Украины, ни в обострении российско-украинских отношений, так как в результате может пострадать энергетическая безопасность Европы.

С учетом перспективы вступления Киева в НАТО, а также стратегического положения Украины, проблема тесных экономических и энергетических связей ВПК двух стран приняла чрезвычайно острый характер как для России, так и для других стран – ее союзников по ОДКБ. В наследство от СССР Украине осталось более 2 тыс. предприятий, занимающихся производством оружия. Проблема состояла в том, что ни одно из них не выпускало конечный продукт. На Украине производились двигатели для баллистических ракет, истребителей и вертолетов, авиационные ракеты, газовые турбины для боевых кораблей и радиолокационные системы. Затем эти части монтировались на российских заводах. Половина украинской оборонной промышленности направлялась в Россию. Кроме того, Россия столкнулась с перспективой покинуть базу российского Черноморского флота в Севастополе.

На уровне СНГ Украина считала нецелесообразным создание Совета безопасности СНГ в составе руководителей силовых ведомств государств-участников Содружества, секретарей Совета безопасности и министров иностранных дел. Также делегация Украины воздержалась в свое время от поддержки предложения о создании Совета гуманитарного сотрудничества СНГ и подписании соглашения по созданию единого гуманитарного пространства Содружества. Тем не менее, до оранжевой революции Киев делал некоторые символические шаги в сторону Москвы, чтобы сохранить видимость своей приверженности к сохранению отношений тесного сотрудничества.

С 2004-05 г. российско-украинские отношения стали заметно ухудшаться. В частности, Украина стала противодействовать российской политике в СНГ. Становилось очевидным, что В.Ющенко действительно является радикальным западником, его цель - полный отрыв Украины от России и вступление в НАТО и ЕС. В начале 2008 г. украинское руководство сдела-

ло попытку, оказавшуюся неуспешной, ускорить процесс присоединения Украины к НАТО. Вступление Украины в НАТО, помимо США, активно лоббировали Польша и страны Балтии.

Украина фактически перестала участвовать в процессе строительства Единого экономического пространства (ЕЭП) с Россией, Белоруссией и Казахстаном (хотя была в 2003 г. одним из инициаторов его создания) и отказывается формировать с этими странами таможенный союз на базе документов ЕЭП. Украина отказалась и от российского предложения создать в рамках СНГ единый газовый альянс, который защищал бы на внешних рынках интересы государств - членов Содружества, производящих и транспортирующих природный газ. Украинское руководство не только предпринимает шаги, направленные против экономических интересов России, но и делает демонстративные антироссийские жесты. На концептуальном уровне новая антироссийская политика оранжевого режима нашла обоснование в известной статьи премьер-министра страны Ю. Тимошенко «Сдерживание России».*

На Западе утвердилась точка зрения, что Украина может стать мощным катализатором демократических процессов России и в целом в СНГ. Такой точки зрения придерживается бывший госсекретарь Генри Киссинджер, который рекомендовал Вашингтону отложить вступление Украины в НАТО, чтобы не мешать развитию демократии в России. Но в целом доминирует устоявшийся взгляд, что «главной причиной, по которой Россия упорно возражает против вступления Украины в НАТО, является не национальная безопасность, а опасения, что, если Украина станет членом НАТО, Россия навсегда потеряет возможность превратить Украину с ее значительными экономическими и технологическими ресурсами в своего вассала или даже полноценную часть Российской Федерации».

Заявления некоторых российских политиков и экспертов, в которых ставился под сомнение суверенитет Украины или содержатся территориальные претензии к ней, крайне болезненно воспринимался украинской элитой и интеллигенцией. Они только убеждали украинский политический класс в том, что Москва не избавилась от имперских амбиций, и поэтому Украине нужно искать помощи и защиты у Запада.** Таким образом, украинский

---

* Тимошенко Ю. Сдерживание России // Россия в глобальной политике (Москва). 2007. № 3. Т. 5. С. 96-110.

** Так, в украинскую прессу попала информация о том, что В. Путин на саммите НАТО в Бухаресте в начале апреля 2008 г. сказал американскому президенту, что если Украину все же примут в НАТО, это государство просто прекратит существование. То есть фактически он пригрозил, что Россия может начать отторжение Крыма и Восточной Украины.

политический класс счел, что российский президент не рассматривает Украину как суверенное и независимое государство. При этом резкие заявления российских руководителей и их протесты против вступления Украины в НАТО привели к результату, обратному желаемому.

Конфликт на Кавказе

В начале августа 2008 г. разгорелся конфликт в Южной Осетии, вызванный попыткой Тбилиси вернуть под свой контроль автономии Южную Осетию и Абхазию. В ночь с 7 на 8 августа грузинская армия атаковала Цхинвал, что привело к большим жертвам среди гражданского населения и гибели российских миротворцев. Россия моментально отреагировала на эту акцию, расценив ее как агрессию. В считанные дни российские войска вошли на территории обеих автономий, подавили сопротивление грузинской армии и вошли на территорию собственно Грузии. В конфликт вмешался Европейский Союз в лице французского президента Н.Саркози, который выступил в качестве посредника между Москвой и Тбилиси. Конфликт на Кавказе радикально изменил всю геополитическую обстановку в Евразии и привел к ухудшению отношений между Россией и Западом. Этот конфликт оказал крайне дестабилизирующее влияние на ситуацию в регионе, а также на всю систему международных отношений, связывающих Россию с Западом, США, ЕС, НАТО, а также на геополитику Евразии, ситуацию в СНГ.

В Вашингтоне, вне всякого сомнения, знали о готовящейся в Тбилиси операции против Южной Осетии. Можно предположить, что цели Тбилиси и Вашингтона в данной операции коренным образом расходились. Если грузинская сторона рассчитывала на результат в виде восстановления своей юрисдикции в Южной Осетии, то США ожидали последствий российской реакции, в частности, создавших условия для еще более активного развертывания американской военной активности в регионе. Вашингтону нужна была военная развязка. При этом он прекрасно отдавал себе отчет в том, что возвращение Абхазии и Южной Осетии в состав Грузии, или Нагорного Карабаха в состав Азербайджана - это крайне сложные геополитические операции.

Инициированная Грузией с подачи США дестабилизация в Южной Осетии, обернувшаяся вооруженным противостоянием между Москвой и Тбилиси, фактически поставила точку в истории с восстановлением территориальной целостности Грузии, а значит и на самих конфликтах. Соединенные Штаты планировали решить конфликт выгодным для себя способом: уговорить Саакашвили дать этим республикам широкую ре-

альную автономию и затем принять Грузию в НАТО. Для Соединенных Штатов нападение Грузии на Южную Осетию стало одним из элементов стратегии по geopolитической изоляции России.

Вследствие конфликта вокруг Южной Осетии в сложном положении оказался Европейский Союз. Кризис еще раз подтвердил раскол в рядах ЕС. Ряд государств ЦВЕ и Прибалтики открыто поддержали Грузию и стоявших за ними США. При этом представители «Старой Европы» - Франция, ФРГ, Италия дистанцировались от этой позиции. Эти обстоятельства ставят в крайне затруднительное положение Париж, который в качестве председателя ЕС вынужден, с одной стороны, оказывать нажим на Москву, выражая «консолидированную позицию» Евросоюза, а с другой – не допустить ухудшения отношений франко-российских отношений.

В Париже в начале сентября прошел внеплановый саммит Европейского Союза, созванный по инициативе Франции – председателя ЕС и посвященный российско-грузинскому конфликту. Характерно, что саму Грузию на саммит не пригласили. Изначально имелось два проекта резолюций: польский и итальянский. Первый предлагал ввести против России финансово-экономические санкции, второй – ограничиться моральным осуждением действий Москвы. Выбрали второе. Результат встречи таков: Евросоюз осудил признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, но не ввел против Москвы жестких санкций. Правда, Брюссель решил отложить переговоры о стратегическом партнерстве с Россией до вывода российских войск с территории Грузии.

Южноосетинский кризис резче обнажил серьезные проблемы самого Евросоюза. Стало очевидно, что ЕС не способен на самостоятельные действия даже в экстренной ситуации, напрямую касающейся его интересов. Ведь фактически речь шла об открытом вооруженном столкновении в непосредственной близости от границ ЕС, в котором задействованы две страны – партнера ЕС. Тень самопровозглашенного государства Косово вчера незримо витала над саммитом Евросоюза. Из 27 членов ЕС 21 страна признала независимость края, провозглашенную в одностороннем порядке в феврале. Это вносит в ряды Евросоюза дополнительный разлад и ослабляет аргументацию защитников политики Тбилиси.

В отношении России все страны ЕС можно условно разделить на 4 группы. Первая группа – русофобы, самые ярые критики России: это три прибалтийские республики и Польша; к ним примыкают Великобритания и Швеция. Вторую группу европейцев можно назвать «умеренными критиками». Это в первую очередь восточноевропейские страны – Чехия, Венгрия и Румыния, а также Дания. Третья группа – «прагматики», в которую входят Словакия, Словения, Болгария, Испания, Финляндия,

Голландия, Австрия, Португалия, Ирландия, Мальта. И наконец, четвертая группа - адвокаты, лоббисты России. Это такие тяжеловесы как Франция, Германия и Италия, с которыми солидаризуются Бельгия и Люксембург, Греция и Кипр.

Основная причина беспомощности Евросоюза - отсутствие механизма для принятия политических решений. Россия неоднократно обращала внимание ЕС на то, что Восточная Европа фактически участвует в политике сгравливания Евросоюза и России, проводимой США. В течение последних нескольких лет страны Балтии и Польши неоднократно делали острые выпады в сторону России, обвиняя ее в вынашивании планов агрессии. Ситуация стала совсем сложной, когда Польша и Чехия подписали с США соглашение о размещении на своей территории элементов ПРО, антироссийская направленность которых была несомненна. Однако и тут Франция и Германия, понимая всю опасность происходящего, беспомощно молчали.

Но было и другое настораживающее решение ЕС - о расширении сотрудничества с бывшими союзными республиками. То есть, по сути дела, заявка на стратегию по переориентации этих государств на ЕС, которая свидетельствовала о том, что Брюссель стремится продолжить и поддержать политику США по закреплению доминирования в бывших советских республиках и вытеснению России из зон ее традиционного влияния.

По итогам конфликта в Южной Осетии военно-стратегическое положение России ухудшилось. Вашингтон и Варшава практически договорились о размещении на территории Польши американских ракет-перехватчиков. Без всяких сомнений система ПРО США в Европе имеет своей целью достижение стратегического превосходства над Россией и странами ОДКБ. Другим негативным следствием конфликта на Кавказе стало устранение препятствий на пути приема Украины и Грузии в НАТО. Позитивным фактом являлась осторожная поддержка действий России со стороны Турции. Турция показала свою незаинтересованность в усилении Грузии. Но нельзя исключать, что Вашингтон рассматривал Грузию как альтернативу Турции в качестве своего форпоста в регионе, особенно с учетом перспективы военной операции против Ирана. В этих условиях Россия будет вынуждена резко наращивать военную мощь на Кавказе.

Вскоре после конфликта Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии, отдав приоритет праву наций на самоопределение, но поступившись принципом территориальной целостности. Конфликт в Южной Осетии выяснил ряд проблем российской армии в военно-технической сфере. Война выявила главный недостаток российской армии, которая фак-

тически воюет устаревшим оружием. В целом конфликт в Южной Осетии был спровоцирован Западом руками Грузии, чтобы проверить реальную боеспособность российской армии, а также политическую решимость и волю Кремля по защите своих национальных интересов. Вследствие конфликта с Грузией деятельность Совета РФ-НАТО оказалась парализованной благодаря жесткой позиции США. Конфликт вокруг Южной Осетии имел опосредованное влияние на энергетическую geopolитику. Возросла угроза парализации функционирования трубопровода БТД. В результате конфликта Грузия юридически вышла из состава Содружества.

Вслед за инициативой Турции по созданию Пакта стабильности на Кавказе, Иран выступил с инициативой создания формата позволяющего в комплексе решить все региональные проблемы с формулой 3+3, т.е. три южнокавказских государства (Азербайджан, Армения, Грузия) плюс три государства окружения (Россия, Турция, Иран). Ухудшение отношений РФ с США сделало решение по судьбе американской базы Ганси в Бишкеке лишь вопросом времени.

Акция России на Кавказе поставила в сложное положение Армению. События в Грузии привлекли внимание к Азербайджану. Одним из последствий конфликта стала судьба проектов БТД и газопровода Набукко. На Украине на фоне явно антироссийской позиции президента В.Ющенко, которая не отражала мнение большинства населения, произошло усиление конфронтации между русскоязычной и украинской частью страны. Основной вывод из данного конфликта состоял в том, что современная Россия открыто продемонстрировала соперникам и союзникам, что в случае необходимости она способна на силовые акции.

Таким образом, СНГ и внешняя политика России на постсоветском пространстве вышли из фазы неопределенности. Очевидно, что у России не хватало экономических, геополитических и демографических ресурсов на восстановление своего безоговорочного и монопольного доминирования в Содружестве. Тем не менее, Москва использовала кавказский фактор для сплочения под своей эгидой участников ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС и СНГ. Стало очевидно, что Россия больше не намерена терпеть антироссийскую политику, проводившуюся некоторыми государствами СНГ, а в случае угрозы ее национальным интересам была готова действовать быстро и жестко, а в случае необходимости - и без согласования своих действий с мировым сообществом.*

* См. подробнее: Лаумулин М.Т. Геополитические и военно-стратегические последствия конфликта на Кавказе и безопасность зоны ОДКБ // Analytic (КИСИ). 2008. № 4. С.18-35.

Проблемы безопасности СНГ

Россия инициировала четыре проекта: это – Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Три из этих организаций занимаются вопросами безопасности. Создавая их, Москва рассчитывала получить в руки эффективные механизмы координации и сотрудничества в выполнении совместно принятых решений. России нужны инструменты реализации ее политики, и вышеупомянутые институты являются рычагами воздействия в различных функциональных и географических областях.*

Договор о коллективной безопасности (ДКБ) был заключен в Ташкенте 15 мая 1992 года. Заключение ДКБ шестью постсоветскими республиками – Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном - стало важным решением на пути формирования эффективной системы региональной безопасности. В 1999 году Узбекистан, Азербайджан, Грузия не продлили свое участие в ДКБ, тем самым, выйдя из его состава. Договор о коллективной безопасности, который часто еще называли Ташкентским договором, был ратифицирован всеми участниками 20 апреля 1994 г., а срок его действия рассчитан только на 5 лет. В апреле 1999 г. лидеры шести государств - Армении, Беларуси, Казахстана, Киргызстана, России, Таджикистана - продлили его в Москве.

Договор состоит из 11 статей, в которых участники обязуются воздерживаться от применения силы и угрозы силой в отношении друг друга, согласовывать свои позиции в сфере безопасности и создать соответствующие координирующие органы. Главной несущей конструкцией ДКБ является статья 4, согласно которой агрессия против одной из сторон договора будет рассматриваться всеми участниками как агрессия против всех участников соглашения.

Другой важной составляющей ДКБ является обязательство, зафиксированное в статье 1, накладывающее запрет на вступление в другие военные союзы и группировки, направленные против другого государства-участника. В тоже время договор оставляет возможность для участия в системах коллективной безопасности в Европе и Азии. ДКБ также апеллирует к

---

* Бордюжа Н. Организация Договора о коллективной безопасности // Международная жизнь (Москва). 2005. № 2. С. 72-83; Вальтер Ф. Военно-политические и военно-промышленные аспекты внешней политики Москвы //Внешняя политика России: от Ельцина к Путину. / Пер. с нем. – К.: Оптима, 2002. С.38-47; Проблемы внешней и оборонной политики России. Сб. статей / Под ред. В.И. Кривохихи. – Москва: РИСИ, 2002. – 144 с.

международному праву и уставу ООН. Статья 10 оставляла открытой возможность для присоединения к договору других государств (подразумевались в первую очередь страны СНГ).

Усилить Договор о коллективной безопасности (ДКБ) стран СНГ администрация Президента РФ В.Путина предложила на саммитах в Минске и Бишкеке в 2000-м. Эти инициативы стали прямым следствием вооруженных столкновений в горах Киргизии летом 1999 и 2000 годов. Фактически впервые государствам – членам ДКБ понадобилось объединить усилия для совместных военных операций. Этот опыт и его анализ положили начало попыткам реанимировать договор, что привело к созданию в 2002–2003 годах Организации Договора о коллективной безопасности. (Документы подписаны в 2002 году и вступили в силу в 2003-м.).*

В изменившихся внешнеполитических условиях и с учетом возникновения реальной угрозы участники ДКБ в 2000-01 гг. делают ряд шагов для ответа на новые вызовы своей безопасности. На Минском саммите в мае 2000 г. был подписан Меморандум о повышении эффективности ДКБ и его адаптации к современной геополитической ситуации, принято решение Совета о порядке применения сил коллективной безопасности, о создании Комитета секретарей советом безопасности. На Бишкекской сессии в октябре 2002 г. был рассмотрен блок вопросов по дальнейшему развитию Модели региональной безопасности, принято решение о создании региональных сил системы коллективной безопасности, был принят план по формированию коллективных сил безопасности, рассчитанный на пять лет, подписано соглашение о статусе этих сил, в котором оговарива-

* Минасян С. Формирование системы коллективной безопасности СНГ // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 1. С. 151-159; Бордюжа Н. ОДКБ – эффективный инструмент противодействия современным вызовам угрозам // Международная жизнь (Москва). 2007. № 1-2. С.43-49; Ситенко В.Н. Деятельность ОДКБ на центральноазиатском направлении: актуальные задачи и проблемы // Analytic (Алматы, КИСИ). 2007. № 5. С. 30-40; Паромонов В., Столповский О. Россия и Центральная Азия: многостороннее сотрудничество в сфере безопасности // Advanced Research and Assessment Group Central Asian Series. Март 2008. - Shrivenham. – 21.; Алексин В. Подходы Казахстана к развитию ОДКБ в условиях формирования новой архитектуры международной безопасности // Казахстан - Спектр (Алматы, КИСИ). 2005. № 1. С. 3-6; Байзакова К. Сотрудничество Казахстана и России в рамках договора о коллективной безопасности // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2004. № 2. С. 97-102; Козюлин В. Государства Центральной Азии: развитие вооруженных сил и перспективы военно-технического сотрудничества с Россией // Индекс безопасности (ПИР-Центр, Москва). 2007. № 3. С. 41-60; Макдермотт Р. Российская программа обеспечения безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 2. С. 16-25; Цыганок А.Д. Россия и проблемы безопасности азиатских стран СНГ // Россия и современный мир (Москва, ИНИОН). 2008. № 4. С. 202-212.

ются вопросы правового, социального, политического и экономического характера. На Ереванском саммите в мае 2001 г. было принято решение о создании коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности (КСБР). В качестве основных задач перед КСБР ставилось отражение внешней военной агрессии и проведение совместных контртеррористических операций.

На юбилейном московском саммите ДКБ в мае 2002 г. Казахстан поддержал идею В.Путина по преобразованию ДКБ в международную организацию, т.е. в военно-политический блок. Важным результатом московского саммита было решение об интенсификации военно-технического сотрудничества между участниками Договора. Первоначально задача ОДКБ состояла в координации деятельности уже существовавших к 2002-му таких региональных образований, как Восточноевропейские союзнические силы (Россия – Белоруссия), Кавказские союзнические силы (Россия – Армения) и Коллективные силы быстрого развертывания в Центральной Азии (КСБР ЦА). Юридически это было оформлено Протоколом о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств – членов ДКБ, подписанным в 2001 году в Ереване.

Однако все эти институты создавались при совершенно разных обстоятельствах. Хронологически первыми возникли российско-армянские структуры, изначальной задачей которых было осуществлявшееся с 1994-го совместное патрулирование турецкой границы. Создание российско-белорусских союзнических сил способствовало развитию военного сотрудничества, начавшегося после расширения НАТО в 1997 году и активизировавшегося после операций альянса в Югославии. Их формирование стало частью строительства Союзного государства, поэтому в большой степени зависело от политических взаимоотношений Москвы и Минска.

В обоих случаях союзнические силы предназначались для сдерживания внешней угрозы, и их появление было своего рода развитием процесса оказания взаимной военной помощи. Стороны предпочитали использовать юридические рамки ДКБ (многосторонний формат) для двусторонних отношений, а не подписывать новые соглашения. Последнее сделало юридически возможным соединение всех элементов в одной организации.

Первоначально координация действий союзнических сил осуществлялась через Совет министров обороны и Комитет секретарей советов безопасности, созданных в 2000-м. В то время КСБР ЦА еще не существовало. Затем все эти структуры вошли в новую, разросшуюся Организацию Договора о коллективной безопасности. На начальном этапе ОДКБ воспринималась как структура, базирующаяся на российской военной платформе (подготовка офицерского состава, предоставление российских вооружений

и военной техники, совместные учения). В общем, как военная организация. Однако вскоре была поставлена цель превратить ее в универсальный институт безопасности. Сегодня ОДКБ считает зоной своей ответственности как традиционные, так и новые угрозы (например, в ее рамках ежегодно проводится операция «Канал» для пресечения наркотрафика).

Ведется работа по созданию в формате ОДКБ интегрированных военных систем (ПВО, управления и связи, информационно-разведывательной системы). Готовится к подписанию соглашение об оказании экстренной военно-технической помощи государству-члену, подвергшемуся агрессии, обеспечивающее своевременное и адекватное выполнение предусмотренного в Договоре о коллективной безопасности центрального обязательства о помощи в случае угрозы или осуществления агрессии против одного из участников Договора.

С окончательным оформлением ОДКБ в качестве полноправной международной региональной организации были созданы необходимые условия для успешного встраивания ОДКБ в систему региональных и международных отношений. Организация зарегистрирована в ООН и получила статус наблюдателя в Генассамблее ООН. Занимая свою нишу в мировом сообществе, ОДКБ активно развивает рабочие контакты и взаимодействие с другими международными организациями, занятymi в сфере безопасности. Уже сейчас можно говорить об устойчивых связях со структурами ООН, включая Секретариат и Контртеррористический комитет СБ ООН, Управление ООН по наркотикам и преступности, а также с ОБСЕ. Организация представлена в Постоянном комитете при Генеральном секретаре ООН по связям региональных организаций с ООН.

В соответствии с принятым в 2004 году решением Организация работает над реализацией утвержденных тогда Основных направлений диалога и взаимоотношений с НАТО. Взаимодействие с Альянсом продиктовано геополитическими потребностями укрепления ткани сотрудничества на обширном евроатлантическом и евразийском пространствах, усиления контртеррористического потенциала международного сообщества, взаимодействия по вопросам нераспространения, охраны границ, ликвидации последствий природных и техногенных катастроф и т.д. при должной координации и согласованности действий двух организаций на этих направлениях мировой политики. Все эти соображения доведены до сведения руководства НАТО, которая пока от ответа воздерживается.

Находясь на постсоветском пространстве, ОДКБ уделяет особое внимание работе с органами СНГ, в том числе с его отраслевыми структурами, где зачастую решения принимаются только голосами государств - членов ОДКБ и как таковые могут считаться решениями Организации.

Ключевую роль в обеспечении региональной безопасности и стабильности, включая противодействие новым вызовам и угрозам, играет для РФ Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Повышению ее роли в решении этих задач, особенно применительно к Центральноазиатскому региону, способствует возобновление членства в ней Узбекистана. Россия и далее будет содействовать консолидации ОДКБ в качестве военно-политического союза, укреплению миротворческого потенциала Организации, совершенствованию военно-технического сотрудничества между государствами-членами, усилению координации их действий на международной арене. Актуальной задачей является дальнейшее укрепление международного авторитета ОДКБ, развитие ее контактов с другими региональными организациями аналогичного профиля, включая ШОС. Растущее практическое значение приобретает усиление координации между ОДКБ и ЕврАзЭС.

По мнению российских политиков (Н.Бордюжи), наибольшую, вполне реальную опасность до недавнего времени представлял для Организации ДКБ афганский узел. На военно-политическую обстановку в постсоветском пространстве не может не оказывать воздействия активность других международных организаций, проецируемая на зону действия ОДКБ. Прежде всего, активизируется военная деятельность США и НАТО непосредственно на внешних границах всех регионов коллективной безопасности ОДКБ, восстанавливается или заново создается силами США и НАТО военная инфраструктура в Восточной Европе, Закавказье и Центральной Азии.

Вызывают растущую озабоченность у руководства ОДКБ и другие, в том числе скрытые, методы внешнего воздействия, граничащие с вмешательством во внутренние дела государств - членов ОДКБ. Организуются и реализуются хорошо скординированные акции и кампании по оказанию политического, экономического и информационного давления извне.

По мнению Москвы, представляется весьма актуальной и политически востребованной стоящая перед ОДКБ задача дальнейшего совершенствования и усиления военных и военно-политических механизмов сотрудничества государств-членов в сфере обеспечения их национальной и коллективной безопасности. Реализации этой задачи служит идущий сейчас процесс трансформации ОДКБ в универсальную международную структуру безопасности, способную адекватно реагировать по всему спектру современных вызовов и угроз.

Российские специалисты считают, что участники ОДКБ должны адаптировать Организацию к меняющейся геополитической ситуации, принять практические меры по созданию комплексной системы вспомогательных

органов ОДКБ и соответствующих коллективных сил и средств, включающей многосторонние механизмы координации антитеррористической и антинаркотической деятельности, совместного противодействия нелегальной миграции. В частности, в дополнение к уже существующим рабочей группе по терроризму и экстремизму и Координационному совету руководителей антинаркотических подразделений предлагается создать в качестве рабочего органа ОДКБ Контртеррористический комитет в составе руководителей министерств внутренних дел, органов безопасности, разведок, пограничных служб.

Другим новым направлением в работе по противодействию терроризму Москва видит формирование коллективных региональных антитеррористических сил ОДКБ для оперативного реагирования на любые террористические и экстремистские проявления. В военной сфере ведется работа по формированию Объединенной (коалиционной) группировки войск (сил) в Центрально-Азиатском регионе коллективной безопасности.

Закавказский регион имеет для России ключевое значение в плане обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности России. Нельзя исключать, что Россия постарается интернационализировать проблему Южной Осетии и Абхазии с тем, чтобы привлечь ОДКБ к выполнению совместных миротворческих операций в этих республиках. То есть, разделить с членами организации ответственность за военно-стратегическую безопасность на Кавказе.

Отношения РФ с Арменией носят устойчивый союзнический характер. Она стратегический партнер РФ в Закавказье, часть интеграционного ядра Содружества. Россия будет стремиться к ослаблению транспортной блокады Армении, наращиванию сотрудничества в энергетике, добиваться более высокой степени внешнеполитической координации двух стран в регионе, укреплять гуманитарное сотрудничество.

Со всеми пятью центральноазиатскими республиками Россию связывают двусторонние соглашения о военно-техническом сотрудничестве (ВТС). Четыре из пяти республик (за исключением Туркмении, имеющей статус нейтрального государства) входят в ОДКБ. Хотя ВТС с каждым из них имеет свои особенности, существует общая специфика.

Для партнеров по ОДКБ создаются наиболее благоприятные условия закупок российской военной техники. Правда, с одной существенной оговоркой: приобретаемая военная техника должна поступать на вооружение национальных воинских формирований, включенных в состав коллективных сил быстрого развертывания. Только в этом случае экспортная стоимость продукции будет соответствовать закупочной цене для российской армии.

Низкая стоимость вооружений – возможно, одна из наиболее привлекательных привилегий, получаемых с членством в клубе ОДКБ. Россия предлагает участникам полный опцион: платежи союзников за оружие не облагаются налогом на добавленную стоимость, его доставка осуществляется по внутренним российским тарифам. Правда, существует другая важная оговорка: при выходе из договора льготы ликвидируются, а разница между экспортными и договорными ценами переоформляется в государственный долг.

Несмотря на довольно большое число оборонных предприятий в Центральной Азии, ни одна республика не имеет возможности производить вооружения самостоятельно. Без России оборонной промышленности стран ЦАР не существует. В рамках ОДКБ намечено осуществить пакет интеграционных мер в военно-технической области по созданию совместных предприятий (СП), корпораций и финансово-промышленных групп для разработок и производства вооружений и военной техники. Также государства ОДКБ будут совместно заниматься модернизацией, ремонтом, эксплуатацией и утилизацией уже существующих систем вооружений и военной техники.

В то время как на пространстве СНГ наблюдаются дезинтеграция и разобщение вооруженных сил различных республик (многие переходят на стандарты НАТО), ОДКБ восстанавливает существовавшее при СССР единство и единообразие, создавая объединенные военные системы: боевой готовности, оперативного планирования, управления, информационно-разведывательной, противовоздушной обороны (ПВО), тылового и технического обеспечения и других.

ПВО составляет самую большую статью расходов среди объединенных оборонных программ на пространстве СНГ. 70% всех расходов Совета министров обороны стран СНГ направляется на совершенствование и развитие объединенной системы ПВО. При этом, если некоторые страны СНГ согласились лишь на обмен информацией в рамках системы ПВО СНГ, то система ПВО стран ОДКБ управляется из единого центра, а также позволяет участникам действовать в общем воздушном пространстве. То есть национальные средства ПВО, входящие в систему, смогут действовать в границах этого пространства независимо от их государственной принадлежности. Штаб Центральноазиатской региональной группировки ПВО размещается в Астане. Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Узбекистан осуществляют совместное боевое дежурство сил ПВО. Если объединенная система ПВО ОДКБ лишь восстанавливает единую структуру защиты неба, существовавшую при СССР, прообразом будущей объединенной армии в ОДКБ следует признать Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР).

КСБР ОДКБ были созданы 25 мая 2001 г. по решению глав четырех стран ОДКБ – России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана – в связи с усложнившейся в регионе ситуацией. Их задачей было остановить экстремистов в случае эскалации напряженности и возникновения вооруженных конфликтов на южных границах СНГ. КСБР ЦАР состоят из 10 батальонов: по три от России и Таджикистана, по два – от Казахстана и Киргизии. Общая численность личного состава коллективных сил – около 4 тыс. человек. Авиационная составляющая (10 самолетов и 14 вертолетов) находится на российской авиабазе Кант в Киргизии. В столице Киргизии размещается постоянная оперативная группа штаба КСБР. Ее возглавляет представитель вооруженных сил Киргизии. Эти силы должны быть оснащены однотипными образцами вооружения и военной техники. Финансирование КСБР ведется по долевым взносам: 50% – Россия, 30% – Казахстан, по 10% – Таджикистан и Киргизия.

Планируется, что к 2010 г. на основе КСБР будет создана Объединенная группировка сил коллективной безопасности ЦАР16. Это должна быть группировка, способная противостоять не только вылазкам террористов, но и «крупному вооруженному конфликту», грозящему государствам-членам ОДКБ. На Объединенную группировку предлагается возложить задачи по локализации и прекращению возможных приграничных конфликтов на внешних границах, нанесению поражения группировкам войск агрессора и созданию условий для прекращения военных действий на выгодных для членов ОДКБ условиях. Структуру, состав и численность собственно группировки в мирное и военное время должны утверждать президенты Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана.

Обладая достаточно крупной для ЦАР армией, Казахстан проводит независимую политику, во многом согласованную с Россией. Сотрудничество с Казахстаном в защите неба – важнейшая составляющая ВТС России с 2003 г.

Ремонт казахстанской техники на российских заводах и поставка запчастей ведутся по сниженным ценам. Однако фактически договоренности о льготных поставках российских вооружений странам-участницам ОДКБ начали выполняться только в 2004 г.

Казахстан – страна с относительно небольшим населением и огромными пространствами. Территорию страны в 2 717 300 кв. км. населяют свыше 15 млн. граждан, а национальные границы протяженностью 12 012 км защищают вооруженные силы численностью менее 100 тыс. человек. Для защиты гигантских казахстанских рубежей сравнительно немногочисленными вооруженными силами требуются высокая мобильность, современные средства слежения, связи. Российские эксперты уверены, что в

ближайшее время Казахстану потребуется перевооружить, а вернее создать аэро-мобильные войска. Но качественной и исправной боевой техники в вооруженных силах Казахстана сегодня примерно 20% (по подсчетам российских специалистов). На прошедшей в апреле 2007 г. встрече министры обороны Казахстана и России рассмотрели номенклатуру вооружений, которые намерен закупить Казахстан, и достигли договоренности о поставках новейшей военной техники в среднесрочной перспективе.

Первоочередные интересы России в Казахстане в сфере безопасности состоят в следующем: поддержание тесного двустороннего военного сотрудничества на стратегическом уровне (с учетом вероятных угроз с южного и восточного направлений); совместная эксплуатация и поддержание на должном уровне боеготовности космодрома, полигонов и стратегических баз; сохранение Казахстана в системе коллективной ПВО.

Среди основных направлений внешнеполитической деятельности Союзного государства РФ и Беларуси можно выделить: координацию действий в сфере внешней политики, связанных с осуществлением договора, принятие в состав Союзного государства других государств, взаимодействие в международной сфере по военным и пограничным вопросам, включая реализацию международных договоров по вопросам безопасности.

Белоруссия сохраняет свое важное военно-стратегическое значение для России, но в категориях прежнего противостояния в Европе. Белоруссия является наиболее последовательным и активным государством в процессе военной интеграции в рамках ОДКБ. Между вооруженными силами РФ и РБ существует т.н. коалиционный подход, т.е ВС двух государств представляют собой симбиоз и имитацию единых сил. Это позволяет экономить на военных расходах и оптимизировать систему управления. Между РФ и РБ заключено свыше 30 договоров в военной сфере. Для военно-стратегических интересов России большое значение имеют РЛС «Волга» (в аренде до 2020 г.) и РЛС «Антей», которые обеспечивают слежение за передвижениями в Северной Атлантике, Северной и Центральной Европе, а также обеспечивают связь с российскими подводными российскими ракетоносцами в Атлантике. Россия выплачивает Минску от 14 до 20 млн. долл. в год. В целом совокупная помощь белорусской армии со стороны России – поставки вооружений, обучение офицерского состава, содержание систем ПВО С-300 – достигает до 360 млн. долл. ежегодно.

Эксперты указывают, что с политической точки зрения Беларусь уже полностью готова к разрыву союзных отношений с РФ. В стране отсутствуют самостоятельные пророссийские политические силы.

Основной внешнеполитической проблемой и главным вопросом национальной безопасности для Армении является проблема Нагорного

Карабаха. Она становится еще более актуальной в свете событий вокруг Южной Осетии и Абхазии.

Пока чисто военный баланс сил складывается не в пользу Азербайджана. Однако в Ереване понимают, что положение будет меняться. Понимают и то, что транспортная блокада является мощным тормозом внутреннего развития, не говоря уже о дальнейшем нарастании политico-дипломатического давления со стороны ведущих западных держав. Армения заинтересована в мирном решении проблемы на основе компромисса.

Армянская элита выступает за так называемый «пакетный план» урегулирования, предусматривающий заключение соглашений между противоборствующими сторонами «в пакете» с учетом всех проблем и перспектив будущего «мира». Поэтапный план предполагает отказ от немедленного разрешения фундаментальных проблем (например, статус НКР) в пользу «малых дел» (частичный отвод армянских сил с азербайджанских территорий вне НКР, поэтапное возвращение перемещенных лиц).

Наиболее важными до последнего времени направлениями внешней политики этой страны являются подписание Плана действий Армении с ЕС в рамках программы «Политика европейского соседства», реализация масштабной программы США «Вызовы тысячелетия», строительство газопровода Иран – Армения, углубление процессов евро-атлантической интеграции в сфере безопасности с НАТО и в тоже время достаточно тесное сотрудничество с Ираном. Интерес России заключается, прежде всего в том, чтобы Армения оставалась стабильным, динамично развивающимся государством, а правительство было настроено на конструктивный диалог с РФ.

К основополагающим элементам обеспечения национальной безопасности Армении относится дальнейшее укрепление отношений стратегического партнерства с Россией. Связи в этой сфере наиболее активно развиваются в трех измерениях. 1) Двустороннее военно-политическое сотрудничество, в том числе в формате совместной армяно-российской группировки на территории Армении; 2) многостороннее сотрудничество в рамках мероприятий ОДКБ; 3) сотрудничество в рамках объединенной системы противовоздушной обороны СНГ.

Интеграция Армении в европейские структуры была и остается одной из приоритетных задач ее внешней политики. Это четко отражается как в сотрудничестве с Европейским союзом и другими европейскими организациями, так и в двусторонних отношениях РА со странами, входящими в эту структуру. Более того, в перспективе Армения видит себя в качестве полноценного члена ЕС. Активизация евро-атлантической интеграции и углубление партнерства с Североатлантическим альянсом – важнейшие элементы политики обеспечения национальной безопасности республики.

Вместе с тем в отношениях Армении с НАТО отмечен определенный индивидуальный подход - с учетом динамики отношений Еревана с Москвой и членства Армении в ОДКБ.

Армянская элита рассматривает свой альянс с Москвой как временный и вынужденный неблагоприятным геополитическим окружением, соседством с Турцией и фактически - состоянием войны с Азербайджаном. Однако в качестве перспективы для своей страны она видит будущее Армении не с союзом Россия-Белоруссия и в целом не в интеграционных структурах СНГ. Как считает новое поколение армянской элиты, будущее Армении - это Евросоюз и НАТО. При этом исходит из того, что на этом пути Армения должна оставаться другом (но не союзником) России. Но и Россия не должна «становиться на пути Еревана в Европу».

Ввиду ухудшения отношений России с Западом и начавшегося обострения военно-стратегической ситуации на Южном Кавказе резко возрастает значение Еревана как союзника Москвы по ОДКБ. Для Армении также важен с международно-юридической точки зрения сам факт признания Россией ранее непризнанных республик. Этот прецедент Ереван может использовать по вопросу НКР в обмен на свою военную лояльность России.

Российско-армянские отношения носят специфический характер. Прежде всего речь идет о тесных военно-политических связях. Военное сотрудничество регулируется целым комплексом договоров и соглашений. Ряд документов закрепляет присутствие в Армении российских военных. Имеется также соглашение о создании на ее территории объединенной группы войск под единым командованием в период обострения обстановки в регионе и угрозы агрессии против одной из сторон. На протяжении многих лет силы и средства ПВО армянской армии проводят боевое дежурство совместно с дислоцированными в Армении зенитным ракетным полком и авиагруппой РФ. Целью объединенной ПВО является отражение возможного ракетного нападения с южного направления.

Для Еревана военно-политическое сотрудничество с Россией имеет первостепенное значение. Заинтересована в нем и Москва. После полной ликвидации военных баз РФ в Грузии, Армения останется единственной страной, где сохранится возможность размещения Группы российских войск в Закавказье. Вместе с тем Армения остро нуждается не только в военной, но и в экономической безопасности.

В 2006 году фактически завершился разворот внешней политики Ташкента в сторону Москвы. Узбекистан вступил в организацию ЕврАзЭС (которая является по своей сути пророссийским ядром СНГ), а также вернулся в Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Многие оценили эти события как прорывные, как открытие новых возмож-

ностей реинтеграции постсоветских государств. Развитие отношений РУ с постсоветскими странами развивается по траектории, заданной после 2004 г. поворотом в сторону России. В российско-узбекских отношениях доминируют два фактора: военный и энергетический. Принятое на последнем саммите ОДКБ решение России продавать своим ближайшим партнерам оружие и спецтехнику по внутренним ценам фактически означает, что дальнейшее вооружение узбекской армии и спецслужб берет на себя российский военно-промышленный комплекс.

Очевидно, что участие в ОДКБ тяготит Узбекистан. Согласно данным СИПРИ, узбекские военные добиваются стабильного увеличения объема экспорта поставок по основным видам обычных вооружений. В 2003 г. Узбекистан занимал 7-е место в мире (510 млн. долл. США) по продаже оружия. Однако и для вооруженных сил Узбекистана настало время широкомасштабного перевооружения. В модернизации нуждается бронетехника, авиатехника, средства ПВО. Хотя среди центральноазиатских республик Узбекистан занимает 1-е место по закупкам российских вооружений (с объемом в несколько десятков миллионов долларов), в скором будущем эти размеры должны вырасти в разы.

С 2000 г. Узбекистан ежегодно резервирует до 250 тыс. т хлопкового волокна для обмена на военно-техническую продукцию из России (около четверти всего производимого в стране хлопка). В счет за поставки оружия идет и транзит туркменского газа через узбекскую территорию. На протяжении ряда лет стороны прорабатывают совместную вертолетную программу Согласно регистру ООН в 2005 г. Россия поставила в Узбекистан 10 неназванных ракет. Регулярно закупаются небольшие партии запчастей для самолетов и бронетехники, артиллерийские боеприпасы. Сегодня основные заказы – стрелковое оружие и боеприпасы, спецсредства для Службы национальной безопасности и МВД, полицейское снаряжение и средства контроля скоплений народа: слезоточивый газ, дубинки. В 2007 г. Узбекистан потратил на военные нужды около миллиарда долларов.

Киргизия обладает малыми военными ресурсами и, будучи расположенной между мощными соседями в нестабильном регионе, проводит политику активного использования чужих интересов для собственной пользы.

Политическое и военное руководство страны научилось извлекать выгоды из широких международных контактов. В рамках ОДКБ руководство Киргизии согласилось на размещение на территории аэродрома Кант российской военной базы. Авиабаза предназначена в первую очередь для обеспечения совместной безопасности России и Киргизии. Руководство Киргизии стремится активно пользоваться преимуществами ОДКБ,

в частности в целях получения вооружений на безвозмездной основе либо по внутренним ценам. Для этих целей, а также для развития промышленной кооперации в Бишкеке действует представительство ФГУП Рособоронэкспорт.

Вооруженные силы страны испытывают потребность в получении средств связи, боеприпасов, вертолетных двигателей и обмундирования. Как правило, Киргизия не имеет средств для покупки и в качестве платежа предлагает не взимать арендную плату с российских воинских частей, находящихся в Чуйской и Иссык-кульской областях республики. Россия поставляет военное имущество Киргизии в счет оплаты за аренду четырех военных объектов на киргизской территории, в том числе авиабазы в Канте. Сумма арендной платы составляет 4,5 млн. долл. США в год. Киргизская сторона в рамках взаимозачетов двух государств расходует 2 млн. долл. США на обучение своих военнослужащих в российских военных вузах.

В 2002 г. Россия безвозмездно поставила для ПВО Киргизии различного оборудования на 4,1 млн. руб., а в 2003 г. на 3,5 млн. руб.: стрелковое оружие, предметы экипировки и обмундирования, средства радиосвязи. Также в 2003 г. Россия поставила Киргизии партию радиолокационных станций на 20 млн. руб. и отремонтировала вертолет Ми8. В 2005 г. Россия снова поставила Киргизии оружие и военную технику на сумму 3 млн долл. США. В настоящее время Россия рассматривает вопрос о предоставлении Киргизии нескольких ЗРК С300.

Хотя российские поставки безвозмездны, именно Киргизия определяет, какие вооружения ей необходимы. Россия готовит офицеров для ВС Киргизии: из 13 тыс. киргизских военных с 1992 по 2005 гг. подготовку в российских военных вузах прошли свыше тысячи прaporщиков и офицеров. Киргизия заинтересована в тесной промышленной интеграции с Россией, рассматривая сотрудничество как способ загрузить свои предприятия заказами и обеспечить занятость в городах. Развитие оборонно-промышленного сотрудничества также отвечает интересам России, ибо позволяет восстановить нарушенную с распадом СССР кооперацию, а также создать условия для самостоятельного производства Киргизией военной техники, средств связи, боеприпасов и обмундирования.

Правительство Киргизии выражает готовность передать в счет госдолга (который составляет 150 млн. долл. США) в собственность России 23 своих предприятия: завод Айнур, Бишкекский машиностроительный завод, ТНК Дастан и других с последующим созданием на их базе киргизско-российских предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) по производству технических средств охраны границы. Среди предприятий

ВПК Киргизии для России наиболее важен завод Дастан в Бишкеке, производящий высокоскоростные торпеды ВА111 Шквал.

Минск также рассматривает Киргизию как потенциальный рынок для своих вооружений. Белоруссия рассчитывает поставлять специальное оборудование, электронные охранные системы, приборы контроля и наблюдения в обмен на киргизский хлопок.

Вооруженные силы Таджикистана – самые слабые в ЦАР. Маленько-го оборонного бюджета едва хватает на выплату скромного жалования военнослужащим. Денег на военные закупки нет вовсе, оборонная промышленность отсутствует. В такой ситуации ВТС с Россией приобретает исключительную важность для таджикских вооруженных сил. Таджикистан занимает не последнее место в военных планах России: здесь располагается переданный в собственность России оптико-электронный узел Нурук (Окно) системы контроля космического пространства. Этот объект важен для национальной безопасности России и ее союзников.

Российская 201-я мотострелковая дивизия (8 тыс. человек) дислоцируется в Душанбе, Кулябе и Курган-Тюбе и имеет 128 танков Т72, 314 боевых машин пехоты (БМП) и бронетранспортеров, 120 самоходных артиллерийских установок (САУ) и собственные средства ПВО. На аэродроме Айни в 10 км от Душанбе размещается авиационная составляющая российской базы: до 10 самолетов Су25 и Су2757, а также не менее 10 боевых вертолетов58. Российская дивизия заметно превосходит армию Таджикистана по боевой мощи.

При этом Россия готова идти на беспрецедентные поступки: в 2008 г. боевая техника и вооружения 201-й базы передаются в распоряжение властей Республики Таджикистан. Перечень передаваемых российских вооружений еще не опубликован, но военные аналитики оценивают его приблизительно в 1 млрд. долл., что равно почти половине валового национального продукта Таджикистана. С учетом глубокого переоснащения 201-й базы Таджикистан по боевому потенциалу присутствующих на его территории воинских подразделений может догнать своих соседей.

Помимо этого, при Минобороны Таджикистана на основе межправительственных соглашений между Россией и Таджикистаном сформирован аппарат Главного военного советника. Российские советники, а также выпускники российских военных вузов (в России ежегодно обучаются до 300 курсантов из Таджикистана) формируют облик таджикских вооруженных сил. Ремонт, поставка запасных частей, модернизацию вооружений и обучение будущих офицеров Россия осуществляет почти безвозмездно. Наибольшие расходы связаны с ремонтом и модернизацией таджикской противовоздушной обороны.

Глава 3. Россия и Центральная Азия

Центральная Азия традиционно входила в зону интересов Российской Федерации, приоритетность и иерархия важности которых на определенных этапах определялась различными обстоятельствами. В общей совокупности геополитических, экономических и военных интересов ключевые направления российской политики в регионе базировались на следующих факторах долгосрочного характера.*

* См.: Хрусталев М.А. Центральная Азия во внешней политике России. – Москва, 1994; Акимбеков С. Российская политика в Центральной Азии (составление и перспективы) // *Pro et Contra* (Москва). 2000. № 3. С. 75-88; Акимов А.В. Россия и Центральная Азия: перспективы экономической интеграции // *Восток*. 1994. № 4. С. 120–130; Боронин О. К вопросу о приоритетах российской политики в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 3. С. 96-106; Брауэр Б., Эшмент Б. Политика России в Центральной Азии // Внешняя политика России: от Ельцина к Путину. /Пер. с нем. – К.: Оптима, 2002. - С.155-168; Зевин Л.З., Ушакова Н. А. Россия и Центральная Азия: проблемы и перспективы экономических отношений // Восток - *Oriens* (Москва). 2005. № 2. С. 77-90; № 3. С. 91-104; Инютин И. Российская стратегия в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 2. С. 30-39; Йонсон Л. Политика России в Центральной Азии после 11 сентября 2001 года // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 1. С. 94-108; Каушик Д. Политика президента В. Путина в Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЕР). 2004. № 2. С. 85-96; Князев А. Россия возвращается в Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 5. С. 35-44; Кожихов А. Трансформация политики России в Центральной Азии. Анализ текущей ситуации // Казахстан и современный мир (Алматы, ЦВПА). 2001. № 1. С. 113-126; Парамонов В. Экономические отношения между Россией и Центральной Азией: общий фон, современное состояние и основные проблемы // Казахстан-Спектр (Алматы: КИСИ). 2007. № 2. С. 60-68; Рашидов Б. Россия в Центральной Азии: переход к позитивной внешней политике // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2005. № 2. С. 128-137; Россия и страны Центральной Азии: взаимодействие на рубеже тысячелетий. – Москва: Наука, 2006. – 224 с.; Трофимов Д. Россия и США в Центральной Азии: проблемы, перспективы, интересы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 1. С. 82-94; Тыныбек А.А. Постсоветская Центральная Азия во внешней политике России // Вестник КазНУ: серия международные отношения и международное право. 2005. № 3. С.22-26; Файзуллаев Д. Россия и геополитическая перегруппировка сил в Центральной Азии // Азия и Африка (Москва). 2006. № 3. С. 10-15; Гумеров Р.А. Геоэкономические интересы Россия в Центральной Азии // Россия и современный мир (Москва, ИНИОН). 2008. № 4. С. 194-201; Дадабаева З.А. Россия и проблемы безопасности в Центральной Азии // Россия и современный мир (Москва, ИНИОН). 2008. № 4. С. 183-193; Jonson L. Russia and Central Asia: a New Web of Relations. – London: RIIA, 1998. – X+78 pp.; Laruelle M. Russia's Central Asia Policy and the Role of Russian Nationalism. – A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS - Washington, D.C., 2008. - 79 p.

Ситуация в Центральной Азии в значительной степени отличается от отношений РФ с другими частями СНГ. В этой части Содружества России удалось фактически взять под свой контроль экспорт энергоресурсов и установить (частично) контроль над трубопроводами и другими элементами энергетической и транспортно-коммуникационной инфраструктуры, вклиниться в другие сектора энергетики и добывающую (прежде всего, алюминиевую и урановую) промышленность. Со своей стороны, Москва гарантирует странам Центральной Азии политическую стабильность, безопасность и международную поддержку. Такая политика наиболее наглядно проявилась в отношении Узбекистана (после Андижанских событий 2005 г.), Казахстана (в преддверие президентских выборов 2005 г.), а также других республик региона.

Существует еще один очень важный момент: только в Казахстане и Киргизстане есть перспектива сохранения русских диаспор. Именно эти страны наиболее тесно связаны с Россией в экономической сфере, и здесь значительно более благополучно положение двух стран в религиозном плане. Ряд российских стратегов предлагали увязывать внешнеполитические акции с соблюдением прав русскоязычного населения, то есть фактически распространить на Центральную Азию принципы, лежащие в основе политики Москвы в отношении стран Балтии.

Ситуация в Центральной Азии после бурного 2005 года развивалась относительно стабильно. Отшла угроза «цветной революции» в Узбекистане и Казахстане. Удалось сохранить в орбите России и СНГ Киргизию и Таджикистан. Туркменистан (вплоть до кончины С. Ниязова в конце 2006 г.) добросовестно выполнял свои обязательства перед Газпромом. Россия продолжала практически монопольно доминировать в сфере транспортировки углеводородов из региона. Центральная Азия как будто подтверждала правильность выбранной В. Путиным стратегии по превращению России в «энергетическую сверхдержаву», а страны ЕврАзЭС – в подобие клуба энергетических производителей и транспортеров во главе с Москвой.

Однако, в этой области, где позиции России были чрезвычайно сильны, крылись зерна будущих конфликтов. Туркменистан, Казахстан, и Узбекистан были вынуждены на данном этапе продавать газ клиентам по двусторонним (с Россией) соглашениям, теряя при этом дополнительно существенные суммы от российского промежуточного газового транзита. Именно поэтому, как считают зарубежные наблюдатели, страны Центральной Азии ищут альтернативные пути прокладки новых газопроводов в обход российской территории.

Это требование времени было понято и правильно расшифровано на Западе, который в этот период резко интенсифицировал свои контакты

со странами Каспийско-Центральноазиатского региона именно в сфере транспортировки углеводородов и строительства трубопроводов. При этом на Западе вполне отдавали отчет, насколько резкой может быть реакция России, рассматривавшей эту область своей естественной монополией. Тем не менее, западные стратеги считали, что уже подошло время принятия решений о строительстве новой сети трубопроводов (преимущественно – газопроводов) в обход России. Эта стратегия диктовалась стремлением обезопасить Европу от чрезмерной энергетической зависимости от России путем диверсификации источников и попутно расширить сферу влияния Запада через новые крупные проекты. В конечном итоге достигалась главная цель Запада – сорвать реализацию «доктрины Путина» по ре-интеграции постсоветского пространства.

В Москве ясно отдавали отчет в мотивах стратегии, тактики, целях и методах своих западных контрагернеров, а также понимали, что республики Центральной Азии преследуют на международной арене свои конкретные экономические интересы и стремятся балансировать между Россией и Западом. Все это создавало условия как для усиления нажима со стороны Москвы, так и для достижения более выгодных условий для производителей энергоресурсов и транзитных стран.

Газпром как geopolитическое оружие

Главная особенность внешней политики постсоветской России, особенно при В.Путине, состояла в том, что Москва использовала экономику (точнее – энергетическое сотрудничество) как мощный инструмент по достижению внешнеполитических целей. Это касалось как отношений России с Западом, так и с азиатскими странами (КНР и Япония). Но в еще большей степени «энергетическая стратегия» России показала себя в отношениях со странами СНГ. Центральная Азия как источник транзитных энергоресурсов занимала подчиненное положение для европейского направления геостратегии России. Однако, в 2000-е годы благодаря активности «Газпрома» в регионе и наступательной стратегии Москвы в сфере энергетического сотрудничества Центральная Азия превращается в отдельный объект энергетической, экономической и geopolитической экспансии РФ.

В ходе реализации российской стратегии роль агентов в решении geopolитических планов были призваны сыграть крупные нефте- и газодобывающие компании, подконтрольные государству или очень тесно связанные с ним. События 2005 г. вокруг строительства Северо-Европейского газопровода и отношений с Украиной показали, что газовая политика и собственно «Газпром» превратились в один из главных инструментов вне-

шнеполитической стратегии России. С начала нового тысячелетия ситуация стала изменяться для России в лучшую сторону. Резкое повышение мировых цен на углеводороды и первые позитивные результаты структурных реформ в российской экономике начали приносить свои плоды. Это позволило не только приступить к решению внутренних социально-экономических проблем, но и снова вспомнить о роли России как великой державы.

ОАО «Газпром» - крупнейшая газовая компания в мире, являющаяся монополистом в добыче и транспортировке российского газа. В течение последних нескольких лет кремлевская администрация сумела значительно усилить свой контроль над «Газпромом», в свою очередь, позволив газовому концерну вернуть себе часть профильных активов и усилить финансовые возможности, необходимые для решения намеченных стратегических задач. В рамках стратегии В.Путина «Газпром» в последние годы заметно повысил активность на внешних рынках, неуклонно расширяя географию своего присутствия на планете.

Главное, чего удалось добиться «Газпрому» в первой половине 2000-х гг. - это стать единственным оператором всех газовых потоков из стран Центральной Азии. Как считали российские стратеги, на фоне усиления зависимости прикаспийских государств от иностранного капитала, в первую очередь американского, и в условиях крайней ограниченности финансовых ресурсов России для защиты своих интересов на Каспии было необходимо действовать одновременно по трем направлениям:

1) добиваться приоритетного использования уже действующей российской экспортной инфраструктуры; 2) продвигать в регион российские нефтяные и газовые компании, содействовать обеспечению их максимального участия в соответствующих проектах; 3) по возможности блокировать невыгодные для России проекты, используя в том числе неурегулированность вопроса о правовом статусе Каспия. По мнению Москвы, милитаризацию могло бы сдержать включение в Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря, обсуждаемую сейчас прикаспийскими государствами, принципа недопустимости присутствия вооруженных сил третьих стран.

Таким образом, пока США занимались каспийской нефтью и Ираком, а ЕС - расширением, Россия завершала строительство «либеральной империи»* в отдельно взятой отрасли СНГ - газовой промышленности. Для полной комплектации такой империи Москве было необходимо, чтобы «Газпром» решил ряд «промежуточных» задач: получил в концессию (сроком

---

* Выражение «либеральная империя» принадлежит российскому политику А.Чубайсу, под которым он подразумевал добровольно объединение вокруг РФ ряда постсоветских республик, но под эгидой Москвы.

на 30 лет) украинскую газотранспортную систему, создал (на российских условиях) на базе «Белтрансгаза» российско-белорусское СП и подписал с Казахстаном 25-летнее соглашение о стратегическом сотрудничестве в газовой сфере. Россия фактически стремилась довести до конца монополизацию газовых секторов республик Центральной Азии, а затем от «газового халифата» перейдет к строительству «газового СССР», плотно взяввшись за Украину и Беларусь.

В ходе российско-украинского газового кризиса 2005-06 гг. «Газпром» обеспечил достижение своей главной цели: обеспечение поставок газа на западноевропейский рынок и контроль над финансовыми потоками (в т.ч. за счет туркменского газа). Это было основной причиной компромисса с украинской стороной. Уже в апреле 2006 г. аналогичные методы стали применяться в отношении Беларуси.

Иначе выглядели действия «Газпрома» при поддержке Кремля в Центральной Азии, которая является потенциальной ресурсной базой энергетической стратегии Москвы.* В последние годы Центральная Азия - стала объектом пристального внимания крупнейших российских нефтегазовых компаний, которые в разном формате и с разной степенью успеха начали развивать сотрудничество с республиками региона.**

В апреле - мае 2003 года Россия подписала ряд стратегических долгосрочных соглашений в области энергетики с Туркменистаном, Узбекистаном, Киргизстаном и Таджикистаном. Все четыре заключенные сделки были рассчитаны на 25 лет и предусматривали решение широкого спектра проблем; это экспорт газа, совместная разработка нефтегазовых месторождений, прокладка трубопроводов, модернизация устаревшего оборудования в республиках региона.

Среди основных задач топливно-энергетической экспансии России на первом месте стояло создание единого водного и топливно-энергетического комплекса в Центральной Азии (под российским управлением). Одним из возможных вариантов решения проблемы является включение в создаваемый водно-энергетический консорциум Таджикистана, где в настоящее время осуществляется строительство Рогунской ГЭС, самой мощной в регионе. «Газпром» примет участие в реконструкции и строительстве

---

* См.: Карайянни М. Энергетика – становой хребет политики России в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 4. С. 102-108.

** См.: Томберг И. Энергетическая политика стран Центральной Азии и Кавказа // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 4. С. 80-91; Сапрыкин В. Российский «Газпром» в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2004. № 5. С. 93-107; Хренков Н. Кремль, «Газпром» и Средняя Азия // Азия и Африка (Москва). 2005. № 6. С. 12-18.

магистральных газопроводов, компрессорных станций и других объектов инфраструктуры газового комплекса Киргизии. Вполне возможно, что главным направлением деятельности «Газпрома» в Киргизии будет транзит газа через территорию республики в другие страны (КНР). Большой интерес у России вызывала разработка урановых месторождений.*

Цель России была очевидна и заключалась в том, чтобы укрепить свои позиции главного партнера Туркменистана в энергетическом секторе и тем самым сохранить контроль над экспортом туркменского газа. В идеале Россия хотела бы контролировать туркменский газ для того, чтобы иметь гарантии на осуществление масштабных инвестиций. Фактически, на сегодня Туркменистан является негласным протекторатом России. Схема российско-туркменских отношений строится на том, что Россия через посредничество «Газпрома» начинает осуществлять управление туркменскими газовыми активами.

Самым ярким примером стратегии России являются действия «Газпрома» в регионе, который пытается установить контроль за потоками газа между Узбекистаном и Киргизией, между ними и внешними рынками. При этом Узбекистану выгоднее продавать ранее предназначавшийся Киргизии газ «Газпрому». В то же время детали подписанного с Киргизией соглашения не разглашаются. Однако очевидно, что интересы российского газового гиганта в Киргизии не связаны с газодобычей. Транзит газа через территорию республики в другие страны как направление станет главным, так как эта республика непосредственно граничит с Китаем. Известно, что «Газпром» и КНР уже в течение нескольких лет прорабатывают возможности поставки российского газа в Китай. Одним из основных вопросов на этих переговорах является маршрут экспортного российского газа. Как один из вариантов он может пройти по территории Киргизии. В этом плане становится понятным, почему «Газпром» намерен кардинально модернизировать газотранспортную инфраструктуру Киргизии.

В российских стратегических кругах неоднозначно расценивали расширение энергетического сотрудничества между РК и КНР. По мнению российских экспертов, появление нового игрока – Казахстана вносило определенную интригу в сюжет. Однако такое развитие событий они советуют не расценивать как негативное. Российские эксперты считали, что готовность Пекина финансировать прокладку трубы из Казахстана было стремлением продемонстрировать наличие альтернативы и один из ответов на неторопливость российских властей относительно выбо-

---

* См.: Рашидов Б. Россия в Центральной Азии: переход к позитивной внешней политике // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2005. № 2. С. 128-137.

ра маршрута магистрали. Богатый сырьевыми ресурсами Казахстан, взявший курс на максимально возможное привлечение инвесторов и считающийся одним из основных партнеров России на постсоветском пространстве, оставался для российских компаний наиболее привлекательной республикой ЦА.

Российские аналитики отмечали, что «в отрыве» от соседних стран – Туркменистана и Казахстана капиталовложения в газовую отрасль Узбекистана могут оказаться неэффективными, по причине удаленности республики от рынков сбыта. Тем не менее, Россия наращивала экономическое сотрудничество с Узбекистаном. российская компания заключила в ЦА первый контракт, предусматривающий добычу исключительно газа. В среднесрочной перспективе это позволит «Газпрому» перейти от перепродажи газа к его производству, то есть начать новый этап бизнеса в регионе и к тому же восстановить прежнюю цепочку геологических, промысловых и транспортных активов бывшего СССР, что даст возможность данной структуре усилить свой экспортный потенциал и укрепить экономические отношения с центральноазиатскими партнерами. Подписанное в конце 2002 г. соглашение о сотрудничестве с Узбекистаном в сфере добычи и транспортировки газа предусматривало три основных направления сотрудничества.

Российские гиганты нефтегазового рынка получили доступ к новым азиатским месторождениям, благодаря чему Россия в лице своих компаний стала на тот момент ведущим инвестиционным партнером Узбекской Республики в газовой отрасли и в экономике вообще. Активная позиция крупнейших российских нефтегазовых компаний позволила им занять доминирующее положение в ТЭК Узбекистана, чего раньше не удавалось ни одному иностранному инвестору. В отличие от Казахстана, где российским фирмам приходится серьезнейшим образом конкурировать с крупнейшими компаниями мира, в Узбекистане сложилась иная ситуация. Скоординированные действия российских компаний, контроль над транспортными коммуникациями (связка «добыча - транспортировка» в лице «Газпрома» и «ЛУКойла») позволяла Москве выстраивать более эффективные геополитические отношения с Ташкентом.

В отношении Киргизии Россия также проявляла активность в нефтегазовой области. Речь идет о соглашении между правительством Киргизии и компанией «Газпром» о разведке и освоении месторождений газа сроком на 25 лет. В начале 2004 г. Узбекистан настоял на заключении нового газового контракта с Киргизией. Его условия были более жесткими и менее выгодными для Киргизии. Данный контракт был крайне невыгоден Киргизии, учитывая ее значительный внешний долг и дефицит госбюджета.

В отсутствие альтернативных вариантов Киргизия была вынуждена соглашаться практически на любые условия Узбекистана. Такая ситуация подталкивала киргизское руководство к поиску альтернативных источников газоснабжения. Так, в мае 2003 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в газовой отрасли между российской компанией «Газпром» и правительством Киргизии сроком на 25 лет. Поставки газа обеспечиваются с использованием уже имеющихся магистральных газопроводов. По-видимому, «Газпром» планирует поставлять в Киргизию часть газа, закупаемого компанией в Узбекистане или Туркмении.

По этому же соглашению «Газпром» примет участие в реконструкции и строительстве магистральных газопроводов, компрессорных станций и других объектов инфраструктуры газового комплекса Киргизии. Кроме этого, соглашение предполагает совместную эксплуатацию имеющихся газопроводов с перспективой транзита газа через территорию Киргизии в другие страны. «Газпром» собирается также инвестировать в геологоразведочные работы в республике. В Киргизии «Газпром» планировал принять участие в приватизации газораспределительных сетей этой страны. Соглашение предполагает также совместную эксплуатацию имеющихся газопроводов с перспективой транзита газа через территорию Киргизии в другие страны. Появление «Газпрома» в качестве поставщика газа в Киргизию в определенной мере уравнивало положение Узбекистана и Киргизии на переговорах о делимитации государственной границы между государствами. Более того, позиция Узбекистана на них стала более уязвимой. Подписание соглашения между «Газпромом» и Киргизией в ближайшей перспективе приводило к потере Ташкентом рычага давления на Бишкек по вопросу урегулирования территориальных споров.

Активная позиция России в ходе революции и свержения А.Акаева в 2005 г., в частности, во внутрикиргизском урегулировании, была обусловлена не только ее желанием стабилизировать ситуацию и не допустить эскалации конфликта, но и стремлением защитить свои политические, экономические и энергетические интересы в Центральной Азии, а также сохранить свое главенствующее влияние в этом регионе в русле стратегии использования «Газпрома».

Схожая ситуация сложилась в отношениях «Газпрома» с Таджикистаном. На территории этой страны по договору 2003 г. «Газпром» вел разведку и освоение месторождений и оказывает местным компаниям содействие в строительстве, реконструкции и эксплуатации газопроводов и других объектов инфраструктуры газового комплекса республики. В Таджикистане Россия в 2004 г. продемонстрировала новый подход, который в прошлом году в пробном варианте был опробован в Киргизии: военные базы в обмен на инвестиции.

Российско-туркменские отношения внешне выглядели стабильными, несмотря на ряд кризисных моментов в их недавней истории. Самым крупным кризисом были события 2003 г., связанные с отменой российско-туркменского гражданства.* Российские компании начали экспансию в морской сектор республики, когда большинство западных гигантов и средних фирм сочли нынешний инвестиционный климат в Туркменистане неблагополучным. Наряду с политическим фактором, основная проблема разведки и разработки этого сектора – дефицит и весьма значительная изношенность в имеющейся нефтяной инфраструктуре.

В результате 10 апреля 2003 года в Москве президенты В. Путин и С. Ниязов подписали два документа: соглашение о поставках туркменского газа в Россию на 25 лет и протокол об отмене двойного гражданства. Туркменистан является крупнейшим производителем природного газа в Центральной Азии и надеется в период до 2020 г. привлечь в свой нефтегазовый сектор внешние инвестиции на сумму до 25-26 млрд. долларов. Этот фактор активно использовался Ашхабадом во внешней политике, в частности в отношениях с Россией и другими странами СНГ. В течение этого срока Россия могла бы закупать туркменский газ по фиксированной цене. Основные противоречия складывались вокруг цены за газ, форм оплаты и условий транспортировки. В отношении последних Туркмении уже удалось навязать «Газпрому» достаточно жесткие условия договора.

В результате газового кризиса в конце 2004-начале 2005 гг. Туркмения, как и Россия, оказалась в выигрыше. «Газпром» при этом не только отстоял свой экономический интерес, но и весомо дал понять Ашхабаду, в чьих руках самые крупные козыри. Более того, на данном этапе принципиальный отказ России транспортировать и закупать туркменский газ мог бы иметь весьма серьезные последствия для экономики Туркмении и, соответственно, для правящего там режима. Туркменская сторона поддерживала маршрут газопровода из Туркмении по восточному побережью Каспия через Казахстан в Россию. Цель России заключалась в том, чтобы укрепить свои позиции главного партнера Туркменистана в энергетическом секторе и тем самым сохранить контроль над экспортом туркменского газа.

Таким образом, активность российских компаний в Туркменистане сводилась к закупкам «Газпромом» крупных объемов голубого топлива.

---

* Вплоть до конца 2003 г. Россия неоднократно выражала свою озабоченность в связи с дискриминацией этнических русских в Туркменистане. В апреле 2003 г. Ниязов внезапно решил ликвидировать институт двойного гражданства, предложив примерно 100 тысячам этнических русских в Туркменистане либо отказаться от российского гражданства, либо покинуть страну. С. Ниязов, находясь под давлением Москвы, использовал для достижения своих целей газовый фактор.

К тому же эта фирма сумела отсечь других серьезных потребителей туркменского газа на некоторое время, и надолго «отодвинуть» такие амбициозные проекты, как строительство трубопровода в Афганистан и Пакистан или прокладку трансиранского газопровода, с выходом в Турцию и Европу.

Ситуация осложнилась в начале апреля 2006 г. во время визита С.Ниязова в Китай, где было достигнуто соглашение о строительстве газопровода из Туркменистана в КНР, минуя Казахстан. Этот демарш Туркменбashi выглядел как авантюрная попытка шантажа – прежде всего России, т.к. реальных обоснований этот проект не имел: у Туркмении не хватало газа для заполнения этого трубопровода даже для пакистанского и индийского рынков. Кроме того, по-прежнему сохраняли свое значение факторы военно-политических и геополитических рисков, связанных с Афганистаном.

В целом Россия в середине 2000-х гг. продолжала последовательно и целенаправленно двигаться в избранном направлении, проводя свою энергетическую политику с опорой на сырьевой сектор. На саммите АТЭС в Бангкоке в 2006 г. В. Путин позиционировал Россию как основного гаранта энергетической безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. С учетом ее доминирования в снабжении энергоресурсами европейских государств и наметившихся контактов в этой сфере с США, подобная заявка на лидерство в АТР означает стремление расширить «окно возможностей», появившееся в результате усиления беспокойства импортеров нефти по поводу стабильности поставок из традиционных - Ближний Восток и Африка - источников.

Но развивая свою энергетическую стратегию, Россия сталкивалась с объективными трудностями, среди которых главная – ограниченность мощности российских магистральных трубопроводов. Как считали, российские стратеги, роль стран СНГ на мировом рынке нефти быстро росла, и при благоприятном сценарии к 2010 году ведущие нефтедобывающие республики Содружества смогли бы обеспечить 25-27% потребности этого рынка. К тому времени нефтяной блок на базе СНГ мог бы собрать вокруг себя союзников из числа независимых экспортёров и наряду с ОПЕК и МЭА ОЭСР стать одним из трех регуляторов мирового рынка нефти. Однако для этого Москве предстояло согласовать разнонаправленные интересы бывших союзных республик и сформировать единую энергетическую политику создаваемого энергетического альянса. К тому же была необходима реконструкция существующей в рамках СНГ инфраструктуры, прежде всего транспортной. Целью же России в Центральной Азии являлось создание единого энергетического консорциума под ее руководством.

Таким образом, в Москве пришли к выводу, что у России появилась уникальная возможность восстановить свое геополитическое влияние в ЦА. Войдя в ОЦАС, Россия признала легитимность центральноазиатской интеграции. Далее, Россия добилась слияния ОЦАС и ЕврАЗЭС, фактически поставив под свой контроль интеграционные (в т.ч. энергетические) процессы в регионе. Фактически, это была попытка найти ответ на расширение китайской экономической экспансии в регион тем, что Россия также стремится расширять свое торгово-экономическое сотрудничество с его государствами.

Относительно роли «Газпрома» следует отметить два момента. Во-первых, компания все больше развивалась по модели классической ТНК со всеми вытекающими последствиями для его активности на зарубежных рынках. Во-вторых, в политике концерна угадывалась доктрина «либеральной империи» А.Чубайса, в духе которой и действовал «Газпром». Во время правления В.Путина компания стала одним из важнейших инструментов глобальной геоэкономической стратегии России. Казахстан при этом оставался наиболее значимым партнером России в системе ее геополитических и геостратегических приоритетов в Центрально-Азиатском регионе.

Новый союзник РФ: Узбекистан

Узбекистан находился в сложном положении, в которое он попал после кризиса своих отношений с Западом, хотя уровень давления на Ташкент постепенно снижался. В 2007 г. появились сигналы о том, что стороны готовы частично восстановить прежний уровень партнерства. Однако (помимо фактора личности И.Каримова) существовали обязательства, взятые Ташкентом перед Москвой и Пекином, которые рассматривались ими однозначно в качестве гарантий международной поддержки ими Узбекистана.

В отношении Узбекистана у Москвы после визита В.Путина в 2004 г. проблем не было. После событий 2004-05 г. Ташкент занял откровенно антizападную и пророссийскую политику. Базы США были выведены из этой республики, Узбекистан вступил в ОДКБ и ЕврАЗЭС* и подписал с Россией серию соглашений по экономическому сотрудничеству, в т.ч. и в области энергетики, добычи и транспортировки углеводородов. Тем самым, Узбекистан удачно вписался в реализацию стратегии Путина.

---

* Осенью 2008 г. маятник узбекской политики вновь качнулся в сторону Запада: Ташкент объявил о замораживании своего членства в ЕврАЗЭС. Это произошло одновременно со смягчением санкций ЕС в отношении РУ, а также на фоне смены администрации в Вашингтоне.

На этом этапе Ташкент нуждался и в поставках российского оружия, и в политической поддержке Москвы на международной арене, прежде всего в СБ ООН, поскольку не только США, но и Евросоюз время от времени пытались поставить Узбекистан в положение страны-изгоя. В обмен на гарантии безопасности со стороны России И.Каримов проявил готовность открыть двери российскому бизнесу. Речь шла о допуске компаний к разработке крупнейших газовых месторождений, а также урановых и золотоносных рудников.

Новым этапом в развитии российско-узбекского сотрудничества стали Договор о стратегическом партнерстве от 16 июня 2004 г. и Договор о союзнических отношениях от 15 ноября 2005 г., подписанные президентом России В.Путиным и президентом Узбекистана И.Каримовым. Узбекистан взял курс на присоединение ко всем соглашениям, действующим в рамках ЕврАзЭС (их свыше 70), в том числе к зоне свободной торговли. Велась активная работа по формированию Таможенного союза, в перспективе - создание общего рынка, единого законодательства в области валютно-финансового регулирования, формирование единого экономического пространства и единой валюты. Наиболее перспективным (с российской точки зрения) в отношениях России и Узбекистана представлялось сотрудничество в отраслях топливно-энергетического комплекса, в вопросах развития системы газопроводов с выходом на восточные и европейские рынки сбыта природного газа, а также в области добычи золота, цветных и редкоземельных металлов.

Еще в 2003 году «Газпром» получил в управление все магистральные газопроводы, проходящие по территории Узбекистана, а в апреле 2006-го подписал с Ташкентом СРП сроком на 15 лет по проекту разработки газоконденсатного месторождения «Шахпахты». Этот участок относится к категории месторождений с остаточными запасами, которые составляют 7,7 млрд. куб. м газа. Помимо этого, «Газпром» изъявил намерение приобрести 44%-ю долю в газовой монополии «Узбекистантрансгаз».

В июне 2004 года, в ходе визита президента РФ в Ташкент, «ЛУКойл» подписал СРП по проекту Кандым - Хаузак - Шады, срок действия которого - 35 лет. Объем утвержденных геологических запасов природного газа на контрактной территории составляет 283 млрд. куб. м. Резервы самого крупного из этих месторождений - «Кандым» - оцениваются в более чем 150 млрд. куб. м голубого топлива. Компания уже объявила, что будет реализовывать добытое сырье «Газпрому» для дальнейшей перепродажи в РФ или на рынках дальнего зарубежья.

Свою экспансию в регионе активизировали и другие российские компании. В 2004 г. фирма «Союзнефтегаз» приобрела контрольный пакет акций «Узпек» (основным активом последней являются лицензии

на два узбекистанских месторождения, где запасы газа почти вдвое превышают таковые на залежах, которыми занимаются в регионе «Газпром» и «ЛУКойл»).*

Углублению сотрудничества в нефтегазовой отрасли способствовало среднесрочное соглашение на транспортировку природного газа через территорию Узбекистана на 2006 - 2010 гг., подписанное «Газпромом» и «Узбекнефтегазом» в Ташкенте в сентябре 2005 г. В том же году «Газпром» заключил соглашение о выкупе до 2010 г. всех газотранспортных мощностей Узбекистана, кроме обеспечивающих экспорт и прокачку газа для технологических нужд. За пять лет «Газпром» собирается транспортировать через Узбекистан около 225 млрд. куб. м газа, или около 45 млрд. куб. м в год. «Газпром» закупает здесь сравнительно небольшие объемы газа, но транспортные мощности Узбекистана важны для него стратегически. Через территорию Узбекистана проходит газопровод «Средняя Азия - Центр», по которому туркменский газ идет в Россию и Украину. Украина не сможет без России получать туркменский газ, тем более что с 2007 г. «Газпром» собирается покупать весь его экспортируемый объем.

Другим фактором большого экономического значения, особенно для РУ, являлся вопрос трудовой миграции. В Узбекистане ею ежегодно охвачено как минимум 600 - 700 тыс. человек. Основной их поток направлялся в Россию. Многие жители Узбекистана трудоспособного возраста знают русский язык и воспринимают Россию как дружественную страну. Для них миграционно привлекательны такие регионы, как Москва, Московская, Воронежская, Саратовская, Тамбовская, Самарская, Нижегородская и Иркутская области, Краснодарский и Красноярский края.

Другое направление российско-узбекского сотрудничества – создание совместных предприятий. Договор о стратегическом партнерстве 2004 г. и Договор о союзнических отношениях между государствами 2005 г. придали важный импульс торгово-экономическому взаимодействию, привлечению российских инвестиций в экономику Узбекистана, в частности путем создания совместных проектов и предприятий и участия в программе приватизации.

---

* «Узпек» владеет лицензиями на разведку и разработку двух блоков на северо-западе Узбекистана - «Юго-Западный Гиссар» и «Центральный Устюрт». «Юго-Западный Гиссар» - первое лицензионное соглашение, по которому Ташкент подписал соглашение о разделе продукции. В этот блок входят два месторождения: «Адамташ» (с запасами 5,5 млн т нефти) и «Кызылбарак» (с запасами в 6,5 млн. т нефти и 134 млрд. куб. м газа). «Центральный Устюрт» включает в себя два месторождения - «Урга» и «Бердах». Их суммарные резервы оцениваются в 400 млрд куб. м газа. Сырье, добытое «Узпек», планируется поставлять в Россию, Казахстан и Китай.

Таким образом, в 2004-05 гг. произошла быстрая метаморфоза: Узбекистан в лице России получил влиятельного защитника на международной арене, а Россия с его помощью подтвердила свой статус региональной державы в Центральной Азии.

Однако, развитие ситуации в этой республике вызывало опасения у российских стратегов с точки зрения дальнейшего сохранения стабильности и преемственности власти. Эта проблема из внутриполитической может перерасти во внешнеполитическую, т.е. непосредственно затронуть российские интересы. В 2007-08 гг. появились сигналы, указывающие на сближение Ташкента с Западом: Евросоюз инициировал рассмотрение вопроса о смягчении санкций против правительства Ислама Каримова. Однако, в целом Россия до прихода к власти Д.Медведева считала свои позиции в Узбекистане достаточно прочными. Опасения, как и прежде, внушали такие вероятные события как всплеск исламского радикализма и социальный взрыв с последующей дестабилизацией, обострение борьбы за власть в случае ухода И.Каримова, которое могло вызвать как внутриполитическую дестабилизацию, так и резкую смену внешнеполитического курса.

Неопределенность в Киргизстане

России удалось без особых затрат (и во многом благодаря поддержке Казахстана) сохранить Киргизстан в своей орбите после бурных событий марта 2005 г. и во время политической неопределенности 2005-06 гг. В отличие от «революций» в Тбилиси и в Киеве события в Киргизии в 2005 г. развивались без непосредственного (или минимального) вмешательства внешних сил и не имели антироссийского подтекста.

Весьма показательной в этом смысле была договоренность между Москвой и Бишкеком, состоявшаяся весной 2006 г., о расширении в полтора раза базы российских ВВС в Канте, которая имела статус мобильной оперативной компоненты КСБР ОДКБ. Одновременно киргизское руководство выдвинуло перед США жесткие требования по изменению условий аренды авиабазы в Манасе. Прежде всего, это был запрет на ее использование в качестве плацдарма для проведения военных операций в регионе (подразумевались возможные силовые акции против Ирана). Что же касается попыток Вашингтона возобновить переговоры об открытии американской базы в Оше, начавшиеся еще при А.Акаеве, то они были пресечены новым президентом К.Бакиевым самым решительным образом.

Ориентируясь на Россию в военно-политических вопросах, Бишкек считывал на ее помощь в экономическом развитии страны. Ставка делалась

на активное привлечение российского бизнеса к участию в дорогостоящих проектах, реализация которых собственными силами просто невозможна. Речь, в частности, шла о создании «Газпромом» и киргизскими партнерами нефтегазового СП, о совместном с РАО «ЕЭС России» строительстве ГЭС на р. Нарын, которое началось еще в советское время, а затем было заморожено на долгие годы.

Единственным фактором, способным вызывать политическую озабоченность Москвы, являлась постепенная (но во многом закономерная) монополизация власти президентом К.Бакиевым и вытеснение из правого политического поля Ф.Кулова. Первое грозило доминированием южных кланов в экономике, политике и внешнеполитической ориентации республики. Второй фактор мог привести к открытой конфронтации двух лидеров и их сторонников. И тот другой факторы потенциально вели к дестабилизации Киргизии и, следовательно, к срыву интеграционных планов Кремля в Центральной Азии.

Судя по тому, что К.Бакиеву удалось без международных последствий для своего имиджа вытеснить соперника из власти, фигура президента устраивала Россию (как и Запад). Однако, ставка только на одного Бакиева могла самым серьезным образом отразиться на стратегических планах Москвы в регионе. Спусковым механизмом для начала конфронтации с международным контекстом может стать, например, поддержка Западом Ф.Кулова как альтернативы Бакиеву.

Важная периферия: Таджикистан

Таджикистан традиционно считается одним из наиболее верных и надежных геополитических союзников России на постсоветском пространстве. Однако в истории их отношений были периоды и потепления, и неожиданного охлаждения; есть также немало подводных камней, скрытых мотивов и острых противоречий.

В 1991 году - после распада СССР и «парада суверенитетов» бывших советских республик - правительство РФ некоторое время рассматривало происходящие в Таджикистане события сквозь призму борьбы с пережитками коммунистического «наследия». В результате политика России в отношении Таджикистана была практически парализована в течение нескольких месяцев, когда политическое руководство (во всяком случае значительная его часть) лоббировало интересы таджикской оппозиции, а силовики - особенно на местном уровне (в лице пограничников и 201-й МСД) - открыто поддерживали проправительственный «Народный фронт». Ситуация начала меняться лишь к осени 2002 года,

когда в российском руководстве окончательно возобладала точка зрения «державников».*

К 2005 г. внешнеполитические позиции Таджикистана определились. Душанбе не решился окончательно порывать с Россией, к чему его настойчиво подталкивал Запад после начала широкомасштабного сотрудничества в 2002-03 гг. Это позволило Москве добиться того, чтобы расквартированная в Таджикистане 201-ая мотострелковая дивизия РФ получила статус военной базы. Соответствующее соглашение было подписано в октябре 2004 г. Причем данная проблема решалась в увязке с рядом других. В собственность России перешел оптико-электронный узел «Окно», расположенный в Нурике и действующий в интересах российских Космических войск. Одновременно Москва обязалась инвестировать около 2 млрд. долл. в строительство ГЭС и алюминиевых предприятий в республике. Однако, угроза российским позициям в этой республике больше исходила не от Запада, а от ближайшего стратегического партнера РФ – Китайской Народной Республики.

Во внешней политике Таджикистан брал все больше пример с Казахстана, развивая отношения со всеми соседями без излишней идеологии и предрассудков прошлого. В этом русле Таджикистан активизировал в середине 2000-х гг. свои связи с КНР. Официальный визит в Пекин президента Эмомали Рахмонова привел к подписанию соглашения о сооружении нескольких гидроэлектростанций в Таджикистане с участием китайского капитала, однако на самом деле повестка дня этого визита была шире.

В ходе решения пограничной проблемы еще в 1990-е годы Душанбе фактически добровольно уступил Китаю примерно тысячу квадратных километров своей территории (правда, в труднодоступных горных районах, которые не имели особого значения для хозяйственного развития Таджикистана). При этом Китай в ответ обеспечил Таджикистану свободный транспортный коридор, по которому из республики могли теперь поставляться на мировые рынки грузы и товары.

Китай, получив небольшие участки территории от Таджикистана, стал активно помогать этой республике. Именно Китай оказал помочь Таджикистану в сооружении шоссейной дороги через перевал Кульма в сторону Каракорума. Эта дорога связала с центром страны Горно-Бадахшанскую область Таджикистана, которая впервые за долгие годы получила возможность нормально поставлять свои товары на другие рынки, а также

---

* Муллоджанов П. Российско-таджикские отношения: современное состояние и перспективы развития // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 5. С. 98-108.

развивать у себя целый ряд производств и наладить надежное снабжение всем необходимым для жизни населения.

Следует отметить, что Китай предложил Таджикистану также военное сотрудничество - как в рамках Шанхайской организации сотрудничества, так и на двусторонней основе. В 2005 году прошли масштабные анти-террористические учения под названием «Взаимодействие». В них приняли участие отдельные части китайских ВВС, а также подразделения тяжелой бронетехники армии Таджикистана. В ходе самих учений отрабатывались вопросы взаимодействия различных родов войск и операции по ликвидации террористических групп, которые якобы проникли на территорию горных районов Таджикистана из «третьих государств».

Также в 2006 году Китай предложил Таджикистану построить Яванскую ГЭС в Согдийской области республики. Стоимость этого проекта могла достигнуть суммы в 100 млн. долларов, плюс КНР выразила готовность оказать содействие в сооружении еще нескольких ГЭС на реке Зерафшан. Их стоимость могла выйти на уровень 400 млн. долларов, и в этом случае китайская сторона хотела бы получить для себя долгосрочные контракты на снабжение соседних пограничных районов Китая энергоресурсами Таджикистана.

Со своей стороны Таджикистан был не против такого варианта сотрудничества, но при этом официальный Душанбе хотел бы, чтобы построенный в Таджикистане китайцами объект становился собственностью государства только спустя 5-7 лет после сдачи в эксплуатацию. Китайская сторона предложила другой вариант: построенная китайцами ГЭС сразу же становится собственностью Таджикистана после пуска в эксплуатацию, а вложенные в сооружение станции деньги (то есть китайские инвестиции) считаются долгосрочным кредитом, который будет погашаться по специальному договору между Душанбе и Пекином.

Кроме того, Китай помимо энергетики, военного сотрудничества и сооружения дорог хотел бы всерьез заняться добычей в Таджикистане полезных ископаемых. Так, Пекин получил разрешение таджикского руководства на добычу руды на Алтын -Топканском и Пойбулукском месторождениях, а затем Китай хотел бы получить разрешение и на добычу урановых руд в Таджикистане. Таким образом, Таджикистан превращался в первый объект «китайской экспансии», о которой так много говорилось еще несколько лет до этого. Это означало, что Россия начинала уже реально сталкиваться с новым и крайне серьезным вызовом своим геополитическим интересам. Тем не менее, позиции РФ еще достаточно прочны.

В этом смысле были показательны социологические опросы, сделанные независимыми агентствами накануне президентских выборов 2006 г. В

ходе соцопроса избирателям был задан вопрос об их мнении относительно крупнейших иностранных государств, имеющих влияние в Центральной Азии, включая Россию, Китай и США. Из этих трех стран самое благоприятное отношение было к России - 90%. Жители Таджикистана были твердо уверены, что Россия может сделать для помощи Таджикистану гораздо больше, чем Китай либо США.

Кроме того, Таджикистан зависел от России с точки зрения рынка для своей трудовой миграции, которая приняла за последние годы огромный размах. Торговые и экономические связи двух стран все еще достаточно сильны. И наконец, главной гарантией значения России для Таджикистана оставался военно-стратегический императив: Таджикистан по-прежнему представлял собой наиболее уязвимое звено в Центральной Азии с точки зрения возможности вторжения радикальных исламистов с юга.

Туркменистан: смена власти

Драматические события, связанные с неожиданной для многих кончиной лидера Туркменистана С.Ниязова в декабре 2006 г. и приходом к власти его преемника Г.Бердымухамедова, активизировали закулисную борьбу вокруг Ашхабада. Целью этой борьбы являлось: для Запада – вовлечь Туркмению в состав участников альтернативных проектов по поставкам газа в Европу; для России – сохранить свои преференции по монопольной транспортировке туркменского газа на зарубежные рынки.

Туркменистан после ухода Ниязова рассматривал три проекта по доставке своего природного газа потенциальным потребителям помимо существующей сети газопроводов Средняя Азия - Центр. Первый - газопровод Туркменистан-Казахстан-Китай мощностью 30 миллиардов кубометров в год. Второй проект - возведение Прикаспийского газопровода (вдоль Каспия через Казахстан, Россию и от Украины далее, который позволит увеличить объем поставок газа в Западную Европу); и, наконец, третий проект строительства газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Объединенные Арабские Эмираты. Кроме того, Ашхабад завел диалог о Прикаспийском проекте напрямую с Европой и заручился согласием ее представителя. Болезненный удар по российским интересам мог нанести проект строительства газопровода для поставок туркменского газа в Китай.

Ранее «Газпром» согласился покупать туркменский газ в 2007-2009 годах по 100 долл. за 1 тыс. куб. м. Соответствующее соглашение руководство «Газпрома» и правительство Туркменистана подписали 5 августа 2006 года. Внешняя политика Туркменистана выделялась почти полным

отсутствием вовлечения страны в механизмы региональной интеграции и кооперации. Новое руководство уверяло мировое общественное мнение в том, что изменений не произойдет. Не исключено, что новое руководство Туркменистана само было заинтересовано в расширении своих контактов с Россией.

На перспективу новое руководство определило несколько приоритетов во внешней политики Туркменистана. В их числе: сохранение нейтрального статуса Туркменистана, продолжение курса Ниязова по экспорту энергоресурсов, урегулирование статуса Каспия, стремление снизить риски вовлечения Туркменистана в конфликт между США и Ираном. Но главным направлением в ближайшее время стало стремление добиться широкой легитимизации постназовского режима мировым сообществом.

Казахстан и Россия

Казахстанско-российские отношения стоят особняком не только от отношений России с государствами Центральной Азии, но и с другими странами СНГ. С одной стороны, Казахстан – один из наиболее лояльных и надежных партнеров России на постсоветском пространстве, непременный участник всех интеграционных процессов. Однако, с другой стороны, Астана все чаще заявляет своей политикой, что имеет свои собственные национальные интересы, свое видение международной ситуации, свои приоритеты во внешней политике.

Независимая политика Казахстана не всегда находит понимание в Москве, хотя любые формы раздражения и недовольства тщательно маскируются Кремлем, исходя из соображений стратегического характера. Тем не менее, подобное противоречие имеет место и рано или поздно может заявить о себе, несмотря на обоюдное стремление обеих сторон проявлять максимум дипломатической и политической сдержанности.

По многим объективным и субъективным причинам Россия и Казахстан остаются чрезвычайно «взаимоувязанными» государствами. Для РК российская территория – главное транзитное пространство, российский внутренний рынок – основной потребитель казахстанской продукции, РФ – ведущий экономический партнер. Для Москвы же Астана является не только одним из ведущих экономических партнеров на постсоветском пространстве, местом нахождения ключевых военно-космических структур РФ, но и геостратегической зоной, ограждающей Россию от угроз с юга.

Россия является основным внешнеполитическим партнером Казахстана. Россия и Казахстан являются соучредителями СНГ, Таможенного Союза/ЕврАЭС, взаимодействуют в рамках ОДКБ, ШОС и СМВДА, участвуют

в многосторонних переговорах по правовому статусу Каспийского моря. Таким образом, в казахстанско-российских отношениях присутствует заметно выраженный многосторонний характер.

Принято выделять четыре этапа в развитии казахстанско-российских отношениях: 1) 1991-92 гг. – формирование правовой основы межгосударственных отношений; 2) 1992-94 гг. – определение основных направлений и форм двустороннего сотрудничества в политической, экономической и военной областях; 3) 1995-99 гг. – расширение и углубление двустороннего сотрудничества в русле интеграционных процессов в рамках СНГ;* 4) 2000 г. – до настоящего времени – переход на взаимодействие с многосторонним на двусторонний формат. Первоначальный период казахстанско-российских отношений характеризуется установлением правовых отношений между двумя государствами на основе многовековых традиций добрососедства, дружбы и взаимной помощи братских народов, исконно проживавших на обширном евразийском пространстве.

Конкретным шагом на пути формирования правовой основы в отношениях РК и РФ стало Соглашение о снятии ограничений в хозяйственной деятельности, подписанное Президентом РК Н.А.Назарбаевым и Президентом РФ Б.Н.Ельциным в Москве в январе 1992 г. Это соглашение позволило сохранить экономическую деятельность связанных между собой хозяйственных субъектов двух стран в рамках прежних экономических связей. Но основополагающими документами в казахстанско-российских отношениях стали подписанные в Москве в мае 1992 г. президентами обоих государств Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РК и РФ и Соглашение о порядке использования космодрома Байконура. С этого момента двусторонние отношения приобрели качественно новый характер официальных межгосударственных правовых отношений.

Первоначальный период казахстанско-российских отношений характеризуется установлением правовых отношений между двумя государствами на основе многовековых традиций добрососедства, дружбы и взаимной помощи братских народов, исконно проживавших на обширном евразийском пространстве. В течение 1992 г. состоялось несколько встреч на различных уровнях, в ходе которых был подписан ряд документов, оформлявших новые межгосударственные отношения Казахстана и России.

В течение 1992-93 гг. Казахстан и Россия вели параллельные переговоры и строили отношения в различных сферах: финансово-экономичес-

* См.: Токаев К.К. Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации. – Алматы, 2000. - С. 248.

кой, военной, юридической, дипломатической. В эти годы происходил процесс взаимного отрыва от советского наследия и переход к отношениям на равноправной суверенной основе. В 1996-97 гг. взаимодействие между РК и РФ развивалось в рамках многосторонних переговорах по Каспийскому морю, Шанхайской пятерки и Таможенного союза четырех государств. В январе 1998 г. глава Казахстана Н.Назарбаев выступил с инициативой о создании единого таможенного пространства, которое было поддержано Россией, Беларусью и Киргизстаном. На протяжении всех 1990-х гг. Россия оставалась главным торговыми-экономическим партнером Казахстана.

В эти годы происходил процесс взаимного отрыва от советского наследия и переход к отношениям на равноправной суверенной основе. Важной частью этого процесса был распад рублевой зоны в 1993 г. В ноябре 1993 г. правительства и национальные банки двух государств подписали соглашение о взаимных обязательствах при введении казахстанской валюты - тенге. В декабре Президент РК Н.Назарбаев принял главу Правительства РФ В.Черномырдина. В ходе переговоров правительственные делегации были подписаны пять казахстанско-российских документов.

Большой резонанс имел состоявшийся 28-30 марта. 1994 г. первый официальный визит Президента РК Н.Назарбаева в Российскую Федерацию. Всего в ходе официального визита Президента Казахстана в Москву было подписано 23 совместных документа, в том числе Договор о дальнейшем углублении экономического сотрудничества и интеграции, меморандум об основных принципах решения вопросов, связанных с гражданским и правовым статусом граждан Казахстана и граждан России на территории этих государств, о военном сотрудничестве, соглашение о стратегических ядерных силах, временно расположенных на территории Республики Казахстан, повторное соглашение по космодрому Байконур. Кроме того, Н.Назарбаев вручил Б.Ельцину ратификационные грамоты о присоединении Казахстана к Договору о нераспространении ядерного оружия. Этот визит был примечателен также и тем, что Н.Назарбаев на встрече в МГУ впервые высказал идею о формировании Евразийского союза. Визит привел к полному урегулированию вопросов в ракетно-ядерной сфере. По условиям нового соглашения космодром Байконур передавался в аренду России сроком на 20 лет. Благодаря соглашению о стратегических ядерных силах на территории РК, процесс ядерного разоружения Казахстана, имевший большое значение для отношений РК с Западом, вошел в окончательную стадию. Другим важным результатом визита главы РК в экономической области стало достигнутое соглашение о создании совместных финансово-промышленных групп.

Концепция Евразийского союза, провозглашенная президентом Назарбаевым в апреле 1994 г. в Москве, на лекции в МГУ, была логическим следствием официальной казахстанской доктрины евразийского моста. Президент Казахстана высказался за равноправные контакты со всеми странами мира и за то, чтобы политические и экономические партнеры выбирались только на основе совпадения реальных интересов и общей судьбы; другими словами, он высказался за евразийский дуализм. В дальнейшем он строго следовал этому принципу. Постоянные утверждения казахстанского президента о том, что Казахстан лежит в центре Азии и является путем, связывающим Европу и Азию, могли быть интерпретированы как попытка концептуально оформить международный статус республики. Укрепление структур СНГ могло бы укрепить позиции Казахстана в Москве, в Центральной Азии и в Азии в целом.

Вопросы межгосударственного сотрудничества и правового статуса граждан двух стран обсуждались также на переговорах на высшем уровне в январе 1995 г. в Москве и были закреплены подписанием соответствующих соглашений. Таким образом, к середине 1990-х гг. Казахстан и Россия практически полностью урегулировали весь комплекс правовых проблем, возникших после распада СССР, за исключением правового статуса и делимитации Каспийского моря, переговоры по которым носили многосторонний характер. В январе 1996 г. Казахстан и Россия приступили к переговорам по формированию Таможенного и Платежного союза.

В апреле 1996 г. в ходе визита Б.Ельцина в Казахстан наметилось сближение сторон по проблеме Каспийского моря. Стороны подписали совместное заявление о сотрудничестве по использованию Каспия и пришли к соглашению о строительстве нефтепровода от Тенгизского месторождения до Новороссийска, что имело важнейшее значение для перспектив разработки нефтяных месторождений в Западном Казахстане.

В 1996-97 гг. взаимодействие между РК и РФ развивалось в рамках многосторонних переговоров по Каспийскому морю, Шанхайской пятерки и Таможенного союза четырех государств. 1998-й г. был насыщенным благодаря достигнутым между Казахстаном и Россией соглашениями и договоренностями. В апреле 1998 г. состоялся рабочий визит в Москву Президента Н.Назарбаева, который обсудил с Б.Ельциным вопросы ситуацию в СНГ и Таможенном союзе. Основным результатом встречи была договоренность об урегулировании проблем с погашением арендной платы за использование космодромом Байконур и военных полигонов на территории Казахстана и подготовка соглашения по правовому статусу Каспийского моря и транспортировки нефти на мировые рынки.

В результате интенсивных контактов в июле 1998 г. Казахстан и Россия подписали Соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование. Этот документ положил начало достижению консенсуса по проблеме делимитации и фактическому разделу Каспийского моря. Кроме того, главы РК и РФ подписали Декларацию о вечной дружбе и сотрудничестве, Совместное заявление глав государств, Протокол об урегулировании финансовых вопросов. Заключительным аккордом активных двусторонних отношений в 1998 г. был визит главы России в Казахстан, в ходе которого были подписаны исторический Договор об экономическом сотрудничестве с соответствующей Программой на 1998-2007 гг., а также восемь соглашений в финансовой, правовой, дипломатической и информационной областях, в том числе имевшее чрезвычайно важное значение Соглашение о делимитации государственной границы. Одним из практических результатов межгосударственного сотрудничества был тот факт, что к концу 1998 г. Казахстан и Россия не имели друг к другу никаких финансовых претензий, как это имело место в предыдущие годы.

На протяжении всех 1990-х гг. Россия оставалась главным торгово-экономическим партнером Казахстана. Но ситуация резко изменилась вследствие экономического кризиса (дефолта) в России в августе 1998 г. В результате товарооборот между двумя странами упал в этом году на 22% (3,2 млрд. долл.), а доля России во внешней торговле Казахстана сократилась с 38% до 34%. В то же время товарная структура не претерпела изменений. Крупнейшим казахстанско-российским проектом оставался КТК, инвестирование в который в 1999 г. достигло 850 млн. долл. Экономическое сотрудничество активно развивалось также в приграничных областях и в области совместных предприятий. Между Казахстаном и Россией всегда традиционно были сильны связи в области культуры.

В сентябре 1999 г. Казахстан посетила делегация правительства РФ во главе с В.Путиным. Это было начало нового этапа в двусторонних отношениях. С момента прихода к власти в России В.Путина в казахстанско-российских отношениях важное значение приобретают проблемы обеспечения безопасности и сотрудничества в военной сфере. Таким образом, на протяжении всех лет существования независимого Казахстана его отношения с Россией характеризовались стабильностью и готовностью обеих сторон к сотрудничеству. Между двумя странами существует прочная правовая, экономическая, политическая и культурная база для сотрудничества. Фактически, внешняя политика РК в отношении России строилась на основе того фактора, что РФ представляет собой важнейшего партнера для Казахстана во всех областях сотруд-

ничества. В то же время, Россия не стремилась влиять на независимый внешнеполитический курс РК и оказывать давление на его отношения с другими государствами.*

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. отношения между Казахстаном и Россией и в целом российская стратегия в Центральной Азии вступили в новую фазу. Этот период совпал с двумя событиями: во-первых, резко обострилась угроза безопасности региону в связи с событиями в Афганистане, вторжениями боевиков ИДУ в соседние центральноазиатские государства; во-вторых, в Москве сменилось высшее политическое руководство, и президентом РФ стал В.Путин. Все это не могло не отразиться на динамике казахстанско-российских отношений.

В августе 2001 г. в рамках неформальной встречи в Сочи Н.Назарбаев и В.Путин провели консультации по одной из важнейших проблем - урегулированию правового статуса Каспия. В декабре 2001 года состоялся десятый раунд казахстанско-российских переговоров по делимитации государственной границы между Республикой Казахстан и Российской Федерации. Были согласованы линии прохождения казахстанско-российской государственной границы на участках между Северо-Казахстанской областью Республики Казахстан, Курганской и Тюменской областями Российской Федерации.

В конце 2001 – начале 2002 гг. важной составляющей политических отношений между РК и РФ были вопросы безопасности в Центральной Азии, отношения двух государств к антитеррористической операции в Афганистане, размещения военных баз антитеррористической коалиции в регионе. В 2002 г. Н.Назарбаев и В.Путин встречались в рамках совещаний по ДКБ (май), ЕврАЗЭС (май), СВМДА (июнь) и ШОС (июнь). Помимо сотрудничества в области безопасности между Россией и Казахстаном была достигнута окончательная договоренность по делимитации шельфа в северной части Каспийского моря и ратифицировано соответствующее соглашение. Это означало, что оба государства выступают по каспийской проблеме с одинаковых позиций. Летом 2002 г. Казахстан принял участие в проведенных Россией военно-морских маневрах на Каспийском море.

---

* Казахстанско-российские отношения. 1991-1995. Сборник документов и материалов. - Алматы, Москва: МИД РК, 1995; Ахметгалиев Б.Р., Базаров А.А. Казахстан в интеграционном процессе в постсоветском пространстве // Казахстан-Спектр. № 1-2. 1997. С.55-68; Назарбаев Н.А. Казахстанско-российские отношения. Доклады, выступления, статьи. 1991-1997 гг. – Москва: 1997; Назарбаев Н.А. Стратегия вечной дружбы: Казахстан-Россия. – Москва: ИПЦ «Русский раритет», 2000. – 408 с.; Россия и Казахстан: проблемы и перспективы взаимодействия. Журнал «Евро-Азия». – Москва: РГГУ, 2008. – 101 с.;

Осложняющим фактором двусторонних отношений на протяжении многих лет была сфера казахстанско-американских отношений. В Москве обращали и обращают пристальное внимание на усиление нажима на Казахстан со стороны Вашингтона. Особое раздражение российской стороны вызывал тот факт, что резкая критика в адрес РК и его руководства вспыхивала именно в момент очередного казахстанско-российского сближения. Это особенно справедливо для периода конца 1990-х – начала 2000-х гг. Российские политики уже не сомневались, что главной целью всей американской политики в Казахстане является изоляция республики от интеграционных процессов с участием России и недопущение сближения Астаны и Москвы в любой форме.

В целом, Москва при В.Путине рассчитывала на лояльность Астаны по всем стратегическим вопросам двусторонних отношений. Вывод Казахстана из сферы российских стратегических интересов означал бы не только полную потерю Центральной Азии Россией, но и создание непосредственной угрозы военной безопасности РФ, ее экономическим интересам и утрату прежнего геополитического статуса.

Визит В.Путина в Казахстан в январе 2004 года получил большой резонанс и имел по-своему противоречивые результаты. Те области казахстанско-российского сотрудничества, которые в 1990-е годы считались приоритетными и традиционно успешными, постепенно заполнялись конфликтным потенциалом. Речь шла о проблеме Байконура, военно-техническом сотрудничестве, каспийском вопросе, синхронности экономических реформ, об отношениях с Западом, режиме общих транспортных коммуникаций и ряд других. В принципе, визит российского лидера и имел целью урегулировать сложные или деликатные моменты двусторонних отношений.

Наиболее острыми для российской стороны являлись самостоятельные отношения РК с Западом по целому комплексу вопросов. Само собой разумеющаяся прежде зависимость Казахстана от России в военно-технической области уходила в прошлое. Астана активно развивала свои связи в этой области с Западом – как в рамках НАТО, так и на двусторонней основе. Эта активность вызывала озабоченность Москвы, а также Пекина – партнера России и Казахстана по ШОС. Речь шла, прежде всего, об участии западных государств – США, ФРГ и Великобритании в модернизации казахстанской системы ПВО.

В целом Россия, прежде индифферентно относившаяся к казахстанским тогда еще абстрактным заявлениям об участии в проекте Баку-Тбилиси-Джейхан, теперь, когда этот вопрос все больше переходил в практическую плоскость, начала проявлять все большую нервозность.

В сложных условиях 2004-05 гг., когда резко возросла угроза внешнего вмешательства во внутренние дела Казахстана, Москва оказала максимальную поддержку руководству РК на внешнеполитическом уровне. Благодаря целенаправленным действиям обеих сторон угроза реализации радикальной смены власти по сценарию «цветных революций» была снята с повестки дня.

Со своей стороны Казахстан полностью поддерживал все интеграционные усилия России, проводил чрезвычайно лояльную к ней политику в рамках СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС и ЕЭП. При этом, поддержка РК порой могла негативно отразиться на двусторонних отношениях Казахстана с рядом государств ближнего и дальнего зарубежья, а также на наших экономических интересах.

События в Киргизстане в 2005 г. крайне остро поставили вопрос о том, какую позицию займет Москва в случае обострения внутриполитической ситуации в РК и инспирирования извне т.н. «коранжевой революции». В отличие от Грузии и Киргизстана, безопасность РФ самым тесным образом связана с географической близостью с РК. Помимо естественных тесных связей в экономике и гуманитарном сотрудничестве, Россия имеет вполне конкретные и реальные интересы в Казахстане в области своей национальной безопасности.

К этим факторам относятся следующие: часть стратегической инфраструктуры РФ расположена на территории РК; Казахстан и Россию связывают различные соглашения в области обеспечения безопасности как в рамках ОДКБ, так и на исключительно двустороннем уровне; военная промышленность и армии двух государств тесно связаны; в ряде соседних регионов РК Россия имеет geopolитические интересы, прежде всего на Каспии. И главное, основной ядерный и стратегический потенциал России расположен в непосредственной близости от казахстанско-российской границы.

2005 год характеризуется беспрецедентной активностью казахстанско-российских отношений, которые носили чрезвычайно интенсивный характер; встреч на высшем уровне было одиннадцать. Москва оказала полную политическую поддержку Президенту Н.Назарбаеву с учетом фактора выборов. Вслед за этим визитом последовал официальный визит президента РК Н.Назарбаева в Москву, в ходе которого по итогам переговоров с президентом России В.Путиным был подписан ряд межправительственных соглашений.

К числу настораживающих факторов можно отнести следующий. В начале октября 2005 г. в российском журнале «Финанс», который ссылался на источники в Кремле, появилась сенсационная статья главного

редактора О.Анисимова «Казахская Русь», где рассказывалось о якобы секретных планах Москвы по созданию единого государства России и Казахстана. Во главе такого союзного государства мог бы стать В.Путин, а Н.Назарбаев в должности вице-президента мог бы продлить свои полномочия в Казахстане.*

Колоссальное значение для развития двусторонних отношений имел личный фактор – отношения между Президентом РК Н.Назарбаевым и всеми российскими лидерами – Б.Ельциным, В.Путиным и Д.Медведевым, который свой первый зарубежный визит совершил в Астану в мае 2008 г. Все российские президенты чрезвычайно высоко оценивали вклад Первого Президента Казахстана в развитие казахстанско-российских отношений.

Как считают российские эксперты, Москва заинтересована в том, чтобы «особые» политические ориентации казахстанской элиты (в т.ч. стремление к независимому поведению на международной арене) не становились непреодолимой преградой на пути развития сотрудничества экономик двух государств. Расширение взаимовыгодных связей в этой сфере, успешное продвижение двусторонних интеграционных проектов должно потянуть за собой и политическую сферу, сделав эти отношения более продуктивными и доверительными.

Стабильно тесными остались отношения между Россией и Казахстаном и в политической сфере. Астана неизменно выступает за развитие объединительных процессов, способствуя укреплению таких структур, как ОДКБ и ЕврАзЭС. В начале 2006 г. был создан Евразийский банк развития для кредитования совместных проектов в рамках СНГ, где соучредителями являлись Россия и Казахстан. Этот шаг был расценен в Кремле как проявление высшей степени лояльности со стороны РК и надежности как партнера. Со своей стороны, казахстанское руководство принимает активное участие в формировании единого экономического пространства (ЕЭП), включающего наиболее развитые в экономическом отношении страны Содружества - Россию, Белоруссию и Казахстан.

Но все это не означает, что между двумя партнерами и союзниками, каковыми в реальности являются РК и РФ, нет противоречий или элементов конкуренции. У российской стороны, судя по тональности комментариев со стороны московских экспертов, вызывали беспокойство переговоры, которые провел в Пекине Президент РК в конце декабря 2006 г., в ходе которых уже предметно обсуждались детали прокладки сразу двух трубоп-

---

* В начале 2006 г. аналогичные публикации появлялись в других изданиях. По-видимому, в Кремле существовали силы, которые всерьез держали в уме перспективу полномасштабного интегрирования РК в Россию.

роводов для нефти и газа. Было обращено внимание и на принципиальные договоренности о строительстве второй очереди нефтепровода Атасу-Алашанькоу, с пуском которой Астана сможет вдвое, то есть до 20 млн. тонн в год, увеличить поставки нефти в Китай.

Но экономическое сближение РК с КНР все же вызывает в Москве не такое опасение, как смена внешнеполитической ориентации Астаны (на Запад). Москва не намерена допустить повторения «второй Украины в Центральной Азии. Нельзя исключать того, что уже сейчас в Москве изучают различные варианты дальнейшего политического развития Казахстана. Для России очевидно, что в случае дестабилизации ситуации в республике и ее вхождения в зону прямого американского влияния большинство российско-казахстанских проектов потеряют смысл и будут сорваны. С Казахстаном Россия потеряет всю Центральную Азию (а также Каспий и Кавказ), затем утратит свои позиции в ШОС, в Азии и в целом на международной арене. В 2007 г. сформировалась уникальная политическая ситуация с точки зрения будущности двусторонних отношений, когда Астана была озабочена тем, кто придет к власти в Москве, и наоборот.

Можно констатировать, что на протяжении всех лет существования независимого Казахстана его отношения с Россией характеризовались стабильностью и готовностью обеих сторон к сотрудничеству. Между двумя странами существует прочная правовая, экономическая, политическая и культурная база для сотрудничества. Фактически, внешняя политика РК в отношении России строилась на основе того фактора, что РФ представляет собой важнейшего партнера для Казахстана во всех областях сотрудничества. В то же время, Россия не стремилась влиять на независимый внешнеполитический курс РК и оказывать давление на его отношения с другими государствами. Есть все основания считать, что в XXI веке отношения между двумя государствами будут оставаться стабильными и добрососедскими как на двустороннем, так и на многостороннем уровне.

Главной и основной целью стратегии и конкретной политики России в отношении Казахстана является сохранение прочного внутриполитического и внешнеполитического положения республики, ее социальной и экономической стабильности, ее возможности проводить самостоятельную и независимую от внешнего давления, но в то же время дружественную по отношению к России политику.*

---

* См.: Ашимбаев М., Курганбаева Г., Кажмуратова А. Российско-казахстанские отношения на современном этапе // *Analytic* (Алматы). 2002. №2. С. 5-10; Жуков С.В., Резникова О.Б. Экономическое воздействие России и Казахстана в глобальном контексте // *Восток - Oriens* (Москва). 2004. № 4. С. 76-84; Казахстан и Россия: перспективы стратегического партнерства. Материалы международной научной

* * *

В качестве заключения к разделу уместно привести точки зрения некоторых российских исследователей. Авторитетный политолог Дмитрий Тренин, являющийся заместителем руководителя Московского центра фонда Карнеги, больше известный не как специалист по Центральной Азии, а как эксперт по отношениям между РФ и Западом. Тем не менее, Тренин сделал попытку, и на наш взгляд удачную, осветить весь комплекс вопросов, связанных с политикой России в регионе. Автор исходит из того геополитического фактора, что Центральная Азия является одним из трех фасадов, которыми Россия выходит на внешний мир. В этой связи Центральная Азия играет роль выхода к геополитическому (преимущественно мусульманскому) югу. Тренин вполне справедливо указывает на весь комплекс факторов, связывающих республики региона с бывшей метрополией, и которых нет у других великих держав: география, история, экономика, энергетика, транспорт, демография, общее культурно-информационное пространство.**

конференции. – Алматы: КИСИ, 2006. – 170 с.; Казахстан и Россия: экономические и политические аспекты стратегического партнерства. Материалы международной научной конференции. – Алматы: КИСИ, 2007. – 119 с.; Казахстанско-российское взаимодействие в XXI веке и вызовы глобализации. Материалы международной научно-практической конференции. – Астана: КРУ, 2004; Клишторный С. Россия и Казахстан: геополитическая альтернатива и цивилизационный выбор // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 6. С. 164-168; Лаумулин М.Т. Казахстан и Россия в геополитической повестке XXI века // Казахстанско-российское взаимодействие в XXI веке и вызовы глобализации. Материалы международной научно-практической конференции. – Астана: КРУ, 2004. - С. 158-171; Лаумулин М.Т. Казахстан и Россия: вступая в XXI век // Восток - Oriens (Москва). 2004. № 4. С. 68-75; Лаумулин М.Т. Казахстанско-российские отношения в контексте внешнеполитической стратегии Москвы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 1. С. 130-144; Лаумулин М.Т. Казахстанско-российские отношения и проблемы СНГ // Президентские выборы в России и перспективы казахстанско-российских отношений. – Алматы: КИСИ, 2008. – С.44-57; Морозов Ю. Военно-политический союз России и Казахстана // Азия и Африка (Москва). 2005. № 3. С. 33-38; Музапарова Л. Основные перспективные направления казахстанско-российского экономического сотрудничества // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2008. № 3. С. 73-75; Сейлеманов Е.Т. Проблемы и перспективы взаимоотношений Казахстана и России: геополитический аспект // Казахстан в глобальных процессах. 2008. № 1. С.33-38; Султанов Б.К., Рахматуллина Г.Г. Республика Казахстан и Российской Федерации: потенциал взаимодействия в экономической сфере. – Алматы: КИСИ, 2006. – 120 с.; Шайхутдинов М.Е. Казахстан и Россия в новых геополитических координатах. Изд.2, дополненное и переработанное. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. – 432 с.; Султанов Б.К. Президент РФ В.Путин и казахстанско-российские отношения // Президентские выборы в России и перспективы казахстанско-российских отношений. – Алматы: КИСИ, 2008. – С.16-21.

** Rumer E., Trenin D., Zhao Huasheng.. Central Asia: Views Washington, Moscow and Beijing. With an Introduction by R.Menon. – Armonk, New York, London: M.E.Sharpe, 2007, pp. 75-136.

Тем не менее, несмотря на такой внушительный багаж, Тренин бьет тревогу в связи с перспективами Москвы в регионе. Его опасения связаны с тем, что Россия явно отстает по сравнению с США и КНР в сохранении своего политического и экономического влияния. По мнению автора, российские политики во многом сами виноваты в уходе государств региона с российской орбиты, поскольку не отказываются от прежнего имперского стиля поведения и патерналистской риторики, особенно в отношении ключевых стран региона – Узбекистана и Казахстана. В целом возможности влияния России на регион ограничены во времени. Она сможет переломить ситуацию, если найдет силы и возможности модернизировать экономику и политico-социальные системы в регионе.

В заключение Д.Тренин дает целый букет рекомендаций тактического и стратегического характера, как банальных, так и оригинальных. Среди последних следует назвать такие как: позволить жителям региона иммигрировать и селиться с Россией; не пытаться стать единственным гарантом безопасности региона; признать, что фундаментальные интересы РФ и США в регионе совпадают и на этой основе не конкурировать, а сотрудничать с США; выстроить новый баланс в отношениях с Китаем и признать его «естественные» интересы в регионе; и наконец, работать на создание концерта великих держав в Центральной Азии в составе самой России, а также США, Китая и Индии. Вызывает недоумение отсутствие в этом списке Европы. В целом же, если рекомендации автора будут выполнены, это будет означать превращение России в рядовую соседнюю с регионом державу.

Другой российский эксперт А.Казанцев придерживается мнения, что интересам РФ соответствовало бы сохранение этого региона внутри постсоветского пространства с постепенным усилением центростремительных сил в нем и ослаблением центробежных. При этом важным фактором была бы нейтрализация попыток стереть сконструированные в интересах Российской империи и СССР границы между Центральной Азией, АТР и исламским миром, что пытаются сделать другие внешние игроки (исламские страны, Китай). Россия также, по мнению автора, пытается не допустить самостоятельный (т.е. без российского посредничества) выход центральноазиатских стран в Европу. Иными словами, речь идет о сохранении традиционного (установившегося с XIX в.) российского посредничества между Европой и Центральной Азией во всех сферах. В транспортно-экономической области в интересах России сохранение преобладания Северного маршрута транспортировки всех видов сырья в Европу. В сфере политической – позиционирование РФ как перспективной модели подражания для стран Центральной Азии, желающих провести модернизацию в условиях стабильности и достичь в конечном итоге пусть

и неевропейскими путями, европейских стандартов жизни. В области культурно-идеологической – продолжение использования русского языка и культуры как посредника в приобщении к глобальной культуре.

В своей оценке российской политики этот автор приходит к интересному прогнозу. С одной стороны, ключевые элементы влияния РФ в регионе (транспортная инфраструктура с преобладанием Северного маршрута; традиционная культурная ориентация постсоветских элит на Россию; роль русского языка; сохранение психологических границ, прочерченных Российской империей и СССР между Центральной Азией и Китаем, Центральной Азией и исламским миром; даже сама Центральная Азия как отдельный международный регион) носят, во многом, остаточный характер. Если их не поддерживать целенаправленной политикой, они могут исчезнуть в течение ближайших десятилетий. С другой стороны, российский и советский период показали, что огромные средства, израсходованные Россией в Центральной Азии, не только не решили проблем региона, но в чем-то, напротив, заложили новые, еще более серьезные. Не дали они и существенной отдачи для самой России. Именно решение этой дилеммы, на его взгляд, является ключом к выработке четкой региональной стратегии России в Центральной Азии.*

Глава 4. Запад и Центральная Азия

Американская стратегия в ЦА после 2005 г.: подведение итогов

Политике и стратегии США в Центральной Азии мы посвятили второй том настоящего издания. Тем не менее, изменения (точнее – их отсутствие) в американской политике в регионе, а также новая информация заставляют нас вернуться к этому сюжету. После 2005 г. американская политика в Центральной Азии становится статичной. Вашингтон вспоминает о регионе в основном в связи с обстановкой в Афганистане и судьбой трансказпийских трубопроводов, закрывая глаза на усиление России и Китая и игнорируя рост авторитета ШОС. Проект Большой Центральной Азии фактически повис в воздухе, несмотря на отчаянные интеллектуальные усилия Ф.Старра (Институт Центральной Азии и Кавказа, Университет Джонса Гопкинса) оживить его. Дело ограничилось структурной перестройкой в рамках госдепа: Центральную Азию перевели из европейского департамента в южно-азиатский.

---

* Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. - Москва: Наследие Евразии, 2008. – С. 153-154.

Любопытно, что наиболее острые критики в адрес центральноазиатской политики Вашингтона раздавалась именно из рядов американской интеллектуальной элиты. Так, один из разработчиков стратегии США в ЦА Ю.Румер подвел в 2007 г. итоги американского присутствия в регионе.* Румер, представляющий Национальный оборонный университет (Пентагон) в Вашингтоне, далеко не новичок в центральноазиатской проблематике. Еще в 2002-03 гг. Румер-младший разработал доктрину «менеджера по безопасности» в отношении будущей роли Соединенных Штатов в регионе. Основная идея Ю.Румера, подвергшего острой критике политику предшествующей администрации в Центральной Азии, построенной на т.н. доктрине Тэлбота, заключалась в том, что после событий 11 сентября США должны проводить более активную роль в регионе. Америка должна была взять на себя бремя ответственности за безопасность Центральной Азии в качестве лидирующей державы, но не в ущерб интересам России и Китая. В целом эта концепция была осторожной попыткой скомбинировать имперский характер доктрины Буша-Рамсфилда (Стратегия национальной безопасности) с geopolитическими реалиями Центральной Азии в новом столетии. Новая работа Ю.Румера дает возможность сравнить реальные результаты американской политики в регионе с его прежними рекомендациями.

В своем эссе автор вновь анализирует американскую стратегию в регионе, но уже с высоты имеющегося опыта, не оставляя ни одной значимой проблемы, будь то безопасность, отношения с другими державами, энергетика, демократизация и т.д. В итоге Румер приходит к выводу, что прежняя политика Соединенных Штатов, базировавшаяся в основном на поддержке демократии и мирных революций, к 2005-06 гг. зашла фактически в тупик. Американский исследователь видит перед стратегией США в регионе три альтернативы: 1) продолжать прежний курс; 2) отказаться от идеи трансформировать Центральную Азию, сконцентрироваться на проблемах безопасности и защищать интересы США на принципах «реаль-политик»; 3) развивать такую новую стратегию, которая позволит учесть все особенности региона и новые geopolитические реалии в комплексе. Излишне говорить, что сам автор склоняется к третьему варианту. На долгосрочное присутствие Америки в регионе работает тот факт, считает Румер, что из всех великих держав она наиболее приемлема для местных элит как фактор, уравновешивающий непосредственных соседей региона.

* Rumer E., Trenin D., Zhao Huasheng.. Central Asia: Views Washington, Moscow and Beijing. With an Introduction by R.Menon. – Armonk, New York, London: M.E.Sharpe, 2007, pp. 18-74.

– Россию и Китай. В целом вывод Ю.Румера не нов и сводится к тому, что Центральная Азия слишком важна для США, чтобы оставить ее на произвол судьбы, или еще хуже – в распоряжение России и Китая.

Отдельного внимания заслуживает политика США в отношении ШОС. Соединенные Штаты представляют собой как бы «неофициального участника» ШОС (с точки зрения geopolитики), поскольку две ведущих державы организации Россия и Китай имеют тесные стратегические и экономические (контр-)отношения с Вашингтоном, США присутствуют в Центральной Азии и оказывают в той или иной степени влияние на внешнюю политику стран Центральной Азии, в первую очередь – на Казахстан.

Политика Соединенных Штатов в отношении ШОС была на протяжении всех лет его существования не однозначной. Скорее всего, ее следует рассматривать в контексте реакции Америки на действия КНР в Центральной Азии. Таким образом, данный подход неизбежно возвращает нас в 1990-е годы. Напомним, что в этот период политика США в регионе с учетом действий других держав строилась по принципу: кто угодно, только не Россия. Соответственно, такой подход определил стратегию Вашингтона, построенную на благожелательном, или по крайней мере нейтральном отношении на проникновение Пекина в Центральную Азию.

Параллельно Соединенные Штаты должны были формировать свою позицию на фоне набиравшего обороты стратегического сотрудничества между Россией и Китаем, в том числе и в Центральной Азии. Беспокойство Вашингтона в этой связи вызывало в первую очередь участие РФ в модернизации НОАК. Другой головной болью Соединенных Штатов было возможное подключение Ирана к российско-китайской оси, в том числе и в центральноазиатском контексте. С другой стороны, США не нашли, как реагировать со стратегической и geopolитической точки зрения на урегулирование доставшейся с советской эпохи пограничной проблемы, с чего, собственно говоря, и начинался будущая ШОС. Вашингтону было понятно, что Китай резко улучшил свое стратегическое положение, в том числе и за счет центральноазиатских государств. Однако в каком ключе рассматривать этот факт – позитивном и негативном для общей стратегической ситуации в регионе – в Вашингтоне к концу правления Дж. Буша не определились.

Прошедший в апреле 2008 г. саммит НАТО в Бухаресте с участием стран-членов СЕАП убедительно показал, насколько атлантическая безопасность связана с евразийской. И хотя приема Грузии и Украины в очередь на вступление в альянс не произошло, тем не менее, эти события продемонстрировали, насколько НАТО оказывает сильное влияние на систему безопасности в Центральной Евразии. С учетом фактора Афганистана это

влияние приобретает критический характер, особенно для Центральной Азии. Это неуклонное проникновение западных структур безопасности вглубь континента рано или поздно поставит вопрос о взаимодействии между Северо-Атлантическим альянсом и другими региональными структурами – ОДКБ и ШОС.

Правильно было бы отметить, что все участники этих организаций на постсоветском пространстве уже давно взаимодействуют с Брюсселем на двусторонней основе. Россия даже является членом специализированного органа – 26+1, созданного когда-то специально под Москву. Тем не менее, Россия и не в меньшей степени Китай воспринимала продвижение НАТО на восток как дестабилизирующий и угрожающий процесс. Учитывая геополитический вес двух этих держав и их влияние в ШОС, некоторые наблюдатели – особенно на Западе – склонны рассматривать ШОС как антизападный по своей сути союз.

Таким образом, налицо возник геополитический парадокс. Москва и Пекин имели гораздо больше поводов для беспокойства в отношении активности НАТО в Евразии, однако Запад в значительно более высокой степени был обеспокоен намерениями и планами ШОС. Эта тенденция открыто просматривается с 2005 г., т.е. с известного демарша на Астанинском саммите организации. Так что же вызывало беспокойство Запада в поведении ШОС на международной арене? Основные поводы для тревоги Запада относительно истинных намерений ШОС и ее природы можно сформулировать в четырех вопросах.

Первое, западным стратегам было непонятно, чем все-таки является ШОС – экономическим союзом, военно-политическим блоком или чем-то иным. Неясно также, насколько реальны цели ШОС в плане взаимодействия ее участников. Второе, и этот вопрос имеет для Запада принципиальное значение: угрожает ли ШОС (а точнее – тандем России и Китая) суверенитету государств Центральной Азии и их независимости? В прямом прочтении опасения Запада звучат следующим образом: в какой степени страны ЦА независимы в своей позиции и своем поведении при принятии решений на уровне ШОС? В несколько более категоричной форме этот вопрос сформулировал заместитель помощника государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии Эван Файгенбаум следующим образом: в чем состоит подлинный смысл отношений между двумя крупными континентальными державами, каковыми являются Россия и Китай, и небольшими, но весьма своимравными и независимыми центральноазиатскими государствами – членами ШОС?

Третья группа опасений со стороны Запада напрямую связана с сутью проблемы. Для Вашингтона нет ясности в ответе на вопрос – все-таки но-

сит ли ШОС антизападный, антиамериканский и антинатовский характер? Возможно, долгое игнорирование Вашингтоном ШОС как заметного и влиятельного международного института связано как раз с этим неведением, с кем приходиться иметь дело – с партнером или противником. И наконец, четвертая группа вопросов имеет по-видимому в большей степени европейский, чем американский характер и связана с принципиальной для Европы проблемой: а можно ли вообще состыковать политику ШОС в Центральной Азии с политикой Запада.

В 2007-08 гг. с Запада стали поступать сигналы, указывающие на то, что там понимают, что ШОС – это все-таки не анти-НАТО. Такой ход мыслей западных политиков объясняется не только их обеспокоенностью судьбой центральноазиатских государств, но и пониманием, что сами эти страны, участвуя и взаимодействуя в рамках ШОС, не заинтересованы в чрезмерном доминировании РФ и КНР и не согласятся с потерей даже части своего суверенитета. В качестве альтернативы они всегда могут опереться на Запад и его институты – таков примерный ход мыслей западных стратегов. Файгенбаум сформулировал это так: «но, по крайней мере, мы знаем, чем ШОС в действительности не является. ШОС – не новоявленный Варшавский договор. Потому что государства Центральной Азии реально обеспечивают свою независимость и суверенитет, тогда как Варшавский договор позволял советским войскам и военным базам размещаться на территории стран-участниц. ШОС не является также «противовесом НАТО», так как членство в этой организации ни в коей мере не препятствует сотрудничеству с Североатлантическим альянсом. Все пять центральноазиатских государств участвуют в программе НАТО «Партнерство во имя мира».

Но какова конкретная повестка дня ШОС в представлении Брюсселя? Там отдают предпочтение в попытке дефинировать сущность ШОС в пользу экономического союза, а не политического. Соответственно выглядят роли остальных участников организации. Так, Запад приветствовал бы такую ситуацию, при которой Казахстан (особенно после того, как он вступит в ВТО) способствовал бы установлению торговых режимов в Центральной Азии именно в духе ВТО. Экономический вес, географическое положение и политический авторитет Астаны делают Казахстан в этом смысле незаменимым. От России ожидается, что она возглавит борьбу против наркотрафика. Только Москва располагает реальными возможностями в плане опыта, военного присутствия, разведмониторинга и влияния на местные режимы, чтобы поставить заслон на пути наркомафии и пресечь наркотрафик.

Вашингтон прежде всего хотел бы, чтобы ШОС не носила антиамериканский характер, что вполне объяснимо, особенно с учетом антитеррористической кампании, которую Соединенные Штаты ведут в непос-

редственной близости от границ ШОС – в Афганистане. В Вашингтоне давно подметили, что каждая страна – участница ШОС на двустороннем уровне старается проводить в отношении Америки вполне сбалансированную и дружественную, по крайней мере, невраждебную политику. Этот вывод верен даже в отношении Москвы и Пекина. Если это так, то США вправе ожидать аналогичной политики и от всей организации в целом. В интерпретации американской стороны это звучит следующим образом: от США часто требуют, что им следует дать некие гарантии относительно их намерений в регионе. Но и Соединенные Штаты нуждаются в определенных гарантиях.

Например, Вашингтон хотел бы быть уверен в том, что если каждое государство – член ШОС по отдельности разделяет интересы Соединенных Штатов, то вполне логично ожидать, что и все участники ШОС коллективно разделяют те же интересы. США были озадачены, когда, несмотря на подтекст декларации, принятой в Астане в 2005 году, каждое государство – член ШОС (Россия, Узбекистан, Китай и др.) заверило Соединенные Штаты в том, что ему импонирует американское стремление установить стабильность и восстановить Афганистан. Следовательно, если каждый из участников по отдельности разделяет это, то подобным же образом они должны поступать и собравшись вместе.

Но следует отметить, что Соединенные Штаты рассматривают ситуацию в регионе во многом через призму своего присутствия в Афганистане и соответственно должны строить свою политику. Но у Вашингтона некоторые процессы, происходящие вокруг ШОС, вызывают неприкрытое беспокойство. В первую очередь речь идет о попытках Ирана заменить свой сегодняшний статус наблюдателя на статус полноправного члена организации. Негативную реакцию вызывают на Западе попытки представить ШОС как некий «энергетический клуб», которые оцениваются как действия, нацеленные на превращение организации в картельное объединение.

Как писал Э.Файненбаум: «дебаты, ведущиеся в США вокруг ШОС, выходят далеко за рамки проблем, связанных с этой организацией, затрагивая тему сотрудничества с обозначенной геополитической частью мира в целом. Всякий раз, когда речь заходит о Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), у многих американцев закипает кровь. Встречи на высшем уровне, военные учения, заявления ШОС или провозглашение этой организацией новых целей всегда вызывают широкий резонанс в средствах массовой информации. Поскольку цель американской политики как раз и состоит в том, чтобы поддерживать принятие совместных решений в области экономики и безопасности в Центральной Азии, мы вправе получить ответ на

главный вопрос. Как развивать сотрудничество и интеграцию в регионе, где трансграничные связи при всей своей необходимости на поверхку оказываются столь эфемерными?».*

И наконец, последний момент связан с внутренней политикой государств ШОС. Как правило, они рассматриваются Западом как «союз авторитарных режимов». У США и европейских стран возникает опасение, которое они стараются не озвучивать в настоящее время, что ШОС можно будет использовать как легальный институциональный инструмент для коллективного подавления демократических движений в регионе – по типу Священного Союза XIX века.

Каковы перспективы взаимодействия Запада и ШОС? Очевидно, что главными проблемами для всех сторон остаются вопросы безопасности, ситуация в Афганистане, борьба с международным терроризмом и исламским экстремизмом. При этом Запад будет стараться решать эти проблемы скорее на двустороннем уровне, а не в рамках многосторонних усилий, и тем более – не по линии ШОС-НАТО. Отвлекаясь, необходимо отметить, что если бы подобное взаимоотношение имело место на институциональном уровне, это означало бы признание за ШОС роли именно военно-политического альянса, чего не хотели бы в Пекине и в некоторых других странах-участницах.

В апреле 2007 г. администрация Джорджа Буша обнародовала «Стратегический план» по внешней политике на ближайшие пять лет (под названием «Меняющаяся дипломатия»). В документе излагались главные внешнеполитические приоритеты Госдепа США и Агентства США по международному развитию (ЮСАИД) на 2007–2012 годы. США рассчитывали на очередные «трансформации» в странах СНГ. То есть, налицо стремление Вашингтона продолжать вмешательство во внутренние дела России и других стран СНГ, в т.ч. Центральной Азии.

Существуют конкретные факторы, имеющие долгосрочное влияние на формирование американской стратегии в отношении Казахстана и всего региона Центральной Азии. В результате смены администрации в Белом доме базовые интересы стратегии США в Центральной Азии останутся неизменными, возможна лишь перестановка акцентов.

К таким базовым интересам относятся следующие: 1. Энергетические интересы (разработка проектов на Каспийском море, строительство альтернативных трубопроводов, обеспечение стабильности поставок углеводородов на мировые рынки). 2. Сдерживание стремления России «восстановить империю» (в этом контексте поддержка суверенитета го-

---

* Файгенбаум Э. Шанхайская организация сотрудничества и будущее Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2007. Т.6. № 6. С.122-131.

сударств региона, региональной интеграции, связей с внешним миром, реализации международных проектов). 3. Недопущение экспансии Китая в регионе (перехода чрезмерного экономического влияния в политическое, проведение Пекином антизападной политики в ЦА, установление совместно с Россией китайско-российского диктата в регионе). 4. Права человека (поддержка демократических изменений, внедрение западных нормативных ценностей и т.д.). 5. Борьба с исламским экстремизмом и международным терроризмом (продолжение антитеррористической операции в Афганистане, сдерживание Ирана и его амбиций в регионе, борьба с наркотиками и наркотрафиком, поддержка светских институтов в странах региона).*

Не вызывает сомнений, что изменения в американской стратегии совпадут с изменениями в Белом доме после радикальной перекройки всей внешней политики США в 2009 г. Также политика США в Центральной Азии будет зависеть, что не вызывает сомнений, от состояния и развития российско-американских и российско-китайских отношений. В январе 2009 г. к власти в Белом доме приходит новая демократическая администрация во главе с новоизбранным президентом Бараком Обамой, которая сменит республиканскую администрацию Дж.Буша. Немаловажное значение для безопасности Центральной Азии будет иметь тот факт, что Б.Обама планирует переместить военно-стратегическую активность США из Ирака в Афганистан.**

---

* См.: Лаумулин М.Т. Выборы-2008 и возможные корректизы внешнеполитического курса США // Стратегическое партнерство США и Казахстана в XXI веке: состояние, проблемы, перспективы. – Алматы: ИМЭП, 2008. – С. 50-54; его же. Перспективы внешней политики США в Центральной Азии после смены администрации // Американские исследования в Центральной Азии. – Алматы: КазНУ, 2008. – С. 10-18; его же. Перспективы американской стратегии в Центральной Азии в контексте предстоящей смены администрации в Белом доме // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2008. № 2. С. 9-11.

** См.: Лаумулин М.Т. Перспективы внешней политики США в Центральной Азии после смены администрации // Американские исследования в Центральной Азии. – Алматы: КазНУ, 2008. – С. 10-18; Лаумулин М.Т. Центральная Азия во внешней политике США // Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы. – Алматы: КИСИ, 2008. - С. 155-171; Кукеева Ф.Т. Проект «большая Центральная Азия»: оценка идеи // Стратегическое партнерство США и Казахстана в XXI веке: состояние, проблемы, перспективы. – Алматы: ИМЭП, 2008. – С. 9-18; Starr F.C. In defense of Greater Central Asia. - Madrid: Exlibris Ediciones, 2009, pp. 53-77; Starr S.F. In Defense of Greater Central Asia. - Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS,2008. - 18 p.

Европейские интересы и Центральная Азия

Нам уже неоднократно приходилось писать о стратегии Европейского Союза в Центральной Азии.* Тем не менее, попытаемся вкратце вновь изложить основные проблемы, возникающие в связи с эволюцией стратегии ЕС в регионе.

Политика Европейского Союза в отношении Центральной Азии в 1990-е гг. формировалась под влиянием новой геополитической ситуации, сложившейся в результате распада Варшавского блока, а затем СССР в 1991 г. ЕС стал ближайшим к нестабильному восточному пространству и крупнейшим экономическим и геополитическим центром силы. В новых условиях ЕС и Запад в целом предприняли целенаправленные меры по распространению своего влияния на бывшие социалистические страны. Это в первую очередь такие шаги как расширение НАТО и ЕС на восток.

Европейский Союз предпринял также экстраординарные шаги по стабилизации СНГ: крупномасштабные программы экономической помощи (ТАСИС) и укрепление режима ОБСЕ. В то же время, распад Советского Союза привел к созданию уникальной ситуации, позволявшей ЕС играть новую геополитическую роль. Таким образом, отношения между ЕС и Центральной Азией формировались под влиянием этой новой и уникальной геополитической ситуации. С другой стороны, распространение европейского влияния на Центральную Азию ограничивалось рядом объективных и субъективных факторов: усиленной помощью странам Центральной и Восточной Европы, которая отвлекала силы и средства ЕС; конфликтами в Юго-Восточной Европе; расширением НАТО; активным проникновением США в Каспийский регион; борьбой за влияние в Центральной Азии между США, Россией, Китаем и исламским миром.

На первом этапе (1990-1995 гг.) стратегия ЕС в отношении Центральной Азии строилась с учетом достижения тактических политических целей: стабилизации пост-советского пространства, оказания экстренной экономической помощи, поощрением плюрализма, демократии и рыночных от-

* Лаумулин М.Т. Стратегические интересы Европейского Союза и Центральная Азия // Казахстан-Спектр.1999. С.66-96; Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика, политология. – Алматы: КИСИ, 2000.- С. 236-289; Центральная Азия и Европа // Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы. Под ред. Б.Румера. – Алматы, East Point, 2002. - С. 59-126; Стратегия ЕС в Центральной Азии: геополитика и безопасность. // Европейский диалог. № 3. 2002.17-26; № 4.2002.С.13-24; Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии // Сотрудничество и безопасность в Центральной Азии: состояние и перспективы. – Алматы: КИСИ, 2008. - С. 172-192; Laumulin M.T. Die EU als Modell für die zentralasiatische Integration? Discussion Paper C-29. - Bonn: ZEI, 1999. - 57 S.

ношений. Эти цели достигались как путем прямой экономической помощи, так и посредством оказания политического давления через международные и европейские организации и институты (ОБСЕ, Совет Европы, Европарламент, Европейская комиссия, Комиссариат ООН по беженцам и т.д.). Главным инструментом политики ЕС было подписание соглашений о сотрудничестве и партнерстве с пост-советскими государствами, которые должны были формализовать политические и экономические связи с Европой*.

В первой половине 1990-х гг. европейские политики сделали абсолютно ложный вывод из тенденций, развивавшихся в регионе. Они игнорировали необходимость прохождения этими республиками фазы создания «государства-нации», что требовало консолидации экономических и политических интересов новых зарождающихся элит. В это время стратегия ЕС была нацелена на поощрение внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии, хотя однозначно развивался процесс дезинтеграции. ЕС уповал на развитие демократических и рыночных институтов, в то время как новым независимым государствам потребовалось сначала создать авторитарные режимы, чтобы сохранить внутреннюю стабильность и внешнюю безопасность.

Европа недостаточно учитывала также геополитические и внешнеполитические факторы, действовавшие в регионе. ОБСЕ сохраняло формальное понимание того факта, что таджикско-афганская граница представляет собой одновременно и южный фланг европейского пространства. Однако ОБСЕ оказалась бессильна урегулировать конфликт внутри Таджикистана и тем более обезопасить регион от угрозы, исходящей из Афганистана.

На втором этапе (1996-2001 гг.) в ЕС возобладало разочарование результатами европейской политики в отношении СНГ и Центральной Азии. Стало очевидно, что пост-советские государства в основном еще далеки от стандартов представительной демократии и рыночной экономики. Более того, к концу 1990-х гг. четко обозначилась угроза дестабилизации Центральной Азии ввиду обострения социальных отношений и резко возросшей угрозы со стороны исламского юга. В то же время, на этом этапе пришло более отчетливое понимание геополитических интересов Евросоюза, которые связаны с общей геополитической стабильностью в Центральной Евразии. Тем самым, к концу века в политических кругах ЕС и, прежде всего, в Германии, наметилась тенденция к расширению геополитического влияния ЕС дальше на восток. Фактически, ЕС начал рассматривать пределы своих будущих геополитических интересов в пределах официальной сферы действия ОБСЕ, то есть вплоть до границ Центральной Азии с Афганистаном, Ираном и Китаем.

---

* См.: Лаумулин М.Т. Казахстан и Европейское Сообщество // Казахстан-Спектр. (Алматы) № 1-2. 1997. С.125-144.

Во второй половине 1990-х гг. в Европе, особенно в Германии, начинают понимать, что в геополитическом плане ЕС значительно отстает от других внешних игроков на Каспийском море и в Центральной Азии. Выступление немецких социал-демократов в 1998 г. с целью активизировать европейскую политику в регионе осталось безрезультатным. Наиболее влиятельный член ЕС - Германия была занята европейскими проблемами, прежде всего расширением Евросоюза и формированием единой внешней политики и политики в области безопасности.

Внимание к проблемам безопасности в Центральной Азии было привлечено в Европе в августе 1999 г., когда в Киргизию впервые вторглись исламские боевики, а в Бишкеке прошел саммит глав государств Шанхайской пятерки - России, Китая, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана. Беспокойство Европы вызывало очевидное сближение России и Китая и создание на базе Шанхайской пятерки некоего подобия военно-политического союза с участием центральноазиатских государств, которым в нем отводилась роль младших партнеров. События в Центральной Азии и СНГ в целом рассматривались также в Европе на фоне возникновения двух блоков внутри Содружества - один во главе с Россией на основе Договора о коллективной безопасности, другой - ГУА(А)М. в составе Грузии, Азербайджана, Украины, Узбекистана, Молдавии, ориентирующийся на Запад.

В конце 1999 г. эксперты из Федерального института восточноевропейских и международных исследований в Кельне подготовили доклад, в котором анализировалась ситуация в Узбекистане. Этот доклад сыграл свою роль в формировании позиций Берлина в отношении Центральной Азии. В концептуальном виде роль ЕС в геополитике вокруг Каспийского моря и Центральной Азии изложена в докладе Трехсторонней комиссии (2000 г.), в котором констатируется, что возможности Запада влиять на регион ограничены; рано или поздно Западу придется примириться с необходимостью сотрудничать в Центральной Азии с Россией, Китаем и некоторыми исламскими государствами.

Ведущий немецкий институт в области внешней политики - Германское общество внешней политики - разработал для своего правительства концепцию т.н. Стабилизационного пакта для Каспийского моря. Он состоял из трех элементов: 1) создание сети транспортных коммуникаций по линии Восток-Запад как противовес существующим двести лет путям Север-Юг; 2) укрепление демократии и рыночной экономики в новых независимых государствах региона; 3) переход от геополитики к экономической конкуренции. Эти требования отвечают интересам ЕС, на которые он готов инвестировать в экономики стран Каспийского региона.

При этом европейские круги вполне отдавали себе отчет в том, что такая политика вошла бы в противоречие с американской стратегией «двойного

сдерживания» против Ирана и России. К тому же ЕС желал смягчить стратегические последствия расширения НАТО на восток и превратить программу «Партнерство во имя мира» в стабилизационный инструмент и возможность для сотрудничества, а не конфронтации с Россией. Эта тенденция исходит из понимания того факта, что ЕС значительно отстал от других мировых держав в утверждении своих политических и экономических интересов в регионе. Основным сдерживающим фактором для Европы остается еще не завершившееся распределение между США и Россией сфер влияния.

После повторения летом 2000 г. событий в Центральной Азии, связанных с вторжением исламских боевиков в Киргизстан и Узбекистан, в Европе по-настоящему с тревогой начали наблюдать за развитием событий в регионе. В Германии исходили из того, что примерно к 2015 г. границы НАТО и ЕС будут вплотную прилегать к России, а Украина будет вовлечена в стратегическое партнерство с этими организациями на различных уровнях. В этих условиях Европа уже обеспокоена сохранением стабильности в России и Центральной Азии. Примерно к этому же времени ожидается истощение энергетических ресурсов Северного моря.

В практической плоскости некоторые немецкие политики видели преображение кавказско-центральноазиатского региона в своего рода «пояса стабильности», отделяющий Европу от нестабильных регионов исламского мира. Это означало, что немецкая политика возвращается к категориям геостратегического мышления, и первыми объектами этой геополитики становятся после Балкан Кавказ и Центральная Азия. В концентрированном виде она была изложена в документах СДПГ, партии, пришедшей к власти в сентябре 1998 года. Ряд немецких экспертов и политиков предлагали увязать национальные интересы Германии на Каспии с общеевропейской стратегией на Востоке: сделать энергоресурсы Каспийского моря частью общеевропейской системы безопасности и экономического сотрудничества.

В начале нового столетия позиция ФРГ в отношении региона Каспийского моря и Центральной Азии оформилась более отчетливо. Накануне визита Министра иностранных дел ФРГ Й.Фишера в государства Центральной Азии в газете «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» был опубликован меморандум руководителя департамента планирования МИД ФРГ А.Шмиллена, в которой было сформулировано немецкое видение европейских интересов в центральноазиатском регионе.

Европейские задачи и интересы в Каспийском регионе, как представляли в Берлине в начале 2000-х гг., состояли в следующем: отделение собственно европейских интересов от американских и разработка собственной европейской стратегии; привязывание Кавказа и Каспийского региона к Европе как к более привлекательной альтернативе, чем ОПЕК; вовлечение Европы

в решение конфликтов на Кавказе, насколько возможно с участием России с целью создания здесь равных конкурентных возможностей и условий для сотрудничества; активная поддержка транспортной инфраструктуры по линии Восток-Запад и особенно газовой сети для связывания ресурсов региона, включая Иран, через Турцию с европейским рынком; выработка европейской позиции в отношении проекта магистральных трубопроводов из Каспийского региона в Европу; совмещение национальных интересов различных стран ЕС в регионе в рамках единой европейской внешней политики и политики в области безопасности.

Третий этап (2002-2008) развивается под влиянием трех основных факторов: дальнейшего расширения ЕС на восток, распространения влияния Евросоюза на постсоветское пространство в Восточной Европе и проведения единой европейской внешней политики и политики в области безопасности.

Фактически, у Европы в начале 2000-х г. отсутствовала стратегия в отношении Центральной Азии, если понимать под этим термином проведение систематической политики. В то же время цели ЕС в регионе были ясны с самого начала, но отсутствовали инструменты их достижения. Цели эти были амбициозны, а средства – весьма скромные. На уровне Евросоюза данная ситуация находила выражение в том, что вся активность ЕС были направлена на регионы вблизи его границ. 1 мая 2004 года Европейский Союз принял в свой состав сразу десять новых членов – страны Центральной и Восточной Европы. Это решение стало, безусловно, шагом геополитического порядка.

В результате проведенной США операции в Афганистане и создании своих баз в Центральной Азии в 2001-02 гг. Евросоюз фактически утратил геополитическую инициативу в Центральной Азии, которую она начал набирать в конце 1990-х – начале 2000 гг. В ближайшем будущем для безопасности Казахстана и Центральной Азии большое значение будет иметь процесс в геополитической ориентации Европы: или она останется преобладающе атлантической (НАТО и США), или начнет приобретать евразийский характер (СНГ, Россия, Каспийский региона, Центральная Азия). В целом политику ЕС можно было охарактеризовать как «прото-стратегию». Это означало, что фактически у Евросоюза не сложилась эффективная стратегия в отношении как Казахстана, так и всего региона.

Но после 11 сентября 2001 г. появился потенциал для европейского вклада в обеспечение безопасности региона и большей вовлеченности в региональную политику. Европейской Комиссии было ясно, что каспийские ресурсы должны в будущем сыграть важную роль в энергетическом обеспечении Европы (и в то же время снизить зависимость ЕС от России). Кроме того, Евросоюз был озабочен такими проблемами, как нелегальный ввоз нарко-

тиков. В целом, стратегические (или нормативные) цели ЕС на тот момент – это установление в регионе либеральной демократии, верховенство закона и прав человека; посредством либерализации и демократизации открытие региона европейской и международной экономической системе.

Особое место при разработке европейской стратегии в отношении Центральной Азии занимала для ЕС проблема России. В отличие от США Брюссель прекрасно понимал законность интересов Москвы в регионе и был готов признать особую роль России, особенно в сфере безопасности, торгово-экономических связей и энергетики. Гораздо больше беспокойства у Европы вызывала стратегия Китая, которая способна в перспективе спровоцировать российско-китайское соперничество в регионе. В ЕС вызывала большое сомнение коммерческая составляющая проекта по строительству трубопровода из Западного Казахстана в Китай. В целом Евросоюз стоял на той точке зрения, что диверсификация трубопроводов является выгодной для Казахстана, поскольку способствует укреплению его независимости.

В первой половине 2007 года Германия в порядке очередности заняла пост председателя Совета ЕС. Одной из основных задач в повестке дня ее председательства стал пересмотр и переформулирование политики Евросоюза в Центральной Азии. В июне 2007 г. Совету ЕС предстояло принять новый Стратегический документ по Центральной Азии, подготовленный в основном германской стороной.

Самым существенным изъяном политики ЕС в Каспийском регионе, как считали некоторые немецкие авторы, является отсутствие когерентной политической стратегии. Это означало, что предлагаемые Европейской Комиссией различные аспекты стратегического наступления ЕС в Каспийском регионе фактически кладутся в Европейском Совете под сукно, или же существенно выхолащаются. Причины этого лежат, во-первых, в том, что в этом органе нет единой точки зрения на будущее энергообеспечения Европы и на его взаимосвязь с проблемами безопасности и экологии; во-вторых, национальные интересы отдельных государств превалируют над общеевропейскими, а интересы нефтегазовых концернов в свою очередь ставятся над национальными; в-третьих, ЕС делает ставку в первую очередь на логику рыночных отношений и экономической целесообразности при принятии решений, чему сильно препятствует расхождение в оценках запасов углеводородов на Каспийском море, высокие инвестиционные затраты, чрезвычайно медленные процессы трансформации в государствах региона и высокий конфликтный потенциал и, наконец, низкие оценки перспектив роста потребности европейской экономики в экспорте углеводородов.

С политической точки зрения ЕС делает акцент на то, чтобы избегать создания каких-либо антироссийских альянсов в регионе, и видит буду-

щее осуществление своих интересов в рамках тесного сотрудничества и партнерства с Россией. В своих оценках перспектив развития связей ЕС с прикаспийскими государствами, немецкие авторы подчеркивают, что они ни при каких обстоятельствах не могут рассматриваться как потенциальные кандидаты для приема в НАТО или Европейский Союз. Их участие в ОБСЕ следует рассматривать прежде всего как один из каналов для усиления влияния Европы в Каспийско-Центральноазиатском регионе.

Согласно документу, подготовленному 31 мая 2007 г. и получившему название «ЕС и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства» и рассчитанному на период 2007-2013 гг. соответствующие цели ЕС в регионе состоят в следующем: 1) обеспечить стабильность и безопасность его стран; 2) содействовать сокращению бедности и повышению жизненного уровня в контексте Целей развития тысячелетия; 3) всячески содействовать региональному сотрудничеству как между государствами самой Центральной Азии, так и между этими государствами и ЕС, особенно в сфере энергообеспечения, транспорта, высшего образования и защиты окружающей среды.*

Прежде всего, в документе отмечается, что Центральная Азия является связующим мостом между Европой и Азией, а также их принадлежность к ОБСЕ (т.е. европейскому политическому пространству). ЕС и ЦА имеют общие цели как сохранение стабильности и достижение процветания.

В качестве мер стратегического характера ЕС будет поддерживать регулярный политический диалог на уровне МИД; предложит «Европейскую образовательную инициативу» и «Европейскую инициативу управления посредством закона»; установит регулярный и ориентированный на конкретные результаты диалог по правам человека с каждым из центральноазиатских государств» в отдельности; будет проводить регулярный энергетический диалог со странами региона. Важным дополнением в документе является указание на то, что ЕС будет проводить конструктивный диалог с региональными организациями, такими как ЕврАЗЭС, ШОС, СВМДА, ОДКБ, ЦАЭС.

Как и в предыдущих документах Евросоюза стратегического характера, в последней стратегии большое внимание уделяется проблемам прав человека, т.н. «правильного управления» и демократизации. К этой области Стратегия ЕС относит такие направления как проведение молодежной и образовательной политики. Составной частью этой политики является поддержка экономического развития, торговли и инвестиций. Евросоюз будет поощрять и поддерживать интеграцию ЦА в мировую торговую и экономическую

---

* See: The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. – Brussels: PRC, 2007. – 20 p.

систему, особенно через институты ВТО; поддерживать реформы финансовых систем стран региона; поощрять региональную торговлю; изучать возможности улучшения условий для проникновения местных товаров на европейский рынок; расширять техническую помощь и др.

Центральное место в Стратегии занимает вопрос об усилении энергетических и транспортных связях ЕС с Центральной Азией. Подчеркивается, что поставки газа из региона имеют особое значение для Европы. Ключевым элементом является обеспечение устойчивой эксплуатации и добычи ресурсов, что в свою очередь требует стабильного инвестирования в энергетический сектор. Со своей стороны ЕС готов рассматривать все варианты по развитию и транспортировке ресурсов из региона (в коoperation с другими заинтересованными сторонами). Целью ЕС на перспективу является создание интегрированного энергетического рынка в Центральной Азии, что является условием масштабных инвестиций из Европы.

В Стратегии уделяется также внимание вопросам экологии и водных ресурсов. В этой области Евросоюз будет уделять больше внимания технической и технологической помощи. И наконец, завершает Стратегию раздел, посвященный общим угрозам и вызовам, с которыми сталкиваются ЕС и Центральная Азия. Здесь основной акцент делается на борьбу с организованной преступностью, наркотиками и нелегальной миграцией. В качестве одного из инструментов своей политики ЕС будет использовать межкультурный диалог. При этом Европа будет требовать от местных правительств уважения к религиозной свободе.

Для поддержания регулярного политического диалога ЕС будет придерживаться традиции постоянных встреч на уровне министров иностранных дел с Европейской «тройкой» и ежегодных встреч глав своих миссий в регионе. Однако стратегия Евросоюза не свободна от ряда серьезных недостатков. По мнению ряда европейских экспертов, ЕС как правило пассивно следовал за событиями, вместо того чтобы активно проводить свою политику и действовать на упреждение.

Как считают дальновидные европейские аналитики, Евросоюзу необходимо отойти от политики пассивного реагирования на события и перейти к политике опережающих действий. До настоящего времени политика ЕС заключалась лишь в простой реакции на происходящее. Сами эти меры должны носить стратегический характер, а не приспосабливаться каждый раз к конкретным ситуациям.

Таким образом, как считают эти аналитики, стратегические цели ЕС и практические задачи их достижения требуют от Европы следующего: 1) Следует со всей серьезностью отнестись к угрозе исламского радикализма и оказать государствам региона, особенно Узбекистану, помощь в укреплении

их правоохранительных органов и в осуществлении радикальных реформ всей системы безопасности. 2) Необходимо уделить значительно больше внимания Афганистану и его роли в экономике и безопасности республик ЦА, в то время как трансконтинентальная торговля должна развиваться по всем направлениям, а не только в направлении России и Европы. 3) Турция могла бы стать критическим связующим звеном, посредством которого у Европы появилась бы возможность оказывать влияние на процессы в Центральной Азии, и сотрудничество с Анкарой по этим вопросам должно резко усилиться. 4) Необходимо укреплять сотрудничество с реформистскими силами в правительствах и парламентах государств Центральной Азии. У Евросоюза уже есть программа межпарламентского сотрудничества, и ее необходимо максимально усилить.

Таким образом, европейские политики искренне считают, что у становление стабильных демократических и светских режимов в странах Центральной Азии и Южного Кавказа позволит создать своего рода «пояс безопасности», отделяющий Европу от нестабильных регионов исламского мира. В целом, среди европейских аналитиков нет однозначного мнения о том, насколько действительно Центральная Азия важна для Евросоюза. Конечно, страны ЕС активно поддерживают участие своих компаний, прежде всего энергетических, в разработке ресурсов региона, чтобы обеспечить бесперебойные поставки нефти и газа из республик ЦА. *

* См.: Бурханов А. Интересы и политика ЕС в Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЕР). 2005. № 1. С. 48-60; Бурханов А. Институциональные проблемы формирования политики ЕС в Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2007. № 1. С. 54-65; Бурханов А. Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии: успехи и неудачи // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 3. С. 18-29; Далимов Р. ЕС и Центральная Азия: перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения (Москва). 2007. № 11. С. 81-84; Исаев К.Д. Некоторые приоритетные направления внешнеполитической деятельности Европейского Союза в странах Центральной Азии // Европейский диалог (Алматы, КазНУ им. аль-Фараби). 2004. № 2. С. 65-71; Норлинг Н. Политика Европейского Союза в Центральной Азии: принятие нового стратегического документа на 2007-2013 годы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 3. С. 7-17; Pap A. Политика Европейского Союза в Центральной Азии // Европейский диалог. 2003. № 3. С.82-92; Центральная Азия во внешней политике Европейского Союза. – Алматы: «Домино», 2004. – 248 с.; Ferrero-Waldner B. The European Union and Central Asia – Building a 21st Century Partnership. Speech of European Commissioner for External Relations and European Neighbourhood Policy. – Astana, 2006. – 5 p.; Pedro Nicolás de. The EU in Central Asia: Incentives and Constraints for Greater Engagement // Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective. Eds. By M. Esteban and N. de Pedro. – Madrid: Exlibris Ediciones, 2009, pp. 113-135; Wishnick E. Growing US Interests in Central Asia. – Carlisle (PA): Strategic Studies Institute, 2002; Zukunftregion Kaspisches Meer. Deutsche Interessen und Europäische Politik in den transkaukasischen und zentralasiatischen Staaten. Positionspapier der SPD-Bundestagsfraktion. - Bonn: Cicero, 1998. - 47 S.

В заключение, любопытно посмотреть, как сами европейские эксперты оценивают опыт ЕС в Центральной Азии. В первую очередь следует упомянуть работу А.Варкоча «Центральноазиатская политика Европейского Союза: интересы, структуры и выбор реформ».* Выводы автора в целом не внушают оптимизма. Он констатирует, что Евросоюз не добился практически ни одной из своих стратегических целей, поставленных еще в 1990-е годы: бедность не устранена; сопротивление реформам в Узбекистане и Туркменистане не сломлено; положение с правами человека и уровень демократии остались на прежнем уровне; энергетические интересы ЕС не защищены. В сфере безопасности ЕС также топчется на одном месте. Варкоч советует коренным образом сменить стратегию и тактику ЕС в регионе, чтобы «вернуть доверие к ЕС». В сфере безопасности ЕС должен наконец, отмечает автор, выступать в качестве серьезной силы, а не в образе «беззубого бумажного тигра»; в энергетической политике Европа должно вести себя более самоуверенно; а в области демократии ей следует проявлять больше реализма. Кроме того он считает, что ЕС мог бы теснее координировать свою стратегию с другими международными акторами, в частности с НАТО и ОБСЕ. В целом же, Варкоч в своей книге неожиданно вышел за пределы центральноазиатской проблематики. Очевидно, что изъяны и недостатки внешней политики, стратегии и методов ее реализации Евросоюзом не эффективны не только в ЦА, но и в других регионах, и причины этого заложены в самой структуре ЕС – сложного геополитического и геоэкономического механизма, лишенного единого центра принятия решений.

А.Шмиц, которая в своих прежних работах обычно концентрировалась на внутриполитической эволюции стран региона, на этот раз пишет об отношениях ЕС с ЦА. Автор считает, что несмотря на сильное влияние России и Китая на Центральную Азию, у Евросоюза остается пространство для маневра, чтобы выступать в качестве противовеса двум региональным супердержавам.**

«Большая Тройка» в Центральной Азии

Особенность европейской политики (не только в отношении Центральной Азии) состоит в том, что она определяется не столько, и даже не сколько Брюсселем (т.е. институтами Евросоюза), а политикой ведущих

* Warkotsch A. Die Zentralasiatische Politik der Europäischen Union: Interessen, Strukturen und Reformoptionen. – Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2006. – 253 S.

** Sapper M., Weichsel V., Huterer A. (Hrsg.) Machtmosaik Zentralasien. Traditionen, Restriktionen, Aspirationen. – Bonn: BPB, 2007. – 648 S.

держав ЕС. Под «Большой Тройкой» в данном случае подразумевается Великобритания, Франция и Германия.

Интересы Великобритании в центральноазиатском регионе достаточно обширны. Они концентрируются прежде всего вокруг нефтегазового сектора, но испытывают также влияние некоторых геоэкономических и геополитических факторов. К ним следует отнести общие стратегические интересы Запада в регионе, военное присутствие Запада в Афганистане, совместную стратегию США и Великобритании в отношении Каспийского моря, стратегию НАТО в отношении постсоветского пространства, политику Великобритании в отношении России и другие.

Казахстанско-британские отношения строились на трех параметрах: нефть, культура и образование. Британские инвесторы не только участвуют в разработке крупных нефтегазовых месторождений Казахстана, но и являются наиболее активными посредниками во взаимоотношениях казахстанского правительства и западных бизнесменов.

Лондон осуществляет тесное военно-политическое сотрудничество в Центральной Азии с Узбекистаном и Киргизстаном в рамках военно-стратегического присутствия НАТО в регионе и в Афганистане. С Казахстаном до последнего времени эта сторона двусторонних отношений развивалась слабо. В 2003-04 гг. наметились перспективы участия британской стороны (наряду с США и ФРГ) в модернизации казахстанской системы ПВО. Но эти планы встретили сопротивление со стороны Москвы.

Дипломатические отношения между Казахстаном и Великобританией были установлены 19 января 1992 г. в ходе визита министра иностранных дел и по делам содружества и Северной Ирландии Д.Хэрда. Уже в первый год развития двусторонних отношений были достигнуты соглашения в области разработки нефтегазовых ресурсов: в июле 1992 г. компания British Gas и Правительство РК подписали протокол о промышленной разработке месторождения Караганак на Каспийском море. В ноябре 1992 г. состоялся официальный визит вице-президента РК Е.Асанбаева, в ходе которого на повестку дня были вынесены вопросы экономического сотрудничества между двумя странами и подписано Совместное Коммюнике. В 1993 г. наиболее крупным событием в дипломатических отношениях РК и Великобритании стал визит в Казахстан принцессы Анны с целью привлечения внимания к Казахстану деловых и общественных кругов своей страны.

В марте 1994 г. состоялся первый визит Президента Н.Назарбаева в Великобританию, во время которого были подписаны шесть документов, в том числе Совместная декларация о дружбе и сотрудничестве и ряд соглашений в финансовой, экономической и культурной области. Фактически, в ходе этого визита были заложены основы для многосторон-

него казахстанско-британского сотрудничества. С этого года начинается традиция регулярных двусторонних конференций по экономическому сотрудничеству между двумя странами и привлечению британских инвестиций в экономику Казахстана.

В октябре 1995 г. открывается посольство РК в Лондоне, а в Алматы – представительство Британского Совета. В ноябре 1995 г. состоялся рабочий визит Премьер-министра РК в Соединенное Королевство. В ходе визита была достигнута договоренность по целому ряду вопросов, в том числе по ратификации соглашения о взаимной защите инвестиций, ускорении сотрудничества в нефтегазовом секторе, сотрудничество в военной области (помощь в обучении казахстанскими военнослужащими английского языка), в области науки, образования и здравоохранения, подготовка соглашения о сотрудничестве между правительствами РК и Великобритании по поддержке малого и среднего бизнеса, открытие кредитной линии, использование английского опыта в гражданской авиации. В 1996 г. казахстанский премьер вновь посетил Англию, чтобы принять участие в международной конференции “Инвестиционные возможности Казахстана” 6-7 июня 1996 г. Этот визит придал новый импульс к сотрудничеству между Казахстаном и деловыми кругами Европы и Великобритании*. В области политической большое значение для казахстанско-британских контактов имела декларация о сотрудничестве между МИД РК и Великобритании. В ходе регулярных консультаций в соответствии с этой декларацией рассматривались не только двусторонние отношения, но и проблемы взаимодействия Казахстана с ЕС. В 1996 г. британская сторона проявила большой интерес к созданию совместного центральноазиатского миротворческого батальона под эгидой ООН и выразила готовность оказать помощь в подготовке военного персонала.

В 1996 г. продолжилась традиция посещений Казахстана членами королевской фамилии: в ноябре республику посетил наследник короны принц Чарльз. В последующие годы встречи на высшем уровне и на уровне глав правительств имели место не так часто, как на первом этапе развития двусторонних отношений. Следует отметить, что визит К.Токаева в конце 1998 г. способствовал интенсификации парламентских связей и сотрудничеству между министерствами иностранных дел двух государств. Визит К.Токаева носил подготовительный характер к очередному визиту главы государства в Соединенное Королевство, который состоялся в январе 1999 г. Второй визит характеризовался встре-

---

* См.: Казахстан и мировое сообщество (Алматы). № 2. 1996. С.3-49.

чами Н.Назарбаева с английскими парламентариями на разных уровнях. В июне 1999 г. прошла очередная инвестиционная конференция в Лондоне, посвященная Казахстану.

Цели и задачи внешней политики Великобритании в отношении Казахстана в экономической сфере основывались на ее внутриполитической стратегии и программах, принятых руководством страны. Политические и экономические интересы Великобритании затрагивают все сферы общественно-политической жизни Казахстана.

Наиболее важным фактором развития двустороннего сотрудничества являлся экономический фактор. Политико-правовая основа сотрудничества между Казахстаном и Великобританией базируется на таких документах, как «Совместная декларация об экономическом сотрудничестве между Правительством Республики Казахстан и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии» (март, 1994), «Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о поощрении и защите инвестиций» (ноябрь, 1995), «Меморандум сотрудничества между Министерством экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан и Международным Налоговым и Инвестиционным Центром Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии», «Меморандум о сотрудничестве в сфере энергетики» (июнь 2005).

В частности, представительство «British gas» в Казахстане входит в состав Совета иностранных инвесторов, консультативного органа при президенте Казахстана, который помогает крупным инвесторам решать те или иные проблемы. «British gas» является также акционером Каспийского трубопроводного консорциума - единственного на сегодняшний день действующего маршрута транспортировки казахстанской нефти на мировые рынки.

После США Великобритания выступает вторым по величине инвестором республики. Привлекаемые в Казахстан британские инвестиции касаются главным образом сферы нефти и газа. Доля иностранных вложений в экономику Казахстана занимает большую часть в общем объеме инвестиций. В целом, согласно итогам 1993–2005 гг., Великобритания вышла на второе место по объемам вложенных прямых инвестиций в экономику Республики Казахстан. По официальным данным, это более 3,6 млрд. долл.

Анализ статданных показывает, что именно добывающая промышленность является главным объектом британских инвестиций в казахстанскую экономику. Именно она привлекает наиболее значительные

капиталы и финансовые вложения. В целом анализируя британские инвестиции в казахстанскую экономику, можно отметить и отдельные отрицательные стороны. В частности, основные вложения идут в нефтегазовый сектор экономики. Условия физико-географического распределения сырьевых запасов определяют объемы британских инвестиций. Это отражается на неравномерном распределении финансовых вложений и капиталов: отдельные регионы и области республики становятся более развитыми и финансово устойчивыми, другие не получают ожидаемых вливаний и иностранной помощи. Вложенные финансы и капиталы сильно зависят от внутриполитической и экономической ситуации государств-инвесторов. Так, экономическая нестабильность Великобритании отражается на объемах и условиях вложения инвестиций уже в Казахстане.

Таким образом, крупнейшие нефтегазовые компании Великобритании, наряду с американскими, прочно обосновались на самых перспективных нефтяных объектах республики. Так, недавно палата лордов рекомендовала британскому правительству рассматривать Казахстан как один из стратегически важных партнеров. По мнению парламентариев, республика может выступать в качестве стабильного и перспективного объекта инвестиций и вложений.

Торгово-экономическое сотрудничество между Казахстаном и Великобританией охватывает широкий круг экономических областей, среди которых: энергетика, промышленность, строительство, торговля, социальная инфраструктура, здравоохранение, транспорт, связь, финансовые услуги, разведка и добыча полезных ископаемых.

В целом можно выделить следующие ресурсы Казахстана, представляющие интерес для Великобритании: продукты, сталь, шерсть, кожевенное сырье, драгоценные и полудрагоценные металлы. Структуру импорта составляет широкий круг товаров: оборудование, аппаратура, транспортные средства, точные приборы, химическая продукция, алкогольная и табачная продукция, текстиль, продукция пищевой промышленности и другие.

Важной областью казахстанско-британского сотрудничества является энергетическая сфера. Вопросы развития экономики Казахстана тесно связаны с реформированием энергетики страны. В 2005 г. в Лондоне был подписан Меморандум о взаимопонимании, направленный на укрепление двустороннего сотрудничества в области энергетики. В целях дальнейшего укрепления экономических связей, Британский Департамент по торговле и инвестициям (UK Trade and Investment) открыл Офис по торговле и инвестициям в Западном Казахстане и также создал Группу, объединенную

общими интересами к Казахстану (KOGIG UK). Организация широко и активно поддерживает британские торгово-инвестиционные интересы в нефтегазовом секторе республики.

По мнению ряда международных экспертов, Великобритания участвует в крупной геополитической игре вместе с США по объединению в общую группу Россию, Азербайджан и Казахстан и созданию в будущем некоего нефтяного союза. Постройка нефтяных трубопроводов, огромные инвестиции, нефтяные компании, современные технологии, техническое образование создают из нефтяных стран каспийского региона своеобразную альтернативу ОПЕК. С учетом данных целей можно ожидать дальнейших инвестиций и роста военно-политических интересов США и Великобритании в регионе.

Другие специалисты предполагают, что активная политика Великобритании в Казахстане и в регионе Центральной Азии может привести к возобновлению историко-политической связи региона с Ближним и Средним Востоком, Индией и Южной Азией в целом. Очевидно, что Великобритания имеет свои собственные интересы в Центральной Азии и в принципе способна вести самостоятельную политику в регионе. Однако представляется маловероятным, что Лондон по стратегическим моментам будет допускать расхождения с общей стратегией Запада в рамках англо-американских отношений, НАТО или ЕС.

Вопросы центральноазиатской политики Франции тесно увязаны с проблемой общей политики Европейского Союза в регионе. Главными приоритетами ЕС в Центральной Азии являются утверждение в ННГ Центральной Азии ценностей и норм поведения европейских государств, поддержка демократических и рыночных преобразований, распространение европейской культуры, борьба с наркотрафиком и организованной преступностью.

Важнейшие французские задачи, входящие в рамки общеевропейской линии в Центральной Азии, состоят в поддержке осуществляемых в регионе рыночных экономических преобразований и демократических реформ, активной поддержке строительства транспортной инфраструктуры по линии Восток-Запад, в особенности, сети нефте- и газопроводов для транспортировки углеводородного сырья региона на европейские рынки, а также в совмещении национальных интересов различных стран ЕС в регионе в рамках единой европейской внешнеполитической линии.

В начале 1990-х гг. во французских дипломатических и политических кругах прогнозировались три возможных сценария развития событий в регионе. По мнению одних экспертов, значительные энергетические ре-

сурсы региона в скором времени позволили бы ему занять ключевое место в мировой экономике. Другая группа экспертов отмечала, что существующая политическая нестабильность в регионе может возрасти вследствие экспансии радикального ислама, сложной этнической ситуации и искусственного характера границ между странами региона. Третья точка зрения фокусировалась на том, какую модель развития страны региона выберут в качестве образца – вестернизированную и светскую модель Турции или более неоднозначную модель Ирана.*

Экономические отношения Франции и Центральной Азии оставались в реальности скромными и значительный потенциал остается в большей степени нереализованным. Этому способствуют сложная экономическая обстановка в регионе, но еще больше – значительные различия в степени реализации широкомасштабных экономических реформ в странах Центральной Азии – от рыночных экономик Казахстана и Кыргызстана до квази-советской модели в Туркменистане.

На первых этапах отношений Франции и стран Центральной Азии, у Франции отсутствовала четкая стратегия в отношении региона. Лишь спустя тринадцать лет после обретения странами региона независимости, французские эксперты и дипломаты смогли выработать более осмысленную центральноазиатскую стратегию. Экономическая политика Франции в Центральной Азии подразумевает общую экономическую привлекательность региона для Франции, наличие в регионе экономических интересов французских компаний, роль центрально-азиатского региона в экономическом балансе Франции.

Французская Республика признала Республику Казахстан 7 января 1992 г., а 25 декабря 1991 г. в ходе встречи Президента РК Н.Назарбаева и министра иностранных дел Франции Р.Дюма был подписан протокол об установлении дипломатических отношений. Развитию культурных отношений между двумя странами способствовало установление отношений городов-побратимов Алма-Аты и Ренна в мае 1992 г. Лидеры двух государств президенты Н.Назарбаев и Ф.Миттеран впервые встретились в Хельсинки на саммите ОБСЕ в июле, а уже в конце сентября состоялся официальный визит казахстанского президента во Францию. В ходе визита 23 сентября были подписаны документы, положившие основу двусторонних отношений – Договор о дружбе, взаимопонимании и сотрудничестве и Протокол об экономическом сотрудничестве. В январе 1993 г. открылось Посольство РК в Париже. В июле 1993 г. в рамках визита вице-президента

---

* Бурханов А.К. Современная французская политология о Центральной Азии // Саясат, 2003 - № 6 – С.75-76.

Комиссии по иностранным делам Национального Собрания начались контакты между двумя странами на парламентском уровне.

Важным событием в двусторонних отношениях стал визит Ф.Миттерана в Казахстан в сентябре 1993 г. Этот визит стимулировал развитие политических, экономических и культурных отношений между двумя странами. В экономике РК обозначили свое присутствие такие французские фирмы как Эльф-Акитен, Томсон, Буиг, Сюкре данре, Банк Креди коммерсиаль де Франс, Спи Батиноль и др. С октября 1993 г. работает Межправительственная группа по экономическому сотрудничеству.

В казахстанско-французских отношениях существовала еще одна сфера, где Париж был готов оказывать помощь Казахстану с целью отстаивания своей эгатистской политики в противовес англо-саксонскому либерализму - это подготовка руководящего состава для государственных служб. Во время беседы Ф.Миттерана и Н.Назарбаева в 1993 г. возникла идея создания высшей школы по образцу французской ЭНА (*Ecole Nationale d'Administration*). В 1995 г. при активном финансовом и техническом сотрудничестве Франции в Алматы открылась Национальная Высшая Школа Государственного Управления - НВШГУ. В феврале 1994 г. в Париже состоялась еще одна, рабочая встреча казахстанского и французского президентов.

В ответ на призыв Президента Казахстана к главам высокоразвитых государств с просьбой помочь регионам экологического бедствия республики в 1994 г. Франция предоставила Аральскому региону несколько водоочистительных установок, которые вошли в действие в июле 1996 г. Этот жест доброй воли продемонстрировал заинтересованность Парижа к поддержанию положительного имиджа Франции в Центральной Азии и Казахстане, несмотря на некоторое падение интереса к двустороннему сотрудничеству после 1993 г. Развитие экономических отношений проходило крайне неровно: с 1992 по 1994 гг. товарооборот между двумя странами вырос с 20 до 170 млн. долл., однако в 1995 г. произошло его падение более чем в два раза - до 75 млн. долл. Это произошло вследствие того, что Франция с 1995 г. перестала закупать в Казахстане материалы для своей атомной энергетики, а также после завершения французской компанией "Буиг" своей деятельности в республике. В результате этого торговый баланс стал складываться в пользу Казахстана. Во второй половине 1990-х гг. в РК действовали 30 французских фирм в сфере приватизации, нефтяном и горном секторе, банковском деле и консалтинге. Французская сторона подчеркивала важность того, что Казахстан разделяет ее взгляды на роль государства в экономике, особенно в контроле над инфраструктурой и социальным страхованием согласно известной дирижистской концепции.

В июне 1995 г. Н.Назарбаев лично познакомился с новым президентом Франции Ж.Шираком в ходе своей краткой остановки в Париже, а в ноябре того же года глава Казахстана прибыл во Францию уже с официальным визитом. Этот визит, в рамках которого состоялась встреча Н.Назарбаева с представителями французских деловых кругов, должен был стимулировать их интерес к Казахстану и экономическое сотрудничество между двумя странами.

В феврале 1997 г. Францию посетила казахстанская правительенная делегация во главе с заместителем премьера. Во время визита и имевших место переговоров была подтверждена готовность Франции поддерживать сотрудничество с РК в области маркетинга, сбыта сельскохозяйственной продукции, приватизации, а также среднего машиностроения. Смена президентов во Франции не отразилась на позитивном характере двусторонних отношений. В апреле 1997 г. Жак Ширак подтвердил намерения Парижа развивать отношения с Казахстаном в политической, культурной и экономической областях и поддерживать контакты на высшем уровне. Создавалось впечатление, что Франция отдает предпочтение сотрудничеству с Казахстаном на двусторонней основе, а не в рамках ЕС. Эта политическая линия продолжилась и в конце 1990-х гг., в том числе и в ходе визита министра иностранных дел РК К.Токаева во Францию. В 1999 г. двусторонние отношения затронули военную сферу: инспекционные военные группы Министерства обороны Франции посетили воинские части в Южном Казахстане.

В июне 2000 г. состоялся третий официальный визит Президента РК Н.Назарбаева во Францию. В рамках этого визита имела место активизация торгово-экономического и культурного сотрудничества, были подписаны протоколы по сотрудничеству в области нефтедобычи, транспорта, экологии, аeronавигации, химической промышленности. Лидеры двух государств обратили также особое внимание на необходимость интенсификации отношений в сфере культуры. Выполняя свои обязательства в этой области, в октябре 2001 г. французская сторона увековечила памятной стелой в г.Ножан-сюр-Марн память о пребывании во Франции казахского политического деятеля М.Чокая. В свою очередь, казахстанская сторона провела ряд культурных мероприятий в рамках 10-летия независимости РК, которые способствовали популяризации казахской культуры во Франции и французской – в Казахстане.

Весной 2002 г. на отношения между РК и Францией наложил определенный отпечаток инцидент, связанный с одним из лидеров оппозиции - Г.Жакиевым, но уже в июне французская сторона официально заявила, что считает инцидент исчерпанным. В целом, казахстанско-французские

отношения развивались чрезвычайно динамично. За период с 1995 по 2002 гг. состоялось восемь встреч Н.Назарбаева и Ж.Ширака. Основой для такого плодотворного сотрудничества были не только взаимные экономические интересы, но и широкая заинтересованность обеих сторон к политическому сотрудничеству, традиционный интерес в Казахстане к французской культуре, стремление французской стороны распространить положительный опыт своей административно-государственной модели в Казахстане*.

На сегодняшний день интересы французского капитала главным образом сосредоточены в Западном регионе Казахстана, в проектах, связанных с нефтегазовым сектором и обслуживающей его инфраструктурой. Наиболее крупным партнером в этом секторе продолжает оставаться компания «ТотальФинаЭльф», чьи инвестиции за последние два года превысили 410 млн. евро. В ходе состоявшейся 20 мая 2002 г. в Астане встречи Президента – Генерального Директора компании «Тоталь» Т.Демарэ с президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым, французская сторона заявила о своей заинтересованности в долгосрочном сотрудничестве с Казахстаном и расширении масштабов своего присутствия в нефтяных проектах Казахстана. Хорошим примером развития двустороннего сотрудничества в данном секторе является создание при активном содействии Посольства РК казахстанско-французского Центра нефти «КазФраМунай» (КФМ) по подготовке и переподготовке казахстанских специалистов в нефтегазовом секторе. Проект получил поддержку президента Франции Ж. Ширака, руководства внешнеполитического ведомства страны и компании «ТотальФинаЭльф». Французская сторона рассматривает его как элемент фундамента двустороннего сотрудничества в сфере экономики и образования.

В 2002 г. существенно расширилась договорно-правовая база казахстанско-французских отношений в нефтегазовом секторе – банк «БНП Париба» и НК «КазМунайГаз» подписали соглашение о финансировании проекта по реконструкции Атырауского нефтеперерабатывающего завода. Важной сферой деятельности французских компаний является сектор добычи урановых руд. В то же время, общий объем французских инвестиций в экономику Казахстана остается сравнительно небольшим – в 2003 г. он составил около 285 млн. долларов. Большая часть этого объема инвестиций направлена в нефтегазовый сектор Казахстана компанией «ТотальФинаЭльф» – они предназначены для разработки месторождения Кашаган.

На сегодняшний день в Казахстане работают 4 французских банка – «Соcьете Женераль», «Натексис Банк Попюлэр», «БНП Париба» и «Ка-

---

* См.: Казахстанско-французские отношения. 90-е годы XX века. /Сборник документов и материалов. – Алматы: КазГУ, 1998.

лион». Их деятельность сконцентрирована на предварительном финансировании операций по экспорту углеводородного сырья для иностранных нефтяных компаний (в частности, «ПетроКазахстан»).

Экономическое присутствие Франции в Узбекистане также достаточно широко. Как и в Казахстане, основными областями сотрудничества являются традиционно сильные для французов отрасли - телекоммуникации, строительство, банковское дело и финансы.

С началом антитеррористической операции в Афганистане в 2001 г. Франция наряду с США заручились разрешением таджикского правительства на использование авиабазы Айни, расположенной вблизи Душанбе. Франция оказывала содействие в подготовке военных кадров для вооруженных сил Таджикистана и военно-техническую помощь. В ходе визита министра обороны Франции Мишель Аллио-Мари в Таджикистан в 2003 г. была заключена договоренность об углублении военно-технического сотрудничества и проведении совместных учений таджикских и французских военнослужащих. В рамках операции наблюдалось значительное расширение военно-технического сотрудничества Франции и Узбекистана. Планы сотрудничества в 2003-2004 гг. предусматривали помочь узбекской армии в подготовке кадров, обучении их французскому языку, обмен опытом в управлении военной техникой. Французские военные инструкторы оказывают помощь в подготовке горных подразделений узбекской армии.

Культурная политика, наряду с политическим и экономическим присутствием, является важной составляющей французской политики в центрально-азиатском регионе. Культурная политика предполагает проведение комплекса мер, направленного на пропаганду французского языка и культуры и приобщение к ним местного населения. Культурная политика Франции в регионе отличается широтой и масштабностью - в Алматы и Ташкенте функционируют Французские Культурные Центры, в Ташкенте открыт Французский Институт по изучению Центральной Азии, являющийся структурным подразделением Французской Академии.*

По общему мнению французских экспертов, политика европейских стран в отношении Центральной Азии должна быть пересмотрена в сторону расширения европейского влияния. Французские исследователи выделяют три главных фактора, под влиянием которых будет развиваться дальнейшая ситуация в Центральной Азии - открытость исламскому миру, открытость азиатскому миру и стремление выйти на мировые рынки сбыта

---

* См.: Бурханов А.К. Присутствие Франции в Центральноазиатском регионе // Саякат. 2001. № 4. С. 41-43; Salvagni L.A. Quel rôle pour l'Union européenne en Asie centrale? // Le Courrier des Pays de l'Est. 2006. No 1057, pp. 17-29.

своей продукции, главным образом, полезных ископаемых. Экономическое присутствие является важным аспектом французской региональной политики. Оно подразумевает общую экономическую привлекательность региона для Франции, наличие в регионе экономических интересов французских компаний, роль центрально-азиатского региона в экономическом балансе Франции.

Франция придает приоритетное значение Казахстану в развитии отношений с государствами Центральной Азии и намерена поддержать становление РК в качестве региональной державы, в том числе, через сотрудничество в ООН и ОБСЕ, оказывать содействие процессу СВМДА и казахстанским инициативам по региональному сотрудничеству.

Особенностью политики Германии в отношении отдельных государств Центральной Азии на протяжении длительного периода времени являлся региональный подход. Берлин рассматривает Казахстан и другие страны региона как часть Центральной Азии и проводит свою политику в контексте всего центральноазиатского региона. Другой особенностью германской политики является ее тесная увязка и координация с политикой Европейского Союза в целом. С политической точки зрения это объяснялось отсутствием у ФРГ ясно выраженных геополитических интересов, стремление рассматривать этот регион в контексте реалий, возникших после распада СССР; с экономической точки зрения – узостью национального рынка каждого отдельно взятого государства региона.

Германия проявляла интерес к Центральной Азии в связи со следующими политическими и экономическими вопросами: судьба немецкой diáspоры в регионе (преимущественно в РК), поддержка реформ и внедрение немецкой социально-рыночной модели в странах региона, экспансия немецкого бизнеса на местные рынки, использование местных ресурсов для нужд германской и европейской экономики, борьба за ресурсы Каспия.*

Документ, подготовленный германскими социал-демократами в 1998 г. в отношении стратегии ЕС в Каспийском регионе, является фактически первой попыткой оформить европейские интересы в регионе на концептуальном уровне. Главным тезисом этой стратегии является мысль, что государства региона не могут самостоятельно стать зоной мира, благосостояния и политической стабильности. ЕС готов предложить свою модель

---

* См.: Регион будущего – Каспийское море. Интересы Германии и политика Европы в закавказских и центральноазиатских государствах. Позиция фракции СДПГ бундестага. – Bonn: Cicero. 1998. – 47 S.; Нурша А.К., Чукубаев Е.С. Социал-демократическая партия Германии и интересы ФРГ в Центральной Азии и Каспийском регионе // Европейский диалог. 2004. № 2. С.109-111.

преобразования этого региона, которая в основном повторяет подход ЕС к развитию пост-советского пространства после 1991 г. Данная модель состоит из трех компонентов: преобразования для развития демократии и рыночного хозяйства как предпосылка для поддержания мира; региональное сотрудничество против «стратегических альянсов»; вовлечение в европейский процесс через ОБСЕ и Энергетическую хартию*. Выделяя главную мысль европейской концепции относительно каспийского региона, можно констатировать, что Европа хотела бы превратить регион в энергетический тыл экономики ЕС.

Основа для казахстанско-германского сотрудничества была заложена в сентябре 1992 г. в ходе первого визита Президента Н.Назарбаева в ФРГ и подписания Совместного заявления об основах отношений и ряда договоров и соглашений в различных областях. В апреле 1995 г. Казахстан посетил Федеральный президент Германии Р.Херцог, в мае 1996 г. – Вице-канцлер, Министр иностранных дел ФРГ К.Кинкель. В качестве ответного визита министр иностранных дел РК К.Токаев посетил Германию в октябре 1996 г. В мае 1997 г. состоялась встреча Президента РК Н.Назарбаева с Федеральным канцлером Г.Колем в аэропорту г.Алматы. В ноябре 1997 г. состоялся официальный визит Н.Назарбаева в ФРГ, в ходе которого был подписан ряд документов, охватывающих основные сферы двустороннего сотрудничества.

Важной частью политических отношений между РК и ФРГ были визиты в рамках межпарламентского обмена, а также визиты руководителей федеральных германских земель, министерств и ведомств двух стран во главе официальных делегаций. Эти визиты позволяли поддерживать достаточно интенсивный политический диалог между Казахстаном и Германией в различных областях двусторонних отношений.

Федеративная Республика Германия являлась одним из основных торговых партнеров Республики Казахстан, занимая по объёму товарооборота второе место после Российской Федерации и первое место среди европейских стран. Наиболее успешно немецкий капитал работает в таких секторах экономики Казахстана как нефть и газ, минерально-сырьевой комплекс, транспорт и коммуникации, строительство, финансы и кредит, издательство и полиграфия. Федеральным правительством Германии была разработана программа привлечения к сотрудничеству в области политики развития немецких средних компаний, их филиалов и совместных предприятий в Казахстане.

---

* Zukunftregion Kaspisches Meer. Deutsche Interessen und Europaeische Politik in den transkaukasischen und zentralasiatischen Staaten. Positionspapier der SPD-Bundestagsfraktion. - Bonn: Cicero, 1998, S 40-43.

Основой для культурного сотрудничества между РК и ФРГ является Казахстанско-германское соглашение по культуре, подписанное в 1994 г. Ответственным органом за культурное сотрудничество между двумя странами является казахстанско-германская Смешанная Комиссия по культурному сотрудничеству. В Казахстане представлены также политические фонды ФРГ, в частности Фонд им. Ф.Эберта, который открыл свое представительство в Алматы осенью 1996 г. Целью проектов фондов является поддержка демократии и рыночной экономики, финансирование осуществляется по линии Министерства по сотрудничеству и развитию ФРГ.

Сотрудничество между Казахстаном и Германией в поддержке этнических немцев, проживающих в Казахстане, основывалось на ряде межправительственных соглашений 1994-96 гг. Со своей стороны, Федеральное правительство Германии через МВД, МИД ФРГ и Общество по техническому сотрудничеству оказывает ощутимую финансовую и материальную помощь немцам в Казахстане.

К 2001 г. назрела необходимость убеждения немецкой стороны в пользу диверсифицированного подхода при осуществлении своей политики в отношении центральноазиатских государств. В целом, между Казахстаном и Германией не было спорных политических вопросов, их позиции по основным международным проблемам близки или совпадали. После смены правительства в ФРГ осенью 1998 г. и прихода к власти коалиционного правительства СДПГ/ «Зеленых» во главе с Г.Шредером интенсивность политических контактов на первых порах снизилась. Со второй половины 2000 г. наметилось расширение внешнеполитических интересов ФРГ в Центральной Азии*.

В 2001 г. отношения между РК и ФРГ поднялись на новый уровень. В мае 2001 года состоялся визит Вице-канцлера, министра иностранных дел ФРГ Й.Фишера в Казахстан, который отразил возросший интерес Германии к региону и стал признаком стремления руководства ФРГ к активизации контактов и связей с Казахстаном и другими центральноазиатскими государствами. Другим важным событием стал официальный визит Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева в Берлин в октябре 2001 г. В ходе визита стороны подписали шесть соглашений в области военного сотрудничества, экономики, культурного и гуманитарного сотрудничества.

---

* Гиззатов В.Х. К 10-летию установления дипломатических отношений между РК и ФРГ// Казахстан и современный мир. 2002. № 1. С. 5-10; Кёртинг А. Германия и Казахстан – 10 лет дипломатических отношений // Казахстан и современный мир. 2001. № 1. С. 53-71; Губайдуллина М. Казахстанско-германские отношения на современном этапе: к десятилетию двусторонних отношений // Казахстан в системе международных отношений. – Алматы, 2001. С. 145-149.

Большое внимание в ходе этого визита уделялось проблемам безопасности и стабильности в Центральной Азии в свете начинавшейся антитеррористической операции НАТО в Афганистане. Участие ФРГ в миротворческой операции в этой стране привело к тому, что Германия оказалась непосредственно вовлеченной в геополитику Центральной Азии.

Таким образом, с начала 2000 г. было замечено расширение внешнеполитических интересов ФРГ, которые стали приобретать более глобальный характер, в том числе и повышение интереса к Центральной Азии. Во многом это было вызвано тревожными тенденциями в развитии ситуации в регионе ЦА, ростом угрозы со стороны исламского экстремизма и наркомафии, базирующихся на территории Афганистана, а также обозначившимся конфликтным потенциалом проявившихся противоречий между государствами региона из-за дефицита водных и энергетических ресурсов. В феврале 2001 г. немецкая разведка БНД подготовила доклад, в котором прогнозировалось обострение ситуации в регионе летом 2001 г.

Проблема безопасности, наряду с проблемой наркотиков является основной причиной озабоченности Берлина развитием ситуации в Центральной Азии. Как известно, ФРГ принимает активное участие в антитеррористической операции сил НАТО в Афганистане. Германия сохранила свою базу в Узбекистане даже после того, как Ташкент в 2005 г. вынудил Соединенные Штаты покинуть предоставленные им в 2001 г. в распоряжение США базы в Карши (Ханабаде) и Кокайды.

В дальнейшем Берлин неоднократно влиял на формирование общей стратегии Евросоюза в отношении Центральной Азии. В 2000 г. в Берлине была разработан т.н. Стабилизационный Пакт для Каспийского моря. В мае 2001 г. в германском МИД был подготовлен т.н. Меморандум Шмиллена, который представлял собой концептуальный взгляд на стратегию Евросоюза в ЦА. И наконец, в 2006-07 гг. Германия в качестве председателя ЕС взяла на себя миссию сформулировать Европейскую стратегию в регионе (см. выше).

Сотрудничество во имя?...: Центральная Азия и НАТО

Организация Северо-Атлантического договора (НАТО, или Северо-Атлантический альянс) является основным военно-стратегическим инструментом Запада в течение последних почти шестидесяти лет. Это крупнейший в мире военно-политический блок, который включает в себя 26 государств Северной Америки, Западной, Центральной и Восточной Европы, а также Турцию. На территории, охватываемой странами - членами НАТО, проживает около 850 млн. человек.

НАТО создавалась и многие десятилетия функционировала как военная организация, которая должна была противодействовать военной угрозе Западу. За последние 15 лет НАТО пережила радикальную трансформацию: исчезла потенциальная военная угроза с Востока; организация пережила две волны расширения (в 1999 и 2004 гг.); полностью изменилась геополитическая и военно-стратегическая картина бывшего предполагаемого театра военных действий (ТВД). В этой связи не могли не измениться цели, задачи и функции этой организации. Однако, руководство НАТО, несмотря на произошедшие геополитические изменения и исчезновение прямой угрозы странам блока, по-прежнему сохраняет активный, наступательный, а не оборонительный характер своей организации.

В настоящее время НАТО, являясь сравнительно мощным и реально функционирующим геополитическим инструментом стран Запада, все более стремится играть центральную роль в обеспечении безопасности не только евро-атлантической зоны, но и других регионов мира. В этой связи идет трансформация стратегии НАТО, происходит адаптация Североатлантического альянса и его потенциалов к новым международным условиям, новым вызовам и угрозам безопасности. Этот процесс сегодня можно рассматривать в трех плоскостях: географической, военно-политической и оперативно-технической.

Активность НАТО затрагивает непосредственным образом СНГ и Россию, Каспий и Центральную Азию, касается международного положения и безопасности Республики Казахстан. Сотрудничество республик Центральной Азии с НАТО началось в 1994 году, когда четыре из пяти стран региона - Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан стали участниками программы Североатлантического альянса «Партнерство ради мира» (ПИМ).

НАТО сталкивается в последние годы с растущими трудностями и проблемами военно-политического, стратегического, геополитического и организационно-технического характера. На военно-политическом уровне проблемы возникают перед альянсом вследствие растущего разрыва между отдельными членами организации (США и европейскими державами) в сфере финансирования оборонных бюджетов, проведения совместных операций, проведения скоординированной политики в отдельных регионах, в отношении отдельных стран или международных конфликтов.

На стратегическом и геополитическом уровне угрозы существованию или дальнейшему продвижению НАТО возникают вследствие появления новых геополитических центров силы (ШОС), международных союзов (Евросоюз) или укрепления других великих держав и проведения собственной независимой политики (Китай, Россия, Индия). В органи-

зационно-технической области проблемы НАТО вытекают из крайне неравномерного и пестрого состава альянса, в котором экономические, военно-технические и стратегические потенциалы отдельных членов порой несопоставимы.

С начала 2002 г. Центральная Азия живет в условиях непосредственного военного присутствия военной структуры Организации Северо-Атлантического Договора (НАТО) в Центральной Азии и Афганистане. Военнослужащие, техника и военные базы стран-участниц договора (до 2005 г. - преимущественно США), дислоцировались в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. В Брюсселе разрабатывались стратегические планы по охвату как можно большего количества постсоциалистических государств и их подключению к геополитике Запада. Одним из важнейших инструментов такой стратегии стала программа НАТО «Партнерство во имя мира» (ПИМ). В мае 1994 года Казахстан подписал рамочный документ об участии в ПИМ, а в 1996 г. в Брюсселе было подписано «Соглашение о безопасности» между РК и НАТО, которое предусматривало т.н. регулирующий обмен чувствительной и секретной информацией в рамках ПИМ, а также статус вооруженных сил участников соглашения на территории других участников ПИМ в случае военных учений.

НАТО через осуществление попытки интегрировать Центральную Азию в систему коллективной безопасности Североатлантического договора стремилась усилить контроль над региональными процессами. Трансформация НАТО подразумевала налаживание практических связей со странами, не входящими в Альянс. Цель такого сотрудничества - создание более прозрачного мира, в котором непонимание и недоверие будут сведены до минимального уровня. Следует отметить, что внутри альянса не было единства взглядов по вопросу дальнейшего расширения блока и его активности. Соединенные Штаты намерены и дальше продолжать экспансию НАТО на восток, в то время как Франция в лице нового президента Н.Саркози считала, что глобализация союза - прямой путь, чтобы его убить.

Главной для воплощения этой идеи стала программа «Партнерство во имя мира» (ПИМ), которая с самого первого дня (принята в 1994 г.) является важной и неотъемлемой частью европейской структуры безопасности. ПИМ обеспечивает своего рода консультативный форум партнеров по первоочередным проблемам безопасности на современном этапе. В рамках этой программы был создан ряд механизмов по проведению заседаний союзников и партнеров, а также встреч в рамках более мелких групп с участием стран – не участников Альянса. Четыре центральноазиатских государства были среди сторон, подписавших ПИМ в 1994 году: Турк-

менистан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Лишь после 11 сентября Таджикистан, наконец, присоединился к ПИМ, а Кыргызстан и Узбекистан присоединились к ПАРП.

Первой структурой в регионе, созданной под эгидой НАТО, стал Центральноазиатский батальон (Центрзбат), решение о формировании которого было принято на саммите ЦАС в Чимкенте в апреле 1995 года. Идея состояла в том, чтобы путем слияния контингентов трех государств создать единое военное формирование с миротворческими задачами. Свое первое крещение батальон получил в 1997 году на первых учениях в Центральной Азии Центрзбат-97 в рамках ПИМ, в которых приняли участие также подразделения США, России, Турции, Грузии и Балтийский батальон (аналогичное формирование прибалтийских республик). В последующие годы подобные учения проводились на территории Киргизстана и Узбекистана. Следует заметить, что не только натовские военные принимали участие в учениях на территории Центральной Азии, но и центральноазиатские военные участвовали в учениях НАТО в Европе.

Но в целом Центрзбат остался мертворожденным проектом. Последние учения Казахстан провел в 2000 г., в основном своими силами. Напоминанием о совместном батальоне осталось наше миротворческое формирование – Казбат, которое предполагалось в 2002 году использовать в Афганистане и которое частично использовалось в 2003-08 гг. в Ираке.

В конце XX века Брюссель начал менять свою стратегию в отношении центральноазиатских участников ПИМ. В 2000 г. между Казахстаном и НАТО была подписана индивидуальная программа партнерства, одобренная Советом альянса. Казахстан в качестве первоочередной задачи преследовал цель расширить сотрудничество с НАТО в сфере военного строительства и подготовки кадров. На двусторонней основе такое сотрудничество уже имело место между РК и Турцией, ФРГ и США. С 1995 года казахстанские офицеры присутствуют в качестве наблюдателей на учениях в рамках ПИМ.

Брюссель зорко следил за изменением военно-стратегической обстановки в Центральной Азии. В 2000 году новый генсек НАТО Дж. Робертсон дважды встречался с Н. Назарбаевым в Астане и Брюсселе. Хотя в это время упор делался на сотрудничество между НАТО и государствами региона в рамках безобидных программ по охране окружающей среды, экологии и развития науки, в воздухе уже витал грозный призрак 11 сентября. Во всяком случае, руководство альянса проявляло серьезную озабоченность развитием событий в Афганистане и их влиянием на безопасность Центральной Азии.

Поворотным пунктом в истории взаимоотношений альянса и стран региона стали события после 11 сентября 2001 г. и развертывание крупно-

масштабной военной операции в Афганистане. США и Великобритания провели в октябре-ноябре 2001 года военную операцию в Афганистане, а с декабря к ним подключились в качестве миротворцев другие члены НАТО. В январе 2002 года странам НАТО удалось добиться выдающегося стратегического успеха: была достигнута договоренность о размещении военных баз альянса на территории Киргизстана и Узбекистана и некоторых поддерживающих структур – в Таджикистане.

После прибытия в Центральную Азию антитеррористических коалиционных сил во главе с США в региональной военной и политической ситуации произошли глубокие изменения. США реально присутствовали в регионе на основе предоставленных силам антитеррористической коалиции военно-воздушных баз со стороны Узбекистана, Киргизстана и Таджикистана. В период 2001-05 гг. США закрепились на авиабазах в Ханабаде и Кокайды (Узбекистан), Душанбе и Кулябе (Таджикистан), Манасе (Киргизстан). Эти базы потенциально имеют важное стратегическое значение, но пока только регионального характера.

Манас представлял собой наиболее интернационализированный объект: здесь были сосредоточены 1400 военнослужащих из США, Италии, Дании, Нидерландов и Южной Кореи, не являющейся участником НАТО. Американцы в Манасе преобладали: их 450 человек. Голландия и Дания предоставили даже для этой базы 12 истребителей. Относительно крупная немецкая группировка (200 чел.) располагалась в Термезе; здесь же базировалась французская авиация.

В целом в тот период Соединенные Штаты доминируют в регионе: на базе в Ханабаде были дислоцированы 1,5 тыс. солдат, в целом регионе – 3,5 тыс. И при этом американцы составляют две трети сил НАТО в соседнем Афганистане – восемь тысяч (остальные силы ИСАФ – 4200 чел. из 29 стран). Крупнейший после американского являлся немецкий контингент – 2 400 чел. В дальнейшем бундесвер расширил зону своей ответственности за счет размещения своих сил в Харикаре и Кундузе. Активизация Бундесвера была связана с новой стратегией союзников в Афганистане: максимально «разгрузить» американцев, чтобы те могли сконцентрироваться на военной операции против исламистов.

В реализации своей стратегии в регионе НАТО избрала тактику дистанцирования и фрагментирования. Преимуществом этой тактики альянса являлось то, что НАТО предпочитает двусторонний формат отношений с государствами региона. В этой связи отпадает необходимость установления каких-либо контактов с конкурирующими структурами региональной безопасности, прежде всего ОДКБ и ШОС, и, соответственно, снижаются возможности контроля над развитием отношений НАТО-ЦАР со стороны РФ и КНР.

Проникновение ВС НАТО и США на территорию постсоветского пространства и в Афганистан создали весьма неблагоприятную геостратегическую конфигурацию вокруг Ирана, т.к. базы альянса в Центральной Азии и кавказские страны-партнёры (Грузия и Азербайджан) фактически замкнули кольцо окружения иранской территории: с севера – это базы в Киргизстане и Таджикистане; на северо-западе – проНАТОвские Азербайджан и Грузия; на западе – проамериканские Саудовская Аравия и Израиль, член альянса Турция и военные контингенты США в оккупированном Ираке; на востоке – базы в Афганистане и прозападно настроенный Пакистан; с юга кольцо иранского окружения замыкают прозападные Кувейт, ОАЭ и Оман. В этой связи можно высказать мнение о том, что необходимый фундамент для атаки Ирана со стороны США при возможной поддержке НАТО создан. Можно предположить, что Вашингтон тщательно спланировал антииранский геополитический проект и в течение шести лет, с начала антитеррористической операции в 2001 году, взял Иран в «в скобки».

НАТО играет более масштабную роль в замыслах Запада, чем это может показаться на первый взгляд. В целом можно отметить, что военная опора НАТО в регионе имеет двуединую задачу – оказывать сдерживающее влияние на РФ, КНР и ИРИ, с одной стороны, и оказывать идеологическое воздействие и нажим на своих региональных партнёров - с другой. Тем самым НАТО настойчиво реализует амбициозные планы стать ключевым геополитическим и военным оператором в регионе Центральной Азии.

Все наглядно проявилось в контексте взаимоотношений НАТО с Таджикистаном. В целом помочь со стороны государств НАТО Душанбе составила в 2002-03 гг. 4 млн. долл. Все это происходило на фоне демонстративного сужения таджикско-российского военного сотрудничества: Душанбе в несколько раз уменьшил численность своих офицеров, обучающихся в России, ликвидировал институт российских военных советников, существовавший с 1994 года. И это при том, что именно Россия и ее вооруженные силы в лице 201-й дивизии долгое время обеспечивали и обеспечивают безопасность границы Таджикистана с Афганистаном.

«Программа во имя мира» давала союзникам по НАТО возможность сотрудничать со своими партнёрами, не входящими в Североатлантический альянс, по многим направлениям военной и оборонной деятельности. Практически все органы НАТО прямо или косвенно участвуют в работе по программе ПИМ. Она рассматривается в НАТО как ключевой фактор в развитии отношений между альянсом и странами-участниками.

В 1992 году было принято решение о начале сотрудничества Казахстана с НАТО. В лице НАТО Казахстан получал дополнительные гарантии безопасности. 27 мая 1994 г. Казахстан подписал Рамочный документ

«Партнерство во имя мира» и стал 19-м государством-участником этой программы. Договорно-правовая база сотрудничества Казахстана с НАТО была дополнена в июле 1996 года двумя соглашениями – о безопасности, которая касается защиты секретной информации, обмен которой происходит в рамках сотрудничества и о статусе Вооруженных сил, где оговорен статус воинских подразделений партнеров на территории друг друга во время проведения военных учений. В марте 1998 г. была открыта Дипломатическая Миссия Казахстана при НАТО.

Казахстан стал одним из инициаторов создания подразделения СЕАП, в рамках которого на регулярной основе могут встречаться руководители антитеррористических ведомств с целью обмена информацией и опытом. В рамках этого подразделения в НАТО обозначены приоритеты РК. Казахстан активно включился в выработку политики в области трастовых фондов СЕАП. РК готовит предложения по конкретным проектам для финансирования через механизмы трастовых фондов.

С мая 2003 года Казахстан участвует в четырех новых проектах НАТО: «Планирование военно-гражданских действий в чрезвычайных ситуациях», «Военная поддержка правоохранительных органов», «Медицинские службы» и «Развёртывание и окружающая среда». Первая из них предполагает развитие в стране системы эффективного реагирования на природные стихии и социальные кризисы; вторая имеет целью передачу военного опыта спецподразделениям полиции; третья должна обеспечить санитарный кордон вокруг казахстанской армии и четвертая призвана определить воздействие природных факторов на деятельность военнослужащих. Для Казахстана первостепенное значение представляют также проблемы, связанные с Семипалатинским полигоном, Аральским морем и безопасностью трубопроводов.

Для плановой и последовательной деятельности Казахстаном и НАТО была заключена двухлетняя Индивидуальная программа партнерства (ИПП), получившая одобрение Совета Безопасности Республики Казахстан и Совета НАТО. В июне 2000 г. в Брюсселе и в июле 2000 г. в Астане состоялись встречи Н.Назарбаева с Генеральным секретарем НАТО Дж.Робертсоном, в ходе которых обсуждались перспективы сотрудничества между Казахстаном и НАТО, в том числе в рамках ПИМ. Для Казахстана важно расширение сотрудничества с НАТО в сфере военного строительства и подготовки военных кадров.

Казахстан принимал активное участие в проведении учений НАТО по управлению кризисными ситуациями. В сентябре 2003 года был подписан пятилетний «План совместных действий Казахстана и США по обеспечению безопасности на Каспии». Казахстан неоднократно выражал принципи-

альную готовность к участию в коллективных операциях по поддержанию мира. Поэтому особую актуальность приобретает задача по выработке механизма подготовки соответствующих миротворческих подразделений, отвечающих стандартам НАТО. Таким механизмом и является «Процесс планирования и обзора сил, предназначенных для участия в операциях по поддержанию мира под единым командованием НАТО».

В НАТО разрабатываются стратегические планы по охвату как можно большего количества государств и их подключению к geopolитике Запада. И в этой связи Альянс продолжает наращивать свое geopolитическое присутствие в различных частях планеты. Естественно, подобные тенденции не могут не вызывать опасений у таких крупных евразийских центров силы, как Россия и Китай, воспринимающих расширение НАТО как вызов своим интересам и принимающих определенные геополитические контрмеры. Однако НАТО все еще не способна взять на себя основной груз ответственности за безопасность в регионе. Миротворческая операция ISAF в Афганистане, идущая под руководством НАТО, является своего рода индикатором возможностей Альянса и эффективности его политики безопасности в регионе.

Углубленные военно-технические связи Альянса с центральноазиатскими странами - членами ОДКБ способны внести некий раскол в систему региональной безопасности. Ядро ОДКБ - сотрудничество между Москвой и Астаной, а сближение Казахстана с НАТО не вызывает одобрения в военных и политических кругах России, для которой РК - военный союзник номер один в регионе. В связи с этим любое военное сотрудничество республики с другими военными блоками, естественно, тщательно отслеживается в России. Россия крайне озабочена милитаризацией Каспия и тем фактом, что к формированию ВМС Казахстана пристальное внимание проявляют страны НАТО.

В целом, Казахстан был заинтересован в партнерстве с НАТО/ПИМ: оно давало возможность в получении содействия в реформировании Вооруженных Сил; обмен опытом по созданию профессиональной армии трех видов войск – сухопутные, военно-морские и десантно-воздушные, подготовка воинских подразделений к миротворческим операциям; НАТО, будучи более профессиональной организацией в области обеспечения безопасности, может явиться хорошим барьером против распространения терроризма и экстремизма на центральноазиатском пространстве и в Казахстане, в частности; в разработке совместных программ по готовности к чрезвычайным ситуациям; содействие в экономических вопросах; инвестиции в науку; разработка совместных экологических программ.

Таким образом, не вызывает сомнений, что различные программы в рамках ПИМ НАТО направлены на привязывание тех или иных стран и целых регионов к военно-стратегическим планам Запада. С другой стороны, ПИМ позволяет развивать военно-техническое сотрудничество стран Центральной Азии с НАТО на многостороннем уровне или отдельными членами альянса на двустороннем уровне, что объективно является вкладом в укрепление безопасности этих государств. Включение центральноазиатских государств в программу «Партнерство ради мира» придало их отношениям с Альянсом официальный статус, обеспечило механизм сотрудничества в сфере региональной безопасности, заложило фундамент совместной деятельности. Присутствие НАТО в регионе - стратегический и geopolитический фактор, часть стратегического ландшафта в этом районе мира.

В зависимости от того, как станут развиваться связи НАТО с республиками ЦА и разворачиваться борьба с терроризмом, будут определяться возможности (и масштабы) дальнейшего сотрудничества Альянса с этими республиками. Целесообразно, чтобы оно охватило такие аспекты, как более энергичные антитеррористические действия в Афганистане, поддержка государств региона в их борьбе с повстанческими движениями, активизация миротворческих сил и миротворческих миссий при возникновении в регионе конфликтов, противостояние террористическим группам на территории данных государств.

НАТО продемонстрировала устойчивость как действующий общий военно-стратегический инструмент Запада. Это стало возможным благодаря наличию общих для всего Запада geopolитических и стратегических целей, которые достичь Соединенным Штатам и Европейскому Союзу существенно легче при наличии такого военно-стратегического инструмента как НАТО. К этим стратегическим целям относятся сохранение стабильности на огромном пространстве Евразии, лежащим к востоку от Европы; поддержание geopolитического контроля над стратегическими важными регионами Ближнего Востока, Черного моря, Кавказа, Каспия и Центральной Азии. Особое место в этом ряду занимают Центральная Азия и Афганистан как ключевые регионы для осуществления geopolитического присутствия в центре Евразии с учетом воздействия на Россию и Китай.

И наконец, Центральная Азия, вероятно, остается единственным регионом планеты, где члены НАТО действуют в относительном согласии. Однако, подозрения европейцев в том, что Вашингтон ведет в Центральной Азии двойную игру, не были лишены оснований. Слишком много фактов говорили им о том, что США преследуют в Центральной Азии, на Каспии и Кавказе свои собственные интересы, используя НАТО как приманку

для постсоветских республик, и вовсе не намерены учитывать законные интересы европейских союзников, которые были нужны ему в основном в качестве финансовых доноров.*

* * *

Обратимся к другим оценкам политики Запада в центральноазиатском регионе. Рассматривая политику т.н. «политического Запада» в нашем регионе, цитировавшийся выше А.Казанцев исходит из того, что целый ряд государств Запада в Центральной Азии вполне можно воспринимать как коалицию игроков, интересы которых в достаточно высокой мере согласованы друг с другом. «Ядро» этой коалиции составляют США и их европейские союзники. К нему также при разных обстоятельствах могут

* Катранис А. Роль НАТО в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 5. С. 42-52; Лаумулин М.Т. Партнерские отношения и институты НАТО и Центральная Азия // Analytic. 2007. № 6. С.10-27; Лаумулин М.Т Современные проблемы Северо-Атлантического альянса и их влияние на региональную безопасность в Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2007. № 4. С.68-89; Устименко А.А. Центральная Азия и НАТО: стратегические тенденции развития отношений // Analytic (Алматы, КИСИ). 2004. № 5. С. 23-28; Хамзаева А. Новая стратегия НАТО? Последствия для Центральной Азии // Казахстан и современный мир (Алматы, ЦВПА). 2002. № 1. С. 81-94; Хамраев Ф. НАТО – ШОС: борьба с терроризмом и / или за влияние в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2004. № 2. С. 77-82; Шаймергенов Т. НАТО: военно-политическая стратегия в Центральной Азии. Позиция России // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2005. № 5. С. 64-74; Шаймергенов Т. ОДКБ и НАТО: вопросы взаимодействия в регионе Центральной Азии // Материалы 4-й Ежегодной Алматинской конференции КИСИ «Концепции и подходы к региональной безопасности в Центральной Азии. 7 июня 2006 г. – Алматы: КИСИ, 2006. – С.256-170; Шаймергенов Т. Проблемы и перспективы реализации центральноазиатской стратегии НАТО // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2007. № 4. С. 90-98; Байзакова К.И. Перспективы сотрудничества стран ЦА и НАТО в контексте региональной безопасности в Центральноазиатско-Каспийском регионе // Первый Форум по проблемам безопасности и сотрудничества в Центральноазиатско-Каспийском регионе. – Алматы: ИМЭП, 2008. – С. 86-92; Пластун В. Центральная Азия: ШОС и НАТО в региональной и глобальной политике // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 6. С. 42-48. Sokolsky R., Charlif-Paley T. NATO and Caspian Security: a Mission too far? – Santa Monica, CA: Rand Corporation, 1999. – XIX+113 pp.; Catranis A. NATO's Role in Central Asia // The Third Annual Conference of Security and Regional Cooperation. – Almaty: KazISS/FES, 2005, pp.70-77; Allison R. Challenges for Cooperation and Prospects for Interaction in the Region between NATO, the SCO and the CSTO // Первый Форум по проблемам безопасности и сотрудничества в Центральноазиатско-Каспийском регионе. – Алматы: ИМЭП, 2008. – С. 29-37; Shaimergenov T. Problems and prospects of NATO's Central Asian Strategy developed // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2008. No 4, pp. 14-19.

примыкать Израиль и Турция, в меньшей степени, Индия, некоторые восточноазиатские страны (Япония, Южная Корея) и Пакистан. Однако некоторые из ключевых интересов этой группы стран могут не совпадать с интересами «ядра» западной коалиции (в наименьшей мере из всех перечисленных стран это относится к Израилю, в наибольшей - к Пакистану). Эта посылка автора, в которой он произвольно объединяет под названием «Запад» столь разные с цивилизационной и geopolитической точек зрения государства, может рассматриваться как весьма спорная.*

С чем нельзя не согласиться, так это с тем выводом исследователя, что большую роль в интеграции политики западной коалиции в Центральной Азии играют различные международные наднациональные организации. Еще большую роль в координации западной политики в Центральной Азии играют такие региональные структуры безопасности, как НАТО и ОБСЕ. ЕС также можно считать целостной коалицией европейских держав, согласовывающих свои политики в Центральной Азии. Западную коалицию нельзя сводить только к государствам. Исключительно высокая роль негосударственных игроков – ее важное отличие от всех других коалиций, действующих в регионе (возможно, наряду с исламской). Важными ее участниками в области экономики являются транснациональные корпорации (ТНК).

Таким образом, заключает автор, западная коалиция – это довольно сложная и многоуровневая структура, где имеют место комплексные процессы согласования интересов, не исключающие, впрочем, определенных расхождений во взглядах и приоритетах. В целом, несмотря на сложный характер западной коалиции, у нее есть лидер, который, при согласовании позиций с другими уровнями и участниками коалиции, обеспечивает выработку наиболее общих приоритетов. Это – администрация США. Ее позицию учитывают все другие западные игроки. В попытках выйти из проблем, с которыми Запад столкнулся в процессе реализации своей политики в регионе, он пытался сформировать целую серию разнообразных комплексных (включающих внешне- и внутриполитическую, экономическую, транспортную и культурно-идеологическую компоненты) проектов трансформации региональных институтов в Центральной Азии. Однако во всех этих проектах западная коалиция наталкивалась на проблему, связанную с тем, что исторически Центральная Азия никогда не являлась частью Запада и достаточно слабо была с ним связана.

---

* Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. - Москва: Наследие Евразии, 2008. – С. 157-192.

А.Казанцев перечисляет основные западные политico-географические проекты для Центральной Азии. К ним он относит следующие. 1) Укрепление национальной государственности стран Центральной Азии. 2) «Тюркский мир». 3) Внутренняя интеграция в Центральной Азии. 4) «Шелковый путь» и идеи «альтернативной интеграции» на постсоветском пространстве. 5) Проект «Большого Ближнего Востока» 6) Проект «Большой Центральной Азии» 7) Рост влияния евро-атлантического пространства на Восток. Вывод автора заключается в следующем: ситуация постоянно сменяющихся и банкротящихся проектов реорганизации Центральной Азии говорит о серьезной непоследовательности и низкой эффективности деятельности западной коалиции в регионе.

Оценивая политику США в регионе, автор приходит к выводу, что в целом, в условиях очень высокой неопределенности и наличия серьезных и трудно разрешимых дилемм, политика США в Центральной Азии в 1991 – 2008 гг. отличалась достаточно низкой последовательностью и эффективностью. Тем не менее, эта страна, наряду с Россией, оказала наибольшее влияние на ситуацию в регионе. В отличие от США Евросоюз расположен географически близко к Центральной Азии. Поэтому он имеет набор достаточно специфических интересов в области торгово-экономического, транспортно-энергетического сотрудничества, а также – в сфере обеспечения безопасности. В случае с Европой принципиально невозможно противопоставление материальных интересов и интересов, которые имеют «идеально-нормативный характер». В этом плане политика Европейского Союза и его стран в регионе намного более идеалистична, чем американская (т.е. в дилемме «интересы-ценности» ЕС больше склонен выбирать полюс «ценностей»). ЕС рассматривает продвижение либерально-демократических ценностей как императив своей внешней политики. Это особо подчеркивается во всех документах по отношению к Центральной Азии.

В своих оценках результатов политики ЕС в ЦА, автор чрезмерно критичен, хотя прав по сути. Он отмечает, что многие из европейских целей в Центральной Азии для местных политических элит просто непонятны. Не совсем адекватными представляются и инструменты европейской политики. Различие типов политической культуры европейских и центральноазиатских стран больше, чем разрыв между ними и США. Силовая политика Америки для политиков типа Сапармуруата Ниязова или Ислама Каримова была не всегда приемлемой, но всегда понятной. В то же время, стремление Европы защищать свои интересы, преимущественно инструментами «мягкой силы», не слишком хорошо отвечает традициям региона. Уважения, основанного на страхе перед военной силой, единая Европа, в отличие от США, Китая или России, у политических элит региона не вы-

зывают. Наконец, несмотря на попытки Европы дистанцироваться от США и позиционировать себя сильным игроком по отношению к России, она не воспринимается в регионе как независимая международная сила.

Глава 5. Центральная Азия и Китай

В первой половине XXI в. ожидается, что международное положение Китая будет характеризоваться заметным усилением в глобальной политике и безусловным доминированием в ряде регионов. В отношении Центральной Азии Китай уже в обозримом будущем сможет выступать в качестве полноценной geopolитической силы наряду с США, ЕС и Россией.

Новые представления китайского руководства о мире и месте в нем Китая стали активно формироваться после событий 11 сентября 2001 г. (хотя этот процесс начался несколько ранее), что совпало с процессом смены власти в Пекине. Параллельно КПК приступила к разработке концепции участия Китая в экономической и политической глобализации. Новой экономической стратегии Китая, направленной на его превращение в часть глобальной экономики, соответствует и новый внешнеполитический курс. Его суть состоит в выстраивании партнерских стратегических отношений с США, как единственной сверхдержавой, и в повышении глобальной и региональной роли Китая при помощи механизмов многосторонней дипломатии.

В рамках разрабатываемой глобальной стратегии Китай выработал соответствующие приоритеты. В первую очередь, обеспечение благоприятных международных условий для проведения китайских реформ и политики открытости, имея в виду поддержание мирных отношений с глобальными лидерами и нормализацию отношений с ближайшими соседями.

Перед новым руководством КНР во главе с Ху Цзиньтао стоят задачи явно и открыто «восстановить историческую справедливость и возродить величие Китая». При этом главные военно-политические задачи следующие: вернуть Тайвань в лоно родины; обеспечить безоговорочный суверенитет Китая над Тибетом и Синьцзяном (Восточным Туркестаном); перенести стратегические границы Китая за пределы национальной территории.

Таким образом, внешняя политика КНР напрямую связана с внутриполитическим и экономическим развитием страны. Беспредентный экономический рост Китая будет стимулировать внешнеполитические и геополитические амбиции Пекина. Фактически, этот процесс уже начался. Во внутренней политике он стимулируется приходом к власти националистически ориентированных политиков – т.н. четвертого поколения руководства, которое практически не скрывает внешнеполитических амбиций Китая.

Политика КНР в Центральной Азии является составной частью стратегии Китая в Евразии, которая охватывает такие сферы как китайско-российские отношения; собственно отношения Китая со странами Центральной Азии; энергетические и коммуникационные проекты КНР во внутренней Евразии, участие Пекина в ШОС, проблемы безопасности и борьбы с терроризмом.

Китайская интерпретация интересов КНР в Центральной Азии

Интересы Китая в Центральной Азии определялись рядом факторов. Во-первых, Пекин стремился обуздать сепаратистские силы «Восточного Туркестана»; во-вторых, сохранить ЦА в качестве стабильного в стратегическом плане тыла; в-третьих, рассматривает некоторые республики региона в качестве весьма серьезных потенциальных поставщиков энергоресурсов и как своих партнеров в других сферах экономики.*

Главная цель КНР на этом этапе состояла в том, чтобы не допустить превращения региона в базу восточно-туркестанских сил за пределами Китая и каналом их связи с международным терроризмом. Поэтому Китай предлагает правительствам республик Центральной Азии ввести запрет на деятельность этих сепаратистов на территории своих стран и предотвращать проникновение через их территорию представителей террористических и экстремистских структур в КНР. Пекин исходит из того, что безопасность государств ЦА и СУАР взаимосвязаны, и нестабильность в Центральной Азии оказывается на безопасности северо-западного Китая.**

Китай стремился к тому, чтобы совместно со странами ЦА и Россией создать механизмы, которые обеспечат региональную безопасность в рамках ее коллективной защиты. Это является основной задачей Шанхайской организации сотрудничества.

В то же время сохранение Центральной Азии в качестве стабильного стратегического тыла Китая - важный аспект глобальной стратегии и геополитики Пекина. Это означало включение ЦА в общую внешнюю стра-

---

* Взгляды китайских политологов изложены в I-м томе настоящего издания. См.: Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том I: Центральная Азия и Казахстан в современной политологии. – Алма-Ата: КИСИ, 2005. – С. 540-561.

** Чжако Хуашэн Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии // Центральная и Кавказ. 2004. № 5. С.131-140; № 6. С.86-94; Ли Лифань, Дин Шиу Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 3. С. 161-169.

тегию КНР, в том числе определение ее роли в этой стратегии. А сегодня первостепенное место во внешней политике Китая принадлежит (и будет принадлежать в обозримом будущем) региону, расположенному к юго-востоку от Китая. Говоря конкретнее, первостепенная и трудновыполнимая задача внешней стратегии Пекина на ближайшие десятилетия заключается в том, чтобы воспрепятствовать получению Тайванем независимости и быть готовым ответить на вызовы, которые Тайбэй может бросить в любой момент. В этом плане главная проблема Китая связана с возможной поддержкой Соединенными Штатами Тайваня как независимого государства и проводимой Вашингтоном политикой сдерживания экономического роста КНР. Оба эти фактора способствуют усилению китайско-американской стратегической конфронтации. Именно поэтому Пекину необходимо сконцентрировать свои усилия на данном, ныне основном для него стратегическом фронте, но вместе с тем и на других фронтах стране необходима стабильная и спокойная ситуация.

Таким образом, приоритеты в политике Китая определяют место Центральной Азии как стратегического тыла Пекина, что, однако, отнюдь не умаляет значение региона для национальной безопасности КНР в целом. Сохранение ЦА в качестве стабильного стратегического тыла Пекина зависит от трех условий. Во-первых, от решения спорных вопросов о границах между Китаем и странами региона и от установления мира и безопасности в приграничных районах. Обе эти задачи практически решены, осталось лишь прийти к договоренности по некоторым незаселенным и незначительным приграничным территориям. Во-вторых, от проведения странами Центральной Азии доброжелательной внешней политики по отношению к Китаю и от установления КНР приемлемых двусторонних отношений с этими республиками. В-третьих, Центральная Азия не должна находиться под контролем какой-либо сверхдержавы или группы сверхдержав, прежде всего тех, с которыми у Китая сложные geopolитические и стратегические отношения. Из этого следуют основной принцип и задача политики КНР в ЦА, а именно: Китай должен сохранять дружеские отношения со странами региона и делать все возможное, чтобы не допустить контроля над ними со стороны группы сверхдержав или одной из них.

Одна из ключевых задач правительства КНР - поставка энергоносителей, необходимых для устойчивого экономического развития страны, а также диверсификация их источников. Пекин стремится диверсифицировать источники поставок углеводородов, в частности, налаживает контакты в этой сфере с Россией и с республиками Центральной Азии.

По сравнению с другими державами политическое влияние Китая в ЦА слабее; у него нет возможности оказывать экономическую помощь в

таком же размере, что и США. Кроме того, культура и политическая модель КНР не столь привлекательны для элит стран ЦА, особенно для молодежи ее республик.

Создание Шанхайской организации сотрудничества открыло для Китая стратегический путь в Центральную Азию и стало прорывом в его дипломатии в регионе. Ныне ШОС является для Китая механизмом обеспечения безопасности, каналом для участия в делах стран Центральной Азии и создает основу для их всесторонних связей. Кроме того, образование ШОС означает, что Китай и Россия пришли к стратегическому компромиссу, достигли стратегического баланса в ЦА, признают интересы друг друга в данном регионе и успешно развиваются стратегическое взаимодействие. Однако западные СМИ оценивают создание этой организации как попытку Китая и России не допустить США и НАТО в центральноазиатский регион. В конечном счете, существование ШОС дает Пекину возможность укрепить свои позиции в Центральной Азии с помощью придания им динамики и расширения возможностей.

С точки зрения китайских стратегов, события 11 сентября подорвали роль ШОС в деле обеспечения безопасности Центральной Азии и затормозили рост влияния Китая, что негативно сказалось на его позициях. Однако, хотя Пекин и осознает влияние геополитических факторов, он не оценивает отношения с США исключительно в рамках соперничества и конфронтации. К тому же он не воспринимает автоматически любое столкновение своих интересов и интересов Вашингтона в каком-либо регионе как эквивалент китайско-американской конфронтации.

Китайские стратеги считают, что если США установят свой контроль над ЦА, то они смогут держать в руках экономически развитую Европу и Восточную Азию и, возможно, другие районы мира. Сравнивая успешное военное проникновение США в Центральную Азию с расширением НАТО на восток, китайские эксперты пришли к выводу, что в реальности действия Вашингтона намного превзошли цели и задачи Североатлантического альянса. В стратегическом плане это означает, что в будущем не только возможно давление с обеих сторон на Россию, но и игнорирование главенства России и Китая в этом регионе.

Проводимая сегодня в Китае политика «генерального освоения западных районов» - важное звено интеграции экономики КНР с экономикой государств Центральной Азии. Китай исходит из того, что при сегодняшних темпах добычи нефти в России ее запасы в стране могут иссякнуть до 2040 года. Поэтому энергетические ресурсы ЦА приобретают большое значение в обеспечении стратегии развития Китая в XXI веке.

Пекин исходит из того, что дальнейшее развитие ситуации в регионе во многом зависит от того, как долго продлится в нем военное присутс-

тиве США. Поэтому КНР предстоит строить свою центральноазиатскую стратегию вокруг ШОС, укреплять положение и совершенствовать механизм ее действий, искоренять функциональные недостатки этой организации, чтобы она могла играть ведущую роль в решении проблем региона.

Китайские эксперты видят три возможных сценария развития ситуации в Центральной Азии с учетом их влияния на интересы КНР.

1. *Соблюдение баланса интересов и сохранение нынешнего положения.* Как единственный гегемон, при реализации своих планов США будут учитывать роль и решения ООН и другие международные нормы. При этом перед принятием важнейших решений по глобальным проблемам Вашингтон будет обсуждать их с Москвой и прислушиваться к мнению Пекина. В решении центральноазиатских проблем Соединенные Штаты постараются сдерживать свой эгоизм, не игнорировать интересы России и стран региона, будут стремиться к сохранению стабильности и спокойствия в ЦА, способствовать созданию эффективных механизмов антитеррористической борьбы.

2. *Конfrontация и столкновение держав.* Россия осознает предел своему отступлению перед растущей угрозой ее интересам в Центральной Азии, исходящей от США. Изменение ситуации вокруг борьбы с терроризмом может внести перелом в американо-российские отношения и привести их к жесткой конфронтации. Дальнейшие шаги Москвы зависят от планов и действий Вашингтона. Осознав угрозу своим жизненным интересам, она может пойти на конфронтацию с США и при этом оказывать сильное давление на страны Центральной Азии.

Для России сближение США с Китаем является весьма нежелательным сценарием развития событий. Сотрудничество Москвы с Пекином в рамках ШОС и совершенствование механизмов этой международной организации могут служить противовесом политике Вашингтона в ЦА.

3. *Отказ держав поддерживать баланс сил в регионе.* Россия отказывается от своего приоритетного положения в регионе. Но и в таком крайне нежелательном случае Москва не откажется от приоритетной для нее казахстанской политики. Для Китая также нежелательно отступление России из Центральной Азии. Эффективная деятельность механизмов ШОС призвана способствовать сохранению влияния Москвы в регионе.

Итак, основные интересы Китая в Центральной Азии таковы: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; сохранение стабильности в регионе; поощрение экономического процветания ЦА; обеспечение дружественных отношений ее республик с Китаем; создание такого положения, при котором эти страны не попадут под контроль одной

из сверхдержав; предотвращение создания в регионе военных блоков, направленных против Пекина; обеспечение доступа КНР к энергоресурсам.*

Чжао Хуашен (директор Центра российских и центральноазиатских исследований и Центра по изучению ШОС Фуданского университета) остается на своих прежних позициях: Центральная Азия есть и будет уникальным регионом, где США, Россия и Китай взаимодействуют, сотрудничают и имеют общие интересы в плане безопасности. Чжао Хуашен очерчивает общие интересы каждой пары треугольника, не забывая указать и сферы соперничества. Так, в крайне осторожной форме автор обращает внимание на то, что Пекин беспокоит военная активность РФ в регионе. Кроме того, он не желает, чтобы его рассматривали (даже в Москве) в качестве «аутсайдера» в регионе. Что касается отношений с США, то здесь Хуашену проще сформулировать позицию КНР. Она заключается в неприятии американского военного присутствия в Центральной Азии (хотя он признает незначительный позитивный аспект), а также любой политики США, содержащей элементы вмешательства во внутренние дела суверенных государств. В дальнейшем, развивая эту тему, автор признает в качестве самой серьезной угрозы китайским интересам т.н. цветные революции.**

В заключение автор прогнозирует, что в ближайшие 5-10 лет Китай будет иметь дело с нестабильной Центральной Азией. Сложной задачей, считает автор, для внешней политики КНР будет придерживаться политики невмешательства, и особенно в Центральной Азии. Тем не менее, прогнозирует Чжао Хуашен, маловероятно, что Китай откажется в близкой и среднесрочной перспективе от своего принципа не размещать войска за границей. Однако не может не тревожить тот факт, что китайские политологи уже начали вслух обсуждать саму подобную идею. В целом автор прогнозирует, что повестку дня в регионе будут определять российско-китайские отношения, а не российско-американские (Чжао Хуашен уверен, что Соединенные Штаты в перспективе покинут регион). Но в

---

* См. также: Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. – Алматы: КИСИ, 2006. – 299 с.; Китай в XXI веке: актуальные тенденции развития ключевых сфер жизни. Под ред. А.С. Кауленова. Т. 2. Китай и Центральная Азия. - Алматы: ИМЭП, 2008. – 292 с.; Чжао Хуашен. Китайская дипломатия в Центральной Азии. – Пекин: Шиши чубаньше, 2008. – 465 с. (на китайском языке).

** Rumer E., Trenin D., Zhao Huasheng.. Central Asia: Views Washington, Moscow and Beijing. With an Introduction by R. Menon. – Armonk, New York, London: M.E.Sharpe, 2007, pp.

общем ситуация в Центральной Азии будет определяться экономическими параметрами, а не политическими и тем более – geopolитическими, и Китай приложит все силы, чтобы сохранить за собой экономическое лидерство и влияние.

Тем самым Китай в своей политике в отношении Центральной Азии руководствовался т.н. паназиатской стратегической концепцией, целью которой является экономическая и транспортная интеграция Центральной Азии и Западного Китая с дальнейшим подключением этих регионов в единую сеть коммуникаций с внутренними и прибрежными районами КНР. При этом Пекин имел в виду не только экономическую интеграцию, но и усиление в перспективе своего политического и культурного влияния, а также демографического присутствия.*

Таким образом, главными задачами стратегии Китая в отношении Центральной Азии являлись, во-первых, обеспечение стабильности на своих западных границах и содействие реализации программы ускоренного экономического развития Запада КНР. Во-вторых, обеспечение гарантированного доступа к источникам энергии для быстро развивающейся своей экономики.** И в-третьих, противодействие доминирующему влиянию США на экономическом, политическом и военном уровнях.*** Однако, китайская стратегия в Центральной Азии была на тот момент не

---

* Munro R. Central Asia and China // Central Asia and the World. Ed. by M. Mandelbaum. New York: Council on Foreign Relations Press, 1994, p. 226-336; Wacker G. China's Interests in Central Asia // The Development of the Soviet Successor States in Central Asia. Its Implications for Regional and Global Security. Hrsg. von U. Halbach. – Köln: BIOIS, 1995. S.105–110; Wacker G. Die Zentralasiatischen GUS-Staaten aus chinesischer Perspektive. – Köln: BIOIS, 1997 (15). S.37–38.

** См.: Матвеев В. Газовая политика Китая в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 5. С. 93-103; Сыроежкин К.Л. Интересы Китая в Центральной Азии // Первый Форум по проблемам безопасности и сотрудничества в Центральноазиатско-Каспийском регионе. – Алматы: ИМЭП, 2008. – С. 38-46; Чжу Сяньпин. Сотрудничество КНР со странами Центральной Азии в области транспортировки энергетических ресурсов // ШОС и проблемы безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. – Алматы: КИСИ, 2008. – С. 95-103; Peyrouse S. La présence chinoise en Asie centrale. Portée géopolitique, enjeux économiques et impact culturel. Etudes de CERI. 2008. No 148; Peyrouse S. Chinese Economic Presence in Kazakhstan. China's Resolve and Central Asia's Apprehension // Chinese Perspectives. 2008. No 3, pp. 34-49.

*** См.: Кан Сам Гу. Китай и Центральноазиатский регион (взгляд из Сеула) // Проблемы Дальнего Востока (Москва). 2002. № 5. С.39-44; Хамраев Ф. Политика Китая в Центральной Азии // Analytic. 2004. № 4. С. 12-14; Мукимджанова Р. Государства Центральной Азии и Китай: проблемы и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 8. С. 66-76.

самостоятельна, а детерминирована позициями таких держав как Россия и Соединенные Штаты.*

Появление США в 2001-02 гг. в Центральной Азии в качестве активного военно-политического игрока моментально перечеркнуло все геополитические достижения КНР за последние десять лет. В последние два года продолжается передислокация уйгурских и антикитайских сепаратистских организаций из Европы на территорию США, продолжаются их финансирование и организационная поддержка. Это означает, что США как минимум оставляют для себя запасные инструменты давления на Пекин на случай конфронтации с ним.** Но самым важным американским инструментом остается военно-политическое присутствие Вашингтона в Центральной Азии.***

Не имея реальных рычагов воздействия на государства региона с целью снятия этого вызова, Китай в целях обеспечения своей безопасности, с одной стороны, усилил воинскую группировку, дислоцированную в СУАР КНР. А с другой – предпринял усилия по укреплению «китайской составляющей» в структурах региональной безопасности, прежде всего, в ШОС.****

В этой области Китай, как и все участники организации, сталкивается с тремя проблемами: *Первая*: как на практике изменить идеологическую направленность ШОС, которая, явно или неявно, изначально состояла в противодействии росту американского влияния в регионе. *Вторая*: где найти источники финансирования экономического сотрудничества в регионе, понимая, что ни Россия, ни Китай не обладают необходимыми резервами

---

* См.: Браузер Б. Борьба за влияние в центрально-азиатском регионе // Internationale Politik (рус. вер.). 2002. № 2. С.27-35; Охотников С. Китай и Центральная Азия после начала антитеррористической операции в Афганистане // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). 2002. № 5. С. 21-32.

** См.: Сыроежкин К. Россия-США-Китай и Центральная Азия // Безопасность Центральной Азии и интересы внешних сил. – Москва, 2004. - С.38-47; его же. Россия-США-Китай и Центральная Азия // США и страны Центральной Азии: реалии и перспективы взаимоотношений. – Алматы: КазНУ, 2004. С.88-104.

*** Gill B., Oresman M. China's New Journey to the West. China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests. A report of the CSIS Freeman Chair in China Studies. Foreword by Z.Brezinski. – Washington, D.C.: The CSIS, 2003. – XI+51 pp.

**** Syroezhkin K. Central Asia between the Gravitational Poles of Russia and China // Central Asia: the Gathering Storm. Ed. by Boris Rumer. - Armonk, New York, London: M.E.Scharpe, 2002, pp. 109-207; Guangcheng Xing. China and Central Asia // Central Asian Security. The New International Context. Eds. by R.Allison and L.Jonson. – London: RIIA, 2001, pp. 152-170; Oresman M. Beyond the Battle of Talas: Chinas Re-emergence in Central Asia // In the Tracks of Tamerlane. Central Asia's Path to the 21st Century. Eds. by Burghart D.L., Sabonis-Helf Th. – Washington, DC: NDU, 2004, pp.401-424.

роста. *Третья*: как согласовать антитеррористическую работу ШОС и военно-политическое сотрудничество стран – членов ШОС с аналогичной работой внутри Договора о коллективной безопасности, куда входят все страны ШОС кроме Китая и Узбекистана.

В российско-китайском сотрудничестве в рамках ШОС главная проблема состояла в асимметрии этой организации, которая по существу объединяет КНР и страны, входящие в разные постсоветские образования на пространстве СНГ, и это объективно затрудняет полноценное участие Китая в принятии решений и, как следствие, снижает эффективность работы организации в целом.

Главная цель для Китая на предыдущем этапе - это добиться ликвидации угрозы со стороны групп боевиков, поддерживающих идею независимости т.н. Восточного Туркестана. С другой стороны, Китай, используя совпадение своих интересов по борьбе с терроризмом с аналогичными интересами России и США, ставил задачу повысить свою политическую роль в регионе. В дальнейшем ситуация качественно изменилась. Во главу угла стали ставиться не только чисто экономические, но и геостратегические интересы.

Сейчас, когда Россия находится в относительном упадке, сделали вывод в Пекине, растущий Китай представляет себя экономическим локомотивом и даже моделью развития для всего региона. Это означало, что Китай считает себя в состоянии задавать тон в регионе, чего он не мог делать в прошлом.

К чему стремится Китай в регионе?

По мнению российского исследователя А.Казанцева, «китайский проект» для Центральной Азии, в той мере, в какой он связан с исторической традицией, имеет очень серьезные ограничения. Страх перед демографическим, экономическим, военным и политическим давлением Китая глубоко впитался в национальную психологию его соседей. Однако этот проект несет и очень серьезные перспективы. Только через Китай возможно «подключение» к полюсу глобального экономического роста, формирующемуся в АТР. КНР также демонстрирует чрезвычайно эффективную модель экономических реформ в сочетании с сохранением авторитарных пост-коммунистических порядков. Исследователь вполне справедливо отмечает, что правительство КНР было склонно рассматривать отношения с Россией и странами Центральной Азии как единое целое, не пытаясь играть на противоречиях между бывшими союзными республиками и Москвой. Это, в свою очередь, стало фактором, обусловившим стратегическое сближение России и Китая в дальнейшем.

С середины 1990-х гг. стали наблюдаться новые тенденции в политике Китая в Центральной Азии. Появились элементы перехода от стабилизационной политики к интеграционной (как это имело место и в случае с ЕС, правда, на пять лет позднее). «Шанхайская пятерка» (затем ШОС) постепенно стала использоваться как основной инструмент многостороннего китайско-российско-центральноазиатского сотрудничества. Это позволяло «застраховаться» от возможных рисков, связанных с развитием исключительно двусторонних отношений в данном регионе. Важным фактором в формулировке центральноазиатской стратегии КНР в новом тысячелетии стало постепенное превращение Китая в сверхдержаву, geopolитически соперничающую с США в АТР, Центральной Евразии, Персидском заливе, Африке, Латинской Америке. Китайское влияние и китайский бизнес начинают проявляться всюду, даже в местах, где ни о каком традиционном китайском влиянии никогда не слышали. В этом плане расположенная рядом Центральная Азия уже воспринимается Китаем как своеобразный «стратегический тыл».

Основная мысль относительно китайской политики в регионе высказана автором таким образом, что можно констатировать наличие определенного параллелизма в центральноазиатских политиках Китая и ЕС. В обоих случаях имели место очень большая осторожность и ориентация на других политических игроков (Россию и США), которые способствовали «сглаживанию» различных дилемм собственной политики. Кроме того, в обоих случаях имел место постепенный и неуклонный рост экономического влияния, сопровождающийся постепенной конкретизацией политики и расширением сфер сотрудничества. В какой-то момент от простого стремления стабилизировать регион, для того чтобы обеспечить эффективное взаимодействие, на достигнутой экономической основе происходит переход к созданию интеграционных институтов. При этом активно используются различные институциональные структуры многостороннего сотрудничества. Однако осторожность в подходе к политическим дилеммам не дает возможности полностью нейтрализовать их наличие, а лишь минимизирует негативные последствия. Важнейшей дилеммой китайской политики в регионе стало отношение к другим крупным игрокам, прежде всего к России и США.

Как и для ЕС, задачи китайской политики в Центральной Азии оказываются иерархически соподчинены задачам отношений с Россией. В связи с этим, китайское сотрудничество с РФ на глобальном стратегическом уровне основывается на том, что Китай признает российское политическое лидерство в Центральной Азии. Одновременно в рамках российско-китайского сотрудничества, например - внутри ШОС происходит (из-за простой разницы экономических потенциалов) постепенное «перетекание» влияния

внутри региона от России к Китаю (это видно на примере осторожного разрушения российской энерго-транспортной монополии, чего не смог сделать ЕС). Россия, таким образом, дает Китаю канал роста его влияния под прикрытием сотрудничества с РФ. Правда, Россия, в свою очередь, использует этот канал для того, чтобы контролировать рост китайского влияния в регионе и направлять его по нужному ей руслу.

Окончательный вывод автора с точки зрения geopolитики выглядит так: собственно китайской традиционной дилеммой является вопрос о том, какое направление развития и geopolитического тяготения считать ключевым: просторы Евразии (западное направление) или моря, омывающие восточную часть Китая. Политика развития «окраин» свидетельствует о том, что и здесь Пекин пытается найти какую-то эффективную «среднюю линию».*

Китайско-киргизские отношения

Политика КНР в отношении Киргизстана строилась на достижении трех основных целей: 1) не допустить, чтобы территория республики стала базой для уйгурских сепаратистов; 2) поддерживать проекты строительства транспортных коридоров через Киргизстан; 3) поощрять китайскую торговую экспансию в Киргизстане и через него - в регионе, а также демографическое проникновение через Киргизию в страны СНГ (между КР и КНР существует безвизовый режим).**

Что же касается торговых связей Бишкека с Пекином, то им были присущи те же черты, которые характеризовали казахстанско-китайское сотрудничество в этой сфере. КНР вывозил из Кыргызстана промышленные полуфабрикаты и сырье, в том числе металлопрокат, цветные металлы и минеральные удобрения. Синьцзян-Уйгурский автономный район испытывает значительный дефицит гидроэнергетических ресурсов и заинтересован в импорте электроэнергии из республики. С середины 1990-х годов Китай входит в первую тройку стран по количеству совместных предприятий, созданных в Кыргызстане (в основном в непроизводственной сфере).

Для Китая в принципе не имело особого значения, в каком направлении будет пролегать маршрут через территорию Кыргызстана – лишь бы он был. Это давало бы КНР дополнительную разгрузку накапливающегося

---

* Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. - Москва: Наследие Евразии, 2008. – С. 223-231.

** Исакова Ж.Э. Политика Америки, Китая и России в Кыргызстане: сотрудничество или конфронтация? // Ориентир (Бишкек). 2004. № 1. С. 58-59; Касенова Н. Новый международный донор: помочь Китая Таджикистану и Киргизстану. (RNV № 36) – Paris: IFRI, 2009. – 31 р.

экспорта, позволяло развивать СУАР. Кроме того, существование нового транспортного маршрута способствовало бы эмиграции граждан КНР за пределы страны, что позволило бы Китаю частично разрешить демографическую проблему и давало возможность более ощутимо влиять на весь Центральноазиатский регион.

Придавая большое значение прямому сообщению с Китаем, еще в середине 1990-х годов власти Кыргызстана приступили к модернизации автомобильной дороги, связывающей столицу страны с г. Кашгаром, экономическим центром южной части СУАР. По расчетам кыргызской стороны, модернизация трасс Бишкек - Нарын - перевал Торугарт - Кашгар и Ош - Сары-Таш - Иркештам - Кашгар в перспективе позволит республике стать основным связующим звеном экспортно-импортных перевозок автомобильным транспортом из Сибири, Казахстана, Узбекистана, кавказского региона, Таджикистана в Китай, Пакистан (по Каракорумскому шоссе), Индию.

В целом, не вызывало сомнений, что Китай использует Киргизию для реализации грандиозного транспортно-коммуникационного плана, т.н. третьего, самого короткого, варианта Шелкового пути, для чего требуется построить Китайско-Киргизскую железную дорогу, то есть продолжить ветку Наньцзян на запад от Кашгара по долине реки Кызыл-Су через пограничный с Киргизией пункт Иркештам, далее через поселок Сары-Таш на Гульчу (где уже проходит шоссейная дорога) на города Ош и Андижан.

В 2000-е гг. контакты между КР и КНР активизировались. В ходе этих контактов Пекин также дал понять Бишкеку, что не намерен отказываться от сотрудничества в области транспортных коммуникаций. Китай обещал, что будет содействовать развитию и совершенствованию инфраструктуры транспорта и контрольно-пропускных пунктов.

Китайская сторона оказала нажим на Киргизстан, чтобы побудить Бишкек ускорить решение о демаркационных работах на границе, которые должны были зафиксировать изменения между КР и КНР в пользу Пекина и против которых так настойчиво выступала оппозиция. Протокол о демаркации киргизско-китайской границы был подписан в начале октября с.г. в ходе официального визита Премьера госсовета КНР Вэнь Цзябао в Киргизстан. Политпартии обратились к президенту А.Акаеву не подписывать протокол о демаркации киргизско-китайской границы.

Китай всегда крайне остро реагировал на инциденты, связанные с нападением на китайских дипломатов и граждан на территории КР. В Кыргызстане уйгурская община играет активную роль в общественно-политической жизни страны, даже была представлена в парламенте. Отношение властей республики к уйгурским эмигрантам традиционно было более либерально по сравнению с политикой руководства соседних стран

ЦА (особенно Узбекистана), что вызывало недовольство Пекина. Сдвиг в политике Бишкека по отношению к этой части уйгурской эмиграции (ограничения на деятельность уйгурской организации «Иттипак» - «Единство»), в которой было сильно влияние эмигрантов из Китая) был вызван в первую очередь давлением со стороны Пекина.

Характерно, что Китай придавал большое значение военному сотрудничеству с Киргизстаном, который он рассматривает с учетом того, что Казахстан ориентируется на Россию, а Узбекистан на США, в качестве наиболее «слабого звена» в Центральной Азии для своего непосредственного военного проникновения. Обе страны активно взаимодействовали в военной сфере начиная с 1996 года. Китайские военные не раз предоставляли киргизским военным материально-техническую помощь, в период с 1997 по 2003 годы в этой стране прошли обучение более 30 киргизских офицеров. В июле того же года было проработано специальное соглашение, в ходе состоявшегося рабочего визита делегации МО КР в КНР. Соглашением предусмотрены основные направления такого партнерства: военно-политическое, военно-техническое, борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, военное образование, строительство, подготовка, реформы и другие. В марте 2002 г. было подписано соглашение об оказании Китаем помощи вооруженным силам Киргизии на 10 млн. юаней (около 1,2 млн. долл.). В целом за последние три года Китай оказал помочь киргизской армии на несколько млн. долл.

Таким образом, не исключено, что Кыргызстан до определенного момента занимал особое место в центральноазиатской стратегии КНР в качестве транспортного моста в регионе и возможно, полигона для военного сотрудничества и военного проникновения. Однако, геостратегическая активность США и России в Кыргызстане оставляла все меньше возможностей Китаю для крупной самостоятельной игры в регионе. Кроме того, в Пекине пришли к выводу, что самостоятельно Бишкек не сможет повлиять на улучшение стратегических позиций КНР в Центральной Азии. Тем самым, Китай начал перестраивать свою стратегию с переносом акцента на ШОС и двустороннее сотрудничество с другими государствами региона, в первую очередь – с Казахстаном и Узбекистаном.

Китайско-узбекские отношения

Отношения между КНР и Узбекистаном лежали в двух плоскостях: экономической и политической. На первом этапе независимости И.Каримов провозгласил ориентацию Ташкента на «китайскую модель» госкапитализма. Однако, этот курс не привел к укреплению тесных политических связей. Размещение американских военных баз на территории РУ в 2001-02 гг.

фактически привело к замораживанию отношений и появлению серьезного недоверия Пекина в отношении намерений Ташкента. В то же время китайское руководство с пониманием относится к борьбе Узбекистана с исламскими радикалами.

В июне 2004 г. состоялся пятидневный государственный визит председателя КНР Ху Цзиньтао в Узбекистан. Он должен был символизировать новый этап в двусторонних отношениях. Этому способствовал резкий скачок в торгово-экономических отношениях. В прошлом году товарооборот между РУ и КНР достиг рекордного для двусторонних отношений уровня, составив 347 млн. долларов США, что было в полтора раза больше результатов 2002 года.*

Начиная с 1992 года Китай предоставил Узбекистану кредит 6 траншами и безвозмездную помошь 13 траншами на общую сумму в 399, 5 млн. китайских юаней, которые пошли, главным образом, на закупку газомеров, минитракторов, компьютерной техники.

В Узбекистане с участием китайских компаний реализовывался ряд крупных проектов. К числу важнейших из них относятся строительство Кунградского содового завода китайской корпорацией «Citic International»; развивается сотрудничество в сфере телекоммуникаций. Два ведущих китайских производителя оборудования связи – «Шанхай Белл» и «Хуавэй» - на протяжении пяти лет работают на узбекском рынке. Узбекистан также рассчитывает на сотрудничество с КНР в области транспортных коммуникаций, расширения инвестиционных связей.

Отношения между КНР и РУ поддерживались не только в экономической, но и политической области, а также в сфере безопасности. Президент И.Каримов лично трижды передавал председателю Цзян Цзэминю материалы о деятельности членов организаций, выступающих за «Восточный Туркестан». Начиная с 1996 года, органы безопасности Узбекистана передали китайской стороне несколько членов организаций, выступающих за создание «Восточного Туркестана». Со своей стороны, Пекин поддержал решение о размещении Исполкома Регионального антитеррористического центра (PATC) в Ташкенте.

Узбекистан четко проявляет стремление не углублять связи с Китаем. К тому же в плане борьбы с международным терроризмом и экстремизмом для Ташкента более предпочтительна ориентация на Вашингтон. Тем не менее, ни Узбекистан, ни Китай не были заинтересованы в осложнении двусторон-

---

* Ху Цзиньтао. Развивать отношения дружбы и сотрудничества с Узбекистаном // Жэньмий Жибао. 15.06.2004; Эксклюзивное интервью министра иностранных дел Узбекистана Садыка Сафаева газете «Жэньминь жибао». 13:15 09.01.2004.

них отношений. В 2005 г. Пекин (совместно с Москвой) поддержал Ташкент во время обострения отношений с Западом ввиду андижанских событий. Свой первый визит И.Каримов демонстративно совершил в КНР. Китай также оказал существенное влияние на принятие Узбекистаном решения о закрытии американских военных баз на своей территории. На астанинском саммите ШОС в июле 2005 г. обе страны активно лobbировали декларацию, в которой ставился вопрос о временных ограничениях пребывания баз США в Центральной Азии. С этого момента сотрудничество между КНР и РУ в политической сфере перешло на качественно новый уровень.

Китайско-таджикские отношения

В отношении Таджикистана интересы КНР можно сформулировать по времени их возникновения в хронологическом порядке: делимитация границы, борьба с терроризмом и наркоторговлей, транспортно-коммуникационные проекты, энергетика.

На начальном этапе независимости Таджикистана, отделенный от него высокогорными хребтами Китай находился на периферии экономических интересов этого молодого государства, которое в свою очередь из-за внутренней междоусобицы не интересовало китайских бизнесменов. На современном этапе, рассчитывая существенно расширить двусторонние экономические связи, Душанбе и Пекин прилагали усилия, направленные на создание надежного сообщения между двумя странами. Осенью 2001 года автострада Хорог - Мургаб (ГБАО) - перевал Кульма (на таджикско-китайской границе) была введена в строй. На территории СУАР магистраль соединена с г. Ташкурган, который имеет выход и на Каракорумское шоссе.

Есть предпосылки, способствующие активизации их торгово-экономических связей. Так, для освоения богатейших минеральных ресурсов Горного Бадахшана, отрезанного от основной территории страны горами, нужны огромные средства, которыми республика не располагает. Организация прямого автодорожного сообщения между Таджикистаном и Китаем по территории ГБАО, по расчетам Душанбе (с ними согласны и власти Горно-Бадахшанской автономной области), будет способствовать привлечению китайских инвестиций в экономику.

Китайско-туркменские отношения

В первое время после обретения Туркменистаном независимости отношения между Пекином и Ашхабадом носили в основном лишь представительский характер и обе стороны не проявляли существенного интереса

друг к другу, что было особенно заметно со стороны Китая. Затем политика стала меняться, и китайское руководство проявило повышенный интерес к Туркменистану из-за его геополитического положения (наличие границы с Афганистаном и Ираном) и его природных богатств. Постепенно Китай стал более активно проводить в жизнь одно из основных направлений своего внешнеполитического курса, а именно, укрепление своих позиций в соперничестве с другими странами.

В середине 1990-х гг. возник проект – газопровод Туркменистан-Китай-Япония. Общая стоимость капитальных затрат оценивалась в 11 млрд. долл., строительство, как предполагалось, должны были осуществлять международный консорциум, включающий такие компании, как «Мицубиси» (Япония), «Эксон» (США) и Китайская национальная нефтяная компания. В 1996-2000 гг. компания ExxonMobil провела геолого-экономическое исследование проектов строительства газопровода в Китай и освоения запасов газа на правобережье реки Амударья в Восточном Туркменистане.

Общий низкий уровень отношений между Туркменистаном и Китаем сказывался и на их связях в торгово-экономической сфере. За первые годы независимости Туркменистана глава этого государства С.Ниязов лишь дважды (в 1992 и 1998 гг.) посетил КНР с официальными визитами. В июле 2000 года С. Ниязов и председатель КНР Цзян Цзэминь подписали в Ашхабаде меморандум о строительстве газопровода Туркменистан - Китай (с возможным его продлением до Японии). Заинтересованность сторон в реализации проекта была подтверждена в ходе переговоров, которые Цзян Цзэминь и С.Ниязов провели в Ашхабаде в июне 2002 г. (Председатель КНР посетил Туркменистан сразу же после завершения саммита СВМДА, состоявшегося в Алматы.) Вместе с тем подготовка проекта долгостоящего и технически сложного строительства трубопровода еще далека от завершения.

Для Туркменистана КНР находился на периферии политических и экономических интересов. В связи с этим реализация планов по прокладке трубопровода из Туркменистана (через Казахстан и Узбекистан) в КНР представлялась далекой перспективой. В данном случае, как и в отношениях с Казахстаном, Пекин применял тактику резервирования потенциальных источников углеводородов для их использования в будущем. В принципе, это было выгодно и Ашхабаду.

Незадолго до своей кончины лидер Туркменистана С.Ниязов и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали соглашение о поставках туркменского газа в Китай. Согласно этому документу с 2009 года Ашхабад должен был продавать Пекину 30 млрд. куб. м газа в год в течение 30 лет, для чего предусматривалось строительство специального трубопровода. Однако

смерть С.Ниязова в декабре 2006 г. и активная политика России в отношении транспортировки туркменского газа поставили под вопрос дальнейшую судьбу этого проекта.

Казахстанско-китайские отношения

Отношения Казахстана с КНР, вторым по величине соседом, занимают важное место во внешней политике РК. Они затрагивали обширный спектр вопросов в политической, экономической, торговой, этнической, пограничной и военной областях. Китайский фактор является постоянно действующим для внешней политики РК.*

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой были установлены 3 января 1992 г. путем подписания Меморандума о взаимопонимании между РК и КНР. Двум соседним государствам предстояло решать многочисленные вопросы, связанные с правовыми, пограничными и транспортными проблемами, доставшимися в наследство от СССР. Уже через три дня после установления дипотношений Президент РК Н.Назарбаев принял правительенную делегацию КНР во главе с министром внешних экономических связей и внешней торговли Ли Ланьцинем. В феврале 1992 г. в Пекине состоялось подписание Протокола переговоров между МИД РК и Канцелярией при Государственном совете Китайской Народной Республики по пунктам пропуска на казахстанско-китайской границе. Тем самым было положено начало урегулированию одного из самых сложных для молодого независимого государства вопросов.

В октябре 1993 г. в ходе первого официального визита Президента РК Казахстан и КНР подписали группу документов о сотрудничестве в сфере культуры, консультский договор, соглашения о воздушном сообщении, порядке оформления виз при взаимных поездках граждан, международном автомобильном сообщении, поездках граждан по служебным делам и Совместную декларацию об основах дружественных отношений. Таким

* См.: Султанов К. Наш сосед Китай // Казахстан и мировое сообщество. 1995. № 3. С.83-95; Сыроежкин К.Л. Казахстан-Китай: торгово-экономические отношения // Казахстан и мировое сообщество. 1995. № 1. С.63-72; его же: Китай и Центральная Азия: политические отношения и торгово-экономическое партнерство // Казахстан-Спектр. № 1-2. 1997. С.102-112; Лаумулин М.Т. Китайско-центральноазиатские отношения: geopolитика и безопасность (взгляд с Запада) // Казахстан-Спектр. № 2. 1998. С.64-95; Дюсsemбаев Р.Ч. Казахстанско-китайские отношения // Суверенный Казахстан на рубеже тысячелетий. – Астана: Елорда, 2001. С. 239-248; Яо Пэйшен. Десятилетие казахстанско-китайских отношений: итоги и перспективы // Казахстан и современный мир. 2002. № 1. С. 27-30.

образом, отношения нашей страны с Китаем приняли динамичный характер, и под них была заложена прочная договорно-правовая база. В некотором роде, развитие правовых отношений Казахстана с КНР опережало урегулирование аналогичных вопросов со странами ближнего зарубежья. Кроме того, казахстанская и китайская стороны наметили перспективные направления сотрудничества между двумя странами в таких областях, как черная и цветная металлургия, химическая промышленность, машиностроение и транспорт, сельское хозяйство.

В апреле 1994 г. состоялся официальный визит Премьера Государственного совета КНР Ли Пэна в Казахстан. В ходе визита китайской стороной был поставлен на повестку дня самый болезненный для Пекина вопрос – проблема бывшей советско-китайской границы. В ходе переговоров Н.Назарбаева и Ли Пэна были подписаны соглашения о казахстанско-китайской границе, предоставлении Китаем Казахстану государственного кредита и гуманитарной помощи, развитии международных грузовых и пассажирских перевозок и другие документы. Этот визит открыл путь к решению пограничного вопроса, который перешел затем в многосторонний формат. В рамках решения проблемы советского ядерного оружия на своей территории Казахстан, который добивался гарантiiй безопасности от ядерных держав, в феврале 1995 г. получил такие гарантiiи от КНР.

В сентябре 1995 г. в ходе своего второго визита в Китай Н.Назарбаев и Председатель КНР Цзянь Цзэминь подписали совместную Декларацию о дальнейшем развитии и углублении дружественных взаимоотношений между Республикой Казахстан и КНР. Также состоялось подписание межправительственных соглашений об использовании морского порта Ляньюнъган для транспортировки казахстанских грузов, о сотрудничестве в области науки и техники. Цзянь Цзэминь подписали совместную Декларацию о дальнейшем развитии и углублении дружественных взаимоотношений между Республикой Казахстан и КНР, также состоялось подписание межправительственных соглашений об использовании морского порта Ляньюнъган для транспортировки казахстанских грузов, о сотрудничестве в области науки и техники.

Торгово-экономическое сотрудничество занимало важное место в казахстанско-китайских отношениях. В первой половине 1990-х гг. оно развивалось бурными темпами: к 1995 г. торговый оборот РК с КНР достиг 390 млн. долл.: экспорт свыше 320 млн. долл., импорт – около 65 млн. долл. Основными статьями казахстанского экспорта было сырье (черные и цветные металлы, шерсть, хлопок), импорта из КНР – товары народного потребления. В 1996 г. товарооборот достиг почти полмиллиарда долларов, в 1998 г. – 550 млн. долл. Во второй половине 1990-х гг. наметилась тен-

денция к снижению торгового оборота, а также к снижению экспорта из Казахстана и росту импорта из КНР: в 1998 г. экспорт составил 373 млн. долл., импорт – 173 млн. долл.

В апреле 1996 г. в ходе Шанхайского саммита лидеров Казахстана, КНР, Киргизской Республики, России и Таджикистана был подписано Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы (Шанхайское соглашение). Этот саммит положил начало созданию новой организации (Шанхайская пятерка, затем ШОС), которая оказывала заметное влияние на развитие двусторонних отношений РК и КНР.

В июле 1996 г. состоялся первый официальный визит Цзян Цземиня в Казахстан. В ходе этого визита, который носил сугубо политический характер, была принята совместная Декларация. Стороны согласились продолжать развивать регулярный политический диалог и консультации на различных уровнях, взяли на себя обязательство, строго соблюдая соглашение между Казахстаном и КНР о государственной границе от 26 апреля 1994 года, в возможно короткие сроки приступить к демаркационным работам на границе и продолжить переговоры по остающимся пограничным вопросам. Казахстан и Китай выступили также против сепаратизма в какой бы то ни было форме и заявили, что не допустят осуществления на своей территории какими-либо организациями и силами сепаратистской деятельности, направленной против другой стороны, Казахстан подтвердил признание КНР в качестве единственного законного правительства Китая и заявил о том, что не будет устанавливать каких-либо официальных контактов с Тайванем. Китай, в свою очередь, подтвердил заявление китайского правительства о гарантиях безопасности Казахстану. Этот визит продемонстрировал тесное сближение позиций РК и КНР в политической области и наличие общих интересов в сфере поддержания стабильности и безопасности в Центральной Азии. В декабре того же года Шанхайское соглашение было ратифицировано Казахстаном.

В феврале 1997 г. в момент острого обострения ситуации в СУАР Н.Назарбаев совершил рабочий визит в Китай. На этот раз обсуждались вопросы транспортного сообщения, совместной разработки нефтегазовых месторождений. Эти предварительные договоренности были закреплены во время визита китайского премьера Ли Пена в октябре 1997 г. Стороны подписали Соглашение между Правительством РК и Правительством КНР о сотрудничестве в области нефти и газа; Генеральное соглашение между Министерством энергетики и природных ресурсов РК и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией о проектах разработки месторождений и строительства нефтепроводов. Это означало, что Китай начал проявлять активный интерес к нефтегазовым ресурсам Центральной Азии и каспийского региона.

В июле 1998 г. Казахстан принимал участников Шанхайской группы, которые в рамках саммита единодушно поддержали инициативу РК по созыву СВМДА. Следует отметить, что в 1997 и 1998 гг. Казахстан и Китай подписали еще два дополнительных соглашения по границе. В 1999 г. лидеры РК и КНР встретились в рамках Бишкекского саммита Шанхайской группы. Китайский руководитель подчеркнул высокий уровень отношений между двумя государствами и отметил, что среди стран СНГ Казахстан стал вторым (после России) ведущим торговово-экономическим партнером Китая. Активное сотрудничество двух государств продолжилось в рамках очередного визита Президента РК в Пекин в ноябре 1999 г. Стороны подписали Совместную декларацию между Республикой Казахстан и КНР о дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества в XXI веке и совместное коммюнике о полном урегулировании пограничных вопросов между двумя странами. Кроме того, были заключены Соглашения о предоставлении безвозмездной помощи Правительством КНР Казахстану и о сотрудничестве в области антимонопольной политики.

Таким образом, начиная с 1992 г. во внешней политике КНР красной нитью прослеживался настойчивый интерес к полному урегулированию пограничного вопроса с Казахстаном, решение которого вызвало неоднозначную реакцию у казахстанской общественности. Этот вопрос осложнялся также т.н. проблемой трансграничных рек, которая стала предметом переговоров между РК и КНР в конце 1990-х гг. В июле 2000 г. во время официального визита заместителя Председателя КНР Ху Цзиньтао на первый план вновь вышли вопросы экономического сотрудничества. Сторонам удалось договориться об усилении роли и расширении функций совместной комиссии по торговово-экономическому сотрудничеству, о создании специальной подгруппы по вопросам контрольно-пропускных пунктов и транспорта. В Астане также было подписано соглашение о предоставлении китайским Правительством безвозмездной помощи Правительству Казахстана в размере 10 миллионов юаней.

С 1996 г. новым направлением экономического сотрудничества между РК и КНР является нефтяное. В 1997 г. РК и КНР подписали соглашение о строительстве трубопровода Западный Казахстан – СУАР КНР примерной стоимостью 9,5 млрд. долл. Китайская Национальная нефтяная компания осваивала нефтяное месторождение в Актюбинской области. К 2002 г. компанией «СНПС-Актобемунайгаз» было вложено около 440 млн. долларов в различные проекты в Актюбинской области из 585 млн. долларов запланированного на первый пятилетний период объема инвестиций, еще запланировано вложить в общей сложности 240 млн. долларов. Визит госсекретаря К.Токаева в Пекин в мае 2002 г. помимо подготовки саммитов

СВМДА и ШОС должен был интенсифицировать сотрудничество двух стран и выявить новые направления в торгово-экономической области. Эту трассу планировалось сдать в эксплуатацию в 2005 году, однако реализация проекта откладывалась из-за недостаточного объема нефти, что делает данную магистраль экономически невыгодной. (Согласно данным китайских экспертов, она оправдывает себя при поставках не менее 20 млн. т нефти в год.)

В условиях обострения угрозы со стороны терроризма и экстремизма в 2000-02 гг. Казахстан и Китай продолжали активно контактировать на двустороннем и многостороннем уровне - в рамках Шанхайской группы (ШОС) и СВМДА. Пекин оказал существенную политическую поддержку проведению первого саммита СВМДА в июне 2002 г. Таким образом, в период 1992-2002 гг. полностью определились основные направления взаимного сотрудничества между Казахстаном и Китаем и проблемы, представлявшие взаимный интерес: пограничный вопрос, трансграничные реки, торгово-экономическое сотрудничество, положение казахской диаспоры в СУАР, сотрудничество в нефтяной области, транспортное сотрудничество.

Как известно, китайский нефтяной рынок переживает бурный рост. В 2003 году уровень потребления в стране составил 252 млн. т или на 10% больше, чем в 2002. Импорт при этом вырос на 31%, составив более 91 млн. т. По прогнозам международных экспертов, к 2020 году потребность Китая в нефти может достичь 400 млн. т в год, а импорт составить более 70% от этого объема.* Сотрудничество в сфере энергоресурсов со странами Центральной Азии, главным образом с Казахстаном, то есть с основной нефтедобывающей страной региона, КНР рассматривала как еще одну попытку диверсифицировать свои источники энергоснабжения.

В 2003 году действия Пекина резко изменились. Можно назвать по меньшей мере три причины столь внезапной активизации Поднебесной. Во-первых, решение об интенсификации этой работы было одобрено ЦК Компартии КНР: главное - обеспечение энергетической безопасности страны, а потом экономическая целесообразность. Во-вторых, забуксовал российско-китайский проект магистрали Ангарск-Дацин. В-третьих, формально в 2005 году истекают сроки договорных обязательств КННК по строительству нефтепровода в Китай, а невыполнение инвестиционных и контрактных условий в Казахстане может иметь серьезные последствия для инвесторов. Следует учитывать и результаты разведочных работ на казахстанском шельфе Каспия.

---

* Барбасов М. Нефтепровод в Китай как фрагмент борьбы за прикаспийские ресурсы // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 4. С. 117-130.

Систематическая поддержка Астаной усилий Пекина относительно проекта магистрали от Западного Казахстана означает: к 2007 году наша республика будет добывать столько нефти, что сможет обеспечить заполнение третьего экспортного нефтепровода (ныне действуют Атырау - Самара и КТК). Сегодня рентабельность трассы Казахстан - Китай не вызывает сомнений, то есть минимально необходимые 20 млн. т в год будут обеспечены. Реализация этого проекта позволит соединить нефтепроводные системы Казахстана, России и Китая, стать прочной основой их взаимовыгодного партнерства, способствовать укреплению позиций трех стран на евразийском пространстве в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

В то же время соседство Казахстана с Китаем создавало определенные проблемы. Международные наблюдатели обращали внимание на эпизод о якобы заключенном между Казахстаном и соседним с ним Синьцзян-Уйгурским автономным округом (СУАР) соглашении об аренде земли для китайских переселенцев в Алакольском районе Семипалатинской области, о чем сообщали СМИ КНР. Астана опровергла наличие такого соглашения, но, по-видимому, какие-то переговоры на эту тему все же велись и, более того, какие-то предварительные договоренности с казахстанскими ведомствами существовали. С чисто экономической точки зрения заселение свободных земель китайскими крестьянами, нанятыми для этой цели в организованном порядке, имело бы значительный эффект. Однако психологически к присутствию «соседних китайцев» (а не приезжающих на короткий срок торговцев или сезонных рабочих) оказались не готовы ни казахстанские власти, ни местное население.

Особенность торгово-экономических связей Казахстана (как и других республик Центральной Азии) с КНР - активность китайского малого и среднего бизнеса, который начал проникать в регион еще на рубеже 1980-1990-х годов. Так, уже в конце 1992-го в Казахстане было более 30 совместных предприятий с участием китайских бизнесменов, подавляющее большинство которых занимается операциями в непроизводственной сфере (торговля и т. д.). За прошедшие 12 лет количество таких предприятий увеличилось более чем в 10 раз. Широкий размах принял контрабанда китайских товаров в Казахстан и нелегальный вывоз сырья из республики. значительная часть товарооборота с Пекином осуществляется на основе бартера и «челночных» операций. При этом прибыль, получаемая китайским бизнесом, использовалась главным образом для закупок сырья, особенно металлом.

Серьезную озабоченность властей, общественных кругов и в целом населения Казахстана вызывала нелегальная китайская миграция в республику, что затрагивает ее экономические интересы и является потенциальной

угрозой внутриполитической стабильности. Ни ужесточение пограничного режима, ни проводимые силовыми структурами мероприятия по депортации лиц, не имеющих вида на жительство, не останавливают нелегальных мигрантов. Трудолюбие, деловитость, взаимная поддержка помогают им легализоваться (в том числе посредством фиктивных браков). Статистика по этой теме недоступна общественности, по мнению же экспертов, счет китайским переселенцам в Казахстан идет уже на сотни тысяч. Опасения вызывает и разработанный Пекином план строительства канала, который отведет воды с верховьев реки Иртыш к городу Карамай (СУАР), где ее предполагается использовать для закачивания в нефтяные скважины.

В свою очередь, Пекин беспокоило то, что общественное мнение Казахстана воспринимает Китай в качестве источника угрозы своей национальной безопасности.*

В начале июля 2005 г. накануне саммита ШОС с официальным визитом в Казахстан прибыл Председатель КНР Ху Цзиньтао. В течение двух дней прошли встречи лидеров Казахстана и Китая в узком формате и расширенном составе. В итоге был подписан ряд документов о расширении межгосударственных отношений. В «узком» формате обсуждались ключевые вопросы двустороннего сотрудничества, актуальные международные и региональные проблемы. Ху Цзиньтао и Н.Назарбаев подписали Декларацию о стратегическом партнерстве. Главы государств договорились создавать благоприятные условия для дальнейшего углубления и развития двустороннего сотрудничества в сферах торговли, экономики, энергетики, транспорта и финансов.

ШОС как геополитический инструмент Китая

В настоящий момент в ШОС входят шесть государств: Казахстан, Киргизстан, КНР, Россия, Таджикистан и Узбекистан. С 1996 г. существовала группа государств – т.н. Шанхайская пятерка, объединенная решением проблемы урегулирования пограничных и территориальных вопросов вдоль бывшей советско-китайской границы. Позднее, в 2000 г. было принято решение о превращении “Шанхайской пятерки” в региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах. В 2001 г. в Шанхае произошло создание ШОС как новой международной организации. Свое юридическое оформление ШОС

<?> Xing Guangcheng. China's Foreign Policy Toward Kazakhstan // Thinking Strategically: the Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus. Ed. by R.Legvold. – Cambridge (Mass.), London: The MIT Press, 2003, pp. 107-140.

получила на саммите в Санкт-Петербурге в июне 2002 года, на котором были подписаны Хартия ШОС, Соглашение о региональной антитеррористической структуре и Декларация глав государств. В том же году к ней присоединился Узбекистан.

26 апреля 1996 г. на состоявшемся первом Саммите в г. Шанхае Главами пяти государств было подписано Соглашение между Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об укреплении мер доверия в военной области в районе границы (вступило в силу 7 мая 1998 г.).

24 апреля 1997 г. на втором Саммите в Москве было подписано Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, который определяет конкретные формы и методы проведения сокращений численности личного состава, уничтожения или вывода за пределы 100 км зоны вооружений и военной техники, охватываемых Соглашением. Срок действия обоих Соглашений - до 31 декабря 2020 года с пролонгацией на последующие пять лет.

3 июля 1998 г. в Алматы состоялась встреча Глав государств Казахстана, Китая, Кыргызстана, России и Таджикистана в ходе которой министрами иностранных дел было подписано Совместное Заявление участников Алматинской встречи. Документ закрепил договоренность “О созыве по мере необходимости встреч на уровне экспертов, министров иностранных дел, глав правительств и глав государств, для рассмотрения вопросов обеспечения безопасности и расширения сотрудничества в Центральной Азии и на Азиатском континенте в целом”.

24-25 августа 1999 г. в Бишкеке состоялся четвертый Саммит Глав пяти государств, были подписаны Бишкекская Декларация Глав государств, а также Соглашение между Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой и Кыргызской Республикой о точке стыка государственных границ трех государств. “Бишкекская группа” государств-участников “Шанхайской пятерки”, созданная 30 ноября - 2 декабря 1999 года во время встречи руководителей правоохранительных органов и спецслужб пяти государств в Бишкеке, должна была сыграть значительную роль в борьбе с терроризмом, экстремизмом, наркобизнесом.

5 июля 2000 года в г. Душанбе состоялся пятый Саммит Глав государств-участников “Шанхайской пятерки”. Впервые в работе форума в качестве наблюдателя принял участие Президент Узбекистана И.Каримов. В качестве итогового документа встречи была подписана Душанбинская Декларация. В ней было принято решение о превращении “Шанхайской пятерки” в региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах. На шестом Саммите Глав государств-участников Шанхайского

форума, состоявшемся 14-15 июня 2001 года в г.Шанхае, произошло создание новой международной организации “Шанхайской организации сотрудничества” (ШОС).

При первом взгляде на эту организацию сразу же бросается в глаза огромная несоразмерность ее участников: с одной стороны, такие гиганты как Китай и Россия, а с другой – значительно меньшие по своему политическому весу, экономическому масштабу, демографическому размеру и территории страны Центральной Азии. Геополитический фактор ШОС вытекает из самого факта участия в организации двух великих держав – России и Китая. Этот фактор автоматически «ставит в тень» остальных участников ШОС. При этом РФ и КНР имеют свои специфические геополитические интересы, которые выходят далеко за рамки региона: для Китая – это в основном Азия (СВА, ЮВА, АТР), для России – Европа и атлантическое пространство (отношения с ЕС и НАТО), и для обоих – сложные отношения с США. Кроме того, Россия имеет свои интересы в Евразии (на постсоветском пространстве), куда все активнее вторгается Китай. Таким образом, первую группу проблем составляют те, которые касаются отношений тандема Россия-Китай (как ведущих членов ШОС) с внешним миром и на геополитическом уровне, а также между собой.

Второй аспект, который тесно связан с первым, относится к сфере безопасности. В 2002 г. в рамках ШОС было подписано Соглашение о региональной антитеррористической структуре, дополненное в 2004 г. созданием Региональной террористической структуры ШОС. Третий аспект относится к сфере экономики. В 2000 г. было принято решение о превращении “Шанхайской пятерки” в региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах. С этого времени неоднократно делались заявления и предпринимались усилия, направленные на усиление экономической составляющей ШОС.

Уже сам характер поставленных проблем указывает на то, что вся проблематика ШОС распадается на широкий ряд проблем, каждая из которых порой не связана с другими и решается зачастую вне рамок ШОС. К ним относятся российско-китайские, российско-американские и китайско-американские отношения; проблемы безопасности с учетом взаимодействия ОДКБ, НАТО и ШОС; двусторонние отношения стран Центральной Азии с великими державами; обеспечение безопасности, внутри-региональные отношения и противоречия в ЦА. Таким образом, как таковая политика ШОС в чистом виде не существует. Однако, сам факт существования ШОС и его кажущаяся внешнеполитическая (или геополитическая активность) создают эффект (скорее иллюзию) присутствия на региональной и мировой сцене нового серьезного игрока.

Крупным международным событием стало 10-е юбилейное заседание Глав государств-членов ШОС 5 июля 2005 г. в Астане. На саммите были приняты наблюдателями при организации Иран, Индия и Пакистан. В общей сложности на саммите ШОС было подписано семь документов, в том числе концепция сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Государства ШОС договорились сотрудничать в организации и проведении совместных антитеррористических учений, подготовке кадров, обмене опытом работы. Главным итогом этого саммита, имевшим геополитический резонанс, стала декларация ШОС, где был поставлен вопрос о сроках пребывания баз США на территории центральноазиатских государств-членов ШОС.

В конце октября 2005 г. в Москве с участием Казахстана состоялось очередное заседание Совета глав правительств государств-членов ШОС. По итогам заседания Совета глав правительств государств-членов ШОС подписан ряд документов. На этой встрече Пекин сделал попытку фактически поменять парадигму развития ШОС в сторону усиления экономического сотрудничества. Так, в ходе саммита премьер Госсовета КНР Вэнь Дзябао выступил с заявлением, предложив 900 млн. долл. на реализацию совместных проектов развития. По сути, китайцы предложили прокредитовать всю экономику стран ШОС и перевести организацию из политического объединения в экономическое. Казахстан и Россия прохладно отнеслись к этому предложению. В случае принятия решения КНР и дальнейшего развития в этом направлении ШОС угрожало бы превратиться в «экономический протекторат» Китая.

Считается, что ШОС имеет 4 варианта развития.* Первый - формирование некоего антизападного альянса, своего рода анти-НАТО. Второй сценарий: расширение за счет других государств (Монголия, Индия, Афганистан, Иран и т.д.), что представляется маловероятным. Всякое расширение состава этой структуры будет, очевидно, приводить и к ее политико-организационному усложнению.

Третий сценарий: совместная опека Центральной Азии, патронаж над ней со стороны России и Китая. ШОС служит механизмом взаимного балансирования России и Китая в Центральной Азии, причем с участием в этой игре стран региона. Четвертый сценарий: признание самостоятельной роли Организации центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС) в рамках ШОС. В этом сценарии Шанхайский политический процесс выглядит ориентированным на Центральную Азию.

---

* Толипов Ф. К вопросу о самостоятельной роли организации центральноазиатского сотрудничества в рамках ШОС // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 6. С. 169-180.

События последних лет показали, что ШОС начал развиваться по модели других региональных образований, обрастать бюрократическими институтами: был создан Секретариат со штаб-квартирой в Пекине, налаживается деятельность совета глав правительств и совета министров иностранных дел, взаимодействие секретарей Совбезов, и вот был создан исполком РАТС в Ташкенте. Идет создание Фонда развития и Делового совета ШОС в рамках программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества. То есть, прослеживается стремление членов ШОС заложить под организацию солидный экономический фундамент.

Однако, многие наблюдатели с недоверием и скепсисом относились к попыткам создателей ШОС представить свою организацию в качестве некоего элемента мультиполлярного мира, центра силы современной geopolитики. Для наблюдательных аналитиков при внимательном рассмотрении напрашивается вывод, что ШОС, вероятно, грандиозный geopolитический блеф. Дело в том, что «два главных колеса арбы» ШОС, по выражению узбекского президента И. Каримова, - Россия и Китай все эти годы вели свою geopolитическую игру, и каждая из сторон пытаясь извлечь из своих отношений с США и Западом свою выгоду. В этих условиях ШОС нужен был им просто для «демонстрации своего флага» в Центральной Азии американцам.

Объективным фактором является то, что Китай внутри ШОС фактически находится в одиночестве. Ему противостоит блок пост-советских государств, которые, благодаря общему прошлому и общим проблемам, всегда могут находить общий язык в прямом и переносном смысле между собой, а Россия имеет свой специфический, отработанный подход к каждому из них.*

Пекин придерживается точки зрения, что все международные силы в Центральной Азии могут в равной мере воспользоваться рамками сотрудничества ШОС.** Шанхайская организация сотрудничества расширила содержание своей деятельности, но ее главной целью, по мнению Пекина,

---

* Это примерно такая же ситуация, как если бы Франция вступила в Британское содружество или Германия – в Лигу арабских государств.

** Xu Tao. Promoting “Shanghai Five” Spirit for Regional Cooperation // Central Asia (University of Peshawar). No 49. Winter 2001, pp. 181-190; Пан Гуан. Шанхайская организация сотрудничества в контексте международной антитеррористической кампании // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 3. С.55-61; Комиссина И., Куртов А. Россия - Китай - страны Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 2. С.175-182.

остается борьба с терроризмом. ШОС на настоящий момент является для Китая переходной структурой на период предполагаемого становления Китая как мирового центра силы. Действия Китая после истечения этого срока, вероятнее всего, будут достаточно жесткими, в первую очередь - по отношению к его соседям.

Китай попытался развеять подозрения, которые имеются у его более слабых соседей в Центральной Азии в отношении его намерений, сфокусировавшись на антитеррористической деятельности как на общей задаче, и продвигая свой имидж как новой супердержавы без агрессивных намерений. Китай постоянно направлял представителей для встреч с премьер-министрами, президентами, генералами и так далее по дипломатической лестнице. Все это делалось ради повышения своего влияния и ради стратегических и дипломатических взаимоотношений. Китай пытается установить некоторое мягкое подобие гегемонии. Китай стремился к тому, чтобы совместно со странами ЦА и Россией создать механизмы, которые обеспечат региональную безопасность в рамках ее коллективной защиты. Это являлось основной задачей Шанхайской организации сотрудничества в глазах Пекина.

По мнению китайских стратегов, оценивающих ситуацию в регионе, в настоящее время в странах Центральной Азии в основном сохраняется ситуация, характерной чертой которой является наличие «сильного президента, слабого парламента и малого правительства»*. В то же время, положение в этих государствах находится в контролируемых рамках. Пять президентов после ожесточенной политической борьбы крепко удерживают власть в своих руках, создав сильные президентские режимы. В этих условиях, китайские стратеги не видят причин для изменения формата сотрудничества КНР со странами региона.

С другой стороны, китайские политики не оставили незамеченным, что в последние годы Россия сделала большой шаг для возвращения в Центральную Азию и утверждения там своего военно-политического присутствия и влияния. Для них ясно, что Россия рассчитывает путем создания новой экономической организации углубить хозяйственную интеграцию внутри СНГ, а вслед за этим наращивать политическое влияние.

По-видимому, в настоящее время Китай работает над поиском адекват-

---

* Т.е. второстепенного, не играющего заметной политической роли кабинета министров при авторитарных лидерах.

ного ответа вызову со стороны России с тем, чтобы удерживать в рамках своих интересов ее возвращение в регион. Очевидно также, что Китай сделает все, чтобы не допустить эрозии ШОС как главного геополитического инструмента своего влияния в Центральной Азии и балансира китайско-российских отношений.*

---

* Задерей Н. Эволюция восприятия ШОС на Западе // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 62-69; Меркулова Э.А., Меркулов К.К. Место и роль ШОС в обеспечении стабильности и развития в Евразии. – Москва: Дипакадемия МИД РФ, 2005. – 256 с.; Оразалин Е.Н. ШОС: основы формирования, проблемы и перспективы. Пути совершенствования механизма сотрудничества. – Алматы: ИМЭП, 2007. – 134 с.; Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии. – Москва: ИДВ, 2005. – 222 с.; Проблемы экономического и финансового сотрудничества в рамках ШОС. Материалы международной научно-практической конференции. - Алматы: КИСИ, 2006. – 181 с.; Чуфрин Г. ШОС: quo vadis? // Международная жизнь (Москва). 2008. № 6. С. 53-64.; Шанхайская Организация Сотрудничества: взаимодействие во имя развития. Отв. ред. Болятко А.В. – Москва: ИВ РАН, 2006. – 247 с.; ШОС и проблемы безопасности в Центральной Азии: Материалы международной конференции (5 октября 2005 г.). – Алматы: КИСИ, 2005. – 153 с.; ШОС в поисках нового понимания безопасности: материалы конференции. – Алматы: КИСИ, 2008. – 192 с.; ШОС: становление и перспективы развития. Материалы международной конференции /Под ред. М. Ашимбаева и Г. Чуфрина. – Алматы: Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК, 2005. – 196 с.; Шенин С.Ю. ШОС и глобальный баланс сил: взгляд из Америки // ШОС и проблемы безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. – Алматы: КИСИ, 2008. – С. 23-30.

ЧАСТЬ II. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИГРОКИ

Глава 1. Стратегия Японии в Евразии

Следует отметить одно фундаментальное противоречие японской политики в отношении региона ЦА. Это противоречие является результатом дуального, двойственного геополитического положения Японии. С одной стороны Япония традиционно - с эпохи «холодной войны» это часть Запада, один из трех столпов наряду с США и Западной Европой. США, ЕС и Япония – это три центра экономического развития. В 1990-е годы, когда уже «холодная война» была закончена Япония по инерции продолжала выступать как часть Запада, была участницей трехсторонних проектов с американской и европейской сторонами, то есть участвовала в выработке согласованной позиции Запада в отношении ЦА. В тоже время на протяжении последних 15 лет происходили заметные, а где скрытые очень серьезные изменения в геополитическом, экономическом, политическом положении японского государства.*

Одним из важнейших факторов внешней политики Токио является китайский. Но и для Пекина Япония представляет фактор региональный, неополитический и геоэкономический. Решение Коидзуми направить эскадру, состоящую из танкеров и эсминцев, для поддержки союзного флота, крейсирующего в водах вблизи Афганистана, а также разместить в Ираке 1000 солдат из вспомогательных подразделений, снискало ему одобрение администрации Буша, но для Пекина прозвучало как сигнал тревоги.

Россия является другим элементом и объектом японской стратегии в Евразии. В японско-российских отношениях переплелись исторические проблемы, энергетические, экономические интересы и региональные противоречия.

---

* См.: Акихиро И. Геополитика в Центральной Азии: взгляд из Японии // Казахстан-Спектр. 2007. № 1. С. 9-19; Лаумулин М.Т. Стратегия Японии в Евразии // Казахстанско-японское сотрудничество: состояние и перспективы. – Алматы: КИСИ, 2007. – С.33-47; или: // Казахстан-Спектр. № 1. 2007. С. 24-34; Нургалиев М.Е., Шаймергенов Т. Новый трек японской дипломатии в Центральной Азии: проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 6. С. 146-157; Усубалиев Э.Е. Политика Японии в новых геополитических условиях: центрально-азиатский вектор // Япония 2001-2002. Ежегодник. – М.: Издательство «МАКС-Пресс», 2002. С.195-208; An Account of the Mission for Dialogue with Russia and Central Asia: Prelude to Eurasian Diplomacy. – Tokyo: Japan Center for International Exchange, 1998 (in Japanese); Calder K.E. Japan's Energy Angst and the Caspian Great Game // NBR Analysis. March 2001. Vol.12. №1, pp.5-12.

Интерес Японии в начале 2000-х гг. в сооружении нефтепровода и освоении углеводородных месторождений Восточной Сибири был просто экстраординарен. Этот интерес был вызван опасениями Токио относительно планов Пекина вытянуть на себя все нефтепроводные маршруты как России, так и других стран СНГ, что позволит Китаю самому реэкспортировать сырье в государства АТР, получая при этом не только экономические выгоды, но и возможности «закрывать заслонки» при появлении политической необходимости.

Энергетические интересы Японии в СНГ тесно связаны с ее интересом к Центральной Азии. Однако в своей политике в регионе Япония сталкивалась с рядом субъективных и объективных факторов. Т.Уяма (Университет Хоккайдо), например, вообще ставит под вопрос идею о том, что Япония располагала в отношении Казахстана и Центральной Азии какой-либо четко сформулированной стратегией. Японский исследователь, изучая истоки японской дипломатии в регионе, сравнивает отношения Узбекистана и Казахстана со своей страной. Он замечает, что Ташкент смог найти в лице Ш.Такао, влиятельного руководителя в министерстве финансов, своеобразного патрона, который смог позитивно повлиять на инвестиционную политику Токио в Узбекистане.

М. Хиккок (Военно-воздушный колледж США и японский Институт энергетики и экономики) пишет, что в июле 1997 г. премьер-министр Хашимото провозгласил о новой «евразийской дипломатии» Японии, интерес которой лежал в основном в энергетическом секторе. Токио преследовал две цели: сохранить баланс ввиду энергетических проектов России и Китая и улучшить положение Японии на международной арене. В 1999 г. начались интенсивные контакты Токио с Узбекистаном, который провозгласил Японию стратегическим партнером. Японская помощь составила 24 млн. долл.; с 1993 по 1997 гг. Япония увеличила помочь региону в целом с 2,5 до 156,8 млн. долл. Автор пишет о трудностях для Японии в регионе, где доминировали Россия и США. В это же время появился интерес Японии к нефтяным месторождениям в Азербайджане. В Казахстане с 1994 г. ЯННК спонсировала поиски нефти в Аральском регионе. В мае 1998 г. состоялся визит председателя Японской Федерации экономических организаций С.Тойода, который провел переговоры о возможностях японских инвестиций с Н.Назарбаевым. В результате Казахстан согласился реформировать законодательство для японских МСП.*

Автор особо выделяет японский интерес к провозглашенной Казахстаном идеи адаптировать азиатскую экономическую модель; он пишет, что Назарбаев отверг ultimatum Запада – «следовать англосаксонской

---

* Hickok M.R. The other End of the Silk Road: Japan's Eurasian Initiative // Central Asian Survey. 2000. Vol.19. No. 3, pp. 17-40.

модели, или оставаться с Россией и Ираном»*. Таким образом, Назарбаев и Каримов рассматривают Японию как модель для модернизации по неамериканскому и неевропейскому пути; причиной чего являются опасения перед «американским высокомерием и европейским экономическим империализмом», которые и заставили лидеров ЦА искать альтернативные пути для промышленной модернизации. Хиккок заключает, что выбор для центральноазиатских государств больше не лежит между турецкой и иранской моделями, как это долго изображалось западными лидерами; в новом веке вовлеченность в Евразию дает Токио шанс для стратегического партнерства и более самостоятельной внешней политики.

Казахстан не смог найти такого покровителя. Более того, когда в 1992 г. тогдашний вице-премьер Ватанабе посетил республику, у него остались самые негативные впечатления о ней. Японские политики, бизнесмены, которые посещали Казахстан в последующие годы, также наталкивались на плохой прием. Автор называет ряд эпизодов (контракт о поставках японского оборудования Карагандинскому комбинату в 1994 г., отмену встречи с делегацией Японско-казахстанского комитета в 1995 г. и др.), которые, по его мнению, способствовали ухудшению репутации Казахстана в глазах японской стороны. Таким образом, в японских политических и деловых кругах сложилось убеждение, что Казахстан не заинтересован в развитии отношений со страной Восходящего солнца. В целом, японские представления о Центральной Азии в те годы формировались в романтическом духе традиций древнего Великого шелкового пути. Реальность в регионе выглядела совершенно иначе.

Т.Уяма объясняет отсутствие у Японии внятной стратегии в отношении Центральной Азии прежде всего экономическими причинами. Вектор экономических интересов и связей Японии – это США, АТР и Юго-Восточная Азия. Центральная Азия с экономической точки зрения не представляет никакого интереса для Токио. И Казахстан наилучшим образом иллюстрирует это положение.

Но объяснение «скромности» японских притязаний в Центральной Азии лежит и в другой плоскости. Как вполне справедливо замечает Уяма, Япония не является - в отличие от США и других участников Большой игры – полноценной geopolитической силой. Это объясняет, почему Токио не стремится к массированному присутствию в регионе. Япония проявляет солидарность как часть Запада с общей западной стратегией в Центральной Азии: выступает донором, заинтересована в поддержании стабильности в регионе, нераспространении ядерного оружия и заинтересована в создании

---

* Ibid., p.35.

в Азии в целом процветающего сообщества. Таким образом, интересы Японии в Центральной Азии носят «периферийный» характер.

Уяма обращается к доктрине т.н. «Евразийской дипломатии», выдвинутой в свое время премьером Хашимото. Он выделят в этой концепции две составляющие: во-первых, поддержание хороших отношений с Россией; во-вторых, поиск «новых друзей повсюду в Азии», т.е. и в Центральной Азии. На уровне концепций Японии и Казахстана наглядно видно расхождение между внешнеполитическими ориентациями двух стран. Казахстан под евразийским вектором понимает интеграцию в рамках СНГ, плюс движение в сторону Европы и таких государств как Турция и Иран, лежащих в сфере европейской и евразийской геополитики. Для Токио евразийская доктрина понимается как приоритет азиатской составляющей. Вот почему Япония легче находит общий язык с такими республиками как Узбекистан, которые не скрывают свое «азиатское» происхождение и открыто говорят о своем предпочтении «японской модели».

Всплеск интереса к Центральной Азии в Японии наблюдался, когда появилась надежда, что страны региона поддержат претензии Токио в адрес России на т.н. северные территории. Этот интерес возник после заявлений А.Акаева о необходимости вернуть эти территории Японии. Однако, вскоре выяснилось, что ни Киргизия, ни все центральноазиатские государства вместе взятые просто не в состоянии влиять на позицию Москвы. Другой характерной чертой японской политики является то, что в отличие от Вашингтона Токио не считает, что демократизация региона есть главная и неотложная цель. В Японии вполне реально отдают себе отчет, что демократия не может быть импортирована извне, а строительство демократических институтов является длительным и сложным процессом.

Несмотря на отсутствие у Казахстана «патрона» в высших политических и экономических кругах Японии, к концу 1990-х гг. все стало на свои места: Казахстан занял приоритетное место в торгово-экономических отношениях Токио со странами региона. Налицо также несомненный рост интереса к Казахстану в японских деловых кругах. Подводя итоги японской политики в регионе, Уяма делает вывод, что следует отличать японский метод проведения стратегической политики от американского. У Японии отсутствует стратегическая дипломатия в классическом виде. Механизм выработки стратегических решений в Токио построен таким образом, что Япония сначала долго выжидает и при этом большое значение придает тому, как ведут себя с ней предполагаемые партнеры. Такой стиль ведения внешней политики объясняет, почему на первом этапе в число фаворитов Токио попали Узбекистан и Киргизстан, а Казахстан с его огромным потенциалом остался вне японского стратегического планирования.

В заключение Уяма, как представитель «нестратегического» государства, выступает против ведения политики Центральной Азии в стиле Большой игры, т.е. геополитического противоборства. По его мнению, в нормальных и стабильных условиях Япония как экономическая держава сможет в будущем очень многое сделать для региона.*

26 января 1992 г. в Москве состоялся обмен письмами об установлении дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Японией. Первый контакт на официальном уровне состоялся в мае 1992 г., когда Президент РК Н.А.Назарбаев принял находившегося в Алматы с кратковременным рабочим визитом Министра иностранных дел Японии М.Ватанабэ. В ходе встречи состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес: безопасность в Азии, привлечение японских инвестиций в экономику Казахстана, проведение рыночных реформ и использование японского опыта в Казахстане. В августе того же года Казахстан посетила делегация высшего руководства правящей Либерально-демократической партии и Парламента Японии.

Контакты в торгово-экономической области между РК и Японией активизировались в январе 1993 г. после того, как Президент РК Н.А.Назарбаев принял президента Японско-российской торговой ассоциации, постоянного члена Японской ассоциации экономических и культурных связей с зарубежными странами Т.Сато. А в феврале 1993 г. уже было открыто Посольство Японии в Алма-Ате. Японская сторона проявляла интерес к будущему экономическому сотрудничеству с Казахстаном, что подтвердилось во время визита авторитетной экономической делегации, в которую входили представители 39 компаний и банков, а также министерств и ведомств Японии, ответственных за экономическое развитие и сотрудничество. В результате контактов между двумя странами в экономической сфере 19 августа 1993 г. был создан казахстанско-японский Комитет по экономическому сотрудничеству, который должен был интенсифицировать двусторонние связи.

В апреле 1994 г. состоялся первый официальный визит Президента РК Н.Назарбаева в Японию. Ему предшествовал визит в РК делегации Общества модернизации, возглавляемой специальным советником министра финансов Японии Т.Чино. Это определило экономический характер двусторонних отношений. В ходе визита на высшем уровне обсуждался широкий круг вопросов. Японскую сторону интересовали в первую очередь обязательства Казахстана в ядерной области (присоединение к ДНЯО и

---

* Uyama T. Japanese Policies in Relation to Kazakhstan: Is There a “Strategy”? // Thinking Strategically. The Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus. Ed. by R. Legvold. – Cambridge (Mass.), London: The MIT Press, 2003, pp. 165-186.

вывод ядерного оружия). В качестве компенсации и жеста доброй воли, Токио взял на себя обязательства по реабилитации зоны бывшего Семипалатинского полигона, что было зафиксировано в соответствующем Соглашении (о сотрудничестве в области ликвидации ядерного оружия). Этот визит стал переломным в двусторонних отношениях. С этого момента Япония открывает кредитные линии для Казахстана (первоначально в размере 220 млн. долл.; в 1995 г – 150 млн. долл.). В дальнейшем Япония на основе достигнутых договоренностей оказывала поддержку Казахстану в реконструкции транспортных коммуникаций и объектов энергетики. В 1995-97 гг. между двумя государствами продолжался обмен визитами на уровне министров, парламентариев, вице-президента РК (июнь 1995) и премьер-министра РК (ноябрь 1996). Эти контакты способствовали поддержке интереса японского бизнеса к инвестированию в казахстанскую экономику. Япония оказывала также гуманитарную помощь Казахстану. Токио выделил 11 млн. долл. в рамках соглашения о ликвидации ядерного оружия и до 100 млн. долл. по аральской программе.

В 1997 г. Япония сформулировала свою политику в отношении Центральной Азии в доктрине т.н. «Евразийской дипломатии». Однако новая концепция не способствовала активизации японской внешней политики в отношении региона. В двусторонних отношениях наступила пауза, которая нарушилась в 1999 г., когда казахстанская сторона вновь поставила вопрос о помощи со стороны Японии по реабилитации Семипалатинского полигона (визит замминистра иностранных дел К.Такеми). В декабре 1999 г. состоялся визит Президента Н.Назарбаева в Японию. Программа деловой части визита Н.Назарбаева включала в себя участие в пятом совместном заседании Казахстанско-японского комитета по экономическому сотрудничеству и работе Совета по строительству новой столицы Казахстана. В ходе переговоров Н.Назарбаева с Премьер-министром Японии К.Обути было подписано Совместное заявление о дружбе, партнерстве и сотрудничестве – документ о стратегическом партнерстве Казахстана и Японии в XXI веке. В 2001 г. Япония начинает оказывать помощь в обустройстве городской инфраструктуры Астаны. В рамках визита казахстанского президента в декабре 2001 г. принято совместное заявление о партнерстве и сотрудничестве между РК и Японией, принятое президентом РК Н.А Назарбаевым и Премьер – министром Японии К.Обути в Токио.

Таким образом, отношения Казахстана с Японией развивались неравномерно, но в целом поступательно. Япония не стала крупным инвестором, как рассчитывали в Казахстане, но оказывала РК регулярную финансовую и техническую помощь. В целом стратегия Японии укладывалась в рамки стратегии Запада, направленной на снижение ядерной угрозы из СНГ. В

то же время Токио проводил собственную стратегическую линию, в долгосрочной перспективе рассчитанную на постепенное вхождение в регион Центральной Азии.

В августе 2006 г. состоялся визит премьера министра Коидзуми в Казахстан. Этот визит был во многом символичным, т.к. ознаменовал конец эпохи неопределенности японской политики и стратегии в отношении Центральной Азии. Если бросить взгляд на полтора десятилетия постсоветской эпохи, то можно обратить внимание, что Япония формально провозгласила свои интересы в Центральной Азии и в Евразии. Речь идет о доктрине «великого шелкового пути». Но в реальности конкретные шаги в политическом, экономическом и шире геоэкономическом плане Токио начал предпринимать лишь во второй половине срока премьерства Коидзуми.

В последние годы Токио уделяет каспийской нефти все большее внимание. Отчасти это связано со стабильно высокими мировыми ценами на энергоресурсы, что резко повысило рентабельность добычи углеводородов и стимулировало приток инвестиций, в том числе из Японии, в их добычу и транспортировку. По мнению японского истеблишмента, значение прикаспийских стран во внешней политике Токио будет расти. Весьма тревожит японцев и перманентная нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке. Дело в том, что «доходные статьи» энергетического баланса страны на 55% формируются за счет импорта углеводородов из государств Ближнего Востока, а по нефти - даже на 85%.

События 11 сентября 2001 года, бросившие тень на отношения Запада с нефтяными монархиями Персидского залива, неоднозначно восприняты в арабском мире военные операции американцев в Афганистане и Ираке, претензии, предъявляемые США (старшего партнера японцев в мировых делах) к ядерной программе Ирана, незатухающий арабо-израильский конфликт - все это привело к тому, что диверсификация источников импорта энергоносителей, прежде всего нефти, стала ключевым элементом энергетической стратегии Токио на современном этапе.

Для правительства Японии приоритет здесь - не политические игры союзников, а прагматичное продвижение проектов своих деловых кругов, заинтересованных в первую очередь в экономических «плюсах», ожидаемых в связи с участием в разработке стратегического сырья. Кроме Каспия, возможности получить новые концессии со сравнительно низкими производственными рисками теоретически есть в Иране, Ираке и в пустыне Сахара (Алжир, Ливия). Однако дорога к ним прочно блокирована политическими препятствиями. Таким образом, у Японии - крупнейшего мирового импортера природных ресурсов - есть свой интерес в участии в контроле над производством и распределением нефтяных потоков в этом богатом ресурсами регионе.

Результаты исследований японских специалистов относительно оценки запасов нефти и газа на шельфе Каспийского моря в основном совпадают с известной характеристикой региона госдепом США как «второго Ближнего Востока». Так, эксперты национальной нефтяной корпорации (ЯННК) полагают, что официальная американская оценка подтвержденных запасов нефти и газа Каспия, а также расчеты предполагаемых запасов по газу проведены объективно и в целом соответствуют действительности. Однако в ЯННК считают, что очень завышены прогнозные и соответственно суммарные запасы нефти (до 200 млрд. баррелей). С учетом последних данных о подтвержденных запасах, а также при помощи метода разумных усреднений максимальных и минимальных значений всех имеющихся прогнозов Токио приходит к выводу, что на этом шельфе сосредоточено от 78 до 100 млрд. баррелей нефти и около 7 трлн. м³ газа. Таким образом, оценки японских специалистов ставят Каспийский шельф на третье или четвертое место в мире по их потенциальным запасам. Отсюда следует вывод: практическое освоение этих запасов способно оказать заметное влияние на энергетическую ситуацию в Азии и во всем мире. Наиболее активно японские предприятия участвуют в нефтегазовых проектах азербайджанского сектора моря.

В целях разработки нефтеносного шельфа Казахстана японская «Инпекс» вошла в консорциум «Международная операционная компания по разработке Казахстанского шельфа» (OKIOC) в сентябре 1998-го. Ее доля в проекте (7,15%) была выкуплена у правительства республики. В отличие от сухопутного Тенгиза, условия работы весьма специфичны. Японцы обращали внимание на то, что северная часть Каспия мелководна - не превышает 5 м, к тому же введены жесткие требования по экологии. Несмотря на участие японцев в соглашениях о разделе продукции, «физически» каспийская нефть в Японию не попадает, так как значительная удаленность от районов добычи привела бы к росту издержек. По соглашению с другими участниками консорциумов японцы получают эквивалентное количество сырья на нефтяных терминалах Индонезии (на условиях «своп»).

Интересной является точка зрения, высказанная А.Казанцевым. Исследователь считает, что у политики Японии (как и Южной Кореи) в Центральной Азии есть одна общая характеристика: большой территориальный разрыв и отсутствие исторических традиций сотрудничества обрекает их на преимущественное использование экономических инструментов. При этом у обеих стран есть в регионе общие геоэкономические интересы с Китаем: направить вектор развития Центральной Азии в сторону АТР. Однако обе они в военно-политическом плане выступают в качестве ближайших союзников США. Основным объектом южнокорейской бизнес-экспансии

середины 1990-х гг. на пространстве бывшего СССР были выбраны именно бывшая советская Средняя Азия и Казахстан. В то же время, доля южно-корейских инвестиций в территориально намного ближе расположенной и обладающей значительно большим экономическим потенциалом, более емкими рынками и большими ресурсами России была ниже. Объяснить это можно двумя обстоятельствами: 1) существованием в Южной Корее на уровне картины мира паназиатских представлений и идеей «вписать» Центральную Азию в расширенный АТР; 2) большой ролью в политической культуре Южной Кореи представлений о продуктивности бюрократическо-авторитарной модернизации.

В отношении мотивов и целей политики Японии в ЦА автор вступает в область догадок. Он замечает, что Центральная Азия может интересовать японцев в плане расширения Азиатско-Тихоокеанского региона и создания новых маршрутов, связывающих его с Европой. Кроме того, Страна восходящего солнца желает позиционировать себя в качестве лидера в этой части мира. Она, например, пролоббировала предоставление странам Центральной Азии статуса наибольшего благоприятствования в торговле с США. В свою очередь, Японию интересует увеличение числа государств, поддерживающих ее претензии на членство в Совете Безопасности ООН. В целом, как заключает автор, в политике Японии в Центральной Азии можно отметить определенное противоречие в целях. С одной стороны, она является одним из представителей коалиции стран АТР (в силу географического положения) и экономических интересов), с другой стороны, активным членом западной коалиции в рамках стратегического партнерства с США. Поэтому «японский проект» для Центральной Азии весьма не определен.*

Оценивая политику Токио в отношении СНГ и ЦА, можно заметить, что Японии в силу культурной ментальности и исторической традиции легче было найти общий язык с азиатскими республиками бывшего Советского Союза. Япония в отличие собственно от Запада – США и особенно европейцев – не придает такого принципиального значения проблемам демократии и прав человека в том ключе, как это понимают в Брюсселе и в Вашингтоне. Кроме того, Япония в силу своего географического положения, экономических связей, безусловно, азиатская держава. Ее интересы зависят не только от того, что происходит в других центрах экономической силы на Западе, а также от ситуации в китайской экономике, в ЮВА, на Ближнем Востоке, важном источнике энергоресурсов.

---

* Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – Москва: Наследие Евразии, 2008. – С. 232-235.

Совершенно очевидно, что Япония в силу своего огромного экономического влияния будет в той или иной степени поддерживать крупные транспортные, коммуникационные и инфраструктурные проекты в Казахстане, в Центральной Азии, российской Сибири и, возможно, в западной части Китая. Мы не можем исключать Японию из этого широкого экономического процесса, охватывающего регион ШОС. Но в тоже время, избавляясь от наследия «холодной войны», делая свою политику более независимой от стратегии Запада и более азиатской и даже более евразийской, Япония будет сталкиваться с некоторыми геополитическими ограничителями. Главными из таких геополитических пределов являются Россия и Китай.

Глава 2. Новый участник Большой Игры – Индия

Традиционно геополитика в Центральной Азии рассматривается с точки зрения интересов трех ведущих держав – России, Соединенных Штатов и Китая. В качестве влиятельных акторов называются также такие условные (с геополитической точки зрения) центры силы как Европейский Союз и исламский мир. Индия в центральноазиатском контексте, как правило, не рассматривалась ни как геополитическая, ни как региональная держава.

Однако, Индия с географической и геополитической точек зрения является сама по себе целым континентом, хотя сфера ее геополитического влияния ограничивается лишь Индостаном и частью Индийского океана. При этом надо учитывать, что индийская цивилизация не склонна к геополитической динамике и территориальной экспансии. В последние годы с уверенностью можно говорить о динамике технологической, развитии отраслей программного обеспечения и т.д. Все это способствует расширению торгово-экономических связей Индии, их выплескиванию за пределы государства.

С исторической перспективы Индия всегда была тесно связана с Центральной Азией. В недавнем прошлом Дели был близким и верным союзником СССР. На сегодняшнем этапе эти отношения между Индией и Россией восстанавливаются. Кроме того, политика Индии не может не затрагивать интересы Китая, США и Запада в целом, и наоборот, не влиять на ситуацию в Афганистане и Иране. Таким образом, прямо или косвенно Индия, тем не менее, должна рассматриваться в качестве геополитической силы в Центральной Азии.

Проблемы отношений Центральной Азии с Индией имеют обширное освещение в зарубежной, преимущественно индийской и частично в западной, литературе, несмотря на узкую в реальности область для исследований. Индийская тематика имеет вторичный характер и вытекает из влияния, которое мог бы потенциально оказать на регион Пакистан, который в свою очередь связан

с регионом в силу своего влияния на Афганистан. Индия традиционно, с советских времен располагает сложившейся школой русистов, из которых сформировался современный корпус специалистов по Центральной Азии.*

Всплеск геополитической активности Индии в Центральной Азии приходится на период 2002-03 гг. после проведения антитеррористической операции в Афганистане и изменения всей геополитической ситуации в регионе. Интересы Индии можно разделить на две группы: собственно геополитические, которые включают в себя соперничество с Китаем и Индией, партнерство с Россией; и экономические, которые включают в себя в первую очередь энергетические интересы, а также торгово-экономические.

Стратегия Индии по многим параметрам схожа с политикой, проводимой США в Центральной Азии. То есть деятельность Дели направлена не только на стабилизацию ситуации в Центральной Азии, но и на формирование условий, позволяющих Индии занять более значимую роль в регионе. Это может быть и экономическое и военно-политическое сотрудничество, преследующее цель установления стратегического партнерства со странами региона. На первых этапах это, возможно, будет партнерство «равных», но в последующем не исключено, что Дели захочет быть «первой скрипкой» в «центрально-азиатском оркестре».

После присоединения к российско-иранскому проекту по созданию торгового и энергетического коридора «Север-Юг», Индия обеспечила на ближайшую перспективу доступ к торгово-энергетическому потенциалу стран центральноазиатского региона.

Испытывая острую потребность в энергии, Индия намерена направить экономические ресурсы на развитие отношений с Центральной Азией. Ряд визитов в страны региона премьер-министров Индии, министров обороны и иностранных дел свидетельствуют о том, что Индия в своей внешней политике все чаще стремится выйти за пределы традиционной ориентации на Китай и Пакистан.

Таким образом, энергетические потребности Индии приводят ее в Центральную Азию. Имея более чем миллиардное население и бурно развивающуюся экономику, Индия считается шестым крупнейшим потребителем энергии в мире. Чтобы сохранить темпы экономического роста на среднем уровне в 7-8 процентов стране придется ежегодно увеличивать потребление энергии примерно на 5 процентов.

---

* Взгляды индийских политологов изложены в I-м томе настоящего издания. См.: Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том I: Центральная Азия и Казахстан в современной политологии. – Алма-Ата: КИСИ, 2005. – С.536-540.

Индийская нефтяная компания ONGC Videsh Ltd. имеет 15-процентный пакет акций казахстанского месторождения «Алибекмола» и 10-процентный пакет акций месторождения «Курмангазы». По данным доклада Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Джонса Хопкинса Индия намерена приобрести также как минимум 20-процентную долю акций нефтегазовых месторождений в Узбекистане. Располагающие богатейшими водными ресурсами Таджикистан и Кыргызстан готовы предложить Индии свои гидроэнергетические проекты.

Однако, на сегодняшний момент находящиеся в стадии обсуждения амбициозные планы энергоэкспорта еще не приведены в действие. Стремясь обойти стороной конкурента – Пакистан, Индия выступает в поддержку спорного 890-милльного, 2-миллиардного «энергетического хайвея», который начинался бы в России, проходил через Узбекистан, Туркменистан и Казахстан, а затем Кашмир, пересекая «линию контроля» между Индией и Китаем.

В связи с ситуацией в Афганистане Индия имела на тот период и военно-стратегические интересы в регионе. После визита премьер-министра Индии Ваджпаи в Таджикистан мировые информационные агентства со ссылкой на пакистанские источники сообщали о создании в этой центральноазиатской стране индийской военной базы. Так, в 2003 году Индия якобы начала ремонтные работы на авиабазе в Айни, примерно в семи километрах от таджикской столицы Душанбе. По сообщению Радио «Свободная Европа»/Радио «Свобода», на встрече в ноябре 2003 г. с президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым премьер-министр Ваджпаи опроверг информацию о планируемом Индией размещении на базе своей авиации, однако западные военные аналитики и сам Рахмонов выступили с утверждениями противоположного характера. До распада СССР здесь находился вертолеторемонтный завод, затем дислоцировались таджикские авиационные части. Как сообщала газета «Индия экспресс», Дели занимался модернизацией инфраструктуры военно-воздушной базы Айни и планировал также разместить там контингент сухопутных войск.

В случае, если такая база была бы создана, то Индия могла стать третьей страной, которая установила свое военное присутствие в Таджикистане после России и Соединенных Штатов. Пакистан выступил категорически против любого военного присутствия Индии в Центральной Азии. Идея создания индийской военной базы в Таджикистане была вызвано беспокойством Дели по поводу вылазок исламских террористов в Афганистане. Таким способом Индия была намерена контролировать ситуацию и вести борьбу с радикальными исламскими организациями.

Помимо Таджикистана Индия делала попытку наладить военные связи с Киргизией, Казахстаном и Узбекистаном. Во время всех этих визитов

министра обороны в 2003 г. вопросы борьбы с международным терроризмом были первоочередными. Индия провела совместные военные учения как с Таджикистаном, так и с Узбекистаном, а в ноябре 2003 г. индийский министр обороны Джордж Фернандес объявил о планах расширения сотрудничества с этими странами в сфере борьбы с терроризмом. Лидер Казахстана Н.Назарбаев предложил, чтобы Индия сделала еще один шаг и присоединилась к региональному военному альянсу – Шанхайской организации сотрудничества. Это предложение встретило поддержку со стороны России и противодействие со стороны Китая. Возникали также планы закупки шести самолетов-дозаправщиков семейства «Ильюшиных» в Узбекистане и оказание финансовой помощи военно-морскому флоту, который должен будет охранять нефтяные маршруты Казахстана на Каспийском море.

Несмотря на настороженное отношение к этим военным маневрам традиционных соперников – Китая и Пакистана, Дели официально заявил о своих мирных намерениях. «Мы не собираемся захватывать регион», – заявил глава МВД Индии Синха в феврале 2003 г. газете The Hindu. «Места более чем достаточно для всех нас».

В ноябре 2003 г. Синха подтвердил информацию о присоединении Таджикистана к планируемому торговому коридору «Россия – Иран – Индия», что позволит сократить на 1500 километров расстояние между Индией и Центральной Азией. Торговое соглашение между Ираном, Индией, Туркменистаном и Таджикистаном должно будет облегчить создание такого коридора. Однако некоторые аналитики предупреждали, что, укрепляя отношения с Индией, Центральная Азия рискует оказаться втянутой в более широкое международное соперничество, в которое уже вовлечены Пакистан, Индия и Афганистан.

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Республикой Индия были установлены в конце февраля 1992 г. во время официального визита Президента Н.Назарбаева. В ходе визита был подписан ряд документов, положивших начало сотрудничеству между двумя странами в политической, торгово-экономической, финансовой, научной и культурной областях. Визит главы нашего государства был первой международной акцией независимого Казахстана. Декларация о принципах взаимоотношений между двумя странами, подписанная во время визита, показала, что между двумя странами нет принципиальных разногласий по основным проблемам международных отношений. Это подтвердилось в ходе визита индийского премьера Н.Рао в Казахстан в мае 1993 г. Помимо вопросов двустороннего сотрудничества в казахстанско-индийских отношениях всегда важное место занимали проблемы безопасности и стабильности в Азии. Индия поддержала инициативу Казахстана по созыву СВМДА. Казахстан в своих отношениях с

этой страной должен был учитывать тот факт, что имеет дело с крупнейшей демократической страной в Азии, а также ее непростые отношения с Пакистаном, проблему Кашмира, а в дальнейшем - ядерные амбиции Дели.

С 1995 г. оба государства поддерживают отношения в военной области. Объем кредитования Индией Казахстана был относительно невелик (20 млн. долл. в 1995 г.), недостаточно высок был и уровень торгово-экономического сотрудничества (15-20 млн. долл. в год). В сентябре 1996 г. в ходе визита вице-президента Индии К.Р.Нарайанана в Казахстан индийская сторона проявила интерес к сотрудничеству с Казахстаном в сфере ядерных технологий и оборонной промышленности. В декабре 1996 г. состоялся второй визит Н.Назарбаева в Индию, который подтвердил намерение сторон активизировать экономическое сотрудничество двух стран. Во время переговоров была затронута кашмирская проблема. Казахстан поддержал мирное и справедливое решение проблемы Кашмира на основе учета интересов всех заинтересованных сторон и международного права, то есть не солидаризовался ни с одной из конфликтующих сторон. В мае 1998 г. Казахстан выступил с заявлением по поводу ядерных взрывов на индийском полигоне Покхаран, в котором выразил озабоченность угрозой ядерной эскалации в Южной Азии.

В 2002 г. на саммите СВМДА в Алматы Казахстан и Россия сделали попытку нормализовать отношения между Дели и Исламабадом во время очередного обострения кризиса между двумя странами.

В целях укрепления инвестиционного имиджа РК в марте 1999 г. в Дели была проведена конференция, посвященная инвестиционным возможностям Казахстана. Аналогичная конференция была проведена и в марте 2002 г. В качестве перспективных направлений казахстанско-индийского сотрудничества определены нефтегазовый и аграрный секторы. В целом, экономическое сотрудничество не было сильным местом казахстанско-индийских отношений; в период пика интереса к Казахстану со стороны индийского бизнеса в середине 1990-х гг. в нашей стране были открыты 32 представительства индийских фирм. Основным препятствием для взаимной торговли остается объективный фактор сложной транспортировки товаров. Более активно развивались контакты в сфере культуры. Однако потенциал двусторонних отношений, который не был востребован в XX веке, остается еще очень высоким в XXI столетии с учетом сильной взаимной заинтересованности Индии и стран Центральной Азии, а также традиций партнерства между Индией и СССР.*

---

* Ибраев Р. Казахстанско-индийские отношения: состояние и перспективы // Казахстан и мировое сообщество. 1996. № 2. С.91-94; Шаумян Т.Л. Индия и государства Центральной Азии // Форум: Центральная Азия в Евразийской перспективе. Восток. 1996. № 5. С. 86-92.

А.Казанцев рассматривает интересы Индии в ЦА с точки зрения классической geopolитики. По его мнению, с политической точки зрения Индия не собирается уступать Пакистану ни в интенсивности, ни в масштабности сотрудничества с государствами Центральной Азии. К этому ее побуждает стремление не допустить чрезмерного сближения центральноазиатских государств с Пакистаном на основе исламской общности, которая могла бы привести их к пропакистанской позиции по кашмирскому вопросу. Планы Пакистана по созданию «общего рынка» восточно-мусульманских государств на основе ЭКО не могут не вызывать существенной озабоченности Индии. Ведь это сильно укрепит позиции ее «естественного» противника, а также отрежет ее от азиатского хинтерланда, изолировав на Индостанском полуострове.

Прогноз, который делает А.Казанцев относительно политики Дели выглядит следующим образом: идет медленный и до конца незавершившийся стратегический сдвиг в политике Индии. Наличие общих демократических ценностей и логика борьбы с исламским миром (представленным, прежде всего, Пакистаном) и Китаем приводит к тому, что она постепенно может превратиться в ключевого союзника США на юге Азии. В частности, поэтому проблематичными становятся планы России сделать Индию частью ШОС в плане формирования идеи Примакова о «стратегическом треугольнике» Россия–Китай–Индия. Интересам Индии куда больше соответственно было бы формирование треугольника в виде США–Индия–Россия. Но это в настоящее время невозможно из-за российско-американских противоречий и курса на стратегическое партнерство России с Китаем. В результате Индия в своей центральноазиатской политике, возможно, надолго обречена на «колебание» в выборе между США и Россией.

Нет сомнений, что эта держава имеет свои geopolитические интересы в регионе, которые детерминированы рядом факторов. К ним относятся следующие: партнерство с Россией; китайское присутствие в Центральной Азии; сближение Индии с Западом и США; соперничество с Пакистаном; угроза распространения воинствующего исламизма; транспортно-энергетические и торгово-экономические интересы Дели в Центральной Азии и соседних регионах.*

Проблема состоит в том, в какой форме и какими средствами будут реализовываться индийские интересы в Центральной Азии. Геополитическая картина в регионе остается чрезвычайно сложной. Ведущую роль по-прежнему играют три ведущих силы – Россия, США и Китай. Напрашивается

---

* Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. - Москва: Наследие Евразии, 2008. – С. 236-240.

вывод, что усиление индийских позиций в регионе готова приветствовать, прежде всего, Москва, которая видит в Дели своего традиционного стратегического партнера. Учитывая новый характер американо-индийских отношений, можно предположить, что Вашингтон будет согласен с расширением индийского присутствия, поскольку укрепление связей между странами Центральной Азии со светским и демократическим государством Азии, которой является Индия в глазах Запада, было бы, безусловно, стабилизирующим фактором.

Неясно, какова будет реакция Китая, но легко предположить, что Пекин не заинтересован в широком индийском присутствии в регионе, также и в возвращении российско-индийского стратегического партнерства к формату советской эпохи. Аналогичной является и позиция Пакистана, который каждый внешнеполитический шаг Индии рассматривает в строго в анти-пакистанском контексте. Но Исламабад не представляет собой значимого партнера для Центральной Азии и фактически имеет интерес только с точки зрения его влияния на ситуацию в Афганистане.

Таким образом, потенциал Индии для расширения своего экономического, военно-стратегического и геополитического присутствия в Центральной Азии существует. Как он будет реализован, зависит в первую очередь от состояния индийско-российских отношений, реализации ряда крупных коммуникационных и энергетических проектов, а также от объективных геополитических и географических факторов. Несмотря на кажущуюся географическую близость Индостана к Центральной Азии, прямая транспортно-коммуникационная связь между двумя регионами затруднительна.

И наконец, Индия является державой, прямо заинтересованной в расширении экономических связей с регионом и сохранении здесь стабильности. Аналогичными интересами руководствуются и сами государства Центральной Азии. Данный фактор является фундаментом для дальнейшей интенсификации связей между странами региона и Индией. Кроме того, по мере роста экономической и геополитической мощи Индии, как это происходит сейчас с Китаем, расширение ее влияния и амбиций неизбежно затронет в той или иной форме и Центральную Азию. Важно, чтобы в Дели помнили, что Центральная Азия всегда будет сохранять свои традиционные связи с Россией, будет оставаться частью «Евразии» как геополитического феномена, а также частью европейского (ОБСЕ) политического пространства.*

---

* См.: Комиссина И. Станет ли Индия полноправным участником «Большой игры» в Центральной Азии? // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 1. С. 68-80; Лаумулин М. Т. Современная политическая ситуация в Центральной Азии и интересы Индии // Перспективы укрепления казахстанско-индийского партнерства. – Алматы: КИСИ, 2006. – С. 15-62; Нирмала Д. Индия и Центральная Азия:

Глава 3. Пакистан и Центральная Азия

Пакистан никогда не скрывал своих намерений играть роль одного из региональных центров силы в Центральной Азии. Наш регион напрямую входит в орбиту геополитических интересов официального Исламабада. Однако до конца 2001 г. фактором, осложнившим взаимоотношения Пакистана с центральноазиатскими государствами, являлся Афганистан, или, вернее, главенствовавший там режим талибов. Исламабад был главным союзником движения Талибан со всеми вытекающими от этого последствиями. Со своей стороны постсоветские государства ЦА видели основную угрозу своей безопасности именно в афганском режиме. Это противоречие сыграло основную роль в политической непрочности пакистано-центральноазиатских взаимоотношений.*

На первом этапе Пакистан пытался использовать религиозный фактор, а именно ислам, как сближающую силу. Однако дальнейший опыт показал, что вопреки ожиданиям этот инструмент приносил прямо противоположный результат, отталкивая руководства центральноазиатских республик, подчеркивающих светский характер развития своих стран.

Экономическая составляющая заинтересованности Пакистана в сотрудничестве с центральноазиатскими республиками СНГ была основана, прежде всего, на сырьевом потенциале ряда из них. В связи с этим, одним из приоритетов для ИРП остается формирование транспортных связей с Центральной Азией, где особое внимание Исламабад обращал на создание магистральных путей сообщения через Афганистан.

измерение безопасности // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, IMEP). 2005. № 3. С. 8-17; Стобдан П. Контуры центральноазиатской политики Индии: выстраивание стратегического партнерства с Казахстаном // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 5. С. 130-144; Moore S. Peril and promise: a survey of India's strategic relationship with Central Asia // Central Asian Survey (Oxford). 2007. Vol. 26. Issue 2, pp. 279 – 291; Sahai P.S. India and Central Asia: staying engaged // Первый Форум по проблемам безопасности и сотрудничества в Центральноазиатско-Каспийском регионе. – Алматы: ИМЭП, 2008. – С. 99-111; India-Kazakhstan Perspectives. Regional and International Interactions. Eds. by K.Santhanam, K.Baizakova, R.Dwivedi. – New Delhi: ICAF, 2007. – XXII+270 pp.

* См.: Белокреницкий В. Пакистанский исламизм и Центральная Азия // Азия и Африка сегодня (Москва). 2004. № 9. С. 40-45; Нурша А. Политика Пакистана в Центральной Азии // Analytic (Алматы, КИСИ). 2006. № 6. С. 8-14; Приего А. Пакистан между региональными комплексами безопасности Центральной и Южной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 6. С. 63-83; Afzal A. India's growing Influence in Central Asia: Implications for Pakistan // Strategic Studies (Islamabad). 2003. Vol.23. No 3, pp.155-167; Akhbarzadeh Sh. India and Pakistan's geostrategic Rivalry in Central Asia // Contemporary South Asia (Basingstoke). 2003. Vol.12. No 2, pp.219-228.

Пакистан являлся одним из главных виновников возникновения реальной угрозы Центральной Азии со стороны воинствующего исламского фундаментализма из Афганистана во второй половине 1990-х гг. Это было следствием стратегии Исламабада по превращению региона в «мусульманский тыл» Пакистана в его конфронтации с Индией. Влияние пакистанского исламорадикализма на обстановку в Центральной Азии на следующем этапе меньше, чем в период господства в Афганистане движения «Талибан». Центральноазиатский регион ныне менее подверженным рискам деструктивного воздействия сил международного исламорадикализма.

Вместе с тем ни одна из базовых внутренних причин, вызывавшая угрозу дестабилизации самого Пакистана не устранена и кроется в реалиях социально-экономического и политического развития этой страны. Вольно или невольно Пакистан остается источником и генератором радикальной исламистской идеологии. Это подтверждается хроникой задержаний в странах Центральной Азии проповедников ваххабизма, активистов Хизб-ут Тахрир и других течений и сект, которые преимущественно являются выходцами из Пакистана или связаны с этой страной.

Выходцы из Центральной Азии и даже некоторое число молодых мусульман из России обучались в духовных школах и семинариях Пакистана с начала 1990-х гг. Часть из них, прежде всего узбеки, связанные с исламской партией Адолят (Справедливость), присоединились в свое время к боевикам Исламского движения Узбекистана (ИДУ), которое стало ведущей экстремистской организацией региона. Деятельность Хизб-ут-Тахрир нельзя считать связанный лишь с арабской проекцией радикал-исламизма; отделение Хизб-ут Тахрир в 2000 г. появилось в Пакистане и до последнего времени действовало там вполне легально.

Нужно также учитывать, что в Пакистане имеются свои центры просветительско-пропагандистской деятельности, типологически и функционально сходные с сетью Хизб-ут Тахрир. К их числу относится прежде всего организация Табли-ги Джамаат (Общество призыва, иногда она именуется Джамаат-и Таблиг). С Хизб-ут-Тахрир ее роднит пуританство и духовный ригоризм, а отличает менее выраженный политический радикализм, отсутствие призывов к ниспровержению властей и созданию единого исламского государства как неотложной цели джихада. Известно, что посланники и пропагандисты Табли-ги Джамаат (а также организаций, связанных с ДИ и рядом просветительско-благотворительных фондов и школ, в том числе суфийских) на протяжении последнего десятилетия проникали в Центральную Азию и вели там прозелитско-просветительскую деятельность. Пропагандисты из Пакистана, таким образом, способствовали усилению эффекта, который оказывает на местное общество международный исламизм.

С экономической точки зрения Пакистан, как и прежде, заинтересован в наращивании экономических связей со странами региона и не оставляет надежду построить трубопровод из Туркменистана в Южную Азию через свою территорию. В Пакистане считают, что сложились благоприятные условия для развития сотрудничества с Россией и странами Центральной Азии в транспортно-коммуникационной сфере через создание транспортных коридоров «Россия – Центральная Азия – Каракорумское шоссе –Пакистан» и развитие торговых отношений.

Наиболее активные торгово-экономические связи Пакистан поддерживает с Туркменистаном, что объяснимо с учетом заинтересованности Исламабада в осуществлении трубопроводного проекта. Туркменистан - единственная страна в регионе, которую за последние несколько лет 9 раз посетили президенты и премьер-министры Пакистана.

В январе 2003 г. в Ашхабаде президенты Туркмении и Афганистана С.Ниязов и Х.Карзай, а также премьер-министр Пакистана Мир Зафарулла Хан Джамали подписали межправительственное соглашение о строительстве трансафганского газопровода. Он протягивается от туркменского газового месторождения в Довлетабаде через афганский Кандагар в пакистанский Мултан. Газопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан рассчитан на транспортировку топлива с одного из крупнейших в мире туркменского месторождения Довлетабад, запасы которого составляют 1756,6 млрд. кубометров газа, в Центральный Пакистан.

Пакистан с населением около 148 миллионов является одним из самых перспективных рынков в регионе. Природный газ составляет 41.5% общего потребления энергии в стране. В настоящий момент, внутреннее производство природного газа в Пакистане приблизительно равно спросу на него со стороны различных секторов экономики, включая такие, как электроэнергетика и производство минеральных удобрений. Ожидается, что в ближайшие несколько лет спрос на природный газ в Пакистане резко возрастет и достигнет 36.7 млрд. куб. м. к 2005 г. в сравнении с 25.4 млрд. куб. м. в 2002 г. Азиатский банк развития (АБР) окажет финансовую поддержку Пакистану для строительства подземных хранилищ газа (ПХГ) в рамках проекта по строительству газопровода стоимостью 3 млрд. долл. из Туркменистана через территорию Афганистана.

Свои отношения с Исламской Республикой Пакистан Казахстан развивал с учетом сложных отношений этого государства с Индией. Первый официальный визит Президента РК Н.Назарбаева в Пакистан состоялся сразу же после его визита в Дели в феврале 1992 г. 24 февраля между двумя странами были установлены дипломатические отношения. В Исламабаде была подписана аналогичная казахстанско-индийской Декларация о принципах сотрудни-

чества между РК и ИРП, а также ряд других документов. В целях развития отношений и сотрудничества во всех сферах Казахстан и Пакистан создали межправительственную комиссию, в задачи которой входила координация контактов двух сторон в экономике, торговле, науке и культуре.

Расширяя свои отношения с Казахстаном, Пакистан преследовал цель повысить свое влияние в Центральной Азии, которую он рассматривал как часть исламского мира. Казахстан в своих отношениях с Пакистаном, особенно после 1996 г., исходил, прежде всего, из той роли, которую эта страна играла в Афганистане. Таким образом, казахстанско-пакистанские отношения развивались в рамках детерминированности со стороны геополитических проблем и соображений безопасности. Пакистан поддержал идею созыва СВМДА, выступая в то же время против некоторых пунктов обсуждаемых документов, касавшихся снижения ядерных вооружений в Азии. В августе 1995 г. состоялся визит премьер-министра Пакистана Б.Бхутто в Казахстан. В результате визита были подписаны документы по регулированию двусторонних отношений в правовой области. С лета 1995 г. оба государства начинают сотрудничать в борьбе против наркотиков.

В октябре 1996 г. состоялся официальный визит президента Пакистана Ф.Легари в РК. Товарооборот между двумя странами к 1996 г. достиг 12,5 млн. долл., основная часть которого приходилась на казахстанский экспорт. Невысок также был уровень кредитования со стороны правительства Пакистана (51 млн. долл.). Казахстан и Пакистан принимали участие в работе комиссии по разработке транспортных коммуникаций в Центральной, Восточной и Южной Азии. Пакистан проявлял также большой интерес к проектам трубопроводов, которые связали бы каспийские месторождения через Афганистан с Южной Азией. Исламабад выступил посредником по установлению неофициальных контактов казахстанской стороны с представителями Талибана, которые имели место в феврале 1999 г. в пакистанской столице.

В своей политике в отношении Казахстана и всего центральноазиатского региона Пакистан исходит из общности исторического и культурного наследия, религиозных традиций и географической близости. В реальности Пакистан стремился укрепить свои международные позиции за счет Центральной Азии, рассматривая государства региона как мусульманские. Однако и Казахстан, и другие страны региона строили отношения с Пакистаном не в ущерб своим отношениям с Индией. Казахстану отношения с Исламабадом важны в силу того, что Пакистан поддерживает СВМДА, является активным участником таких международных организаций как ОЭС и ОИК.*

---

* Москаленко В.Н. Пакистан - курс на Центральную Азию // Форум: Центральная Азия в Евразийской перспективе. Восток. 1996. № 5. С. 79-85.

Таким образом, Пакистан потенциально остается перспективным экономическим партнером для государств Центральной Азии, прежде всего для Туркменистана, Узбекистана и Казахстана в качестве будущего потребителя углеводородных ресурсов региона. Но нестабильность в Пакистане является потенциальным источником угрозы соседним регионам и государствам, включая Центральную Азию. Непосредственную угрозу нашему региону представляет также вероятность ядерного столкновения между Пакистаном и Индией из-за Кашмира.

Как считает российский автор А.Казанцев, в отношении Пакистана к государствам Центральной Азии существенную роль играют стратегические соображения, связанные с давним конфликтом между ним и Индией. У Пакистана, несмотря на явный недостаток ресурсов, также имеется свой проект для Центральной Азии. В его рамках культурно-исторические соображения неразрывно связаны с военными. В военно-стратегическом плане Индийский субконтинент очень часто завоевывался именно из Центральной Азии. В этом плане данный регион можно рассматривать как «стратегическую глубину» Пакистана.

Нестабильность в Афганистане выступала и до сих пор является одним из важнейших ограничителей на развитие отношений Пакистана с Центральной Азией. Афганская стратегия Исламабада оказалась глубоко ошибочной. Центральноазиатские политические элиты считали Талибан основной угрозой собственной безопасности, а поддерживающий его Пакистан, соответственно, воспринимали как скрытого врага. Поддержка США идеи «Большой Центральной Азии», казалось бы, могла способствовать продвижению пакистанских интересов. Тем не менее, постоянный рост внутренней нестабильности в самом Пакистане и неуспех войны США и НАТО с «Талибаном» в Афганистане привели к тому, что отношения с Центральной Азией не только не развивались, но, напротив, стагнировали.

А.Казанцев заключает: можно провести определенную параллель между результатами центральноазиатских политик Пакистана и Саудовской Аравии. Обе страны попытались использовать идеи и институты ислама для того, чтобы установить эффективные отношения со странами региона. В первом случае это выражалось в поддержке Талибана. Во втором случае – в помощи через различные исламские фонды религиозному возрождению в Центральной Азии. Однако в обоих случаях результат оказался отрицательным. Избранные методы политики лишь серьезно дестабилизировали регион.*

---

* Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. - Москва: Наследие Евразии, 2008. – С. 215-220.

Глава 4. Иран и Центральная Азия

Иран рассматривает отношения с республиками Центральной Азии как насущную необходимость, обусловленную декларируемой руководством страны задачей укрепления своих позиций в новом геополитическом ареале. В условиях сохранения элементов изоляции в 1990-е гг., в первую очередь со стороны США, ИРИ демонстрировал стремление усилить свое экономическое, политическое, культурное присутствие в регионе Центральной Азии. Данные устремления, по-прежнему, основываются на трезвой оценке выгодности своего географического расположения, относительно стабильной внутриполитической обстановки. Иран рассматривает свое благоприятное геополитическое и географическое положение как связующее звено между Центральной Азией и странами Ближнего Востока, Турцией, Европой. Именно в этом контексте Тегеран выстраивал свои отношения со странами региона.*

Одной из главных задач Тегерана являлось обеспечение безопасности своих северных границ. Причем эта задача трактуется как необходимость обеспечения и поддержания стабильности и безопасности в самих центральноазиатских государствах. Для Ирана выстраивание отношений с

* См.: Варнавский Д. Иран и государства Центральной Азии: генезис, состояние и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 2. С. 145-151; Джонстон У. Культурная политика Ирана в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа после 1991 г. // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 4. С. 126-139; Месамед В. Иран: 10 лет в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 1. С. 30-40; Месамед В. Ирано-туркменские отношения в эпоху перемен // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 4. С. 140-151; Место и роль Ирана в регионе. – Москва: ИВ РАН, 2007. – 220 с.; Мехди С. Интересы Ирана в Центральной Азии в свете «концепции устойчивого развития» // Каспийский регион: политика, экономика, культура (Астрахань). 2004. № 1. Санай М. Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии. – Алматы, 1997; Юлдашева Г.И. США, Иран и новые республики Центральной Азии // США и Канада (Москва). 2000. № 11. С. 95–102; Юлдашева Г.И. Центральная Азия в системе внешнеполитических приоритетов Ирана // Востоковедение. (Ташкент). 2004. № 1. С. 17 – 24; Efegil E., Stone L.A. Iran's Interests in Central Asia // Central Asian Survey. 2001. Vol.20. No. 3, pp. 353-365; Herzog E. Iran and the Former Soviet South. – London: RIIS, 1995. – IX+60 pp.; Herzog E. Iran and Central Asia // Central Asian Security. The New International Context. Eds. by Allison R., Jonson L. – London, Washington: RIIA/Brooking Institution Press, 2001, pp. 171-198; Herzog E. Regionalism, Iran and Central Asia // International Affairs (London). 2004 May. Vol. 80. No 3, pp.503-517; Katzman K., Nichol J. Iran: Relations with Key Central Asian States. – Washington, DC: Congressional Research Service Report for Congress, 1998; Niazi H. Security and Stability in Central Asia: Iran's View // Problems of Regional Security, Political and Economic Development of Central Asian Region in Context of Kazakhstan's Interests. – Almaty: Kaziss/OCSE/FES, 2003, pp.85-89.

государствами региона было важно в рамках общей политики выхода из международной изоляции. Центральная Азия рассматривалась как возможная основа для нормализации отношений с ЕС и государствами Юго-Восточной Азии. Стремление Ирана как можно быстрее выйти из международной изоляции изложено в программном выступлении президента ИРИ М. Хаттами на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1997 г.

Стратегическим фактором политики Ирана на центральноазиатском направлении являлась каспийская проблема. Сохранение доступа к каспийским ресурсам Тегеран стремится использовать как участие в каспийских делах для усиления своего политического влияния в регионе, с перспективой его применения в качестве одной из козырных карт в большой геополитической игре. Составной частью реализации внешней политики Ирана было его стремление максимально извлечь выгоду из своего геостратегического положения в качестве наиболее удобного маршрута транспортировки нефти и газа.

Стратегия Ирана в регионе строилась по следующей схеме: завершение строительства разветвленной сети внутренних транспортных коммуникаций, в частности, трубопроводов, которые бы соединили север страны с терминалами на побережье Персидского залива, а также трубопроводов, соединяющих страны Центральной Азии с коммуникационной сетью в Иране; строительство железной дороги Мешхед-Бандар-Аббас, которая сократила бы на 900 км расстояние от Центральной Азии до Персидского залива; скорейшее развитие экономической инфраструктуры провинций и свободных экономических зон страны. Через свободную экономическую зону Чабахар, расположенную на юго-востоке Ирана, пролегает самый короткий путь в страны Центральной Азии.

Тегеран постоянно в 1990-е годы усиливал давление на своих соседей, подтверждая свою приверженность принципу раздела Каспия на пять равных частей - по 20% каждому государству. Официальные иранские власти заявляли, что проблему правового режима Каспийского моря прибрежные государства должны решать только путем консенсуса, и Иран не допустит ущемления своих национальных интересов.

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Исламской Республикой Иран были установлены 29 января 1992 г. Иран занимает особое место во внешней политике РК. Оба государства являются соседями на Каспийском море и участвуют в течение многих лет в переговорах по правовому статусу Каспия. Иран представляет собой также ближайший выход для Казахстана к морским портам. Таким образом, на отношения РК с Ираном влияли, прежде всего, такие факторы как каспийский и

транспортный. С другой стороны, в начале 1990-х гг. существовали сильные опасения, что Тегеран попытается экспорттировать идеи исламской революции в центральноазиатский регион.

Первый официальный визит Президента Н.Назарбаева в ИРИ состоялся в конце октября – начале ноября 1992 г. В ходе визита были подписаны Декларация о взаимопонимании и сотрудничестве между РК и ИРИ и ряд соглашений, заложившие основу для сотрудничества в политической и экономической областях. Для координации сотрудничества в экономической сфере была создана межправительственная комиссия, начавшая работу в октябре 1993 г. Казахстан и Иран поставили цель развивать взаимодействие между своими предприятиями и фирмами, организовать судоходную линию для перевозки пассажиров и грузов на Каспийском море, установить автомобильное сообщение, совместно участвовать в строительстве Трансазиатской железной дороги.

Эти цели были подтверждены во время визита президента А.Х.Рафсанджани в Казахстан в октябре 1993 г. Механизм экономического сотрудничества заработал после визита казахстанского премьер-министра С.Терещенко во главе представительной делегации деловых кругов РК. В мае 1996 г. состоялся второй визит Н.Назарбаева в ИРИ, который ознаменовал начало нового этапа в казахстанско-иранских отношениях. В ходе визита была достигнута договоренность о поставках казахстанской нефти в иранские порты на Каспии по методу замещения. Стороны также договорились в принципе о целесообразности строительства трубопровода из Западного Казахстана на север Ирана и далее к Персидскому заливу. В это же время произошло соединение трансазиатской магистрали, означавшее установление прямого железнодорожного сообщения между двумя странами.

К началу нового века Казахстан и Иран подписали более 40 документов, охватывающих все сферы торгово-экономического сотрудничества и транспорта. Казахстанский лидер поддерживал тесные отношения и с новым руководством ИРИ. В мае 1998 г. в рамках саммита ОЭС в Алматы он провел переговоры с новым президентом ИРИ М.Хатами. Основными темами переговоров была проблема делимитации Каспийского моря, выбора маршрутов трубопроводов, мирное урегулирование в Таджикистане и Афганистане.

Товарооборот между двумя странами рос в течение всех девяностых лет и достиг к 1998 г. 160 млн. долл. (в 1995 г. – 60 млн. долл.). В 1998 г. наметились сдвиги в позиции Ирана по каспийской проблеме: Тегеран принял концепцию раздела Каспия и его ресурсов между прибрежными государствами, хотя ранее выступал против раздела шельфа. В 1999 г. состоялся третий визит казахстанского президента в Иран, который не привел к прорыву по каспийскому вопросу, но придал новую динамику

двустороннему сотрудничеству по правовым вопросам и совместной борьбе с наркотиками.* В апреле 2002 г. М.Хатами вновь посетил Казахстан в рамках своих визитов в страны Центральной Азии в условиях изменившейся после проведения антитеррористической операции в Афганистане геополитической ситуации в регионе.

Таким образом, каспийская проблема является одной из сложнейших для иранской дипломатии. С одной стороны, в течение многих лет Тегеран упорно отстаивал свою бескомпромиссную позицию на переговорах по правовому статусу Каспия. Но с другой стороны, после падения Ирака и нарастания американской угрозы Иран был вынужден идти на компромисс с Россией и другими участниками переговорного процесса. Таким образом, сейчас происходит вынужденный пересмотр всей прежней позиции ИРИ по Каспию. Проблема осложняется тем фактом, что на Каспии пересекаются интересы не только Ирана и России, но и кавказских и центральноазиатских государств, а также США и Евросоюза.

Каспийский регион - важнейший узел между Севером и Югом, Россией и Персидским заливом. Он находится в центре стратегического «энергетического эллипса», являющегося источником снабжения нефтью и газом рынков Европы и ЮВА. США нацеливают свои усилия на военно-политическую переориентацию стран Каспийского региона, рассматривая их в качестве объекта «геополитического манипулирования», а не как равноправных партнеров. В связи с этим Соединенными Штатами предпринимаются постоянные попытки установить контроль над основными транспортными и энергетическими объектами в районе Каспия. Иранская политика на каспийском направлении за последние годы напоминает синусоиду: Тегеран первоначально ужесточил свою позицию, а затем смягчил ее – как на переговорах в двустороннем формате, так и в многостороннем.

В целом, находясь под давлением нарастающей угрозы со стороны США после второй войны в Ираке и нуждаясь в стратегическом партнерстве с Россией, Иран начал демонстрировать признаки изменения своей позиции. Принципиально новым в иранской позиции стало заявление иранского представителя, что Тегеран готов рассмотреть выделение ему не сектора, а пятой части ресурсов Каспия. Такое заявление подразумевало участие ИРИ практически во всех каспийских проектах. Подобные высказывания вызвали как минимум недоумение некоторых стран, как умышленно затягивающие переговорный процесс.

---

* Казакстан-Иран катынастары (1991-1999 жж) // Казахстан в системе международных отношений. – Алматы, 2001. С. 135-138; Малеки К. Казахстанско-иранские отношения в документах 1992-1998 // Аму-Дарья. 1999. № 3. С.196-197.

Другой формой выхода из дипломатического тупика для Ирана стали двусторонние консультации с руководством стран региона. Особые надежды в сложившейся ситуации Иран возлагал на Туркмению - единственное государство, до сих пор до конца не определившееся со своей позицией в этой области. Именно на каспийскую проблематику был сделан упор во время состоявшегося 10-11 марта 2003 г. визита президента Туркменистана С. Ниязова. В ходе встреч руководства ИРИ с туркменским лидером иранцы пытались получить реальную поддержку Ашхабада на будущих каспийских встречах. При этом Тегеран даже пошел на уступки в вопросе объема поставок туркменского газа в Иран. Но в то же время двусторонние консультации между Ираном и Азербайджаном в июле завершились ничем. По-видимому, в отношениях с Баку Тегеран учитывал степень «американизации» партнера. На консультациях в Москве в июле 2003 г. иранская сторона вновь под давлением парламентской оппозиции заняла непреклонную позицию «отстаивания национальных интересов».

С 2003 г. Иран был чрезвычайно обеспокоен положением в регионе. Он фактически был окружен проамерикански настроенными странами либо государствами, где расположены американские войска или базы. В 2005 г. в Иране был выбран новый светский лидер – М. Ахманиджад. Как и при правлении реформаторов, новый президент намерен отдавать приоритет региональному подходу в международных отношениях. Наряду со странами исламского мира он имел в виду прикаспийские государства и республики Центральной Азии. В отношениях с государствами ЦА можно было наблюдать определенные изменения, связанные с тем, что Иран приобрел статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

В своей внешней политике новое правительство стало активно использовать преимущество своего членства в ШОС в качестве страны-наблюдателя (принят 5 июля 2005 г.). Антиамериканизм Ирана, видимо, наряду с его нефтегазовыми запасами, сыграл определенную роль в таком решении ШОС. Не исключено, что Китай и Россия в 2005 г. были готовы использовать антиамериканскую позицию нового правительства Ирана с целью противостояния активному проникновению США в Центральную Азию. Россия и Китай как члены ШОС приложили немало усилий к тому, чтобы «иранское досье» не было передано в СБ ООН. Однако отсутствие со стороны Ирана взвешенных решений по преодолению кризиса в отношениях с США и, главное, резкие заявления президента страны, осложнили ситуацию в деле сотрудничества ШОС с Ираном.

Для Тегерана в 2003-007 гг. сложилась непростая ситуация, при дальнейшем развитии которой и в случае неблагоприятного для иранского руководства стечения обстоятельств, он может вообще остаться в стороне при распределении каспийских ресурсов. Сложность положения для ИРИ заключается в том, что, продолжая придерживаться 20-процентного требования, иранцы сами себя загнали в дипломатический тупик. Стало очевидным, что четверка других прикаспийских стран не согласится с выделением Тегерану требуемой доли. Максимальная доля, на которую может рассчитывать Иран, составит 16-17% при благоприятном для ИРИ повороте переговорного процесса.

В комплексе отношений с государствами Центральноазиатского региона несколько особняком можно рассматривать связи Ирана с Туркменистаном, во многом диктуемые экономической и политической целесообразностью. Ни одну, ни другую сторону не интересовали внутренние коллизии партнера, а их международная изоляция еще более усиливала взаимное тяготение. Приход к власти в Иране консервативного крыла духовенства и усиление изоляционистских тенденций во внешней политике Туркмении укрепили прочный уровень добрососедства между Тегераном и Ашхабадом.

С Ираном у Туркменистана сложились традиционно добрососедские отношения, которые касались в основном вопросов экономического и энергетического сотрудничества. Были подписаны соглашения на поставку туркменского газа и электроэнергии южному соседу. Впервые свои энергосистемы Туркменистан и Иран соединили в конце 1990-х годов, когда совместно построили линию электропередачи Балканабад-Али-Абад. В марте 2003 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве в топливно-энергетическом секторе, включающем программы взаимодействия в области нефтегазового комплекса и электроэнергетики. Важнейшим пунктом одной из программ является реализация контракта на поставку туркменской электроэнергии сроком на 10 лет. По завершении всех этапов этой программы годовой экспорт электроэнергии в Иран составил бы 140 млн. долларов.

До последнего времени Тегеран и Ашхабад занимали близкие (по крайней мере, оба отвергали предлагавшийся РФ и РК принцип деления) позиции по статусу Каспийского моря, но начиная с 2004 г. позиция Туркменистана стала эволюционировать в сторону других стран СНГ.

Иран традиционно поддерживает тесные отношения с Таджикистаном, исходя из концепции родства двух народов. Они касаются в первую очередь культурных связей и оказания Тегераном гуманитарной помощи. В сентябре 2004 г. Душанбе посетил президент Ирана

М.Хатами и подписал с Раҳмоновым меморандум, в соответствии с которым Тегерану был обещан контрольный пакет в строящейся Сангтудинской ГЭС-1 на реке Вахш. Это был самый крупный экономический проект между двумя странами. Но он вызвал недовольство и противодействие России.

Несмотря на известный тезис бывшего президента М.Хатами о том, что Иран и Азербайджан - два государства одного народа, заметное в последние годы развитие американо-азербайджанского диалога сопровождалось стагнацией или даже снижением уровня взаимодействия между Баку и Тегераном. Предполагаемая интеграция Азербайджана в НАТО вынуждала его защищать интересы Запада в нефтяной сфере, что неминуемо входило в противоречие с позицией Ирана по добыче нефти в Каспийском регионе.

Двусторонние отношения осложнились в апреле 2006 г. в связи с проходившим в Баку 2-м Всемирным конгрессом азербайджанцев. Тегеран настойчиво потребовал от Баку извинений и объяснений по поводу того, что на указанном конгрессе ряд азербайджанцев открыто требовал «борьбы за независимость Южного Азербайджана». В мае 2006 г. в Иране в течение трех недель продолжались выступления этнических азербайджанцев, что также наложило негативный отпечаток на отношения между Баку и Тегераном.

Переход власти в Иране к консерваторам существенно не изменил ирано-кавказский диалог. Раздражающим Иран фактором по-прежнему оставалось желание кавказских государств строить систему региональной безопасности с привлечением внерегиональных партнеров. В частности, это сказывалось на отношениях с Арменией - самой близкой к Ирану в политическом плане страной данного региона. Усиление прозападных тенденций в политической жизни Грузии было способно также затормозить развитие связей между Тегераном и Тбилиси, однако они удерживались на приемлемом для обеих стран уровне, ибо имели для ИРИ стратегический характер.

Как вполне справедливо замечает Казанцев, на политику ни одного другого внерегионального игрока в Центральной Азии столь сильное негативное влияние не оказывают внешние для региона события и соображения, как на Иран. Ни для одного другого государства не просматривается также такой огромный разрыв между его реальными действиями

в Центральной Азии и их восприятием со стороны международного сообщества (прежде всего, Запада). Иран подозревали в стремлении «экспортировать» в этот регион идеи исламской революции и создать, таким образом, зону своего влияния. Основной целью «турецко-туркского» проекта для Центральной Азии было как раз не допустить реализации этой «угрозы».*

Этот автор задается вопросом: до какой степени были оправданы все эти страхи, и до какой степени разумной была соответствующая центральноазиатская политика США и Запада в целом? ИРИ отнюдь не стремится везде действовать в стиле идеологического конфликта. Подход, предпочитающий мирный диалог и сотрудничество, всегда занимал достаточно серьезное место в центральноазиатской политике Ирана. В этом плане ИРИ, в противоположность доминирующему восприятию Запада, чаще выступала в качестве стабилизирующего фактора в этом регионе, чем дестабилизирующего. При анализе истоков иранской политики в Центральной Азии, автор обращается к истории. Он отмечает, что граница между иранским и арабским миром, которые характеризуются очень высокой степенью взаимной неприязни, является главной, отделяющей западно-исламский (арабо-язычный) и восточно-исламский (ирано-, тюрко-, урдуязычный мир). Именно этот восточно-исламский мир, испытавший очень серьезное влияние персидской культуры, персы воспринимают как «свой».

Описанный комплекс идей сказался на формулировке «иранского проекта» для Центральной Азии. ИРИ видит этот регион как часть восточно-исламского мира, который пронизан историческим влиянием персидской культуры. При этом Центральная Азия является наиболее близкой к Ирану частью «восточно-исламского мира», по сравнению с другими его частями (Афганистаном, Пакистаном, Турцией). Культурно-географические представления Ирана о восточно-исламском мире оказались и в проекте ЭКО, включающем Иран, Турцию, Пакистан, Афганистан, Азербайджан и пять центральноазиатских стран. Благодаря своим огромным нефтегазовым ресурсам и несомненным экономическим успехам Иран претендует на лидерство в ЭКО. Наконец, Иран является ближайшим соседом Центральной Азии. Именно он контролирует крат-

---

* Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. - Москва: Наследие Евразии, 2008. – С. 207-214.

чайшие пути из этого региона в Европу и к Индийскому океану. В этом плане, перспективы роста сотрудничества ИРИ с Центральной Азией огромны. Затем автор переходит к анализу тех ограничений, которые не дали им реализоваться.

Важнейшим из них оказалась политика США по превращению ИРИ в «государство-изгой», связанная с идеологическим противостоянием на Ближнем Востоке. Однако существуют и серьезные ограничения в реализации «иранского проекта» собственно в Центральной Азии. Иран и страны рассматриваемого региона характеризуются значительными культурными различиями. Большинство коренного населения всех центральноазиатских стран, кроме персо-язычного Таджикистана, говорят на тюркских языках. Восточно-иранский мир давно вступил в этот регионе в синтез с тюркскойnomadicкой культурой. Общее равнодушие или враждебность тюркских народов к Ирану имеют глубокие исторические корни. Русификация и советская модернизация привели к существенным различиям между населением Центральной Азии и Ирана.

С политической точки зрения иранская модель экономической, политической и официальной жизни обладает весьма малой притягательностью для светских элит Центральной Азии. «Умеренная» позиция Ирана по отношению к Центральной Азии также объясняется его стремлением взаимодействовать с Россией. В экономике Центральной Азии Иран занимает довольно скромное место. В целом, заключает этот исследователь, Иран, несмотря на большой и пока нереализованный потенциал развития отношений, никак не является ключевым центральноазиатским игроком. Его роль в регионе была высокой, прежде всего, в том смысле, что анти-иранские мотивы играли очень важную роль в политике США в Центральной Азии.

Подводя итог, можно сказать, что для России и стран Центральной Азии ослабление Ирана или его крушение в качестве региональной силы имело бы прямые (и весьма серьезные) военно-стратегические, экономические и geopolитические последствия.

Глава 5. Новый «старший брат»? - Турция

После распада СССР одним из ключевых игроков, соперничавших за влияние и продвижение своих интересов в Центральной Азии, стала Турция. Анкара видела свою роль как государства-моста между Западом и Востоком, как представителя Запада в Центральной Азии. Основными инструментами в процессе укрепления влияния Анкары в новых тюркских

государствах были, во-первых, создание своего рода союза тюркофонных государств; во-вторых, интенсивное экономическое сотрудничество и инвестиции.*

Отношения Казахстана с Турцией занимают особое место во внешней политике РК. Турция была страной, которая целенаправленно выступала за независимость всех тюркских народов, и первым в мире государством, признавшим суверенитет РК. Политика Турции в отношении Казахстана строится не только из соображений политического и экономического сотрудничества, но и на принципе т.н. единой общности всех тюркофонных народов. Данный фактор оказывал сильное влияние на двусторонние отношения в первой половине 1990-х гг.

Турецкая Республика признала независимость Республики Казахстан 16 декабря 1991 г., что практически означало установление дипломатических отношений. Официальный протокол был подписан 2 марта 1992 г. Внешнеполитическая стратегия Анкары в отношении Казахстана строилась на основе как можно скорейшей интеграции РК в мировое сообщество. Фактически, двусторонние контакты имели место еще до официального

---

* См.: Варбанец П. Региональные центры силы и их политика в Центральной Евразии (турецкий вектор борьбы за лидерство в Центральной Евразии) // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 1. С. 51-59; Взаимоотношения Турции и Центральной Азии в контексте расширяющейся Европы. – Алматы: Дайк Пресс, 2006. – 424 с.; Чотоев З. Влияние Турции на развитие государств Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 2. С. 83-92; Чотаев З. О возможностях участия Турции в укреплении безопасности стран Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2004. № 4. С. 153-160; Юлдашева Г.И. Геополитические интересы Анкары в Центральной Азии в контексте ирано-американских противоречий // Халқаро муносабатлар (Ташкент). 2005. № 3. С. 28 – 32; Юлдашева Г. Новые внешнеполитические ориентиры Турции и государства Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 1. С. 60-67; Fuller G.E., Lesser O.E., Henze P.D., Brown J.F. Turkey's New Geopolitics from the Balkans to Western China. - Boulder, Oxford: Westview Press, 1993. - 197 p.; Gokay B., Langhorne R. Turkey and the new States of Caucasus and Central Asia. – London: HMSO, 1996. – 35 p.; Aras B. The New Geopolitics of Eurasia and Turkey's Position. Foreword by B.Rubin. – London, Portland (OR): Frank Cass, 2002. – VIII+110 pp.; Aray O., Eyyuboglu B. B. The new Independent States of Inner Asia and Turkey's policy. National Policy Research Foundation and National Institute for Research Advancement. – Tokyo: National Institute for Research Advancement, 1999. – XI+628 pp.; Gumpel W. (Hrsg.). Turkey as a political and economic Factor in Europe and Central Asia. – München: Sudosteuropa-Gesellschaft, 1999. – 93 S.; Winrow G. Turkey in Post-Soviet Central Asia. – London: RIIA, 1995. – IX+53 pp.; Winrow G.M. Turkey and Caspian Energy. – Abu Dhabi: The Emirates Center for Strategic Studies and Research, 1999; Zardykhан Zh. Turkey and Central Asia: From Fraternity to Partnership // Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective. Eds. By M.Estebar and N.de Pedro. – Madrid: Exlibris Ediciones, 2009, pp. 79-93.

признания независимости Казахстана. В сентябре 1991 г. была принята Декларация о принципах и целях взаимоотношений между двумя странами. В январе 1992 г. Казахстан начали посещать высокопоставленные турецкие политики, в марте нашу страну посетила правительенная делегация Турции во главе с министром иностранных дел Х.Четином.

Первый официальный визит премьер-министра Турции С.Демиреля в независимый Казахстан состоялся в апреле-мае 1992 г. Этот визит дал толчок к развитию двустороннего сотрудничества в различных сферах: инвестиционной, торгово-экономической, транспортной, строительной, культурной, подготовке кадров, развитии малого и среднего бизнеса, энергетике, создании нефтяной и транспортной инфраструктуры на Каспии, перевозке казахстанских грузов морским путем. Таким образом, уже в первый год были заложены основы для активного казахстанско-турецкого сотрудничества практически во всех областях политического, экономического и культурного взаимодействия.

База для многостороннего сотрудничества была закреплена в ходе официального визита Президента РК Н.Назарбаева в Турцию в октябре 1992 г. В рамках визита президентами двух государств Н.Назарбаевым и Т.Озалом было подписано соглашение о создании в г.Туркестан Казахско-Турецкого университета им. Х.А.Яссаяу. Н.Назарбаев принял также участие в первом Совещании глав правительств тюркоязычных государств и подписании Анкарской декларации. Контакты на высшем уровне между двумя странами продолжились в апреле 1993 г., когда с визитом в Казахстан прибыл Т.Озал. Турецкое руководство выразило политическую поддержку казахстанской инициативе по созыву СВМДА. Большое значение для развития двусторонних отношений сыграл второй визит Н.Назарбаева в Турцию в октябре 1994 г., в ходе которого был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве. В ходе визита Казахстан присоединился к Стамбульской декларации глав государств тюркоязычных государств, в которой выражалось стремление пост-советских республик к переходу на латинский алфавит.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. между руководством РК и Турции установилась традиция регулярных встреч на высшем уровне, причем такие встречи проходили не только в двустороннем формате, но и многостороннем – в рамках саммитов глав тюркоязычных государств, ОБСЕ, и ОЭС. Эта политическая традиция получила продолжение и в дальнейшем – во второй половине 1990-х гг. Она базировалась на существенном фундаменте экономического и культурного сотрудничества: к 1995 г. в Казахстане развивали бизнес свыше 150 турецких компаний и 320 совместных предприятий, была налажена регулярная транспортная связь; около полутора тысяч студентов из Казахстана проходили обучение

в Турции. Общая стоимость проектов, в которых участвовали турецкие компании и совместные предприятия оценивалась в 2 млрд. долл. Объем взаимной торговли приближался к 200 млн. долл. С 1992 по 1995 гг. Казахстан освоил турецких кредитов на 172 млн. долл. (из 200 млн. долл.). С декабря 1995 г. началось активное сотрудничество между двумя странами в банковской сфере.

В 1995 г. Казахстан с визитом посетили президент Турции С.Демирель (июнь) и премьер-министр Т.Чиллер (август). С середины 1990-х гг. в казахстанско-турецких отношениях действует новый фактор – проект каспийского трубопровода Баку-Джейхан. Активность турецких политиков была направлена на получение согласия Казахстана на участие в этом проекте. Казахстан в целом поддерживал проект, обращая внимание турецкой стороны на экономическую целесообразность этого проекта и его вероятную стоимость. В июне 1998 г. Астана принимала участников пятого саммита глав тюркоязычных государств, в рамках которого была принята Декларация по углублению регионального сотрудничества. В том же году Н.Назарбаев посетил Турцию с официальным визитом, который дал толчок к взаимодействию двух стран в области туризма. В октябре 1998 г. на саммите лидеров Азербайджана, Грузии, Казахстана, Турции и Узбекистана было принято совместное заявление о добыче и транспортировке нефти и газа. Этот саммит продемонстрировал заметное сближение позиций РК и Турции по проблеме альтернативных трубопроводов из каспийского региона. Эта тема была продолжена во время встречи Н.Назарбаева и С.Демиреля в июле 1999 г. В ноябре 1999 г. обе страны совместно с Азербайджаном, Туркменистаном и Грузией подписали Стамбульскую декларацию в поддержку нефтепровода Баку-Джейхан.

В октябре 2000 г., когда Казахстан посетил новый президент Турецкой Республики А.Н.Сезер, в политической повестке дня двусторонних отношений появился новый вопрос – совместное участие в борьбе с терроризмом. Сотрудничество в военной сфере между двумя странами развивалось с середины 1990-х гг., казахстанские офицеры проходили обучение в военных институтах Турции, военные двух стран принимали участие в военных учениях в рамках программы НАТО ПИМ. В марте 2002 г. Турция предоставила казахстанской армии безвозмездную помощь в размере 1,5 млн. долл.

После некоторого падения в 1997 г. объем взаимной торговли в конце века стабилизировался на уровне 200 млн. долл. В июне 1998 г. Н.Назарбаев предложил турецкой стороне программу развития торгово-экономических отношений между двумя странами, которая предполагала увеличение внешней торговли к 2007 г. до 1 млрд. долл. В целом, отношения Казахстана

и Турции резко выделяются на фоне аналогичных отношений РК с другими странами Среднего и Ближнего Востока. Помимо лингвистической близости, обе страны испытывают друг к другу серьезный политический и экономический интерес.

На Каспии Турция действовала осторожно и сдержанно, что связано с заинтересованностью в поддержании хороших отношений с Россией, экономическое сотрудничество с которой развивается быстрыми темпами. Основные интересы Турции в Каспийском регионе заключались в следующем. Во-первых, укрепление внешнеполитических позиций за счет государств Прикаспия.

Во-вторых, укрепление зависимости Запада от политики Анкары в регионе. Долгосрочной целью в этом плане является стремление добиться полноправного членства в Европейском Союзе, что по целому ряду причин на данном этапе представляется нереальным. Большая нефть давала бы Турции дополнительные рычаги влияния на Европейское сообщество и способствовала бы большей экономической и, как следствие, политической интеграции этой страны в структуры ЕС. В-третьих, обеспечение поставок энергоресурсов на внутренний рынок. Турция остается государством-импортером энергетических ресурсов.

В-четвертых, контроль над экспортными потоками каспийских углеводородов на мировой рынок. Анкара являлась главной движущей силой осуществления проекта основного экспортного трубопровода (ОЭТ) Баку-Тбилиси-Джейхан. Для повышения привлекательности данного проекта Анкара предприняла ряд жестких мер, ограничивающих проход нефтетанкеров через свои проливы. Мотивируя свои действия экологической ценностью проливов, Анкара тем самым, по-видимому, старалась уменьшить роль трубопроводов, ориентированных на российский порт в Новороссийске.

В ноябре 1999 г. на саммите ОБСЕ было подписано соглашение о строительстве нефте- и газопроводов, соединяющих Каспийское побережье с Турцией. Трубопровод длиной в 2000 км должен пройти по дну Каспия, затем по территории Грузии и Азербайджана - в Турцию. Предполагалось, что объем поставок газа по этому трубопроводу составит 30 млрд. куб. м в год. Межправительственное соглашение между Ашхабадом и Анкарой предусматривало ежегодную поставку в Турцию 16 млрд. куб. м туркменского газа в течение ближайших 30 лет. Подписание этого контракта вызвало негативную оценку со стороны России и Ирана. Другим перспективным проектом считался газопровод Туркменистан-Иран- Турция-Европа (Болгария).

Отношения Туркменистана с Турцией носили специфический характер. Турция является для Туркмении близкородственной тюркской страной (огузского корня); многие годы Анкара оказывала поддержку культурному

развитию республики и финансово-экономическую помощь Ашхабаду. Турция являлась непременным участником всех трубопроводных проектов из Туркменистана в западном направлении.

Все годы после распада СССР именно родственные туркменам турки являлись не только главными инвесторами, но и советниками Ниязова и его окружения. Турков в Ашхабаде рассматривали, как возможную альтернативу влиянию России и Ирана. Влияние турков на политическую жизнь в Туркменистане было очень велико. Однако, по некоторым данным, ситуацию изменили события, связанные с «мятежом» Б.Шихмурадова в декабре 2002 г. По результатам этих событий, несколько влиятельных турецких представителей были арестованы, а затем и высланы из страны. Скорее всего, Турция хотела бы сделать режим в Туркменистане более цивилизованным и менее одиозным. Кроме того, турки являлись проводниками Запада по проведению политики светской модернизации восточных обществ.*

Среди прикаспийских государств наиболее тесные взаимоотношения Турция поддерживает с Азербайджаном. Это вызвано очевидной исторической, культурной и этнической общностью, схожестью внешнеполитических приоритетов (ориентация на Запад), общей заинтересованностью в осуществлении проекта трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Сотрудничество двух стран распространяется практически на все сферы взаимодействия – от экономической до военно-политической. К примеру, в ходе инцидента между Азербайджаном и Ираном на Каспии летом 2002 г., Турция заявила о своей готовности выступить в защиту Азербайджана в случае военных действий.

Однако позиции Анкары в Центральной Азии, особенно в Казахстане, были не такие сильные как в Азербайджане. Возможно, это было связано с тем, что центральноазиатские государства первоначально не воспринявшим пантюркистские идеи Турции в первые годы независимости, продолжали опасаться активных турецких устремлений в регионе. В дальнейшем центральноазиатские государства предпочли налаживать отношения с Западом напрямую.

Малоэффективность усилий Турции, подозрительность со стороны России в отношении намерений Анкары, недопонимание порой местной специфики и неопределенность приоритетов обрекали политику Анкары на заметную половинчатость и явную непоследовательность в Центральной

---

* Нельзя исключать, что часть турецких представителей могла в принципе иметь контакты с людьми Шихмурадова на случай его возможного прихода к власти. Хотя официальная Турция поддерживает прежний уровень связей с Ашхабадом, но отношение президента Туркменистана к Анкаре изменилось.

Азии. Внешнеполитические позиции Турции в регионе были еще более ослаблены после надвинувшегося на нее экономического кризиса в конце 1990-х и начале 2000-х гг. и практически полного свертывания проектов внешнего финансирования. Однако на Кавказе политика Турции была более успешной. В 2008 г. Анкара начала налаживать контакты с Арменией, не теряя своего влияния на Азербайджан и Грузию.

Для Казахстана важно то, что Турция имеет тесные связи с Западом, является членом НАТО и ассоциированным партнером ЕС. Турцию одно время волновала активность курдской общины в Казахстане, но в целом она рассматривала Казахстан как дружеское и братское государство, важного партнера в торгово-экономической сфере, объект для инвестирования, одно из ключевых для ее стратегии государств в Центральной Азии и на Каспийском море, от которого зависит судьба трубопроводов через ее территорию. Оба государства нацелены на сохранение или развитие у них демократической и секуляристской республиканской модели, а свои цивилизационные и внешнеполитические ориентиры они связывают с Западом.

Представляет интерес привести альтернативную точку зрения. Так, российский автор А.Казанцев относит Турцию как участника геополитической игры к исламскому миру, а не к Западу, что, на наш взгляд, было бы логичнее. Какими аргументами руководствуется исследователь? Между Турцией и центральноазиатскими странами есть много общего и кроме идей тюркского единства. Турция точно так же, как и страны Центральной Азии, имеет мусульманскую культуру. Преобладающая в ней политico-правовая школа интерпретации ислама – ханифитский масхаб суннитского толка – распространен и в Центральной Азии. Однако Турции с самого начала недоставало ресурсов для серьезного влияния на Центральную Азию. Наиболее четко ограниченность ресурсов Турции проявилась в период кризиса «развивающихся рынков» в конце 1990-х гг.

Турция оказалась не в состоянии реально освоить потребительские и инвестиционные рынки Центральной Азии и Южного Кавказа. В настоящее время влияние Турции на центральноазиатские экономики в силу отсутствия у нее финансовых ресурсов, современных технологий, большого индустриального потенциала, исчерпывается, в основном, строительным бизнесом и экспортом товаров широкого потребления. Наибольшее значение идеология единства турок и Центральной Азии приобрела в Туркменистане. Почти все тюркские республики в Центральной Азии отказались от введенной в сталинские времена кириллицы, что, разумеется, отдало их от России. Однако ни в одной из центральноазиатских стран не был реализован проект создания общего с Турцией алфавита. В целом, заключает этот автор, период максимальной активизации «турецкого проекта» для Центральной

Азии пришелся на 1990-е гг., после чего он начал постепенно сходить на нет. Его результаты в плане продвижения интересов Турции, по сравнению с масштабами самого проекта, оказались достаточно скромными.*

* * *

Итак, в чем суть геополитического и международного положения Центральной Азии, ее реального места в мировой и региональной политике? Ответить на этот вопрос поможет книга С.Казанцева (Центр Евро-Атлантической безопасности МГИМО МИД РФ) «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия», в которой анализируется структура международных взаимодействий, сложившаяся в Центральной Азии в 1991-2008 годах, и ее влияние на региональные политики крупнейших государств мира.**

Во главу угла своего исследования автор ставит проблему: является ли Центральная Азия как отдельная часть мира «преходящим краткосрочным казусом», или существование этого региона представляет собой важную константу современной мировой политики. А.Казанцев обращает внимание читателей на такой важный с его точки зрения момент, что Центральная Азия как международный регион снова возникла относительно недавно, после распада СССР. В то же время, исторически традиционная для Центральной Азии геополитическая многовекторность, воплотившись в «пестроте» самого региона, превратила само его существование в тех или иных базовых очертаниях в объект политической борьбы между разными внешними силами.

Как уверен этот автор, все государства региона проводят многовекторную политику, ориентированную на сотрудничество с как можно большим количеством внешних партнеров. Это вызывает необходимость членства в очень разнообразных региональных организациях, представляющих абсолютно разные регионы мира. При этом государства региона по характеру внешней политики четко делятся на две группы. В одну входят Казахстан и Киргизия. Они стремятся к максимальной открытости для интеграции во всех возможных направлениях. При этом оба государства охотно участвуют в работе различных международных организаций и всегда выступают за расширение интеграции в их рамках, хотя не всегда столь же охотно соблюдают накладываемые этим ограничения. В другую

---

* Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. - Москва: Наследие Евразии, 2008. – С. 199-206.

** Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. - Москва: Наследие Евразии, 2008. – С. 241-247.

группу входят Узбекистан и Туркменистан. Они предпочитают не уступать многосторонним международным организациям полномочия национальных государств. Несмотря на членство в различных региональных организациях, предпочтительными для них являются двусторонние отношения. Таджикистан находится где-то посередине между этими двумя группами государств, хотя в последнее время он, скорее, эволюционирует в сторону второй модели.

Как считает Казанцев, в разных сферах (экономика, политика) у государств ЦА имеются разные ключевые партнеры. Ни в целом во всех сферах, ни даже в какой-то одной сфере ни для одной центральноазиатской страны невозможно выделить доминирующего внешнего партнера. Их давление везде сбалансировано, что позволяет центральноазиатским лидерам постоянно «играть» на противоречиях внешних сил. Важно отметить, что на протяжении небольших периодов времени происходит постоянная и быстрая смена иерархии внешних партнеров в интересах правящей группы. То есть, разные внешние влияния не только вступают в борьбу друг с другом, но они еще и нестабильны во времени. Более того, центральноазиатские государства, напротив, имеют очень существенный интерес в вовлечении в регион внешних сил, которые бы позволили им решить комплексные задачи выживания и внутреннего развития.

Казанцев обращает внимание, что в то же время здесь наблюдается определенный парадокс. С одной стороны, центральноазиатские государства нуждаются в каком-то внешнем партнере, который, как это делала Россия в советские времена, сможет решать комплексные проблемы региона. С другой стороны, по совокупности очень серьезных внутриполитических и внешнеполитических причин, имеющих глубокие исторические корни, они не готовы сделать выбор в пользу какого-то одного ключевого партнера. Поэтому в настоящее время они пытаются «втянуть» в регион как можно больше разнообразных сил.

В ситуации преобладания в Центральной Азии центробежных сил возникает конструирование ее как международного региона внешними силами. При этом каждая из внешних сил пытается сформировать регион в соответствии с собственными интересами, т. е. прежде всего создать в нем такие институты, которые бы способствовали долгосрочному вовлечению Центральной Азии в сферу влияния соответствующей державы. Парадокс при этом заключается в том, что сохраняющееся пока единство региона создается в результате не работой центробежных сил, а определенным равновесием центростремительных. Центральная Азия в настоящее время существует как отдельный международный регион потому, что разноправленные внешние силы не дают друг другу окончательно растворить

этот регион в других, прилегающих регионах мира. Важно подчеркнуть, что многовекторность внешних политик новых независимых государств Центральной Азии сама по себе – не краткосрочное явление. Это феномен уже в масштабах почти двух десятилетий, и он, при отсутствии каких-то серьезных изменений в существующей структуре мировой политики, вряд ли исчезнет за сроки меньшие, чем десятилетия.

Итак, какие общие выводы делает автор в своей книге? Он заключает, что наблюдаемое в современной Центральной Азии как международном регионе отсутствие устойчивых формальных и неформальных институтов несет с собой целый ряд негативных последствий. В частности, резко увеличивается региональная неопределенность, нестабильность, не создаются условия для продуктивного сотрудничества и реализации интеграционных проектов из-за высоких трансакционных издержек. По его мнению, ситуация большой геополитической неопределенности в регионе сложилась исторически. Она накладывается на высокую степень внутриполитической неопределенности в рамках неопатриотических систем и чрезвычайно нестабильные, но «многовекторные» внешнеполитические и внешнеэкономические контакты. Это также проявляется в членстве центральноазиатских государств в беспрецедентно большом количестве международных региональных организаций с противоречащими друг другу интеграционными векторами и обязательствами. На описанные выше факторы неопределенности накладывается, еще более их усиливая, высокая региональная нестабильность.

Внешние силы борются за идентичность региона, за присоединение его к тем или иным частям Евразии (постсоветское пространство, исламский мир, Европа, АТР). Частью этой борьбы является политика в области транспортных и энерго-транспортных маршрутов. Складывающаяся в результате структура региональных взаимодействий радикально отличается от «Большой игры» XIX в. Теперь в Центральной Азии имеется значительно большее количество внешних игроков.

Наличие таких коалиций «максимально высокого уровня» подтверждается следующими фактами: 1) все участники соответствующих коалиций поддерживают проекты интеграции стран Центральной Азии в сторону «своего» региона; 2) все они выступают за то или иное географическое направление развития транспортных маршрутов и, соответственно, за определенный, выгодный им способ включения региона в процесс глобализации и в мирохозяйственные связи; 3) все они используют для поддержания транспортных и интеграционных проектов сходную и дающую им преимущества культурно-цивилизационную идентичность центральноазиатских стран (западно-секулярную; постсоветскую или

евразийскую; мусульманскую; различные варианты азиатской); все также поддерживают соответствующий «их» идентичности «путь развития». Сами центральноазиатские государства также имеют возможность выступать в качестве игроков в своем регионе, будучи, по крайней мере формально, независимыми равноправными членами международного сообщества. Тем не менее, в реальности, им приходится непрерывно лавировать между интересами разных внeregиональных держав и коалиций, что создает очень нестабильную «многовекторную» политику.

Основной дилеммой для всех участвующих в регионе игроков оказалась дилемма «ответственность» или «свобода рук». Если внешний игрок пытается взять на себя ответственность за все, что происходит в регионе, то ему приходится: а) расходовать на это серьезные ресурсы; б) постоянно менять свою политику в соответствии с непрерывными колебаниями политической конъюнктуры, т. е. отказаться от какой-либо последовательной стратегической линии. Плюсом оказывается рост регионального влияния, который можно использовать для того, чтобы занять наиболее выгодные ниши в сотрудничестве с Центральной Азией.

Другая производная дилемма возникает в отношениях между внешними игроками. Любой игрок, берущий на себя затраты по стабилизации региона, неизбежно опасается, что другие игроки, которые таких затрат не несли, в чем-то его обойдут в плане внедрения в наиболее выгодные сферы взаимодействия. Поэтому все сотрудничающие друг с другом игроки, особенно из разных регионально-цивилизационных «коалиций», сочетают кооперацию с соперничеством. Если посмотреть на распределение государств по двум «полюсам» дилеммы «ответственность» - «свобода рук», то окажется, что на «полюсе ответственности» находятся Россия и США, на полюсе «свободы рук» - страны исламского мира. Выделяется также некий «средний путь», по которому пытаются двигаться ЕС и Китай.

По мнению автора, сложность складывающейся системы региональных взаимодействий в Центральной Азии заключается в том, что разные типы ресурсов несимметрично распределены между государствами – внешними игроками. Ключевые политические силы в регионе (по критериям политического влияния и военного присутствия) – Россия и США; к ним начинает приближаться Китай. Ключевые экономические игроки (по параметрам торговли, экономической помощи, инвестиций, ремиссий капитала трудовыми мигрантами) – Россия и ЕС; к ним также начинает приближаться КНР. Ключевые игроки в сфере идеологической и культурно-идентификационной (культурно-цивилизационная, историческая общность, привлекательность модели развития и предлагаемого региону проекта) – Россия, Турция, Иран; к ним постепенно начинают приближаться ЕС и Китай. В

реальности разные ресурсы превращаются друг в друга и могут быть взаимозаменяемыми. Например, культурная близость облегчает экономические и военно-политические контакты. Напротив, интенсивность последних повышает интерес к культуре соответствующей страны.

Наличие разных типов ресурсов и разные региональные стратегии в значительной мере определяют специфику и результаты политик разных групп стран в Центральной Азии в 1991–2008 гг. К первой группе относятся две страны, имеющие «сверхдержавные» традиции. Это – Россия и США. Они были готовы брать на себя ответственность за регион и имели для этого определенные ресурсы, прежде всего, в военно-политической сфере (на которые они и опирались). Обе страны постоянно делали попытки играть ключевую роль в формировании всех структур региона (геополитической ориентации, экономики, безопасности, культурно-идентификационных). У обоих государств, в результате, имела место концентрация преимущественно на политических мотивах сотрудничества с центральноазиатскими странами. Большое внимание они придавали геополитической борьбе друг с другом или с другими внешними игроками. Необходимость учитывать постоянно меняющуюся ситуацию приводила к нестабильности политик, постоянной смене проектов.

Ко второй группе стран относятся два расположенных поблизости экономических гиганта: Китай и страны ЕС. Они первоначально сконцентрировались на преимущественном использовании экономических ресурсов. Постепенный и неуклонный рост экономического влияния сопровождался конкретизацией политики и расширением сфер сотрудничества. В какой-то момент от простого стремления стабилизировать регион, для того чтобы обеспечить эффективное взаимодействие, на достигнутой экономической основе произошел переход к созданию интеграционных институтов. При этом на всех этапах для достижения региональных целей используется опора на другого политического игрока (Россия для Китая, США и Турция для ЕС). Возможно, именно этот «средний путь» (особенно в его китайском исполнении) и был наиболее оптимальной моделью построения центральноазиатской политики в 1991 – 2008 гг.

К третьей группе относятся, по мнению автора, например, страны исламской исторической традиции (Иран, Турция, Пакистан, Саудовская Аравия). Они имеют очень много «символических ресурсов» (т.е. моментов культурно-исторической общности), но явно недостаточно материальных. В результате, они пошли по пути формулировки интеграционных проектов, основанных на историко-культурных аргументах и не подкрепленных достаточными материальными (экономическими и военными) ресурсами.

В заключение автор формулирует три вывода 1) При движении с запада на восток постсоветского пространства видно существенное повышение геополитической неопределенности, имеющее глубокие исторические корни. 2) Сложившаяся в некоторых центральноазиатских странах неопатrimonиальная политическая система способна поглотить и потратить «нечелевым образом» очень большие (а, возможно, вообще любые) средства внешних спонсоров, направленные на реализацию тех или иных проектов развития. В силу того, что ряд стран Центральной Азии легко номинально принимает любые интеграционные проекты, не беря на себя реальных обязательств, нельзя считать вступление их в те или иные международные организации (или выход из них) признаком успеха или неуспеха политики внешних игроков.

Очевидно, что данная книга написана как рекомендация российскому политическому истеблишменту по выработке дальнейшей стратегии в отношении Центральной Азии. Однако, этот труд предоставляет политикам и политологам Центральной Азии шанс еще раз задуматься о дальнейших путях своего развития.

ЧАСТЬ III. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Глава 1. Внутренние и внешние проблемы Узбекистана

Узбекистан является уникальной страной центральноазиатского региона. Это единственная республика, которая граничит со всеми остальными государствами Центральной Азии. На территории всех без исключения соседей РУ, включая Афганистан, проживают крупные общины этнических узбеков. Эти факторы не могли не повлиять на характер внешней политики Ташкента и его отношений с соседями, который носят, безусловно, специфический характер.

Отношение внешнего мира к Узбекистану сразу же после распада СССР формировалось в благоприятных условиях. Для Запада Узбекистан казался своего рода «центральноазиатской Украиной» - страной, располагающей относительно крупным демографическим и экономическим потенциалом, чтобы противостоять восстановлению России своих позиций в ЦА.

Для (мусульманского) Востока Узбекистан был наследником и хранителем тысячелетних традиций, связанных с блистательным исламским прошлым региона, обладателем таких мусульманских святынь как Бухара и Самарканд. В Узбекистане видели также вторую по численности тюркскую страну в мире. Для (азиатского) Востока Узбекистан представлял собой густо населенную страну с сохранившимися традициями культуры и этики упорного и методичного труда, т.е. своего рода центральноазиатским аналогом восточноазиатских «тигров» (новых индустриальных государств). Предполагалось, что при создании благоприятного инвестиционного климата и импорта соответствующих технологий Узбекистан повторит путь стран АТР и ЮВА.

Однако, всем этим надеждам не суждено было сбыться; Узбекистан доказал, что действительно остается самым настоящим постсоветским государством со всеми вытекающими из этого факта последствиями. В экономике был сделан упор на формирование модели государственного капитализма, которая вскоре эволюционировала в экономику кланового типа.

Во внутренней политике сложился режим личной власти президента И.Каримова. Основатель современного узбекского государства в свое время пришел к власти с согласия Москвы, но на фоне национально-демокра-

тических настроений, свойственных всем национальным республикам СССР в эпоху перестройки. Уже к 1994 г. И.Каримов полностью очистил политическое поле от светской оппозиции. Но на смену демократам позднесоветской волны пришла оппозиция исламского характера, которая впервые открыто заявила о себе в феврале 1999 г., совершив неудачное покушение на И.Каримова. С этого времени исламская оппозиция, которую власти официально называют «ваххабитами», становится самым непреклонным противником режима. Период 2002-05 гг. характеризуется постоянными терактами, нападениями на посольства западных государств, участников антитеррористической коалиции.

Конец 1990-х и начало 2000-х гг. – это время бурных социальных волнений в Узбекистане, вызванных серьезными проблемами в экономике, крушением экономических реформ, низким уровнем жизни населения, постоянным вмешательством государства в экономическую жизнь, непоследовательной валютно-финансовой политикой Ташкента. Апофеозом социального напряжения и роста влияния исламского подполья стала кровавая драма в Андижане в мае 2005 г. Жесткое подавление восстания привело к резкому ухудшению отношений Ташкента с Западом.

Во внешней политике И.Каримов взял на вооружение принцип постоянного раскачивания между различными центрами силы. Сближение с Западом, которое обычно длилось 2-3 года, сменялось охлаждением отношений, сближением с Россией и возвращением в интеграционные структуры СНГ. На протяжении своей современной истории Ташкент последовательно портил или серьезно охлаждал отношения со всеми соседями по региону, партнерами и потенциальными союзниками: Турцией, Ираном, всеми республиками ЦА, Россией, США и Евросоюзом, а также международными финансовыми институтами, ОБСЕ и НАТО. Возможно, единственным исключением из этого ряда были отношения РУ с КНР, хотя и они видели моменты падения и охлаждения.

Однако, следует отдать должное проводимому И.Каримовым последовательному внешнеполитическому курсу, который заключался в том, чтобы при любых условиях сохранить свободу от любой формы внешней зависимости и самостоятельность Ташкента в принятии решений, даже если возникала непосредственная угроза безопасности и стабильности страны, как это имело место в сложные 1999-2001 гг.*

---

* См.: Васькин И. Основные направления внешней политики Республики Узбекистан. – Ташкент: Узбекистон, 1994; Васькин И. Основные направления внешней политики Республики Узбекистан. – Ташкент: Узбекистон, 1994; Critchlow J. Nationalism in Uzbekistan: A Soviet Republic's Road to Sovereignty.- Boulder (CO): Westview Press, 1991. – XXVIII+231 pp.; Kangas R. Uzbekistan

Узбекская экономическая модель

Узбекская модель экономического развития, сложившаяся в начале 1990-х гг., опиралась на государственные субсидии для поддержки промышленного производства и материальную помощь в социальной сфере. После 1996 г. экономическая система начала постепенно разрушаться под давлением собственных субсидий и управленческих решений. Экономика Узбекистана во второй половине 1990-х гг. продолжала выживать исключительно за счет валютных поступлений от экспорта товаров, в первую очередь хлопка и золота, приносивших в совокупности ежегодно около 3 млрд. долларов США. Этой суммы было достаточно, чтобы удерживать на плаву государственные предприятия и сохранять некоторые виды социального обеспечения. Но Узбекистан упускал «удобный момент» для серьезных политических и экономических реформ, а вероятность социальных потрясений в этой стране возрастает.

За прошедшее десятилетие после распада СССР в Узбекистане фактически сменилось три режима экономической политики: достраивание основ национальной экономики путем устранения структурных перекосов, унаследованных от советского прошлого (1992-1995); импортозамещение за счет централизованного перераспределения ресурсов, конфискуемых из аграрного сектора (1995-2000); относительная внутренняя либерализация экономики (2000-05 гг.). Во всех случаях власти достаточно легко переключали исполнительный аппарат с одного режима на другой. В общем плане способность быстро переформулировать цели и задачи экономической политики свидетельствовали о гибкости и мобильности узбекской бюрократии и высоком уровне исполнительской дисциплины.

Основные инвестиционные приоритеты Узбекистана определялись так называемой «программой второй индустриализации», проводимой в республике. Эта программа включала два основных направления в развитии инвестиционной деятельности. Первое направление - создание с помощью иностранного капитала предприятий, которые способствуют углубленной переработке минерально-сырьевых и сельскохозяйственных ресурсов. В

---

in the Twentieth Century. Political Development and the Evolution of Power. - New York: St. Martin's Press, 1995. – 304 p.; Fierman W. Language Planning and National Bohr A. Uzbekistan: Politics and Foreign Policy. – London: RIIA, 1998. – X+70 pp.; Gleason G. Uzbekistan: From Statehood to Nationhood // Nations and Politics in the Soviet Successor States. Eds. by I. Bremmer and R. Taras. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993, pp. 351-53.; Uzbekistan: Country Profile. – Washington, DC: Department of State, 2004; Focus on Uzbekistan // Central Asian Survey (Oxford). 2007. Vol. 26. Issue 1.

первую очередь речь шла о развитии и технологической модернизации горнорудной и нефтедобывающей отраслей. На них приходилось 30-40 процентов зарубежных инвестиций.

Второе направление - обеспечение форсированного развития новых отраслей, выпускающих импортозамещающую продукцию. Здесь приоритет отдавался созданию трудоемких видов производства, ориентированных на использование избыточных трудовых ресурсов страны. Такой был подход призван обеспечить приток иностранных капиталов в формирование промышленных комплексов с полным производственным циклом. Это позволит решить проблему занятости и не допустить превращение республики исключительно в поставщика сырья для индустриальных держав. В лидирующую тройку стран - экспортеров капиталов в Узбекистане входили Южная Корея (1 млрд. долл.), США (0,6 млрд. долл.) и Япония (0,5 млрд. долл.).

Узбекистан стал членом МВФ еще в 1992 году. В 1995 году МВФ предоставил республике два кредита: 144 млн. долларов для осуществления системных реформ и кредит «стэнд-бай» (предоставляется МВФ для согласованных с ним целей на год остро нуждающимся странам) в размере 185 млн. долларов на поддержку платежного баланса. В ноябре 1996 года выделение второго транша кредита «стэнд-бай» было приостановлено «в связи с невыполнением правительством республики согласованных условий сотрудничества».

В конце 1994 года правительство начало осуществление комплексной программы макроэкономической стабилизации и структурных реформ, поддержанной МВФ и Всемирным Банком. В 1996 году были значительно снижены темпы инфляции и возобновился экономический рост. Однако в этом же году положение резко изменилось из-за неурожая хлопка и оттоком капитала из страны. В начале 1997-го г. с целью развития импортозамещающей промышленности, пополнения золотовалютных резервов правительство ввело ограничения на импорт и конвертацию валюты. В результате выросла инфляция, сформировалась система множественных обменных курсов, в республике действовали тысячи нелегальных «обменных пунктов».

Чтобы защитить местный индустриальный сектор от внешней конкуренции, была ужесточена политика валютных и внешнеторговых ограничений. В республике произошел спад деловой активности. К середине 2000 г. по сравнению с 1996 г. объем золотовалютных резервов снизился вдвое, внешний долг вырос до 4,6 миллиарда долларов, увеличился отток капитала, который, по оценкам международных экспертов, ежегодно составлял уже порядка 600-700 миллионов долларов.

С 1996 г. после ужесточения валютного режима возникла тенденция к дезинтеграции Узбекистана из экономических связей центральноазиатского региона. Объем торговли Узбекистана со странами Центральной Азии сократился за период 1995-2002 гг. примерно в 2 раза. Основная причина сокращения торговли Узбекистана со странами региона коренилась в политике импортозамещающего развития экономики с упором на административные методы регулирования. Это вызывало экономические и политические трения с соседними странами.

Начиная с 2002 г. резко увеличилась западная помощь Узбекистану. В 2003 г. правительство РУ начало, хотя и непоследовательно, осуществлять либерализацию в финансово-валютной сфере. Наметились некоторые позитивные сдвиги в производстве, привлечении инвестиций, сельском хозяйстве. В то же время, небольшие тенденции к улучшению внутриэкономической ситуации сопровождались объективным ухудшением социального положения населения, ростом цен, неоправданными командными мерами в торговой сфере, что привело к резкому росту социального недовольства. Непреодолимым тормозом на пути реформаторской программы И.Каримова стала коррупция и неспособность созданного им аппарата осуществлять намеченные им реформы.

В Узбекистане рост капиталовложений был восстановлен в 1995 г. и с тех пор идет по нарастающей. В 1995-2000 гг. здесь наблюдалось не только увеличение массы инвестиций, но и норма накопления основного капитала оставалась по региональным меркам сравнительно высокой, достигая в отдельные годы 35%. Следует отметить, что реформаторская программа И.Каримова и его команды молодых технократов, сформированная на этапе либерализации экономики, пыталась использовать позитивный потенциал, которым располагал Узбекистан несмотря на целый ряд стратегических ошибок, допущенных при формировании нынешней системы государственного капитализма в первой половине 1990-х гг. Было уменьшено долговое бремя – с 4,9 млрд. долларов в конце 2000 г. до 4,36 млрд. в 2002 г. Существенных результатов Узбекистан в 2003 г. также достиг в сельскохозяйственной сфере в уборке зерновых – около 6 миллионов тонн, что практически полностью удовлетворило внутренние запросы.

В начале июля 2003 г. правительство республики обнародовало план действий по обеспечению конвертируемости национальной валюты по текущим операциям. Он был разработан при содействии экспертов последней миссии МВФ. Цель плана: в ближайшие 2-3 месяца принять все меры, необходимые для признания РУ страной, соответствующей стандартам восьмой статьи устава МВФ.

В октябре 2003 г. Узбекистан подписал 8 статью устава МВФ и принял обязательства по обеспечению конвертации своей валюты. Данное событие стало главным итогом не только года, но и десятилетия. Ождалось, что конвертация самым положительным образом скажется на состоянии экономики. В свое время эксперты МВФ просчитали два возможных сценария развития РУ на среднесрочную перспективу. Положение можно было изменить лишь кардинальными реформами. Учитывая важную роль, отводимую Узбекистану в реализации долгосрочных планов США в Центральной Азии, Ташкент серьезно рассчитывал на то, что международные доноры закроют глаза на отклонения фактической экономической политики от абстрактной схемы. Такое развитие событий было тем более вероятно, что главным донором Узбекистана являлась Япония. В отличие от бреттонвудских институтов, японская официальная помощь развитию нацелена на реальный, а не финансовый сектор и жестко не связана идеологией неоклассики. Опираясь на поддержку своего главного донора, Узбекистан имел неплохие шансы реализовать сценарий т.н. «декоративной либерализации».

Большие надежды в связи с интенсификацией экономического роста в конце 1990-х и начале 2000-х гг. Ташкент возлагал на развитие своей нефтегазовой промышленности и топливно-энергетического сектора. К 2003 г. в республике были разведаны запасы природного газа на 134 месторождениях, 53 из которых уже разрабатывались, и к промышленному освоению было подготовлено 48 месторождений. Из 29 разрабатываемых нефтегазовых месторождений 11 являлись конденсатными. Были подготовлены к разработке 63 месторождения газа, которые в своем составе также содержат конденсат. Величина прогнозных ресурсов нефти и газа оценивалась в денежном эквиваленте в сумму более 1 трлн. долл. В отрасли разработана «Генеральная схема развития нефтяной и газовой промышленности до 2010 года», в которой были взаимосвязаны вопросы геологии, производительности имеющегося или необходимого оборудования, возможности газотранспортной системы с потребностями Узбекистана.

Однако, запоздалый курс на финансовые и экономические реформы, который был начат в Узбекистане последние годы XX в., вызвал к жизни парадокс, заключающийся в том, что реформами и методами их проведения оказались недовольны как широкие слои населения, так и значительная часть экономической элиты.

Летом 1998 года президент страны Ислам Каримов заявил, что в 2000 году планируется ввести конвертируемость сумы по текущим операциям и подписать соответствующую статью устава МВФ. Однако к названному сроку реформы осуществить не удалось. После событий 11 сентября 2001 г., присоединения РУ к антитеррористической коалиции и сближения с

США правительство приняло специальный меморандум, адресованный МВФ, в котором пообещало ускорить рыночные реформы и обеспечить конвертацию по текущим международным операциям. Были повышены закупочные цены на хлопок и зерно, установлены более реальные тарифы на энергоносители, ужесточена денежно-кредитная политика и значительно уменьшена разница между официальным и «черным» обменными курсами. Тем не менее внешний долг страны увеличился до 62 процентов от ВВП, приток прямых иностранных инвестиций сократился вдвое.

В 2003-04 гг., несмотря на все утверждения руководства Узбекистана о стабильном экономическом росте, «крупных экономических достижениях в проведении реформирования» и официальные статистические данные, свидетельствовавшие об успешных макроэкономических показателях, основные экономические индикаторы говорили об ухудшении экономической ситуации в стране. Финансовая политика в рамках либерализации валютного рынка, носила в большей степени формальный характер. Выборочные ограничения на возможность конвертации являлись нарушением восьмой статьи устава МВФ, предусматривавшей конвертацию по текущим счетам без каких-либо ограничений. Правительство Узбекистана продемонстрировало нежелание конвертировать средства всем участникам рынка, продолжая прежнюю практику в тех или иных формах после либерализации 2003 г.

В докладе Всемирного Банка 2003 года отмечалось, что, несмотря на наметившийся экономический рост, Узбекистан по-прежнему оставался одним из наиболее экономически отсталых государств СНГ. Так, к примеру, ВВП снизился с 400 долларов на душу населения в 1998 г. до 300 долларов в 2002-2003 гг. За тот же период на 50 процентов снизился уровень заработной платы, а среднемесячная зарплата составляла 29 долларов. В докладе ВБ отмечается, что низкий уровень заработной платы в Узбекистане и задержки с ее выплатой (до 6 месяцев) вызваны продолжением политики государственного субсидирования и отказом от реструктуризации неплатежеспособных предприятий.

Ситуация в экономике в 2003 г. существенно усугубилась в результате низкого урожая хлопка - основной статьи валютных поступлений в страну (1,5 млрд. долларов США). В 2003 г. был собран самый низкий урожай хлопка за последние сорок лет – менее трех миллионов тонн (первоначально планировалось 3,75 млн. тонн, затем 3,6 млн.).

Кроме того, весьма негативно на развитие экономической ситуации в 2003 г. повлияло и введение в «целях защиты внутреннего рынка» 90% пошлины на ряд экспортимемых товаров широкого потребления (муку, сахар и т.д.). Итогом данной «торговой реформы» стало расширение

теневого бизнеса, разорение отечественных производителей, лишенных рынков сырья и сбыта, а также увеличение неофициальных платежей представителям госструктур, надзирающих за торговой сферой и рост общей коррумпированности. Начало процесса частичной экономической либерализации спровоцировало ослабление режима в целом. Узбекистан столкнулся с проблемой отложенного потребительского спроса. Предоставленная возможность приобретать валюту вызвала ажиотажный спрос для удовлетворения потребностей населения.

В начале 2000-х гг. обострились проблемы в аграрном секторе республики. Относительная зерновая независимость в Узбекистане была достигнута за счет перераспределения посевных площадей. Решение двух таких важных вопросов, как самообеспечение продовольственным зерном и топливом было достигнуто без учета цены вопроса. Так рост производства зерна был произведен за счет сокращения площадей под хлопок, что привело к снижению валютных поступлений от экспорта хлопка. В результате экспортно-импортный баланс страны остался на прежнем уровне. Кроме того, экономическая эффективность производства зерна в условиях Узбекистана уступала эффективности производства хлопка в среднем в 3 раза.

В то же время, узбекское село, в условиях тотального изъятия прибавочного продукта теряло стимул к производству продукции и медленно деградирует. Если в 1993 году машинами убирались 40% хлопка-сырца, то в 1997 году только 4%, а в 2002 году почти весь урожай в Фергане был убран вручную. Фактически, узбекское село стало основной жертвой экономической политики правительства. Именно здесь сосредоточился наиболее высокий потенциал социального протеста, направленного против государства и его политики. Немаловажно и то, что вследствие общего роста населения в Узбекистане постоянно увеличивается число именно сельских жителей.

В этот же период обострился индустриальный кризис. Ситуация в промышленности оставалась крайне тяжелой. В 2003 году в промышленности республики работало около 1600 средних и крупных производственных объединений и предприятий. Однако наличие столь значительного количества предприятий не означало, что все они работают в полную мощность. Среди крупных предприятий стабильно работал лишь Навойский горно-обогатительный комбинат. Такие гиганты узбекской индустрии, как Ташкентское авиационное производственное объединение им. В.Чкалова, Чирчикский хим завод, Алмалыкский химический завод, Алмалыкский металлургический комбинат и многие другие были загружены в лучшем случае на одну треть.

Наблюдалось снижение, причем вопреки экономической эффективности и социальной целесообразности, доли промышленности в структуре ВВП: с 22,7 % в 1990 г. до 14,1 % в 2002 г. Предприятия многих отраслей, получивших высокий уровень развития в предыдущие годы - машиностроение и металлообработка, электротехническая, радиотехническая, электронная - прекратили или почти прекратили свое функционирование. Значительно снизился удельный вес другой индустриальной отрасли - строительства: с 10,7 % в 1990 г. до 4,9 % в 2002 г. Это означало, что экономика республики работала в значительной своей части на текущее потребление. Ресурсы, направленные на будущее развитие, имели ограниченный характер. Отрицательные последствия спада инвестиционной активности для экономики выразились и в том, что значительная часть производственного потенциала республики физически и морально устарела.

Экономика Узбекистана относилась к закрытому типу. Закрытость экономики являлась одним из основных факторов низкой экономической свободы. Основной мерой протекционизма в Узбекистане был валютный контроль. После псевдо-либерализации 2002-03 гг. произошел перенос функций протекционизма с валютного контроля на повышение тарифов и монополизацию оптовой торговли. Этот период экономической жизни Узбекистана был насыщен шоками в виде закрытия оптовых вещевых базаров, границ с соседними странами, повышения импортных пошлин для «челноков».

При этом либерализация конвертации осталась далеко не завершенной. Частичная валютная либерализация и новые торговые ограничения не внесли оживления в сферу частного бизнеса, прежде всего малого и среднего, предприниматели не почувствовали значительного улучшения инвестиционного климата.

Таким образом, финансово-экономические реформы в Узбекистане в 2003-начале 2004 гг. столкнулись с большими трудностями объективного и субъективного характера. У правящей элиты Узбекистана возникли серьезные опасения того, что либерализация экономики может привести к серьезным социальным и политическим катаклизмам в Узбекистане. Возможности реального экономического реформирования Узбекистана тесно связаны с привлечением западной финансовой помощи. Между тем, сохранение административно-командных рычагов управления над экономикой, отсутствие реального реформирования, высокий уровень политических рисков, тотальная коррупция, ведет к низкой инвестиционной привлекательности узбекского рынка.

Реальные рыночные преобразования были несовместимы с сохранением политического статус-кво в Узбекистане. И.Каримов сделал ставку

на сохранение тотального государственного контроля над экономикой, что неизбежно привело к пробуксовке начатых реформ и более того – вызвало сопротивление со стороны части экономической, региональной и политической элиты. Определенное воздействие оказывало и объективное отсутствие серьезного давления снизу со стороны широких слоев узбекского общества, которое не готово к радикальным экономическим и политическим переменам.*

Рост социального недовольства и внутриполитический кризис

К началу нового века Узбекистан оказался охвачен глубоким социально-экономическим кризисом. Уровень жизни в стране остается достаточно низким. Средняя заработка платы составляет около 25 000 сумов, т.е. примерно 25 долларов США. При этом за последние годы цены практически на все виды товаров, продовольствие, услуги выросли в среднем в 2-4 раза.

Более 80% населения Узбекистана проживало к этому времени за чертой бедности, из них около 40% в состоянии крайней бедности (около 1 доллара США в месяц). В условиях катастрофического положения в экономике и массовой безработицы (уровень безработицы превышает 1,5 млн. человек) единственным выходом снятия определенной социальной напряженности являлась массовая трудовая миграция (более полутора миллиона человек с 1997 г.) в другие страны СНГ - главным образом, в Россию и Казахстан. Огромный отток населения из республики наблюдался из сельской местности, особенно среди наиболее активной части населения (мужчины до 45 лет). В отдельных районах Сурхандарьин-

---

* См.: Ибрагимов И. Экономическая политика и структурные преобразования в Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 4. С. 199-208; Мустафакулов К., Таксанов А. Узбекистан: десять лет экономической трансформации // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2001. № 6. С. 116-126; Тураева Ш. Этапы и логика приватизации в Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 3. С. 205-216; Crauner P. Rural and Agricultural Development in Uzbekistan. – London: RIIA, 1995; Eckert J.M. Das unabhängige Usbekistan: Auf dem Weg von Marx zu Timur. Politische Strategien der Konfliktregulierung in einem Vielvölkerstaat. - Münster: LIT Verlag, 1996; The Failure of Reform in Uzbekistan: Ways Forward for the International Community. – Osh/Brussels: ICG, 2004; The Labour Market, Wages, Income and Expenditures of the Population of the Republic of Uzbekistan. – Seattle (WA): University of Washington, 1998; Pomfret R. W.T. Resource Abundance, Governance and Economic Performance in Turkmenistan and Uzbekistan. – Bonn: ZEF, 2004. – 20 S.; Republic of Uzbekistan: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Report No. 00/36. – Washington: IMF, 2000 – 110 p.

ской, Кашкадарьинской, Самаркандской областях в отдельные сезоны проживало около 30% трудоспособного населения, остальные находились на заработках в России, Казахстане и Южной Корее. Имела место и некоторая миграция из страны в приграничные районы Кыргызстана и Туркменистана.

Узбекские власти нарочито усугубляли социальную обстановку. Были отменены все льготы для врачей и педагогов. Такая ситуация вела к по-головной коррупции в школах и больницах. Начиная с 2003 г. отмечается повсеместное значительное увеличение массовых акций протеста. Пикеты, митинги и забастовки по тем или иным причинам были в 2002 году в Узбекистане обычным явлением, что стало одним из симптомов увеличения социальной напряженности. В целом, социально-экономическая политика Ташкента в эти годы была несостоительной и вела к усилению, а не снижению социального недовольства.

События 16 февраля 1999 года (т.е. покушение на И.Каримова) привели к первой и второй волне массовых арестов. При любом удобном случае правоохранительные органы арестовывали именно мужское население в возрасте до пятидесяти лет. В такой ситуации наиболее активной и наиболее недовольной частью населения стали женщины. Практически все «базарные» бунты, которые постоянно проходили по стране в эти годы, были инициированы женщинами. Женщины перекрывали дороги, бастовали, обложившись канистрами бензина. Известны случаи самосожжения и джихадских взрывов.

Традиционно оппозиционную силу представляло в Узбекистане студенчество. Понимая это, власти пытались контролировать студенческие настроения, упреждая какие-либо проявления недовольства в этой среде.

Активная борьба властей с духовенством и верующими в целом не привела к подавлению или повиновению последнего. Его потенциал, особенно в Ферганской долине, позволял прогнозировать, что при появлении харизматического лидера 40% населения Узбекистана, сконцентрированные в регионе, поддержит его движение. К тому же высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, обостренные социальные отношения толкали население долины к поддержке религиозных экстремистов.

В такой непростой ситуации правящий режим опирался на милицию и службу национальной безопасности. И.Каримов продолжал сохранять все рычаги контроля, прежде всего при помощи многочисленного (более 1 млн. человек) силового аппарата (СНБ, МВД, армия и т.д.), над политической ситуацией в стране. Ресурсные возможности И.Каримова

возросли в определенной степени, вследствие установления тесного военно-стратегического сотрудничества с США. Режим умело использовал весь арсенал средств, главным образом, устрашения. Не последнюю роль в этом играли и криминальные структуры, которые практически срослись с государством. Огромные полномочия даны были в республике органам внутренних дел

Ключевыми индикаторами складывающейся в это время сложной политической ситуации в Узбекистане выступали инициированные И. Каримовым в экстренном порядке ряд мероприятий внутриполитического характера, направленные с одной стороны на максимальное обеспечение личной безопасности - принятие Закона об «основных гарантиях деятельности Президента Республики Узбекистан». Одновременно данные мероприятия были направлены на подготовку условий и соответствующих механизмов для легитимной и контролируемой передачи власти (реформа законодательной и исполнительной власти, важные кадровые перестановки). В этой связи главными событиями стали:

В сфере законодательной власти в 2003 г. были приняты конституционные законы «О Сенате Олий Мажлиса Республики Узбекистан» и «О Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан», которые определили статус палат Олий Мажлиса, порядок их образования, полномочия и механизмы взаимодействия друг с другом и иными органами власти. В сфере исполнительной власти наиболее важным стало исключение из конституции пункта, согласно которому президент одновременно является председателем кабинета министров.

В целом, данные внутриполитические мероприятия, связанные с реформами законодательной и исполнительной ветвей власти и с назначением нового премьер-министра в Узбекистане свидетельствовали о ряде намерений долгосрочного характера со стороны президента И. Каримова. С одной стороны, создавались политические условия для легитимной и контролируемой передачи президентской власти со стороны И. Каримова своему потенциальному приемнику. Существующие механизмы передачи власти в политико-правовой системе Узбекистана ориентированы в реальности не на эффективную ее передачу, а скорее на обеспечение нелегитимности любых претензий на власть со стороны ближайшего окружения президента.

Но с другой стороны, в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, к примеру, внезапной смерти президента, реальность применения данного акта была крайне мала и скорее служила провоцирующим моментом в борьбе за власть. Таким образом, посредством внесения конституционных изменений И. Каримов пытался избежать

возникновения данной ситуации и создать необходимые условия для контролируемой передачи власти. В то же время, данные поправки и дополнения к Конституции по формированию новой системы сбалансированности властных структур были нацелены на создание максимальных условий личной безопасности И. Каримова в постпрезидентский период. Во-вторых, вследствие данных внутриполитических событий произошла резкая активизация различных заинтересованных политических сил в ближайшем президентском окружении, объединенных и выступающих в качестве клановых групп или автономно. Вопрос о преемнике И. Каримова постепенно выходил на центральное место в политической жизни Узбекистана. В целом можно было говорить о том, что в Узбекистане борьба за власть из латентного, вялотекущего состояния постепенно переходила в открытую активную fazu.

Однако любое заметное ослабление позиций И. Каримова содержало серьезный риск дестабилизации политической ситуации. Выстроенная в пирамидальной форме властная система, на вершине которой находится И. Каримов, объективно имела жесткие временные ограничения и несла в себе огромный деструктивный потенциал воздействия на общественно-политическую ситуацию в республике. Как известно, политическая элита Узбекистана или ближайшее окружение Президента могло быть охарактеризовано как «псевдомонолитное». В реальности можно было говорить о существовании нескольких основных центров влияния на президента, в отношениях которых между собой был скрыт значительный конфликтный потенциал. Построенные по принципу фаворитизма отношения внутри ближайшего окружения президента генерировали постоянное острое соперничество между этими группами. В этой связи, было совершенно очевидно и закономерно, что при любом серьезном ослаблении позиций «главного патрона», вызванном разными обстоятельствами, в том числе и болезнью, был закономерен всплеск указанного конфликтного потенциала, который и наблюдается сегодня.

Центральный вопрос о претенденте на пост нового президента выступил в качестве мощного катализатора не только усиления внутриэлитного, межкланового противоборства, но и центростремительного процесса в отдельных основных клановых группировках, тем самым, способствуя их окончательному становлению в качестве влиятельных политико-финансовых центров силы. Учитывая, что основу этих политико-финансовых группировок составляли так называемые региональные кланы, а это, прежде всего: ташкентский и самаркандский кланы, между которыми и происходило основное латентное противоборство за власть и влияние в

стране. Именно представители этих двух клановых региональных групп занимали ключевые посты в политической и финансово-экономической системе власти в Узбекистане.*

Кланово-региональная структура политического ландшафта Узбекистана

Важно отметить, что на формирование узбекских клановых региональных элитных групп оказывала влияние не только региональная принадлежность. Узбекские политico-финансовые группировки являлись более гибкими, чем строго территориальный клан, так как помимо региональной общности, действовали и другие важные факторы, такие как доступ к финансовым ресурсам, родственные связи, дружеские отношения и прочие моменты субъективного и объективных характера, а также другие обстоятельства. Исходя из этого, в ташкентскую и самаркандскую политico-финансовые группировки, могли входить и входят представители разных регионов и национальностей, что в значительной степени усиливало ресурсные возможности каждого клана.

При этом, надо отметить, что данный расклад являлся по многим причинам достаточно условным. Это обстоятельство объяснялось достаточно высокой внутри и межклановой мобильностью ее членов, а также наличием ряда других важных автономных игроков на политической арене Узбекистана. То есть в реальности, политическая мозаика представляла

* См.: Марч Э. «Идеология национальной независимости» И. Каримова: обоснование и пропаганда // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 6. С. 97-108; Annual Report on International Religious Freedom 2000: Uzbekistan. – Washington, DC: Department of State, 2000; Berg A. Globale Konzepte versus lokale Realität. Eine Studie zu Nicht-Regierungsorganisationen im unabhängigen Usbekistan. - Baden-Baden: Nomos Verlag, 2003. - 240 S.; Fierman W. Political Development in Uzbekistan: Democratization? // Eds. by K. Dawisha and B. Parrott. Conflict, Cleavage, and Change in Central Asia and the Caucasus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997, pp. 360-408; Freedom House Report on Uzbekistan 2003. – New York: Freedom House, 2003. – 634 p.; Human Rights Watch World Report 2001: Uzbekistan. – New York: HRW, 2001; Lubin N. Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia. Report of the Ferghana Valley Working Group of the Center for Preventive Action. - New York: Century Foundation Press, 1999. – XX+196 pp.; Massicard E., Trevisani T. The Uzbek Mahalla; between State and Society // Central Asia. Aspects of Transition. Ed. By T. Everett-Heath- London, New York: RoutledgeCurzon, 2003, pp.205-218; Pétric B.-M. Pouvoir, don et réseaux en Ouzbékistan post-soviétique. – Paris: Presses Universitaires de France, 2002. – 299 p.; Republic of Uzbekistan. Crackdown in the Verghana Valley: Arbitrary Arrests and Religious Discrimination. – Washington, DC: HRW, 1998; Uzbekistan at Ten: Repression and Instability. - Brussels, Osh: IGG, 2001; Uzbekistan's Reform Program: Illusion or Reality? - Brussels, Osh: IGG, 2003.

более сложную композицию: существует несколько центров власти, в том числе и не входящие в клановые союзы и выступающие автономно. Однако было бы некорректным ограничивать рассмотрение основных субъектов политического процесса в Узбекистане исключительно анализом клановых региональных групп. В перспективе, под воздействием ряда факторов, не менее важное влияние на развитие ситуации как внутри, так и вокруг Узбекистана, могла оказать радикальная исламская оппозиция.

В целом, помимо собственно президента И. Каримова, играющего ключевую роль в Узбекистане, существенное влияние на развитие политической ситуации потенциально и реально оказывали следующие легитимные и неформальные политические субъекты: узбекские элитные клановые группировки; внеклановые политические силы; радикальная исламская оппозиция; внешние geopolитические игроки.

В период второй половины 1990-х и начала 2000-х гг. в стране действовал относительно сильный Президент, который формально и фактически занял позицию равноудаленности от всех иных центров, и это положение позволяло ему жестко контролировать социальные процессы, происходящие в обществе. Однако, это была внешняя сторона. Реально ситуация выглядела несколько иначе. Действительно, президент находился во главеластной пирамиды и фактически (а в некоторых случаях формально) руководил страной. Вместе с тем, существовали еще несколько центров силы, которые также имели реальную власть в стране. Формальное их подчинение руководителю страны не означало их относительной самостоятельности в принятии ряда важных, в том числе политических и кадровых решений.

Прежде всего, на тот момент необходимо было выделить два центра реально имеющих власть – группа З.Алматова (министр МВД) и группа Ш.Иноярова (председатель Службы национальной безопасности). Эти центры, помимо реальной силы, обладали и большими финансовыми ресурсами. Однако их взаимоотношения между собой и президентом носили сложный и противоречивый характер. Вместе с тем, во многом благодаря их усилиям в республике была создана атмосфера боязни и страха. С помощью этих структур полностью контролировались бизнес и финансовые потоки.

Клановая принадлежность в республике была размыта, а реальность значительно сложнее. Существовали интересы различных финансовых групп, которым покровительствуют эти так называемые кланы. Между ними находилась группа так называемых экономистов во главе с двумя совершенно разными по взглядам вице-премьерами, курирующими экономический блок в правительстве, Р.Азимовым и М.Усмановым. На более низкой ступени находились два «прозападника», которые пользовались относительной популярностью среди народа и кого считали наиболее

достойными преемниками (из окружения) на пост президента – министр иностранных дел С.Сафаев и министр обороны К.Гулямов. Фактически они принадлежали к четвертому центру – условно говоря, к «неореформаторам». Политические партии и движения в республике не играли никакой роли. Нельзя было сбрасывать со счетов и региональную элиту, особенно в Ферганской долине.

Традиционно в постсоветский период, наиболее влиятельным центром силы, сосредоточившим мощные людские, финансовые и прочие ресурсы являлся самаркандский клан. Данная политико-финансовая группировка объединяла главным образом представителей самаркандского и бухарского регионов, занимающих сегодня ключевые посты в политической и финансово-экономической системе власти Узбекистана.

Безусловным лидером самаркандского клана с крепкими финансовыми и политическими позициями являлся И.Джурабеков. Вместе с тем, несмотря на серьезный финансово-политический потенциал, сам Джурабеков вряд ли мог, учитывая его возраст (1930 г.р.), реально претендовать на пост Президента страны. Главным его протеже выступал глава МВД республики Закир Алматов.

Глава МВД обладал значительными политическими и финансовыми ресурсными возможностями. В Узбекистане из всех силовых структур, включая службу национальной безопасности (СНБ), министерство обороны и пр., МВД занимал прочное лидирующее по степени влияния и многочисленности место. Количество штатных милиционеров Узбекистана составляло свыше 100 тысяч человек (без внутренних войск) и около 40 тысяч из них находились в столице страны - Ташкенте. Кроме того, что наиболее важно, З.Алматов пользовался безусловным расположением самого И. Каримова, который заметно выделял его среди своего ближайшего окружения.

Среди представителей самаркандского клана, с явными президентскими амбициями можно было выделить Ш.Мирзиёева - премьер-министра Республики Узбекистан, который пользовался особым расположением И.Каримова и вовсе не исключал свои шансы на президентство. Таким образом, в самаркандском клане – как одном из наиболее могущественных и богатых кланов выделились явные фавориты, министр внутренних дел З.Алматов и премьер-министр Шавкат Мирзиёев, которые по ряду причин, являлись одними из наиболее сильных претендентов в президенты из ближайшего окружения Ислама Каримова.

В противовес самаркандской политико-финансовой группировке вокруг И.Каримова был сосредоточен другой ключевой узбекский клан - ташкентский. Сила ташкентского клана заключалась не только в его

геостратегическом факторе, но и в его гибкой политике подбора и расстановки кадров и при этом региональная и этническая принадлежность играли хоть и важную, но не единственную роль. В этой связи не случайно, что в разное время в ташкентский клан входили и входят как выходцы с ташкентского региона, так и с остальных регионов страны, прежде всего с джизакского и ферганских регионов, что в целом лишь усиливает позиции данной группировки.

По сравнению с самаркандским кланом, среди ташкентской группировки трудно определить одного явного неформального лидера. До определенного времени с явными претензиями на лидерство ташкентского клана выступал Т.Алимов - бывший советник по кадровым вопросам президента и руководитель контрольно-ревизионной инспекции администрации И. Каримова. В число доверенных лиц Т.Алимова входил руководитель СНБ Р.Иноятов, тесно связанный с ташкентским кланом. Глава СНБ считался главным силовым контраргументом в противоборстве с самаркандским соперником – главой МВД З.Алматовым. Одним из главных «козырей» главы СНБ являлась мощная база данных, в том числе компромат, на всех членов политico-финансовой элиты Узбекистана. Одним из принципиальных отличий «ташкентской» от «самаркандской» региональных элит являлась более четко выраженная фрагментация столичной группировки, как результат ее гибкой политики в подборе и расстановке кадров.

В начале 2003 года Каримов провел очередную кадровую чистку. Произошел уход со сцены И.Джурабекова и его сподвижников и приход новых людей, в том числе на место премьер-министра, что создало конфликтную обстановку. При этом произошло перераспределение не просто должностных мест, но и прибыли, получаемой от многих видов деятельности (в том числе от организованного наркобизнеса, который, как подозревали, контролировал Джурабеков). Характерно, что в 1999 г. взрывы прогремели также в тот момент, когда произошли большие кадровые перестановки и со своего поста ушел второй человек страны - И.Джурабеков.

В период независимого существования Узбекистана основная борьба за главные позиции в политической иерархии и контроль над наиболее прибыльными отраслями экономики велась между «самаркандцами» и «ташкентцами». Ферганский клан фактически отстранен от распределения власти на общенациональном уровне. Среди них нет политиков или чиновников общенационального масштаба. Однако потенциально «ферганцы» имели как минимум не меньшее значение для государства, поскольку выступали от лица почти трети населения страны (8 млн.

человек), к тому же наиболее исламизированной и склонной к оппозиционности по отношению к подчеркнуту антиклерикальному режиму И. Каримова. Открытое пренебрежение их интересами могло вызвать серьезные негативные последствия для режима. Многие аналитики связывают Андижанский инцидент именно с попыткой ферганского клана проявить президенту свое недовольство.

За десятилетие независимости в Узбекистане выросло новое поколение молодых политиков, которые получили образование на Западе, и они рвались к власти. Амбициозную, молодую политическую элиту явно не устраивало положение Узбекистана, экономически отстающего от соседей. Нельзя исключать, что в это время произошел явный конфликт между молодым и старым поколениями политиков, оформленный как борьба кланов. Нельзя исключать, что молодых косвенно поддерживал президент Каримов.

В конце 2003 г. И. Каримов нарушил негласное правило уравновешивания двух ведущих кланов, когда назначил на пост премьер-министра представителя самаркандского клана – Ш.Мирзиёева. По традиции при президенте «самаркандце» вторую по значимости должность государства должен был занимать наиболее лояльный представитель ташкентского клана. Более того, продолжающееся усиление позиций Ш. Мирзиёева делает его реальным кандидатом на место преемника

Однако в самом самаркандском клане подъем нового премьера привел к усилению внутренних противоречий. Фигура бывшего неформального лидера «самаркандцев» И.Джурабекова особо выделялась из числа отстраненных от власти. Долгое время он возглавлял аграрный сектор страны, занимал должность первого вице-премьера. Курируя хлопковые и частично кадровые вопросы, а также в силу своей длительной личной дружбы с И.Каримовым, он фактически выполнял функции «серого кардинала» узбекской политики. В январе 2004 г. И. Джурбаеков был отправлен в отставку с должности госсоветника по АПК по обвинениям в коррупции и самоуправстве. А в апреле 2005 г. (по непроверенным данным) он уехал из Узбекистана. От двух всплесков антиправительственной деятельности в 2004-05 гг. больше всех пострадало МВД, во главе которого стоял другой видный «самаркандец» З.Алматов.

Противовесом чрезмерному влиянию на него собственного самаркандского клана И. Каримов всегда видел приближенность к себе лидера ташкентского клана Т. Алимова. С 1991 по 2005 г. он занимал должность госсоветника президента по организационно-кадровой политике и был наиболее активным оппонентом И. Джурабекова. Однако в начале 2005 г. он был фактически отправлен в почетную отставку (руководителем «Ин-

тернационального культурного центра»). После ухода Т. Алимова право считаться лидером «ташкентцев», по всей вероятности, перешло к наиболее влиятельному из них главе СНБ Р. Иноятову.

Помимо собственно влиятельных территориально клановых структур существовали политические силы, формально возможно входившие в клановые структуры, но фактически действовавшие автономно. Так влиятельную политическую силу в стране представляли «нейтральный» бывший премьер-министр У.Султанов. Проработавший долгое время в России, он в известной степени был дистанцирован от кланов и негласно придерживается пророссийской ориентации. В случае форс-мажорного передела власти в Узбекистане, Султанов, по мнению аналитиков, мог рассчитывать на поддержку со стороны Москвы.

В последние годы И.Каримов начал делать ставку на молодых технократов с западным образованием в противовес прежним руководителям-хозяйственникам советской эпохи. Наиболее ярким представителем «новой технократической волны» являлся министр экономики и вице-премьер Р.Азимов, считавшийся одним из наиболее перспективных кандидатов в президенты. Что не маловажно, в условиях стратегического сближения с США, другими западными странами в начале 2000-х гг., Р.Азимов, получивший образование в США, обладал налаженными, хорошими связями с руководителями мировых финансовых и кредитных институтов.

В качестве вероятного преемника И.Каримова называли также министра иностранных дел страны С.Сафаева – второго мужа старшей дочери И.А. Каримова Гульнары. Сафаев мог тогда считаться наиболее реальным преемником И.А.Каримова, так как смог бы теоретически как член семьи, обеспечить гарантии безопасности для самого президента и его родственников. В период активной внутриполитической борьбы в республике в середине девяностых годов С.Сафаев находился за рубежом и, таким образом, практически не был связан ни с одним из узбекских кланов. Он устраивал практически все противоборствующие стороны внутри страны, а также Запад, где он долгое время работал и имел неплохие связи в политических кругах, и Россию, где имел целый ряд близких университетских друзей-бизнесменов и госслужащих среднего звена, выходцев из Узбекистана.*

---

* См.: Арифханова З. Традиционные сообщества в современном Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2000. № 4. С. 53-61; Толипов Ф. Узбекистан: советский синдром в государстве, обществе, идеологии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 6. С. 142-158; March A.F. From Leninism to Karimovism: Hegemony, Ideology and authoritarian Legitimation // Post-Soviet Affairs (Palm Beach, Fla.). 2003. Vol.19. No 4, pp. 307-336; Melvin N.J. Uzbekistan: Transition to Authoritarianism on the Silk Road. – London: Taylor and Francis, 2000.

Фактор исламской оппозиции

В сложившейся ситуации наиболее сложным вопросом являлась расшифровка роли радикальной оппозиции и ее связь с осуществленными терактами. Официальный Ташкент однозначно настаивал на том, что за терактами стояли исламские экстремисты (т.н. ваххабиты) в лице Хизб-ут-Тахрир. Однако анализ ситуации в Узбекистане не позволяет полностью согласиться с этой точкой зрения. Сложившуюся в это время ситуацию, связанную с проблемой распространения религиозно-политического экстремизма, можно было охарактеризовать как неоднозначную. С одной стороны, очевидно, что исламская радикальная оппозиция, учитывая ее значительно ослабленные ресурсы, потерю союзников-талибов в Афганистане, не располагала средствами, которые могли бы создать существенную угрозу режиму И. Каримова.

ИДУ, которое было почти уничтожено в сражении при Кундузе в северном Афганистане в декабре 2001 г., не организовывало никаких терактов в Узбекистане почти пять лет, и никаких нападений вообще в стране с 2001 г. Более вероятным кандидатом было бы Исламское Движение Туркестана (ИДТ), связанное с Аль-Каидой.

С другой стороны, слабость радикальных организаций и в целом исламской оппозиции носили временный характер, и ее инфраструктура могла быстро восстановиться. Но проблема заключалась не столько в существовании радикальных исламских группировок, а в угрозе масштабного расширения их социальной базы. Кроме того, радикальными исламскими группировками могли гипотетически воспользоваться клановые группировки, интересы которых могут войти в острое противоречие с политикой правящего режима И. Каримова, особенно в вопросе о преемнике.

На территории соседних с Узбекистаном Жалал-Абадской и Ошской областей Киргизстана фактически были легализованы ячейки Хизб-ут-Тахрир. При этом в них входили по преимуществу этнические узбеки. Попытки киргизской милиции просто закрыть ячейки Хизб-ут-Тахрир в Южной Киргизии встретили жесткий отпор неправительственных организаций и некоторых официальных западных структур.

Ответственность за теракты 2004 г. взяла на себя никому неизвестная «Группа Исламского Джихада» (ГИД), что само по себе являлось крайне подозрительным фактом. Неясна была также связь между ИДУ и новой организацией. Различные источники указывали на то, что ИДУ был реорганизован в Исламское Движение Туркестана (ИДТ), но уже с более широкой целью – объединение всей Центральной Азии в т.н. халифат. Даже в период его расцвета ИДУ могло действовать только спорадически, когда

позволяли сезонные условия. Его малочисленность, действия в изоляции и условиях сезонных ограничений позволяет сделать вывод, что ИДУ никогда не было серьезной угрозой для Ташкента.

По данным спецслужб США, России, Киргизии и некоторых других стран, ИДТ, созданное на базе Исламского движения Узбекистана, несмотря на существенные потери в ходе антитеррористической операции в Афганистане, все же сумело сохранить свое ядро. После гибели в 2002 году признанного командующего вооруженными формированиями ИДУ Джумы Намангани единственным лидером этой организации стал Т.Юлдашев. В настоящее время он руководит ИДТ вместе со своим первым заместителем Дильшодом Ходжиевым и командиром вооруженных формирований организации Улугбеком Холиковым.

Вооруженные отряды ИДТ в основном дислоцировались в неконтролируемых центральными властями районах Афганистана на юге и юго-востоке этой страны. Они сражались главным образом в составе отрядов талибов. С ними также тесно сотрудничали члены уйгурских сепаратистских организаций. В последующее время эти отряды численностью в 25–30 человек были переправлены в различные лагеря в горных районах Пакистана. Появление нескольких группировок ИДТ было зафиксировано в граничащей с Таджикистаном афганской провинции Бадахшан.

В первой половине 2000-х гг. действовал ряд неофициальных представительств ИДТ – «дафтаров», которые были расположены в Таджикистане, Афганистане, Иране, Пакистане и Турции. Лидеры организации восстанавливали связи со спонсорами из международных террористических организаций и своими сторонниками в других странах, в том числе и государствах Центральной Азии, осуществляли сбор денежных средств и вербовку новых боевиков, готовясь тем самым к возобновлению террористической деятельности. Имелись также сведения, что Юлдашев проводил переговоры с международными террористическими организациями и нелегальными структурами, занимавшимися торговлей оружием, о покупке нескольких переносных зенитных ракетных комплексов «Игла». Судя по всему, деятельность ИДТ и попытки проникновения его боевиков сдерживались в основном властями Северного Афганистана и силами международной коалиции.

Вероятный курс действий Ташкента могло иметь несколько скрытых последствий, из которых ни одно не было благоприятно Каримову. Если его режим усиливал репрессии против Хизб-ут-Тахрир, то усиливались ответные атаки. Это приводило к повторению порочного круга, когда атаки приводили к жестким облавам, пыткам и заключению членов Хизб-ут-Тахрир – акциям, которые вызывали международное осуждение Узбекистана.

В более широком масштабе, популярность таких групп как Хизб-ут-Тахрир, которые не использовали насилия, не сотрудничали с режимом, была широка и имела предпосылки к росту. В авторитарном Узбекистане не было умеренных сил, для многих Хизб-ут-Тахрир представлял единственное жизнеспособное средство для активности.

Масштабы репрессивной политики, проводившейся Ташкентом в отношении «ваххабитов» после 1999 г. и особенно после 2001 г., не позволяли говорить о существовании организованного подполья, несмотря на широкое социальное недовольство в стране. Характер проведенных терактов, их синхронность, количество использованных взрывчатых веществ, число задействованных боевиков, все это наталкивало на мысль об участии в подготовке терактов неких структур, располагавших такими возможностями и предоставивших террористам условия для проведения акций.

В конце марта – начале апреля 2004 г. в Узбекистане имела место серия террористических актов, которые привели к большим человеческим жертвам и серьезно обострили внутриполитическую ситуацию в РУ, вызвали заметный резонанс в Центральной Азии, отразились на системе региональной безопасности и на международной политике. Вероятность подобных террористических актов была довольно высокой и прогнозировалась, несмотря на успехи антитеррористической операции в Афганистане и поддержку, оказываемую Ташкенту Соединенными Штатами и Западом. В качестве основной причины терактов называли, как правило, рост социальной напряженности, вызванный в свою очередь глубоким экономическим кризисом, переживаемым Узбекистаном, а также политическими причинами: чрезмерно жестким, репрессивным режимом президента И.Каримова, коррупцией госаппарата и т.д.

Эта точка зрения («социальная версия») активно муссировалась мировыми СМИ и в той или иной форме озвучивалась западными представителями. Однако, анализ политических и экономических процессов, развивавшихся в Узбекистане и вокруг него, несмотря на действительно серьезное положение в социально-экономической области и относительно широкое недовольство населения, позволял сомневаться в полноценности данной версии. В свою очередь, официальный Ташкент настаивал на «террористической» версии происшедшего: теракты являлись продолжением политики, проводимой международными террористическими организациями и нацеленной на свержение светского режима в Узбекистане и установление исламского государства.

Официальное объяснение причин терактов также имело право на существование в силу исторической инерции (взрывы 1999 г., вторжения

боевиков ИДУ в 1999 и 2000 гг., активность исламской оппозиции и т.д.) и международного контекста (продолжение антитеррористической операции, ухудшение ситуации в Афганистане и Ираке, теракты в Москве и Мадриде). Тем не менее, анализ реалий внутриполитического положения в Узбекистане, масштабы деятельности полицейской машины, созданной И.Каримовым, плотный контроль за обществом – все эти факты позволяли частично отвергнуть «террористическую версию» и давали основания для разработки третьей версии: взрывы были вызваны очередным раундом обострения борьбы за власть внутри узбекских региональных элит и кланов.

Определенное провоцирующее влияние мог оказать и внешнеполитический фактор: усиление критики режима И.Каримова со стороны международного сообщества, недовольство Вашингтона внутренней политикой Ташкента в социальной и политической сфере, разочарование в экономической политике Узбекистана со стороны внешних инвесторов и международных финансовых институтов.

Таким образом, имевшие место теракты могли быть, скорее всего, следствием стечения ряда обстоятельств и совпадения одновременно нескольких факторов: социального недовольства, возрождения террористической инфраструктуры, полицейского манипулирования оппозиционным подпольем, нарушения внутриполитического баланса сил и обострения противоречий внутри узбекских элит, стремления недовольных узбекских политиков послать «сигнал» лидеру, и в свою очередь, заинтересованности руководства РУ в том, чтобы поднять интерес к Узбекистану со стороны Запада и получить предлог для укрепления существующего режима путем усиления репрессий.

Следует обратить внимание на отчеты западных организаций по Узбекистану и региону Центральной Евразии. Они носили явно антикариловскую тональность. При этом И.Каримов имел очень узкое пространство для политического маневра, и это пространство сужалось до желаемого антикариловским группам в США и странах Европы коридора. Фактически, И.Каримова подталкивали к неким желаемым (для Запада) решениям (усиление репрессий).

В то же время, теракты были следствием тщательно законспирированного полицейского заговора с участием официальных структур, при этом исполнители, скорее всего, не догадывались об истинной сути происходящего. В результате И.Каримов получил долгожданные аргументы: во-первых, для диалога с Западом; во-вторых, для усиления репрессий; и главное, для устранения всех недовольных внутри властной элиты. Но для коренной смены ситуации в стране, проведения экономических

и политических реформ, была необходима ломка всей сложившейся политической системы. Этот фактор и мог быть основным противоречием пост-каримовской эпохи.

Европейской банк реконструкции и развития (ЕБРР) сдержал свое обещание сократить помочь Узбекистану в том случае, если власти республики не выполнят ряд условий, выдвинутых год назад руководством международной организации. Крупнейший кредитор Центральной Азии сворачивал свою деятельность в Узбекистане главным образом из-за имеющих место «политических репрессий» и недостаточности экономических реформ в стране.

Наибольшую угрозу для Ташкента по периметру государственной границы представляло ослабление контроля со стороны Бишкека над южными областями Кыргызстана. На этом этапе этот регион представлял собой более удобную базу для боевиков ИДТ (ИДУ) и «Хизб-ут-Тахрир», чем северные районы Таджикистана. Четкое намерение решать данную проблему продемонстрировали встречи президента и главы СНБ Узбекистана со своими кыргызскими коллегами в 2006 г. Причем было похоже на то, что инициатива этих встреч исходила из Ташкента. Чуть ранее спецслужбы Кыргызстана провели ряд операций по задержанию активистов ИДТ (ИДУ) в Ошской и Жалал-Абадской областях.*

---

* См.: Мирсайитов И. Исламское движение Узбекистана: этапы развития и современное состояние // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 6. С. 130-134; Мусаев Б. Религиозный экстремизм – угроза безопасности Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2000. № 5. С. 70-77; Мусаев Б. Ислам в современном Узбекистане: созидательный потенциал и проявление угроз // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 3. С. 155-165; Рузалиев О. Исламское движение Узбекистана: штрихи к «портрету» // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2004. № 3. С. 24-36; Тодуа З. Радикальный ислам в Узбекистане: этапы становления и перспективы развития // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2005. № 1. С. 41-48; Ibrahim D. The Islamization of Central Asia. A Case of Uzbekistan. – Leicester: The Islamic Foundation, 1993. – 32 p.; Burgess M. In the Spotlight: Islamic Movement of Uzbekistan. – Washington, DC: CDI, 2002; Creating Enemies of the State: Religious Persecution Uzbekistan. Human Rights Watch. – New York: HRW, 2004. – 303 pp.; Halid A. A Secular Islam: Nation, State and Religion in Uzbekistan // International Journal of Middle East Studies (Cambridge, Mass.). 2003. Vol.57. No 4, pp.573-598; Hanks R. The Islamic Factor in Nationalism and Nation-Building in Uzbekistan: Causative Agent or Inhibitor // Nationalities Papers. 1994. Vol. 22. No 2, pp. 309-323; Security and Stability in Uzbekistan: Challenges, Threats and Solutions. Royal Military Academy. – Sandhurst: Conflict Studies Research Centre, 1998. – 9 p.; Zanca R. Explaining Islam in Central Asia: an anthropological Approach for Uzbekisnatiu // Journal of Muslim minorities Affairs. 2004. Vol.24. No 1.; Megoran N. Author-Critic forum: ‘Radical Islam in Central Asia’ // Central Asian Survey (Oxford). 2007. Vol. 26. Issue 1, pp. 141-154.

Андижанские события

События 13-14 мая 2005 г. в Андижане, безусловно, стали значительным потрясением для узбекистанского общества. Впервые силовые структуры открыто и массово применили огнестрельное оружие против большой группы митингующих граждан, большинство которых было безоружно (пусть даже среди них и были вооруженные боевики). Во всех предыдущих случаях открытого применения оружия (в ходе волнений среди студентов в 1992 г., взрывов 1999 и 2004 гг., вторжения «исламских» боевиков в Сурхандарьинскую область в 2000 г.) властям приходилось иметь дело лишь с небольшими группами вооруженных экстремистов. Жестокость подавления мятежа в Андижане оказала скрытое шокирующее влияние на население Узбекистана. Предпринятыми после Андижанского инцидента шагами И. Каримову удалось удержать внутренние процессы под видимостью контроля и обеспечить определенную стабилизацию общественно-политической обстановки.

Несмотря на отрезвляющее действие Андижанского инцидента на широкие массы недовольных режимом И. Каримова граждан, протестный потенциал среди населения и возможности повторения подобных событий все равно оставались достаточно высокими. Свидетельством этого являлись мирные, но очень активные протесты торговцев против попыток госорганов ограничить работу базаров в Самарканде в августе 2005 года. После подавления мятежа в Андижане, правительство усилило репрессии против представителей гражданского общества и оппозиции. Наиболее яркими его примерами стали фактическая ликвидация нового умеренно-оппозиционного движения «Серкуеш Узбекистоним» (Мой солнечный Узбекистан), продолжение гонений на небольшие группы «правозащитников», негосударственные общества. Основавшие его известные бизнесмены С.Умаров и Н. Хидоятова оказались осуждены по сомнительным обвинениям в экономических преступлениях (Н. Хидоятова была позже амнистирована). «Серкуеш Узбекистоним» позиционировала себя как умеренная оппозиция либерально настроенных представителей национального бизнеса, предлагающая властям конструктивный диалог.

В этот период продолжилась инспирированная властями кампания по вытеснению из Узбекистана местных и западных, в основном американских, НПО. За время, прошедшее после Андижанского инцидента, расстановка сил в правящей элите Узбекистана претерпела серьезные изменения. В ноябре 2005 г., сразу после подписания И. Каримовым в Москве Договора о союзнических отношениях с Россией были отправлены в отставку такие

важнейшие фигуры во власти последних лет как глава МВД З.Алматов* и глава Минобороны К. Гулямов. В результате перестановок в силовых структурах резко усилились позиции СНБ. Это дало некоторым аналитикам, по аналогии с терактами 2004 г. в Ташкенте и Бухаре, повод предположить, что за событиями 13-14 мая 2005 г. стоял глава спецслужб Р. Иноятов.

Мятеж в Андижане, тем не менее, выглядел в гораздо большей степени как спонтанное выступление недовольных радикальных групп населения («исламисты»), нежели теракты 2004 г. Многие аналитики тогда связали их с очередным раундом обострения межклановой борьбы во власти. Действия небольшой группысмертников-камикадзе было значительно легче регулировать, чем руководить десятками и сотнями рядовых граждан, вышедших на улицы Андижана. Поэтому версия о СНБ как силе стоявшей за организацией антикаримовского выступления выглядела несостоятельной. Мятеж 13-14 мая 2005 г. скорее доказал тот факт, что возможности по быстрой мобилизации населения против действующей власти имелись даже у самых немногочисленных групп противников режима. Из трех ключевых силовых ведомств Узбекистана после Андижана МВД оказалось наиболее ослабленным. Кроме того, что оно лишилось харизматического лидера, МВД также лишилось внутренних войск. Эти подразделения под названием «специального корпуса быстрого реагирования» были переподчинены Министерству обороны. Отправленный в отставку сразу после подписания Договора о союзнических отношениях с Россией, К. Гулямов, по всей видимости, оказался в конфликтной ситуации с президентом. Результатом этого стало его привлечение к уголовной ответственности.

Не являясь профессиональным военным, академик К.Гулямов был осужден по традиционным экономическим статьям. Однако, по-видимому, основная его вина в глазах И. Каримова состояла в том, что авторитет экс-министра обороны особенно укрепился за годы сотрудничества Узбекистана с антитеррористической коалицией в Афганистане. Поэтому на Западе К. Гулямов мог рассматриваться как их потенциальный кандидат на замещение нынешнего президента. К тому же, осенью 2005 г. он выступил против переподчинения внутренних войск от МВД к Минобороны, что фактически наделило армию функциями подавлять волнения внутри страны. Несмотря на то, что К. Гулямов считался представителем ташкентского клана во главе с Т. Алимовым (его близкий родственник) и Р. Иноятовым, он мог попытаться вести собственную игру.

---

* Несмотря на попытки привлечь главу МВД З.Алматова к уголовной ответственности на территории Германии, где он проходил курс лечения в ноябре-декабре 2005 г., по возвращении в Ташкент ему устроили почетные проводы на пенсию с формулировкой «по состоянию здоровья».

Последний раунд борьбы за власть, связанный с Андижанским инцидентом и его последствиями, демонстрировал, что конкуренция между самаркандским и ташкентско-ферганским кланом в узбекской элите сменялся на этом этапе конкуренцией между «политико-финансовыми группировками», не имеющих четких территориальных ограничителей.*

Стабилизация режима

В декабре 2007 г. в Республике Узбекистан состоялись выборы Президента страны. Совершенно очевидно, что победителем на этих выборах должен был стать И.Каримов, которому не было реальной альтернативы на политической сцене Узбекистана. В то же время, данные выборы не являлись простой формальностью. Они означали вступление Узбекистан в качественно новый период. Несмотря на тот факт, что республикой по-прежнему управлял И.Каримов, политическое и экономическое положение Узбекистана за последние годы претерпело серьезные изменения. Руководству страны удалось наконец запустить необходимые финансово-экономические реформы. Национальная валюта вплотную приблизилась к конвертируемости. На селе начали работать рыночные механизмы. В промышленности и сельском хозяйстве были устраниены крайности, сужены компетенции властей по вмешательству в экономические процессы.

Во внутриполитической сфере режиму И.Каримова удалось ликвидировать зависимость центральной власти от влияния кланов, региональных и ведомственных группировок. Между основными элитами страны был достигнут консенсус и создан, хотя и непрочный, но баланс. Серьезно снижен порог социального недовольства и устранина угроза дестабилизации общества; исламистское движение загнано в подполье.

За эти годы претерпело серьезные изменения и международное положение РУ. С 2005 г. Ташкент отказался от однозначной ориентации на Запад и вернулся в интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Узбекско-российские отношения претерпели качественные изменения, усилилась зависимость Ташкента от Москвы и Пекина. Однако в процессе пересмотра внешнеполитических ориентиров Узбекистан перешел необходимые пределы, испортил отношения с Западом и фактически оказался в международной полу-изоляции. В то же время,

---

* См.: Akiner Sh. Violence in Andijan, 13 May 2005: An Independent Assessment. The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. – Washington, DC: 2005 – 51 p.; Daly J.C.K., Meppen K.H., Socor V., Star F.S. Anatomy of a Crisis: U.S.-Uzbekistan Relations: 2001-2005. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. – 110 p.

близость Ташкента с Москвой, наметившаяся с 2004 г., также внушает подозрения своей неустойчивостью, вытекающей из традиций узбекской внешнеполитической линии.

Постепенно Ташкент начал ставить препятствия на пути проникновения российского бизнеса в экономику республики, хотя на первых порах это приветствовалось. По-прежнему сложные отношения остаются у Узбекистана с соседними республиками Центральной Азии, особенно с Киргизстаном и Таджикистаном. В то же время наметилось сближение Ташкента и Ашхабада после смены руководства в этой республике. Ташкент проявляет нескрываемый интерес к участию в крупных нефтегазовых и транспортно-коммуникационных проектах в регионе.

На фоне откровенно плохих отношений Узбекистана с Западом Ташкент развивал многостороннее сотрудничество с КНР, прежде всего в экономической сфере. В последнее время наметилась тенденция превращения РУ в основного торгово-экономического и политического партнера Пекина в Центральной Азии. Но оставалась сильная экономическая зависимость Узбекистана от Казахстана, особенно в торговой сфере и на рынке труда. Ташкент упорно накапливал финансовые и экономические ресурсы с тем, чтобы в будущем возобновить свои претензии на лидерство в регионе. Тем не менее, в этот момент Узбекистан вынужденно признавал лидерство Казахстана в Центральной Азии.

В 2006 году в экономике страны наблюдалась положительная динамика практически всех макроэкономических индикаторов (данные по 2007 году еще не обнародованы). Внутренний валовой продукт вырос на 7,3%, что было достигнуто за счет роста всех составляющих ВВП; объем промышленной продукции - на 10,8%, валовая продукция сельского хозяйства - на 6,24%, положительное сальдо внешнеторгового оборота - почти до 2 млрд. долл. Государственный бюджет был исполнен с профицитом (0,5% к ВВП). Жесткая денежно-кредитная политика обеспечила сдерживание инфляции, в результате чего по итогам года индекс потребительских цен составил 6,8%. вопрос об источниках экономического роста остается открытым. Ускорение роста ВВП связано с рядом причин, среди них немаловажную роль играет так называемый «фактор роста сырьевых цен».

Приватизация экономики в РУ, развернувшаяся в этот период, была процессом более институциональным, чем организационным. Формально он шел быстрыми темпами, и большинство предприятий республики были уже не государственные. Только акционерных обществ в стране насчитывалось около 2,5 тыс. Однако реальная приватизация и акционирование были связаны с более глубинными изменениями отношений собственности.

К 2006 году доля промышленности в ВВП составила 22,1%, а увеличение объемов промышленного производства - 10,8%, что формально оценивается как очень высокий рост. Однако в его основе значительную долю составлял стоимостной рост. Отраслевую структуру промышленного производства страны составляют электроэнергетика, топливная промышленность, черная металлургия, цветная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность, машиностроение и металлообработка, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, промышленность строительных материалов, легкая, пищевая и другие отрасли. В структуре промышленной продукции легкая промышленность, цветная металлургия, машиностроение и металлообработка, электроэнергетика, топливная промышленность в совокупности давали более 70% общего объема производства.

Основными проблемами развития промышленности Узбекистана являлись увеличение доли перерабатывающих отраслей, модернизация и техническое перевооружение, доступ предприятий к ресурсам финансового рынка, применение на практике процедуры банкротства убыточных предприятий. Квази-фискальные операции негативным образом сказываются на эффективности реального сектора. Большой потенциал оставался в росте конкурентоспособности промышленных предприятий. Доля ориентированной на экспорт продукции в общем объеме промышленного производства по итогам года равна 52-54%.

Доля сельского хозяйства в ВВП страны составляла 24%. Однако в значительной степени прирост продукции отраслей сельского хозяйства был связан с экстенсивными методами землепользования. Это вело к истощению и деградации земельного фонда, особенно в условиях маловодья. Возрастала потребность в планомерных высокоеффективных ирригационно-мелиоративных работах. Одной из проблем являлось то, что, составляя четверть объема ВВП, аграрный сектор получал лишь около 5% всех инвестиций. Этих средств явно не хватало для решения комплекса задач, в том числе технического перевооружения отрасли, строительства мини- заводов по комплексной переработке плодоовощной продукции и др.

В 2005-07 гг. республика демонстрировала относительно высокие темпы роста экономики, золотовалютных резервов, положительное сальдо платежного баланса и др. Однако количественный рост экономики сопровождался некоторым ухудшением качественных показателей. В их ряду: значительное увеличение числа нерентабельных предприятий, снижение темпов роста производительности труда, деградация земель в сельском хозяйстве, оживление миграционных процессов, недостаточная доля добавленной стоимости в цене произведенной продукции, включая экспорт, деинтеллектуализация труда и др.

Резкий рост цен на углеводородное сырье на мировом рынке и расценок на поставки природного газа на пространстве СНГ привел к увеличению значения нефтегазового сектора в динамике развития внешней торговли Узбекистана. Крупнейшим изменением в эти годы на узбекском рынке стал допуск иностранных компаний к добыче нефтегазовых ресурсов на западе страны. «Лукойл» и «Газпром» стали первыми и единственными иностранными инвесторами, получившими реальный доступ в сектор добычи углеводородов в Узбекистане. Дальнейшее расширение присутствия «Газпрома» и «Лукойла» в связи с заключением Договора о союзнических отношениях с Россией предоставляло государству возможность реализовать свой потенциал экспорта углеводородов, прежде всего природного газа. В подобной ситуации, географически изолированный от наиболее прибыльных рынков, Узбекистан становился чрезмерно зависимым от позиции «Газпрома» и развития отношений с Кремлем. Правда, на неформальном саммите СНГ в августе 2006 г. заинтересованность в увеличении закупок узбекского газа проявила Украина.

Общий объем добычи природного газа в 2005 г. составил 60,5 млн. кубометров. На экспорт было отправлено 11,5 млрд. кубометров на общую сумму 476,5 млн. долл. Почти треть этого объема была экспортирована в Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Остальные 8,2 млрд. кубометров было закуплено Россией. Однако значительное сокращение добычи нефти в последние годы вынудило руководство Узбекистана фактически признать провал заявленной в середине 1990-х гг. политики «нефтяной независимости». В 2005 г. добыча нефти по сравнению с предыдущим годом сократилась на 17,2% и составила менее 5,5 млн. тонн.

Осенью 2007 года наметились кризисные проявления в экономике и снабжении населения продовольствием. С начала сентября в Ферганской, Наманганской и Андиканской областях, а также Каракалпакии наблюдался острый дефицит хлеба. По некоторым данным, в этих областях начались «хлебные бунты» - около обладминистраций регулярно возникают стихийные митинги с требованием хлеба. В результате снабжение мучными продуктами было налажено, но в среднем по стране цена хлеба выросла в полтора-два раза.

Критически важное значение для экономики РУ имеет производство хлопка. Узбекистан занимает шестое место в мире по производству и второе по экспорту хлопка, эта сельскохозяйственная культура приносит до 30% бюджетных поступлений. Как известно, 2005-06 годы были благоприятными для хлопководческой отрасли республики. Производство хлопка достигало уровня 3,6 млн. тонн, что принесло около 2 млрд. долларов. После событий в Андикане 2005 г. и охлаждения отношений с США и ЕС,

Узбекистан резко переориентировал основной сбыт своего хлопка на рынки России, Китая и Юго-Восточной Азии. Наиболее крупными покупателями узбекского хлопка являются Китай, Россия, Южная Корея, Объединенные Арабские Эмираты, Индия, Сингапур и Бангладеш.

Успех хлопководства последних лет в Узбекистане объясняли достижениями селекционеров, создавших неприхотливые к местным условиям и высокоурожайные сорта хлопчатника, а также инициированными президентом Каримовым действенными реформами в аграрном секторе, благодаря которым вклад фермерских хозяйств в урожай 2006 г. достиг 85%. В отдельных районах Ферганской долины закупочная цена на хлопок, устанавливаемая властями, была поднята с 60 до 70 сумов (около 50 центов) за килограмм сырца. В то же время сохранялась зависимость узбекского населения от Казахстана. Так, основную часть хлопкоробов в Южно-Казахстанской области (где хлопком засеяно 240 тысяч га) в эти годы составляли поденщики из Узбекистана.

По официальной узбекской статистике, в 2000-е гг. около 2 миллионов граждан страны постоянно находятся на работе за рубежом. В реальности эта цифра могла оказаться выше. По оценкам международных организаций, до 50 процентов мужского населения в сельской местности были вынуждены зарабатывать на жизнь в странах ближнего зарубежья.

На внутриполитическое и экономическое положение Узбекистана всегда оказывало негативное влияние ситуация в Ферганской долине – наиболее заселенном районе РУ и в целом Центральной Азии. Экономическую ситуацию в регионе характеризовали острый дефицит ресурсов (земли, воды), неэффективность экономических реформ, слабое развитие малого и среднего предпринимательства, неблагоприятный инвестиционный климат, развал локального рынка из-за изоляционистских мер правительства и ужесточения пограничных режимов. В области даже по меркам Узбекистана высок удельный вес теневой экономики, широко распространена коррупция.

Рост социальной напряженности, обострение межнациональных противоречий и активизация деятельности радикальных исламистских организаций в значительной степени (но не только) вызваны экономическими причинами, так как высокий уровень безработицы и низкий уровень жизни основной массы населения приводят к возникновению замкнутых молодежных групп безработных, лишенных доступа к ресурсам, образованию, здравоохранению, а также возможностей изменить свою жизнь к лучшему. Именно в этой среде активизируются экстремистские группы и радикальные исламистские организации. Общая криминализация общества (рост преступности, увеличение объемов

контрабанды и наркотрафика, коррупция) также связана с проблемами экономики региона. Отсутствие официальных источников заработка способствует тому, что жители Ферганской долины вынуждены искать нелегальные источники дохода. Несовершенство законодательства, в первую очередь в экономической сфере, создает благоприятную почву для коррупции.

Показатели статданных свидетельствуют, что, несмотря на усилия, предпринимаемые властями и международным сообществом, бедность в сельских районах долины не только не сокращается, но и достигла поистине катастрофического уровня, то есть практически каждый второй житель является бедняком. Однако из-за неразвитости производственной и социальной инфраструктуры, а также сферы приложения труда вне аграрного сектора сельское хозяйство Узбекистана перенасыщено рабочей силой и ежегодно пополняется выпускниками сельских школ. По официальным данным, этот «резерв» в Узбекистане составляет 500-530 тыс. чел., из них 29% приходится на Ферганскую долину. К тому же, по оценкам экспертов, эти показатели занижены в 3-3,5 раза.

В Ферганской долине реализовывалась программа по преобразованию ширкатов (сельхозпредприятий) в личные фермерские хозяйства. Сменив колхозы и совхозы советской эпохи, эти структуры должны были воплотить в жизнь элементы рыночных отношений, однако также оказались нежизнеспособными, несмотря на экономию от укрупнения. Однако ширкаты лишь поменяли название формы собственности, а суть ее осталась прежней. Отношения между председателями ширкатов и руководителями районов не изменились. Нереальные планы по сдаче государству сельхозпродукции и устаревшая техническая база привели к тому, что в областях долины уже несколько лет подряд не выполняют обязательства по сдаче хлопка и зерна государству.

Большая часть товарооборота находится в тени, основной поток трудовой и торговой миграции стал нелегальным. Ферганская долина превратилась в зону действия теневого капитала, который стимулирует распространение коррупции. Рынок труда в Ферганской долине находится под достаточно большим демографическим давлением. Однако есть факторы, сдерживающие этот процесс. В Узбекистане установлена государственная монополия на вывоз рабочей силы за границу, в связи с чем не используются возможности для расширения как потенциальных партнеров по трудовой миграции, так и квот на вывоз рабочей силы по контрактам, хотя потребность населения в этих услугах высока. Поэтому основная часть трудовых мигрантов выезжает из Ферганской долины нелегально.

Правительство республики начало (по примеру РФ и РК) проводить политику консолидации национальных ресурсов и контроля над их добычей.* Однако, выигрыш для Ташкента носил в большей степени тактический характер, учитывая стратегические потери для международно-инвестиционного имиджа Узбекистана. Правительство пытается также либерализовать и сделать гибче финансовый рынок республики, привлечь национальные инвестиции.

Несмотря на существенную внутриполитическую стабилизацию государства и общества после кризисных проявлений 2003-05 гг., положение в Узбекистане оставалось сложным. Социальное напряжение постоянно подпитывалось недостаточным уровнем развития экономики и тяжелым положением большинства населения, нехваткой земли на селе, демографическим давлением, валютным дефицитом и товарным голодом и многими другими проблемами.

В ходе острого противостояния в конце 1990-х – начале 2000-х гг. И.Каримов смог снизить остроту клановой проблемы, но полностью снять ее с повестки дня ему не удалось. Узбекские кланы имеют региональное, а не кровное деление (которое является весьма условным). Наиболее известные кланы – самаркандский, ферганский, джизакский, ташкентский, хорезмский. В начале 1990-х годов наиболее сильным считался ташкентский клан, однако позже Каримов (выходец из Самарканда) сумел отстранить его от власти. До конца 1990-х годов страной управляли самаркандский и джизакский кланы, но к началу 2000-х гг. президент избавился и от «джизакцев», которым на смену вновь пришел ташкентский клан. Как можно предположить, полностью взять контроль над государством «самаркандцы» не решились.

Серия отставок и перемещений кадров приилась на период конца 2005 - начала 2006 гг., когда прошел ряд отставок и назначений в кабинете министров, большинство которых были связаны с событиями в Андижане и с их последствием - изменившейся внешнеполитической ориентацией страны.

Таким образом, важнейшие кадровые перестановки 2006 года обусловливались как сменой внешнеполитической ориентации республики, что выразилось в устраниении прозападных министров, так и стремлением И.Каримова укрепить силовую составляющую в руководстве. Это было вид-

---

* Речь идет об американской корпорации «Ньюмонт Майнинг», в 1992 году создавшей в Узбекистане совместное предприятие с Навоийским горно-металлургическим комбинатом для добычи золота из отвалов карьера Мурунтау в Центральном Кызылкуме. До 2006 года деятельность СП «Заравшан-Ньюмонт» регламентировалась специальным постановлением правительства Узбекистана, предоставившим ему режим наибольшего благоприятствования - налоговые и таможенные льготы, не предусмотренные законодательством для прочих предприятий.

но из назначений на ключевые посты людей, обладающих максимальным личным доверием президента, то есть его земляков, к тому же имеющих опыт работы в органах государственной безопасности и внутренних дел. Многие из них попали в список невъездных в страны Европы, составленный в 2006 году в ЕС.

К 2008 г. Каримов фактически устранил всех возможных соперников. Явных преемников Каримова в его окружении не обнаруживалось; некоторые наблюдатели говорили о дочери президента Гульнаре как о вероятной преемнице.

Важным направлением внутренней политики Узбекистана всегда были отношения государства с религиозными институтами. Во второй половине 1990-х гг. в стране фактически сформировалась нелегальная исламистская оппозиция, проводившая теракты, в т.ч. лично против И.Каримова. После военной операции антитеррористической коалиции во главе с США в Афганистане, база ИДУ была уничтожена и активность исламистов снизилась. Однако, все последние годы угроза активизации исламистов сохранялась. Это наглядно проявилось во время событий в Андижане в мае 2005 г. Правительство осуществляло жесткий контроль над распространением влияния ислама. В Узбекистане легально действуют более 2200 религиозных организаций, в Андижанской области, власти которой запретили деятельность безалкогольных кафе и ресторанов, вводятся новые ограничения повседневной религиозной практики мусульман. Призывы к намазу запрещено возглашать не только через усилители, но и вообще вслух. Также введены запреты на богословские проповеди во время свадеб и на совершение намаза в учреждениях и на рабочих местах. В целом с 2000 года около 12 тысяч граждан привлекались к следствию и были осуждены по обвинениям в религиозном экстремизме. Таким образом, продвигая исламскую культуру, правительство не ослабило контроль над религиозной жизнью. Например, частное обучение исламским текстам по-прежнему остается под запретом.

Вполне очевидно, что беспрецедентные меры, предпринимаемые чиновниками в Ферганской долине после андижанских событий 2005 года, были направлены на то, чтобы не допустить дальнейшего роста стихийной религиозности, не управляемой государством, а потому чреватой радикализмом и экстремизмом с уклоном в политику. В то же время, деятельность епархий Русской православной церкви, еврейской общины и ортодоксальных ташкентских имамов полностью встроена в функционирование государственного аппарата.

В 2006-07 г. из страны продолжали вытеснять представительства зарубежных НПО. Ранее были закрыты представительства Института

«Открытое общество» (Фонд Сороса) и «Интерньюс», корпункты Би-биси, радио «Свобода», Института по освещению войны и мира (IWPR). В начале 2006 г. года решением суда Ташкента закрыли представительства известной правозащитной организации «Фридом хаус» и филиала фонда «Евразия». В марте 2006 г. Министерство иностранных дел Узбекистана направило в адрес аппарата Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) в Женеве письмо, предложив в течение месяца закрыть действующее в Ташкенте представительство этой организации, что мотивировалось разрешением проблемы с афганскими беженцами, из-за которой и было создано данное представительство.

Однако истинной причиной недовольства руководства страны эксперты считают содействие представительства УВКБ в размещении на территории Кыргызстана узбекских беженцев, обвиняемых в нападении на правительственные войска во время андижанских событий, а затем в переправке их в третью страны. Таким образом, в Узбекистане практически не осталось ведущих зарубежных НПО.

Партийно-политическая жизнь в РУ носит во многом декоративный характер. В республике официально зарегистрировано всего 5 политических партий: Народно-демократическая партия Узбекистана, Движение предпринимателей и деловых людей - Либерально-демократическая партия Узбекистана, Социал-демократическая партия Узбекистана «Адолат», Демократическая партия Узбекистана «Миллий тикланиш» и Национально-демократическая партия Узбекистана «Фидокорлар».

Деятельность всех этих партий носит лояльный в отношении действующей власти характер. Однако есть и исключения. Партия «Озод дехконлар» не зарегистрирована и действует исключительно через своих активистов. Определенную оппозиционность проявляют узбекские правозащитники. Но в целом реального (т.е. более или менее легального) института политической оппозиции в Узбекистане нет.

Оппозиция режиму И.Каримова складывалась двумя последовательными волнами. В начале 1990-х гг. это были светские партии демократического или либерального толка, возникшие на антикоммунистической основе эпохи перестройки. К ним относятся прежде всего партии «Бирлик» и «Эрк», которые президент И.Каримов назвал несколько лет назад «политическими трупами». Действительно, их лидеры в основном эмигрировали (часть ушла в ИДУ), или находится в заключении, а влияние этих партий упало практически до нуля. Председатель партии «Эрк» М.Салих находится в эмиграции в ФРГ с 1993 г. Среди лидеров старой оппозиции, продолжающих борьбу против режима, следует назвать одного из лидеров старейшей оппозиционной партии «Бирлик» П.Ахунова.

В 2005 году возникла новая оппозиционная партия - «Солнечная коалиция», лидер которой С. Умаров, предлагавший власти «мирный диалог», был посажен на 10 лет в тюрьму по обвинению в экономических преступлениях. Таким образом, у оппозиции не было единого авторитетного лидера, многие лидеры партий «ненавидят друг друга больше, чем президента Каримова», за 17 лет правления которого оппозиционные партии ни разу не договорились о проведении совместных акций или какой-либо еще координации своих действий. Остатки политической оппозиции объединились в так называемый «Правозащитный альянс Узбекистана», который с января 2007 года предпринимал попытки огласить имена своих кандидатов в президенты.*

Внешняя политика

Отношения между Узбекистаном и Западом с 2005 г. оставались чрезвычайно сложными, если не сказать плохими. США и Европа тогда подвергли резкой критике власти Узбекистана за жестокое подавление волнений в Ферганской долине и преследование оппозиции, после чего узбекское правительство приняло решение о ликвидации базы американских ВВС в Карши, заключив вскоре военно-стратегический союз с Россией.**

* См.: Борисов Н. Трансформация политического режима в Узбекистане: этапы и итоги // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2005. № 6. С. 24-35; Борисов Н. Современный политический процесс в Узбекистане: тенденции и перспективы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 2. С. 162-171; Файзуллаев Д. Газовый потенциал Узбекистана и Туркменистана // Азия и Африка сегодня (Москва). 2004. № 9. С. 13-18; Файзуллаев Д. Узбекистан. Иностранные инвестиции помогают оздоровить экономику // Азия и Африка сегодня (Москва). 2004. № 12. С. 32-38; Мухаммедов А.А. Направления современного социально-экономического развития Республики Узбекистан // Концепция развития национальных экономик государств Центральной Азии в условиях глобализации и регионализации мировой экономики. – Алматы: ИМЭП, 2008. – С. 29-34; Sharma R, Brefort L., Iskakov M., Thompson P. Uzbekistan. Energy Sector: Issues, Analysis and an Agenda for Reform. – Washington, DC: World Bank, 2003.

** См.: Баучек К. Политика Израиля в Центральной Азии (на примере Узбекистана) // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2004. № 4. С. 76-90; Лукоянов А. Берлин-Ташкент: Бундесвер на узбекской земле // Азия и Африка сегодня (Москва). 2006. № 4. С. 36-37; Шарапова С. Многосторонняя дипломатия Узбекистана в условиях антитеррористической кампании // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 4. С. 103-112; Иномжонов Х. Отношения Узбекистана с Европейским Союзом // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 464-486; Толипов Ф. Стратегическое партнерство Узбекистана и США: быть или не быть? // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 547-584; Akhbarzadeh Sh. Uzbekistan and the United States. Authoritarianism, Islamism and Washington's Security Agenda. – London: Zed Books, 2005. – 166 p.; Heathershaw J. Worlds apart: the making and remaking of geopolitical space in the US-Uzbekistani strategic partnership // Central Asian Survey (Oxford). 2007. Vol. 26. Issue 1, pp. 123-140.

В августе 2006 г. узбекские власти отказали в продлении аккредитации 14 сотрудникам неправительственной организации США «Партнерство по академическому образованию и развитию», зарегистрированной в штате Массачусетс. Министерство юстиции Узбекистана утверждало, что эта НПО систематически нарушала республиканский закон «О свободе совести и религиозных организациях» в той его части, которая запрещает попытки обращения представителей традиционных узбекских конфессий (мусульман и православных) в протестантизм. Незадолго до того по решению суда на территории Узбекистана запретили деятельность еще одной американской неправительственной организации - «Кросслинк девелопмент интернэшнл»: ее обвинили в том, что под предлогом реализации гуманитарных проектов она нарушала законы Узбекистана о деятельности НПО и свободе совести.

В ответ на это в ноябре 2006 г. Государственный департамент США включил Узбекистан в переданный в Конгресс «Указатель стран, вызывающих особую озабоченность в сфере соблюдения религиозных свобод - 2006», что согласно американскому законодательству может иметь следствием введение экономических санкций.

Одновременно в Узбекистане были закрыты десятки представительств западных неправительственных организаций, гуманитарных фондов и СМИ, обвиненных в попытках дестабилизировать ситуацию и подорвать государственный строй. Были лишены режима наибольшего благоприятствования американские корпорации, действовавшие в добывающих отраслях. Одновременно Узбекистан предоставил компаниям России, Китая, Японии, Южной Кореи и Юго-Восточной Азии большие возможности в разработке углеводородов и стратегического сырья. В августе 2006 года в Ташкент приезжал помощник госсекретаря Ричард Баучер, визит которого можно было расценивать, как попытку вернуть политическое влияние в Узбекистане, которое администрация Джорджа Буша уступила Москве и Пекину.

Тем самым, летом 2006 г. наметилась возможность улучшения отношений как с США, так и с Евросоюзом. Р.Баучер выразил надежду на восстановление диалога и сотрудничества на основе некогда существовавших соглашений о совместной борьбе с международным терроризмом и наркотрафиком, а также в области экономики. Однако в дальнейшем процесс улучшения отношений затормозился, прерываясь только спорадическими контактами невысокого уровня. Но уровень давления на Ташкент постепенно снижался. Появлялись сигналы о том, что стороны готовы частично восстановить прежний уровень партнерства, в частности во время визита Р.Баучера в августе 2006 г. Ташкент получил сигнал, что США не намерены вмешиваться во внутренние дела РУ, хотя признают наличие разногласий

в сфере прав человека и функционирования международных организаций и НПО. В то же время, США были готовы считаться с интересами России и Китая. Но главным в послании Баучера была мысль, что Вашингтон заинтересован в укреплении независимости Узбекистана.

Более драматично развивались отношения РУ с ЕС. Евросоюз время от времени посыпал сигналы о вероятности снятия санкций с Узбекистана. Однако эти перспективы были сорваны в силу неуступчивости Ташкента по принципиальным вопросам - права человека, либерализация режима, смягчение религиозной политики и т.д. После андижанских событий Европейский союз также заморозил в одностороннем порядке отношения с Узбекистаном и ввел против него санкции в связи с отказом официального Ташкента провести международное расследование этих событий. Однако, в 2006 году позиция ЕС несколько смягчилась, что свидетельствует о намерениях европейцев не отстать от других мировых игроков в борьбе за влияние как в Узбекистане, так и в Центральной Азии в целом. При этом поиски компромисса с Узбекистаном не означают, что Евросоюз готов «потерять лицо» и полностью простить Ташкенту Андижан.

В ноябре 2006 года Евросоюз, не усмотрев во внутренней политике Каримова позитивных сдвигов, продлил санкции на полгода, но с возможностью их пересмотра через три месяца. Жесткую позицию тогда отставали скандинавские страны и Великобритания, фактически утратившая реальное влияние в Узбекистане после разрыва внешнеполитического курса Каримова с США и антитеррористической коалицией. Германия, не ослаблявшая деловых и общественных связей с Узбекистаном после андижанских событий и ликвидаций американской базы в Карши, активно ратовала за компромисс. В итоге европейские министры приветствовали усилия МИД Узбекистана начать диалог и одобрили поездку в Ташкент группы экспертов для ознакомления с материалами по Андижану. Было возобновлено действие Соглашения о партнерстве Евросоюз - Узбекистан.

С 2007 года высшие чиновники ЕС, направляемого председательствующей страной - Германией, неоднократно высказывались о том, что Европа не может позволить себе из-за политических принципов окончательно уступить Узбекистан, как сферу своих экономических, и в первую очередь, энергетических интересов России и Китая. Имелось ввиду, что смягчение или отмена санкций не помешает, а будет способствовать возможностям Евросоюза оказывать дальнейшее «позитивное давление» на правительство И.Каримова, побуждая последнего к проведению демократических реформ.

Фактически, Евросоюз сменил свою тактику работы с Ташкентом. ЕС решил не идти на резкую конфронтацию, а воздействовать на внутриполитическую ситуацию путем сотрудничества. Эта смена тактики ЕС произошла несмотря на то, что Узбекистан фактически не выполнил требо-

ваний Евросоюза о международном расследовании андижанских событий. Окончательно санкции были сняты лишь в конце 2008 г.

В марте 2007 г. с трехдневной рабочей поездкой в Узбекистан прилетел заместитель помощника государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии Э.Фейгенбаум. Это была вторая попытка американской администрации нащупать почву для политического компромисса с бывшим региональным союзником по антитеррористической коалиции. Э.Фейгенбаум приехал вести закулисные переговоры «в рабочем формате» с высшими узбекскими чиновниками в Ташкенте. Ташкент воспользовался случаем и недвусмысленно выразил готовность правящей элиты страны искать диалога с Западом, но не на условиях «потери лица», чего от него фактически добивались на Западе. После президентских выборов в США в ноябре 2008 г. появилась возможность нормализации отношений Ташкента с новой администрацией Б. Обамы. Стороны начали обмениваться соответствующими сигналами; Узбекистан заморозил свое участие в интеграционных структурах СНГ – ЕврАзЭС и ОДКБ.

Развитие отношений РУ с постсоветскими странами развивалось по траектории, заданной после 2004 г. поворотом в сторону России. В российско-узбекских отношениях доминируют два фактора: военный и энергетический. Принятое на последнем саммите ОДКБ решение России продавать своим ближайшим партнерам оружие и спецтехнику по внутренним ценам фактически означает, что дальнейшее вооружение узбекской армии и спецслужб берет на себя российский военно-промышленный комплекс. Это решение имеет не только экономический, но и военно-стратегический характер. В ходе своей рабочей поездки в РФ в мае 2006 г. президент Узбекистана И.Каримов встретился в Сочи с президентом России В.Путиным, который накануне приезда своего узбекского коллеги подписал закон о ратификации заключенного в ноябре 2005 года Договора о союзнических отношениях между Россией и Узбекистаном.*

* См.: Зиядуллаев Н. Россия-Узбекистан: стратегическое партнерство и союзнические отношения // Мировая экономика и международные отношения (Москва). 2006. № 12. С. 92-98; Кахаров Дж. Ташкент – Москва: влияние экономики России на экономику и внешнюю торговлю Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ (Лулес, Швеция). 2004. № 1. С. 195-200; Алимов Р. Узбекистан и Китай: горизонты сотрудничества // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 487-518; Кахаров Д. Газ Узбекистана: приведет ли к увеличению его экспортных цен политическое маневрирование между Китаем и Россией? // Центральная Азия и Кавказ (Лулес, Швеция). 2008. № 6. С. 125-141; Сайфулин Р. Узбекистан – Россия: состояние и перспективы развития отношений в постсоветский период // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 519-546; Эргашев Б., Камилов И. Региональная интеграция в Центральной Азии: взгляд из Узбекистана // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 585-606.

В ноябре 2006 г. в ходе визита Главкома военно-воздушных сил РФ В. Михайлова в Узбекистан были достигнуты договоренности об использовании нового военного аэродрома Навои самолетами истребительной и дальней авиации ВВС России. В обмен Министерство обороны РФ 22 декабря обещало оснастить аэродром аэронавигационной техникой и вооружением ПВО. В 2006 году фактически завершился разворот внешней политики Ташкента в сторону Москвы. Узбекистан вступил в организацию ЕврАзЭС (которая является по своей сути пророссийским ядром СНГ), а также вернулся в Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Многие аналитики оценили эти события как прорывные, как открытие новых возможностей реинтеграции постсоветских государств. Речь, как всегда, идет о едином таможенном пространстве, единой энергосистеме, общем валютном рынке, единой системе безопасности и т.д.

Согласно взятым на себя обязательствам, Узбекистан должен был присоединиться к более чем 70 соглашениям, уже заключенным в рамках ЕврАзЭС, для чего было необходимо частично изменить законодательство и деловой климат в стране. Но фактически, Ташкент к этому не был готов. В сфере энергетики, добычи и транспортировки углеводородов Ташкент фактически принял позицию Москвы, которая в лице Газпрома, ЛУКойла и других крупных российских нефтегазовых компаний пыталась установить контроль над добычей и транспортировкой углеводородов из Узбекистана и между РУ и другими республиками Центральной Азии, а также над разведкой новых перспективных месторождений. Россия в лице своих компаний хотела бы также участвовать в предстоящих транснациональных трубопроводных проектах в регионе.

Со своим соседом Кыргызстаном, Узбекистан значительно осложнил отношения после андиканского мятежа, в косвенной поддержке которого Ташкент обвинил Бишкек. Но в 2006 году многие противоречия удалось устраниТЬ. Летом две страны провели совместные спецоперации, которые привели к уничтожению исламских боевиков в южном Кыргызстане. В августе 2006 г. была подписана «Программа сотрудничества между правительствами Узбекистана и Кыргызстана о пунктах пропуска через государственную границу». В октябре 2006 г. президент Кыргызстана К.Бакиев посетил Узбекистан с государственным визитом, в ходе которого стороны подтвердили приверженность договору о дружбе (от 1996 г.) и приветствовали готовность к совместной борьбе с радикальным исламизмом в Центральной Азии.

Важным итогом этого визита стало и подписание двустороннего соглашения об отмене визовых ограничений для граждан двух стран. Кроме того, И. Каримов и К.Бакиев договорились открыть новый пограничный

пункт в Ферганской долине. В отношении Каримова, который пытается изолировать Узбекистан в надежде предотвратить проникновение в страну идеологии радикального исламизма, открытие границы для кыргызских граждан означало, что он позитивно оценил усилия Бишкека, направленные на вытеснение боевиков из южного Кыргызстана. В ноябре 2006 г. в Андижане завершилась рабочая встреча Узбекско-кыргызской межправительственной комиссии, которая занимается делимитацией государственной границы между двумя странами. В результате было описано еще 2,5 км их государственных рубежей.

Что касается отношений с Таджикистаном, то в 2006-07 гг. они не претерпели кардинальных изменений, так как Ташкент убежден, что правительство РТ не может (или не желает) принять адекватные меры в борьбе с радикальным исламизмом, с конца 1990-х годов ставшим угрозой для региона. Недовольство Узбекистана вызывают и усилия Таджикистана, направленные на развитие собственной гидроэнергетики, а также на увеличение производства алюминия, что осенью 2006 г. привело к резкому обострению напряженности в отношениях между этими странами. Набирают обороты и взаимные обвинения их пограничных служб в нарушении принципов добрососедства.

Угроза со стороны исламских экстремистов заставляла Узбекистан постоянно ужесточать пограничный, таможенный и миграционный режимы, что весьма негативно оказывается на интересах жителей долины в целом. Инциденты на границах долины, связанные с гибелью людей, подорвавшихся на минах, установленных по указанию властей Узбекистана на границе с Таджикистаном и Кыргызстаном, а также обстрелы узбекскими пограничниками мирных граждан сопредельных государств вызывают волну возмущения общественности.*

Следует отметить, что Узбекистан в эти годы не участвовал в очередных саммитах тюрко-язычных государств, тем самым не только проявив отсутствие солидарности с родственными странами, но и проигнорировав важный внешнеполитический ресурс для демонстрации независимости.

Президент И.Каримов во второй половине октября 2007 г. совершил визит в Ашхабад для встречи в формате тет-а-тет с президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым, по итогам которой лидеры соседних стран подписали Договор о дальнейшем укреплении дружественных отношений, Договор об экономическом сотрудничестве на 2008-2012 годы

---

* По данным Комитета по охране госграницы при правительстве Таджикистана, за это время на противопехотных минах в районе таджикско-узбекской границы погибли 60 мирных граждан РТ и 70 были ранены.

и совместное коммюнике. От внимания наблюдателей не ускользнуло, что основной темой встречи двух президентов, по всей очевидности, было обсуждение планов строительства новых газопроводов.

В недавнем прошлом отношения соседних государств, имеющих общую границу протяженностью около двух тысяч километров, складывались не всегда гладко. Узбекистан и Туркменистан установили дипломатические отношения в 1993 году, и в 1996 году заключили Договор о вечной дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, впоследствии дополненный еще сотней двусторонних соглашений, которых, однако, оказалось недостаточно для окончательного урегулирования всех спорных вопросов. В 2002 году подспудные разногласия между политическими режимами едва не вылились в прямой конфликт, когда Ашхабад обвинил власти Узбекистана в причастности к организации покушения на Сапармурата Ниязова и даже в одностороннем порядке выслал узбекского посла. Однако Каримов не пошел на обострение и в 2004 году пригласил, ныне покойного, Туркменбashi на дружескую встречу, которая тогда состоялась не в Ташкенте, а в Бухаре. При этом был заключен новый Договор об укреплении доверия и развитии сотрудничества.

В 2006 году товарооборот между двумя странами составил всего 41,4 млн. долл., а позицию Каримова по отношению к новому лидеру Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедову и его правительству многие эксперты оценивали как осторожную,держанную и выжидательную. Тем более что ввод в строй осенью 2007 года новой железнодорожной ветки Ташгузар-Байсун-Кумкурган освободил экономику Узбекистана от необходимости впредь осуществлять дорогостоящий (60 млн. долл. в год) транзит грузов и пассажиров из центральных регионов на юг через территорию Туркменистана.

Очевидно, что на этом этапе развитие масштабных региональных проектов в топливно-энергетической сфере связало их общими прагматическими интересами. Прежде всего это касалось планов строительства Прикаспийского газопровода, который должен пройти вдоль восточного берега Каспия через Туркменистан и Казахстан, что в перспективе даст возможность вдвое увеличить поставки газа из Центральной Азии (включая Узбекистан) в Россию. В мае 2007 года лидеры РФ, РК и Туркмении на торжественном саммите в городе Туркменбashi договорились об основных принципах реализации этого проекта, требующего совместных крупных инвестиций. При этом подразумевалось, что к общему плану в будущем присоединится и Узбекистан.

Узбекистан также был крайне заинтересован и в планах строительства газопровода из Туркменистана в Китай. Соглашение о реализации этого

проекта, по которому туркменский газ с месторождений правого берега Амудары будет через Узбекистан, Казахстан и Китай доставляться до побережья Тихого океана в объемах до 30 млрд. кубометров в год, было подписано Ху Цзинтао и Сапармуратом Ниязовым еще в апреле 2006 года в Пекине. О совместном строительстве на территории Узбекистана 530-километрового участка газопровода Туркменистан-Китай И.Каримов договорился с председателем Государственного комитета по делам развития КНР Ма Каем в апреле 2007 года.

Новых внешнеэкономических и внешнеполитических партнеров Узбекистан пытался найти и в расположенных на востоке странах дальнего зарубежья. К ним относятся Южная Корея, Пакистан, Япония, Иран и даже Афганистан.

Таким образом, в период стабилизации режима обозначились контуры внешнеполитической стратегии РУ после отхода от Запада. Она была детерминирована объективными факторами – нехваткой ресурсов Узбекистана и ограниченностью возможностей для маневра на международной арене. В ее основу положены следующие принципы: опираться на Россию и Китай в ситуации противостояния с Западом; занимать выжидательную позицию в отношениях с Западом, который (как полагали в Ташкенте) в большей степени, чем узбекская сторона, заинтересован в улучшении отношений; не допускать чрезмерного сближения с Москвой и усиления своей зависимости от России; использовать к собственной выгоде расширение сотрудничества с Китаем, прежде всего в торгово-экономической и инвестиционной областях; поддерживать авторитарные тенденции в Киргизстане и стремиться к тому, чтобы Бишкек ушел в орбиту Узбекистана; не допускать слишком близкого сближения Таджикистана ни с Западом, ни с Россией, но поддерживать Душанбе в борьбе с исламистами; проводить гибкую политику в отношении Казахстана, формально признавать его лидерство, но в то же время накапливать силы для реванша.

Ислам Каримов сделал также ставку и на расширение связей с Китаем как на фактор, позволяющий ему уравновесить влияние России. Кроме того, узбекский лидер стремился нормализовать отношения с ближайшим окружением - с другими государствами Центральной Азии.

Для Казахстана главной стратегической целью являлось сохранение внутриполитической стабильности в Узбекистане. В среднесрочном плане Астана была заинтересована в том, чтобы не допустить чрезмерного усиления влияния Узбекистана на другие государства Центральной Азии. В то же время объективно Узбекистан остается естественным союзником Казахстана в ситуациях, когда возникает угроза доминирования в Центральной Азии какой-либо одной внешней силы.

Глава 2. «Островок демократии» в Центральной Азии - Киргизстан

Киргизстан – ближайший географический сосед Казахстана, тесно связанный с РК в экономической, исторической, культурной и этнической областях. Большое значение для Казахстана имеют политические связи с Бишкеком на высшем уровне. Во многом политическое и экономическое развитие Киргизстана повторяет развитие Казахстана. В то же время, политическое и geopolитическое положение Киргизии обладает заметными особенностями. Киргизстан является объектом приложения geopolитического давления со стороны США, России, Китая, Казахстана и Узбекистана, исламского мира. На Киргизстане непосредственно отражается положение в Таджикистане и Афганистане. Любое изменение внешнеполитического баланса сил вокруг Киргизии и внутриполитической ситуации в этой республике неизбежно затрагивает и Казахстан.

В ходе постсоветского развития в Киргизии был создан полуавтократический режим Аскара Акаева с элементами популистской демократии. В марте 2005 г. в результате т.н. «революции тюльпанов» А.Акаев потерял власть. К власти пришли его политические противники – дуумвират Курманбека Бакиева и Феликса Кулова; первый стал президентом, второй – премьером постакаевского Киргизстана. Однако в силу политических и региональных противоречий этот непрочный союз распался; Кулов вернулся в оппозицию к действующей власти, Бакиев продолжал строить «вертикаль власти», т.е. завершить незаконченный Акаевым процесс строительства авторитарного государства.*

---

* См.: История и идентичность: Кыргызская Республика. – Бишкек: ФФЭ, 2007. – 273 с. (на рус. и нем. яз.); Иманалиева Л. Основные итоги демократических реформ и внешней политики Кыргызстана за годы независимости // Центральная Азия и Кавказ (Лулea, Швеция). 2001. № 6. С. 96-102; Суюнбаев М.Н. Геополитические основы развития и безопасности Кыргызстана (глобальный, региональный и национальный аспекты). – Бишкек: ИИМОП КНУ, 2005. – 122 с.; Космарская Н. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: аддаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992-2002). – Москва: НАТАЛИС, 2006. – 598 с.; Anderson J. Kyrgyzstan. Central Asia's Island of Democracy? – Amsterdam, New York, London: Routledge, 1999. – 107 p.; CIA World Factbook on Kyrgyzstan. – Langley (VA): CIA, 2004; Marat E. National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan. - Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies? 2008. - 103 p.; Political Transition in Kyrgyzstan: Problems and Prospects. – Osh/Brussels: ICG, 2004; Элбабаева А., Пухова М. Транзит в контексте политического развития современного Кыргызстана (1991-2006 гг.) // Центральная Азия и Кавказ (Лулea, Швеция). 2007. № 2. С. 79-91.

Все эти годы Киргизия продолжала оставаться в сфере внимания великих держав – России, США и Китая. Соединенные Штаты не переставали пользоваться созданной в 2001-02 гг. авиабазой «Манас» (Ганси), Россия в противовес США и НАТО восстановила советскую базу близ г.Канта. Китай продолжал наращивать торгово-экономическое и техническое сотрудничество с Киргизстаном, постепенно завоевывая позиции в местной экономике. Астана оставалась ближайшим партнером Бишкека в регионе, хотя между двумя странами время от времени возникали проблемы. Сложными оставались отношения Бишкека с Ташкентом, особенно после андижанских событий в мае 2005 г. В целом К.Бакиев продолжил внешнеполитический курс своего предшественника.

Заслуги и просчеты А.Акаева

К положительным моментам, достижениям и успехам относят следующие действия А.Акаева: быстрые темпы демократических реформ в первые пять лет правления, в том числе становление независимой прессы, появление многопартийной системы и НПО, свобода вероисповедания, своевременное введение национальной валюты; проведение радикальных экономических реформ; активная политика в образовательной сфере; возникновение большого числа новых ВУЗов, часть из которых соответствует международным стандартам высшего образования, строительство новых средних школ, активная молодежная политика (поддержка талантливых представителей молодежи); сбалансированная межнациональная политика (большое внимание уделялось положению национальных меньшинств); восстановление статуса русского языка; активная работа с зарубежными странами и международными организациями; вступление Киргизстана в ВТО. Благодаря личным усилиям А. Акаева международные организации и страны-доноры выделили льготные кредиты и гранты, которые в совокупности составили наибольший объем финансовых поступлений по сравнению с другими странами СНГ, если исходить из пропорций, соответствующих НВП. Активная позиция руководства Киргизстана и лично А. Акаева в разрешении межнациональных конфликтов на территории СНГ (Нагорный Карабах, Таджикистан). Кроме того, создание основ рыночной экономики в таких сферах как торговля, сфера услуг, транспорт; стимулирование А. Акаевым обучения в зарубежных странах учащихся, студентов и специалистов Киргизстана; активная поддержка Бишкеком интеграционных процессов в Центральной Азии и СНГ; проведение подчеркнуто дружественной политики в отношении Казахстана.

В то же время в ходе правления А.Акаева был накоплен серьезный негативный потенциал в политической сфере, который привел к расколу элиты республики и появлению широкой политической оппозиции. К ошибкам политики Акаева относят следующие: скандал вокруг золотого запаса Кыргызстана в 1993 г.; роспуск парламента в 1993 г.; Баткенские события 1999-2000 гг. - неоправданные потери (ответственность за развал Вооруженных сил КР); расцвет коррупции в национальных масштабах, коррумпированность близкого окружения президента; огромный внешний долг (на 2002 г. – до 1,8 млрд. долл. США) и неясность в вопросе, кто возьмет на себя ответственность перед донорами; отсутствие технологии решения данного вопроса; провал внешней политики Кыргызстана по вопросам спорных территорий в 2001 г.; социально-экономический кризис, критически низкий жизненный уровень населения, массовая безработица; продление президентских полномочий на 3-й срок, рост социального недовольства населения (особенно на Юге) и «нелегитимности» с точки зрения клановых интересов; политические репрессии (дело Ф.Кулова) и гонения независимой прессы; неудачная приватизация государственной собственности; слабая кадровая политика; многократное падение промышленного производства, банкротство большинства промышленных предприятий; разбазаривание и нецелевое использование государственного имущества и материальных резервов; неспособность последовательно отстаивать стратегические интересы Киргизстана в спорных вопросах с Казахстаном, Узбекистаном, КНР, международными компаниями и корпорациями (вода, электроэнергия, пограничные территории, золото, табак); экологические катастрофы (Барскаун, выброс цианидов); аксыйские события 2002 года, приведшие к жертвам среди населения; несбалансированная политика в межклановых отношениях.

Как видно из вышеизложенного, основные оценки результатов правления А.Акаева таковы, что отрицательные показатели преобладают над положительными и фактически сводят на нет позитивные основы 12-летних усилий государственного строительства в Киргизстане.

Главной экономической проблемой, приобретавшей доминирующий политический характер, является тяжелое экономическое положение Киргизстана, низкий уровень жизни киргизского общества, огромный внешний долг. Фактически, эти проблемы свели на нет все достижения А.Акаева по реформированию экономики Киргизстана, приватизации госсобственности и введению рыночных институтов. Данные проблемы возникли под влиянием как объективных (бедность ресурсами, неудачное географическое положение, неразвитость коммуникаций, падение производства и развал советской инфраструктуры и т.д.), так и субъективных

(коррупция, непотизм, клановость) факторов. Основным вопросом пост-акаевской эпохи стал баланс между объективными и субъективными факторами, удастся ли преемникам Акаева переломить негативные тенденции в развитии экономики и всего киргизского общества, или же субъективные факторы приобретут объективный характер и превратятся в самодостаточные.

Киргизская экономическая модель

В 1990-2002 гг. среднедушевой ВВП в Кыргызстане сокращался среднегодовым темпом в 4%. Кыргызстан развивался на фоне более низкой инфляции, но экономический рост оставался неустойчивым. В 2002 г. Кыргызстан оказался единственной страной в СНГ, где были зафиксированы отрицательные темпы роста валового внутреннего продукта. Фактором экономического роста в Кыргызстане стал пуск в эксплуатацию золотоносного месторождения Кумтор, на котором фактически замкнута вся конструкция развития страны. Именно проблемы на этом месторождении привели к падению кыргызского валового внутреннего продукта в 2002 г.

К концу правления А.Акаева экономическое положение Киргизии выглядело следующим образом: огромный внешний долг, достигающий почти 2 млрд. долл.; безработица присутствовала практически во всех сферах киргизской экономики. Более 70% заводов в республике не работали. Средняя заработка варьировалась в пределах 10 долл. Безысходность и социальное отчаяние вызывают массовую эмиграцию. Из Кыргызстана эмигрировало, по разным оценкам, по этническим и экономическим причинам, постоянно или временно, около 1 миллиона человек. Свыше полутора миллиона русскоязычных граждан покинули Киргизию начиная с 1989 г.

В Кыргызстане интенсивность структурных сдвигов во второй половине 1990-х годов осталась столь же высокой, как и в первой половине десятилетия. В этой маленькой даже по сравнению с небольшими соседними экономиками стране запуск одного-двух новых производственных проектов оказывает заметное влияние на макроструктуру производства. Пуск в эксплуатацию единственного золотодобывающего месторождения подкинул вверх удельный вес промышленности и строительства в ВВП.

В целом Киргизстан реализовал основные рекомендации Вашингтонского консенсуса: установил свободные цены (за исключением электроэнергии), провел глубокую внутреннюю и внешнюю либерализацию, минимизировал участие государства в экономической жизни. Результаты этой политики оказались разочаровывающими. Импорт и социальные расходы были в значительной степени принесены в жертву макроэко-

номической стабилизации, однако сальдо текущего платежного баланса остается глубоко отрицательным. С 1999 г. внешний долг превысил объем валового внутреннего продукта, при этом страна была не способна обслуживать этот долг.

Следуя рекомендациям Мирового Банка, правительство изменило состав минимальной потребительской корзины, увеличив в ее структуре долю продовольствия за счет исключения более дорогих товаров и услуг. Об отсутствии ощутимого прогресса на пути сокращения бедности в Кыргызстане свидетельствовала динамика расходов населения. Первичный взрыв неравенства наблюдался в Кыргызстане в 1992-1993 гг., что связано с шоковой либерализацией экономики. Сведение к минимуму прямого и косвенного государственного участия в экономике составляло сердцевину стандартных программ стабилизации, предложенных международными донорами Кыргызстану.

Борьба с бюджетным дефицитом, как основным генератором инфляции, составляла сердцевину стабилизационных программ, реализованных международными финансовыми организациями в Кыргызстане. Острие этих программ, как обычно, было нацелено на подавление спроса. Между тем одной из основных причин остройшей бюджетной несбалансированности в этой стране стала практическая реализация идей «Вашингтонского консенсуса». Распад единой советской экономики сопровождался сокращением дотаций Кыргызстану из общесоюзного бюджета, а также потерей для местных предприятий традиционных рынков сбыта. И то и другое нанесло сокрушительный удар по спросу. Приватизация прибыльных сфер (например, рынков алкоголя и табачной продукции) продавила спрос еще глубже вниз. Кыргызская экономика не была окончательно добита только потому, что значительная относительно скромных масштабов ВВП внешняя помощь помогла правительству поддерживать уровень расходов, позволивший избежать социально-политического взрыва.

Значительное снижение объемов промышленного производства и сокращение его доли в структуре ВПП естественным образом обусловили увеличение вклада сельского хозяйства в совокупное производство. Стратегия возрождения с/х сектора, как отрасли, где сконцентрирована основная часть населения страны и дающая ему источники проживания, была основана на приватизации колхозов и совхозов, земельной реформе и создании класса фермеров. Госзаказ на сельхозпродукцию был отменен в 1993 году. Либерализация большинства цен на сельхозпродукцию была закончена в 1994 году. Отличительной чертой режима торговли стали таможенные пошлины на экспорт сельхозпродукции, которые постоянно пересматривались, а в середине 1990-х годов имели

максимальные значения. Программа приватизации перерабатывающих предприятий началась в 1992-1993 гг. и была в основном завершена к концу 1990 годов.

Реорганизация колхозов и совхозов велась уже в условиях их банкротства, что привело к распределению не только собственности, но и долгов. Несмотря на позднее по сравнению с промышленностью и торговлей реформирование, реформы на селе носили шоковый характер и привели к общему обнищанию крестьян. Быстрая ликвидация колхозов и совхозов не оправдала первоначальных расчетов, часто ликвидаторы преследовали узкие интересы отдельных лиц. Коррупция в процессах приватизации в Кыргызстане поразила многие секторы экономики, и сельское хозяйство не стало исключением. Большая часть крестьянства не была готова к столь радикальным реформам ни морально, ни тем более материально. Различные стартовые условия развили неравенство на селе. Кто-то получил хорошие земли, технику, некоторым удалось взять целые производственные объекты, в то время как другие получили свой кусочек земли и больше ничего.

Переход к частной собственности на землю произошел быстро и со многими проблемами. Полный распад колхозов и совхозов прошел без подготовки, и люди внезапно получили по кусочку земли. Они были учителями, трактористами, агрономами. Закон давал равные права для всех работников бывших советских хозяйств. Средний колхоз занимал в среднем земли около 2,5 тыс. гектаров, после их приватизации распределенные индивидуальные земельные участки оказались очень маленькими. В среднем земельная доля одного человека составила 0,35 га. Социальным итогом проведенных преобразований в аграрном секторе явилось резкое обнищание сельского населения, деградация социальной сферы села, передачей социальной сферы с баланса с/х предприятий на баланс местных органов власти, которые не располагали ни финансовыми, ни материально-техническими ресурсами для содержания и развития объектов социально-бытовой инфраструктуры.

Значимость сельского хозяйства для состояния республики отражается фактом, что сельское хозяйство было одним из главных объектов международной помощи. С 1991 по 2000 год было направлено внешней помощи на сумму более 150 млн. долл. Приватизация колхозно-совхозной собственности коренным образом изменила село, создав огромное количество (более 85 тысяч) мелких частных хозяйств, которые составили 98,88% от всех форм сельскохозяйственных субъектов. В целом эффективность сельскохозяйственного производства оставалась крайне низкой. Большинство хозяйств было основано на использовании самого примитивного ручного труда и не

предполагало никакой переработки продукции. Продолжала действовать тенденция возврата к натуральным формам обмена, к архаичным способам производства, несоблюдению требований агротехники.

Одним из главных результатов развития сельского хозяйства стало накопление мощной социальной энергии. Выступая в роли доноров для других отраслей экономики, сельское хозяйство страны необратимо наращивает потенциал кризиса. Неэффективный, большой, отсталый аграрный сектор Кыргызстана решал проблему физического выживания людей, в то же время усиливая напряжение от недовольства нынешним состоянием дел и перманентной угрозой его выброса.

Регулярные реорганизации и перетряхивания правительства вкупе с бесконечными реорганизациями и чистками аппарата создавали обманчивую иллюзию хаотичного броуновского движения. В действительности в кыргызском бюрократическом хаосе четко просматривалась главная направляющая, которая была задана стремлением местных правящих и господствующих группировок «освоить» иностранные кредиты и помочь в собственных интересах. Масштабы международной помощи Кыргызстану в первой половине 1990-х годов достигали 15-20% валового внутреннего продукта, но были использованы предельно неэффективно.

Социальные группы, пришедшие к власти в Кыргызстане, были менее тесно интегрированы в местную структуру власти и собственности, а значит, сравнительно автономны от местного расклада сил и интересов. Реформаторская команда действовала скорее в режиме копирования политики Москвы. Не имея столь прочных связей с местным социумом как в Узбекистане, новая политическая надстройка в Кыргызстане окончательно закрепилась у власти на гребне экономической либерализации и политической демократизации первой половины 90-х годов. Масштабная международная помощь снабдила ее как ресурсами для проведения реформ, так и обеспечила ее личное благосостояние.

Таким образом, тяжелое экономическое положение в стране являлось постоянным катализатором анти-режимных настроений, которые использовались как радикальной, анти-системной, так и умеренной оппозицией. Сужение эффективной экономической базы вело также к обострению межклановой борьбы за овладение и контроль над экономическими рычагами. Эти процессы на глазах суживали социальную базу режима Акаева и политическую поддержку со стороны различных политических и региональных элит. Относительную устойчивость режиму придавал только фактор раздробленности оппозиции.*

---

* См.: Баум Л. Динамика экономических реформ в постсоветском Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 2. С. 110-120; Баум Л. Электроэнергетика Кыргызстана: состояние, проблемы, реформы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 6. С. 113-124;

Политическое развитие Киргизстана

Роковым событием для политической карьеры А.Акаева стал референдум в феврале 2003 г., центральным вопросом которого было продление полномочий А.Акаева и возможность его избрания на 3-й срок. Проведение референдума обнажило и усилило кризисные тенденции во внутриполитическом развитии республики, несмотря на внешнюю видимость успеха. Фактически, А.Акаев был вынужден дезавуировать перед лицом внутреннего и международного общественного мнения свои претензии на продолжение правления.

Для режима, который в течение десяти лет пытался позиционировать себя в качестве самого демократичного в регионе, путь закручивания гаек и развязывания прямых репрессий против оппозиции означал испортить международную репутацию, т.е. поставить под угрозу получение очередных займов и финансовой помощи со стороны мирового сообщества, что было в прямом смысле равносильно экономической катастрофе.

В результате модель власти в Киргизии стала соединять элементы полупрезидентской и президентской республики. Не являясь главой правительства, президент, тем не менее, имел огромные возможности по контролю за его формированием и деятельностью. Но эти прерогативы главы государства, как показала практика, не решили проблемы эффективности деятельности исполнительной власти. За период независимости в Киргизии сменилось десять кабинетов.

Фактически конституционное устройство во многом возвращается к варианту конституции, принятой в мае 1993 г. Конституционное реформирование в Киргизии как бы совершило движение по кругу. Не удалось плодотворно соединить сильную президентскую власть и эффективно действующий демократический парламент. Ни глава государства, ни высший законодательный орган не смогли обеспечить должного конструктивизма в работе государственного механизма.

Первые годы становления независимости привели во властные структуры немало выходцев из глубинки, ставящих во главу угла родоплеменные связи. Поскольку приоритетом для политической карьеры было прежде всего безукоризненное владение государственным языком, попытки высшего руководства страны остановить этот местнический процесс через закрепление русского в качестве второго официального языка долго наталкивались на «непонимание» со стороны законодателей. В итоге в Киргизстане был создан управленческий аппарат, раздробленный на группы сородичей. Речь идет о типично киргизском феномене – т.н. «племенном конгрессе». Таким образом, политическая борьба в Киргизстане развивалась на фоне противостояния «племенного конгресса» и проевропейски настроенной молодой элиты.

Традиционное разделение кланов Киргизии на северные и южные является весьма условным. Оно в некоторой степени отражает географическую принадлежность выходцев из различных регионов республики и ее влияние на формирование кадровых и административных группировок. В ходе формирования режима личной власти А.Акаева наметилась тенденция, состоящая в том, что т.н. «северные» кланы сгруппировались вокруг «семьи» Акаева, а все недовольные сконцентрировались вокруг «южных» кланов. Оппозиция режиму Акаева также наиболее представлена на юге. Самым влиятельным с политической и экономической точек зрения кланом являлась семья и ближайшее окружение А.Акаева. После «семьи» Акаева во властных структурах Кыргызстана доминировал Нарынский клан (в лице Акматалиева, Усубалиева, Касиева, Салымбекова), который в целом оставался лоялен президенту Акаеву. Иссык-Кульский клан также был лоялен Акаеву, но он не являлся гомогенным.

Несмотря на относительный плюрализм киргизстанского общества и большое число оппозиционных партий, антиакаевская оппозиция в Киргизии не представляла собой единой или организованной силы. К наиболее крупным и известным политическим партиям и движениям в республике относились восемь: партия «Ар-Намыс» (Достоинство), Ее номинальным председателем являлся находившийся в заключении бывший глава МВД и мэр Бишкека Ф.Кулов, благодаря личности которого во многом партия стала популярной. Вслед за ней шли Компартия и Социалистическая партия «Ата-Мекен». Остальные партии выстроились в следующей последовательности: Прогрессивно-демократическая партия «Эркин Кыргызстан» (ЭрК), «Асаба» (Партия национального возрождения), партия «Демократическое движение Кыргызстана», Партия действия «Моя страна» и Партия единства Кыргызстана. Кроме того, в оппозиционном движении участвуют такие общественные организации как центр «Интербилим», Бюро по правам человека и соблюдению законности, Фонд «Журналисты в беде», Общественный фонд “За мир в Центральной Азии”, Общественный фонд “За международную толерантность”, Фонд Развития демократии, Фонд «Спасение», НПО «Гражданское общество против коррупции» Т.Исмаилова и ряд других. Оппозиция была широко представлена в парламенте Киргизстана.

Следует отметить, что оппозиция выступала не только по внутриполитическим вопросам, но и критиковала А.Акаева по внешнеполитической проблематике. Так, политическая оппозиция в лице движения «Ар-Намыс» и Социалистической партии, относились к действиям Акаева негативно, видя в них стремление заручиться поддержкой Запада и России исключительно в целях сохранения собственной власти. Оппозиция ставила в вину Акаеву также то, что он нарушает основополагающие международные и

национальные законы, а в феврале 2003 г. через сфальсифицированный референдум узаконил свое единовластие в Кыргызстане. При этом оппозиция пыталась опереться на международную поддержку.

Другой аргумент оппозиции базировался на том, что в Кыргызстане грубо попираются основные права и свободы граждан страны. Независимые политики, журналисты, органы СМИ испытывают на себе массированные и непрекращающиеся репрессии, подвергаются психологическому террору, против них организуются судебные преследования, их не допускают до участия в выборах, или их результаты фальсифицируются. При этом оппозиция постоянно апеллировала к западным институтам и общественным правозащитным организациям.

Любопытно, что оппозиционные настроения захватили также и правительственный аппарат. Как отмечали специалисты, в аппарате отчетливо наметились две группы политического влияния. Первая группа отличалась тем, что явно симпатизировала оппозиции, которой она позволила провести антиправительственные мероприятия и манифестации и выразила поддержку тем, кто выходил на демонстрации (шествия Аксы - Джелалабад- Ош, Аксы - Бишкек, Кара - Кульджа - Бишкек); она к тому же поддержала протесты против незаконного задержания, ареста и депортации из Бишкека делегатов 3-го Курултая. Во внешней политике эта группа противостояла передаче Китаю территории Киргизстана; настоятельно требовала от официальной власти наказать виновников Аксыйской трагедии и прекратить ущемление прав человека в Кыргызстане. Эта группа функционеров выступала за реформирование или постепенный демонтаж акаевского режима.

Вторая группа, состоявшая в основном из активных сторонников режима, была сосредоточена на сохранении существующего режима любой ценой. Она обеспечила принятие «Закона об амнистии». Она также инспирировала уголовные дела на активистов-оппозиционеров. Ими же были организованы проакаевский Курултай и митинги в его поддержку, велась активная работа по расколу оппозиции, подготовке компрометирующих материалов на видных оппозиционеров, организовано преследование СМИ и журналистов, освещавших нарушение прав и свобод человека. А.Акаев пытается стабилизировать ситуацию с помощью различных шагов, в том числе внепарламентскими методами как например проведение Ассамблеи народов республики.

Одно из главных обвинений оппозиции в адрес Акаева состояло в том, что он якобы начал свою деятельность с хищения 3 тонн золота в 1992 г. Оппозиция муссировала слухи о личных счетах Акаева в иностранных банках и недвижимости за границей. Ряд депутатов парламента Киргизии

распространял информацию о 600 млн. долларов США, как будто бы вложенных Акаевым в иностранные банки. Сведения эти не подтверждались документально, но и не опровергались официально из года в год.

Таким образом, главной слабостью оппозиционных сил являлась их раздробленность, отсутствие четкой альтернативной программы развития страны. Оппозиция в Киргизии в основном была сосредоточена на критике реальных и мнимых ошибок президента и правительства. В то же время, высокий уровень политизации общества и свободы слова в Киргизии, достигнутых во время правления Акаева, представлял собой базу для постоянной антиправительственной пропаганды и поддержания социального недовольства. Этому также способствовало тяжелое экономическое положение в республике.*

Исламизм

В полной мере Киргизстан испытал угрозу со стороны воинствующего исламизма во время т.н. Баткенских событий 1999 и 2000 гг. Однако, эта угроза носила в большей степени внешний, чем внутренний характер. В целом, все эти события сыграли положительную роль для укрепления внешнеполитических позиций Киргизстана в целом и режима Акаева в частности. Но исламистская угроза внутри Киргизстана долгое время недооценивалась и сохраняет серьезный дестабилизирующий потенциал до настоящего времени. В некоторой степени ответственность за распространение исламизма несет относительно либеральный режим, созданный Акаевым и позволявший безнаказанно вести пропаганду ваххабизма и исламского фундаментализма.

Одним из главных проводников исламизма в Киргизстане является официально незапрещенная организация “Хизб ут–Тахрир”. Статистика свидетельствует о том, что распространение идей “Хизб ут–Тахрира” принимает угрожающие масштабы. Характерно, что исламистская оппозиция концентрируется прежде всего в Южном Киргизстане. Например, число членов «Хизб-ут-Тахрир» в Джалаабадской области Киргизии перевалило за 2 тыс. С началом войны в Ираке на юге Кыргызстана резко активизировались экстремисты религиозного толка. Так, например, в день празднования Нооруза сотрудникам спецслужб и МВД пришлось столкнуться с беспрецедентным фактом политического шантажа. Ультиматум президенту

---

* Мамытова Э. Проблемы становления политической оппозиции в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2000. № 4. С. 49-53; Ногойбаева Э. Кыргызстан: формирование и взаимодействие политических элит // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 1. С. 118-127.

Кыргызстана Аскару Акаеву поставил неизвестный телефонный террорист. В этих условиях официальный Бишкек проявил волю и решимость к борьбе с исламистами. В населенных пунктах всех трех южных областей - Ошской, Джалаал-Абадской, Баткенской - сотрудники СНБ и МВД среди членов первичных ячеек религиозной партии «Хизб ут-Тахрир» провели массовые облавы. В результате были задержаны семь человек, изъято свыше сотни единиц различной агитационной литературы.

Исламистов обвиняют также в организации или подготовке терактов, в том числе и против китайских представителей. Не всегда ясно, насколько исламисты действительно замешаны в подготовке терактов и насколько этот фактор используют власти для канализации социального недовольства в их адрес. В Кыргызстане о прямой причастности «Хизб ут-Тахрир» к возможным терактам официальные власти впервые заговорили в 2002 г. Исламский фактор имеет для Киргизстана не только внутриполитический, но одновременно и этнический, и внешнеполитический характер, т.к. большинство членов «Хизб ут-Тахрир» – этнические узбеки. Значительное число узбеков, являющихся национальном меньшинством в Кыргызстане, проживает на юге республики и представляет собой потенциальную базу для рекрутирования в ряды исламистов.

В то же время, Бишкек пытался использовать исламистский фактор в свою пользу. Раздувая опасность, грозящую со стороны исламского экстремизма, правительство преследовало несколько целей, утверждают наблюдатели в Оше. Эта угроза могла быть использована для того, чтобы оправдать действия, ограничивающие индивидуальные свободы, и тем самым для того, чтобы заставить замолчать своих политических оппонентов. Ее можно было использовать также для того, чтобы продолжать держать в напряжении международное сообщество. Демонстрируя угрозу международного терроризма, киргизские власти успешно привлекали дополнительную военную и экономическую помощь из-за рубежа. Но угроза исламизма была тесно переплетена с неспокойной социальной обстановкой в республике. Среди руководства республики не было единой точки зрения о том, какую политику проводить в отношении исламистов. Фактором, способствующим распространению исламистских идей, являлось западное военное присутствие в республике. Против присутствия американцев резко выступает часть происламски настроенных депутатов.

Активисты «Хизб-ут-Тахрир» отрицают насилистственные действия в своей деятельности, тем не менее, были факты, когда они также были причастны к серии терактов на территории Кыргызстана. Заметно активизировались уйгурские экстремистские организации из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Достаточно сильно ощущается влияние Турции. В Кыргызстане

не действует сеть турецких учебных заведений, как среднего, так и высшего звена. В них достаточно сильные антироссийские настроения.

Таким образом, исламистская оппозиция в Киргизии стояла особняком от других протестных групп и движений. Ее целью являлось не свержение режима Акаева как такового, но уничтожение любого светского режима, в том числе демократического, за который выступала либеральная оппозиция. Маловероятно, что могла произойти смычка демократической и исламской оппозиции. Но исламистский фактор может быть использован деструктивными силами внутри и вне Киргизстана, заинтересованными в дестабилизации обстановки в этой стране. Кроме того, ситуация осложнялась тем, что исламистское движение имело ярко выраженный этнический характер, т.к. оно распространено в основном на юге республики среди этнических узбеков.*

Внешняя политика

Внешнеполитический курс, проводимый президентом Киргизии А.Акаевым, был рассчитан на достижение им своей главной цели: сохранение власти в собственных руках. Для этого ему была необходима внутриполитическая стабильность, то есть отсутствие серьезных оппонентов и конкурентов и поддержка извне.**

---

* Крылов А. Религия в общественно-политической жизни Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 6. С. 101-107; Курманов Э. Деятельность «Хизб-ут-Тахрир» в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 3. С. 138-146; Мирсайитов И. К вопросу о противодействии идей «Хизб-ут Тахрир» в Кыргызстане // Казахстан-Спектр (Алматы. КИСИ). 2006. № 2. С. 34-38; № 3. С. 31-39; Сухов А. Кыргызстан: роль «Хизб ут-Тахрир в радикализации ислама // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 6. С. 120-129; Чотаев Ч. Этнорелигиозная ситуация в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2005. № 3. С. 77-85.

** Азымбакиев М. Кыргызстан – Европейский Союз: аспекты взаимодействия // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2004. № 3. С. 194-199; Айдаркул К., Омаров М. Сотрудничество России и США с Кыргызстаном в новых геополитических условиях // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 1. С. 136-144; Байбосунов К. Геополитические ориентиры Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2004. № 4. С. 176-186; Бондарец Л. Американское военное присутствие в Кыргызстане: проблемы и возможные последствия // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 4. С. 72-81; Исакова Ж.З. Политика Америки, Китая и России в Кыргызстане: сотрудничество или соперничество? // Ориентир (Бишкек). 2004. № 1. С. 58-59; Казакпаев М. США-Кыргызстан: модель взаимодействия неравновесных участников // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 3. С. 57-63; Керимбекова Н., Галицкий В. К вопросу о кыргызско-китайской государственной границе // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 5. С. 127-134; Суюнбаев М. Геополитические особенности Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2005. № 1. С. 137-144.

С другой стороны, стабильность режима Акаева самым тесным образом была связана с благоприятным внешнеполитическим окружением. Основными партнерами Киргизстана, от которых зависит его безопасность, развитие экономики и внутренняя стабильность являются непосредственные соседи – Казахстан, Узбекистан, Китай, также такие державы как Россия и США. Потенциально, любое из этих государств способно воздействовать на внутреннюю ситуацию в Киргизии. При таких условиях основной внешнеполитической задачей А.Акаева всегда было балансирование между ними. Особенно остро проблема сохранения равновесия встала перед Бишкеком после событий 2001-02 гг. и начала западного военного присутствия на территории республики. На первый план перед Акаевым встала задача сохранения хороших отношений с Москвой. Эта задача была успешно решена благодаря предоставлению России военно-воздушной базы в Канте в 2003 г.

В целом внешняя политика Киргизстана в общих чертах напоминала моновекторную политику Казахстана, только в менее последовательном варианте. Внешнеполитический курс Бишкека был детерминирован рядом факторов, среди которых – соседство с нестабильными Таджикистаном и Узбекистаном, наличие в течение долгого периода времени исламской угрозы, существование развитого наркотрафика и т.д. Несмотря на крен в сторону Запада в 2001 г., Киргизстан пытается поддерживать добрые отношения с азиатскими и мусульманскими странами: Китаем, Пакистаном, Турцией, Индией и Ираном.

Константой внешней политики Киргизии является поддержка Бишкеком стабильно добрососедских отношений с Казахстаном, а также участие во всех интеграционных процессах в рамках центральноазиатского региона и СНГ. В качестве своей визитки на международной арене Киргизстан долгое время использовал свое вхождение в ВТО. На современном этапе Киргизстан выдвигает инициативу проведения у себя встречи ОБСЕ с Организацией Исламская Конференция. Целью этой инициативы является не столько со-пряжение проблем европейской безопасности с исламским миром, сколько получение пропагандистских дивидендов по примеру Казахстана (СВМДА) и Узбекистана (Безъядерная зона в Центральной Азии).

После того, как Акаев дал согласие предоставить антитеррористической коалиции во главе с США стратегически важный аэропорт Манас, главной задачей в течение последних полутора лет для него было сохранить партнерские отношения с Россией и Китаем, чьи интересы и чью безопасность затрагивало военное присутствие американцев в регионе.

Отношения Киргизстана с Россией включали три основных направления: 1) военное сотрудничество; 2) положение русскоязычного населения и русского языка в республике; 3) торгово-экономические отношения и интеграция в рамках ЕврАзЭс.

Президент Акаев подчеркивал заинтересованность в углублении сотрудничества с Россией. При этом особое внимание он уделил военно-политическому аспекту межгосударственного взаимодействия, начало которому было положено в конце июля 2000 г., когда во время пребывания Акаева в Москве была подписана Декларация о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве, а в декабре 2002 г., уже во время визита Владимира Путина, в Бишкеке было принято решение о создании российской авиабазы в Канте. Заключенный между Россией и Киргизией договор о военной базе в Канте носил по-своему уникальный характер. Он предусматривал эксплуатацию этого объекта на протяжении 15 лет с последующим пролонгированием каждые 5 лет. Более того, база становилась экстерриториальной и находилась под командованием российского Министерства обороны, а российские военнослужащие на ней пользуются юридическим иммунитетом.

Для России база в Канте представляла интерес не только сама по себе и как противовес американскому присутствию, но в первую очередь из-за близости Таджикистана и Афганистана. Об этом недвусмысленно заявил министр обороны РФ С.Иванов. Авиационная группировка была предназначена для решения двух групп задач. Первая - переброска многочисленных военных контингентов из состава сил быстрого развертывания (а это в основном российские войска) по всей территории государств, входящих в Договор о коллективной безопасности (его члены: Россия, Белоруссия, Армения, Киргизия, Казахстан и Таджикистан). Самое важное состояло в том, что десантирование в короткие сроки могло осуществляться в любой точке государств Центральной Азии.

Вторая группа задач - поддержка с воздуха боевых действий сил быстрого развертывания, а также их прикрытие с воздуха от средств нападения противника. В целом, Кантская база может выполнять функцию регионального командования. В соглашении оговаривалась схема финансирования деятельности подразделений российских ВВС в Киргизстане, которые вместе с киргизскими летчиками войдут в состав Коллективных сил быстрого развертывания Организации договора о коллективной безопасности. Согласно этой схеме, российская сторона освобождается от платы за аренду аэродрома в Канте, но будет нести расходы по содержанию своего личного состава, техники и ремонтно-восстановительных работ на аэродроме.

В основном, пойдя на компромисс с Москвой по военно-стратегическим вопросам, Акаеву удалось укрепить свое внутри- и внешнеполитическое положение, восстановить баланс между США и Россией, укрепить национальную и региональную безопасность. Другой важной уступкой России со стороны режима Акаева стало приданье статуса государственного языка русскому языку, который получил конституционно закрепленную

государственную защиту наравне с киргизским языком. Россия начинает также проявлять активность в нефтегазовой области (см. выше). Темой российско-киргизских переговоров являлась также проблема реабилитации урановых «хвостохранилищ», для чего, по оценкам специалистов, требуется не менее 50 млн. долл. Российская сторона выразила готовность оказать содействие в подготовке технического проекта консервации «хвостохранилищ», в частности Каджи-Сайского.

В российском внешнеполитическом истеблишменте не вызывало особых беспокойства заигрывание Акаева с Западом. Российское руководство привыкло считать Акаева одним из своих надежных союзников в Центральной Азии и надеялось, что он, по крайней мере, останется на своем посту до конца президентского срока, истекавшего в 2005 г. Политические противники Акаева в противоположность ему придерживались более националистических позиций и были менее склонны к сотрудничеству с Россией. Москва отблагодарила руководство Бишкека тем, что пролонгировала долг Киргизстана перед Россией, который составляет примерно 170 млн. долл., а также обещала не депортировать киргизских граждан из России, которые находятся на ее территории в качестве трудовых мигрантов. Тем временем в киргизском парламенте вполне серьезно начали обсуждать вопрос о вхождении Киргизстана в союз Россия – Беларусь.

Однако, существует точка зрения, что российская база в Канте имеет в большей степени символическое, политическое значение, чем военно-стратегическое. Опыт ведения боевых действий на юге республики в 1999 и 2000 гг. показал малую эффективность авиации в горных условиях в борьбе с небольшими бандформированиями. При таком раскладе России нет никакого смысла вкладывать большие средства в развитие своей авиабазы в Киргизстане. Авиабаза в Канте, безусловно, будет символизировать российское присутствие в Киргизстане, но не более того.

В последние годы своего правления А.Акаев позволил себе далеко идущие высказывания об объединении Киргизстана и стран Центральной Азии в единое геополитическое и геоэкономическое пространство с Россией. Но заигрывая с Москвой, Бишкек в то же время готов сохранять и расширять западное военное присутствие у себя. Основной тезис Акаева состоял в том, что база в Манасе временная, а в Канте российская авиабаза разместилась на постоянной основе.

Характерно, что российско-киргизское сближение было продиктовано внутриполитическими задачами, стоявшими как перед Путиным, так и перед Акаевым. Для российского лидера это, во-первых, являлось свидетельством восстановления обороноспособности России, что немаловажно и накануне выборов. Во-вторых, это важный геополитический шаг с точки

зрения военного закрепления России в Центральной Азии. В то же время россияне начали открыто говорить и о росте конкуренции между Россией и США за геополитическое влияние в регионе, что в определенный момент может привести к осложнению двусторонних отношений или стать предметов торга по другим ключевым вопросам.

Военное сотрудничество между РФ и КР охватывало также и военно-техническую сферу. Сторонами было подписано Соглашение по взаимодействию в сфере военного экспорта, которое предполагает совместные действия Киргизии и России на оружейных рынках третьих стран. Со временем планировалось создать в Киргизии несколько совместных предприятий в сфере ОПК и впоследствии реализовывать их продукцию за пределами обоих государств. Таким образом, поддержка Москвой Акаева указывала на то, что Россия, несмотря на собственные серьезные экономические трудности и радикально изменившуюся геополитическую ситуацию в регионе рассматривает Киргизстан как плацдарм для восстановления своего геополитического и экономического влияния в Центральной Азии.

Киргизстан был заинтересован в поддержании интеграционных усилий по всем параметрам: в рамках ЦАЭС, ЕврАЗЭс, СНГ, ШОС и т.д. Однако, Бишкек вынужден постоянно балансировать между различными тенденциями регионального развития и центрами силы: между Россией и Западом, Москвой и Пекином, Астаной и Ташкентом, Узбекистаном и Таджикистаном. Все эти факторы чрезвычайно осложняли проведение устойчивого внешне-политического курса. Несмотря на эти обстоятельства А.Акаеву удалось сформировать некое подобие внешнеполитической стратегии, которая базируется на гибком балансируении между различными силами, а также на внешне выраженной комплементарности в адрес Казахстана, сдержанности в отношении Узбекистана и твердости по отношению к Таджикистану.

Основной целью региональной политики Бишкека является реализация различных транспортно-коммуникационных проектов, которые связали бы все государства Центральной Азии с внешними рынками. Непременным условием этих проектов является участие в них Киргизии на правах ключевого отрезка. Другой целью Киргизстана является формирование единого экономического пространства в Центральной Азии.

Отношения Киргизстана с Казахстаном носили при Акаеве многосторонний характер. Среди наиболее приоритетных для Бишкека аспектов этого сотрудничества следует назвать экономику, трудовую миграцию и политические отношения на высшем уровне. Акаев всегда старался поддерживать свои личные отношения с казахстанским руководством в подчеркнуто лояльной форме и даже пошел на создание семейной унии. Последующие события привели к некоторому охлаждению этих отношений.

Несмотря на внешне благополучный характер казахстанско-киргизских отношений и постоянное декларирование «братьского» содержания, между двумя республиками регулярно возникали и возникают проблемы торгово-экономического плана.

Взаимоотношения Киргизстана с Казахстаном, титульные народы которых считаются в регионе самыми близкими по языку и духу, на официальном уровне в обеих странах постоянно провозглашались гармоничными и беспроблемными, подчеркивалось отсутствие разногласий. Тем не менее, киргизское общественное мнение зачастую настраивалось в отрицательном духе в отношении Казахстана как на уровне СМИ, так и в парламенте.

В отличие от отношений КР с Казахстаном, киргизско-узбекские отношения носили более сложный и противоречивый характер. Они затрагивали не только весь комплекс двусторонних и региональных связей (этнических, экономических, транспортно-коммуникационных, культурных и т.д.), но и соприкасаются с большой геополитикой, затрагивая интересы США, России и Китая, а также тесно связаны с проблемами внутренней безопасности КР. В первую очередь, внутриполитическая стабильность в Киргизии зависела и от складывающейся на юге страны обстановки: именно здесь находятся опорные пункты организации Хезб-ут Тахрир, обвиняемой в терроризме и запрещенной на пространстве СНГ.

Сам Акаев стремился не ухудшать отношений с соседним Узбекистаном, имеющим тесные отношения с США и НАТО и влияющим на многочисленную узбекскую диаспору на юге Кыргызстана. Бишкек был в состоянии серьезно ограничить узбекское влияние в регионе, используя российское военное присутствие и опираясь на Казахстан. Учитывая это, Ташкент периодически чередовал некоторые уступки Киргизстану по политическим вопросам с прессингом, и как считают киргизские эксперты, оказывал жесткое давление в приграничных спорах: минировал все спорные сопредельные территории и вел тихую экспансию на киргизские земли и промышленные объекты, при этом всячески демонстрируя военные мускулы.

Узбекистан вел собственную сложную игру вокруг строительства магистрали на Китай (ККЖД). Ранее обсуждение этой идеи наталкивалось на несогласованность интересов Узбекистана и Киргизии, с одной стороны, КНР и Киргизии, с другой. Узбекистан хотел бы видеть себя в ведущей роли, однако это не встретило энтузиазма в Киргизии. Киргизская сторона настаивала на своем варианте – прохождении ККЖД через перевал Торугарт, поскольку в этом случае республика решила бы сразу несколько важнейших задач обеспечения безопасности и дорога дала бы новый импульс развитию высокогорной Нарынской области. Узбекистан защищал свой проект “Торугарт - Андижан” и, более того, лоббирует линию “Иркештам-Андижан”.

Регулярно обострялись между Бишкеком и Ташкентом водная и газовая проблемы. Согласно устоявшейся схеме, каждое лето Киргизия отдавала свою воду Узбекистану для орошения его сельскохозяйственных земель. А зимой взамен Узбекистан поставлял Киргизии природный газ. Но после раз渲ала СССР ситуация изменилась. Теперь вместо воды Ташкент за нефть и газ требовал оплату за валюту, которой у Киргизии просто нет. В ответ Бишкек в последние годы стал перекрывать воду Узбекистану и приступил к строительству плотин для увеличения производства собственной электроэнергии. В последнее время чрезвычайно обострились киргизско-узбекские погранично-торговые отношения.

Отношения Киргизстана с Западом строятся в целом по схеме, характерной для всех государств Центральной Азии, Кавказа и большинства постсоветских республик. Она включала в себя завышенные ожидания финансово-экономической помощи со стороны Запада, сотрудничество в военно-стратегической сфере как плата за экономическую помощь и инвестиции, критику со стороны Запада в области прав человека и демократизации, регулярный политический флирт с Россией по мере нарастания критических нот в диалоге с Западом.

Узловой точкой отношений Киргизии с Западом являлась база в международном аэропорту Манас, которую Бишкек предоставил в конце 2001 – начале 2002 г. в распоряжение антитеррористической коалиции. События 11 сентября 2001 г. и последовавшая вслед за ними антитеррористическая операция в Афганистане резко повысили значение центральноазиатских республик для США. А.Акаев не замедлил этим воспользоваться, что в конечном счете укрепило его режим. Но база в Манасе является для режима Акаева не только политической гарантией в отношениях с Западом, но и важнейшим источником поступления валюты в казну.

В частности, в 2001-2002 ф.г. объем военной помощи Киргизии, утвержденный конгрессом США, составил в общей сложности 11 млн. долл. В 2002-2003 ф.г. этот объем еще значительно возрос. Турция также обязалась оказать военно-техническую помощь вооруженным силам Киргизии на сумму 1,1 млн. долл. Соответствующее соглашение было подписано в марте 2002 г. Турция оказывала военно-техническую помощь киргизской армии с 1999 г., которая составила в общей сложности 3,5 млн. долл. Военно-техническую помощь Киргизии оказывала и Франция. В июне 2002 г. была достигнута договоренность о передаче Францией киргизским вооруженным силам материально-технических средств и вещевого имущества в качестве гуманитарной помощи. В рамках программы «Партнерство ради мира» в Киргизии реализовывались около 100 различных проектов.

Как отмечалось выше, отношения Киргизстана с Западом использовались киргизской оппозицией для укрепления своих позиций в борьбе с А.Акаевым. Со своей стороны, Запад время от времени использует тему демократии для нажима на официальный Бишкек. Другой сферой для беспокойства Вашингтона является постоянная угроза со стороны радикального ислама. Помимо ИДУ озабоченность Белого дома вызывают уйгурские сепаратистские группировки. В апреле 2003 г. госдепартамент заявил, что ИДУ, в сотрудничестве с «Аль-Каидой» и Исламским движением Восточного Туркестана, воюющим за отделение СУАР от Китая, готовят нападение на американских граждан в Узбекистане.

В общей сложности экономическая помощь США, оказанная республике, составила примерно свыше 700 млн. долл. Начиная с 2001 г. МВФ выделял Киргизии 93 млн. долл. на поддержку правительственной программы развития с 2001 по 2004 г. В 2002 году кредиторами Парижского клуба достигнуто соглашение о реструктуризации внешнего долга на «хьюстонских условиях». В целом, ожидания киргизской стороны того, что с военным присутствием Запада в страну придут западные инвестиции и будут прощены долги, не оправдались. Реструктуризация коснулась лишь малой части киргизского долга.

Таким образом, Запад с одной стороны, был заинтересован в поддержании стабильности в Киргизстане и, следовательно, сохранении А.Акаева у власти. С другой стороны, у Запада уже не осталось иллюзий относительно имиджа Киргизии как «демократического острова в Центральной Азии». К 2004-05 гг. США уже не сомневались, что Акаев сделал ставку на сохранение своей авторитарной власти. С экономической точки зрения Киргизия практически не представляла никакого интереса для Вашингтона. Единственным для США аргументом в пользу сохранения режима Акаева у власти оставались только опасения по поводу возможной дестабилизации республики, угрозы со стороны радикальных исламистов и конкуренция с Москвой и Пекином за военно-стратегическое влияние.

Падение Акаева

В марте 2005 г. долго назревавшие в киргизском обществе противоречия вырвались наружу. Эти события получили название «революции тюльпанов» (по аналогии с «революцией роз» в Грузии). Но вскоре после устроенных погромов в Бишкеке эти события стали называть «наждачной революцией». Причины, которые привели к падению

А.Акаева, накопились в социально-экономической области и в политической сфере.*

Парадоксально, что обвальное сокращение государственного участия в экономике сопровождалось в Кыргызстане с параллельным разбуханием госаппарата. Численность занятых в органах управления выросла здесь больше чем в 2 раза: если в начале транзита на 1000 жителей страны приходилось 8 управленицев, то в 2000-х гг. этот показатель составил уже 15. Тем самым созданная Акаевым (или при его попустительстве) экономическая система породила колоссальные социально-экономические проблемы. Но последние не могли не затронуть и политической сферы. С начала 2000-х годов Киргизию лихорадило от политической борьбы, когда замаскированной, а когда – открытой.

Сужение эффективной экономической базы закономерно привело также к обострению межклановой борьбы за овладение и контроль над экономическими рычагами. Тем самым правление А.Акаева привело к расколу элиты республики и появлению широкой политической оппозиции. Список претензий со стороны противников режима был огромен. Он включал в себя такие факты как скандал вокруг золотого запаса Кыргызстана в 1993 г., роспуск парламента в 1993 г.; огромный внешний долг; провал внешней политики Кыргызстана по вопросам спорных территорий; политические репрессии (дело Ф.Кулова); экологические катастрофы; аксыйские события 2002 года, и многое другое. Вполне вероятно, что претензии к Акаеву были серьезно преувеличены, что неизбежно в любой политической борьбе.

Система, созданная А.Акаевым, позволяла одним (как правило, его ближайшим родственникам и приближенным) вольготно обогащаться, а другим с завистью наблюдать за этим процессом. Вот некоторые примеры из экономической жизни акаевского Киргизстана: как утверждали, жена президента контролировала процесс кадровых назначений (20% всего ВВП). Его сын Айдар контролировал практически весь доходный местный бизнес. Зять быв-

---

См.: Князев А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. – Алматы, Бишкек: Фонд ИНС, 2005. – 252 с.; Акаева Б. Цветы зла. О так называемой «тюльпановой революции» в Кыргызстане. – Москва: Международные отношения, 2006. – 176 с.; Борисов Н. «Революционные» и «постреволюционные» процессы на постсоветском пространстве: правомерен ли сравнительный анализ? (На материалах Украины и Кыргызстана) // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 5. С. 81-93; Тастенов А. Феномен «цветных революций»: от классической теории к непредсказуемой практике Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007 № 1. С. 37-53; Тодуа З. Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Аскара Акаева // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2005. № 3. С. 16-27; 'Tulip Revolution': Motives, Mobilization and Meanings. Central Asian Survey (Oxford). 2008. Vol. 27. Issue 3-4.

шего президента (гражданин Казахстана) «держал» весь алкогольный рынок республики. Параллельно он осуществлял шефство над СМИ, энергетикой, транспортом, связью, национальной авиакомпанией. По разработанной им схеме должен был проводиться последний этап приватизации местной хлопковой и сахарной промышленности. Многомиллионные западные кредиты под «зята Акаева» (реконструкция аэропорта Манас и др.) гарантировались правительством в размере до 1,7 млрд. долл. в виде прямых госинвестиций.

Именно среди региональных элит, отстраненных от дележа общенационального пирога, давно готовился бунт. Нельзя сказать, что Акаев не знал или не чувствовал нарастающего недовольства. В рамках своего политического поля и собственных интересах и представлений об общественном благе он пытался «спасти ситуацию», то есть, продлить созданный им режим. К числу его маневров можно отнести референдум в феврале 2003 г., центральным вопросом которого было продление полномочий А.Акаева и возможность его избрания на третий срок. Но проведение референдума еще более обнажило и усилило кризисные тенденции в республике.

Фактически, у Акаева не было другого пути кроме балансирования, которое в конце концов переросло в политические метания. Силовой метод был исключен. Для режима, который в течение более десяти лет пытался позиционировать себя в качестве самого демократичного в регионе, путь закручивания гаек и развязывания прямых репрессий против оппозиции означал испортить международную репутацию, т.е. поставить под угрозу получение очередных займов и финансовой помощи. В результате модель власти, которую начал строить под себя Акаев в Киргизии, стала соединять элементы парламентской и президентской республики. Не являясь главой правительства, президент, тем не менее, мог контролировать его формирование и деятельность. Но эти прерогативы главы государства, как показала практика, не решили проблемы эффективности деятельности исполнительной власти. За период независимости в Киргизии сменилось свыше десять кабинетов. Но у этой политики был еще один аспект: tandem «слабый президент – сильное правительство» подавался Акаевым как оптимальный вариант компромисса между Севером и Югом.

Крупной политической ошибкой Акаева стала конституционная реформа 2002 г., которая подразумевала развитие института местного самоуправления. Но в результате реформа еще больше обострила противоречия и обозлила противников режима, поскольку действия Акаева практически подорвали процесс принятия реформы.

Время от времени А.Акаев пытался демонстрировать свое стремление вести диалог с оппозицией. Так, он шел на некоторые внешние уступки. Поправка, внесенная оппозицией, полностью исключала абсолютное

вето Президента на принятие законов. Была предложена такая процедура принятия поправок в закон, вносимых главой государства, которая должна быть обеспечена четырьмя пятыми от общего числа голосов депутатов. Тактические маневры в виде референдума, маневрирование между требованиями оппозиции и парламентариев, манипулирование общественным мнением и использование административного ресурса позволяли Акаеву добиваться успеха: 79% участников референдума положительно ответили на второй вопрос о сохранении его полномочий

Кроме того, А.Акаев пытается стабилизировать ситуацию с помощью различных шагов, в том числе внепарламентскими методами как например проведение Ассамблеи народов республики. Однако оппозиция не участвовала в Съезде, так как объявила это мероприятие не легитимным. Это стало фактически официальным объявлением войны, которое киргизский лидер не понял, или не придал ему должного значения.

В конце марта 2005 г. события развивались стремительно. Оппозиции удалось вывести на улицы и центральную площадь Бишкека многотысячные толпы. Следует отдать должное А.Акаеву, который отказался от применения силы против толпы, штурмовавшей президентский дворец. Вскоре он покинул страну (отправился в Казахстан, а оттуда в Москву). Столица Киргизии на несколько дней оказалась во власти уличной толпы. Произошли погромы города и его торговой инфраструктуры. Ситуацию спас освобожденный из тюрьмы Ф.Кулов, которому удалось сравнительно быстро навести порядок. Затем он демонстративно вернулся в заключение, потребовав официального судебного решения о своем освобождении.

После мартовской революции сложился триумвират в составе К.Бакиева (бывший премьер, отражавший интересы южных кланов), Ф.Курова (северянина) и Р.Отунбаевой (бывшего министра иностранных дел). Вскоре триумвират превратился в дуумвират Бакиев-Кулов. Политики достигли договоренности о том, что К.Бакиев пойдет на выборы президента, а в случае победы выдвинет Ф.Курова на пост премьер-министра. Так и произошло в 2005 г. Однако под грузом противоречий этот политический тандем не просуществовал и двух лет и распался. Ф.Кулов вернулся к оппозиции правящему режиму, а К.Бакиев продолжил незаконченный Акаевым процесс строительства авторитарной вертикали власти.

Постакаевский Киргизстан

Внутриполитическая ситуация в стране после мартовской революции далеко не отличалась политической стабильностью. Это было особенно характерно для постакаевского периода (2005-06 гг.). Со второй полови-

ны 2007 г. наметились признаки стабилизации и укрепления вертикали власти президента К.Бакиева. Самой большой проблемой для Киргизстана являлось отсутствие у правящей элиты, пришедшей к власти в результате «революции», четкого видения путей дальнейшего развития страны. Политические процессы в Кыргызстане отличаются значительной неопределенностью, доминированием субъективных факторов, потерей авторитета подавляющего большинства политиков, пришедших к власти в последние годы. Фактически речь идет о состоянии латентной войны между основными элитными группировками, сопровождаемой применением самых различных способов вытеснения противников.

Динамика развития хозяйственной системы Кыргызстана характеризуется высокой степенью неустойчивости и зависимости от продолжающегося социально-политического кризиса. В развитии экономических процессов Кыргызстана последних лет отслеживается ряд ключевых тенденций, среди которых шаткость макроэкономических показателей; продолжение активной фазы передела собственности; ухудшение инвестиционного климата; социальная нестабильность, последствиями которой являются нарушение социально-психологического климата и рост эмиграционных настроений; провал попытки экономических реформ.

Одним из самых негативных последствий социального кризиса, охватившего Кыргызстан, является рост эмиграционных настроений среди населения. Замедленное решение проблем бедных слоев населения и затягивание социально-политического кризиса в Кыргызстане, сопровождаемое экономическим спадом, ведет к ухудшению социально-психологического климата в стране.

Развитие Кыргызстана после «тюльпановой революции» характеризуется спадом темпов экономического роста, высокой степенью нестабильности новых структур власти и неопределенностью с перспективами дальнейшего развития государства и общества. Главный негативный фактор в экономике Кыргызстана это потеря хозяйственной системой страны прогрессивной динамики роста предыдущего пятилетия. Продолжающийся масштабный передел собственности в Кыргызстане оказывает негативное воздействие на работу значительного числа предприятий. Несмотря на приток значительного объема ПИИ после «тюльпановой революции» со стороны российских и казахстанских компаний, в целом инвестиционный климат в Кыргызстане заметно ухудшился.

Свидетельством нарушения вертикали власти в государстве является отсутствие эффективного взаимодействия между исполнительной и законодательной ветвями власти. По мнению ряда аналитиков, сегодня Кыргызстан фактически уже находится на этапе латентного гражданского противостояния между различными центрами силы.

В пост-революционном Кыргызстане при осуществлении государственного управления, разрешении конфликтных ситуаций, назначениях и отстранениях должностных лиц чаще всего преобладают факторы семейственности, землячества, личных симпатий и антипатий, эмоции, т.е. факторы субъективного характера. Позитивным фактом в политической жизни КР можно считать также то, что несмотря на прогнозы ряда политологов, радикальные исламские группы почти ничем не проявили себя со временем, прошедшем с марта 2005 г. «революции».

Таким образом, в КР сохраняется реальный риск того, что правительство может утратить контроль над общественными институтами и территорией. В этом случае страна может столкнуться с периодом неконтролируемой криминализации общества и перманентного насилия, хотя и без полномасштабной гражданской войны. Продолжение борьбы за властные рычаги влияния внутри новой правящей элиты приводит к нарушению вертикали государственной власти, усилению самостоятельности региональных элит.

Большой интерес у киргизского интеллектуального и политического сообщества вызвала идея Центральноазиатского Союза (озвученная Н.Назарбаевым в марте 2008 г.). Однако часть киргизского общества была настроена крайне критически. Многие в Киргизстане склонны видеть в этой идее проявление экспансионистских тенденций в политике Астаны. Логика этих представителей киргизской элиты состояла в том, что Казахстану Союз центральноазиатских государств необходим в качестве «подпорки» в ШОС, чтобы относительно на равных говорить с Россией и Китаем.

В целом же фактор «казахстанской экспансии» наиболее активно использовался местной оппозицией, зачастую в чисто спекулятивных целях. Тем не менее, он оказывал определенное влияние и на новую правящую элиту, которая уже заметно отличалась по мышлению и восприятию Казахстана от акаевской. Это способствовало росту недоверия к Казахстану среди политического класса и простого населения. Спорадически возникающие торгово-экономические, транспортные и другие проблемы только подпитывали подобные настроения.

У Казахстана и Киргизстана накопились следующие проблемы в двусторонних отношениях: долги на государственном уровне, задолженности с советских времен, долги хозяйствующих субъектов; водно-энергетические ресурсы: режим эксплуатации, координация действий на региональном уровне, формы оплаты и компенсации, поддержка инфраструктуры, инвестиции; трудовая миграция: правовой статус мигрантов, квоты, валютно-финансовые вопросы и налогообложение, недостатки правовой базы и отсутствие государственной политики с обеих сторон; транспортные проблемы: пограничный режим, поддержка дорожной инфраструктуры,

коррупция, тарифная политика. Крайне острой оставалась взаимосвязанная проблема использования водных ресурсов и поставок электроэнергии. Киргизская сторона глубоко уверена, что сложившаяся в результате прошлых договоренностей существующая практика обмена и взаимозачета является несправедливой для них.

Можно констатировать, что современный правящий класс Киргизстана не является монолитным или гомогенным. Киргизская элита расколота, как по внешним – кланово-региональным признакам, так и по идеологическим представлениям о дальнейших путях развития страны. Этот раскол проходит и по вопросу к интеграции с Казахстаном. Одна часть элиты, сформировавшаяся в основном в позднеакаевский и бакиевский периоды, с недоверием относится к интеграционным инициативам Астаны, в которых видит попытки Казахстана установить свое монопольное доминирование в регионе. Ее поддерживает определенный сегмент национального бизнес-сообщества, опасающегося потерять свои монопольные позиции в экономике в случае прихода казахстанских инвесторов.

Другая часть киргизской элиты понимает необходимость региональной кооперации, как и интеграции с РК на двустороннем уровне. Их тревоги связаны преимущественно с некоторыми негативными реалиями казахстанского бизнеса, которые они наблюдали в предшествующие годы. Кроме того, они также беспокоятся за судьбу суверенитета своей страны, учитывая реальные масштабы двух экономик. Тем не менее, эта часть киргизской элиты стремится найти компромиссные варианты, которые учитывали бы национальные интересы КР.

Объединяет обе части киргизской элиты искреннее стремление воспользоваться экономическим и ресурсным потенциалом Казахстана для решения неотложных проблем Киргизстана. По-видимому, для дальнейшего продвижения идеи региональной кооперации и интеграции Астане придется активно играть на этом факторе.

Глава 3. Драма постсоветского Туркменистана

Развитие ситуации в Туркменистане всегда являлось одной из наиболее закрытых тем для любого стороннего наблюдателя. Тем не менее, известно, что в этой центральноазиатской республике был создан экзотический режим во главе с бывшим первым секретарем Туркменской ССР, затем первым президентом Сапармурадом Ниязовым. Он сам, его личность и его внутренняя и внешняя политика не раз становились центром внимания мирового общественного мнения в силу их необычности. Так, С.Ниязов провозгласил Туркмению «нейтральным государством». Туркменский

нейтралитет был официально признан в рамках ООН, СНГ и рядом других международных организаций. Очень быстро нейтралитет Туркменистана превратился в почти полную изоляцию страны.

С.Ниязов запустил в своей республике маховик культа личности, пре-восходивший по размаху, глубине и нелепости культы таких тоталитарных политиков как И.Сталин, Мао Цзэдун и др. Ему было присвоено почетное имя «Туркменбашы» (отец всех туркмен). Страна оказалась в условиях жесточайшей диктатуры, которая подавляла любое проявление инакомыслия. Туркменская элита постоянно подвергалась перетряскам, репрессиям и перетасовкам, что препятствовало ее консолидации. Экономическая политика строилась на тотальном вмешательстве государства в развитие народного хозяйства, гигантоманией, прожектерством и кампанией, напоминавшими перегибы советского времени.

Французский исследователь С.Пейруз (сотрудник INALCO – Национального института восточных языков и цивилизаций) в своей книге, посвященной Туркменистану, пишет, что «хотя власти не перестают вешать, что XXI век сделает Туркменистан хозяином своей судьбы, действительность оказывается более мрачной, чем можно было предположить». В отношении экономической системы, созданной С.Ниязовым, автор более чем критичен: советская экономическая система, в большей своей части сохраненная, утеряла весь смысл, поскольку связующие ее государственные звенья были разорваны. Туркменская республика уже была одной из самых отсталых в Советском Союзе, но два десятилетия независимости довели население до полного обнищания: преобладание хлопковой культуры, отсутствие частного сектора, экологические бедствия, ликвидация общественных служб. Что касается политической системы, то она обрела наиболее карикатурные формы сталинизма: культ личности, почти полная культурная автаркия, изоляция на международной арене, националистическая мегаломания в общественной риторике, гигантомания госпроектов в архитектурной области, массовая коррупция государственных структур, неумное желание переустройства природы.*

На международной арене С.Ниязов игнорировал институты СНГ и все интеграционные инициативы, тормозил процесс делимитации Каспийского моря, интриговал против соседей (Казахстан и Узбекистан), испортил отношения с Западом и Турцией, вступил в тесные отношения с режимом талибов в Афганистане. Более или менее стабильные отношения у Ашхабада были с Тегераном и с Россией в лице Газпрома,

---

* Peyrouse S. *Turkménistan. Un destin au carrefour des empires.* – Paris: Edition Belin, 2007. – 184 p.

который являлся главным экспортером туркменского газа на мировой рынок. Собственно говоря, именно запасы газа и были в течение всего правления Туркменбashi экономической базой его режима. С.Ниязов активно включился в трубопроводную геополитику, поддерживая самые различные проекты: трансафганский, транскаспийский, иранский, китайский и т.д.

Туркменистан является постоянным участником игры вокруг каспийской нефти. Газовая политика Ашхабада затрагивает интересы России, Украины, Грузии, а в дальнем зарубежье – Турции, стран Европейского Союза. Участие Туркменистана в крупных трубопроводных проектах в направлении Южной Азии может усилить его международный вес как в Центральной Азии, так и на всем Среднем Востоке.

В конце лета 2005 г. Туркменистан привлек внимание международного сообщества в связи с выводом американских военных баз из Узбекистана и попытками Вашингтона провести зондаж относительно размещения на территории этой страны своих военных баз. Эти контакты между США и Туркменистаном вновь вывели республику из периферии мировой политики на авансцену.

С.Пейруз указывает, что при всей своей карикатурности, с режимом Туркменбashi считались на международной арене, поскольку все вышеизложенное не умаляет стратегической роли Туркменистана в международном плане: Каспийское море обречено быть возрастающим энергетическим полюсом, Россия продолжает доминировать экономически над регионом, и появляются новые соседи, доселе остававшиеся в тени, и теперь заявляющие о себе. Иран, верный партнер Туркменистана, так же как и Китай, все более выходящий на авансцену, а также Пакистан и Индия.

Однако в конце 2006 г. С.Ниязов ушел из жизни при невыясненных обстоятельствах. Новым лидером республики стал Губайдуллы Бердымухамедов. Туркмения получила шанс на реформы и выход из международной полу-изоляции, в которую страну поместил старый режим. Внутри- и внешнеполитическое наследство, которое Туркменбashi оставил новому руководству страны, было достаточно сложное. Перед новым руководством республики стоит задача постепенного демонтажа ниязовского режима без радикальных потрясений.

Драматические события, связанные с неожиданной для многих кончиной лидера Туркменистана С.Ниязова и приходом к власти его преемника Г.Бердымухамедова, активизировали закулисную борьбу вокруг Ашхабада. Целью этой борьбы является: для Запада – вовлечь Туркмению в состав участников альтернативных проектов по поставкам газа в Европу; для

России – сохранить свои преференции по монопольной транспортировке туркменского газа на зарубежные рынки.

Запад попытался вытеснить Россию из Туркменистана, который является потенциально важнейшим ресурсом для избавления Европы и прозападных республик СНГ от зависимости в российском газе. Запад ждал от нового руководства Туркменистана прозападного толка и жестов в плане соблюдения прав человека, некоторой формальной либерализации, освобождение части политзаключенных. Развитие отношений Туркменистана с КНР, а также в рамках других крупных трубопроводных проектов объективно не позволяло республике оставаться в полной изоляции. Г.Бердымухаммедов продолжил на первых порах тактику своего предшественника Туркменбashi лавирования между Россией и Западом по вопросу магистрального газопровода. Поддержав поначалу проект Прикаспийского трубопровода совместно с РК и РФ, Бердымухаммедов позднее высказался в поддержку Транскапийского газопровода, активно лоббируемого Европейским Союзом, США и Турцией.

Политика России в отношении Туркменистана диктовалась не стремлением принять эту республику в ШОС (или другие организации в рамках СНГ), а сохранить контроль над газовой политикой Ашхабада. Главной задачей для Москвы было сохранить в действии договоренности, достигнутые еще при Туркменбashi, и монополию Газпрома на экспорт туркменских энергоресурсов. Резко возросло внимание к Ашхабаду со стороны Запада. В то же время, внутриполитическая ситуация в республике не является абсолютно стабильной после смены лидера.*

---

* Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация. Перспективы государственности в Туркменистане». - Москва: РАН, ЦЦРЙ, 2003. – 363 с.; Каменев С. Внешняя политика Туркменистана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 4. С. 90-103; Каменев С. Современное социально-политическое положение Туркменистана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 2. С. 44-54; Каменев С. Экономика Туркменистана на современном этапе // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 3. С. 194-205; Лаумулин М.Т. «Туркменский феномен» // Экономические стратегии / Центральная Азия. 2006. № 2. С. 68-73; № 3. С. 50-61; Ниязи А. Киргизия и Туркмения – попытка сравнительного анализа моделей развития // Азия и Африка сегодня (Москва). 2006. № 7. С. 42-45; Cracks in the Marble: Turkmenistan's Failing Dictatorship. - Brussels, Osh: IGG, 2003; Edgar A.L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006. – XVI+296 pp.; Pomfret R.W.T. Turkmenistan: from Communism to Nationalism by gradual economic Reform. – Most (Dordrecht). 2001. Vo.11. No2, pp. 165-175; Pomfret R.W.T. Resource Abundance, Governance and Economic Performance in Turkmenistan and Uzbekistan. – Bonn: ZEF, 2004. – 20 S.; Turkmenistan's Political Crisis: Inside the Niazov Regime. – Washington, DC: Carnegie Endowment, 2002.; Turkmenistan Country Profile 2003. – London: EIU, 2003; Turkmenistan: The Making of a Failed State. – Wien: IHFHR, 2004.

Системные особенности режима Туркменбashi

Режим С.Ниязова носил откровенно репрессивный характер. Это было связано как с объективными причинами – борьбой за власть и консолидацией государственного режима, так и чисто субъективными особенностями личности Туркменбashi. Как отмечал С.Пейруз, во время правления Ниязова никто не мог представлять угрозу его власти. Вездесущее государство гасило малейшую попытку общественного протеста. Разрозненная оппозиция могла действовать только в изгнании, а кланы не могли сорганизоваться против президента.

За прошедшее с октября 1990 г. время, когда С.Ниязов стал президентом, в его «команде» произошли значительные изменения. Из состава прежнего кабинета министров не уцелел ни один. Разогнав в первые годы своего правления представителей марыйской, кизил-арватской, балканской и чарджоуской группировок в своем окружении, С.Ниязов окружил себя преимущественно земляками – ахал-текинцами. Они руководили всеми силовыми ведомствами, ключевыми экономическими министерствами, прокуратурой, судом. При этом Туркменбashi меняет их каждые полгода-год, явно опасаясь конкуренции.

За эти годы сменились не менее 70 вице-премьеров, 130 министров, 30 глав областей, 200 председателей государственных комитетов и равных им по статусу управлений, ассоциаций. Часть из них была привлечена к уголовной ответственности по сфабрикованным обвинениям, осуждены и отбывают длительные тюремные сроки. Другие лишились своих должностей не только без права занимать руководящие должности, но и вообще без предоставления какой-либо работы. По данным Международного центра тюремных исследований Королевского колледжа Лондонского университета, каждый 200-й житель Туркменистана сидел в тюрьме. Это был наивысший показатель в Азии.

Ситуации в Туркменистане базировалась на нескольких фундаментальных факторах. Во-первых, это было беспрецедентное давление режима на представителей туркменской элиты, аресты, отстранения от должности, ссылки на перевоспитание. Во внутренней политике Ниязов все более отчетливо делает ставку на представителей собственного племени - ахалтеке, проживающих в столичном регионе вокруг Ашхабада, фактически отказавшихся от политики баланса интересов между основными племенными туркменскими группами. Основные репрессии направлены как раз против представителей региональных элит. Соответственно, должно расти недовольство засильем ахальских теке в регионах, где проживают туркмены из племен йомуд, эрсари, геклен, алиили. Стратегическое пре-

имущество Туркменистана заключается в наличии значительных объемов природного газа. Этот же факт обеспечивал режиму Ниязова возможность маневрировать между интересами России, Украины, Ирана, США и Турции. Однако, растущая одиозность режима заметно снижала его возможности для продолжения маневра.

По делу о так называемом покушении группировки бывшего министра Б. Шихмурадова на президента 25 ноября 2002 г., из 46 приговоренных к заключению, большинство составляли (около 80%) выходцы из восточного Туркменистана. Выделившуюся из движения Шихмурадова Республиканскую партию представляли люди из южных регионов, движение «Ватан» - северные туркмены, существовавшее ранее Народно-патриотическое движение - представляло западных туркмен, группировка бывшего министра иностранных дел А. Кулиева – центральный регион. Только последняя группировка состоит из ахальских теке.

Наиболее сильная волна репрессий началась в январе 2000 года, когда по обвинению в незаконном хранении наркотиков и оружия арестованы лидер оппозиции, один из руководителей движения «Единство» Н. Нурмамедов и его сын М. Нурмамедов. В первой половине февраля 2002 года в Туркмении, по неофициальным данным, были арестованы более 200 человек по подозрению в связях с оппозицией.

С. Ниязов с ноября 2002 года провел самую масштабную чистку в туркменской элите, отказавшись от всей системы сдержек и противовесов. Последним стал приговор Верховного суда Туркменистана Реджепу Сапарову - одному из самых влиятельных людей в стране, которого наблюдали прочили в преемники самому Сапармурату Ниязову. Любопытно, что Сапаров, выходец из Дашогузского велаята, практически был последний влиятельный политик не из числа теке в туркменском истеблишменте. Таким образом Ниязов расчистил политическое пространство, что на первый взгляд выглядело, как политическое самоубийство. Однако у Ниязова была своя логика в действиях. Чистки коснулись дипломатического корпуса и аппарата МИД, которые вызывали подозрения в своих связях с Б. Шихмурадовым. В 2005 году в Туркмении началась новая чистка, причем ее жертвами стали наиболее близкие Туркменбashi люди, долгие годы считавшиеся его возможными преемниками.

Туркменистан при Ниязове превратился в племенное государство классического восточного типа. В этом государстве абсолютно доминировали ахальские теке. Они же составляли основное население столичной области, формировали силы безопасности, армию. Для них Ниязов был племенной лидер, обеспечивающий власть и влияние в стране и доходы на более высоком уровне, чем у остальных туркмен.

Быстрая ротация кадров, по мысли Туркменбashi, спасала чиновников от зазнайства и помогает против коррупции. Ниязов «не видел» казнокрадства и коррупции чиновников до определенного момента. Настоящей причиной снятия таких должностных лиц у Ниязова служило ощущение личной угрозы со стороны того или иного чиновника. Основным критерием назначения на ответственную должность являлся, как правило, не профессионализм, а лояльность лично С.Ниязову.

Одним из «достижений» в этой области являлся приказ № 126 президента С.Ниязова о признании с 1 июня 2004 г. недействительными всех дипломов об окончании вузов, полученных за пределами страны после 1993 г. и увольнении лиц, имеющих такие дипломы, с государственной службы. Деловые качества, опыт, профессиональные характеристики, личные достоинства не имели никакого значения, так как выбор и назначение производил лично С.Ниязов. Главным критерием профессионализма руководителей среднего и высшего звена Туркменбashi считает чистоту родословной кандидата на должность (и его родственников) в трех поколениях.

Отсутствие специальных знаний компенсировалось направлением будущих министров рабочими на производство. Аналогичное назначение с условием квартал отслужить рядовым бойцом получал и министр обороны. Не менее широко использовалась практика лишения министров зарплаты с перечислением ее в бюджет. За ошибку в прогнозе погоды лишился зарплаты глава Туркменского Гидромета, руководители таможни и железной дороги также несли аналогичное наказание. Не стали исключением и руководители самой прибыльной в Туркменистане отрасли – нефтегазовой.

За все годы независимости Туркмении не было создано ни одного президента судебного разбирательства над высокопоставленными чиновниками, уличенными в коррупции. С. Ниязов предпочитал скорее общественное по-рицание, нежели уголовное наказание преступивших закон чиновников.

В целом, кадровая политика Туркменбashi характеризовалась следующими особенностями: 1) частой и бессистемной сменой представителей власти на местах (хякимов), а также министров экономического и социального блока; 2) нестабильностью высшего кадрового состава спецслужб при столь же хаотичных процессах в армии. При этом официальные причины серьезных кадровых перестановок в Туркмении назывались самые разные.

Представителей туркменской политической оппозиции, которым удалось бежать за границу, насчитывалось более тысячи человек (по данным оппозиции, всего из страны бежало около 500 тыс. человек). Существовало четыре основных оппозиционных формирования. Это Народно-демократическое движение Туркменистана, основанное Б.Шихмурадовым; об-

щественно-политическое движение «Ватан» (лидер Худайберды Оразов); Объединенная туркменская оппозиция, возглавляемая Авды Кулиевым; Республиканская партия под руководством Нурмухаммеда Ханамова.

В августе 2003 года в Праге около 50 представителей туркменской оппозиции собрались на конференцию, где обсудили положение в стране и оппозиционном движении. На второй конференции в ноябре 2003 года в Вене они объявили о создании Союза демократических сил Туркменистана (СДСТ) и обратились к ООН, ОБСЕ, Европарламенту, руководству США, России, европейских стран с просьбой оказать содействие для возвращения лидеров оппозиции в республику. На этой же конференции было принято обращение ко всем демократическим силам мира. Главный орган СДСТ - комитет, состоящий из лидеров четырех оппозиционных организаций. Оставаясь самостоятельными, партии и объединения координируют свои действия и обмениваются информацией.

Вопреки распространявшейся оппозицией информации, туркменская армия вряд ли могла рассматриваться в качестве надежной опоры режима. В Туркмении официально считалось, что армия избавлена от полицейских функций. Однако в связи с изменением политической обстановки в мире в целом и в центральноазиатском регионе в частности Ниязов пошел на увеличение численности своих ВС с 50 тыс. до 100 тыс. чел., а также на их частичное переоснащение.

Принцип комплектования ВС был призван решать две задачи: избежать массового дезертирства и обеспечить правительству контроль над всей территорией страны. Традиционно у туркменов племенные связи стоят выше национальных. Поэтому комплектование туркменских ВС призывниками происходило по экстерриториальному принципу. Чтобы не допускать дисбаланса, призывников из одной области отправляли в округа, где подавляющее большинство населения принадлежало к иным племенным группировкам.

Режим Туркменбashi и наркоторговля

В Туркменистане за время правления С.Ниязова государственной проблемой стала наркомания. Она имела две стороны – внешнюю и внутреннюю. Внешняя выражалась в организованном устойчивом наркотранзите через территорию Туркменистана. Наркоторговля практически уничтожала население страны. По некоторым сведениям, только в столице ею занимались 20 000 человек. Из Афганистана и Пакистана поступает героин (стоимостью на местном рынке 0,5 долл. за дозу). Поток наркотиков, идущий через Туркменистан, с каждым годом увеличивался. Однако туркменские

власти игнорируют сотрудничество с международными организациями по борьбе с этим злом. В Туркменистане не было представительства Международного комитета по контролю за наркотиками. Международная комиссия ООН по контролю за распространением наркотиков обвинила Туркменистан, в том, что он не предпринимает достаточных усилий по борьбе с импортом наркотиков из Афганистана, а также экспортом химических веществ (уксусного ангидрида) в Афганистан.

Внутренняя сторона проблемы состояла в том, что большое количество наркотических веществ оседало на территории Туркменистана. По приблизительным подсчетам, до половины молодежи в возрасте до 25 лет страдали наркотической зависимостью. Их доступность, отсутствие четкой системы ответственности за употребление, а также легкость хранения и транспортировки малых объемов наркотиков, полное отсутствие профилактической работы с населением, общий низкий уровень образования и массовая безработица населения способствовали тому, что в этот бизнес вовлекалось все большее и большее число граждан Туркменистана.

Наркозависимость на селе носила стремительный, прогрессирующий характер. В республике, как правило, использовались два вида сильных наркотиков. Один из них дорогой, высококачественный героин (т.н. крек, на черном рынке стоит до 30 долларов за грамм). Он мало доступен наркоманам, поэтому более популярен сорт более низкой очистки, называемый просто героином. Его цена – от 7 до 10 долл. за грамм. Борьба и с наркозависимостью и с наркотрафиком в Туркмении практически в государственном масштабе не велась. Тем более, что само государство в лице президента С.Ниязова утверждало, что малые дозы наркотиков не являются вредными.

Туркменистан оставался для нелегальных торговцев одним из главных перевалочных маршрутов и коридоров контрабандной переправки наркотиков из соседних стран, в которых они производятся, на турецкие, российские и европейские рынки. Существуют три основных направления наркотранзита через Туркмению: из Ирана, Афганистана и Узбекистана. На афганском направлении действуют несколько четких маршрутов наркотиков (например, через Марыйский велаят, через село Марчак и другие), где наркотранзит контролируется местными пограничниками или представителями силовых структур. Таким же интенсивным является иранское направление. Только за 2004 год лишь по одному из каналов на ирано-туркменской границе в один из велаятов – Ахалский – и в Ашхабад было доставлено 20 тонн героина.

Основная причина наркотизации республики состояла в том, что в Туркмении наркобизнес является основным источником доходов не только

для наркокурьеров, но и для огромного количества правительственные чиновников и служителей силовых структур. Так, оппозиция с 2000 г. заявляла, что президент Туркменистана и его правительство были замешаны в торговле наркотиками. Якобы героин из (талибского) Афганистана грузовиками завозился в Туркменистан и потом часть этих наркотиков реализовывалась на внутреннем рынке, а остальные вывозились за рубеж, в основном в Европу. Ежегодный объем наркотиков, реализованных руководством Туркменистана, оценивался в 80 тонн.

Оппозиция утверждала также, что режим Туркменбashi осуществлял поддержку террористов: с согласия Ниязова талибы из Афганистана через Туркменистан поставляли в Чечню оружие и наемников. Вся эта система была тесно связана с наркотиками. Якобы не только сам Ниязов, но и его сын Мурад торговали с талибами оружием, наркотиками и горюче-смазочными материалами. По его согласию при талибах из Афганистана через Туркменистан в Чечню поставлялись огромные партии оружия. Оружие в Чечню попадало по маршруту Афганистан - Туркменистан - Азербайджан - Грузия. Через Туркменистан чеченским боевикам шли деньги, наемники, осуществлялись интенсивные контакты между талибами и чеченскими боевиками. В работе маршрута Афганистан - Туркменистан - Чечня была личная заинтересованность Ниязова, поскольку он получал за это от талибов гарантии безопасности.

Нельзя исключать, что информация, исходившая от представителей оппозиции и политэмигрантов, носила ангажированный и преувеличенный характер. По информации западных организаций, определенная борьба по пресечению наркотрафика в Туркменистане велась. Официальный Ашхабад утверждает, что наркотики в Туркменистан поступают не через афганскую и иранскую границы, а через переходы в районе Ташауза со стороны Узбекистана, куда, в свою очередь, их завозят из Таджикистана и через канал Хайратон-Термез из Афганистана. По мнению туркменского лидера, именно наркотиками покупатели расплачивались за товары, в том числе бензин, с контрабандистами из Туркменистана. В этой связи Ниязов поручил ответственным лицам заблокировать все те участки государственной границы, где еще есть возможность для свободного перехода или переезда в соседние страны.

Тем не менее, нельзя отрицать, что между Ашхабадом и талибами существовали чрезвычайно развитые экономические и финансовые связи, одной из составляющих которых (возможно, нелегально) могли быть и наркотики. Вполне вероятно, что традиционные маршруты продолжали действовать и в дальнейшем после падения талибов. Однако, Туркменбashi по соображениям внешнеполитического характера было выгодно поддерживать свой имидж борца с наркотранзитом, а всю вину за наркотрафик свалить на Ташкент.

Борьба с исламом

Политика С.Ниязова в отношении ислама характеризовалась теми же причинами, что и в других сферах политической, общественной и культурно-духовной жизни: предотвратить превращение религиозных институтов в оппозиционную режиму силу, взять их под контроль и максимально снизить их влияние на общество.

Долгое время за рубежом было распространено мнение, согласно которому туркменские власти, осуществляя гонения на протестантов и представителей нетрадиционных конфессий, никак не ограничивают деятельность мусульманского духовенства. Однако более внимательный анализ показывал, что мусульмане в Туркмении часто сталкиваются с ограничениями, вводимыми государственными органами. Так, в 1997 г. не прошли перерегистрацию более половины действующих в стране мечетей. За пять после этого лет были закрыты почти все мусульманские учебные заведения и введены ограничения на религиозную учебу при мечетях. С середины 1990-х годов практически был прекращен ввоз в страну исламской религиозной литературы.

В 2000 г. Туркменбashi предпринял беспрецедентный для лидера мусульманской страны шаг, приказав сжечь тираж издания Корана. Решение о сожжении принято в связи с тем, что переводчиком Корана был известный туркменский религиозный деятель Ходжаахмет Оразклычев (Ходжаахмет ахун), впавший в немилость властей после выступления в передаче туркменской службы радио Свобода. В феврале 2000 г. Оразклычев был задержан и обвинен в совершении уголовного преступления. Дело вызвало заметный резонанс внутри Туркменистана, получило международную огласку и вызвало протесты со стороны исламских государств.

В апреле 2000 г., выступая в с. Кипчак под Ашхабадом, Ниязов заявил, что все медресе и религиозные школы, которые были открыты повсеместно, должны быть закрыты, и что для страны достаточно иметь одно медресе, действующее под контролем муфтията. В то же время, несмотря на то, что туркменский КНБ активно внедрял агентуру в мусульманскую среду, на юге страны постепенно усиливалось влияние так называемых ваххабитов и противостоящих им суфийских тарикатов. Лояльность официального духовенства также не всегда являлась бесспорной. Как отмечали местные наблюдатели, многие имамы молчаливо игнорировали официальное предписание произносить после каждого намаза клятву на верность родине и президенту, что встречает солидарную поддержку со стороны верующих.

Недоверие к исламским структурам со стороны правоохранительных органов, вероятно, усилилось после того, как в 2004 году при содействии

спецслужб Узбекистана были выявлены подпольные структуры исламских радикалов на севере Туркменистана, которые использовались узбекской исламской оппозицией в качестве одной из перевалочных баз. Согласно неподтвержденной информации, в начале 2000-х гг. из страны были депортированы более 300 исламских проповедников, имевших иностранное гражданство (в основном иранское). Но в Туркменистане продолжали действовать десятки лишенных регистрации мечетей, на функционирование которых местные власти пока нередко смотрят сквозь пальцы.

После того, как ООН обратила внимание на грубейшие нарушения прав религиозных меньшинств в Туркменистане, С.Ниязов внес ряд изменений в законы, связанные с вероисповеданием и религиозными организациями. Так, в мае 2004 года Ниязов подписал указ об отмене уголовной ответственности за деятельность незарегистрированных религиозных объединений. Еще через месяц были зарегистрированы адвентисты, бахаисты и кришнаиты, а спустя несколько месяцев – баптисты. В октябре 2004 года был издан закон об отмене уголовной ответственности за нарушения законодательства о религиозных организациях. В этот же день С. Ниязов издал запрет на преследования представителей религиозных меньшинств.

Экономическое развитие Туркменистана при С.Ниязове

Базой социально-экономической политики режима Туркменбashi были следующие направления: низкая оплата коммунальных услуг; бесплатное использование газа и воды; незначительная плата за потребление электроэнергии; наличие льгот при покупке соли, муки; низкие цены на основные продукты питания - лаваш, молоко, а также на многие овощи и фрукты; необычно низкие тарифы на проезд в общественном транспорте; крайне низкие цены на билеты на внутренних авиалиниях; символические цены на бензин. Такая построенная на социальном популизме и по сути антирыночная экономическая политика привела режим С.Ниязова к серьезным проблемам к концу его правления.

Туркмения живет в основном за счет экспорта, который обеспечивался за счет углеводородов - 86%, в т.ч. газ (52%), нефть и нефтепродукты (27%) и текстиль (7%). Выбирая экономическую модель развития государства, президент Ниязов отказался от принципа шоковой терапии, демагогически выдвинув лозунг: рыночные реформы, но не за счет народа. Упор был сделан на развитие социального сектора экономики (на который тратилось до 60% бюджета), создание базы для перерабатывающей промышленности, собственного производства. Это позволило обеспечить относительную занятость населения и избегать социальных катализмов.

После распада СССР в Туркмении наблюдался рост базовых отраслей туркменской экономики и предприятий, связанных с добычей и переработкой газа и нефти. Туркменистан планировал к 2010 году довести добычу нефти до 48 миллионов тонн и газа - до 120 миллиардов кубометров. Делались попытки привлечения масштабных инвестиций в геологоразведку и закупку дорогостоящего современного оборудования, внедрения новейших технологий бурения, добычи и переработки нефти и газа. Однако насколько была эффективна данная политика, неизвестно.

В 2003-04 гг. в Туркмении удавалось собирать по 1,5 млн. тонн продовольственного зерна. Это было связано с реализацией грандиозного проекта (принят в 2000 г.) по строительству искусственного озера в центре Каракумской пустыни, которое будет создано за счет стока дренажных вод. Проект был рассчитан на 20 лет, стоимость оценивается 5,5-6 млрд. долл. Его цель состояла в том, чтобы обезопасить от засухи основные сельскохозяйственные и пастбищные угодья. Однако специалисты сомневались в эффективности данного проекта и его способности преодолеть негативные тенденции в аграрном секторе страны. В хлопководческой отрасли Туркменистана наблюдалось стабильное снижение объемов сбора сырца. Это было связано, прежде всего, с истощением земель вследствие неправильных агротехнических мероприятий, нерациональным распределением водных ресурсов, сортовым районированием хлопчатника, плохой селекционной работой, низким качеством посевного материала и административным вмешательством. В этой связи, взятый курс на необоснованную интенсификацию хлопкового производства давал о себе знать хроническим невыполнением обязательств.

Экономика Туркменистана в отрыве от экономик стран СНГ развивалась неэффективно, исключительно в сырьевом направлении. Ставка на приоритетное развитие углеводородной отрасли привела к упадку других отраслей, в частности, сельского хозяйства. В этих условиях Ашхабад ведет курс на фактический отказ от внешнего кредитования, инвестиций и финансовой помощи извне.

На долю Туркменистана приходится около 2% мировых запасов газа и страна по уровню извлекаемых запасов и добыче газа занимает одно из ведущих мест в мире и второе – после России среди республик бывшего СССР. Перспективные с точки зрения добычи газа площади занимают около 80% его территории. Текущие извлекаемые запасы газа Туркменистана составляют около 3 трлн. м³ (включая около 70 млрд. м³ растворенного газа), сконцентрированных в газовых, газоконденсатных, нефтегазовых месторождениях. Наиболее крупные месторождения природного газа страны сосредоточены в Амударьинской газовой провинции. Здесь от-

крыто более сотни газовых и конденсатных месторождений, наиболее значительными из которых являются «Ачак», «Наип», «Южный Наип», «Довлетабат», «Донмез» и «Шатлык». К ним географически примыкают месторождения «Кирпичли», «Малай», «Самандепе» и другие. Крупные запасы газа находятся в Мургабе.

На сегодняшний день в Туркменистане открыто 144 месторождения. За годы независимости были открыты, но не освоены 17 месторождений с суммарными запасами 150 млрд. куб. м газа. Таким образом, на балансе Туркменистана числится 127 газовых месторождений с начальными суммарными ресурсами 22,5 трлн. куб. м (включая Каспийский шельф). Разведанные запасы составляют 2,86 трлн. куб. м газа. Остаточные извлекаемые запасы 20 основных разрабатываемых в настоящее время месторождений востока и запада Туркменистана составляют около 1,5 трлн. куб. м, в том числе самого крупного Довлетабадского – 0,9 трлн. куб. м. На Каспийском шельфе, по одним экспертным оценкам, запасы газа составляют 5,5 трлн. куб. м, по другим – вдвое больше.

В 1994 году была принята программа «10 лет благополучия», согласно которой Туркменистан уже в 2000 году должен был достичнуть уровня добычи газа в 112 млрд. куб. м. В 2000 г. была принята Комплексная программа развития экономики страны в целом и топливно-энергетического комплекса в частности, названная «Стратегия социально-экономических преобразований в Туркменистане на период до 2010 года». Предполагалось, что ТЭК останется основным источником поступления валютных средств. В программе подчеркивается, что особое внимание будет уделяться созданию более благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций и использования современных технологий. Приоритетными направлениями станут на этот период добыча углеводородов на туркменском шельфе Каспия и освоение новых перспективных площадей Амударьинского бассейна.

Развитие газового сектора страны полностью зависело от возможностей экспорта (80% добычи) и платежеспособности внешних потребителей. Однако многие месторождения истощены, изношенность магистральных трубопроводов достигала 72-87%, проводимые в республике «реформы» в сфере образования и подготовки специалистов не позволяли готовить квалифицированные кадры. Следует отметить, что для туркменского руководства стало традицией забывать о поставленных ранее грандиозных целях, когда становятся известны реальные результаты.

В течение всех лет независимости Ашхабад участвовал в переговорах и проявлял интерес в реализации ряда проектов трубопроводов. Этот фактор оказывает прямое влияние на внешнеполитические приоритеты Туркменистана.

Трубопроводная политика Ашхабада

Один из важнейших, но и самых противоречивых - Транскаспийский проект. В ноябре 1999 г. на саммите ОБСЕ было подписано соглашение о строительстве нефте- и газопроводов, соединяющих Каспийское побережье с Турцией. В феврале 2000 г. президент Туркмении и представитель американского консорциума «PSG International» подписали контракт на строительство транскаспийского газопровода. В консорциум вошли такие известные компании, как «Шелл Ойл Компаний», «Дженерал Электрик Компаний» и «Bechtel Group». Стоимость проекта - 2,7 млрд. долл. Трубопровод длиной в 2000 км должен пройти по дну Каспия, затем по территории Грузии и Азербайджана - в Турцию. Предполагалось, что объем поставок газа по этому трубопроводу составит 30 млрд. куб. м в год.

Межправительственное соглашение между Ашхабадом и Анкарой предусматривало ежегодную поставку в Турцию 16 млрд. куб. м туркменского газа в течение 30 лет. Подписание этого контракта вызвало негативную оценку со стороны России и Ирана. Москва считала, что прокладка газопровода по дну Каспия может отрицательно повлиять на экологическую безопасность в этом регионе. Россия требует от Ашхабада либо согласовать проект со всеми прикаспийскими странами, либо ускорить определение статуса Каспия. Еще более неприятной для Туркмении являлась негативная реакция на этот проект одного из ближайших партнеров республики - Ирана. Основная причина - Ашхабадом был изменен маршрут прокладки транскаспийского газопровода. Первоначально предполагался экспорт туркменского газа через иранскую территорию. Иран, как и Россия, ссыпался в своей оценке на неурегулированность статуса Каспийского моря. Тегеран выступает за совместную эксплуатацию ресурсов Каспия всеми государствами региона и отрицательно относится к идее секторального деления моря.

Осенью 2000 г. этот проект фактически рухнул: Азербайджан и Туркменистан не смогли согласовать квоту на прокачку азербайджанского газа по проектируемому трубопроводу, и проект был заморожен, несмотря на поддержку со стороны администрации США.

Другим перспективным проектом считался газопровод Туркменистан-Иран- Турция-Европа (Болгария). Соглашения о строительстве этого газопровода были подписаны в 1997 г. между правительствами Туркменистана, Ирана и Турции. Стоимость проекта оценивалась в 7,6 млрд. долл. В 1998 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между правительством Туркменистана и компанией «Шелл», которая должна осуществить строительство. Предполагаемые объемы поставок природного газа по этому

газопроводу должны были составить в 2010 г. - 30 млрд. куб. м. Но реализация данного проекта не стала возможной ввиду принятой Конгрессом США поправки д'Амато, запрещающей американским компаниям, а также компаниям с участием американского капитала участвовать в любых топливно-энергетических проектах на территории Ирана. В 2000 г. возникла идея строительства еще одного газопровода, соединяющего Туркменистан и Европу. Румынская газовая компания «РОМГАЗ» и Румынское национальное агентство по минеральным ресурсам подписали соглашение с англо-голландской компанией «Ройал Даф Шелл» о предварительном изучении возможности строительства газопровода из Туркмении в Румынию и далее в Европу через Турцию.

Другой проект из этой серии – газопровод Туркменистан-Китай-Япония. Общая стоимость капитальных затрат оценивалась в 11 млрд. долл., строительство, как предполагалось, должны были осуществлять международный консорциум, включающий такие компании, как «Мицубиси» (Япония), «Эксон» (США) и Китайская национальная нефтяная компания. В 1996-2000 гг. компания ExxonMobil провела геолого-экономическое исследование проектов строительства газопровода в Китай и освоения запасов газа на правобережье реки Амударья в Восточном Туркменистане. Исследуя регион, американцы пришли к выводу, что в недрах территории содержится высокосернистый газ, расходы на очистку которого увеличивают себестоимость минимум на 25-30%. Это обстоятельство в сочетании с высокими транспортными расходами вследствие протяженности трубопровода свыше 6 тыс. км, а также его огромной стоимостью заставило американцев воздержаться от данного проекта.

Следует отметить, что ни один из предлагаемых проектов новых транснациональных газопроводов так и не дошел до стадии реализации. Причин тому было несколько. Это и финансовые причины - нерешительность иностранных инвесторов относительно вложения средств в данные проекты; и политические - нестабильность обстановки в центрально-азиатском и ближневосточном регионах, противоречивые оценки предлагаемых проектов, а также их маршрутов. Но главное - низкий уровень инвестиционной привлекательности Туркменистана, обусловленный большим количеством факторов, из которых, прежде всего, следует назвать нечеткое выполнение принятых на себя Ашхабадом договоренностей и обязательств.

Долгое время самым перспективным проектом считается трансафганский. В 1997 году американская нефтяная компания «Юнокал» создала и возглавила консорциум, куда вошли компании Саудовской Аравии, Пакистана, Японии, Южной Кореи, а также правительство Туркмении. Проект предусматривал строительство газопровода Туркменистан-Пакистан

длиной почти 1,5 тысячи километров: от туркменского месторождения «Давлетабадское» через Афганистан до города Мултан в Пакистане. Поставки около 20 миллиардов кубических метров в год планировалось осуществлять через 48-дюймовый трубопровод. Предварительно затраты на реализацию проекта оценивались примерно в 3,5 миллиарда долларов. Завершить строительство предполагалось в 2003 г.

Однако выход режима талибов из-под контроля, события 2001 г. и свержение Талибана, общая нестабильность в стране привели к фактическому замораживанию этого проекта. Тем не менее, заинтересованные стороны продолжали реанимировать в различных модификациях данный проект.

В январе 2003 г. в Ашхабаде президенты Туркмении и Афганистана С.Ниязов и Х.Карзай, а также премьер-министр Пакистана Мир Зафарулла Хан Джамали подписали межправительственное соглашение о строительстве трансафганского газопровода. Он протянулся бы от туркменского газового месторождения в Давлетабаде через афганский Кандагар в пакистанский Мултан. Этот трубопровод позволил бы Туркмении обрести почти полную независимость в экспорте газа от России и дал бы реальный шанс диверсифицировать афганскую экономику, пока практически целиком завязанную на производство наркотиков.

Газопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан был рассчитан на транспортировку топлива с одного из крупнейших в мире туркменского месторождения Давлетабад, запасы которого составляют 1756,6 млрд. кубометров газа, в Центральный Пакистан. Общая протяженность «трубы» пропускной мощностью 30 млрд. кубов в год составила бы около 1,5 тыс. километров, из них по территории Туркменистана было бы проложено 170 км., Афганистана - 830 км., Пакистана - 400 км. Стоимость проекта на тот момент оценивалась 2-2,5 млрд. долл. США. Причем эта сумма могла возрасти в случае присоединения к проекту Индии. Ежегодно по нему предполагается прокачивать 15 млрд. кубометров газа с перспективой расширения до 20 млрд. При этом С.Ниязов утверждал, что Туркменистан мог бы поставлять по этой ветке от 60 до 100 млрд. кубометров газа. Предполагалось, что ТЭО проекта должно было быть завершено к сентябрю 2003 г., после чего международным компаниям будут направлены предложения о создании консорциума для строительства газопровода. Кроме трубопровода, проект включает в себя строительство автодороги, которая должна пойти от Кушки на Герат, и далее на Кандагар до города Чаман на западе Пакистана.

Строительство Трансафганского газопровода позволило бы Ашхабаду значительно увеличить свой экспорт и выйти на мировой рынок. Афганистану, разоренному войной, газовый транзит мог бы принести в бюджет

порядка 300 млн. долл., а также тысячи рабочих мест от создания мощной инфраструктуры вокруг газопровода. В свою очередь Пакистан, помимо транзитной платы, получил бы необходимые для экономики страны энергоснители и возможность развития своих портов. Главный аргумент против реализации строительства газопроводов – нехватка природного топлива, добываемого в Туркмении. Однако, по официальным данным, запасы газа в Туркмении составляют 22,5 трлн. кубометров. Кроме того, Россия планирует расплачиваться с Ашхабадом не только «живыми» деньгами, но и газодобывающим и газотранспортным оборудованием. Тем не менее, в 2005 г. данный проект начал набирать динамику. На состоявшихся в Дели в конце февраля 2005 г. переговорах премьер-министра М. Сингха с президентом Афганистана Х. Карзаем, в числе других обсуждался и вопрос строительства трансафганского газопровода. Между Дели и Кабулом не было принципиальных разногласий относительно строительства трубопровода.

Нерешенность вопросов по строительству новых транснациональных магистралей, а также подписание в апреле 2003 г. соглашения между ГТК «Туркменнефтегаз» и российской компанией «Газэкспорт» (дочерняя компания «Газпрома») выдвинули на первый план задачу модернизации существующей трубопроводной системы. С точки зрения «Газпрома», экономически эффективным представляется прокладка газопровода в рамках существующего маршрута. В этом случае инвестиции в проект не превысят 2 млрд. долл. Туркменская сторона поддерживала другой маршрут прокладки газопровода - из Туркмении по восточному побережью Каспия через Казахстан в Россию. В этом случае его протяженность из Туркмении в Россию сокращается до 700 км, и стоимость проекта составит не более 1 млрд. долл. Однако этот маршрут пролегает в обход Узбекистана, что, возможно, не вполне устроит «Газпром» ввиду значительного числа контрактов между Россией и Узбекистаном.

Общий объем иностранных инвестиций, который Туркменистан рассчитывает привлечь в разработку газовых проектов, достаточно велик (около 25 млрд. долл.), однако большинство крупных инвестиций, в частности в проекты строительства всех крупных газопроводов, пока находится в стадии обсуждения и подготовки.

В газовой отрасли республики наблюдается крайне неравномерное распределение инвестиций. Практически все средства привлекаются на строительство газопроводов, и лишь незначительная часть идет на газопереработку и проведение геологоразведочных работ. Стремление Туркменистана к созданию собственной газопроводной системы определяется желанием обеспечить себе независимость в вопросах транспортировки природного

газа, прежде всего, от России. Отметим, что до настоящего момента Туркмения не имеет собственных экспортных газотранспортных магистралей, кроме трубопровода, поставляющего газ в Иран (Корпедже - Курт Куй), и вынуждена использовать газопроводные системы Узбекистана, России, Украины, Казахстана и Беларуси для транзита собственного газа.

Основные проблемы с привлечением иностранных инвестиций в газовую отрасль касаются газодобычи. Добычу газа в Туркмении в настоящее время осуществляют только государственные компании – «Туркменгаз» и «Туркменнефтегаз». Иностранные специалисты считают, что Туркмении настоятельно необходимо привлекать значительные инвестиционные средства в газодобычу и геологоразведку нефтегазовых месторождений. Подтверждением правильности такого мнения служат противоречивые оценки газовых запасов в республике, а также низкие темпы роста показателей добычи и экспорта газа в Туркменистане.

Но несмотря на все усилия Ашхабада, иностранные инвесторы не вкладывали свои средства в геологоразведку и газодобычу, считая, что риск потери инвестиций в данном случае слишком велик. Это, безусловно, отрицательным образом сказывается на инвестиционной привлекательности республики. В тех же странах, где существует потребность в туркменском газе (например, в Китае), затраты на его добычу, строительство трубопровода и транспортировку превышают стоимость альтернативных проектов, что сводит вероятность осуществления поставок газа из Туркменистана практически к нулю.*

С.Ниязов и СНГ

Туркменистан является крупнейшим производителем природного газа в Центральной Азии и надеется в период до 2020 г. привлечь в свой нефтегазовый сектор внешние инвестиции на сумму до 25-26 млрд. долларов. Этот фактор активно используется Ашхабадом во внешней политике, в частности в отношениях с Россией и другими странами СНГ. В последние

---

* Каменев С. Внешняя политика Туркменистана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2002. № 4. С. 90-103; Каменев С. Энергетическая политика и энергетические проекты Туркменистана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2003. № 4. С. 132-143; Кепбанов Ё.А. Туркменистан за равноправное сотрудничество и взаимовыгодное сотрудничество на Каспии // Казахстан-Спектр (Алматы. КИСИ). 2006. № 2. С. 26-33; Файзуллаев Д. Туркменистан: стратегия и тактика освоения газовых ресурсов // Азия и Африка сегодня (Москва). 2005. № 1. С. 21-25; Хамраев Ф. Китайско-туркменские отношения на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока (Москва). 2004. № 6. С. 56-59.

годы Туркмения налаживает на двусторонней основе военно-техническое сотрудничество с Украиной и Грузией.

Но в рамках СНГ С.Ниязов фактически отказался от сотрудничества, переориентировав страну на связи с Ираном, Турцией, арабскими государствами. Он игнорировал саммиты глав государств и правительств СНГ. Направляемые им на эти мероприятия чиновники имели статус наблюдателей и не обладали полномочиями для подписания документов. Многие двусторонние и многосторонние договоренности в рамках СНГ С.Ниязов также игнорировал. Это же касалось его обязательств и в рамках ООН и ОБСЕ.

Помимо России Ашхабад имеет тесные связи с южными и западными соседями – Ираном и с Турцией. С.Ниязов выступил против представляющего стратегическую значимость плана синхронизации энергосистем Европы и СНГ. Чрезвычайно сложными представляются отношения режима С.Ниязова с Западом, который постоянно критиковал Ашхабад за многочисленные нарушения прав человека и деспотическое правление. В этих условиях Туркменбashi еще более усилил курс на изоляцию страны от внешнего мира. Следует отметить еще один момент: на внешнюю политику Туркменистана, как и все стороны жизни страны, оказывали сильное влияние личные качества его лидера и особенности его характера и психики.

Долгое время российско-туркменские отношения внешне выглядели стабильными, несмотря на ряд кризисных моментов в их недавней истории. Самым крупным кризисом были события 2003 г., связанные с отменой российско-туркменского гражданства. Вплоть до конца 2003 г. Россия неоднократно выражала свою озабоченность в связи с дискриминацией этнических русских в Туркменистане. В апреле 2003 г. Ниязов внезапно решил ликвидировать институт двойного гражданства, предложив примерно 100 тысячам этнических русских в Туркменистане либо отказаться от российского гражданства, либо покинуть страну. С.Ниязов, находясь под давлением Москвы, использовал для достижения своих целей газовый фактор.

В результате 10 апреля 2003 года в Москве президенты В.Путин и С.Ниязов подписали два документа: соглашение о поставках туркменского газа в Россию на 25 лет и протокол об отмене двойного гражданства. Согласно второму документу, более 100 тыс. русскоязычных граждан Туркмении, имеющих двойное гражданство, должны были в течение двух месяцев выбрать, гражданами какой страны они остаются. Соглашение взбудоражило Госдуму. В комитете по международным делам заявили, что режим Туркменбashi тесно связан с движением «Талибан», а в стране притесняются русскоязычные. Дума приняла специальное заявление «О соблюдении прав граждан РФ в Туркмении», а МИД несколько месяцев бился над пересмотром соглашения.

Несмотря на то, что Кремль оставил тему положения русскоязычного населения, данная проблема оставалась острой, сохраняя свой латентный характер. Фактически, русский язык целенаправленно выдавливается из обихода в Туркмении. Некоторые факты говорят о том, что в Туркменистане проводится целенаправленная кампания, культивирующая ненависть к русскому народу, российскому и советскому периодам туркменской истории. Другой проблемой, характеризующей непростое состояние двусторонних отношений, являлась свобода туркменских спецслужб, действовавших на территории России, включая насильственное возвращение на родину туркменских инакомыслящих и оппозиционеров, сумевших бежать из Туркменистана, или оказание на них давления.

По-видимому, главной причиной молчания России являлись экономические факторы, среди которых самый главный – газовый. Практически с лета 2003 года «туркменский вопрос» Москвой не поднимался. Президенты В.Путин и С.Ниязов подписали договор о сотрудничестве в газовой сфере, рассчитанный на 25 лет. В течение этого срока Россия будет закупать туркменский газ по цене 44 долл. за кубометр. В 2004 году планируется приобрести 6 млрд. кубометров газа, в 2006 году - 10 млрд. кубометров, а в 2009 году объем закупок планируется увеличить до 80 млрд. кубометров. 50% от закупаемого газа будет оплачено живыми деньгами, а 50% - товарами и услугами для газовой промышленности Туркменистана. Ожидается, что Россия получит прибыль в 300 млрд. долларов, а Туркменистан - 200 млрд.

Существовал и другой фактор – транспортный. В перспективе Туркмения планирует возобновить регулярное железнодорожное сообщение со странами СНГ через Узбекистан. Это позволит увеличить на 25-30% ежегодные российско-туркменские грузоперевозки, а в перспективе – возобновить внешнеторговый транзит РФ через Туркмению в Иран, Пакистан и Афганистан.

Не все усилия России, направленные на расширение сотрудничества с Туркменистаном в энергетической сфере, принесли успех. Ниязов отклонил предложение А.Чубайса, главы российской электроэнергетической монополии РАО «Единые энергосистемы России» войти в объединение энергосистем государств-участников СНГ. Попытки Туркменистана в начале 2005 г. повысить цены на газ не увенчались успехом. Однако российский концерн согласился обсуждать вопросы ценообразования с 2007 года. Таким образом, политика России в отношении режима Туркменбашы носила противоречивый характер. С одной стороны, в Москве не могли не вызывать раздражение крайности политики С.Ниязова, в первую очередь – в отношении русскоязычного населения. Но с другой стороны, Россия не могла пожертвовать своими экономическими и энергетическими интересами, испортив отношения с Ашхабадом.

После казанского саммита СНГ в августе 2005 г., политики Содружества начинают смыкаться с мыслью, что Ашхабад взял курс на полный выход из организации. Как отмечали обозреватели, С.Ниязов не просто не приехал, он отвесил пощечину товарищам по СНГ, прислав вместо себя своего бывшего телохранителя А.Акыева, всего месяц назад назначенного вице-премьером. Именно Акыев и зачитал собравшимся послание Туркменбashi, в котором говорилось, что Туркмения больше не будет постоянным членом СНГ и просит признать ее статус ассоциированного члена. Но на этот курс Ашхабад встал значительно раньше. Еще в 1993 году туркменский лидер вместе с коллегами из Украины, Молдавии и Грузии отказался подписывать устав Содружества. Туркменистан не вступил в ДКБ и не подписал большинства документов СНГ.

Ашхабад стремился развивать отношения с рядом стран СНГ на двусторонней основе. Особое место на этом направлении для Туркменистана занимала Украина. Туркменско-украинское сотрудничество охватывало такие сферы как газовая и военно-техническое сотрудничество. Украина – крупнейший потребитель туркменского газа, объем импорта которого достигает 35 миллиардов кубометров. Киев закупал природный газ на туркмено-узбекской границе по 58 долларов за 1000 кубометров, оплачивая половину его стоимости товарами и услугами. Киев предпринимал отчаянные попытки, чтобы снизить или сохранить на прежнем уровне цену на туркменский газ, избавившись при этом от зависимости от России. В этих целях украинский президент В.Ющенко пошел на необычный шаг, наградив отца С.Ниязова Атамурата Аннаниязова орденом Ярослава Мудрого V степени (посмертно). Но Туркменбashi обвинил украинцев в мошенничестве и заявил, что они задолжали 600 млн. долл.

Таким образом, в сфере газового сотрудничества между Ашхабадом и Киевом нарастили серьезные противоречия, связанные с нарастающими экономическими проблемами в украинской экономике, что неизбежно отразится на ее платежеспособности, давлением со стороны России, использующей свое транзитное положение, антироссийским курсом Киева и т.д.

Программа сотрудничества между министерствами обороны Украины и Туркменистана на 2005-2007 годы предусматривала контакты по военно-политическим, военным и военно-техническим направлениям. Они подразумевали взаимодействие в вопросах связи и автоматизированных систем управления войсками, ремонт и модернизацию бронетанковой и другой техники Туркменистана, подготовку специалистов этой страны в военно-учебных заведениях минобороны Украины. С участием Украины планируется оборудовать пункты управления ВВС и ПВО Туркменистана,

включая командные пункты авиационных и зенитно-ракетных частей, узлы связи и т.п. Причем речь шла о создании автоматизированной системы управления огнем всех средств ПВО. Для самой Украины необходимость поддержания ВТС с Туркменистаном была обусловлена не только интересами оборонно-промышленного комплекса: при осуществлении военно-технического сотрудничества с Ашхабадом отрабатывались эффективные схемы, в рамках которых Украине за оружие и военную технику поставлялся туркменский газ.

Ашхабад поддерживал также относительно тесные связи с другой славянской республикой СНГ – Беларусью. Товарооборот между Белоруссией и Туркменистаном достигал свыше 22 млн. долл. (из них на долю белорусского экспорта приходится порядка 20 млн.) Одной из наиболее важных статей экспорта являются поставки тракторов Минского тракторного завода. Сложными оставались отношения между Ашхабадом и Баку. Первый ведет курс на усиление собственной военной мощи в контексте существующих на Каспии противоречий и вынужден развивать военно-техническое сотрудничество с партнерами в рамках СНГ. В случае усиления военной мощи Туркменистана позиции Азербайджана в каспийском регионе могли серьезно пошатнуться. Не являлось секретом не афишируемое, но враждебное отношение туркменского лидера к Казахстану, его руководству, интеграционным инициативам РК и позиции Казахстана по каспийской проблеме.

Отношения между Узбекистаном и Туркменией были серьезно испорчены в результате событий в ноябре 2002 г., когда, по версии Ашхабада, на Туркменбashi было совершено покушение. 16 декабря 2002 года в посольство Узбекистана ворвались сотрудники туркменских спецслужб и устроили там повальный обыск. В дипмиссии искали экс-министра иностранных дел Туркмении Б.Шихмурадова, обвиненного в организации заговора.

Конфликт зашел так далеко, что с туркменско-узбекской границы стали поступать сообщения о начале военных приготовлений с обеих сторон. До этого дело не дошло, но в отношениях Ашхабада и Ташкента наступило глубокое охлаждение. Это серьезно сказалось на положении узбеков, проживающих в приграничных с Узбекистаном районах Туркмении (в Туркмении живут 407 тысяч этнических узбеков, а в Узбекистане 155 тысяч этнических туркмен). Ашхабад резко ограничил их возможности общаться с родственниками, проживающими с узбекской стороны границы. Туркменских узбеков увольняли со всех мало-мальски значительных должностей, занятия в школах с обучением на узбекском языке сокращались. Языковая политика Туркменбashi привела к тому, что многие школы, где обучение раньше шло на узбекском языке, стали исключительно туркменоязычными.

Возникали и другие проблемы. Узбекские власти проявили беспокойство по поводу грандиозного проекта Ниязова по строительству «туркменского моря». Несмотря на обещание Ашхабада наполнять этот водоем только дренажными водами из Амударьи, уже использованными для полива полей, появились опасения относительно отбора в водохранилище чистой воды из главной реки Средней Азии, являющейся в буквальном смысле жизненной артерией для Узбекистана. Туркменские власти в свою очередь были недовольны тем, как Узбекистан выполняет соглашение о разделе продукции нефтяного месторождения «Кокдумалят». Оно охватывает территории обоих государств, но добычей сырья занимается Узбекистан, загружая им недавно построенный нефтеперерабатывающий завод в Бухаре.

Но с 2004 года наметилась тенденция к нормализации двусторонних отношений. Президенты С.Ниязов и И.Каримов подписали в ноябре 2004 г. в Бухаре соглашение, регулирующее вопросы упрощенного таможенного режима, паритетного использования водных ресурсов, ирригационных, энергетических, транспортных объектов, ресурсосберегающего водопользования. Они также договорились о создании рабочих групп, призванных доработать проекты развития экономического взаимодействия. Основные направления – переработка сельскохозяйственного и текстильного сырья, глубокая переработка нефти и газа, модернизация транспортных объектов, согласование транзитных тарифов, природоохранные мероприятия, развитие курортно-туристической отрасли.

Таким образом, Ашхабаду удалось нормализовать отношения с одним из своих наиболее важных соседей – Узбекистаном, с которым его сближало стремление освободиться или минимизировать зависимость от России, а также антиинтеграционный и антиказахстанский курс во внешней политике.

Отношения с внешним миром

Туркменистан в эпоху С.Ниязова представлял собой с точки зрения США типичное «государство-изгой», которое отказалось от активной поддержки антитеррористической коалиции, вовлечено в контрабанду наркотиков, внутри страны проводит жесткую репрессивную политику, а во внешней политике поддерживает хорошие отношения с Ираном. Туркменистан, как известно, отказался предоставить западным союзникам по антитеррористической коалиции опорный пункт для самолетов, оказывающих содействие международному контингенту в Афганистане. При этом Ашхабад сослался на свой нейтральный статус, который налагает на него «определенные обязательства перед международным сообществом».

Однако, как заявил МИД Туркмении, Ашхабад «будет принимать участие в антитеррористической операции в Афганистане лишь в сфере оказания гуманитарной помощи».

Однако, несмотря на чрезвычайно негативный образ Ашхабада в глазах Запада, Соединенные Штаты, насколько известно, не предпринимали все эти годы заметных шагов по свержению режима Туркменбashi. Эта ситуация являлась результатом ряда сложившихся внешнеполитических факторов: в первую очередь вследствие негласной договоренности с Москвой, нерешенности каспийского вопроса и проекта БТД, близости Ирана и угрозы вмешательства с его стороны и др. США демонстративно приветствовали и поощряли любые, пусть и самые абсурдные, планы Ниязова по строительству альтернативных трубопроводов в обход территории России. Несмотря на фактический провал проекта транскаспийского газопровода, Вашингтон оказывал поддержку проекту газопровода из Туркменистана в Пакистан и далее в Индию.

С 2002 года между Туркменистаном и США действует соглашение об использовании самолетами военно-транспортной авиации США туркменского воздушного пространства и международного гражданского аэропорта города Ашхабада для дозаправки самолетов, перевозящих гуманитарные грузы в Афганистан. Данное сотрудничество ежегодно приносило туркменской казне от 8 до 12 миллионов долларов США.*

Отношения Туркменистана с Турцией носили специфический характер. Турция является для Туркмении близкородственной тюркской страной (огузского корня); многие годы Анкара оказывала поддержку культурному развитию республики и финансово-экономическую помощь Ашхабаду. Турция является непременным участником всех трубопроводных проектов из Туркменистана в западном направлении (см. выше). С Ираном у Туркменистана сложились традиционно добрососедские отношения, которые касаются в основном вопросов экономического и энергетического сотрудничества (см. выше).

Ниязовский Туркменистан представлял собой закрытую от внешнего мира страну, управляемую деспотическим режимом. На международной арене Ашхабад зарекомендовал себя в качестве одиозного государства, подавляющего любые проявления инакомыслия внутри страны и не выполняющего международные обязательства во внешней политике. Фактически, в лице Туркменбashi великие державы столкнулись с дилеммой: одно дело иметь отношения с авторитарным режимом с цивилизованным фасадом и совсем другое дело – с восточной деспотией и племенным государством.

---

* О туркмено-американских отношениях см. II-й том данного издания. С.242-245.

Туркменская оттепель

Ночью 21 декабря 2006 г., во сне, от приступа острой сердечной недостаточности (по официальной версии) скончался руководитель Туркменистана, бессменный и, по сути, единоличный правитель страны Туркменбashi Сапармурат Ниязов.* Его внезапная смерть породила немало вопросов. Несмотря на то, что Ниязов был, как очевидно следует, серьезно болен, он интенсивно работал в рамках сохранения своего единоличного контроля и был не ограничен в любых прихотях, многие продолжали считать, что его убили.**

Новым лидером Туркменистана стал Курбанкулы (Гурбанкулы) Бердымухамедов.*** Обращал на себя внимание тот факт, что начальник славянской гвардии Туркменбashi, бывший выпускник Высшей школы КГБ СССР А.Реджепов, решительно поддержавший (на первых порах) К.Бердымухамедова, и сам Бердымухамедов, окончивший аспирантуру в Москве - люди, тесно связанные с Россией. Назначенный решением Совета безопасности на следующий день после смерти президента С. Ниязова К.Бердымухамедов де-факто был признан большинством государств мира законным и.о. главы государства, а после выборов – и легитимным президентом. Наблюдатели отмечали, что растерянность, охватившая консервативную, прониязовскую часть туркменской элиты после декабря 2006 г., постепенно стала проходить, а расправиться с консерваторами, доминирующими, например, в Совете по делам религий, в исламских судах (казиятах) и в правящей президентской Демократической партии, новым властям сразу было не под силу.

---

* С.Пейруз так пишет об исторической роли Туркменбashi: первые пятнадцать лет независимости Туркменистана неразрывно связаны с амбициозной личностью президента С.Ниязова. Именно он смоделировал как политические институты страны, так и культурную жизнь и оставил негативный след, длительные последствия которого до сих пор трудно измерить. С 1991 г. первое постсоветское поколение выросло полностью в атмосфере, отмеченной культом личности, отсутствием государственных структур, которое были бы дифференцированы от личности президента.

** Надо заметить, что слухи об убийстве не беспокоили новых руководителей Туркменистана. С одной стороны, потому, что реальных доказательств убийства не было; с другой, версия об убийстве косвенно показывает, что захватившие власть - люди очень решительные: «они убили диктатора», чтобы модернизировать Туркменистан и открыть страну миру.

*** Г.Бердымухамедов в правительстве С. Ниязова работал последние 10 лет, из них 5 - на посту вице-премьера по науке, образованию и здравоохранению. По образованию врач-стоматолог, кандидат медицинских наук. Отец его был полковником МВД, а старший брат - высокопоставленным офицером КГБ ТССР. Он победил на выборах 11 февраля 2007 г., набрав почти 90% голосов.

В республике нарастили экономические проблемы, вызванные не всегда продуманной хозяйственной политикой Туркменбashi. Все это ставило К.Бердымухаммедова в сложное положение. Ему было необходимо в сжатые сроки провести социально-экономические реформы без резких политических изменений, модернизировать инфраструктуру газовой промышленности, обновить основные фонды производства и т.д. Во внешней политике перед новым руководством Туркмении стояли не менее сложные задачи. По-видимому, Ашхабад продолжил курс по сохранению нейтралитета. Однако Туркменистан был вынужден изменить формат своей политики в отношении России и СНГ, отказавшись от наиболее одиозных шагов С.Ниязова по самоизоляции страны.*

Весной 2007 г. был очевиден курс нового руководства на постепенную, осторожную либерализацию, как утверждают некоторые эксперты - на переход от монократического к олигархическому режиму правления. С одной стороны, раздавались заверения продолжать политику Туркменбashi и ни слова не говорилось о демократии, а с другой - было заявлено о намерении вернуться к прежней системе высшего и среднего образования (от двухлетнего к пятилетнему обучению в вузах и от 9-летнего к 11-летнему - в школах); вернуться к прежней системе пенсионного обеспечения, обеспечить свободный доступ к Интернету, начать строительство новых вузов и даже открыть железнодорожное сообщение с Россией по новой транскаракумской магистрали.

С точки зрения кланового расклада новое туркменское правительство состояло в основном из выходцев племени Теке (в региональном контексте - Мары и Ашхабад). Лишь двое членов кабинета являлись представителями западного клана – йомудов. Как полагали эксперты, ключевой политической фигурой, скорее всего закулисной, должен был стать Акмурад Реджепов, начинавший работать в службе безопасности еще до С.Ниязова, при пре-

---

* Абдрахманов А. Некоторые вопросы развития ситуации внутри и вокруг Туркменистана // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2007. № 1. С. 32-42; Абдрахманов А. Туркменистан: изменения конструкции государственной власти и политики // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 3. С. 154-165; Кадыров Ш. В Туркменистан. Дворцовый переворот? // Азия и Африка сегодня (Москва). 2007. № 4. С. 41-45; Куртов А. Туркменистан: особенности политического транзита и безопасность региона // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2007. № 1. С. 43-47; Проклов И. Политическая система современного Туркменистана // Азия и Африка сегодня. 2007. № 10. С. 29-33; Проклов И. Современный политический процесс в Туркменистане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 2. С. 172-180; Что будет в Туркменистане? Круглый стол 23 января 2007 г. – М: Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. Вып. 1 2007. – 24 с.

жнем первом секретаре ЦК КПТ М.Гапурове. Однако, уже в мае 2007 г. К.Бердымухаммедов сосредоточил в руках такую власть, что смог отправить в отставку (по другим данным – под домашний арест) А.Реджепова, считавшегося главной фигурой в обеспечении прихода к власти нынешнего президента.*

Проблема состояла в том, что крупными государственными чиновниками под сенью культа Туркменбashi были скоплены крупные средства, но деспотический режим Ниязова наглядно показал им, сколь непрочно их богатство и сколь уязвимо их положение. Исходя из этого факта, легко предположить, что теперь им диктатура не нужна. Этому классу нужен такой режим, который позволил бы им сохранить свои капиталы и освободиться от зависимости от верховной власти. Бывшее окружение Туркменбashi готово провозгласить переход к обществу «равных возможностей», ибо оно получило ощутимые стартовые преимущества над остальными слоями общества. Но экономические свободы и иностранные инвестиции в регионы, экономическая самостоятельность самих регионов были не совместимы с сохранением прежней этнической вертикали теке и их клиентеллы из регионов. Таким образом, главное политическое наследство Ниязова было сверхцентрализованное государство, базирующееся на расслоении туркменской нации на кланы (землячества).

Внутренняя политика нового руководства Туркменистана строилась на следующих методах: концентрация власти президентом, этнические методы кадровой политики, переход к «управляемой демократии» (альтернативные выборы), умеренная либерализация как способ выбивания козырей у реальной и предполагаемой оппозиции.

В экономике новый лидер страны также столкнулся с серьезными проблемами.** Так, одной из постоянных проблем являлась скрытая безработица, которая при наличии ограниченного количества предприятий, морально и физически устаревшей техники, а также большого уровня рождаемости имела тенденцию к постоянному росту. К числу безработных также можно

---

* Как стало известно, в борьбе за президентское кресло Реджепов поддержал не Бердымухаммедова, а своего земляка - главу Карабекаульского района Мухаммедназара Гурбанова. Реджепов был арестован 17 мая 2007 г. Свою роль сыграл фактор борьбы за установления контроля над финансовыми потоками: скорее всего отец и сын (также снятый с должности) Реджеповы не только знали о схемах вывода за границу капиталов Ниязова, но и могли управлять этим процессом.

** По неофициальным данным, в последние годы своей жизни С.Ниязов успел перенаправить через подставные коммерческие структуры на Запад до трех миллиардов долларов, полученных от продажи нефти, газа и хлопка. Большую часть, по некоторым сведениям, - в Дойче Банк. Новое руководство страны предпринимало усилия по возвращению этих средств в бюджет.

было причислить и группу граждан страны, обладающих дипломами об окончании высших учебных заведений. Главное следствие этой политики - низкий прожиточный уровень населения, как в регионах, так и городах.

В республике уже много лет наблюдалась скрытая инфляция. После ухода С.Ниязова в реальности экономические проблемы страны нарастили. Это требовало от нового руководства страны принятия неотложных мер по стабилизации положения. Первыми шагами на этом направлении стало введение монополии государства на реализацию хлеба и муки. Сразу после смерти Туркменбахи власти, опасаясь волнений на почве нехватки хлебных изделий, обеспечили выбросы на рынок дополнительных объемов товара. Однако дефицит зерна в Туркменистане сохранялся.

В Туркменистане только три процента земель являются орошамыми, из которых более половины заняты под хлопок. Потребности страны в зерне составляют 1,7 млн. тонн, но как правило, не покрываются собственным производством. Также в последние годы правления С.Ниязова стали регулярно срываться сборы хлопка. Важным вопросом повестки нового руководства стало обсуждение реформы сельского хозяйства. Базой явились разработанные парламентом три крупных законопроекта - «О председателе сельсовета», «О крестьянском объединении» и «О крестьянском хозяйстве». Были обозначены реальные возможности сельского хозяйства, которые не позволяют впредь необоснованно завышать планку госзаказов. Оставалась острой проблема водоснабжения земледельцев. Ее планировалось устраниить за счет ранее проложенного канала - т.н. Туркмен-реки, построенных десятков крупных и малых водохранилищ, в их числе и плотина «Достлук» на туркмено-иранской границе. Новое руководство пыталось также стимулировать производство пшеницы и хлопка с помощью финансирования через госфонд.

Во внешней политике К.Бердымухаммедов хотел бы укреплять тесные экономические связи с Россией, в основе которых лежит возможность продавать в Европу туркменский природный газ, прокачивая его через российскую территорию. Россию подобный курс Бердымухаммедова вполне устраивал. При этом Туркменистан не скрывал свое давнее желание экспортировать газ по маршрутам, которые ведут через Каспий в Турцию, и далее - в Европу. Готов Туркменистан поставлять свой газ и в Китай через территорию Узбекистана и Казахстана. Ашхабад также дал понять, что готов к обсуждению вопросов, связанных со статусом Каспия. Новый президент подписал постановление о создании Межведомственной комиссии по Каспийскому морю.

Главной проблемой, с которой пришлось столкнуться молодому лидеру Туркменистана, была дилемма транс- и прикаспийского трубопроводов. Как известно, организацию транзита каспийского газа в Европу в обход России изначально лоббировали США. Коридор должен был состоять из трех

звеньев: Транскаспийский газопровод (из Казахстана и Туркменистана в Азербайджан), труба Баку-Тбилиси-Эрзерум и Nabucco (Турция, Болгария, Румыния, Венгрия и Австрия). Усилиями международного консорциума во главе с ВР удалось реализовать только среднее звено, которое возможно лишь частично заполнить сырьем азербайджанского месторождения «Шах-Дениз». Проектная планка добычи на нем установлена на уровне 16 млрд. кубометров в год. Между тем пропускная способность газопровода в Турцию составляет около 30 млрд. кубометров. Недостающие миллиарды кубометров можно было взять только в Туркмении и Казахстане.

Его альтернативой являлся прикаспийский газопровод, проектной мощностью 35 млрд. кубометров в год, должен продублировать маршрут существующей маломощной (10 млрд. кубометров в год) приморской ветви САЦ (Средняя Азия - Центр), проложенной в советский период вдоль Каспийского побережья по туркменской и казахской территориям. Необходимость реконструкции Прикаспийского газопровода возникла несколько лет назад. Ашхабад завел диалог о Прикаспийском проекте напрямую с Европой и заручился согласием её представителя.

В конце января 2007 г. заместитель американского госсекретаря Р.Баучер, курирующий Южную и Центральную Азию, заявил, что США заинтересованы в разнообразии маршрутов экспорта туркменских энергоносителей. В первой половине июня 2007 г. президент Бердымухамедов принял первого заместителя помощника государственного секретаря США по вопросам стран Южной и Центральной Азии Стивена Манна, который дал понять, что США продолжали поддерживать транскаспийский газопроводный маршрут, считая его наиболее выгодным как для производителя газа, так и для всего региона. Манн выразил надежду, что Туркменистан создаст благоприятные условия для инвесторов и тогда американский и международный частный бизнес сможет участвовать в туркменских энергетических проектах. США поддерживают и другие трубопроводные проекты Туркменистана - трансафганский в Пакистан и Индию, а также газопровод в Китай, Стивен Манн высказался против прокладки газопроводов через Иран.

Однако, в июне 2007 г. новый руководитель Туркменистана начал налаживать отношения с Ираном. Визит Бердымухамедова в Иран был обставлен подчеркнуто торжественно. В интересах США и ЕС было освободить туркменский газ от зависимости российского газопровода САЦ (Средняя Азия - Центр) и побудить Туркменистан к рассмотрению новых экспортных транзитных вариантов. В то же время, намерения Туркменистана диверсифицировать экспортные газовые маршруты могли осложниться политическим противодействием российского монополиста «Газпрома» и непрозрачностью туркменского энергосектора.

Таким образом, главной целью внешней политики нового руководства Туркменистана на ближайшую перспективу оставалось стремление добиться полной легитимизации пост-назиевского режима мировым сообществом и международными институтами. Туркменистан занял позицию более активного наблюдателя в региональных организациях (СНГ, ЦАЭС, ЕврАзЭС, ШОС).

Выработка новых маршрутов трубопроводов определялась не только международной конкуренцией вокруг нефтегазовых ресурсов Туркменистана, но и внутренним раскладом сил внутри элит страны. Так, отношение к новым маршрутам экспорта газа во многом зависело от места и влияния в новых структурах власти представителей тех или иных кланово-региональных группировок. Так, выходцы из западного велайата, составляющие костяк туркменского нефтегазового лобби, были заинтересованы в большей независимости от Газпрома. Многие факты указывали на то, что у нового руководства Туркменистана обозначилось ясное стремление выйти из чрезмерной зависимости от российского Газпрома. То есть, новое руководство в Ашхабаде своим приоритетом сделало осуществление диверсификации поставок природного газа из Туркменистана на мировые рынки, минуя Россию.

В качестве приоритета в Центральноазиатском регионе для укрепления двусторонних связей туркменское руководство выбрало Казахстан. В Ашхабаде вызывало большой интерес строительство Казахстаном второй ветки нефтепровода в Китай, допуск на свои урановые рудники японских компаний, переговоры Астаны с Китаем и Японией, а также с Францией по поводу сооружения первой казахстанской АЭС. Но экономическим интересам Казахстана отвечала существующая ситуация, когда Астана получала плату за транзит туркменского газа через территорию РК. Этот факт заставлял Казахстан - как важный элемент транзита из Средней Азии в Европу - поддерживать российскую (в реальности – российско-казахстанскую) монополию по транспортировке углеводородов с территории соседей. По проблеме Каспийского моря появились признаки сближения Ашхабада с общей позицией Азербайджана, РК и РФ.

Глава 4. Кризис и возрождение постсоветского Таджикистана

Таджикистан – республика с самой трудной судьбой среди других государств Центральной Азии. Еще в советские времена это была союзная республика с самым низким уровнем жизни, высокой рождаемостью, недостаточно развитой инфраструктурой и высокой степенью сохранения

традиционных и архаичных общественных институтов. В период перестройки именно в Таджикистане впервые в СССР появилась исламистская партия – Исламская Партия возрождения (ИПВ).

Здесь распад Советского Союза совпал со сменой власти в партийной элите, острой внутриполитической и межрегиональной борьбой, переросшей затем в кровопролитную гражданскую войну (1992-94 гг.)*. Трагедия усугубилась соседством с Афганистаном, который сам переживал затяжной внутриполитический конфликт в первой половине 1990-х гг. Вытесненные из республики исламисты перенесли свои базы в соседний Афганистан, откуда в течение трех лет продолжали атаковать светский режим Душанбе. Фактически, конфликт приобрел дуалистичный характер и развивался при активном вмешательстве внешних сил – афганских моджахедов, России и Ирана. Ситуация усугубилась фактором наркотрафика.

Трудно переоценить роль России, которая с самого начала кризиса стала одной из сторон конфликта: 201-я дивизия, дислоцированная в республике, вмешалась и остановила кровопролитие, но в тоже время поддержав одну из сторон конфликта – кулябцев во главе с Эмомали Рахмоновым. После относительной стабилизации в середине 1990-х гг. Россия способствовала превращению республики** в свой протекторат: Москва обеспечивала военную безопасность Таджикистана, полностью контролировала силовые структуры, оказывала полномасштабную экономическую помощь, единственной валютой был российский рубль. В то же время, другие республики региона – члены ДКБ оказывали помощь Таджикистану в охране границы с Афганистаном наряду с Россией. Казахстанские пограничники понесли в 1994 г. существенные потери.

Алма-Ата содействовала также мирному процессу в республике, став в одно время посредником между оппозицией и официальным режимом в Душанбе. Однако перелом наступил в 1995-96 гг., когда Москва и Тегеран проявили политическую волю и принудили противоборствующие стороны сесть за стол переговоров. Достигнутый компромисс имел уникальный характер: оппозиция получила свою квоту в правительстве, парламенте и вооруженных силах, согласившись прекратить военное противостояние с властями.

Однако социально-экономическое положение республики оставалось во второй половине 1990-х гг. крайне тяжелым, несмотря на помощь со сторо-

---

* По разным оценкам, эта война унесла жизни от 50 до 100 тыс. чел.

** В частности, в 1993-94 гг. таджикская оппозиция (в лице Тураджон-заде) в Тегеране установила контакт с руководством Казахстана с просьбой выступить посредником в переговорах.

ны России, а затем и Ирана*. По мере продвижения на север Афганистана талибов возрастила военно-политическая угроза республике. Таджикистан превратился в один из основных каналов наркотраффика, которым активно пользовались и террористы для проникновения в Ферганскую долину, т.е. на территории Киргизии и Узбекистана.

В конце 2001 г. geopolитическая ситуация вокруг Таджикистана радикально изменилась: началась контртеррористическая операция в Афганистане. Душанбе с первых дней оказал поддержку антитеррористической коалиции, предоставив свою территорию для авиации союзников и транспортировки военных грузов для Северного альянса. В дальнейшем союзники по НАТО создали на территории Таджикистана небольшую авиационную базу, которой в основном пользовались французские силы. Помимо сил НАТО в Таджикистане продолжали присутствовать российские вооруженные силы (с 2003 г. на правах базы) и по некоторым сведениям – индийские.

С 2002 г. Душанбе начал проявлять самостоятельность во внешней политике: Таджикистан подписал договор о стратегическом партнерстве с США, стал оказывать сопротивление проникновению в экономику республики российского капитала, наращивать экономическое присутствие Китая и Ирана. В то же время, Таджикистан старался остаться в орбите пророссийских интеграционных процессов, будучи участником ЕврАзЭС, ОДКБ и ШОС.**

Таджикистан в период нестабильности

Историю независимого Таджикистана можно условно разделить на три периода. И он тесно связан с политикой России. Первый (довольно краткий) – период так называемой «демократической солидарности». Он начался непосредственно после развода Советского Союза, когда к власти в России пришли идеиные демократы, группировавшиеся вокруг Б. Ельцина. Тогда российское руководство считало необходимым поддерживать

---

* Значительную помощь на региональном уровне оказывал также глава исмаилитов Ага-хан.

** По истории постсоветского Таджикистана см.: Шоисматуллоев Ш. Таджикистан в зеркале преемственности и смены поколений. – Душанбе: ФФЭ, 2006. – 320 с.; Абдулло Р. Таджикистан: к вопросу о политических итогах десятилетия независимости // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2001. № 6. С. 102-109; Ализода З. Эволюция парламентаризма в Республике Таджикистан // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 2. С. 100-106; Джабборов А. Государственное строительство в Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2004. № 1. С. 56-62.

на постсоветском пространстве демократические движения в их борьбе с местными коммунистическими элитами. В Таджикистане это вылилось в поддержку оппозиционных демократических объединений (с начала 1991-го до середины 1992 г.), что дало им возможность в союзе с местными исламистами свергнуть первого президента республики Рахмона Набиева (сентябрь 1992 г.) и создать коалиционное правительство.

Политическая жизнь в республике вышла из-под контроля после неудавшегося переворота в августе 1991 г., поддержанного руководителем республики Каҳаром Махкамовым, который был и главой Коммунистической партии, и президентом Таджикистана. По-видимому, изгнать Махкамова с его постов мечтали самые разные политические силы, включая и активное продемократическое движение в столице страны Душанбе. Его соперником был также очень честолюбивый, но неудачливый бывший коммунистический лидер Раҳмон Набиев, в советское время представлявший мощные экономические интересы Худжанда, расположенного в северной части страны

Все три группы (демократические активисты, группировка Набиева и исламские лидеры) были в состоянии мобилизовать на борьбу с Махкамовым множество людей из Душанбе и провинции с помощью священнослужителей, имевших возможность обратиться к набожным сельским жителям. Под давлением общественности Махкамов в 1991 г. ушел в отставку и был заменен Набиевым, который был быстро изгнан происламскими группами. Весной 1992 г. демонстрации превратились в борьбу группировок, образованных по региональным и идеологическим признакам. Области вокруг городов Худжанда и Куляба всегда конкурировали между собой, и представляли их Набиев (от Худжанда) и будущий президент Эмомали Раҳмонов (от Куляба). Основной опорой исламистов был район Курган-Тюбе, а оплотом демократов - Душанбе. Набиев был вынужден уйти в отставку в мае 1992 г., после чего было сформировано коалиционное правительство во главе с Акбаршо Искандеровым (Худжанд), до этого занимавшим пост председателя парламента. Страна была охвачена борьбой до тех пор, пока правительство Искандерова в ноябре 1992 г. не было свергнуто (вероятно, при поддержке российских войск, базировавшихся в Таджикистане). Раҳмонов был избран президентом в 1994 г.

В мае 1993 г. было заключено соглашение, согласно которому дивизия вошла в состав Коллективных миротворческих сил СНГ. Эти силы состояли из российских войск, подразделений Узбекистана, Киргизии и Казахстана. Тогда же было подписано соглашение о статусе в республике группировки российских погранвойск, задачей которой стала охрана таджикско-афганской границы. Срок действия этого соглашения составлял 5 лет с возможным продлением на следующий пятилетний период.

Второй период характеризовался усилением более прагматичного подхода российского руководства к проблемам взаимоотношений России с республиками ЦА. Тогда «демократов-идеалистов» потеснили группы «профессионалов», у которых было свое понимание интересов Москвы в Центральной Азии. С их точки зрения, необходимо поддерживать пророссийски ориентированные политические движения, независимо от исповедуемой ими идеологии. Что же касается таджикских демократов, то, по мнению «профессионалов», большинство их лидеров придерживалось националистических взглядов и ориентировалось на страны мусульманского Востока или, в лучшем случае, - на Запад. На практике это означало переориентацию российской политики в Таджикистане в пользу прокоммунистического Народного фронта, который именно благодаря этой поддержке уже к началу 1993 году сумел установить свою власть на большей части территории страны.*

Присутствие российских войск в Таджикистане в этот сложнейший для республики период трудно переоценить. Россия оказывала Таджикистану разнообразную помощь - не только военного, но и гуманитарного характера. Москва способствовала также налаживанию диалога между противоборствующими сторонами и поиску путей политического решения конфликта. Итоговое соглашение о политическом урегулировании было подписано в Москве в декабре 1996 г.

В течение последующих нескольких лет влияние Москвы было доминирующим. Таджикское правительство крайне нуждалось в российской поддержке для нейтрализации вооруженных формирований оппозиционеров, а также для усиления центральной власти и восстановления разрушенной экономики. Россия сыграла одну из ключевых ролей в подготовке и подписании межтаджикского Договора о мире (июнь 1997 г.), что во многом диктовалось надвигающейся тогда из Афганистана угрозой движения Талибан. С целью быстрейшего заключения мирных соглашений Москва использовала все каналы своего влияния на таджикское руководство и на афганских лидеров, поддерживавших Объединенную таджикскую оппозицию (ОТО).

Президент Рахмонов был переизбран на свой пост на выборах 1999 года. Несколько представителей оппозиции получили места в парламенте и заняли определенные посты в правительстве. Сторонники Рахмонова полностью победили на состоявшихся в феврале 2000 года парламентских выборах. Проводившийся в июне 2003 г. референдум давал возможность избирателям

---

* См.: Муллоджанов П. Таджикистан: между Россией, Западом и Востоком // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2004. № 4. С. 110-117.

одобрить 56 поправок к Конституции посредством голосования только за один общий вопрос. Самая значительная поправка разрешала президенту Рахмонову пребывать на своем посту еще два семилетних срока.

В первые десять лет существования в качестве независимого государства Таджикистан перенес три серьезных потрясения. Во-первых, были разорваны существовавшие в советскую эпоху трансграничные связи, что имело следствием непосредственные экономические затруднения. Во-вторых, почти сразу после получения независимости страна погрузилась в пучину гражданской войны, причем в 1992 и 1993 гг. столкновения охватили большую часть ее территории. Наконец, даже после окончания гражданской войны в Таджикистане Узбекистан отказался открыть границы для продажи или транзита таджикских товаров. Гражданская война повлияла практически на все аспекты жизни Таджикистана и во многом определила его развитие. Предполагается, что в 1992-1994 гг. погибло от 60 до 100 тыс. человек, а число внутренних перемещенных лиц составило около 10% населения. По имеющимся оценкам, в результате войны страна потеряла около 7 млрд. долл. дохода, а экономика практически лежала в руинах.

Экономика Таджикистана представляла собой контролируемую государством систему, находящуюся в процессе перехода к рыночной системе. Воздействие торговли наркотиками и других форм коррупции привело к очевидному разрыву в доходах между основной массой населения и небольшим числом бывших проправительственных и оппозиционных лидеров, которые контролировали многие из легальных и большинство криминальных секторов экономики.

Таджикистан ввел национальную валюту в 2000 г., и с этого началось развитие частного банковского сектора. Огромное влияние оказывал на экономическое развитие и социальную обстановку фактор наркотиков. Предполагается, что в 1990-х годах наркоторговля составляла 50-100% ВНП Таджикистана в зависимости от размера годового урожая мака в Афганистане.

Накануне начала военной кампании США в Афганистане правительство Рахмонова контролировало далеко не всю территорию страны, и именно поэтому боевики ИДУ могли находить убежище в Таджикистане и проходить через его территорию. В 1998 г., в частности, под нажимом Каримова правительство Рахмонова усилило давление на ИДУ, чтобы вынудить его ликвидировать свой оперативный центр в Тавилдарском районе Таджикистана. В 1999 и 2000 гг., используя средства, полученные от аль-Каиды, ИДУ создало новые лагеря вблизи Балха и Мазари-Шарифа в Афганистане. Боевики и жившие с ними члены их семей (в целом несколько тысяч человек) прибыли туда главным образом из Узбекистана, но среди них были

и представители других наций и этнических групп Центральной Азии, и многие члены ИДУ в ходе гражданской войны в Таджикистане сражались вместе с исламскими силами ОТО.

Третий период начался сразу же после избрания президентом России Владимира Путина (2000 г.). К тому времени для многих в РФ и за ее пределами стало ясно, что амбициозные цели, провозглашенные в начале 1990-х годов, не соответствуют реальным экономическим, военным и финансовым возможностям Кремля. После 2001 г. благодаря важности своего места в антитеррористической операции Таджикистан получил возможность напрямую развивать отношения с Западом.

Таджикистан в период стабилизации

В период относительной стабилизации Таджикистан оставался беднейшим из постсоветских государств и имеет самый низкий валовой национальный доход в Центральной Азии: в 2003 г. этот показатель составлял всего 1,3 млрд. долл. Другим странам Центральной Азии удалось начать процесс государственного строительства, сохранив в целости сложные административные структуры. Иная ситуация имела место в Таджикистане. Как замечает М.Олкотт, существование работоспособных административных органов вплоть до самых низких уровней на местах заметно облегчило решение проблем социального обеспечения. Но поскольку гражданская война в Таджикистане фактически была войной между регионами, победители решили изменить административно-территориальное деление страны, увольняя при этом способных людей, которые поддерживали проигравшую сторону.*

Индустриальная база, унаследованная от СССР, также расстроена. Фабрики закрылись, а алюминиевый комбинат в г. Турсун-заде, главное предприятие страны, работающее на экспорт, нуждается в значительных инвестициях для максимизации прибылей. В советские времена Таджикистан был одним из главных производителей алюминия. На заводе в Турсун-заде, построенном в 1975 г., работали около 11 тыс. человек, там выплавлялось 517 тыс. т алюминия в год, что делало его одним из крупнейших алюминиевых предприятий в мире. В 2002 г. там было произведено 309 тыс. т алюминия. В настоящее время комбинат обеспечивает почти половину доходов Таджикистана от экспорта, а его доля в общем потреблении электротермии в стране составляет примерно 40%. Его продукция продается

---

* См.: Олкотт М. Второй шанс Центральной Азии /Моск. Центр Карнеги; Фонд Карнеги за Международный мир. – Москва; Вашингтон, 2005. – С. 145-150.

главным образом корпорациям в Китае, Иране, Греции, Нидерландах, России, Швейцарии, Турции и Туркмении.*

Международные финансовые институты весьма положительно оценивают деятельность правительства по структурному реформированию национальной экономики. По мнению экспертов ЕБРР, в Таджикистане довольно успешно реализована программа приватизации малых предприятий. Тем не менее, доля частного сектора в ВВП составляет менее 50%.**

Большую проблему для Таджикистана по-прежнему представляют расчеты с Узбекистаном за поставки газа и электроэнергии. Позитивные сдвиги в расширении приграничной торговли во многом обусловлены строительством военными США мостов на границе с Афганистаном (через р. Пяндж), а также дальнейшее расширение сезонного автомобильного сообщения с КНР. В частности, это придает дополнительный стимул развитию изолированной в инфраструктурном отношении Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана. главный источник дохода большинства населения страны - денежные переводы рабочих-мигрантов (в основном низкоквалифицированных) из России, а существенной доли граждан, численность которых оценить невозможно, - участие в нелегальной торговле наркотиками. Поэтому развитие республики в значительной степени остается зависимым от теневого сектора экономики.

Внутриполитическая ситуация в Таджикистане после т.н. стабилизации, т.е. примирения официальных властей и исламской оппозиции имела тенденцию к обострению, а внутренняя борьба носила латентный характер. Судя по некоторым данным, исламская оппозиция не оставила планов по возвращению к власти. Тлел региональный сепаратизм, в частности – памирский. Проведение экономических реформ и приватизации экономики также потенциально несло в себе угрозу обострения противоречий между соперничающими кланами и группировками. В этих условиях действующий президент Э.Рахмонов (с 2007 г. – Рахмон) держал курс на сохранение созданной им системы власти.

Таджикское общество постоянно находилось в состоянии напряженного ожидания, которое достигло пика к 2005 г.: в феврале состоялись парламентские выборы, а на следующий год - президентские. Велись напряженные дискуссии по поводу нового закона о выборах. Представители неправи-

---

* Асроров И., Асроров З. Экономика Таджикистана в годы независимости // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2001. № 6. С. 109-116; Заурбеков С. Таджикистан: тенденции экономического развития в годы независимости // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 2. С. 121-129.

** Абдрахманов А. Таджикистан: актуальные тенденции в экономике, внутренней и внешней политике // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 6. С. 77-88.

тельственных партий не допускались на избирательные участки, протоколы заполняются в их отсутствие, причем заполнять можно даже карандашом. Очень высок был по местным меркам регистрационный залоговый взнос для участия партий в выборах. Но на силовую смену власти не решилась ни одна из сторон. Однако существует фактор вооруженной оппозиции: практически любой заметный политик или региональный лидер имел по несколько сотен хорошо вооруженных сторонников, а сила и влияние политиков определялись не партийными программами, а количеством вооруженных наемников.

Другой фактор - крайне низкий уровень развития экономики. Таджикистан - беднейшая страна во всем СНГ. Средняя заработка плата в месяц составляла 7 сомони (менее 2,5 долл.). Разработка сегодня нефтегазовых ресурсов была нерентабельна, т.к. нефть и газ залегают на большой глубине. Перспективным направлением, как и прежде, оставалось использование гидроэлектроэнергии, запасы которой в стране практически неисчерпаемы. Однако, если не считать сельского хозяйства (главным образом хлопководства), главным объектом легальной экономики (и самым привлекательным с точки зрения его предстоящей приватизации) являлся алюминиевый завод в г.Турсунзаде близ границы с Узбекистаном.

Крайняя бедность страны и соседство с Афганистаном вызвали к жизни еще один фактор внутренней и внешней политики - наркобизнес. Непрекращающиеся споры между Москвой и Душанбе по поводу присутствия российских пограничников было не что иное, как отражение спора о том, кто будет контролировать поток наркотиков из Афганистана в Россию и дальше на Запад.

Следующий фактор - клановая раздробленность страны. Власть в Душанбе принадлежала южному, т.н. кулябскому клану. Но руководители на местах были почти полностью самостоятельны. Клановая раздробленность - это, с одной стороны, залог вечного недовольства центром, а с другой - относительная гарантированная безопасность существующей власти: поскольку представителям различных кланов порой бывает труднее договориться друг с другом, чем с центральным правительством. В то же время, Рахмонов начал утрачивать поддержку в своей родной Кулябской области, где нарастало серьезное недовольство политикой сформированного им режима.

Характер власти в Таджикистане заметно отличался от соседних республик Центральной Азии. Рахмонов освободился от бывших соратников и сильных противников: часть арестовал, других заставил покинуть страну, третьих вывел из игры иными путями, но реального контроля над страной не получил. В середине 2000-х гг. сил на решительные действия не было

ни у власти, ни у оппозиции, несмотря на наличие бывших боевиков на стороне одних и правоохранительных органов на стороне других. Тем не менее, в Таджикистане не было базы для серьезных социальных потрясений. Наиболее активная часть населения – молодые и социально активные мужчины (свыше 1 млн. чел.) постоянно находились на заработках за пределами республики, в основном в России и Казахстане.

При этом перспектив смены власти на выборной основе практически не было. Душанбе располагал слабым, но административном ресурсом. Но сама оппозиция не могла переступить через амбиции, клановые и партийные пристрастия различных группировок и лидеров. С другой стороны, внутри каждой партии руководители порой не могли поделить власть и полномочия. Таким образом, режиму Э.Рахмонова, достаточно ослабленному, противостояла не менее слабая оппозиция. Исламская партия Возрождения (ИПВ) после ухода ее лидера Ходжи Акбара Тураджонзода долгое время находилась в кризисе. В ходе подготовки закона о выборах оппозиция допустила тактическую ошибку, предложив чрезмерное количество поправок. Власть приняла 80% поправок, но большинство из них были второстепенные. Тем самым Рахмонову удалось навязать оппозиции выгодный ему вариант закона.

В ИПВ в последнее время на передний план вышел лидер нового формата - Мухиддин Кабири, который пытался сочетать религию и политику по примеру христианских демократов в Европе. Это означало, что таджикская оппозиция начинает отказываться от своего исламского характера и переходить на светские позиции. Однако многим в партии не нравились чрезмерно авторитарные методы управления Кабири.

Политическая система Таджикистана

В Таджикистане сформировалось уникальное для Центральной Азии постконфликтное общество, возглавляемое президентом, получившим власть благодаря тому, что его сторонники взяли верх в расколотой стране гражданской войне. Хотя Таджикистан вышел из этой войны, не утратив территориальной целостности, его политическая и экономическая структура претерпела существенные изменения: власть на местных уровнях была перераспределена, а всю власть на национальном уровне, естественно, получили победители.

В силу географических и исторических причин Таджикистан больше других государств Центральной Азии тяготеет к регионально-клановому разделению. Это обусловило относительно высокую мобилизируемость и устойчивость оппозиционных групп, за которыми стоят именно кланы,

структурированные по региональному принципу. Можно сказать, что в РТ вся эволюция оппозиции прошла на данной основе. К тому же географическая изолированность отдельных регионов (при отсутствии развитой транспортной сети в горной стране) способствует сохранению регионализации политических и экономических элитных группировок Таджикистана по клановому признаку.

Как считает М.Олкотт, власть перешла от уроженцев Худжандской (ныне Согдийской) области к уроженцам Кулябской и от старшего поколения, привыкшего к жизни высших слоев советской элиты, к младшему - к людям, чьи руки запачканы землей или кровью (часто в буквальном смысле). Некоторое разделение власти было предусмотрено Общим соглашением об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, подписанным в июне 1997 г. Это соглашение предусматривало роспуск вооруженных формирований проигравшей стороны - Объединенной таджикской оппозиции - и определяло условия их реинтеграции в государственные структуры.*

Кулябский клан, в свое время пришедший к правлению, уже давно перестал быть единым. Действующий президент, пытаясь закрепиться во власти на долгосрочную перспективу, проводит собственную политику, которая может идти вразрез с интересами многих видных кулябцев. В частности, уволены десятки чиновников высшего и среднего звеньев, принадлежащих к этому клану, а их места заняли лояльные главе государства таджики из других регионов, в основном представители северян-худжандцев.

База исламской оппозиции - Каратегинский район, расположенный в центральной части страны, - непосредственно подчиняется общенациональным органам власти, поэтому вероятность концентрации здесь существенных экономических и политических ресурсов локальных элит невелика. К тому же этот район - один из беднейших в РТ, в связи с чем сегодня фактически единственным средством выражения интересов его жителей является ИПВ. Однако в последнее время она утратила многие свои позиции. Экстремистские организации исламского толка не пользуются широкой поддержкой основной массы верующих таджиков, которые в целом сохраняют лояльность ПИВТ и Соглашениям о мире 1997 года.

Другой бывший оппозиционный регион - Горно-Бадахшанская автономная область - представляет собой территорию, где после завершения войны обосновались некоторые нелояльные правительству полевые командиры бывшей ОТО. Усиление положительного восприятия центральной власти достигается благодаря развитию транспортных связей данного изолирован-

---

* Олкотт М. Ук. соч. С. 214-221.

ного региона с Душанбе, Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая и Афганистаном. А для укрепления своего контроля над этой территорией Э. Рахмон (после переизбрания на пост президента) сменил губернатора ГБАО А. Ниезмамадова, который руководил областью 12 лет.

Таджикистан обладает весьма развитой (по меркам региона) партийной системой. Наряду с правящей Народно-демократической партией, в стране действуют Коммунистическая, Демократическая, Социалистическая и ряд других политических партий, в различной степени позиционирующих себя в качестве оппозиции властям.

Таджикистан, который прежде мог рассчитывать лишь на незначительную западную помощь, крайне нуждался в средствах для восстановления разрушенной войной экономики и атрофированных остатков бюрократической инфраструктуры, оставшейся от советской эпохи. Но западные организации, предоставлявшие помощь, не связывали экономические реформы с политическими, что позволило правительству президента Эмомали Рахмонова консолидировать власть. В Таджикистане достаточно развит сектор неправительственных организаций, поддерживаемый международным сообществом и являющийся вторым или третьим по величине работодателем. Этот фактор создавал некий «демократический» фон режиму Рахмонова.

Однако у США и западноевропейских государств не было реальной заинтересованности в усилении рычагов своего влияния в Таджикистане. Они были рады, отмечает Олкотт, что гражданская война подходит к концу, но ее прекращение никогда не относилось к числу международных приоритетов, отчасти потому, что она протекала на фоне гораздо более масштабного, частично задевавшего Таджикистан и казавшегося неразрешимым конфликта в соседнем Афганистане. Более того, постоянные проблемы обеспечения безопасности в самом Таджикистане побудили ряд государств сократить или даже отозвать оттуда свои миссии. Фондов выделялось мало, и были большие сомнения в способности Таджикистана освоить даже эти деньги. Единственным исключением была сфера борьбы с наркоторговлей, куда международное сообщество вкладывало средства, однако до 2001 г. включительно годовой объем финансирования этих программ составлял в среднем менее 1 млн. долл. Ситуация была настолько удручающей, что таджикское Агентство по контролю за наркотиками, созданное в 1998 г., несколько раз оказывалось на грани закрытия, хотя его работа оценивалась как в высшей степени профессиональная.

Олкотт отмечает в своей книге, что торговля наркотиками на территории Таджикистана ограничивала перспективы политических и экономических реформ, но для решения этой проблемы требовалось сократить произ-

водство опиума в Афганистане, так как «рента» с наркоторговли являлась важным источником личного дохода для некоторых ключевых политических фигур Таджикистана. Осознание возросшей стратегической значимости Таджикистана, по-видимому, сделало Раҳмонова менее склонным к реформам, и вместо того чтобы двигаться навстречу демократическим принципам, он начал все решительнее от них отходить. Отчасти это объясняется тем, что со временем он научился лучше манипулировать президентскими полномочиями; на это у него ушло около пяти лет. Ограничения, наложенные договором о национальном согласии 1997 г., оказалось довольно легко обойти. Раҳмонов был настолько уверен в себе, что настоял на проведении в 2003 г. референдума по Конституции, который продлил срок президентских полномочий до семи лет. Таким образом, согласно действующему законодательству Раҳмонов обязан будет уйти в отставку лишь в 2020 г.

Парламентские выборы в Таджикистане состоялись 27 февраля 2005 г. - одновременно с первым туром выборов в Киргизии. Со стороны ОБСЕ они подверглись критике, поскольку далеко не соответствовали международным нормам. Правящая Народно-демократическая партия получила 80% голосов, тогда как Партия исламского возрождения и Коммунистическая партия вместе набрали только 10%. Четыре оппозиционные партии — Демократическая, Коммунистическая, Исламская и Социал-демократическая - энергично протестовали против официальных итогов голосования и требовали проведения новых выборов. Но ничего изменить было уже нельзя.

Таким образом, в стране реально сформировалась устойчивая централизованная система политической власти во главе с Э. Раҳмоном. Однако и он не может игнорировать интересы таких сил, как, к примеру, политически довольно активная мусульманская община, которая поддерживает ПИВТ. Для укрепления своих позиций правительство должно учитывать хрупкие региональные и внутриэлитные балансы государства.

Таджикская многовекторность

Среди постсоветских стран Центральной Азии, Таджикистан является наиболее тесно связанным с проблемами Афганистана. Это объясняется этнолингвистической близостью таджиков, живущих по обе стороны границы, а также тем, что во время гражданской войны в Таджикистане, руководители таджикской оппозиции находились на территории Афганистана и поддерживали контакты с различными этническими и военными группировками. Таким же образом, после взятия Кабула талибами в 1996 г., президент Афганистана, этнический таджик Бурхануддин Раббани находился в Таджикистане и получал поддержку от таджикских властей.

Таджикистан являлся, таким образом, надежным тылом афганской оппозиции – через авиабазу в Кулябе, «Северный Альянс» получал помощь от России, Индии и Ирана.

В то же время, Таджикистан является главной опорой российского влияния в Центральной Азии – с 1992 г. здесь были размещены более 20 000 российских солдат, в задачу которых входит охрана таджикско-афганской границы. Во внешнеполитической сфере, на наш взгляд, приоритетом для Душанбе остается военно-политическое сотрудничество с Россией. Некоторое сближение, наметившееся после 2001 года, особенно в 2005-м, с США и Францией представляется определенной дипломатической игрой, обусловленной ситуацией в Афганистане и в других соседних странах. Укрепление же экономических связей с Китаем, Ираном и Казахстаном более перспективно для РТ.

После террористических актов 11 сентября 2001 г., официальный Душанбе сразу же подтвердил желание сотрудничать с Вашингтоном, однако позднее (вероятно, под влиянием России) изменил свою позицию – 16 сентября министр иностранных дел Таджикистана заявил, что его правительство не позволит использовать территорию страны для нанесения ударов по Афганистану. Эта позиция держалась до 8 октября – даты начала военной операции, когда Душанбе заявил о том, готов предоставить силам антитеррористической коалиции свое воздушное пространство, и в случае необходимости, аэропорты. В отличие от Узбекистана, тесные военные связи с Россией мешали Таджикистану принимать важные внешнеполитические решения без одобрения Москвы. В то же время, таджикская администрация ждала, пока Вашингтон не заявит о своей поддержке Северного Альянса. Лишь после начала тесного сотрудничества американской армии и Северного Альянса, Таджикистан разрешил размещение солдат иностранных армий на своей территории, а несколько позднее – использование авиабазы Куляб в 40 километрах от таджикско-афганской границы.

США и Франция также заручились разрешением таджикского правительства на использование авиабазы Айни, расположенной вблизи Душанбе. Помимо сильного влияния России, на позицию таджикской администрации повлиял и другой фактор – страх перед наплывом большого количества беженцев из Афганистана в Таджикистан. Вследствие трудной экономической ситуации, страна столкнулась бы с риском гуманитарной катастрофы.

Главным приоритетом для Таджикистана являлась стабилизация обстановки в Афганистане, которая является важным элементом безопасности самого Таджикистана. Помимо этого, падение режима «Талибан» и расширение влияния Северного альянса, имеющего тесные связи с таджикской

администрацией, также являлось значительной выгодой для Таджикистана. В новом правительстве Хамида Карзая, этнические таджики контролировали ключевые посты министров иностранных дел (Абдулла Абдулла), обороны (Мухаммад Фахим) и внутренних дел (Юнус Канун).

Франция оказывала содействие в подготовке военных кадров для вооруженных сил Таджикистана и военно-техническую помощь. В ходе визита министра обороны Франции Мишель Аллио-Мари в Таджикистан в 2003 г. была заключена договоренность об углублении военно-технического сотрудничества и проведении совместных учений таджикских и французских военнослужащих.

В то же время, в отношении Таджикистана говорить о реальной многовекторности сложно. Стратегическое и международное положение республики детерминировано соседством с Афганистаном, глубокой (до определенного времени) зависимостью от России, культурно-исторической тягой к Ирану, положением в системе наркографика, угрозой исламизма и антитеррористической операцией в Афганистане.

В ходе своего визита в США в 2002 г. Э.Рахмонов получил крупные политические авансы в Белом доме: ему было обещаны сотрудничество в военной области на два года, широкая финансовая помощь и т.д. Стороны не договорились за закрытыми дверями об управлении российской военной базой в случае военных действий. Создавалось впечатление, что Таджикистан взял курс на полную и резкую переориентацию своего внешнеполитического курса. Это подтверждалось тем фактом, что Вашингтон фактически закрыл глаза на продление срока президентских полномочий Э.Рахмоновым.

Таджикистан приобрел важное значение с точки зрения антитеррористической операции в Афганистане, тесных связей между Душанбе и Северным Альянсом, в связи с проблемой наркотиков, а также вследствие расположения в республике российских сил (201-я дивизия). В течение 2002 года выявились вполне отчетливая тенденция в политике США и их союзников по коалиции, нацеленной на вытеснение военного присутствия России из Таджикистана.

Президент Рахмонов, пытавшийся в 2003-04 гг. балансировать между Вашингтоном и Москвой, оказался в ловушке, которую устроил себе сам: повернувшись к Западу, он не приобрел в его лице надежного союзника, а союзника в лице России мог бы потерять. Реальный масштаб проблем в российско-таджикских отношениях оценить было довольно сложно. Однако очевидно, что проблема вывода пограничников была только видимой вершиной айсберга. За этим стояли серьезные российские деловые и стратегические интересы.

В Таджикистане Россия с 2004 г. продемонстрировала новый подход, который несколько ранее в пробном варианте был опробован в Киргизии: военные базы в обмен на инвестиции. Крупный российский бизнес получил в свои руки не только самые крупные и теоретически самые дешевые в мире стратегические гидроресурсы, но и возможность в будущем стратегически влиять на всю энергетическую политику в регионе. за последнее время Москва сумела заметно укрепить свои позиции в Таджикистане. Если ранее российские интересы в этой республике были сосредоточены в основном вокруг проблем безопасности, охраны границы и пресечения наркотрафика, то на новом этапе Россия стремилась закрепиться в Таджикистане экономически.

На территории Таджикистана - в Душанбе разместилась военно-воздушная база НАТО. В основном здесь располагался французский воинский контингент. На авиабазе постоянно находились военно-транспортные самолеты ВВС Франции и свыше 120 военнослужащих. Великобритания финансировала программу по изучению английского языка в военном лицее и военном институте республики, а в специализированных учебных заведениях британских вооруженных сил ежегодно стажируются группы таджикских офицеров.

Таджикистан стал последней из постсоветских стран (если не считать нейтральный Туркменистан), подключившихся к программе НАТО «Партнерство во имя мира». Таджикская сторона рассчитывала на получение военно-технической помощи, которая была крайне актуальна для страны, считающей себя форпостом борьбы с наркобизнесом и международным терроризмом в Центральной Азии. В этой связи Душанбе уже рассматривал планы обучения своих военных специалистов в академиях стран НАТО, получая поддержку в сфере защиты окружающей среды и борьбы с чрезвычайными ситуациями. Но самое главное для Душанбе было придать импульс военной реформе в стране.

В отношении Таджикистана интересы КНР можно было сформулировать по времени их возникновения в хронологическом порядке: делимитация границы, борьба с терроризмом и наркоторговлей, транспортно-коммуникационные проекты, энергетика. На начальном этапе независимости Таджикистана, отделенный от него высокогорными хребтами Китай находился на периферии экономических интересов этого молодого государства, которое в свою очередь из-за внутренней междоусобицы не интересовало китайских бизнесменов. На следующем этапе, рассчитывая существенно расширить двусторонние экономические связи, Душанбе и Пекин прилагали усилия, направленные на создание надежного сообщения между двумя странами.

Нельзя обойти вниманием и визит Э.Рахмонова в Китай в январе 2007 г., результатом которого явились таджикско-китайское соглашение об участии

компании Sinohydro в сооружении Зерафшанской ГЭС мощностью 150 МВт. В последнее время особую динамику обрели отношения Душанбе с Пекином, что связано с потребностью Таджикистана в таком мощном инвесторе, как Китай (он не увязывает свои проекты с политическими аспектами). Одним из важнейших итогов нормализации их пограничной проблемы стало завершение строительства прямого транспортного коридора Ташкурган - Хорог через перевал Кульма (4 363 м), который предоставил Таджикистану прямой выход как в СУАР, так и (через Каракорумское шоссе) к Пакистану и далее - к Индийскому океану.

В последнее время усилил свою активность в Таджикистане Иран. Тегеран оказал двум областям Таджикистана безвозмездную помощь в размере 200 тыс. долларов для оказания помощи двум областям Таджикистана. Таджикистану была также предоставлена помощь в размере 5 млн. долларов для строительства тоннеля, который свяжет южную и северную части страны. Ранее Иран уже выделял 5 млн. долларов на строительство названного тоннеля. В декабре 2005 г. подписано и в январе 2007 г. ратифицировано таджикско-иранское соглашение о строительстве Сангтудинской ГЭС-2 стоимостью 220 млн. долл. Однако серьезным препятствием для этих планов является отсутствие высоковольтных линий электропередач (ЛЭП). Для решения этой проблемы Таджикистан предлагает зарубежным инвесторам профинансировать строительство ЛЭП мощностью 500 кВт с юга на север Таджикистана с последующим транзитом в Казахстан и Россию, а также из Таджикистана в Афганистан и далее до Пакистана и Ирана.

Помимо России КОГГ (Агентство по контролю за незаконным оборотом наркотиков) поддерживали США поставками автомобильной техники и средств связи. Эта помощь оценивалась приблизительно в 3 млн. долларов. Это было существенно меньше, чем затраты России.

Отдельным направлением во внешней политике Душанбе были отношения с исламским миром. В 1997 г. президент РТ Эмомали Раҳмонов посетил с официальным визитом Саудовскую Аравию. Одним из результатов визита было предоставление Таджикистану беспроцентного кредита Исламского банка. Сотрудничество республики с ОИК, в том числе с ее специализированными институтами, не ограничивается получением кредитов. Душанбе сотрудничает с Координационной группой арабских фондов ИБР: Фонда Кувейта, Фонда Саудовской Аравии и Фонда ОПЕК. Таджикистан предложил 70 важных проектов в сферах энергетики, транспорта, финансов, сельского хозяйства, здравоохранения, просвещения, телекоммуникаций и пр.

Кроме того, в республике функционируют и неправительственные исламские структуры, в частности Организация Ага Хана по развитию

(АКДН) - Фонд Ага Хана, который внес достойный вклад в достижение мира в Таджикистане и постконфликтное восстановление экономики страны. В настоящее время Фонд Ага Хана действует во всех областях РТ, в ее столице и в районах республиканского подчинения. В 1999 году Программа защиты предпринимательства (ЭСФ) и Фонд Ага Хана по экономическому развитию (АКФЕД) предоставили 700 предприятиям кредит на 530 тыс. долл. Эти средства были выделены на развитие сельского хозяйства, хлопковой промышленности и туризма. Средний объем кредита составил 1 000 долл. сроком на месяц, что способствовало созданию 15 тыс. новых рабочих мест. Общее направление программ АКДН по просвещению — сотрудничество с правительством для поддержки реформ системы образования — от начальных школ до высших учебных заведений.

Программа Ага Хана по развитию подготовила специальную Программу реформы сельского хозяйства (АПР), которая охватывает семь районов ГБАО и семь территорий республиканского подчинения. В целом на реализацию своих программ в Таджикистане Фонд Ага Хана выделил более 150 млн. долл. Эти средства были израсходованы в тяжелые годы гражданской войны и после ее завершения, когда в стране еще царила нестабильная обстановка. Благодаря авторитету и влиянию Фонда в различных странах, он смог привлечь инвестиции в РТ.*

В послевоенное время в социально-экономическое развитие РТ внесли свой вклад и две другие исламские структуры: Фонд развития Саудовской Аравии и Кувейтский фонд развития арабской экономики. Но наряду с легальными исламскими организациями в республике действовали нелегальные, в том числе религиозно-политическая партия «Хизб ут-Тахрир-ал-Ислами».

Вытеснение России

В 2004 г. статус 201-й мотострелковой дивизии был изменен. На ее основе была создана российская военная база, ставшая первой военной базой сухопутных войск России в Центральной Азии. В настоящее время Россия совместно с Таджикистаном и Индией оборудует новую авиабазу на аэродроме Айни в 25 км от Душанбе. Таким образом, в Таджикистане Россия в 2004 г. продемонстрировала новый подход, который в предыдущем году в пробном варианте был опробован в Киргизии: военные базы в обмен на инвестиции.

---

* Умаров Ф. Таджикистан: особенности сотрудничества с ведущими международными исламскими организациями // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 2. С. 135-144.

Договор о создании российской базы в Таджикистане был подписан еще в 2001 году, и затем ратифицирован обоими парламентами. Но подписать необходимый в таких случаях закрепляющий протокол об обмене ратификационными грамотами президенты двух стран не торопились. Всякий раз, когда дело доходило до разработки конкретного механизма, Душанбе выдвигал претензии к российской стороне, что призывы Москвы к союзничеству мало чем подкреплены, что Россия не предоставляет Таджикистану никаких льгот в области торгово-экономических отношений. Иногда отношения осложнялись по вине Москвы, когда Россия проводила массовые депортации таджикских гастарбайтеров из Подмосковья.*

Следует отметить, что таджикская сторона в ходе предварительных переговоров с Москвой прибегла к шантажу. Душанбе в качестве предварительного условия для создания постоянной российской военной базы требовал не только списать государственный долг в 300 млн. долларов, образовавшийся по линии торгово-экономического и военно-технического сотрудничества, но также выплатить 50 млн. долларов за использование оптико-электронного комплекса «Нурек» («Окно»). Душанбе потребовал права «принимать на себя в чрезвычайных ситуациях командование российской 201-й дивизией и использовать ее для защиты национальных интересов».

Э.Рахмонов даже готов был ревизовать достигнутые летом 2005 года в Сочи договоренности с Владимиром Путиным. Так, 14 сентября Душанбе посетил президент Ирана М.Хатами и подписал с Рахмоновым меморандум, в соответствии с которым Тегерану был обещан контрольный пакет в строящейся Сангтудинской ГЭС-1 на реке Вахш. И это при том, что контрольный пакет еще ранее был обещан РАО «ЕЭС России». Российские энергетики без политического прикрытия вряд ли отстояли бы этот проект. Но Кремль дал Рахмонову ясно понять, что поводом для визита Путина в Таджикистан в октябре этого года может быть только подписание всего пакета предварительных договоренностей. Однако компромисс был найден в июне 2006 года, когда к Путину на отдых в Сочи приехал Э.Рахмонов. В результате родилась схема «база в обмен на инвестиции».

Итог визита стал фактически болезненным компромиссом для всех: Москва купила электронный узел в Нуреке за 242,5 млн. долларов из трехсот, которые Таджикистан задолжал России, а оставшиеся пятьдесят с лишним

---

* Айни было выбрано не случайно. Во времена СССР здесь располагался вертолетно-ремонтный завод. В Айни планировалось разместить авиаотряд из российской военной базы (6 штурмовиков Су-25 и 12 вертолетов Ми-8 и Ми-24), а также таджикскую и индийскую авиационную технику. Индия разместила там 12 боевых самолетов МиГ-29 и один учебно-боевой самолет, предназначенный для обучения таджикских летчиков.

миллионов долга таджикская сторона пообещала России в виде доли акций Сангудинской ГЭС. Раҳмонов согласился на создание из 201-й мотострелковой дивизии постоянной российской военной базы с одним из самых больших российских военных контингентов в СНГ – до 20 тыс. человек без права брать на себя командование, а также получение из рук российских пограничников контроля над национальной границей к 2006 году.

Выход российских пограничников означал не только сокращение геополитического влияния России в республике и регионе в целом, но и опасность резкого роста наркотрафика через таджикско-афганскую границу и далее в Россию, проникновение на ее территорию международных террористов и исламских экстремистов. И основания для таких опасений у России были серьезные. Москва понимала, что на нынешнем этапе Душанбе едва ли под силу организовать охрану границы с Афганистаном профессионально и эффективно. Несмотря на помощь США и НАТО, погранслужба Таджикистана пока не смогла наладить надежный заслон контрабанде наркотиков из Афганистана, которая остается серьезнейшей проблемой. Руководство республики еще до окончания 2005 г. (дата окончательного вывода российских погранвойск) обратилось к России с просьбой оказать помощь таджикским пограничникам на особо опасных участках границы.

Костяк базы составила российская 201-я Гатчинская дважды Краснознаменная мотострелковая дивизия, дислоцированная на окраине Душанбе. В конце Второй мировой войны это соединение было переведено в Таджикистан, и за эти годы дивизия лишь однажды покидала республику: в течение почти десятилетия в составе 40-й армии участвовала в боевых операциях в Афганистане. Во время гражданской войны в Таджикистане, российские военные составили ядро коллективных миротворческих сил. Дивизия насчитывала около 5 тысяч военных. Кроме того, их число в составе базы пополняли все воинские части России в республике, включая авиагруппу ВВС и уникальный оптико-электронный узел обнаружения высокоорбитальных космических объектов «Нурек», расположенный в 70 километрах к юго-востоку от Душанбе, где круглый год ясная погода и космические объекты можно обнаружить на высоте до 40 тысяч километров.*

---

* Комплекс был заложен еще в 1979 г., но распад СССР помешал закончить его сооружение и введение в строй. В режиме боевого дежурства комплекс заработал лишь с марта 2004 г. Географическое расположение комплекса уникально (расположен на высоте 2200 м в горах Санглук, входящих в горную систему Памира). Небо здесь остается ясным практически 365 дней в году. Это позволяет эффективно наблюдать за космосом, а именно, каждый космический аппарат, выведенный на орбиту с высотой более 2000 км с любого полигона мира, на первых же витках оказывается в зоне видимости «Окна». Работа комплекса полностью автоматизирована. Он может функционировать без операторов в реальном масштабе времени.

Единственной серьезной проблемой являлось соглашение, касающееся охраны афгано-таджикской границы. Согласно договоренности, охрана границы переходила в ведение таджикских пограничников. В то же время создавалась российская оперативная группа, которая могла использовать фактор внезапности и действовать на свой страх и риск.

Российские военные соседствовали с натовскими: к примеру, российская авиационная группа, базирующаяся на аэродроме в таджикской столице, делила его с американскими и французскими летчиками. У последней российско-таджикской договоренности была и экономическая составляющая. Россия пообещала Таджикистану инвестировать в его экономику порядка двух миллиардов долларов в течение пяти лет. Объект «Нурек» передавался в российскую собственность на 49 лет с символической платой 0,3 долл. в год. Россия со своей стороны списывала 242 миллиона долларов таджикского долга.

Большая часть обещанных инвестиций должна была быть вложена РАО ЕЭС в строительство Сангтудинской ГЭС (компания была намерена построить станцию «под ключ» и готова вложить порядка 250 млн. долл., из которых 50 млн. были бы зачтены Россией в счет погашения госдолга Таджикистана) и компанией «Русал» - в сооружение Рагунской гидроэлектростанции (первоначально - около 560 млн. долл.). Кроме того, в следующие семь лет в республике должен был быть построен новый алюминиевый завод (600 млн. долл.) и реконструирован старый. Тем самым крупный российский бизнес получил бы в свои руки не только самые крупные (порядка 528 миллиардов киловатт-часов потенциальной выработки) и теоретически самые дешевые в мире стратегические гидроресурсы, но и возможность в будущем стратегически влиять на всю энергетическую политику в регионе.

Российско-таджикское сотрудничество в энергетической сфере вступило в активную фазу после визита президента России в республику в октябре 2004 г. Тогда были подписаны соглашения об участии российских компаний в строительстве ГЭС в Таджикистане. По общему мнению, наиболее инвестиционно привлекательной в экономике Таджикистана является гидроэнергетическая отрасль. Доля гидроэнергетики в общей структуре энергоресурсов республики составляет более 95%²⁵. Гидроэнергоресурсы Таджикистана можно, без сомнения, охарактеризовать как уникальные. По некоторым данным, на долю Таджикистана приходится около 4% гидроэнергопотенциала планеты.

К потенциально интересным для Москвы промышленным активам можно было отнести Вахшский азотно-туковый завод (средней величины производитель азотных удобрений), Яванский электрохимический комбинат

(во времена СССР был одним из крупнейших производителей магния), серебродобывающий ГОК, месторождения поваренной соли. Все эти предприятия находились в упадке, быстро возродить их можно либо путем восстановления советских передельных цепочек, либо переориентировав на экспорт. В первом случае неизбежно прямое участие российского капитала. Во втором случае помимо инвестиций потребовались серьезные вложения в транспортную инфраструктуру, поскольку надежное и безопасное железнодорожное сообщение у Таджикистана было только с Россией. Однако российские отраслевые инвесторы, которые могли бы заинтересоваться этими активами, еще сами находились в стадии становления, так что они вряд ли смогли бы торговаться за таджикские заводы.

В результате Россия получала бы взамен, во-первых, право экспорта электроэнергии в энерго-дефицитные Иран и Пакистан; во-вторых, учет интересов российских алюминиевых холдингов в приватизации Таджикского алюминиевого завода, намеченной на 2007 год (то есть после достройки ГЭС). По мощности ТАЗ входит в пятерку крупнейших алюминиевых заводов на территории бывшего СССР. Его экспортная выручка формирует 55% бюджета Таджикистана.

С начала 2004 года представители правительства Таджикистана неоднократно делали заявления о готовности своих пограничников самостоятельно охранять госграницу. В своих обращениях они опирались на Соглашение между РФ и РТ от 25 мая 1993 года о статусе Погранвойск РФ в Таджикистане, где четко было прописано, что российская сторона будет оказывать республике помощь и поддержку в формировании погранвойск Таджикистана и по мере готовности последних передавать функции по защите границы с Афганистаном и Китаем. Фактически, этот процесс начался еще в 1998 году, когда в порядке эксперимента таджикским пограничникам были переданы 73 километра на Калай-Хумбском участке, а в 2002 году – весь участок таджикско-китайской границы на Мургабе.

Известно, что на заработках в России проживает около миллиона таджикских граждан. Москва пообещала Душанбе максимально смягчить их по большей части нелегальный статус. То есть, ввести смягченный порядок регистрации таджикских гастарбайтеров, но при условии, если приезжие граждане Таджикистана будут исправно платить российские налоги. По некоторым оценкам, их число превышает 1 млн. (свыше 90% - нелегальные иммигранты), общая сумма денежных средств, которые они переводили на родину только по официальным банковским каналам составляло 280 млн. в год, а по неофициальным оценкам - свыше 1 млрд. долл. (годовой бюджет Таджикистана составлял 250 млн. долл., объем западных кредитов, включая гуманитарную помощь, не превышал 150-200 млн. долл.).

Введение визового режима между Россией и Таджикистаном означало бы, что на родину в Таджикистан хлынул бы поток социально активных людей, но лишенных средств к существованию. Это могло бы закончиться голодным бунтом и падением режима и как следствие - гражданской войной.

В новом веке в Таджикистане усилилась проблема т.н. памирского сепаратизма. События в мае 2004 г. в Горно-Бадахшанской автономной области были связаны одновременно с растущими противоречиями внутри Таджикистана, российско-таджикскими отношениями и проблемой наркотиков. Вывод российских пограничников планировалось начать именно с памирского участка таджико-афганской границы в зоне дислокации Хорогского погранотряда. Против этого резко выступило местное население. В конце мая в главных городах автономной области прошли митинги протеста, инициативная группа начала сбор подписей под письмом в адрес президента РФ В.Путина, выдержанном в весьма резких для официального Душанбе тонах, а наиболее радикальные участники демонстрации пригрозили лечь под выводимые БТР.

В письме президенту России (по некоторым данным, его подписали свыше 100 тыс. человек) утверждалось, что руководство страны проводит «предательскую политику по отношению к братской России и жителям Горного Бадахшана». При этом недвусмысленно делался намек на то, что власти Таджикистана сознательно открывают границу для потока наркотиков по указке некоего «большого демократического государства», объявившего России «белую войну». Авторы этого послания указали, как именно население Горного Бадахшана может противостоять политике Душанбе. В частности, речь шла о соглашении о протекторате между Россией и Бадахшаном от 1895 года. Тем самым становилось ясным стремление местных властей строить отношения с Москвой минуя Душанбе. Двенадцатилетнее летнее присутствие России в регионе не прошло бесследно: на тот момент около 10 тыс. жителей Горного Бадахшана имели российские паспорта.

Реальный масштаб проблем в российско-таджикских отношениях оценить было довольно сложно. Однако очевидно, что проблема вывода пограничников была только видимой вершиной айсберга. За этим стояли серьезные российские деловые и стратегические интересы. Если бы в руководстве Таджикистана возобладала бы линия на отход от России, то Москва могла поставить вопрос о судьбе советских стратегических объектов: о т.н. 6-м комбинате в г. Чкаловске на севере Таджикистана, где велись работы по обогащению урана; о ряде других закрытых городов и производств, о которых широкой публике было мало известно; об уникальном оптико-электронным комплексом слежения за спутниками «Окно» в Нураке, входящим в состав космических войск России и др.

Отношения, выстраиваемые таджикским руководством в сторону России, в какой-то степени объяснимы. Душанбе стремится ослабить свою сильную зависимость от России и диверсифицировать внешнеполитические и внешнеэкономические связи. Наиболее серьезную конкуренцию России в Таджикистане может составить Иран. Это объясняется как этноязыковой, исторической и культурной общностью таджиков и иранцев, традиционностью таджико-иранских связей, так и готовностью иранских компаний инвестировать в таджикские экономические проекты.*

Pax Iranica: Таджикистан как часть иранского мира

Еще один способ Э. Рахмона продемонстрировать свою внешнеполитическую самостоятельность - сближение со странами, где большинство населения (Иран) или его значительную часть (Афганистан) составляют персоязычные этносы. 2006 год был объявлен в Таджикистане Годом арийской цивилизации. Как считают в Душанбе, современные ИРИ и РТ - прямые потомки некогда единой арийской цивилизации. Вышеизложенное получило свое продолжение в политической плоскости: в июле 2006 года в Душанбе встретились лидеры трех стран-преемниц данной цивилизации (Афганистана, Ирана и Таджикистана). В целом упомянутое мероприятие можно охарактеризовать как попытку руководителей Ирана и Таджикистана создать в регионе альтернативную идею в противовес идее пантюркизма, которая не отвечает национальным интересам Тегерана и Душанбе.**

Как считают эти исследователи, в начале построения отношений с государствами ЦА Иран выработал стратегию, в первоначальном варианте включавшую использование культурно-исторической общности народов, больше всего такому подходу соответствовал Таджикистан. Однако Тегеран не смог использовать фактор ислама в связи с исповедованием различных течений этого религиозного учения, а также политической конъюнктурой внешней политики государства, что способствовало выработке и воплощению новой pragmatичной политики, направленной на реализацию экономических мер и воздействия, которое содействовало бы укреплению позиций ИРИ в регионе. Иран развивал сотрудничество во взаимовыгод-

---

* См.: Абдулатипов Р. Динамика российско-таджикских отношений // Международная жизнь (Москва). 2008. № 3. С.15-24.

** Такой точки зрения придерживается, в частности, следующие авторы. См.: Додихудоев Х., Ниятбеков В. Таджикистан – Иран: достижения и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 2. С. 152-161. См. также: Искандаров К. Таджикско-афганские отношения и перспективы их развития // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2008. № 1. С. 145-156.

ных областях экономики республик ЦА, включая энергетику, транспорт, банковскую и торговую сферы.

По их мнению, внешняя политика ИРИ на ее северных границах определяется четырьмя составляющими: российско-иранскими отношениями, исламским фактором, глобальным фактором (ролью США в формировании региональной политики), представлением Ирана о своей ключевой роли в развитии Центральной Азии и Закавказья.

Иран стал первой страной, открывшей свое дипломатическое представительство в таджикской столице; это произошло после того, как РТ провозгласила свою государственную независимость. А в июле 1995 года в Тегеране начало функционировать таджикское посольство, что было приурочено к первому официальному визиту президента Республики Таджикистан в Исламскую Республику Иран. На первоначальном этапе в двусторонних отношениях превалировало гуманитарное сотрудничество; реализация конкретных экономических проектов была невозможной в силу сложной политической ситуации в РТ, вследствие чего они находились на стадии рассмотрения.

Визит президента Ирана Хатами в Таджикистан в 2002 году и ответный визит президента Таджикистана Эмомали Рахмона в 2003-м сдвинули двусторонние связи с мертвой точки. Так, стороны согласовали свои позиции по одному из крупнейших инвестиционных проектов ИРИ в РТ — ГЭС Сангтуда-2. Оказался плодотворным и официальный визит президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Иран в январе 2006 г. По итогам встречи был подписан пакет документов, выводящий экономическое взаимодействие на качественно более высокий уровень. В конце июля 2006 года Таджикистан посетил с ответным визитом президент Ирана Махмуд Ахмадинежад. По итогам переговоров на высшем уровне подписан ряд двусторонних документов социально-экономического характера. В целом за 15 лет между двумя странами подписано более 150 соглашений. Важные проекты регионального значения были обсуждены в ходе очередного официального визита руководителя РТ в ИРИ в мае 2007 г.

Развитие транспортной инфраструктуры ныне является для Таджикистана одной из первоочередных задач национальной экономики. В стадии разработки находится проект строительства железной дороги и автомагистрали Руми - Кумсангир (Таджикистан) - Кундуз - Мазари-Шариф - Герат (Афганистан) - Мешхед (Иран).

В ближайшей перспективе намечено строительство автодороги Исфара - Ош, минующей узбекский анклав «Сох». Успешная реализация этого проекта избавит от многих трудностей жителей сопредельных районов двух стран, что выразится в первую очередь в сокращении до минимума числа

приграничных конфликтов на рубежах с Узбекистаном. Кроме того, идет строительство мостов, которые свяжут РТ с Афганистаном, занимающим в географическом плане стратегическое положение, позволяющее проникновение на территории других государств (включая Индию, Пакистан, Иран) и, соответственно, из этих стран в Таджикистан.

Иран экспортирует в Таджикистан кофе, чай, сахар-песок, шоколадные изделия, краску и лакокрасочные материалы, нефть и нефтепродукты, ковры, паласы, керамику, машины, электрооборудование, одежду, мебель, а также каучук, резину и их производные. Из РТ в ИРИ поставляют алюминий и алюминиевые изделия, хлопок, черные металлы и металлоизделия, стекло и продукцию из него. Таким образом, руководство Ирана давно уже отказалось от попыток вмешательства во внутриполитическую борьбу в РТ и стремится как можно активнее развивать сотрудничество с подчертнуто светским правительством Э.Рахмона в реализации экономических проектов, прежде всего в гидроэнергетике и развитии транспортной инфраструктуры.

Изначально правительство ИРИ поощряло своих инвесторов вкладывать средства в экономику РТ, в связи с чем иранские компании проявляют завидную активность: сегодня их капиталовложения затронули почти все отрасли экономики Таджикистана. К крупным иранским проектам относится и Анзобский туннель «Истиклол», расположенный на севере РТ и связывающий Согдийскую область со столицей государства. Его строительство обошлось иранской стороне в 31,2 млн долл., из которых 10 млн. грант и 21,2 млн. - кредит; доля правительства Таджикистана - 7,8 млн. долл. Сложный географический рельеф во многом определил стоимость сооружения туннеля, протяженностью в пять километров, пролегающего на высоте 2 650 метров над уровнем моря. Вслед за Анзобским туннелем иранская компания «Sobir International» приступит к строительству следующего - Чормагзак, на востоке республики в зоне автотрассы Душанбе — Куляб (недалеко от Нурекской ГЭС).

Однако наибольший интерес вызывает проект создания СП «ТочИрон» по производству тракторов на базе Душанбинского завода «Хумо» и Тебризского тракторного завода. Согласно договоренности 51% акций будет принадлежать иранской стороне, 49% - таджикскому предприятию «Хумо», которое обеспечит производственные мощности, а также энергетические и коммуникационные сооружения, а иранские партнеры представлят технологии. Один из перспективных таджикско-иранских проектов в сфере гидроэнергетики, который будет осуществлен при непосредственной поддержке Исламского банка развития, - сооружение в РТ (в марте 2009 г.) восьми малых ГЭС. Эти ГЭС, проектная мощность каждой из которых

составляет 8 тыс. кВт, будут сооружать в разных регионах страны. (Общая их запланированная стоимость - 10 млн. долл.)

В 2006-2007 годах в двусторонних экономических отношениях произошли существенные сдвиги, охватившие новые сферы взаимодействия. Глубокое политическое и экономическое доверие между Таджикистаном и Ираном во многом обусловлено единой многовековой культурой двух стран. Тесное взаимодействие двух государств наблюдается также в рамках международных организаций, в том числе в формате региональных структур: Организация Исламская конференция, Организация экономического сотрудничества и ШОС, в которой Иран с 2005 года имеет статус наблюдателя.

Отношения с соседями

Таджикистан, имея немало общего в истории и культуре с соседними тюркскими государствами, тем не менее существенно отличался от тюркского мира своим этническим происхождением и языковой принадлежностью. В связи с этим тема взаимодействия Республики Таджикистан с тюркскими странами представляет особый интерес. В Иране были обеспокоены, а в Душанбе напуганы раздуваемой на первоначальном этапе Анкарой идеей тюркского единства. Эта концепция не оставляла места Таджикистану в подобной «турецкой» Центральной Азии.*

Дипломатические отношения между Таджикистаном и Турцией были установлены 29 января 1992 г., с момента официального признания Турцией независимости Таджикского государства. В ноябре 2004 г. в Анкаре была подписана Программа сотрудничества между министерствами иностранных дел двух стран, предусматривающая проведение конкретных мероприятий по различным направлениям, начиная от организации встреч и консультаций до обмена информацией, подготовки и повышения квалификации кадров. Важным для турецко-таджикских отношений стала совместная реализация в апреле - мае 2005 г. ряда мероприятий, связанных с планами развития регионов, прымывающих к «Великому шелковому пути» - древней караванной дороге из Китая в страны Средней и Передней Азии.

Отношения Таджикистана с соседними республиками не всегда были «братьскими», а порой и обострялись до предела. Примером тому - затяжной конфликт в середине 1980-х гг., дошедший до столкновения и перестрелок между населением Баткенского района Кыргызстана и Исфаринского райо-

---

* См.: Абдулло Р. Таджикистан и региональная интеграция в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лulea, Швеция). 2007. № 2. С. 72-78.

на Таджикистана из-за проблемы раздела земельных участков. Не менее опасная полемика возникла в конце 70-х гг. между представителями творческой интеллигенции и науки Узбекистана и Таджикистана относительно национальных корней великого ученого Абу Али ибн Сины (Авиценны) накануне его 1000-летнего юбилея.

Центральноазиатские государства на протяжении ряда лет взаимодействовали в рамках СНГ; Казахстан, Киргизстан вместе с Таджикистаном входят в ОДКБ, а также в Евроазиатское Экономическое Сообщество, Узбекистан, как известно, сначала вышел из ОДКБ, а теперь возобновил членство в нем. В начале 2006 г. Узбекистан был принят в ЕврАзЭС, а в 2008 г. заморозил свое членство. Все центральноазиатские государства, за исключением Туркменистана, являются членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), до последнего времени входили в состав Организации Центральноазиатского Сотрудничества (ЦАС), которая в августе 2005 г. была объединена с ЕврАзЭС. Совместная деятельность в международных и региональных организациях, установление и развитие двусторонних связей позволили Таджикистану наладить взаимодействие с центральноазиатскими странами.

Наибольший объем торговли Таджикистана среди центральноазиатских государств приходится на Узбекистан - 45,1% от общего оборота с этими странами и Казахстан - 38,3%. В общей торговле Таджикистана с этими государствами преобладает импорт: из Казахстана - в основном зерно, из Узбекистана - электроэнергия, газ и др. Наибольший экспорт таджикских товаров осуществляется в Узбекистан - в основном химическая продукция.

Главным торговым (как и стратегическим) партнером Таджикистана является Россия, на которую приходится 32,6 % торговли Таджикистана со странами СНГ (339 млн. долл. США). Высокий удельный вес Узбекистана и Казахстана в таджикской внешней торговле объясняется территориальной близостью и наличием необходимых для Таджикистана ресурсов - зерна, электроэнергии, природного газа. В свою очередь, Узбекистан также нуждался в импорте из Таджикистана.

На протяжении ряда лет сохранялись напряженные отношения между Таджикистаном и Узбекистаном. На территории Узбекистана компактно проживает большая таджикская диаспора, сконцентрированная преимущественно в Сурхандарьинской, Самаркандской и Бухарской областях. По официальной статистике Ташкента, в РУ насчитывается свыше 1 млн. таджиков (около 4% ее населения), по неофициальным данным, - более 6 млн., то есть по численности эта диаспора уступает лишь титульной нации. С 1992 г. Душанбе и Ташкент подписали свыше 70 различных соглашений и договоров, в том числе и Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничес-

тве от 4 января 1993 г. В ходе официального визита президента Узбекистана И.А.Каримова 15 июня 2000 г. в Душанбе был подписан Договор о вечной дружбе между Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан. Важнейшие договоренности были достигнуты во время официальных визитов президента Таджикистана Э.Ш.Рахмонова в Узбекистан в январе 1998 г. и декабре 2001 г. Узбекской стороной были даны заверения о восстановлении воздушного сообщения и организации вещания таджикского телевидения на своей территории, стороны также условились об урегулировании пограничных вопросов и реализации совместных гидро-энергетических, горнорудных проектов и т.д.

К сожалению, большинство договоренностей так и осталось нереализованными. Более того, ссылаясь на возможное проникновение боевиков с территории Таджикистана, узбекские власти поставили вопрос о введении визового режима для таджикских граждан, что привело к новому обострению двусторонних отношений. Далее, ссылаясь на возможное проникновение боевиков, Узбекистан в 2000 г. принял жесткое антигуманное решение о минировании всей границы с Таджикистаном. В результате с августа 2000 г. по октябрь 2005 г. от узбекских мин погибли и были ранены несколько сот мирных граждан Таджикистана.

Кроме пограничных вопросов, имеются проблемы распределения водных ресурсов, транзита таджикских поездов и автотранспорта. Несмотря на то, что Таджикский алюминиевый завод работает на протяжении 30 лет, со стороны Узбекистана предъявляются постоянные требования его закрытия якобы по причине загрязнения окружающей среды. Несмотря на вступление Узбекистана в ЕврАзЭС и ОДКБ, взаимоотношения Душанбе и Ташкента в 2006-07 гг. не улучшились, а скорее ухудшились. В частности, в 2006 году в обеих странах состоялись суды над гражданами, обвинявшимися в шпионаже в пользу соседнего государства. Усилилась кампания «независимых» экологических НПО Узбекистана, направленная на критику планов по расширению производства на ТадАЗ.

Отношения Таджикистана с Киргизстаном в целом носили дружественный и доброжелательный характер и направлены на развитие взаимовыгодного и равноправного сотрудничества. Немало беженцев Таджикистана в трудные годы гражданской войны нашли убежище в Бишкеке и других городах Кыргызстана. В то же время в таджикско-киргизских отношениях еще имеют место некоторые проблемы, в т.ч. связанные с демаркацией и делимитацией границ, не были решены до конца вопросы разделения земельных участков. Киргизстан оказал полную поддержку Таджикистану во вступлении в Таможенный союз четырех государств СНГ и в Центрально-Азиатское экономическое сообщество в качестве полноправного члена.

На таджикско-киргизских государственных рубежах насчитывается приблизительно 70 спорных участков, преимущественно в Исфаринском районе Согдийской области и Джиргитальском районе РТ, граничащих соответственно с Ошской и Баткенской областями КР. кыргызы преимущественно проживают в горных приграничных районах Таджикистана, их численность достигает чуть более 1% общего количества населения республики (около 65 тыс. чел.). Особенность территориального вопроса - наличие анклавного фактора. Так, на территории Кыргызстана есть крупный таджикский анклав Ворух с населением около 30 тыс. чел., 95% из которых - таджики, административно относящийся к Исфаринскому району Согдийской области РТ. Плотность населения окружающего его Баткенского района (Баткенской области) КР значительно меньше. Неравномерное использование ресурсов время от времени приводило к столкновениям между кыргызами и таджиками, в частности, конфликты на этой почве имели место в начале 1980-х годов и 1989-м (в последнем случае произошел самый крупный инцидент). Проникновение вооруженных отрядов Исламского движения Узбекистана на территорию Баткенского района Киргизской Республики в 1999 и 2000 годах выдвинуло на передний план решение вопросов безопасности границ.

Таджикистан - единственная из республик региона, с которой у Казахстана нет государственной границы. В 2000-е годы динамично развиваются таджикско-казахстанское сотрудничество. Этому во многом способствовала Декларация развития отношений между Республикой Таджикистан и Республикой Казахстан, которая была подписана в ходе официального визита в Таджикистан президента Казахстана Н.Назарбаева в июне 2000 г. Между двумя странами создана солидная договорно-правовая база, подписано свыше 50 совместных документов в политической, экономической, социальной, гуманитарной и других сферах. По мнению таджикских политологов, Казахстан (как и Узбекистан) претендует на роль регионального лидера, но Астана (в отличие от Ташкента) активно проводит более конструктивную внешнюю политику в отношении государств ЦА.*

Значительный потенциал для развития имеют таджикско-туркменские отношения, которые строятся в духе доверия и доброжелательности. В советское время Туркменистан был традиционным поставщиком стекла в Таджикистан, а из РТ на туркменский рынок поступала продукция Вахшского азотно-тукового завода, Яванского химического завода, Душанбинского холодильного завода, а также предприятий текстильной

---

* Ниятбеков В., Додихудов Х. Республика Таджикистан в региональном измерении // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2006. № 3. С. 83-99.

промышленности. Интерес Туркменистана к своему южному соседу во многом обуславливается желанием Ашхабада создать новые пути экспорта своих углеводородных ресурсов на перспективные рынки государств Азии через территорию Афганистана. Союз между Туркменистаном и движением «Талибан» вызывал нескрываемое недовольство Душанбе. В отличие от других тюркоязычных государств Туркменистан проводит более активную политику со всеми странами персидского мира, в том числе и с Таджикистаном. В таджикско-туркменских отношениях стабильные экономические контакты сочетались с отсутствием официальных визитов лидеров этих государств.

Подводя итог рассмотрению взаимодействия Таджикистана со странами Центральной Азии, следует подчеркнуть, что, несмотря на исторически сложившиеся связи и десятилетия нахождения в общесоюзном государстве, наличие большого числа договоренностей, совместных решений по развитию двусторонних связей, в отношениях между Таджикистаном и указанными странами имеются некоторые различия. Если, к примеру, с Казахстаном и Кыргызстаном развитие отношений носит динамичный характер, по многим международным проблемам выработаны общие подходы, и экономическое сотрудничество с этими государствами реализуется в конкретных проектах, то во взаимодействии с Узбекистаном, кроме некоторых торговых связей, в целом сохраняется определенная напряженность отношений, не выполняются многие совместные договоренности и решения.*

Таким образом, во внешнеполитической сфере Таджикистан стремится максимально использовать инструменты многовекторной дипломатии для привлечения внимания России к важности Душанбе в качестве ее ключевого союзника в регионе. При этом, безусловно, преследуются и сугубо прагматичные цели по приложению интересов geopolитических акторов в РТ к реализации практических проектов в экономической сфере, прежде всего к развитию гидроэнергетики и транспортной инфраструктуры.

Глава 5. Гарант стабильности в регионе: казахстанская модель

Казахстан – девятое в мире и второе по территории государство СНГ после России и одно из самых богатых по природным ресурсам; оно рассматривается как самое стабильное из всех постсоветских государств.

---

* См.: Султанов Ш. Республика Таджикистан: многовекторная политика // Азия и Африка сегодня (Москва). 2006. № 9. С. 34-39.

В 2003 г. совокупный ВВП Казахстана превысил суммарный ВВП всех остальных центральноазиатских республик. С этого момента все открыто заговорили о Казахстане как о лидере в своем регионе. В 2004 г. США и Запад признали в Казахстане государство с рыночной экономикой. В 2005 г. Вашингтон и Запад в лице своих ведущих политиков, бывших и действующих, а также представителей крупного бизнеса, фактически легитимизировали Казахстан и его политический режим. Таким способом произошло своего рода принятие Казахстана в «клуб состоявшихся государств». Но для того, чтобы это произошло Казахстану, его правящему классу и элитам пришлось пройти долгий и сложный путь, во время которого приходилось решать геополитические проблемы, устранивать многочисленные угрозы внутриполитической стабильности, разрешать экономические ребусы и осуществлять сложные проекты. На это ушло полтора десятилетия.*

* См.: Назарбаев Н.А. Пять лет независимости. – Алматы: Казахстан, 1996; Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы: Онер, 1996. – 228 с.; Назарбаев Н.А. Десять лет равные столетию. – «Атамыр» баспасы, 2001; Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамура, 2003. - 240 с.; Назарбаев Н.А. В сердце Евразии. – Алматы: Атамура, 2005; Назарбаев Н.А. Казахстанский путь.- Астана. 2006; Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. – Алматы: Credos, 2008. – 920 с.; Видова О.И. Нурсултан Назарбаев. (Издание третье, дополненное). Серия «След в истории». Ростов-н/Д: «Феникс», 2003; Джангужин Р.Н. Казахстан постсоветский. – Киев: ИМЭМО НАН Украины, 2002. – 482 с.; Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. – Алматы: Билим, 1997; Коэн А. Дорога независимости. Энергетическая политика Казахстана. – New York: Global Scolarly Publications, 2007. – 182 с.; Лаумулин М.Т. Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика, политология. – Алматы: КИСИ, 2000.- 478 с.; Лаумулин М.Т., Галиев А.А., Панфилов А.В.Антология истории Казахстана. Независимый Казахстан. Зарубежная историография. Т.Х. Ч.И. Под ред. А.В. Панфилова. – Алматы: АЮ ВПШ Адилет, 2006. – 140 с.; Ертысбаев Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана: Елорда, 2001.- 576 с.; Медведев Р. Казахстанский прорыв. – Москва: ИЭС, 2007. - 182 с.; Морозов А.А. Казахстан за годы независимости. – Алматы: КИСИ, 2005. – 236 с.; Олкотт М.Б. Казахстан: непройденный путь. – М.: Гендалф, 2003. – 354 с.; Современный Казахстан: стратегия успеха. Под. ред. М.Е.Шайхутдинова. – Алматы: ИМЭП, 2008. – 288 с.; Чжен Кун Фу. Геополитика Казахстана: между прошлым и будущим. – Алматы: Жеты Жарғы, 1999. – 416 с.; Akiner Sh. The Formation of Kazakh Identity from Tribe to Nation-State. - London: Roayl Institute of International Affairs, 1995. - 83 p.; Dixon A. Kazakhstan: Political Reform and Economic Development. – London: RIIA, 1994. – X+42 pp.; Olcott M.B. The Kazakhs. 2nd ed. - Stanford: Hoover Institution Press, 1995. - 388 p.; Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise. – Washington: Carnegie Endowment, 2002. – XII+321 pp.; Poujol C. Le Kazakhstan. – Paris: Presses Universitaires de France, 2000. – 128 p.; Robbins Ch. In Search of Kazakhstan. The Land that Disappeared. – London: Profile Books, 2007. – 296 p.; Schreiber D. Kasachstan entdecken. Auf Nomadenwegen zwischen Kaspischem Meer und Altaj. – Berlin: Trescher Verlag, 2003. – 499 S.; Gumpenberg M.-C. von. Staats- und Nationsbildung in Kasachstan. – Opladen: Leske und Budrich, 2002. – 231 S. (Forschung Politikwissenschaft; Bd.150).

Особенности формирования внешней политики Казахстана

Внешняя и внутренняя политика Казахстана в первое десятилетие после обретения независимости формировалась в жестко детерминированных условиях. Сегодня можно утверждать, что выбор у казахстанского руководства, конечно, был. Но зачастую, это был выбор между меньшим и большим злом, между плохим и очень плохим. В условиях геополитического, экономического и политического хаоса начала 1990-х годов логика выживания и сохранения стабильности толкала Казахстан к созданию такой модели поведения, которая с минимальными потерями позволяла бы выходить из сложных ситуаций, в которые загоняла нас geopolитика и противоречивые интересы крупных игроков.

Со временем лидеры Казахстана сумели овладеть дипломатическим мастерством и внешнеполитическим умением. Как правило, Казахстану удается находить общий язык с различными державами и более или менее держаться на равных даже при очевидном неравенстве политического веса. Конечно, если бы за спиной казахстанской дипломатии стоял бы серьезный потенциал в виде экономической мощи, эффективной армии, большого населения и т.д., то в этом случае казахская внешняя политика и ее дебют на геополитической шахматной доске был бы более эффектным. Тем не менее, Казахстан смог генерировать из своих рядов таких политиков, которые сумели провести государственный корабль через бури и рифы мировой политики. Пока штурвал находится в надежных руках.

В Казахстане официально используется термин «многовекторная дипломатия», который был введен в оборот впервые в середине 1990-х годов. На самом деле за многовекторностью крылось балансирование между различными геополитическими центрами силами, оказывавшими влияние на Казахстан и в целом на Центральную Азию.

Многовекторность как системное проведение внешней политики начала складываться в первой половине 1990-х годов. Вспомним, что это было за время. Казахстан в конце 1991 года получил независимость, а вместе с ней кучу проблем: тысячу с лишним советских ядерных боеголовок, огромную территорию, которую надо было охранять, разнородное полигэтническое население, половина из которого еще не ощущала себя гражданами суверенного Казахстана. К этому надо добавить соседство с двумя гигантами и соответственно – протяженные и незащищенные границы и нерешенные пограничные проблемы, богатейшие природные ресурсы, которые привлекали внимание близких и дальних соседей, удаленность от морских и мировых коммуникаций.

Сразу же после получения независимости в Казахстан хлынул сонм желанных и нежеланных советчиков. Одни учили нас, как строить демократию и рынок, другие – как защищать права человека, третьи призывали вернуться к своим историческим, культурным и этническим корням, и, наконец, четвертые уговаривали не рвать советскую экономическую и политическую пуповину. Соответственно, каждая из заинтересованных сторон в зависимости от своего геополитического и международного веса пыталась оказывать давление на Казахстан.

Первым тестом на гибкость для Казахстана стала проблема советского ядерного наследства. Волею судьбы и geopolитики наша республика оказалась в одной компании с Россией, Белоруссией и Украиной – также наследников советского ядерного арсенала. Наибольшее давление пришлось испытать Казахстану. На Западе его вдруг начали подозревать в симпатиях к исламскому миру и стремлении помочь создать некоторым мусульманским странам т.н. «исламскую ядерную бомбу». Все это происходило на фоне разворачивавшегося кровавого конфликта в Таджикистане на региональной и конфессиональной основе. Чтобы не прогадать и вести более или менее осознанный торг с Вашингтоном по ядерной проблеме, Алма-Ата нуждалась во внятном совете или консультации со стороны Москвы, но так их и не получила. В этих условиях, оказавшись брошенным на произвол судьбы, казахстанское руководство стало вести осторожную игру, то объявляя себя «временным ядерным государством», то соглашаясь на безоговорочный вывод ракет. В Вашингтоне не могли понять, чего же ждать на самом деле от Казахстана. В Москве, по-видимому, понимали, в чем дело, но в ответ на недоуменные вопросы американцев только разводили руками.

Вскоре к торгу прибавился новый и очень существенный элемент – каспийская нефть. Фактически, Казахстан действовал по принципу – ядерное оружие в обмен на инвестиции. Следует напомнить, что в то время Вашингтон еще не представлял себе, во-первых, истинные масштабы изведенных и прогнозных запасов углеводородов на Каспии, а во-вторых, опасался реакции России, не зная, насколько слаб ельцинский режим. В этих условиях администрация Буша-старшего старалась не рисковать, но в обмен на согласие Казахстана убрать со своей территории баллистические ракеты, оказала давление на Шеврон и поощрила его прийти с инвестициями в невыгодное, как тогда казалось, с экономической точки зрения каспийское предприятие. Это потом Каспий стал стержнем американской geopolитики в Евразии.

Отношения с Китаем у Советского Союза начали улучшаться еще при Горбачеве. После распада страны его наследникам пришлось вести дела с азиатским гигантом по одиночке. Но еще во время перестройки Пекин

ясно поставил Москве условие: полная нормализация отношений возможна только в случае урегулирования пограничного вопроса и решения проблемы т.н. спорных территорий. К слову сказать, «спорными» эти территории являлись только для Китая. Заинтересованный в экономическом сотрудничестве с КНР, а также исходя из вполне понятных соображений, что с таким соседом как Китай лучше не иметь проблем, Казахстан также был вынужден согласиться на признание суверенитета Китая над пустынными пространствами, которые в эпоху советско-китайской конфронтации были фактически ничьи. Но сам факт передачи территорий с социально-психологической точки зрения имел для нашего общественного мнения болезненный характер.

«Быть другом Америки труднее, чем ее врагом» – этот известный афоризм в полной мере можно отнести к Казахстану и его сложным, если не сказать больше, отношениям с США. В 1994 году казахстанский и американский президенты подписали Хартию о стратегическом партнерстве. И если на США хартия не накладывала никаких обязательств, то, как вскоре выяснилось, Казахстан должен был строго соблюдать дух и букву соглашения, а именно: строить демократию и рынок, соблюдать права человека, проводить честные выборы под международным контролем, а следить за всем этим будет «стратегический партнер» – Америка.

Выяснилось, что Белый дом намерен на полном серьезе вмешиваться во внутренние дела Казахстана. Однако более или менее независимый курс Казахстана, особенно в том, что касалось его внутренних проблем, укрепления властной вертикали и государственности, сходил Астане с рук. Причины крылись, как всегда, в geopolитической зацикленности Вашингтона, который любой ценой стремился реализовать свою каспийскую стратегию.

Каспийское направление внешней политики было самым сложным, самым «многовекторным» во внешней политике Казахстана. С одной стороны, приходилось испытывать все растущее давление со стороны главного инвестора – США, а также со стороны «братьской» Турции, а с другой – вести сложный диалог с ближайшим союзником России и другими постсоветскими государствами, в том числе и с таким неоднозначным партнером как ныне покойный Туркменбаши. К этому надо прибавить Иран, который выступал с вполне дальными и, на первый взгляд, целесообразными предложениями. Нельзя было сказать твердое «да» одной стороне, чтобы не обидеть другую. Нельзя было сказать категорическое «нет», чтобы не пострадали национальные интересы и даже безопасность Казахстана.

В этих условиях казахстанская дипломатия проявила верх изворотливости и искусства балансирования. В течение долгого времени Астана

вообще отмалчивалась по поводу трубопровода Баку-Джейхан и использовала это время для интенсификации переговоров по правовому статусу и урегулирования спорных вопросов с главным партнером на Каспийском море – Россией. Параллельно Казахстан выступал с ничего не обязывающими заявлениями о приемлемости иранского маршрута, что должно было успокоить Тегеран. В 1998 году Казахстану и России удалось сделать прорыв по проблеме делимитации своих участков Каспийского шельфа, что положило начало реальному процессу раздела моря и его недр. Правда, из игры был выключен Иран, но это стало больше проблемой Азербайджана и Туркменистана, которым Москва и Астана предоставили самим разбираться с Тегераном.

Более того, после достижения соглашения с Россией у Казахстана оказались развязанными руки в отношении проекта Баку-Джейхан. Казахстанская дипломатия могла теперь относительно свободно высказываться по этому трубопроводу. Смысл заявлений, которые делала казахстанская сторона и продолжает делать до сих пор, сводится к следующему: стройте, что хотите; мы готовы гнать свою нефть по любому трубопроводу и даже по всем одновременно, лишь бы находились покупатели и не падали цены на нефть. Наверное, такая позиция не очень нравилась России. Для полноты многовекторной картины Казахстану удалось втянуть в каспийскую игру еще двух игроков. Первым был Китай, с которым удалось подписать в 1997 году десятимиллиардное соглашение, которое сразу же окрестили «проектом века». Но в лице Пекина Казахстан столкнулся с не менее, если не более искушенным в дипломатической, «многовекторной» игре партнером.

Южное, или исламское направление всегда оставалось одним из самых сложных в дипломатии Казахстана. В отношениях со странами исламского мира Казахстану приходилось на время и в интересах дела сбрасывать европейский костюм и - в зависимости от конкретной обстановки - облачаться в чалму, феску, или дхоти. Говоря прямо, Казахстан не мешал тем, кто этого хотел, видеть в нем то близкого тюркского родственника, то часть исламского мира, а иногда – верного наследника советско-индийской дружбы. Идя по этому пути и преследуя конкретные политические и экономические цели, Казахстан дал втянуть себя в различные, прежде «экзотические» международные объединения – ОЭС, ОИК и союз тюркофонных государств во главе с Турцией.

Справедливости ради следует отметить, что наш флирт с Анкарой под маркой пантюркизма, тюркского единства и признания в ее лице нового «старшего брата» быстро закончился. На его место пришло реальное и интенсивное, взаимовыгодное сотрудничество в экономической области. Но в светской Турции Казахстан видел также еще один канал в отношениях

с Западом и НАТО. Сложнее дело обстояло с такими исламскими по духу и форме государствами как Иран и Пакистан. В отношениях с Пакистаном и Индией следовало четко выдерживать паритет в визитах, подписанных соглашениях и дипломатической активности.

Еще об одном направлении нашей внешней политики нельзя не упомянуть. Речь идет, как уже можно догадаться, об интеграции постсоветского пространства. Казахстан с первых дней возникновения СНГ предпринимал поистине титанические усилия по интеграции в рамках Содружества или иных образований в более узком формате. И эта политика была вполне искренней: Казахстан с его прежней тесной зависимостью от общесоюзной экономики как никакая другая республика бывшего Союза был заинтересован в сохранении традиционных связей. Кроме того, речь шла и об обеспечении совместной стратегической безопасности. Несмотря на то, что подобная линия не очень приветствовалась нашими друзьями на Западе, Казахстан упорно выступал со всеми новыми интеграционными инициативами.*

И все же многовекторная политика принесла свои вполне осязаемые плоды. Казахстан сумел с максимальной выгодой использовать те преимущества, которые ему предоставила история и география, и постарался минимизировать риски и угрозы, вытекавшие из его не совсем удачного геополитического и географического положения, превратившись в лидера по уровню экономических реформ и экономического развития среди государств Центральной Азии и даже СНГ. При этом Казахстан сохранил хорошие отношения со всеми участниками большой геополитической игры, а также соседями и более отдаленными, но важными для него государствами. Проблемы безопасности также были решены путем вступления или сотрудничества с различными объединениями, блоками и союзами, включая ОДКБ, ШОС и ПИМ НАТО.

Политику, в том числе и внешнюю, делают конкретные люди. Очевидно, что наш внешнеполитический курс формировался и направлялся непосредственно высшим руководством страны. Но большую роль в успешной реализации многовекторного внешнеполитического курса сыграли руководители, которые легко находили общий язык как с Западом, так и с Востоком. Большой удачей для Казахстана было то, что после независимости во внешнеполитическое ведомство и другие структуры, отвечавшие за безопасность страны пришло поколение евразийских по духу и патриотически настроенных специалистов, энтузиастов своего дела, открытых миру и, главное, преданных интересам своей страны.

---

* Наиболее смелым в этом ряду было предложение о создании на месте СНГ Евразийского союза, которое президент Казахстана озвучил весной 1994 года в стенах МГУ.

В связи с анализом внешней политики РК нельзя не сказать еще раз несколько слов о лидере Казахстана, его Первом Президенте Нурсултане Назарбаеве. И хотя сегодня он достаточно популярен в мире, еще недавно его упрекали в авторитаризме и даже в создании режима личной власти. Нурсултан Назарбаев постепенно доказал своим критикам, что он ценит и любит либеральные ценности, хотя превыше всего ставит стабильность и безопасность, что вполне объяснимо с учетом непростого положения Казахстана.

Характерно, что президент Казахстана популярен как на Западе, так и на Востоке. Он дорогой гость в Москве и во всех столицах СНГ, и за ним сложилась вполне заслуженная слава сторонника тесной интеграции постсоветских государств. В то же время он выступает за политическую независимость при сохранении экономических связей и выступает за равноправные отношения с Москвой. Некоторые сравнивают его с такими политическими фигурами, как создатель сингапурского чуда Ли Куан Ю, и с некоторыми другими азиатскими лидерами, оставившими свой след в истории благодаря проведению успешной экономической стратегии на базе авторитарной политической модели.

Но лидеру Казахстана, о чём он сам неоднократно говорил, ближе такие политики как Томас Джефферсон и генерал Шарль де Голль. Такой выбор политических симпатий говорит о многом.

Проблемы модернизации Казахстана

В 1992 году Советского Союза не стало, а Казахстан входил в неизведанный мир, который чуть позже американский президент У.Клинтон назовет «новым смелым миром» (*New Brave World*). Казахстан вступал на путь, и не первый раз в своей истории, одновременно увлекательный и опасный – строительство собственного государства. В этих условиях было совершенно ясно, что Казахстан нуждается в продолжении модернизации во всех сферах – экономике, государственном управлении, науке, образовании, социальной инфраструктуре и т.д.

Очевидно, что внешние факторы повлияли на модернизацию постсоветского Казахстана в таких областях как институализация (то есть, становление государственных институтов), внутриполитическая эволюция, демографическая ситуация и этнические структура общества, социально-экономические отношения, имущественно-классовая дифференциация общества, состояние образования и в целом социальной сферы.

Последствия открытия Казахстана внешнему миру были многообразны и огромны по значению. Они придали импульс и новые измерения

модернизации казахстанского общества. Миллионы людей одномоментно получили возможность беспрепятственно выезжать за пределы бывшего Советского Союза, посещать практически любые страны мира, непосредственно наблюдать за повседневной жизнью за рубежом, ее уровнем, знакомиться с техническими новинками и т.д.; и наконец, в силу известных причин миллионы советских граждан, в т.ч. казахстанцев были вынуждены заняться активной мелкой торгово-экономической деятельностью, что также способствовало вовлеченности постсоветского общества в процесс глобализации.

Важные процессы протекали в сфере государственного строительства. Императивы модернизации требовали полной перестройки государственного аппарата. По понятным причинам казахстанское государство еще долгое время опиралось (и опирается даже сейчас) на управленцев и хозяйственников советской выучки. Однако на отдельных специфических направлениях требовались кадры с зарубежным образованием. Это были ведомства, в чью компетенцию входили отношения с внешним миром – Министерство иностранных дел и Министерство обороны, и в меньшей степени – ряд других. Уже в первой половине 1990-х гг. эти министерства смогли комплектовать свой состав кадрами, прошедшими подготовку в иностранных учреждениях. Готовились также кадры для всей системы госуправления, включая президентскую администрацию. Это самым непосредственным образом способствовало модернизации всей системы государственного управления.

Во второй половине 1990-х годов сотрудничество с иностранными государствами и международными институтами (ООН, ОБСЕ, НАТО, МВФ, Всемирный Банк, ЕБРР и др.) в сфере подготовки разнообразных специалистов стало нормой. Данный процесс имел и обратную сторону: подготовка специалистов с иностранной помощью шла и на территории РК. Многочисленные организации, представительства и фонды иностранного и международного характера развили в 1990-е годы бурную деятельность по поддержке в республике различных НПО, средств массовой информации, и в целом тенденций по либерализации и демократизации казахстанского общества. Следует отметить, что не всегда эта деятельность способствовала стабильности и национальным интересам Казахстана.

То же самое можно сказать о вхождении Казахстана в мировую экономику. Этот процесс имел двоякий характер. С одной стороны, в начале 1990-х гг. имело место стремительное вхождение РК в глобальную экономику, хотя и в качестве поставщика сырья. Объективными последствиями этого процесса была (частичная) модернизация менеджмента, технологической базы, инфраструктуры. Население регионов, где действовали иностранные

инвесторы,вольно или невольно втягивалось в новую систему отношений, где уже не было места традиционным социальным связям и остаткам социалистического государственного патернализма.

Но с другой стороны, действия иностранных (а иногда и местных) инвесторов заставляли вспомнить худшие времена из истории европейского колониализма – безудержная эксплуатация, ликвидация социального пакета и социальной инфраструктуры, пренебрежение экологией и т.п.. Ничего общего все это с «модернизацией», как ее понимали недавние граждане социалистического общества (т.е. социальное равенство, технический прогресс, повышение уровня жизни) не имело. Все это было неизбежными издержками и платой за разрушение советской изоляции и автаркии, вхождения в мировую систему – преимущественно рыночную.

У казахов, как и у других национальностей в советском обществе, иерархия складывалась прежде всего на основе профессиональной и корпоративной солидарности. Крушение прежней социально-экономической системы и внедрение рыночных отношений имели своим следствием два результата: во-первых, был нанесен сокрушительный удар по привилегиям и социальному статусу прежней советской элиты. Интеллигенция и ее структуры (академические институты и университеты) были в буквальном смысле опустошены. Однако, во-вторых, сразу вслед за этим и даже параллельно этому процессу происходил другой: элита начала обучать своих детей в новых престижных сферах, связанных с рыночной экономикой, менеджментом и финансами. Таким образом, принципы устойчивости традиций и воспроизводства элиты в основных чертах были сохранены. В целом же, говорят авторы, казахская элита должна была в новых условиях выполнить ту же задачу, которая стояла перед ней и в советское время при плановой экономике, – сохранить свой контроль над ресурсами, и это ей удалось.

В советское время казахская элита была вынуждена подчиняться Москве, и этот фактор ограничивал ее возможности в контроле над экономическими ресурсами. Однако западная социология утверждает, что помимо т.н. экономического капитала существуют еще «культурный капитал» и «символический» капитал, под которыми подразумеваются обладания знаниями, специфическими навыками, аккумуляция престижа и уважения. После исчезновения контроля из Москвы казахская элита в полной мере воспользовалась своим обладанием культурным и символическим капиталом.

На смену господствовавшей в первой половине 1990-х гг. тенденции к этническому единству пришла тенденции к фрагментации казахского общества. Одним из водоразделов между казахами является отношение к роли русского и казахского языков как к атрибуту этнической принадлежности и социального статуса. Одним из признаков такой тенденции является

стремление казахской элиты сохранить у детей знание русского языка и дать образование в русскоязычных школах. Однако эта тенденция происходит на фоне более обширного процесса – воспитания у новой казахской элиты интернационально ориентированного (в смысле прозападной ориентации) поколения. И именно этой части элиты, уже не исключительно русско-ориентированной, но и не чисто казахской по воспитанию, предстоит сыграть решающую роль в будущем Казахстана.

Крупным испытанием для безопасности, государственности и самостоятельности во внешней политике стали бурные события конца 1990-х и начала 2000-х годов. За время рыночных реформ выросло поколение молодых предпринимателей, которые, получив в свое распоряжение финансовые ресурсы, стали требовать власти. При этом они не признавали авторитета существующей власти и стремились использовать неконституционные методы в своей борьбе за экономические ресурсы. Короче говоря, в Казахстане еще раз наглядно подтвердился афоризм, гласящий, что неблагодарность есть самое распространенное качество людей.

После того, как этой новой оппозиции* стала поступать моральная и политическая поддержка извне, стабильность казахстанского общества оказалась под угрозой. Однако, лидеру Казахстана Н.Назарбаеву удалось различными методами убедить своих бывших воспитанников в том, что они поступают непатриотично. Тем самым, кризис был разрешен, и в настоящее время Казахстан признан в Вашингтоне и Брюсселе самым стабильным и динамично развивающимся государством Центральной Азии.

Впрочем, политический кризис не удалось бы миновать, если бы к этому времени не появились зримые плоды проведенных в предыдущее десятилетие тяжелых и непопулярных реформ. Когда противостояние между президентом и его оппонентами достигло апогея, вдруг выяснилось, что в стране живут миллионы людей, которых вполне устраивает проводимая правительством политика и существующий экономический порядок вещей. Выяснилось также, что этим людям нравится самим зарабатывать на хлеб и не быть зависимыми от государства. Наиболее активным понравилось быть состоятельными и тем самым – свободными. Гарантию того, что такой порядок вещей будет сохранен, они видели в президенте. Их свободный выбор во время голосования не оставил оппонентам режима будущего.

Колоссальное влияние на процесс модернизации в Казахстане оказала глобализация. В Казахстане она имела свою специфику. Во второй полу-

---

* «Новой» оппозицией называют противников официальной власти, вышедшей из ее недр и разбогатевшей в ходе реформ, в противоположность «старой» оппозиции – сторонников коммунистов и социализма в советском стиле.

вине 1990-х гг. произошла компьютеризация страны и общества, появился Интернет. Скорость информационных потоков и соответственно – многих процессов выросла многократно. Возвращаясь к системе подготовки кадров (т.е. фактически к процессу воспроизведения элиты), следует остановиться на государственной программе «Болашак», которая была инициирована и поддержана Президентом Назарбаевым и которая со второй половины 1990-х гг. заняла прочное место в образовательной структуре РК.

Суть ее состояла в том, чтобы избежать крайностей и хаотичности в обучении молодых казахстанцев за границей,нейтрализовать чужие идеологические,культурные и мировоззренческие установки и целенаправленно готовить специалистов для страны и именно в тех сферах, где наблюдается дефицит. То есть, взять все лучшее за границей, но при этом сохранить в молодых людях привязанность к родине, патриотизм и чувство национальной ответственности. Естественно, не обошлось и без издержек.

Может создаться впечатление, что открытость Казахстана и его общества миру носила преимущественно позитивный характер. Однако, это было далеко не всегда так. Молодые казахстанцы получали за границей отнюдь не всегда светское образование. До того момента, когда правительство начало серьезно относиться к этой сфере, сотни и тысячи молодых людей успели пройти религиозное обучение в ряде мусульманских стран, преимущественно арабских.* Все это происходило на фоне небывалого

---

* Это относилось и к тем молодым людям, кто обучался в «светской» Турции. Среди работ, посвященных этой проблеме, следует назвать книгу турецкого ученого Б.Балджи, выполненную в рамках Французского Института анатолийских исследований «Миссионеры ислама в Центральной Азии» (Balci B. Missionnaires de l'Islam en Asie Centrale. Les écoles Fethullah Gülen. – Paris: IFEA, 2003.). Автор проделал большую работу по изучению долгосрочных последствий миссионерской деятельности турецких и мусульманских учебных заведений в регионе и обучения детей и юношества в школах и медресе Ближнего Востока. Выводы, к которым пришел Балджи, шокируют: турецкие и арабские исламисты целенаправленно работают с представителями элиты стран региона, и кроме того, проводят широкий воспитательный охват других слоев населения. Из стен таких школ выходят молодые люди, заряженные исламистской идеологией, с четко выработанными стереотипами и с определенным образом заложенным мировоззрением. И это не всегда открытый исламизм; большинство таких школ, особенно турецких, маскируются под светские. С учетом долгосрочной перспективы, имеет место целенаправленная деятельность на воспитание в будущем поколений с новой культурно-цивилизационной ориентацией, которая нацелена на исламский Ближний Восток. При этом турецкие миссионеры,вольно или невольно, подыгрывают арабскому исламизму. Единственным способом избежать рокового пути развития, когда в будущем к власти придут люди, для которых будет родным или близким арабский язык, а тексты из Корана заменят идеологические установки, является дальнейшее строительство национально ориентированных государств, воспитание молодого поколения в национально-патриотическом духе, завершение строительства государств-наций в Центральной Азии.

подъема политического ислама и исламского фундаментализма на Ближнем и Среднем Востоке. Последствия не заставили себя долго ждать. На территории Казахстана, особенно на юге, появились и активизировались различные экстремистские организации религиозного толка. Но угроза исходила не только со стороны исламистских миссионеров.

В начале 1990-х гг. нашу республику (как и большую часть постсоветского пространства) наводнили, пользуясь открытостью миру, самые различные религиозные организации, духовные течения и секты. Большинство из них в европейских странах рассматриваются как тоталитарные, псевдо-религиозные или экстремистские. Все это еще больше способствовало идеологическому и культурному хаосу. В целом, необходимо сделать вывод, что усиление позиций религии, религиозного сознания и практики мало способствуют модернизации казахстанского общества. Это относится не только к исламу, но и к нему в первую очередь. Вслед за усилением ислама неизбежно возрождаются другие архаичные институты общественных отношений.

В настоящее время система высшего образования в Казахстане переживает период радикальной трансформации. РК подписала международные соглашения в этой сфере, прежде всего Болонскую конвенцию. Нетрудно заметить, что правительство РК в течение многих лет настойчиво проводило демонтаж прежней, доставшейся нам с советских времен образовательной системы. Этот процесс протекает в рамках принятых нами обязательств после присоединения к Болонской конвенции в середине 1990-х гг.

В пользу и против нововведений уже высказано немало. Хочется обратить внимание на тот факт, что этот процесс помимо формальных (т.е. связанных с указанной конвенцией) условий также сопровождается рядом факторов, выходящих по своим последствиям далеко за рамки чисто «технической» адаптации западной модели. К этим факторам относятся социальные, культурно-этнические и идеологические последствия ломки старой системы и внедрения новых стандартов. Они далеко не так прогрессивны или безобидны, как может показаться на первый взгляд. Но в системе образования, представляющей собой консервативную среду, в отличие от политики и экономики процесс перехода к новым отношениям затянулся на гораздо более длительный срок.

Старая система образования умерла вместе с той страной, для которой она была изобретена. В любом случае, в прежнем виде советская система, даже если закрыть глаза на ее недостатки и видеть только достоинства, не смогла бы выжить. Очевидно, что в Казахстане произошел отказ от тотальной унификации образования в ее советской версии, что было продиктовано объективными обстоятельствами. Отказавшись решительным образом от

советского наследия в его одиозных формах (закрытость, закостенелость) правительство Казахстана во главе с Президентом Н.Назарбаевым не менее решительно бросилось в бурную стихию «нового смелого мира». Главная стратегическая цель состояла в том, чтобы Казахстан и через десятилетия опирался на собственную базу, в том числе и в системе образования.

Нельзя не сказать о социально-демографическом и иммиграционном аспектах модернизации. Очевидно, что носители модернизационных установок являются конкретные люди – представители элиты, научная и техническая интеллигенция, образованные, просто творчески и трудоактивные люди. В этом смысле Казахстан в 1990-е годы пережил трудные времена. Произошел массовый исход миллионов носителей европейской культуры, технических навыков, специалистов из всех областей народного хозяйства. С другой стороны, началось тектоническое перемещение сельского населения в города и центры экономической и деловой активности. Менялся образ жизни миллионов людей.

В дополнение, Казахстан стал проводить политику возвращения на родину соотечественников «оралманов», этнических казахов – преимущественно из стран Востока. И уже в 2000-е годы проявился феномен, состоявший в том, что молодое поколение из этих семей увидело свое место в модернизационном проекте и было намерено активно в нем участвовать. Это касалось стремления к получению современного образования, изменения образа жизни и в целом мировоззренческих установок.

Эти факторы показывают, что модернизация в Казахстане – это далеко незавершенный процесс. По крайней мере, налицо две тенденции: одна – закончить в новых условиях прежнюю модернизацию в ее теперь уже не советском, а вестернизированном варианте; другая – под видом строительства национального государства (однозначно трактуемого как казахское) демонтировать модернизированные и модернизационные институты, вернуть казахстанское общество в некую социально-историческую утопию, «золотой век»nomадизма и кочевого общества.

Справедливости ради следует отметить, что все еще остаются сильными настроения вернуться к советскому проекту модернизации, к базовым социалистическим ценностям. Эта борьба между модернизационными и антимодернизационными тенденциями выходит за рамки идеологических дискуссий и культурной практики, выплескивается в сферу политической борьбы, затрагивает экономические отношения. Внешний фактор оказывает на этот процесс сильнейшее влияние, зачастую выступая в качестве катализатора.

Первый президент Казахстана Н.Назарбаев занимает в этой борьбе однозначную позицию и решительно выступает за продолжение модернизации казахстанской нации, всех сторон жизни общества и экономики.

Остается открытым главный вопрос: является ли развитие Казахстана в постсоветский период естественным продолжением российско-советского процесса модернизации XIX-XX вв., или же мы вступили в качественно новую фазу? Тем не менее, даже поверхностный взгляд позволяет сделать вывод, что влияние внешних факторов на резкий скачок казахстанского общества в постсоветский период было колоссальным. Собственно говоря, закрытость советской политической системы к тому времени ужा давно стала тормозом и препятствием на пути процесса модернизации. Поэтому стремление к прорыву во внешний мир и было частью модернизационного проекта.

Нельзя отрицать влияния внешнего фактора на модернизацию Казахстана, хотя в различные времена его значение менялось. В настоящее время этот процесс развивается под мощным влиянием фактора глобализации. С большой долей уверенности можно прогнозировать, что в будущем Казахстан, его политические и государственные институты, а также экономика и общество не могут и не будут находиться в изоляции, вне процессов общемирового развития. Разумеется, влияние внешних факторов будет только взрастать. Ограничение их влияния будет вытекать из понимания руководством страны задач обеспечения государственной безопасности и защиты национальных интересов.

Как понимает цель модернизации Казахстана и его общества Первый Президент РК Н.Назарбаев, задача состоит в том, чтобы перевести нашу зависимость от окружающего мира и положение объекта в осознанное управление процессами заимствования из внешнего мира таких элементов, которые способствуют политической и государственной модернизации, то есть – стать ее собственными субъектами и демиургами собственной модернизации.

Казахстанская экономическая модель

Казахстан привлекает к себе международное внимание своими экономическими успехами – мнимыми и реальными. Местные реформаторы приписывают эти успехи себе, западные эксперты и советники из МВФ, Всемирного Банка и Германского института ИФО считают, что это они способствовали выработке казахским правительством правильной стратегии. Неолибералы упиваются чудодейственной силой рыночных реформ на казахстанском примере, левые экономисты хвалят руководство Казахстана за вмешательство государства. Соседи Казахстана негодуют и завидуют, российские экономисты ставили Казахстан и его финансовую систему в пример своему правительству.

Все они по-своему правы. Казахстан под руководством Президента

Н.Назарбаева действительно провел рыночные реформы, порой весьма болезненные, предельно либерализовав свою экономику. Но затем произошло частичное возвращение к политике государственного вмешательства в экономические, точнее – социально-экономические процессы. Все вместе это имело сложный, но в целом позитивный эффект. Реальные успехи в сочетании с умелой имиджевой кампанией и экономическими провалами в других постсоветских государствах (плюс хорошая конъюнктура на сырье и нефть) способствовали появлению феномена «казахского экономического чуда».

Бурные события начала 1990-х годов, когда произошло моментальное и повсеместное крушение советской экономики, не могли не затронуть Казахстан. Но удар был смягчен тем, что Казахстан благодаря своим сырьевым ресурсам, прежде всего металлам, смог выдержать удар и пережить казавшееся катастрофическим крушение прежней системы. Ставка на то, что сырьевые сектора экономики помогут накопить силы и пройти через тяжелые, но необходимые реформы, себя полностью оправдала на стратегическую перспективу.

Всю первую половину 1990-х годов велась большая игра вокруг казахстанской нефти. В дело были замешаны геополитические позиции многих держав, интересы крупных транснациональных компаний, возникли грандиозные геоэкономические транспортные и коммуникационные проекты. В результате в эту сферу пришли ТНК.

Ставка в экономической стратегии была сделана на макро-стабилизацию народного хозяйства, развитие финансового сектора и банковской системы, освобождение предпринимательской энергии путем рыночных реформ и привлечения инвестиций. Самой сложной задачей на этом пути было, безусловно, введение собственной национальной валюты и то, что последовало за принятием этой ответственности в финансовой сфере. Трудности поджидали молодую казахстанскую валюту не только во внутриэкономической области, но и в не меньшей степени во внешней сфере. Казахстан с его широкой зависимостью от импорта и многочисленными экспортными статьями совершенно не мог изолировать собственную валюту от внешнего влияния.

В некотором смысле нам повезло, что строительство независимой валютно-финансовой системы Казахстана выпало на первую половину 1990-х годов, когда во всем мире уже можно было воочию наблюдать пагубные и горькие последствия следования в 1970-80-е годы многими странами Латинской Америки и Африки рекомендациям и жестким требованиям МВФ. Чтобы такого не произошло в Казахстане, руководство республики решило пригласить группу независимых экспертов, которые смогли бы делать для правительства страны более или менее объективный, и главное

- независимый анализ рекомендаций МВФ и давать прогноз тому, насколько целесообразно следовать указаниям фонда. Немецкие советники точно поставили диагноз катастрофическому положению в экономике Казахстана и выявили его причины: это был эффект т.н. двойной шоковой терапии, при которой макроэкономический шок накладывается на шок трансформационного периода.

Сейчас в финансовой политике Казахстана невооруженным глазом видно присутствие сильной политической воли, ясное понимание ее стратегических целей, общих задач и потенциальных угроз. Казахстанская финансовая система, считающаяся сегодня лучшей в СНГ, приобрела те черты, которые обеспечили ей эффективность: обеспечение платежной дисциплины, поддержание прозрачности финансовых операций и т.д. В это время встало необходимость развития перерабатывающих отраслей в Казахстане с тем, чтобы избежать зависимости от сырьевого экспорта. Но в реальности, по-видимому, в основе казахстанской финансовой стратегии все-таки лежали жесткие императивы, продиктованные жизнью и неотложными задачами текущего дня.

Главным результатом этой стратегии является то, что удалось создать эффективно действующую банковскую и финансовую системы, выработать навыки контроля и управления макро- и микроэкономической ситуацией.

Процесс экономических преобразований в Казахстане – наглядный пример тех трудностей, которые приходится преодолевать на пути к рыночной экономике даже самому богатому ресурсами новому независимому государству. Руководство страны получило в наследство ситуацию, дававшую реальные основания для оптимизма. Экономика носила диверсифицированный характер, а достаточно развитые обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство открывали возможность для плавного перехода к независимости за счет удовлетворения материальных запросов населения в той степени, которая позволяла сохранить политическую стабильность.

Решение Казахстана вести разработку своих нефтяных ресурсов путем создания международных консорциумов привлекло большинство крупнейших нефтяных компаний мира. Такая стратегия привела к появлению многочисленных иностранных игроков, которые стремились оказать влияние и на правительство страны, и на ее компании, при этом многие из них искали способ подружиться с режимом. Многие препятствия, стоящие на пути иностранных инвестиций, Казахстан создал не сам. Так, казахстанские политики долгое время были не в состоянии сами сдвинуть с мертвой точки проблему транспортировки энергоресурсов.

На пути к своему успеху руководству страны нужно было решить четыре задачи: вывести экономику из зависимости от России и других постсовет-

ских государств, приватизировать имеющиеся ресурсы и предприятия без ущерба для способности государства содержать себя и выполнять социальные обязательства, стимулировать иностранные инвестиции; наконец, должностные лица государства должны были проявить политическую волю и дисциплинировать себя и своих родственников, чтобы коррупция не стала непреодолимым препятствием для функционирования экономики.

В экономической стратегии государства были озвучены те сферы экономики, для которых иностранные инвестиции имели приоритетное значение: энергетика, особенно нефтяной и газовый секторы; пищевая промышленность; золотодобыча и нефтепереработка, а также добыча и обработка цветных металлов. Основное внимание было направлено на Соединенные Штаты и Европу, при этом Казахстан представлял себя в качестве европеизированного, светского общества, обеспечивающего беспрепятственный доступ к рынкам Центральной Азии и расположенных дальше регионов. Пытаясь предстать в привлекательном свете перед корейскими, японскими и другими азиатскими инвесторами, Казахстан подчеркивал свою «азиатскую», равно как и стремление сочетать капитализм и авторитаризм по примеру некоторых «азиатских тигров». Казахстан обхаживал Турцию и в меньшей степени нефтедобывающие государства Ближнего Востока, напоминая им об общей этнической (с Турцией) и религиозной (с другими мусульманскими странами) идентичности, не будя при этом призраки пантюркизма или панисламизма.

Тем не менее, у Астаны есть основания для оптимизма. При некоторой непрозрачности деловой атмосферы Казахстана в страну по-прежнему поступают значительные иностранные инвестиции по сравнению с другими новыми независимыми государствами. В экономике набирает обороты процесс оздоровления, инфляция в целом находится под контролем и уже с конца 1990-х гг. наблюдается рост производства. Более того, в отличие от большинства соседей Казахстану удалось сохранить взаимопонимание со Всемирным банком и другими международными финансовыми институтами по большинству вопросов.

Экономический рост в Казахстане имел не только чисто экономические последствия. Он затронул также и внутриполитическое развитие. Решение о переходе к рыночной экономике имело политические последствия, которые в свою очередь привели к появлению новых действующих лиц. Следующее поколение политической элиты вырастает из недр рыночной экономики, и эта тенденция уже обозначилась.

В целом, деятельности иностранных компаний на казахстанской части Каспия способствуют как прогнозируемые и доказанные ресурсы данного региона, так и привлекательные условия, предлагаемые Правительством в рамках улучшения благоприятного инвестиционного климата в стране.

Около 60% иностранных инвестиций приходится на предприятия нефтегазового комплекса. Характерной чертой инвестиционных проектов в топливно-энергетическом комплексе республики является масштабность и темпы приватизации промышленности. Практически за два года было продано почти 90% промышленности страны. В этом отличие политики привлечения инвестиций Казахстана от других постсоветских стран, где делают ставку на новые инвестиционные проекты при сохранении приоритета государственной собственности в топливно-энергетический комплекс. И наконец, еще одна свойственная Казахстану особенность инвестиционной политики – это разнообразие иностранных инвесторов.

Возникновение на Каспии экономического полюса роста в форме каспийского нефтяного бума, своим главным социально-экономическим последствием скорее всего будет иметь толчок к развитию в других областях экономики Казахстана и Центральной Азии в целом. Речь идет о сопутствующих отраслях, сфере услуг, производстве товаров и необходимой техники, развитии транспортной инфраструктуры и так далее. Какая роль в этой мини-революции отводится Казахстану? Ему предстоит взять на себя регулирование и направление основных векторов экономического роста в регионе, практически решать, в какой форме и какими темпами будет развиваться экономика региона на взаимовыгодных условиях. Можно сравнить эту миссию с локомотивом, задачей которого является «вытягивать» состав на трудных подъемах трассы. Естественно, что такой локомотив должен обладать экономическим весом и финансовой мощью. Этую силу Казахстану должны дать каспийские дивиденды и главное - широкая интеграция в систему международных экономических связей, которая неизбежно последует вслед за полномасштабной эксплуатацией ресурсов Каспийского моря и вступлением в ВТО.

Таким образом, несмотря на все успехи (порой относительные) в своем экономическом развитии, Казахстан сталкивается еще со многими проблемами. Но эти проблемы в тоже время открывают возможности для иностранных инвесторов. Если стратегические сферы экономики Казахстана уже заняты, а к ним мы относим крупную промышленность, нефтегазовый, metallurgический, рудный и ряд других, преимущественно сырьевых секторов, то на перспективу остается огромное число незанятых ниш. Сельское хозяйство Казахстана находится на переломном этапе своего развития.

Советский потенциал, который помог выжить в трудные 1990-е годы, исчерпал себя. Требуется новый менеджмент и новые технологии, особенно селекционные, просто новая техника. Потенциально Казахстан может превратиться в зерновую и мясную базу не только для своих ближайших соседей и в рамках СНГ, но и для Европейского Союза.

В опытных менеджерах западного уровня нуждаются такие отрасли как туризм, развитие инфраструктуры, строительство, транспорт, коммуникации, торговый сектор. Кроме того, в Казахстане есть возможности для применения и развития самых современных технологий, в том числе космических, биологических, атомных, химических и нано-технологий. В целом экономическое развитие Казахстана показывает перспективу, при которой вслед за стратегическими секторами должно неизбежно последовать развитие сопутствующих секторов и сервиса. Все это открывает прекрасные шансы для сотрудничества с международными партнерами.

Казахстан в глобальной политике

Становление Республики Казахстан в качестве субъекта международного права точкой своего отсчета имеет дату провозглашения суверенитета и независимости РК 16 декабря 1991 г. Однако, с точки зрения международного права, процесс признания Казахстана в качестве суверенного государства – полноправного субъекта международных отношений – растянулся во времени в ходе признания РК международными организациями и другими государствами-членами ООН. Казахстан стал полноправным членом международного сообщества 3 марта 1992 г., когда он был принят в состав Организации Объединенных Наций на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи. С этого момента Республика Казахстан имеет свое Постоянное Представительство при Штаб-квартире ООН в Нью-Йорке и участвует в работе сессий Генассамблеи и специальных заседаний ООН.

За полутора десятилетний период существования в качестве независимого государства с конца 1991 по 2008 гг. Республика Казахстан вошла в систему международных отношений, выработала свою внешнюю политику, сформировала вполне определенные внешнеполитические доктрины и концепции, осознала национальные интересы. Выдающаяся роль в формировании внешней политики Казахстана принадлежит Первому Президенту РК Н.А.Назарбаеву.

Внешняя политика и участие Казахстана в делах международного сообщества активно развивались по всем основным направлениям, ставшим традиционными. К ним относятся участие в международных и региональных организациях (ООН, ОБСЕ, СНГ, ЕврАзЭС, ШОС), сотрудничество с такими организациями (НАТО, ОИК, ОЭС), развитие двусторонних отношений (с Россией, государствами Центральной Азии и СНГ, США, странами Евросоюза, КНР, мусульманского Востока, АТР

и ЮВА). Таким образом, внешняя политика РК структурируется по трем основным направлениям: международное право, многосторонние отношения, двусторонние отношения.*

На первоначальном этапе развития внешнеполитической стратегии Казахстана в первой половине 1990-х гг. была выдвинута концепция «Евразийского моста», которая указывала на географическую, культурную, историческую и цивилизационную принадлежность Казахстана как к Европе, так и к Азии. В дальнейшем, во второй половине 1990-х гг. эта концепция трансформировалась в т.н. доктрину «многовекторной дипломатии». Данная доктрина ставила целью проведение внешней политики на всех важных для РК направлениях: СНГ, Центральная Азия, Восток и Запад, Европа и Азия, мусульманский мир, АТР, индустриальные державы и т.д.

Очевидно, что Казахстан после распада Советского Союза оказался в сложном геополитическом положении. В распоряжении независимого Казахстана оказалась огромная территория с колоссально протяженными и незащищенными (за исключением китайского направления) границами, слабо населенная, с неразвитой транспортно-коммуникационной системой. Экономика Казахстана была полностью ориентирована на существование в рамках советской системы. Целые регионы страны были больше привязаны не к республиканскому рынку, а к внешним. Между собой их практически ничего не связывало кроме административной принадлежности к одному

---

* Общие труды по внешней политике РК: Касенов У.Т. Основные итоги внешнеполитической деятельности Республики Казахстан и ее приоритетные задачи. - Алматы: КИСИ, 1994; Внешняя политика Казахстана. – Алматы, Москва: МИД РК, 1995; Назарбаев Н. На пороге XXI века. - Алматы: Онер, 1996; Токаев К.К. Под стягом независимости. Очерки о внешней политике Казахстана. – Алматы: Билим, 1997; его же: Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации. – Алматы: САК, 2000; Внешняя политика Республики Казахстан. Хроника (1991-1999). – Алматы: КазГУ, 1999; Ретивых А.В. Казахстан на стыке веков. – Алматы: Гылым, 2000; Лаумулин М.Т. Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, geopolитика, политология. – Алматы: КИСИ/Континент, 2000; Национальная безопасность: итоги десятилетия. – Астана: Елорда, 2001; Суверенный Казахстан на рубеже тысячелетий. - Астана: Елорда, 2001; Политика и интересы мировых держав в Казахстане. – Алматы: Дайк-пресс. 2002; Султанов Б.К. Внешняя политика Республики Казахстан: основные этапы развития (1991-2001) // Казахстан и современный мир. 2001. № 1. С. 7-33; Султанов Б.К., Музапарова Л.М. Становление внешней политики Казахстана: история, достижения и взгляд в будущее /Под ред. М.С. Ашимбаева. – Алматы: Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК, 2005; Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008. - 189 p.; Cohen A. Kazakhstan: the Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation. - . – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. - 287 p.; Grochmalski P. azakhstan. Studium politologiczne. – Torun: WUMK, 2006. – 765 s.

государству. Очень сильно разделялись казахстанские регионы между собой и по экономической структуре, характеру производства, демографическому и национальному составу.

В начале 2000-х гг. самыми серьезными задачами, стоявшими перед многовекторной политикой Казахстана, были следующие: укрепить безопасность страны в условиях резко изменившейся геополитической ситуации, сохранить баланс, с одной стороны, между Россией и США, с другой – между РФ и КНР; и главное – предотвратить попытки извне повлиять на внутриполитическую ситуацию и разрушить внутреннюю стабильность в стране.

В ходе осуществления внешней политики в различные периоды перед Казахстаном возникали разные приоритеты и разные цели. Так, в период с 1992 по 1995 гг. большое место в отношениях РК с США, Россией и Западом в целом занимала ядерная проблематика. Во второй половине 1990-х гг. на передний план вышла проблема Каспийского моря, его делимитации и выработки маршрутов транспортировки каспийских углеводородов. В начале XXI века приоритетными стали вопросы обеспечения национальной и региональной безопасности, борьбы с международным терроризмом, наркотиками и др. На протяжении всей своей истории внешняя политика суверенного Казахстана была направлена на углубление интеграции на пост-советском пространстве: в рамках СНГ, ЦАЭС и ЕврАзЭс. Всегда оставались приоритетными отношения РК с государствами Центральной Азии.

Казахстан успешно осуществил вхождение в мировое сообщество и различные международные структуры глобального, регионального и субрегионального уровня. Казахстан является членом таких международных организаций как ООН, ОБСЕ, ОЭС, ОИК, ЮНЕСКО, МАГАТЭ и др. Казахстан присоединился к большинству международных договоров и соглашений и осуществил тем самым свое вхождение в международное правовое поле. РК является участником таких соглашений в области международной безопасности как ДНЯО, СНВ-1, ПРО, ДКБ, а также всех основополагающих документов ООН и ОБСЕ.

Республика Казахстан, как и все бывшие советские республики, стала участником Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 30 января 1992 г. Это автоматически означало признание Казахстана всеми 48 членами этой международной организации. В течение 1992 г. Казахстан подписал все основополагающие документы СБСЕ, в первую очередь Хельсинский Заключительный Акт 1975 г. и Парижскую Хартию для Новой Европы и тем самым взял на себя все обязательства члена Совещания. В 1994 г. на Будапештском саммите СБСЕ была переименована в Организа-

цию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). С первых дней своего участия в этой организации Казахстан начал активно выступать за укрепление безопасности на пространстве СБСЕ/ОБСЕ. Так, уже на Хельсинском саммите в 1992 г. Президент Н.Назарбаев предложил создать специальные силы СБСЕ для предотвращения региональных конфликтов и поддержанию мира в Евразии. Тогда же казахстанский лидер впервые выступил с идеей создания азиатского аналога СБСЕ.

Сотрудничество Казахстана с ОБСЕ имело важное значение как для укрепления его позиций на международной арене в целом, отношений со странами-членами ОБСЕ, представляющими огромный регион Евразии и Северной Америки, так и для укрепления безопасности РК и всего центральноазиатского региона, развития демократии, соблюдения прав человека, проведения взвешенной этнической политики и сохранения внутренней безопасности. Опыт ОБСЕ был также полезен для созыва инициированного Казахстаном Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).*

Осенью 2007 г. на Мадридской встрече глав МИДов ОБСЕ Казахстан был выбран Председателем Организации на 2010 г. Это было бы невозможным без активной внешнеполитической деятельности Президента Н.Назарбаева, его большого международного авторитета и высокой репутации в мировой политике.

В самом начале формирования внешнеполитического и внешнеэкономического курса независимого Казахстана у руководства РК существовало ясное осознание того факта, что Западная Европа, институты Европейского сообщества являются той политической и экономической силой, которую следует учитывать при разработке стратегии внешней политики каждого государства. Уже в первом концептуальном документе «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» в 1992 г. президент Назарбаев отмечал, что «политику вхождения в мировое сообщество необходимо строить с учетом должной оценки возможностей партнерства трех главных центров рыночной системы — США, Японии и Западной Европы, памятуя о том, что именно они выступили побудительной силой интенсификации мирохозяйственных связей. Взаимодействие с ними открывает также путь в международные финансовые институты»**. Таким образом, сотрудничество Казахстана с ЕС понималось в 1992 г. прежде всего в экономическом контек-

---

* Утегенова А.Р. Казахстан и ОБСЕ: опыт сотрудничества // Казахстан в системе международных отношений. – Алматы: МОН РК, МИД РК, КазГУ, 2001. С.45-49.

** Назарбаев Н.А. Президент Республики Казахстан. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. - Алма-Ата: Дауір, 1992. С.40-50.

сте. В концентрированном виде европейско-центральноазиатские отношения на современном этапе обозначились в ходе визита президента Казахстана Н.Назарбаева в Берлин в начале октября 2001 г.

Идея созыва Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) впервые была представлена Президентом РК Н. Назарбаевым на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1992 года. Суть инициативы заключается в идее создания всеобъемлющей и универсальной системы азиатской безопасности. Идея о созыве СВМДА была поддержана 16 азиатскими государствами. С 1992 по 2008 гг. процесс СВМДА прошел несколько этапов. В первоначальный период были проведены встречи экспертов МИД азиатских стран (Специальной Рабочей группы – СРГ). По итогам саммита в июне 2002 г. в Алматы были подписаны два документа: Алматинский акт и Декларация СВМДА об устранении терроризма и содействии диалога между цивилизациями. Для Казахстана и его лидера Н.Назарбаева проведение международного форума такого масштаба способствовало укреплению позиций страны и поднятию авторитета республики на международной арене*.

Россия является основным внешнеполитическим партнером Казахстана. Россия и Казахстан являются соучредителями СНГ, Таможенного Союза/ЕврАЭС, взаимодействуют в рамках ОДКБ, ШОС и СМВДА, участвуют в многосторонних переговорах по правовому статусу Каспийского моря. Таким образом, в казахстанско-российских отношениях присутствует заметно выраженный многосторонний характер.

Как отмечалось выше, выделяют четыре этапа в развитии казахстанско-российских отношениях: 1) 1991-92 гг. – формирование правовой основы межгосударственных отношений; 2) 1992-94 гг. – определение основных направлений и форм двустороннего сотрудничества в политической, экономической и военной областях; 3) 1995-99 гг. – расширение и углубление двустороннего сотрудничества в русле интеграционных процессов в рамках СНГ;** 4) 2000 г. – до настоящего времени – переход на взаимодействие с многостороннего на двусторонний формат. Первоначальный период казахстанско-российских отношений характеризуется установлением правовых отношений между двумя государствами на основе многовековых традиций добрососедства, дружбы и взаимной помощи братских народов, исконно проживавших на обширном евразийском пространстве.

---

* Лаумулин М.Т. Азиатская безопасность и СВМДА // Казахстан и мировое сообщество. 1995. № 1. С. 40-48; Кожихов А.Г. СВМДА: реалии и перспективы // Analytic. 2002. № 3. С.23-24.

** См.: Токаев К.К. Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации. – Алматы, 2000. С. 248.

В течение 1992-93 гг. Казахстан и Россия вели параллельные переговоры и строили отношения в различных сферах: финансово-экономической, военной, юридической, дипломатической. В эти годы происходил процесс взаимного отрыва от советского наследия и переход к отношениям на равноправной суверенной основе. В 1996-97 гг. взаимодействие между РК и РФ развивалось в рамках многосторонних переговоров по Каспийскому морю, Шанхайской пятерки и Таможенного союза четырех государств. В январе 1998 г. глава Казахстана Н.Назарбаев выступил с инициативой о создании единого таможенного пространства, которое было поддержано Россией, Беларусью и Киргизстаном. На протяжении всех 1990-х гг. Россия оставалась главным торговыми-экономическим партнером Казахстана.

В сентябре 1999 г. Казахстан посетила делегация правительства РФ во главе с В.Путиным. Это было начало нового этапа в двусторонних отношениях. С момента прихода к власти в России В.Путина в казахстанско-российских отношениях важное значение приобретают проблемы обеспечения безопасности и сотрудничества в военной сфере. Таким образом, на протяжении всех лет существования независимого Казахстана его отношения с Россией характеризовались стабильностью и готовностью обеих сторон к сотрудничеству. Между двумя странами существует прочная правовая, экономическая, политическая и культурная база для сотрудничества. Фактически, внешняя политика РК в отношении России строилась на основе того фактора, что РФ представляет собой важнейшего партнера для Казахстана во всех областях сотрудничества. В то же время, Россия не стремилась влиять на независимый внешнеполитический курс РК и оказывать давление на его отношения с другими государствами.*

Колоссальное значение для развития двусторонних отношений имел личный фактор – отношения между Президентом РК Н.Назарбаевым и всеми российскими лидерами – Б.Ельциным, В.Путиным и Д.Медведевым, который свой первый зарубежный визит совершил в Астану в мае 2008 г. Все российские президенты чрезвычайно высоко оценивали вклад Первого Президента Казахстана в развитие казахстанско-российских отношений.

Основа для казахстанско-германского сотрудничества была заложена в сентябре 1992 г. в ходе первого визита Президента Н.Назарбаева в ФРГ и подписания Совместного заявления об основах отношений и ряда договоров и соглашений в различных областях. Важной частью политических

---

* Казахстанско-российские отношения. 1991-1995. Сборник документов и материалов. - Алматы, Москва: МИД РК, 1995; Ахметгалиев Б.Р., Базаров А.А. Казахстан в интеграционном процессе в постсоветском пространстве // Казахстан-Спектр. № 1-2. 1997. С.55-68.

отношений между РК и ФРГ были визиты в рамках межпарламентского обмена, а также визиты руководителей федеральных германских земель, министерств и ведомств двух стран во главе официальных делегаций. Федеративная Республика Германия является одним из основных торговых партнеров Республики Казахстан.

Берлин рассматривает Казахстан как часть Центральной Азии и проводит свою политику в контексте всего центральноазиатского региона. Другой особенностью германской политики является ее тесная увязка и координация с политикой Европейского Союза в целом. В 2001 г. отношения между РК и ФРГ поднялись на новый уровень. важным событием стал официальный визит Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева в Берлин в октябре 2001 г. В ходе визита стороны подписали шесть соглашений в области военного сотрудничества, экономики, культурного и гуманитарного сотрудничества. Большое внимание в ходе этого визита и последующих саммитов Н.Назарбаева с канцлерами Г.Шредером и А.Меркель в 2002-07 гг. уделялось проблемам безопасности и стабильности в Центральной Азии.

Дипломатические отношения между Казахстаном и Великобританией были установлены 19 января 1992 г. Казахстанско-британские отношения строятся на трех параметрах: нефть, культура и образование. Британские инвесторы не только участвуют в разработке крупных нефтегазовых месторождений Казахстана, но и являются наиболее активными посредниками во взаимоотношениях казахстанского правительства и западных бизнесменов.

В 2000 г. лидер Казахстана дважды посетил Британские острова: в сентябре с коротким неофициальным визитом, в ходе которого состоялась его встреча с М.Тэтчер, и в ноябре, когда он прибыл с официальным визитом. Этот визит имел большой политический и международный резонанс благодаря награждению главы нашего государства высшей наградой Великобритании. Этот жест символизировал большую заинтересованность Великобритании в продолжении экономического сотрудничества с Казахстаном, в первую очередь в освоении каспийских нефтяных ресурсов, а также должен был подчеркнуть значительный авторитет Н.Назарбаева в мировых политических кругах.

Французская Республика признала Республику Казахстан 7 января 1992 г. Важным событием в двусторонних отношениях стал визит Ф.Миттерана в Казахстан 16-17 сентября 1993 г. и его встреча с лидером молодого государства Н.Назарбаевым. Этот визит стимулировал развитие политических, экономических и культурных отношений между двумя странами. Во время беседы Ф.Миттерана и Н.Назарбаева в 1993 г. возникла идея создания высшей школы по образцу французской ЭНА. В ответ на призыв Президента

Казахстана к главам высокоразвитых государств с просьбой помочь регионам экологического бедствия республики в 1994 г. Франция предоставила Аральскому региону техническую помощь. В июне 1995 г. Н.Назарбаев лично познакомился с новым президентом Франции Ж.Шираком в ходе своей краткой остановки в Париже, а в ноябре того же года глава Казахстана прибыл во Францию уже с официальным визитом.

Для Казахстана Франция представляет интерес в первую очередь вследствие веса Парижа в структурах Евросоюза, возможности привлечь технологические новации и инвестиции. Франция придает приоритетное значение Казахстану в развитии отношений с государствами Центральной Азии и намерена поддержать становление РК в качестве региональной державы, в том числе, через сотрудничество в ООН и ОБСЕ, оказывать содействие процессу СВМДА и казахстанским инициативам по региональному сотрудничеству. В числе других ядерных государств, Франция предоставила Казахстану гарантии безопасности.

В целом, казахстанско-французские отношения развивались чрезвычайно динамично. За период с 1995 по 2007 гг. состоялось десять встреч Н.Назарбаева и Ж.Ширака. Основой для такого плодотворного сотрудничества были не только взаимные экономические интересы, но и широкая заинтересованность обеих сторон к политическому сотрудничеству, традиционный интерес в Казахстане к французской культуре, стремление французской стороны распространить положительный опыт своей административно-государственной модели в Казахстане*. В июне 2008 г. Н.Назарбаев встретился с президентом Франции Н.Саркози, а казахстанско-французские отношения вышли на новый этап развития.

В полной мере дипломатический и внешнеполитический талант Н.Назарбаева проявился в отношениях Казахстана с Соединенными Штатами Америки. История взаимоотношений молодого (уже относительно) государства Республики Казахстан и Соединенных Штатов Америки полностью отвечают известному афоризму, который гласит: «быть другом Америки труднее, чем ее врагом». Казахстанский лидер часто встречался со всеми тремя последними президентами Америки – Дж.Бушем-старшим (1991, 1992, 2006), У.Клинтоном (1993, 1997, 1999, 2005) и Дж.Бушем-младшим (2001, 2005, 2006).

В 1990-е годы в политике Соединенных Штатов в отношении РК доминировали проблемы безопасности, что было видно невооруженным взглядом. В первой половине постсоветского десятилетия Вашингтон

---

* См.: Казахстанско-французские отношения. 90-е годы XX века. /Сборник документов и материалов. – Алматы: КазГУ, 1998.

был чрезвычайно озабочен проблемой советского ядерного наследия. Во второй половине 1990-х гг. на передний план в казахстанско-американских отношениях выдвинулась каспийская проблематика, которую в силу своего геополитического характера также могла быть отнесена к стратегическим проблемам. В начале 2000-х гг. ввиду развернувшейся войны против международного терроризма двусторонние отношения испытали сильнейшее влияние этого фактора.*

В январе 2001 г. к власти в Белом Доме пришла республиканская администрация во главе с Дж.Бушем-младшим. Основными интересами США в Казахстане к началу нового столетия оставались энергетические. События 11 сентября изменили стратегическую обстановку в мире и поставили многие государства перед необходимостью пересмотреть свои внешнеполитические установки в новых условиях. Сентябрьские события оказали определенное воздействие на внешнеполитический курс Республики Казахстан. С самого начала Казахстан осудил террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне. В трагический день президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выразил соболезнование от имени народа Казахстана Президенту США Джорджу Бушу в связи со случившейся трагедией. С 2002 г. США являлись крупнейшим иностранным инвестором в РК. В период 2003-04 гг. отношения между РК и США снизили свою динамику. Казахстан интересовал Соединенные Штаты в первую очередь с точки зрения судьбы трубопровода БТД и продвижения демократии. Но в 2004 г. и особенно в 2005 г. в связи с событиями в Киргизии и Узбекистане ситуация начала меняться.

2005-й год имел свою специфику: на международное положение Казахстана сильное влияние оказал внутриполитический фактор – президентские выборы в стране. Американская позиция не была монолитной. Наметился раскол между линией госдепа, который устами заместителя помощника госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Л.Кеннеди говорил о преемственности политики Вашингтона в отношении Казахстана, и конгресса, настаивавшего на пересмотре политики США в сторону ужесточения. С началом лета 2005 г. политика Соединенных Штатов и Запада в целом в отношении Казахстана начала постепенно, но вполне осозаемо эволюционировать в сторону сближения с Астаной. Как представляется,

---

* См.: Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том II: Внешняя политика и стратегия США на современном этапе и Центральная Азия. – Алма-Ата: КИСИ, 2006. – 348 с.; его же: Роль США в Центральной Азии. Учебное пособие. – Алматы: КазНУ, 2007. – 163 с.; его же: Стратегия и политика США в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 4. С. 51-63.

главным событием двусторонних отношений последних лет остался визит президента РК Н. Назарбаева в США в 2006 г.

Позитивным моментом сотрудничества стало и то, что Соединенные Штаты практически признали лидерство Казахстана (реформаторское и экономическое) в Центральной Азии и в определенной степени - в СНГ. В Вашингтоне пришли к выводу, что Астане необходимо взять на себя роль лидера в регионе, что будет способствовать развитию инфраструктуры энергетического сектора и созданию дополнительных транзитных маршрутов для энергоресурсов.* Казахстан первым среди республик СНГ официально был признан Соединенными Штатами страной с рыночной экономикой. К настоящему времени объемы американских инвестиций в республику составляют около 12 млрд. долл. Американская стратегия в отношении РК имела четко выраженный геополитический контекст и военно-стратегический подтекст. Тем не менее, президент РК Н.Назарбаев добился сбалансированного характера отношений с США, которые не отразились на отношениях Казахстана с другими партнерами, безопасности и международном положении страны.

В 1992 году было принято решение о начале сотрудничества Казахстана с НАТО. В лице НАТО Казахстан получал дополнительные гарантии безопасности. 27 мая 1994 г. Казахстан подписал Рамочный документ «Партнерство во имя мира». В 1996 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе было подписано Соглашение между Казахстаном и НАТО о безопасности. Для плановой и последовательной деятельности Казахстаном и НАТО была заключена двухлетняя Индивидуальная программа партнерства (ИПП), получившая одобрение Совета Безопасности Республики Казахстан и Совета НАТО. Казахстан принимает активное участие в проведении учений НАТО по управлению кризисными ситуациями. Взаимодействие между РК и НАТО характеризуется позитивным поступательным развитием. В рамках Индивидуальной программы партнерства (ИПП) Казахстан отходит от простого набора мероприятий и планирует свою деятельность по конкретным направлениям, необходимым для эффективной ее реализации. Расширяется участие казахстанских военнослужащих в войсковых и командно-штабных учениях, учебных программах и семинарах.

Необходимо подчеркнуть, что в рамках Процесса планирования и анализа по программе ПАРП Казахстан выбрал для себя 10 целей, которые, в основном, связаны с тактической и языковой подготовкой, технической и оперативной совместимостью оперативно-тактических средств связи,

---

* Центральная Азия. Аналитический ежегодник – 2006. – Лулеа: CA&CC Press, 2007. С. 204-205.

защитой в случае применения оружия массового уничтожения (ОМУ), медицинским и тыловым обеспечением действий батальона, выделенного для целей ПИМ, а также его авиатранспортным обеспечением.

В целом, Казахстан был заинтересован в партнерстве с НАТО/ПИМ: оно дает возможность в получении содействия в реформировании Вооруженных Сил; обмен опытом по созданию профессиональной армии трех видов войск -сухопутные, военно-морские и десантно-воздушные, подготовка воинских подразделений к миротворческим операциям; НАТО, будучи более профессиональной организацией в области обеспечения безопасности, может явиться хорошим барьером против распространения терроризма и экстремизма на центральноазиатском пространстве и в Казахстане, в частности; в разработке совместных программ по готовности к чрезвычайным ситуациям; содействие в экономических вопросах; инвестиции в науку; разработка совместных экологических программ. Казахстан также совместно с СЕАП развернул мероприятие в решении экологических проблем Казахстана (Семипалатинск, Арал, экология Каспия), в рамках сотрудничества программы «Наука ради мира». Однако, вопросы расширения сотрудничества Казахстана с НАТО/ПИМ учитываются с обязательствами Казахстана в рамках Организации Договора о коллективной безопасности и других структур, участником которых он является.

Отношения Казахстана с КНР, вторым по величине соседом, занимают важное место во внешней политике РК. Они затрагивали обширный спектр вопросов в политической, экономической, торговой, этнической, пограничной и военной областях. Китайский фактор является постоянно действующим для внешней политики РК.* Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой были установлены 3 января 1992 г. путем подписания Меморандума о взаимопонимании между РК и КНР. В октябре 1993 г. в ходе первого официального визита Президента Н.Назарбаева Казахстан и КНР подписали группу документов и Совместную декларацию об основах дружественных отношений. Таким образом, отношения нашей страны с Китаем приняли динамичный характер, и под них была заложена прочная договорно-правовая база.

---

* См.: Султанов К. Наш сосед Китай // Казахстан и мировое сообщество. 1995. № 3. С.83-95; Сыроежкин К.Л. Казахстан-Китай: торгово-экономические отношения // Казахстан и мировое сообщество. 1995. № 1. С.63-72; его же: Китай и Центральная Азия: политические отношения и торгово-экономическое партнерство // Казахстан-Спектр. № 1-2. 1997. С.102-112; Лаумулин М.Т. Китайско-центральноазиатские отношения: геополитика и безопасность (взгляд с Запада) // Казахстан-Спектр. № 2. 1998. С.64-95; Дюсембаев Р.Ч. Казахстанско-китайские отношения // Суверенный Казахстан на рубеже тысячелетий. – Астана: Елорда, 2001. С. 239-248; Яо Пэйшен. Десятилетие казахстанско-китайских отношений: итоги и перспективы // Казахстан и современный мир. 2002. № 1. С. 27-30.

В сентябре 1995 г. в ходе своего второго визита в Китай Н.Назарбаев и Председатель КНР Цзян Цземинь подписали совместную Декларацию о дальнейшем развитии и углублении дружественных взаимоотношений между Республикой Казахстан и КНР. Торгово-экономическое сотрудничество занимало важное место в казахстанско-китайских отношениях. С начала 1990-х гг. оно развивалось бурными темпами. В апреле 1996 г. в ходе Шанхайского саммита лидеров Казахстана, КНР, Киргизской Республики, России и Таджикистана был подписано Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы (Шанхайское соглашение). Этот саммит положил начало созданию новой организации (Шанхайская пятерка, затем ШОС), которая оказывала заметное влияние на развитие двусторонних отношений РК и КНР.

В июле 1996 г. состоялся первый официальный визит Цзян Цземиня в Казахстан. В ходе этого визита, который носил сугубо политический характер, была принята совместная Декларация. Стороны согласились продолжать развивать регулярный политический диалог и консультации на различных уровнях. Таким образом, начиная с 1992 г. во внешней политике КНР красной нитью прослеживался настойчивый интерес к полному урегулированию пограничного вопроса с Казахстаном, решение которого вызвало неоднозначную реакцию у казахстанской общественности. Этот вопрос осложнялся также т.н. проблемой трансграничных рек, которая стала предметом переговоров между РК и КНР в конце 1990-х гг.

В июле 2000 г. во время официального визита Председателя КНР Цзян Цземиня на первый план вновь вышли вопросы экономического сотрудничества. Эта тенденция получила продолжение в ходе двусторонних саммитов в 2002-08 гг. С 1996 г. новым направлением экономического сотрудничества между РК и КНР является нефтяное. В 1997 г. РК и КНР подписали соглашение о строительстве трубопровода Западный Казахстан – СУАР КНР, который был завершен в 2006 г. В условиях обострения угрозы со стороны терроризма и экстремизма в 2000-02 гг. Казахстан и Китай продолжали активно контактировать на двустороннем и многостороннем уровне - в рамках Шанхайской группы (ШОС) и СВМДА. Пекин оказал существенную политическую поддержку проведению первого саммита СВМДА в июне 2002 г.

Поступательный ход казахстанско-китайских отношений стал возможен во многом благодаря персональному авторитету Президента Н.Назарбаева среди китайских руководителей третьего и четвертого поколений. Таким образом, в период 1992-2008 гг. полностью определились основные направления взаимного сотрудничества между Казахстаном и Китаем и проблемы, представлявшие взаимный интерес: пограничный вопрос,

трансграничные реки, торгово-экономическое сотрудничество, положение казахской диаспоры в СУАР, сотрудничество в нефтяной области, транспортное сотрудничество.

Отношения Казахстана с Японией развивались неравномерно, но в целом поступательно. Япония не стала крупным инвестором, как рассчитывали в Казахстане, но оказывала РК регулярную финансовую и техническую помощь. В декабре 1999 г. состоялся визит Президента Н.Назарбаева в Японию. В августе 2006 г. Казахстан посетил премьер-министр Коидзуми.

Отношения Казахстана с Турцией занимают особое место во внешней политике РК. Турция была страной, которая целенаправленно выступала за независимость всех тюркских народов, и первым в мире государством, признавшим суверенитет РК. Политика Турции в отношении Казахстана строится не только из соображений политического и экономического сотрудничества, но и на принципе т.н. единой общности всех тюркофонных народов. Данный фактор оказывал сильное влияние на двусторонние отношения в первой половине 1990-х гг. Внешнеполитическая стратегия Анкары в отношении Казахстана строилась на основе как можно скорейшей интеграции РК в мировое сообщество. База для многостороннего сотрудничества была закреплена в ходе официального визита Президента РК Н.Назарбаева в Турцию в октябре 1992 г.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. между руководством РК и Турции установилась традиция регулярных встреч на высшем уровне, причем такие встречи проходили не только в двустороннем формате, но и многостороннем – в рамках саммитов глав тюркоязычных государств, ОБСЕ, и ОЭС. Эта политическая традиция получила продолжение и в дальнейшем – во второй половине 1990-х гг. и в 2000-е годы. Она базировалась на существенном фундаменте экономического и культурного сотрудничества. В целом, отношения Казахстана и Турции резко выделяются на фоне аналогичных отношений РК с другими странами Среднего и Ближнего Востока. Помимо лингвистической близости, обе страны испытывают друг к другу серьезный политический и экономический интерес. Для Казахстана важно то, что Турция имеет тесные связи с Западом, является членом НАТО и ассоциированным партнером ЕС.

Анкара рассматривает Казахстан как дружеское и братское государство, важного партнера в торгово-экономической сфере, объект для инвестирования, одно из ключевых для ее стратегии государств в Центральной Азии и на Каспийском море. Оба государства нацелены на сохранение или развитие у них демократической и секуляристской республиканской модели, а свои цивилизационные и внешнеполитические ориентиры они связывают с Западом. Н.Назарбаев сохранял дружеские и даже подчеркнуто братские отношения со всеми лидерами Турецкой Республики с 1991-2008-х гг.

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Республикой Индия были установлены в конце февраля 1992 г. во время официального визита Президента Н.Назарбаева. В ходе визита был подписан ряд документов, положивших начало сотрудничеству между двумя странами в политической, торгово-экономической, финансовой, научной и культурной областях. Индия поддержала инициативу Казахстана по созыву СВМДА. Казахстан в своих отношениях с этой страной должен был учитывать тот факт, что имеет дело с крупнейшей демократической страной в Азии, а также ее непростые отношения с Пакистаном, проблему Кашмира, а в дальнейшем - ядерные амбиции Дели. Основным препятствием для взаимной торговли остается объективный фактор сложной транспортировки товаров. Более активно развивались контакты в сфере культуры. Однако потенциал двусторонних отношений, который не был востребован в XX веке, остается еще очень высоким в XXI столетии с учетом сильной взаимной заинтересованности Индии и стран Центральной Азии, а также традиций партнерства между Индией и СССР.*

Свои отношения с Исламской Республикой Пакистан Казахстан развивал с учетом сложных отношений этого государства с Индией. Первый официальный визит Президента РК Н.Назарбаева в Пакистан состоялся сразу же после его визита в Дели в феврале 1992 г. Развивая свои отношения с Казахстаном, Пакистан преследовал цель повысить свое влияние в Центральной Азии, которую он рассматривал как часть исламского мира. Казахстан в своих отношениях с Пакистаном, особенно после 1996 г., исходил, прежде всего, из той роли, которую эта страна играла в Афганистане. Таким образом, казахстанско-пакистанские отношения развивались в рамках детерминированности со стороны geopolитических проблем и соображений безопасности. Пакистан поддержал идею созыва СВМДА, выступая в то же время против некоторых пунктов обсуждаемых документов, касавшихся снижения ядерных вооружений в Азии. В своей политике в отношении Казахстана и всего центральноазиатского региона Пакистан исходит из общности исторического и культурного наследия, религиозных традиций и географической близости. В реальности Пакистан стремился укрепить свои международные позиции за счет Центральной Азии, рассматривая государства региона как мусульманские. Однако и Казахстан, и другие страны региона строили отношения с Пакистаном не в ущерб своим отношениям с Индией. Казахстану отношения с Исламабадом важны в силу

---

* Ибраев Р. Казахстанско-индийские отношения: состояние и перспективы // Казахстан и мировое сообщество. 1996. № 2. С.91-94; Шаумян Т.Л. Индия и государства Центральной Азии // Форум: Центральная Азия в Евразийской перспективе. Восток. 1996. № 5. С. 86-92.

того, что Пакистан поддерживает СВМДА, является активным участником таких международных организаций как ОЭС и ОИК.*

Иран занимает особое место во внешней политике РК. Оба государства являются соседями на Каспийском море и участвуют в течение многих лет в переговорах по правовому статусу Каспия. Иран представляет собой также ближайший выход для Казахстана к морским портам. Таким образом, на отношения РК с Ираном влияли, прежде всего, такие факторы как каспийский и транспортный. Первый официальный визит Президента Н.Назарбаева в ИРИ состоялся в конце октября – начале ноября 1992 г. В ходе визита были подписаны Декларация о взаимопонимании и сотрудничестве между РК и ИРИ и ряд соглашений, заложившие основу для сотрудничества в политической и экономической областях. Казахстан и Иран поставили цель развивать взаимодействие между своими предприятиями и фирмами, организовать судоходную линию для перевозки пассажиров и грузов на Каспийском море, установить автомобильное сообщение, совместно участвовать в строительстве Трансазиатской железной дороги. К началу нового века Казахстан и Иран подписали более 40 документов, охватывающих все сферы торгово-экономического сотрудничества и транспорта. Казахстанский лидер поддерживал тесные отношения и с новым руководством ИРИ.

Первый контакт независимого Казахстана с арабским миром относится к концу декабря 1991 г., когда Алма-Ату посетил лидер Палестины Я.Арафат. Этот визит не преследовал каких-либо конкретных целей в политике, экономике и культуре, но должен был продемонстрировать интерес со стороны арабского мира к Казахстану как к государству, обладающему ядерным оружием в результате распада Советского Союза. 1992 год стал годом установления дипломатических отношений Казахстана с арабскими странами. Лидер Казахстана Н.Назарбаев совершил в качестве символического жеста хадж в Мекку.

Для Казахстана сотрудничество с арабскими странами представляло интерес в первую очередь с точки зрения богатого опыта этих государств в нефтедобыче. В первые годы отношений Казахстана с арабскими странами выявилась в сфере, к которой правящие круги этих государств проявляли особый интерес – укрепление и пропаганда исламских ценностей. Руководство РК с пониманием относилось к озабоченности арабских лидеров судьбой ислама в Казахстане, так как ислам являлся частью исторического и культурного наследия казахского народа. Помимо АРЕ и Саудовской Аравии Казахстан поддерживал отношения и с небольшими арабскими странами.

---

* Москаленко В.Н. Пакистан - курс на Центральную Азию // Форум: Центральная Азия в Евразийской перспективе. Восток. 1996. № 5. С. 79-85.

Большое значение с политической точки зрения для Казахстана имела поддержка инициативы по созыву СВМДА со стороны арабского мира. Новым направлением в сотрудничестве РК с арабскими странами в конце 1990-х гг. стало привлечение арабских инвестиций в строительство инфраструктуры новой столицы Казахстана Астаны, в первую очередь – из ОАЭ и Саудовской Аравии. В целом, отношения Казахстана с арабским миром развивались в нескольких плоскостях: торгово-экономическое сотрудничество, инвестиции, нефтегазовый сектор, культурные отношения. Казахстан придавал приоритетное значение развитию торгово-экономических отношений и привлечению арабских инвестиций, арабские страны проявляли интерес, прежде всего, к укреплению духовных и культурных связей на основе исламской общности.

Можно утверждать, что в ближайшие годы внешняя политика Казахстана не претерпит резких изменений своего курса. Интересы РК, как и прежде, направлены на обеспечение стабильности и безопасности в национальном, региональном и международном контексте. Казахстан заинтересован в поддержании дружественных и партнерских отношений не только со своими непосредственными соседями по региону, но и с большинством государств Запада и Востока, Европы и Азии в духе своей доктрины многовекторной дипломатии. Казахстан заинтересован в сохранении равноправных в политическом плане и взаимовыгодных в экономическом плане отношений со своими партнерами.

Многовекторность казахстанской внешней политике придали такие факторы как появление Китая в качестве серьезного игрока в Центральной Азии, проведение Казахстаном самостоятельной политики в отношении других центров силы и региональных держав во второй половине 1990-х годов. Но по-настоящему многовекторной внешняя политика РК стала в 2000-е гг., благодаря укреплению государственности, экономическому росту, завоеванию Астаной лидирующих позиций в Центральной Азии и в целом на постсоветском пространстве. События последних лет показали, что Казахстан действительно способен проводить реальную многовекторную, и при этом самостоятельную политику на различных уровнях мировой арены.

Отношения РК с такими государствами как Россия, Китай, с центральноазиатскими странами, США, Европейским Союзом носят стратегический характер, который объективно не может быть поставлен под сомнение. В дальнейшем внешняя политика Казахстана, как и в предшествующие годы, будет направлена на обеспечение безопасности республики и ее населения, обеспечения экономического прогресса и поступательного развития страны.

Здесь нельзя не сказать о роли персонального фактора, который оказывает в Казахстане решающее влияние на методы реализации и содержание внешней политики. Лучше вновь прибегнуть к независимым оценкам иностранных экспертов. Так, известный московский ученый А. Терентьев (ИМЭМО РАН), оценивая роль Н. Назарбаева, писал, что казахстанский лидер «не зациклен на проблемах своего региона, и потому выгодно отличается от среднеазиатских соседей, которые воспринимаются как отсталые и деспотичные ханы, лишенные какого бы то ни было представления о современном мире. Назарбаев, напротив, считается правителем вполне цивилизованным, обладающим, к тому же, своей философией международных отношений. Его «многовекторная политика» - это не бессмысленное повторение китайско-российской формулы. В своей дипломатии казахстанский лидер способен исполнять абсолютно разные партии. Он не забыл еще советское прошлое и может разговаривать с представителями старой номенклатуры на их языке. Знает он и pragmatичный язык американских бизнесменов, сумел овладеть поэтическим стилем китайских мандаринов и даже среди своих исламских братьев не выглядит белой вороной».*

Казахстан и его соседи

Участие Казахстана в Содружестве Независимых Государств (СНГ) имело большое значение для его внешней политики и процесса становления в качестве суверенного государства, особенно в первой половине 1990-х гг. В дальнейшем место многостороннего сотрудничества занял двусторонний уровень. С начала 2000-х гг. отчетливо проявились различные внешнеполитические и geopolитические ориентации его участников. Тем не менее, Казахстан всегда оставался активным сторонником интеграционных процессов на пространстве СНГ в различных формах. В системе обеспечения безопасности Казахстана важная роль отводится Договору о коллективной безопасности (ДКБ), который был заключен в Ташкенте 15 мая 1992 года. На юбилейном московском саммите ДКБ в мае 2002 г. Казахстан поддержал идею президента РФ В. Путина по преобразованию ДКБ в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Казахстан остается верен своей роли интегратора и находится в центре всех интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Но при этом Астана понимает максимальный уровень интеграции исключительно в экономической сфере (в экстраординарном случае – в военно-стратеги-

---

* Терентьев А. Выборы в Казахстане: укрощение «оранжевой» волны // Мировая экономика и международные отношения (Москва). 2006. № 5.

ческой). Политический суверенитет Казахстана должен быть сохранен при любом развитии ситуации. То есть, Казахстан стремится к европейской модели интеграции.

Во второй половине 1990-х гг. усилились дезинтеграционные процессы в Содружестве. В феврале 1996 г. в Москве состоялось очередное заседание Совета глав государств СНГ в Москве, на котором одним из центральных был вопрос о ходе и перспективах формирования Таможенного и Платёжного союза. Реальное участие в этом процессе приняли только четыре государства СНГ – Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. К ним позднее присоединился Таджикистан. В марте 1997 г. на саммите СНГ стороны подписали Концепцию экономического интеграционного развития Содружества, Постановление, Декларацию о принципах установления и поддержания режима внешних границ государств СНГ, Декларацию о Совете руководителей органов безопасности и специальных служб СНГ, Декларацию о внесении дополнений в Положение о Совете командующих пограничными войсками. Проблемы безопасности СНГ (конфликтные ситуации, незаконная миграция) обсуждались на кишиневской встрече в марте 1997 г. Вопрос о реформировании СНГ был поставлен на повестку дня на московском совещании в ноябре 1998 г.

В 1998-99 гг. приоритеты и активность Казахстана перемещаются из СНГ в сторону Таможенного Союза. В апреле 1999 г. на московской встрече СНГ была вновь предпринята попытка укрепить Содружество за счет совершенствования и реформирования структуры органов СНГ. На встрече СНГ в Москве в январе 2000 г., в которой впервые принял участие в качестве и.о. президента РФ В.Путин, была впервые высказана мысль о необходимости объединения усилий в борьбе с международным терроризмом. На июньском саммите 2000 г. члены Содружества приняли решение в этом направлении - о создании Антитеррористического центра. С августа в практике СНГ появляются неформальные встречи в рамках СНГ (в Сочи), на которых по-прежнему актуальными остаются вопросы борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности в Центральной Азии, а также выработки совместной позиции СНГ по наиболее важным проблемам международной политики. Положение об Антитеррористическом центре, его структуре и финансировании было утверждено на минском саммите СНГ в декабре 2000 г.

В августе 2001 г. в Сочи была продолжена традиция неформальных встреч лидеров СНГ, на которой преобладал двусторонний характер переговоров. Казахстан помимо проблем региональной безопасности обсуждал также вопросы, касавшиеся каспийской проблематики. В феврале 2002 г. Казахстан вновь организовал у себя встречу глав СНГ. Большое место на

саммите занимали вопросы выработки совместной позиции Содружества в условиях изменившейся геополитической ситуации, проведения антитеррористической операции и борьбы с международным терроризмом.

Таким образом, СНГ в 1990-е и 2000-е гг. претерпело сильную эволюцию, в ходе которой значение этой международной организации для ее участников все более падало. Главная историческая заслуга СНГ состояла в том, что оно помогло осуществить цивилизованный «развод» бывших советских республик, сохранить на первом этапе экономические связи между ними и предотвратить межгосударственные конфликты. Однако СНГ не превратилось в новую форму федерации или конфедерации на постсоветском пространстве. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. отчетливо проявились различные внешнеполитические и геополитические ориентации его участников. Тем не менее, Казахстан всегда оставался активным сторонником интеграционных процессов на пространстве СНГ в различных формах.

Участие Казахстана в Евразийском Экономическом Сообществе (ЕврАзЭс) уходит корнями в первую половину 1990-х гг., когда наша республика прилагала усилия к интенсификации интеграционных процессов на пространстве СНГ. В этом ключе следует рассматривать выдвинутую Президентом Н.Назарбаевым инициативу о создании Евразийского Союза, с которой он выступил в конце марта 1994 г. во время своего визита в Москву.

В системе обеспечения безопасности Казахстана важная роль отводится Договору о коллективной безопасности (ДКБ), который был заключен в Ташкенте 15 мая 1992 года. Заключение ДКБ шестью пост-советскими республиками – Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном – стало важным решением на пути формирования эффективной системы региональной безопасности. В 1999 году Узбекистан, Азербайджан, Грузия не продлили свое участие в ДКБ, тем самым, выйдя из его состава. На юбилейном московском саммите ДКБ в мае 2002 г. Казахстан поддержал идею В.Путина по преобразованию ДКБ в международную организацию, т.е. в военно-политический блок. Важным результатом московского саммита было решение об интенсификации военно-технического сотрудничества между участниками Договора.

Создание Центрально-Азиатского Экономического Сообщества (ЦАЭС) относится к тому периоду, когда президенты Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана подписали 30 апреля 1994 г. Договор о создании единого экономического пространства. Новая организация получила неофициальное название Центральноазиатский союз (ЦАС). В июле 1994 г. участники ЦАС создали Межгосударственный Союз, учредили Советы премьер-министров, министров иностранных дел и рабочий орган – исполнком Межгоссовета, и

образовали также Центральноазиатский банк сотрудничества и развития. В феврале и декабре 1995 г. в Казахстане были проведены две встречи глав государств ЦАС. В рамках ЦАС обсуждались не только экономические, но и политические вопросы (создание Центразбата, борьба с наркотиками). Большое место в работе ЦАС в 1995-96 гг. занимали проблемы использования энергетических и водных ресурсов. В 1996 г. в качестве наблюдателя к ЦАС присоединилась Россия. В марте 1998 г. на саммите ЦАС в Ташкенте был решен вопрос о присоединении к Договору Таджикистана. В июне 1999 г. страны-участники Договора приняли официальное название – ЦАЭС. В качестве наблюдателей в институты ЦАЭС были инкорпорированы Грузия, Турция и Украина.

Отношения между Казахстаном и Узбекистаном имеют большое значение для сохранения стабильности и осуществления эффективного экономического сотрудничества в регионе Центральной Азии. Между двумя государствами существует историческая, лингвистическая и культурная общность. Важными факторами являются также географическая близость, наличие в обоих государствах крупных казахской и узбекской общин. С политической точки зрения, нормальные и стабильные отношения между РК и РУ являются залогом всей региональной стабильности в Центральной Азии. Помимо двусторонних отношений, Казахстан и Узбекистан взаимодействуют между собой в рамках СНГ, ДКБ (до 1999 г.), ЦАЭС (1994-2004 гг.), ОЭС, СВМДА, встреч глав тюрко-язычных государств и ШОС (с 2001 г.).

Активные контакты между двумя странами осуществлялись накануне распуска СССР в декабре 1991 г., когда между Алма-Атой и Ташкентом было достигнуто понимание того, что выход из СССР должен быть проведен в полном объеме с правовой точки зрения всеми советскими республиками. Фактически, Казахстан и Узбекистан сформулировали общую позицию республик Центральной Азии. В первой половине 1992 г. главы РК и РУ контактировали между собой в рамках саммитов СНГ и встреч глав центральноазиатских государств. Важное значение имела встреча Президента РК Н.Назарбаева и президента Республики Узбекистан И.Каримова в Туркестане в июне 1992 г., где они подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Однако обмен нотами об установлении дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан состоялся только в ноябре 1992 г.

В январе 1993 г. в Ташкенте Казахстан и Узбекистан (совместно с другими центральноазиатскими государствами) приняли решение о создании Международного фонда спасения Арала. Кроме того, между Правительствами РК и РУ было подписано соглашение о принципах торгово-экономичес-

кого сотрудничества. В мае 1993 г. состоялся первый официальный визит Президента РК Н.А.Назарбаева в Ташкент. В том же месяце лидеры двух республик встретились в Чимкенте, где Н.Назарбаев, А.Акаев и И.Каримов приняли Совместное заявление, выразив стремление к взаимодействию и тесному сотрудничеству в решении проблем сохранения духовных ценностей каждой нации на пути к цивилизованным рыночным отношениям, к подлинной государственной независимости и суверенитету, готовность предпринимать согласованные меры в деле обеспечения безопасности и укрепления мер доверия в Азии.

Контакты между двумя странами в 1993 г. продолжали оставаться чрезвычайно интенсивными. В июле И.Каримов прибыл с краткосрочным рабочим визитом в Алматы. Результатом стало принятие Обращение к главам государств Содружества. Итогом встречи двух президентов явилось подписание Межправительственного соглашения о мерах по углублению экономической интеграции на 1994-2000 годы. Повторный рабочий визит И.Каримова в ноябре был посвящен проблеме выхода из рублевой зоны и синхронного введения национальных валют двух государств. Таким образом, на начальном этапе развития казахстанско-узбекских отношений основными факторами были заинтересованность в экономической интеграции и сотрудничестве, опасение за безопасность Центральной Азии и угроза экологической катастрофы на Аральском море.

В 1994 г. центральное место в двусторонних отношениях занял вопрос формирования экономического союза в Центральной Азии. В январе состоялся государственный визит Президента РК в Узбекистан. Итогом переговоров глав двух государств явилось подписание Договора о создании Единого экономического пространства, предполагающего свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и обеспечивающего согласованную кредитно-расчетную, бюджетную, налоговую, ценовую, таможенную и валютную политику (в марте к этому союзу присоединился Кыргызстан). В сентябре 1995 г. казахстанский лидер совершил визит в Узбекистан с целью обсуждения ситуации в Таджикистане с точки зрения угрозы региональной безопасности. В феврале 1997 г. Казахстан и Узбекистан инициировали новую встречу глав центральноазиатских государств, посвященную аральской проблеме, и приняли Алматинскую декларацию.

В июле 1997 г. состоялся первый официальный визит Президента РУ И.Каримова в Казахстан. Он ознаменовал начало нового этапа в двусторонних отношениях. В ходе визита были подписаны: Декларация о дальнейшем углублении всестороннего сотрудничества и дружественных отношений; Договор о правовой помощи; Протокол о создании совместной межправительственной комиссии по двустороннему сотрудничеству; а также ряд

межправительственных соглашений: О взаимном поощрении и защите инвестиций; О свободной торговле; О сотрудничестве в области охраны промышленной собственности; О сотрудничестве в области электронной и почтовой связи; О сотрудничестве в области железнодорожного транспорта; О сотрудничестве в области охраны окружающей среды и рационального природопользования; Об обмене правовой информацией; Положение о совместной межправительственной комиссии по двустороннему сотрудничеству; Соглашение о сотрудничестве между министерствами юстиции Казахстана и Узбекистана. В это же время была достигнута договоренность о создании Центральноазиатского батальона (Центразбата) совместно с Киргизстаном.

В октябре 1998 г. состоялся очередной официальный визит Н.Назарбаева в Узбекистан, в ходе которого был подписан неординарный документ - Договор о вечной дружбе, который символизировал особые отношения между двумя странами, а также был достигнут ряд соглашений в экономической сфере с перспективой сотрудничества до 2007 г. В течение 1999 г. лидеры РК и РУ контактировали в основном в ходе многосторонних встреч. В конце 1990-х гг. экономическое сотрудничество между двумя государствами начало замедляться, что было следствием увеличивающегося разрыва в проведении у них рыночных реформ. В этой связи в апреле 2000 г. состоялся рабочий визит Президента Н.Назарбаева в Узбекистан, в ходе которого лидеры двух государств проанализировали состояние двусторонних торгово-экономических связей и причины падения товарооборота в предшествующие годы. В 2000-01 гг. все большее место в казахстанско-узбекских отношениях занимают вопросы региональной безопасности.

Если в первой половине 1990-х гг. в казахстанско-узбекских отношениях доминировали проблемы региональной интеграции, то во второй половине 1990-х гг. и вплоть до начала нового столетия основной проблемой становится обеспечение безопасности Центральной Азии, а также урегулирование пограничных вопросов. В 2001 г. РК и РУ подписали Договор о государственной границе. Следует отметить, что у двух государств возникали времена от времени различные точки зрения на те или иные проблемы центральноазиатского региона, региональной безопасности, коллективной безопасности в рамках СНГ, а также международного сотрудничества. В то же время, Казахстан и Узбекистан стремились действовать солидарно и всегда искать компромиссы, что обеспечило достаточно стабильное развитие отношений между ними. Главным фактором двусторонних отношений являлось то, что Казахстан и Узбекистан представляют собой ведущие государства Центральной Азии в плане территории, населения, экономики и природных ресурсов. Огромное значение для стабилизации

казахстанско-узбекских отношений сыграли дипломатический талант и политическое искусство Президента Н.Назарбаева.

Отношения между Казахстаном и Киргизской Республикой активно развивались как на двустороннем уровне, так и в многостороннем формате. РК и КР являются государствами-соучредителями таких организаций как СНГ, ЦАЭС, Таможенный Союз и ЕврАзЭс, ШОС, сообща участвуют в ДКБ, СВМДА, ОЭС, саммитах тюрко-язычных государств. Кыргызстан не только ближайший географический сосед Казахстана, но и один из ближайших экономических и политических партнеров, страна, наиболее близкая по культуре и языку. Политической основой сотрудничества РК и КР является Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в июле 1993 г. В течение всего периода независимости оба государства поддерживали тесные политические контакты и развивали взаимовыгодное экономическое сотрудничество, углубляли региональную интеграцию, выступали за укрепление безопасности в Центральной Азии.

Политической основой сотрудничества РК и КР является Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в июле 1993 г. В течение всего периода независимости оба государства поддерживали тесные политические контакты и развивали взаимовыгодное экономическое сотрудничество, углубляли региональную интеграцию, выступали за укрепление безопасности в Центральной Азии. Лидеры двух государств президенты Н.Назарбаев и А.Акаев встречались, как правило, несколько раз в год в рамках двусторонних и многосторонних саммитов. Прочный фундамент для двустороннего сотрудничества был заложен в первой половине 1990-х гг. С 1993 по 1996 гг. Казахстан и Киргизия подписали свыше 40 соглашений по сотрудничеству в торгово-экономической, финансовой, транспортной сферах. В середине 1990-х гг. объем взаимной торговли превысил 150 млн. долл. и с незначительным сокращением сохранялся до конца 1990-х гг.

Казахстан и Кыргызстан имеют общие внешнеполитические цели и заинтересованы в укреплении стабильности и безопасности в Центральной Азии. Бишкек с первых дней активно поддержал казахстанскую инициативу СВМДА, Алматы поддержал на международной арене идею КР о создании в регионе Зоны, свободной от ядерного оружия. Оба государства активно выступали в рамках ДКБ и ШОС по укреплению региональной безопасности, защите Центральной Азии от международного терроризма и поддержке антитеррористической коалиции. В сложный для Киргизстана период 2005-07 гг. Казахстан и лично Президент Н.Назарбаев немало сделал для стабилизации политической ситуации в этой республике и оказания Бишкеку финансово-экономической помощи.

Отношения между Казахстаном и Таджикистаном закладывались в условиях фактической гражданской войны в Таджикистане в начале 1990-х гг. Обмен нотами об установлении дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Республикой Таджикистан состоялся в январе 1993 г. Фундаментом для двустороннего сотрудничества стал Договор об основах отношений, подписанный в октябре 1993 г. Казахстан всегда активно и энергично выступал за завершение процесса мирного урегулирования в Таджикистане и стал одним из гарантов выполнения соглашения о национальном согласии, подписанном правительством РТ и ОТО в 1997 г. Таджикистан занимает седьмое место среди торговых партнеров РК в СНГ (товарооборот около 40 млн. долл. - на конец 1990-х гг.). Лидеры двух государств встречаются в основном в рамках многосторонних саммитов СНГ, ШОС, ЦАЭС (с 1996 г.), Таможенного Союза/ЕврАзЭс (с 1999 г.). Наиболее важные официальные визиты глав государств состоялись: Э.Рахмонова в РК - в 1995 г.; Н.Назарбаева в РТ – 1997 г. С начала 2000-х гг. наиболее актуальными проблемами двусторонних отношений становятся вопросы обеспечения региональной безопасности, борьбы с международным терроризмом, нелегальным оборотом наркотиков и незаконной иммиграцией.

Обмен нотами об установлении дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Туркменистан состоялся в октябре 1992 г. Отношения между Казахстаном и Туркменистаном носили несколько специфический характер, обусловленный политикой нейтралитета Ашхабада. Большое место в казахстанско-туркменских отношениях занимали такие проблемы как транспортировка туркменского газа через территорию РК и делимитация Каспийского моря. Основой для двусторонних отношений стал Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между РК и Туркменистаном, подписанный в мае 1993 г. в рамках официального визита Н.Назарбаева в Ашхабад. В целом на конец 1990-х гг. Казахстан и Туркменистан подписали 35 договоров и соглашений. Туркменистан является крупнейшим поставщиком газа в РК (80% импорта из Туркменистана). Уровень торгового оборота составлял на конец 1990-х гг. около 50 млн. долл. В ноябре 1996 г. Казахстан принял участие в первом совещании пяти прибрежных государств по вопросу о правовом статусе Каспийского моря в Ашхабаде. В феврале 1997 г. состоялся официальный визит С.Ниязова в Казахстан, в ходе которого были подписаны 17 документов. Наиболее сложным вопросом казахстанско-туркменских отношений являлся вопрос о правовом статусе Каспия и делимитации каспийского шельфа, однако после визита Туркменбashi в РК позиции сторон сблизились. Каспийская проблематика обсуждалась также на Ашхабадском саммите пяти цент-

ральноазиатских государств в январе 1998 г. Помимо каспийских саммитов Казахстан и Туркменистан сотрудничают в рамках СНГ, ОЭС и встреч глав тюрко-язычных государств.

Феномен Астаны

Сейчас столица Казахстана именуется Астана. Это буквальный перевод с казахского языка слова «столица».* В 1994 году парламент Казахстана (тогда он еще назывался в советском стиле – Верховный Совет) проголосовал за перенос столицы молодого независимого государства из Алматы в другой город - Акмолу. В 1997 году начался переезд министерств.

Этот город был основан русской армией в 1830 г. как крепость. Место для военного укрепления было выбрано, исходя из его стратегического положения: оно позволяло контролировать основные транспортные и коммуникационные линии в регионе как в сухопутном, так и речном плане. Всеобщее внимание этот город привлек во время знаменитой кампании по освоению Целины. Центром нового огромного региона, сориентированного прежде всего на производство в гигантских количествах пшеницы, стал этот город, переименованный в 1961 г. в Целиноград.

В свое время возникало много догадок, почему Нурсултан Назарбаев решился на перенос столицы из прекрасного и теплого южного города Алма-Аты в суровый северный край. Назовем несколько основных версий. Первая – сейсмическая, или с вариациями – экологически-сейсмическая. Согласно этому объяснению, Алма-Ата расположена в сейсмически опасной зоне (что является чистой правдой), поэтому выполнение ею столичных функций в случае серьезного землетрясения ставится под вопрос. С экологической интерпретацией она звучит так: Алма-Ата перегружена, нечем дышать, экология приближается к критической черте (что также, к сожалению, недалеко от истины).

Вторая версия – «китайская». В начале 1990-х годов существовало много опасений, что Китай вот-вот поглотит «беззащитный Казахстан» (горячие головы даже призывали не отдавать России ядерное оружие). И перенос столицы далеко на север должен был якобы укрепить безопасность молодого государства. Третья версия – «русская» также носит конспирологический характер и является точной противоположностью

---

* В связи с этим в сложное положение попали те, кто постоянно оперирует казахским языком. Чтобы выразить значение «столица» (в отношении, например, других государств) им приходится использовать различные новообразования и эвфемизмы с заимствованиями из других восточных языков – классических или древнетюркских: «баскент», «баскала» - т.е. «главный город».

«китайской» и также связана с безопасностью. Согласно этой точке зрения, испытывая давление со стороны местного русского населения, стремившегося якобы воссоединиться с исторической родиной, Казахстан решился на перенос столицы в населенный преимущественно русскоязычным населением регион с целью усиления здесь контроля со стороны нового казахского руководства и последующей «казахизации» северных областей.

Четвертая версия «экономическая». Она подразумевает исключительно экономические и административные мотивы переноса. Астана расположена в центре страны, поэтому из этой точки существенно облегчается управление республикой в целом и отдельными регионами. Кроме того, развитие Астаны подтолкнет экономический рост как в новой столице, так и в соседних областях, укрепит экономические и транспортные связи между всеми административными и экономическими районами Казахстана. Собственного говоря, именно так и произошло. И наконец, пятая – «внутренняя» версия носила исключительно внутриполитический характер. Как считали некоторые, президент молодого государства решил оторваться от влияния традиционных кланов, происходивших в основном с юга республики, и создать освободить себе руки во внутренней политике, объединить интересы всех региональных групп на основе нового консенсуса и начать строительство нового Казахстана так сказать с нуля.

Все эти версии не выдерживают критики, если брать за основу каждую по отдельности, но вместе они дают ответ на этот вопрос. Перенос столицы был прежде всего шагом в сторону создания и закрепления новой национальной идентичности, и ничем иным. Астана должна была символизировать создание нового Казахстана, который был бы почти не связан с советским прошлым. Как показывает история, Казахстан не был первым в своем выборе. Когда-то столицы перенесли такие страны как Китай и Япония в Азии, Испания и Россия в Европе, а в недавнем прошлом – Бразилия и Малайзия. Причины и результаты этих политических жестов были разными в каждом отдельном случае, но главной причиной было утвердить новую политическую реальность в виде нового режима, новой идентичности.

Если бы столица оставалась в Алматы, то во многом, скорее всего, имело бы место продолжение прежних традиций, сохранявшихся прежней элитой, базировавшейся на юге и мыслявшей советскими стереотипами. Но перенос столицы дал удивительный результат, на который, по-видимому, и рассчитывал автор этого проекта. Астана стала центром формирования новой казахстанской идентичности – надказахской, надсоветской, надрусской, надрегиональной и надклановой.

С начала XXI века новая столица Казахстана стала стремительно расти и застраиваться. Уже в 2005 году президент Казахстана Н.Назарбаев смог с гордостью показать российскому лидеру В.Путину фактически уже абсолютно новый город. Темпы строительства поражают воображение. Очевидцы и иностранные наблюдатели единодушно утверждают, что новая столица обновляется каждые полгода. По-видимому, такие темпы сохраняются как минимум до 2010 года. Но уже сегодня очевидно, что Астана в основном свою роль по формированию новой идентичности Казахстана выполнила. Это понимают и зарубежные партнеры Казахстана. Уже почти все посольства сменили место своей дислокации из Алматы на Астану.

Конечно, скрытое соперничество между обеими столицами сохраняется, но уже теряет свою силу. Это происходит во многом благодаря тому, что бывшие алмаатинцы привыкли к жизни в новой столице. Дети бывших алмаатинцев не помнят Алматы и считают себя астанчанами. Поменялся привычный образ жизни, прежние представления и привычки. Не вызывает сомнений, что в будущем Астана сыграет заметную роль в судьбе Казахстана, и фактически этот процесс уже начался. По крайней мере, уже никто не может отрицать ее роль в создании новой идентичности Казахстана и отрыве от советского прошлого, символом которой (возможно, незаслуженно) некоторые считали некогда блестательную Алма-Ату.

И так, выбрав для себя новую столицу, Казахстан вступил в неизвестное, но манящее будущее.

Итоги модернизации

Сегодня Казахстан пытается решить сразу несколько задач: модернизироваться – технически, идеологически и морально, построить национальное государство и встроиться в глобализацию. Эти цели тесно связаны между собой и порой противоречат друг другу.

В последнее время Казахстан считается экономически самым успешным государством СНГ. Процесс экономических преобразований в Казахстане – наглядный пример тех трудностей, которые приходится преодолевать на пути к рыночной экономике даже самому богатому ресурсами новому независимому государству. Руководство страны получило в наследство ситуацию, дававшую реальные основания для оптимизма. Экономика носила диверсифицированный характер, а достаточно развитые обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство открывали возможность для плавного перехода к независимости за счет удовлетворения материальных запросов населения в той степени, которая позволяла сохранить политическую стабильность.

Однако, экономика республики проделала длинный путь, характеризовавшийся драматическим падением производства и высоким уровнем инфляции в начале и стабилизацией экономики, небольшим экономическим ростом и снижением инфляции в конце 1990-х гг. Казахстан к концу 1990-х гг. прошел фазу макроэкономической стабилизации, создания финансовой системы и приватизации в основных секторах экономики. С этого времени и до настоящего времени экономика Казахстана находится в стадии подъема.

Экономические реформы, проводившиеся под руководством Президента Нурсултана Назарбаева, привели к серьезным социально-политическим изменениям. В казахстанском бизнесе появились молодые предприниматели, учившиеся в знаменитых московских институтах или получившие учченую степень по экономическим, финансовым или инженерным наукам в англоязычном зарубежье. Многие из них в начале 1990-х годов стали владельцами малых или средних предприятий или банков. Они научились мышлению в категориях либеральной рыночной экономики и были готовы и способны вести хозяйство без государственных субсидий. Эти представители молодого поколения получили лучшее образование, установили международные контакты и не были обременены идеологическим балластом советского периода.

В Казахстане, как и в других либеральных странах, существует политическая оппозиция, что никто не отрицает. Во многом появление оппозиции стало результатом проведенных экономических реформ. В этой связи следует также сказать о политическом pragmatizme правящей элиты Казахстана, которая кооптирует своих соперников не в интересах сохранения монополии на власть, а для того, чтобы связать основные политические силы во избежание внутренних конфликтов. Оппозиция, со своей стороны, подчиняется принципам лояльности и корпоративности, если она хочет участвовать в политическом процессе. Правительство подхватило и отчасти даже осуществило одно из центральных требований оппозиции, а именно реформу избирательного закона, но в то же время оно обеспечило включение механизмов, стабилизирующих процесс смены власти.

В Казахстане есть и другие проблемы. Так, на региональном уровне в Казахстане существуют значительные диспропорции с точки зрения численности населения, его структуры и развития. Региональные различия в климатически-географическом отношении, с точки зрения демографической динамики и социально-экономических условий привели к очень неравномерному распределению и плотности населения Казахстана. В Казахстане существуют большие социально-экономические различия между

областями. На одной стороне стоят области с преимущественно сельским населением и в основном сельскохозяйственной и старой индустриальной структурой. На другой стороне находятся области с высокой долей городского населения, с минеральными и сырьевыми месторождениями и конкурентно способной индустрией.

Перенос в 1997 г. столицы из Алма-Аты в Акмолу, расположенную в центральной части страны, увеличил пределы досягаемости центрального правительства и облегчил ему задачу повседневного контроля за происходящим в северных и западных областях. В перспективе правительство Казахстана стремится сформировать более однородные и управляемые области за счет объединения малонаселенных территорий.

Так что же представляет собой современный Казахстан? Это страна, успешно избавляющаяся от негативных элементов советского наследия, строящая открытое и демократическое общество, светское и либеральное по своему духу. В настоящее время Казахстан уже выходит из транзитной фазы, причем экономические реформы опережают политические. Сталкиваясь со многими проблемами и трудностями, Казахстан и его политическая элита научились их решать, и это следует признать главным достижением постсоветской эпохи.

С политической, юридической и психологической точек зрения Казахстан представляет собой многообразное общество, что является наследием советской эпохи. Следующей неизбежной задачей, стоящей перед новым казахстанским политическим классом, является консолидация общества.

Свой вклад в унификацию страны вносит и языковая ситуация. Фактически лингвистическая гомогенность казахского языка и отсутствие диалектов являются позитивными факторами в консолидации казахов. Русский язык как средство коммуникации всех этносов также вносит свой скрепляющий вклад. Но в последние годы в Казахстане появился третий *lingua franca* – язык межнациональной коммуникации, английский, владение которым активно поощряется властями. Языковая проблема тесно связана с процессом аккультизации, который способствовал ранее и способствует сейчас культурному сближению двух основных этносов – казахов и русских, заимствованию ими друг у друга различных элементов быта, поведения и культурных стереотипов.

Единственным выходом в плане укрепления унитарности Казахстана и сохранения его политической стабильности стала комбинация модели унитарного государства с сильной президентской властью. История казахской степи полна примеров, когда внешняя угроза сплачивала нацию и вела к национальному и государственному единству. Подобная ситуация существует и сейчас. Политическая элита сплочена общими интересами

сохранить государственный суверенитет и территориальную целостность страны. Казахстанские политики действуют очень pragматично и избегают любой идеологической конфронтации.

В политике Казахстана явственно выделяются следующие приоритеты: создание эффективного государства, способного выжить в условиях глобализации международных отношений, экономически лидирующего в регионе в качестве «снежного барса» и остающегося верным своему евразийскому окружению.

Как считают многие эксперты, Казахстану помогло выжить и сложиться как самостоятельному государству принятая в самом начале его развития концепция европейской государственности (с юридической, политической и культурно-цивилизационной точек зрения). Этот выбор позволил относительно безболезненно избежнуть фазы этно-националистических амбиций и межэтнических конфликтов. С политической, юридической и психологической точек зрения Казахстан представляет собой многообразное общество, что является наследием советской эпохи. Следующей неизбежной задачей, стоящей перед новым казахстанским политическим классом, является консолидация общества.

Что будет дальше с Казахстаном? Несмотря на позитивный психологический настрой молодой казахстанской нации и ее успехи в строительстве новой государственности и успешной экономики, многие вещи внушают тревогу. Казахстан никуда не улетел с земли и по-прежнему расположен в центре Евразии, окруженный непростыми соседями, среди которых некоторые – настоящие гиганты. В качестве страны среднего масштаба, Казахстан вынужден реагировать на любые, даже самые малозаметные движения этих соседей. Средством достижения поставленных целей является постепенная социальная профессионализация общества. В этой сфере молодое поколение Казахстана демонстрирует удачную способность к адаптации современных политических и технологических инноваций.

Несмотря на тесные связи с Западом, Казахстан не смог окончательно порвать нить, связывающую его с восточным, в том числе мусульманским миром. Кроме того, в обществе еще окончательно не исчезли химеры коммунизма. Носители ностальгических идей с надеждой поглядывают на север. В то же время, как отмечала К.Пужоль, переживший в свое время целую серию культурных шоков, Казахстан на сегодня представляет собой удачный синтез между азиатским Востоком и европейским Западом. Казахстан располагает всем, чтобы стать процветающим демократическим государством: этническим многообразием, обширной территорией, разно-плановой экономикой и хорошо образованным населением.

Тем не менее, есть в Казахстане нечто такое, что позволяет не терять оптимизм. В стране становится все больше молодых людей, которые с искренней верой смотрят в будущее, строят его и сами его представляют в настоящем. Они достаточно оптимистичны и в то же время не настолько наивны, чтобы не понимать, что будущее Казахстана целиком зависит от них, их воли, профессионализма и упорства в достижении поставленных целей.

Таким образом, настойчивая политика руководства Казахстана на протяжении почти двух десятилетий привела к формированию нового государства, новой нации. Эта нация уже принята внешним миром и признана им в качестве равноправного партнера.

Заключение

К концу первого десятилетия XXI века геополитическая ситуация вокруг региона Центральной Азии не оставалась статичной. Произошло немало изменений, хотя не всегда они лежали на поверхности. В первую очередь Центральная Азия подвергалась влиянию геоэкономических факторов, среди которых: мировой финансовый кризис (кризис ликвидности и неплатежей, ухудшение положения и нестабильность на международных финансовых рынках), рост цен на базовые товары (энергоносители, продовольствие), экономический рост в таких странах как Россия, Китай и Индия, возрастаение актуальности проблемы обеспечения энергетической безопасности и ряд других.

В период 2006-08 гг. в геополитической обстановке вокруг Центральной Азии произошли некоторые изменения, порой весьма существенные. Имели место смещение акцентов в политике тех или иных великих держав, а также изменение формата сотрудничества. В качестве новых явлений следует назвать, безусловно в первую очередь, рост влияния энергетического фактора. Особенно ярко он выразился в разработке стратегии Европейского Союза.

Другим важным событием геополитического характера стало бросающее в глаза ухудшение отношений между Россией и Западом, особенно после августа 2008 г. И еще об одном нельзя не упомянуть: Китай в этот период снизил внешнеполитическую активность в регионе. Причиной этого поворота мог быть только пересмотр акцентов в КНР и смена приоритетов от международных к внутренним проблемам, которые действительно приняли серьезный характер. Это все не могло не повлиять на положение в Центральной Азии.

На ситуацию вокруг региона влияли внутри-региональные и внутринациональные процессы. К числу последних следует отнести внутриполитический кризис в Киргизстане, принявший в это время перманентный характер. Однако с начала года наметились признаки политической стабилизации, весьма слабые, но охотно поддержанные внешними игроками и соседями Киргизстана. Узбекистан демонстрировал упорное стремление сохранить внутреннюю стабильность, даже за счет снижения внешнеполитической и внешнеэкономической активности. Его отношения с внешним геополитическим окружением носили в большей степени латентный характер.

За последние годы наблюдатели отмечали активизацию внешней политики РК и рост международного влияния Казахстана практически на всех направлениях. Астана фактически определяла дух и повестку дня своих

отношений с Западом в сфере энергетического сотрудничества, на равных сотрудничала с Москвой и оказывала существенную помощь соседям и Афганистану. Отношения РК с США также носили ровный характер, а с Евросоюзом – поступательный.

В этот период происходило укрепление Таджикистана – его стабильности, экономики, международных связей и безопасности. Наряду с процессами в Узбекистане все вносило позитивный вклад в укрепление стабильности в регионе. И наконец, с конца 2006 г. Туркменистан привлекает всеобщее внимание вследствие смены власти в Ашхабаде. Все ждали глубоких изменений в политике Туркмении как внутри страны, так и на международной арене. Эти изменения обозначились, но не так быстро, как ожидалось. Тем не менее, во внешней политике Ашхабад уже продемонстрировал, что меняет некоторые прежние приоритеты. Его решения в энергетической сфере уже оказали влияние на геоэкономическую ситуацию вокруг Центральной Азии.

К концу правления второй администрации Дж.Буша Вашингтон заметно снизил свою активность в регионе, особенно в части оказания влияния на внутриполитические процессы в тех или иных государствах. По-видимому, причиной были проблемы Соединенных Штатов в других регионах мира, а также изменение внутриполитического баланса сил. И напротив, Европейский Союз, демонстрировавший в последние годы стратегическую пассивность в Центральной Азии, в последний год резко интенсифицировал свои отношения на восточном направлении. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, на стратегию ЕС в ЦА оказала влияние выработка общей «политики соседства» Евросоюза. Сыграл свою роль и такой субъективный фактор как председательство Германии в ЕС. Берлин всегда более чувствительно относился к своей «остполитике», чем другие великие державы Европы. Именно ФРГ была в первом ряду, когда требовалось сформулировать общие стратегические и геополитические интересы ЕС в Центральной Азии и в целом СНГ. Поэтому именно Германия и приняла основную роль по разработке обновленной стратегии Евросоюза в Центральной Азии, которая была обнародована в конце июня 2007 г. Доминирующим элементом в новой стратегии была не энергетическая безопасность ЕС, а прежние приоритеты в лице акцентированной поддержки демократии и прав человека уступили место взвешенному подходу и уважению национального суверенитета стран региона.

Среди новых элементов стратегического характера следует назвать интерес Запада (в основном США) к военной проблематике на Каспии. Неожиданный интерес к ШОС проявили в Японии и Европе. Среди стратегических кругов этих стран слышались призывы более активно

присутствовать в зоне ШОС, чтобы не пропустить момент, когда организация установит geopolитическое доминирование в Центральной Евразии. Японские и европейские аналитики для начала предлагают, чтобы Токио и Брюссель заняли место наблюдателей в ШОС. По-прежнему сохранял свою актуальность вопрос об установлении сотрудничества между НАТО, ОДКБ и ШОС. Однако Вашингтон упорно игнорировал эту назревшую реальность, исходя из своего видения стратегической безопасности и стабильности в регионе.

И еще один фактор – российский – оказывал существенное, хотя порой и скрытое влияние на geopolитическую обстановку вокруг региона. Фактически, невозможно рассматривать весь спектр отношений – транспортный, экономический, энергетический, гуманитарный – между ЕС и Центральной Азией, игнорируя Россию. Зримое и незримое присутствие России в регионе и вектор ее отношений с Европой ставили на повестку дня создание энергетического альянса Москвы с другими крупными производителями (и транзитными странами) углеводородов.

Ухудшение отношений между Россией и Западом стало в 2007 г. свершившимся фактом. Данное обстоятельство являлось долговременным фактором и является многоплановым по своему характеру и будущим последствиям. Оно затрагивает отношения по следующим направлениям: Россия-США, РФ-ЕС, РФ-НАТО, РФ-ОБСЕ. Ухудшение отношений коснулось таких сфер взаимодействия как экономика и энергетика, военно-стратегическая стабильность, борьба с международным терроризмом, а также различные области geopolитического и геоэкономического взаимодействия России и Запада в Азии, Латинской Америке, на Балканах, в Африке и на Ближнем Востоке, и главное – на территории СНГ.

Запад расценил в качестве одного из первых сигналов наступающего ухудшения своих отношений с Россией укрепление такого регионального института как ШОС, который открыто поставил в 2005 г. вопрос о временных рамках присутствия военных баз США в Центральной Азии. С 2006 г (речь Р.Чейни в Литве) Вашингтон позволяет себе открыто критиковать Москву.

Энергетические кризисы 2005-07 гг. между Россией, с одной стороны, и Украиной и Белоруссией – с другой, привели к ухудшению имиджа России в Европе. С этого момента Брюссель превращает проблему энергетической безопасности ЕС в инструмент давления на Кремль. В 2007 г. еще одной конфликтной точкой стала проблема статуса Косово. Чрезвычайно ухудшились отношения между Россией и странами т.н. «новой Европы» (Центральной и Восточной Европы и Прибалтики), которые открыто препятствовали налаживанию конструктивных отношений России с Ев-

росоюзом и заключению нового Соглашения (договора) о партнерстве и сотрудничестве. Москва была недовольна также позицией западноевропейских государств в отношении антироссийских провокаций со стороны этих государств ЦВЕ.

Со своей стороны, Россия была возмущена планами Соединенных Штатов разместить в странах ЦВЕ – Польше и Чехии элементы системы Противоракетной обороны (ПРО). Другой проблемой военно-стратегического характера являлось недовольство России состоянием и условиями Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Открытым вызовом Вашингтону со стороны Москвы стала Мюнхенская речь российского президента В.Путина в феврале 2007 г., в которой он открыто выразил несогласие России с существующей геополитической системой международных отношений, построенной на доминировании и гегемонии «одной сверхдержавы». И наконец, полем столкновений и открытой геополитической и геоэкономической конкуренции стали проекты по прокладке новых маршрутов трубопроводов, в т.ч. из Центральной Азии и Каспийского региона. Концепция ЕС (поддерживаемая Соединенными Штатами) о «диверсификации энергетических поставок» на свои рынки носит открытый антироссийский характер. В то же время Россия и Запад демонстрировали солидарность по некоторым международным проблемам (в частности, по проблеме иранской ядерной программы, ситуации на Ближнем Востоке), но этот консенсус являлся чрезвычайно хрупким.

Отношения России и Соединенных Штатов по всему периметру двусторонних отношений претерпели существенную эволюцию. По-видимому, к 2006 г. и в Вашингтоне, и в Москве начали понимать, что старая повестка дня в их отношениях исчерпана. С определенного времени США начали рассматривать вопрос о Каспийском море уже под военно-стратегическим углом зрения. Другой важный момент состоял в том, что на Каспии сегодня происходит совпадение интересов США и Евросоюза, одинаково заинтересованных в скорейшем формировании альтернативных от России и Ирана источников энергоснабжения.

В апреле 2007 г. администрация Джорджа Буша обнародовала «Стратегический план» по внешней политике на ближайшие пять лет (под названием «Меняющаяся дипломатия»). Налицо было стремление Вашингтона продолжать вмешательство во внутренние дела России и других стран СНГ. В 2007 г. т.н. «Восточная политика ЕС» вступила в новую фазу. Это событие совпало с разработкой Евросоюзом нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией, новой стратегии в отношении Центральной Азии и ростом обеспокоенности Европы проблемой энергетической безопасности. ЕС выступал с начала нового столетия за плуралитический миропорядок,

в котором США были бы уравновешены региональными великими державами – странами Европы, Россией, Японией, Индией и Китаем. В целом новая стратегия ЕС в контексте европейской энергетической и региональной политики (Кавказ и Центральная Азия) не могла не затрагивать интересы России, причем в этой области сохраняется существенный конфликтный потенциал.

В это время обстоятельства сложились таким образом, что экономические, стратегические и военно-политические интересы Китая в Центральной Азии переплелись настолько тесно, что Пекин волей-неволей должен от экономической стратегии переходить к более широкому – стратегическому видению своего места и роли в ШОС. Основной акцент китайская сторона делала именно на разработке экономической стратегии. Именно в этом китайский партнер видел третий этап эволюции ШОС: от решений пограничных вопросов и акцента на проблемах безопасности к созданию единого экономического пространства. Но было очевидно нежелание Запада сотрудничать с ОДКБ и ШОС, который рассматривает их в качестве инструмента геополитического влияния России и Китая.

Драматические события, связанные с неожиданной для многих кончиной лидера Туркменистана С.Ниязова и приходом к власти его преемника Г.Бердымухамедова, активизировали закулисную борьбу вокруг Ашхабада. Резко возросло внимание к Ашхабаду со стороны Запада. Анонсирование Ашхабадом планов по диверсификации происходили на фоне заключенного с Россией и Казахстаном соглашения о строительстве Прикаспийского газопровода. Узбекистан по-прежнему находился в сложном положении, в которое он попал после кризиса своих отношений с Западом, хотя уровень давления на Ташкент постепенно снижался. В 2008 г. появились сигналы о том, что стороны готовы частично восстановить прежний уровень партнерства. Однако (помимо фактора личности И.Каримова) существовали обязательства, взятые Ташкентом перед Москвой и Пекином, которые рассматриваются ими однозначно в качестве гарантий международной поддержки ими Узбекистана. Узбекистан в лице России получил влиятельного защитника на международной арене, а Россия с его помощью подтвердила свой статус региональной державы в Центральной Азии.

России удалось без особых затрат (и во многом благодаря поддержке Казахстана) сохранить Киргизстан в своей орбите после бурных событий марта 2005 г. и во время политической неопределенности 2005-06 гг. За последние годы внешнеполитические позиции Таджикистана определились. Душанбе не решился окончательно порвать с Россией, к чему его настойчиво подталкивал Запад после начала широкомасштабного сотрудничества в 2002-03 гг. Однако, угроза российским позициям в этой

республике стала больше исходить не от Запада, а от ближайшего стратегического партнера РФ – Китая.

По многим объективным и субъективным причинам Россия и Казахстан остаются чрезвычайно «взаимоувязанными» государствами. Для РК российская территория – главное транзитное пространство, российский внутренний рынок – основной потребитель казахстанской продукции, РФ – ведущий экономический партнер. Для Москвы же Астана является не только одним из ведущих экономических партнеров на постсоветском пространстве, местом нахождения ключевых военно-космических структур РФ, но и геостратегической зоной, ограждающей Россию от угроз с юга.

Таким образом, ситуация в Центральной Азии за последние годы развивалась относительно стабильно. Отшла угроза «цветной революции» в Узбекистане и Казахстане. Удалось сохранить в орбите России и СНГ Киргизию и Таджикистан. Туркменистан (вплоть до кончины С.Ниязова) добросовестно выполнял свои обязательства перед Газпромом. Россия продолжала практически монопольно доминировать в сфере транспортировки углеводородов из региона. Центральная Азия как будто подтверждает правильность выбранной В.Путиным стратегии по превращению России в «энергетическую сверхдержаву», а страны ЕврАзЭС – в подобие клуба энергетических производителей и транспортеров во главе с Москвой.

Однако, в этой области, где позиции России были чрезвычайно сильны, крылись зерна будущих конфликтов. Туркменистан, Казахстан и Узбекистан не стали отказываться от возможности получить альтернативные пути прокладки новых газопроводов в обход российской территории. Это требование времени было понято и правильно расшифровано на Западе, который в это время резко интенсифицировал свои контакты со странами Каспийско-Центральноазиатского региона именно в сфере транспортировки углеводородов и строительства трубопроводов. При этом на Западе вполне отдавали себе отчет, насколько резкой может быть реакция России, рассматривающей эту область своей естественной монополией.

Эта стратегия диктовалась стремлением обезопасить Европу от чрезмерной энергетической зависимости от России путем диверсификации источников и попутно расширить сферу влияния Запада через новые крупные проекты. В конечном итоге достигалась бы главная цель Запада – сорвать реализацию «доктрины Путина» по реинтеграции постсоветского пространства.

На этом фоне список основных геополитических акторов оставался тем же, хотя их конфигурация и активность поменялись. Это Запад (в лице США, Евросоюза и Японии), Россия, Китай, исламский мир. Индия все увереннее заявляла о своей заинтересованности в участии в делах региона.

При этом Запад в лице США и ЕС начинает менять свою стратегию в Центральной Азии. Главный мотор этих изменений – энергетический фактор, а точнее – рост цен на углеводороды, их растущий дефицит и нарастание конкуренции за контроль над ресурсами и маршрутами их транспортировки. В этой связи Центральная Азия и Каспийский регион включаются в разработанную Западом систему т.н. диверсификации энергопоставок. Япония все больше проявляет интерес к урановой промышленности Казахстана и других республик Центральной Азии.

Очевидно, что усиливается роль НАТО в обеспечении Центральной Азии. Знаковым событием стал саммит альянса в Бухаресте, который ясно продемонстрировал значение Евразии для стратегической активности Северо-Атлантического альянса, несмотря на временный неуспех Грузии и Украины в деле вступления в организацию. Прошедший в апреле 2008 г. саммит НАТО в Бухаресте с участием стран-членов СЕАП убедительно показал, насколько атлантическая безопасность связана с евразийской. И хотя приема Грузии и Украины в очередь на вступление в альянс не произошло, тем не менее, эти события продемонстрировали, насколько НАТО оказывает сильное влияние на систему безопасности в Центральной Евразии. С учетом фактора Афганистана это влияние приобретает критический характер, особенно для Центральной Азии. Это неуклонное проникновение западных структур безопасности в глубь континента рано или поздно поставило бы вопрос о взаимодействии между Северо-Атлантическим альянсом и другими региональными структурами – ОДКБ и ШОС.

Западным стратегам непонятно, чем все-таки является ШОС – экономическим союзом, военно-политическим блоком или чем-то иным. Неясно также, насколько реальны цели ШОС в плане взаимодействия ее участников. В целом опасения Запада выглядели следующим образом: в какой степени страны ЦА независимы в своей позиции и своем поведении при принятии решений на уровне ШОС? В последнее время с Запада стали поступать сигналы, указывающие на то, что там понимают, что ШОС – это все-таки не анти-НАТО. Такой ход мыслей западных политиков объясняется не только их обеспокоенностью судьбой центральноазиатских государств, но и пониманием, что сами эти страны, участвуя и взаимодействуя в рамках ШОС, не заинтересованы в чрезмерном доминировании РФ и КНР и не согласятся с потерей даже части своего суверенитета. В качестве альтернативы они всегда могут опереться на Запад и его институты. Вашингтон прежде всего хотел бы, чтобы ШОС не носила антиамериканский характер. В Вашингтоне давно подметили, что каждая страна – участница ШОС на двустороннем уровне старается проводить в отношении Америки вполне сбалансированную и дружественную, по крайней мере, невраждебную политику.

По-прежнему сильным остается влияние американского фактора. Кризис 2007–2008 годов начался с рынка ипотечного кредитования США и распространился на глобальную банковскую и финансовую систему. Спад в американской экономике стал его непосредственным результатом, а зона евро ощутила последствия к концу 2007-го. Обесценение главной валюты мира оказала сильнейшее воздействие на глобальную экономику. Ценность долларовых сбережений неуклонно снижалась. То же происходило с экспортной выручкой после ее конвертирования в национальные валюты. Под угрозой оказались трансграничные инвестиционные проекты.

Таким образом, США все более теряли способность «управлять долларом», в частности поддерживать низкий уровень инфляции, не прибегая к повышению процентных ставок. Последнее обеспечивает дальнейший приток капитала, но мешает экономическому росту. Для мирового финансового порядка это означает, что американский доллар рискует утратить роль ключевой валюты.

Какую политику администрация Б.Обамы будет проводить в отношении Центральной Азии? Здесь возможны только два варианта. Первый путь заключается в том, что Белый дом будет вынужден проводить (исходя из экономических и энергетических интересов, а также проблем безопасности) реалистичную и прагматическую политику. Этот вариант откроет путь для широкомасштабного и честного сотрудничества. Второй вариант подразумевает, что Вашингтон по каким-либо причинам (провалы во внешней политике, ухудшение российско-американских отношений и т.д.) выберет вариант силового давления на государства Центральной Азии, конфронтации с Россией и ее вытеснения из региона.

Если Б.Обама в Афганистане возьмет курс, как он обещал во время предвыборной кампании, на усиление военно-стратегической активности США и их союзников, это автоматически повысит геополитическую и стратегическую ценность стран Центральной Азии для Вашингтона и всей антитеррористической коалиции. Этот фактор открывает также возможности для налаживания полноценного сотрудничества США с Россией в сфере безопасности.

Если демократическая администрация вернется к своей традиционной риторике, построенной на двойных стандартах в области демократии и прав человека, то в этом случае отношения Казахстана и других стран Центральной Азии с Вашингтоном будут складываться непросто. Многое также будет зависеть от характера от российско-американских отношений, продолжения политики расширения НАТО за счет постсоветского пространства и ряда других стратегических факторов.

Но следует отметить, что Соединенные Штаты рассматривают ситуацию в регионе во многом через призму своего присутствия в Афганистане и соответственно должны строить свою политику. Но у Вашингтона некоторые процессы, происходящие вокруг ШОС, вызывают неприкрытое беспокойство. В первую очередь речь идет о попытках Ирана заменить свой сегодняшний статус наблюдателя на статус полноправного члена организации. Негативную реакцию вызывают на Западе попытки представить ШОС как некий «энергетический клуб», которые оцениваются как действия, нацеленные на превращение организации в картельное объединение. В восприятии американских стратегов появились новые нюансы. К ним относятся опасения по поводу растущего влияния Китая – как в регионе в целом, так и в Казахстане в частности.

Афганистан по-прежнему остается одним из важнейших факторов военно-политической безопасности Центральной Азии. Некоторые периоды военно-политической стабилизации регулярно сменяются вспышками боевых действий. Эта страна остается основным производителем тяжелых наркотиков в мире, которые в значительной мере транспортируются через территории центральноазиатских государств. Политическая нестабильность и слабость режима Х. Карзая приняла перманентный характер. В этих условиях Кабул взял курс на многократное и резкое расширение своих вооруженных сил с целью превращения армии в государство-образующий элемент афганского общества. Однако создание крупных вооруженных сил в Афганистане в перспективе может угрожать безопасности стран Центральной Азии в условиях нехватки ресурсов в этой стране, в т.ч. гидро- и энергоресурсов.

Важно отметить, что интересы основных мировых игроков (США, Россия, Китай), во многом противоречащие на глобальном уровне, полностью совпадают в Афганистане и заключаются в том, чтобы любой ценой обеспечить там стабильность. Интересы РК и стран ЦА состоят в том, чтобы военное присутствие сил НАТО в Афганистане продолжалось достаточно долго с целью стабилизации здесь обстановки. Однако в перспективе Запад рано или поздно поставит вопрос о расширении участия государств ЦА в реконструкции Афганистана. Это поставит страны региона перед сложным политическим и экономическим выбором.

Американское аналитическое сообщество считает, что наступило время, когда государства Центральной Азии и их элиты должны сами формулировать свои национальные интересы, выдвигать инициативы в области региональной интеграции, и в целом – активнее отстаивать свой суверенитет и свои амбиции на международной арене, прежде всего это касается их отношений с Россией и Китаем. На этом направлении они гарантированно получат поддержку и помошь Соединенных Штатов.

Позиция Евросоюза в отношении Центральной Азии и взаимодействия с региональными структурами, в т.ч. ШОС претерпела за последнее время радикальные изменения. Цели ЕС в регионе состоят в том, чтобы всячески содействовать региональному сотрудничеству как между государствами самой Центральной Азии, так и между этими государствами и ЕС, особенно в сфере энергообеспечения, транспорта, высшего образования и защиты окружающей среды.

Важное место в geopolитической игре вокруг ЦА по-прежнему играли различные геоэкономические проекты, связанные, как правило, с транспортировкой ресурсов. Для американских стратегов не вызывает сомнений, что Америка несет ответственность и должна принять участие в создании евразийской системы транспортных коридоров.

Политику России в настоящий период сложно было анализировать вследствие политического двоевластия – т.н. «тандемократии». Хотя надо заметить, что Д.Медведев отчетливо продемонстрировал, что основой его политики в отношении Казахстана и Центральной Азии является преемственность. Можно констатировать, что курс В.Путина на международной арене и в Центральной Азии в частности продолжается его преемником. Данный курс включает в себя такие существенные элементы как балансирование с Западом на грани нового издания холодной войны (в первую очередь по проблемам Косово, ПРО и непризнанных государств), острую конкуренцию вокруг транспортно-трубопроводных проектов, ожесточенное сопротивление процессу расширения НАТО. Усилия России по интеграции при существующей структуре торговли с другими странами – республиками бывшего СССР сопровождаются выходом на передний план энергетического сектора. Превращению его в двигатель межгосударственной кооперации препятствуют несколько барьеров.

Москва, по-видимому, к этому времени оставила всякие попытки реинтегрировать постсоветское пространство на основе универсальных принципов, справедливо полагая такую задачу беспersпективной. Однако параллельно с линией на укрепление двустороннего сотрудничества Россия предпринимала определенные шаги, направленные на объединение коллективных усилий для решения конкретных злободневных задач. Повестка дня отношений между РФ и странами ЦА состоит из трех основных пунктов: т.н. «мягкая сила» (культурное влияние и языковое присутствие), проблема русской и русскоязычной diáspоры, вопросы миграции. В целом, все группировки, течения и круги российской политической элиты, несмотря на идеологические различия, склонны рассматривать присутствие (доминирование) России в Центральной Азии как благо и необходимость, причем каждая политическая сила оперирует своими аргументами в пользу

этого вывода. В Центральной Азии активность России сконцентрирована в первую очередь на Казахстане. Это ярко выяснил первый зарубежный визит Д.Медведева на посту президента РФ в Астану в мае 2008 г.

После 2008 г. политика России в Центральной Азии входит в новый этап своего развития. Это подтверждается как трансформацией ситуации в регионе, так и изменениями в международном положении РФ. Россия находится на стадии активной перестройки прежней и, вероятно, формирования новой стратегии в Центральной Азии. Целями этой стратегии является сохранение влияния и защита интересов РФ в этом регионе. Полная интеграция со странами региона передвигается на среднесрочную и даже – долгосрочную перспективу. В настоящее время актуальными для Москвы остаются задачи не допустить усиления в регионе позиций своих геополитических конкурентов.

Международная политика Москвы будет, безусловно, определяться расстановкой сил в сфере безопасности. Протяженность территории предопределяет присутствие России одновременно на нескольких региональных сценах в Европе и Азии, и эту ситуацию она при всем желании не сможет изменить. Отсюда и обширная дипломатическая активность как на мировом (с использованием международных институтов, и прежде всего статуса постоянного члена СБ ООН), региональном (посредством таких форумов, как Шанхайская организация сотрудничества), так и на двустороннем уровне (где баланс сил играет ключевую роль, особенно на постсоветском пространстве и в отношениях с европейскими странами).

Следовательно, при Д.Медведеве явно не предвидится сокращения сферы внешнеполитической деятельности. Дорожа путинским наследием, он будет использовать все возможности влияния в различных регионах. Фактически, Москве не удалось осуществить региональную интеграцию. Предполагается, что внешняя политика Кремля при Д.Медведеве (или Путине-Медведеве) будет носить более выраженный прагматичный характер.

Рано или поздно Россия в Центральной Азии будет вовлечена в необходимость строительства рациональной системы водопользования, будет подталкивать республики региона к унификации и системы гидро-энергетического обмена. В свою очередь, растущие аграрные и промышленные потребности, а также демографические, экологические и климатические проблемы заставят государства ЦА сотрудничать с Россией в области совместной эксплуатации гидроресурсов Сибири. Россия, исходя из своих международных обязательств и интересов собственной безопасности будет усиливать контроль за экспортом оружия и технологий, продолжая при этом сотрудничество с партнерами и союзниками по ОДКБ. Однако в критических ситуациях, как показывает опыт 2008 г., Россия будет предпочитать действовать собственными силами.

Серьезные корректизы в политику Москвы, в т.ч. и в отношении Центральной Азии, может внести нарастающий финансово-экономический кризис мирового хозяйства. В любом случае, кризис коснется таких сфер как состояние рынка труда, усиление конкуренции на сырьевых рынках и других чувствительных точках соприкосновения интересов РФ и стран ЦА. Очевидно, что Центральная Азия будет и дальше втягиваться в глобальные процессы. Но многое будет зависеть от судьбы интеграционных процессов в СНГ и процессов, инициированных и продвигаемых Россией.

Проблемы КНР хорошо известны, и Китай не сможет долго игнорировать их по мере нарастания внутренних сложностей. Все это в результате отразится и на стратегии Китая в Центральной Азии. На политику КНР в регионе будут влиять такие факторы как состояние китайско-российских отношений, отношения Китая с Западом (и особенно с будущей администрацией Белого дома), ситуация внутри ШОС, положение на рынках энергоносителей и т.д. Эксперты выделяют четыре основные проблемы торгово-экономических отношений КНР и ЦА. Первый состоит в том, что с самого начала эти отношения приняли неравноправный характер в пользу КНР. В качестве второй проблемы выделяется роль пограничных пунктов в налаживании приграничной торговли. Третья проблема - вопрос китайских инвестиций в экономику и инфраструктуру региона. Китайскую сторону интересуют четыре направления для инвестирования: цветная и черная металлургия, гидроэнергетика, транспортная инфраструктура, телекоммуникации. И наконец, последняя проблема - это отношения в углеводородной сфере. Именно эту область эксперты считают ключевой в многовариантной стратегии КНР в регионе. Они также предполагают, что географически замкнутый характер положения Центральной Азии определит решающую роль Китая для будущего региона. Фактически, Китаю предстоит сыграть в XXI веке для региона ту же роль, что сыграла для него Россия в XIX и XX вв.

Китай последовательно и настойчиво осуществляет с каждым центральноазиатским государством различные проекты – трубопроводные, транспортно-коммуникационные, торгово-экономические, строительные, инвестиционные; т.е. наращивает свое экономическое присутствие. Однако следует отметить, что интересы Китая в Центральной Азии все больше входят в противоречие с интересами России и Запада, хотя это и не всегда бросается в глаза. Этот вывод относится к центральному вопросу – конкуренции за ресурсы, контроль над ними и магистральными трубопроводами. Таким образом, происходит мощная глобализация китайской экономики, последствия которой пока еще не видны в полном объеме. Фактически, речь идет о возникновении новой экономической сверхдержавы.

Внутри самой Центральной Азии мы видим, как накапливаются изменения, которые постепенно приводят к качественным сдвигам. Казахстан сохраняет за собой роль лидера, хотя потрясения на мировых финансовых рынках осложняют эту задачу. Попытки Астаны возобновить интеграционные (кооперационные) процессы в регионе наталкиваются на открытое (со стороны Узбекистана) и скрытое сопротивление (других республик региона). Казахстан – ключевой стратегический партнер и союзник России в центральноазиатском регионе. Данная оценка основывается на его роли одного из ведущих локомотивов в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, а также исходя из геостратегического значения Республики для России, ее потенциала в энергетической, транспортно-транзитной, военной и иных сферах.

Казахстанско-российские отношения стоят особняком не только от отношений России с государствами Центральной Азии, но и с другими странами СНГ. С одной стороны, Казахстан – один из наиболее лояльных и надежных партнеров России на постсоветском пространстве, непременный участник всех интеграционных процессов. Однако, с другой стороны, Астана все чаще заявляет своей политикой, что имеет свои собственные национальные интересы, свое видение международной ситуации, свои приоритеты во внешней политике.

Политическое и экономическое положение Узбекистана за последние годы претерпело серьезные изменения, несмотря на тот факт, что республикой по-прежнему управляет И.Каримов. Руководству страны удалось наконец запустить необходимые финансово-экономические реформы. Национальная валюта вплотную приблизилась к конвертируемости. На селе начинают работать рыночные механизмы. В промышленности и сельском хозяйстве устраниены крайности, сужены компетенции властей по вмешательству в экономические процессы. Во внутриполитической сфере режиму И.Каримова удалось ликвидировать зависимость центральной власти от влияния кланов, региональных и ведомственных группировок. Между основными элитами страны был достигнут консенсус и создан, хотя и непрочный, но баланс. Серьезно снижен порог социального недовольства и устранина угроза дестабилизации общества; исламистское движение загнано в подполье. За эти годы претерпело серьезные изменения и международное положение РУ. Ташкент отказался от однозначной ориентации на Запад и вернулся в интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

В то же время, близость Ташкента с Москвой, наметившаяся с 2004 г., также внушает подозрения своей неустойчивостью, вытекающей из традиций узбекской внешнеполитической линии. Постепенно Ташкент

начал ставить препятствия на пути проникновения российского бизнеса в экономику республики, хотя на первых порах это приветствовалось. По-прежнему сложные отношения остаются у Узбекистана с соседними республиками Центральной Азии, особенно с Киргизстаном и Таджикистаном. В то же время наметилось сближение Ташкента и Ашхабада после смены руководства в этой республике. Ташкент проявляет нескрываемый интерес к участию в крупных нефтегазовых и транспортно-коммуникационных проектах в регионе. На фоне откровенно плохих отношений Узбекистана с Западом Ташкент развивает многостороннее сотрудничество с КНР, прежде всего в экономической сфере. В последнее время наметилась тенденция превращения РУ в основного торгово-экономического и политического партнера Пекина в Центральной Азии.

Евросоюз сменил свою тактику работы с Ташкентом. ЕС решил не идти на резкую конфронтацию, а воздействовать на внутриполитическую ситуацию путем сотрудничества. Эта смена тактики ЕС произошла несмотря на то, что Узбекистан фактически не выполнил требований Евросоюза о международном расследовании андиканских событий. Можно сделать вывод, что жесткая позиция Узбекистана по защите своего суверенитета и сопротивления открытому диктату извне принесла свои плоды. Развитие отношений РУ с постсоветскими странами развивается по траектории, заданной после 2004 г. поворотом в сторону России.

Со своим соседом Кыргызстаном, Узбекистан значительно осложнил отношения после андиканского мятежа, в косвенной поддержке которого Ташкент обвинял Бишкек. Но в 2006 году многие противоречия удалось устраниить. Что касается отношений с Таджикистаном, то они не претерпели кардинальных изменений, так как Ташкент был убежден, что правительство РТ не может (или не желает) принять адекватные меры в борьбе с радикальным исламизмом, с конца 1990-х годов ставшим угрозой для региона. Недовольство Узбекистана вызывают и усилия Таджикистана, направленные на развитие собственной гидроэнергетики, а также на увеличение производства алюминия. Угроза со стороны исламских экстремистов заставляет Узбекистан постоянно ужесточать пограничный, таможенный и миграционный режимы.

Развитие масштабных региональных проектов в топливно-энергетической сфере связало Ташкент и Ашхабад общими прагматическими интересами. Прежде всего это касается планов строительства Прикаспийского газопровода, который должен пройти вдоль восточного берега Каспия через Туркменистан и Казахстан, что в перспективе даст возможность вдвое увеличить поставки газа из Центральной Азии (включая Узбекистан) в Россию. Таким образом, уже вырисовываются контуры внешнеполитической

стратегии РУ после отхода от Запада. Она детерминирована объективными факторами – нехваткой ресурсов Узбекистана и ограниченностью возможностей для маневра на международной арене.

В последние годы руководство Киргизии, объявившее приоритетами стратегическое сотрудничество и партнерство с Россией, Китаем и США, сосредоточило основные усилия на укреплении отношений с партнерами по ШОС и ОДКБ. Основной целью региональной политики Бишкека является реализация различных транспортно-коммуникационных проектов, которые связали бы все государства Центральной Азии с внешними рынками. Ориентируясь на Россию в военно-политических вопросах, Бишкек рассчитывает на ее помошь в экономическом развитии страны.

Обязательно следует отметить рост международной активности Туркменистана, которая стала возможна благодаря смене руководства в Ашхабаде и выработке нового внешнеполитического курса страны. Г.Бердымухамедов принял устоявшиеся правила игры и уверенно балансирует на геополитической сцене, особенно по Каспию – между Россией, Западом, Китаем и Ираном. Ашхабад не устает давать многообещающие заверения всем сторонам, что он готов присоединиться к тому или иному газопроводному проекту, хотя они входят в очевидное противоречие с ресурсными возможностями этой прикаспийской республики. Главным изменением во внешней политике страны становится ее более открытый характер. Это касается в первую очередь контактов Ашхабада с Западом.

Несмотря на ряд факторов и неблагоприятное географическое расположение, Таджикистан участвует в большинстве интеграционных процессов - ОДКБ, ЕврАЗЭС, ЦАЭС и ШОС. В последние годы Таджикистан стал более активно налаживать контакты с новыми внешнеполитическими партнерами (наряду с дальнейшим укреплением связей с РФ). В Таджикистане наблюдается отчетливый рост влияния Ирана, который осуществляет без лишнего шума различные экономические проекты, и также Индии и Китая. Для государств Запада, в первую очередь США, особенно неприемлемо усиление в регионе Ирана и предоставление ему свободного доступа к таким стратегическим видам сырья, как таджикский уран (в первую очередь), алюминий и хлопок.

И наконец, интеграционные процессы в Центральной Азии идут, но в скрытых, отличных от привычных (европейских) форм. К ним относятся нелегальная миграция, теневой рынок труда, черный рынок труда, скрытое перемещение капиталов, процессы в теневой экономике и т.п. Очевидно, что Центральная Азия будет и дальше втягиваться в глобальные процессы. Но многое будет зависеть от судьбы интеграционных процессов в СНГ и процессов, инициированных и продвигаемых

Россией. При этом основные игроки будут продолжать свою геополитическую активность в регионе. Дальнейшее развитие Казахстан тесным образом связано с растущей зависимостью мировой экономики от поставок энергоресурсов.

Одной из главных целей центральноазиатской (или среднеазиатской) политики Казахстана является формирование Союза центральноазиатских государств при неформальном лидерстве Астаны. Выдвинув стратегический курс «Путь в Европу», Казахстан недвусмысленно дал понять Европейскому Союзу о своих геополитических предпочтениях. С другой стороны, перспективы развития казахстанско-американских отношений в будущем можно охарактеризовать как позитивные. Соединенные Штаты по-прежнему заинтересованы в сотрудничестве с РК как с ключевым государством региона. В октябре 2007 г. Республика Казахстан получила единогласное одобрение членов ОБСЕ возглавить эту организацию в 2010 г. Без сомнения, это является полноценной политической и дипломатической победой Казахстана. Председательство Казахстана в ОБСЕ – это своеобразный геополитический тест на зрелость, поскольку касается принципиальных проблем отношений с Западом, безопасности, геополитики и геоэкономики.

В августе 2008 г. ситуация чрезвычайно усугубилась конфликтом в Южной Осетии. Все эти факторы не могли не сказаться на ситуации в сфере евро-атлантической и евразийской безопасности. На саммите ШОС в конце августа 2008 г. члены организации единодушно поддержали Россию в ее действиях на Кавказе. Аналогичные шаги последовали от дружественных Москве стран Содружества и на саммитах СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ осенью 2008 г. В настоящее время становится очевидным, что незначительный по военно-стратегическим масштабам конфликт вокруг Южной Осетии окажет и уже оказывает крайне дестабилизирующее влияние на ситуацию в регионе, а также на всю систему международных отношений, связывающих Россию с Западом, США, ЕС, НАТО, а также на геополитику Евразии, ситуацию в СНГ.

В то же время, за последнее время существенно выросла роль, престиж и влияние Казахстана в Центральной Азии. Астана доказала, что в определенных кризисных ситуациях (например, смена власти в Киргизстане) способна практически на равных участвовать в урегулировании региональных кризисов. Причины возрастаания международного веса РК лежат как в очевидном экономическом прогрессе страны, успехе проведенных реформ, консолидации элит и в целом – национальном подъеме в обществе, так и в неблагополучном положении – внутриполитическом, экономическом и международном – наших соседей по региону.

Однако, наши недавние успехи не должны скрывать тот факт, что многие угрозы и риски внешнеполитического характера по-прежнему сохраняются. Некоторые из них стали менее актуальными, другие возросли, третьи сохраняют свой латентный характер. Кроме того, произошла своего рода перегруппировка вызовов, опасностей и рисков. Но тот факт, что многие из них стали менее видимыми, не снижает уровень их угрозы безопасности РК.

Как и прежде, в Центральной Азии сохраняется фактор взаимозависимости угроз и противоречий, имеющих внутри-региональный и внутригосударственный характер, с внешнеполитическим и геополитическим влиянием. Острый внутри-региональный кризис способен гипотетически вызвать масштабное вмешательство извне; и наоборот – внешнее вмешательство способно спровоцировать негативное развитие событий в отдельных странах и в регионе в целом.

Resumé

Murat T. Laumulin

Central Asia within Foreign Political Science and World Geopolitics.

Volume V. Central Asia in XXI Century.

The Volume V includes the issues concentrating over Central Asia, its relationship with the great and regional powers. The first part regards the numerous aspects of influence on the region from geopolitical centers – USA, Europe, Russia and China. The second part is dedicated to participation of regional powers in the Great Game around Central Asia. They are India, Japan, Pakistan, Iran and Turkey. And the third part investigates exclusively the local relationship and domestic policies in Central Asian countries.

The nations of Central Asia, surrounded by Russia, China, and South Asia, comprise the geopolitical centerpiece of the Eurasian continent. Their location makes them both a buffer and a passageway between East and West. Central Asia is a major energy producer. The region is capable of reducing the world's dependence on oil from the Middle East. Central Asia is thus subject to crosscurrents of political, economic, and military interests and pressures. It is also at the crossroad of narco-terrorist traffic that originates in Afghanistan and Pakistan.

The current security and geopolitical situation in Central Asia is strongly determined by some different factors. The Western impact is now the one of most important. This impact is realized by two major players which are the US and EU, and through some political and military instruments. So, a stability of the region is depended on whole general framework which includes Russian-Western relations, Sino-American contradictions, European ambitions, Caspian economics etc. It is possible to conclude that the future security of Central Asia will be managed by the West and its agents, but it should be a kind of smart and flexible management which should take into consideration the interests of Central Asian states, also the real vital interests of other powers, first of all, that is Russia. Only this condition is demanded to secure the stability in the region and to prevent new real 'Great Game' in a sense of 19th Century's power rivalry and uncontrolled expansion. The unengaged expertise proves this epoch is over. And mostly, the current Western presence in Central Asia in this own form confirms this final thesis.

It is obvious that security of Central Asia is strongly impacted by the West. But what is the 'West' in this regard? We focus on four major actors presenting the West, they are the US, the European Union, the NATO, and partly - Turkey. All those geopolitical players are closed connected each one with the other and they influence on security of Central Asia in different ways. Actually, having carried out the antiterrorist operation in Afghanistan in 2001-2002 years and having placed the bases in Central Asian countries, the USA have undertaken a role of the main military arbitrator in the center of Eurasia; a role which all other conducting powers of region have refused. It is became obvious that only American military power could eliminate Taliban regime and remove the direct threat to Central Asia.

These great world powers and the centres of geopolitical force involved in Central Asia are Russia, the USA, China and the European Union. It is argued that the geopolitical configuration in the Central Asian region, as well as the balance of power between these large actors have changed. The influence of the West, first of all the United States which have carried out the unprecedented for the modern epoch military operation in Afghanistan and have created military infrastructure not only on the territory of this country, but also in the number of Central Asian states, has greatly increased. The policy of such largest neighbours of Central Asia as Russia and China has also undergone some changes. Moscow and Beijing, who were among the first countries rendered the support to American efforts in the struggle against international terrorism in 2001, faced qualitatively new situation in the region, touching their national interests, in the beginning of 2002.

Being the largest economic power the European Union aspires to be also one of military-political and geopolitical centers in the world. The EU actively develops its common foreign and defensive policy, tries to act as one actor on the world scene though not always successfully. Nevertheless, the existence of an objective trend is obvious: the EU prepares in future if not to compete with USA but certainly to promote independent policy and to occupy its own geopolitical place on international scene. This touchs on Central Asia since the EU tries to include into its sphere of geopolitical interests not only the countries of Eastern Europe, but also a significant part of the Central Eurasia, that is the CIS, including Caucasus, Caspian Sea and the Central Asian region. "The expansion" of EU is frequently treated as economic, technological and cultural domination.

The NATO creates a good opportunity to connect the Western, European and Eurasian security in general. The Partnership for Peace (PfP) program is clear evidence, as well as Russian policy toward NATO. In the future the development of following scenario should not be excluded, when the development of events will go in such a manner that the certain consensus on the division of

geopolitical roles between Europe, America and Eurasia will be found. It is also possible, that instead of the notion “Atlantic Europe” dominating for the last half-centuries, the notion “the Eurasian Europe” will emerge.

In 2005, several political events and processes have changed the situation in the region rapidly. First, there were the color revolution in Kyrgyzstan and fall of Askar Akaev in March. This event raised the question about further geopolitical orientation of Kyrgyzstan that is currently uncertain. Secondly, the revolt in Uzbek city Andijan in May what provoked the serious deterioration of relationship between Tashkent and the West, and consequently, reduced US military presence in the region significantly. Thirdly, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has realized in the July 2005 Summit a strong anti-American demarche concerning the perspectives of US presence. Actually, it was a new step to formation of a new regional military-political organization under the Chinese-Russian dominance. And fourthly, the presidential elections in Kazakhstan in December 2005 and its previous intrigue lead to the silent consensus among the bigger powers relating to keep stability in Kazakhstan notwithstanding with their different political goals and ideological motives.

U.S. relations with countries in Central Asia were fundamentally affected by the attacks launched on the United States on September 11, 2001. To support U.S. operations in Afghanistan, the U.S. military negotiated significant access-overflight and air base arrangements - with Central Asian governments that initially produced a sense of common purpose and goodwill, generating concern in Russia and China. Geopolitics and geo-strategy of the United States of America is really global in character and touches upon practically all the regions and any country of the planet. The region of Central Asia is no exception. As a whole the American policy in Central Asia is a part of a more general Eurasian strategy of US covering, besides our region, the Caspian and Caucasus regions, Russia, Afghanistan, Middle East, South Asia and China.

Since 2005-06 the American policy in the region has entered a new stage, which can be characterized as a formation of “Greater Central Asia”. A key point of this project is a connection between Central Asia and Afghanistan.

What factors affect Central Asian security? They have not changed much: Afghanistan and the military-political situation in it; Iran and its nuclear program; the relations between Russia and China; the activity of the West, etc. In the security sphere NATO is developing into an important factor in Central Asia. The Bucharest NATO Summit clearly demonstrated that the North Atlantic Alliance has never let Eurasia out of its sight despite the temporary setback experienced by Georgia and Ukraine. The Summit of April 2008 in Bucharest convincingly demonstrated that security in the Atlantic Alliance and in Eurasia is interconnected. Even though Georgia and Ukraine were not invited to join the

line it became abundantly clear that NATO affects, to the strongest extent, the security system in Central Eurasia. In view of the Afghan factor this role looks even more important, especially in Central Asia. Sooner or later the consistent penetration of the Western security structures into the continent's interior will raise the question of cooperation between the Alliance and two regional structures (the CSTO and SCO).

Western strategists have not yet sorted the SCO out: it remains to be seen whether it is an economic alliance, a military-political bloc, or something else. The extent to which its aims are realizable is still unclear. The West is even more concerned about whether the SCO (or, rather, the Russia-China tandem) threatens the sovereignty and independence of the Central Asian states. Translated into clear terms this reads: To what extent do the Central Asian countries make independent decisions within the SCO? Afghanistan remains one of the key factors of Central Asia's military-political security. The Central Asian republics want the territory of the former Northern Alliance turned into a security belt to which they and Russia should particularly extend their assistance. A large-scale U.S. military operation will not be limited to Afghanistan - it will spread to Pakistan and tip the military-strategic balance in Southern and Central Asia. These developments will inevitably affect the interests of India, China, and Russia.

The European Union has radically revised its Central Asian policy and the way it cooperates with the regional structures (including the SCO). A recent document - The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership for the Years 2007-2013 - dated 31 May, 2007 identified the following aims (1) stability and security of the regional countries; (2) lower poverty level and higher standard of living within the Millennium Development Goals; and (3) stronger regional cooperation among the local states and between them and the EU, especially in the energy, transportation, higher education, and environmental protection spheres. The document points out that Central Asia, which serves as the link that keeps Europe and Asia together, belongs to the OSCE (that is, to the European political expanse). The European Union and the Central Asian countries have the common aims - maintaining stability and enjoying prosperity.

During the years 2003-04 the tendency to strengthen the position of Russia in Central Asia had already started. Moscow diversified its methods and spheres of its mutual interaction with the countries of the region by alternating the instruments of economics, politics and integration. Return of Russia to this region took place in three directions: 1) setting up of bases directly (Kyrgyzstan and Tajikistan); 2) activization of efforts within the structures of integration and multilateral organizations (CSTO, SCO, EEC, CES); 3) development of bilateral ties (with all the countries of the region). The strategy of Russia with regard to Central Asia in the near future will be directed to achieve the

following goals: creation of a united defence space of Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan and possibly Tajikistan; creation of Collective Rapid Action Forces (CRAF) under the aegis of Russia; continuation of the process of further integration of economic and defence structures of the participating countries of CSTO; formation of an integration nucleus (at the level of CA) of Russia and Kazakhstan.

Central Asia, as a source of transit energy resources, occupied a subordinate position in the European vector of Russia's geostrategy. But in recent years, Gazprom's activity in the region and Moscow's aggressive energy cooperation strategy have begun to turn Central Asia into a special target of Russia's energy, economic, and geopolitical expansion. Gazprom's actions (with the support of the Kremlin) looked different in Central Asia, which is a potential resource base for Moscow's energy strategy.

It is evident that between the years 1992-2000 China in this region has behaved like a winning side. Geo-strategic and military-political successes of China in Central Asia include the following: disappearance of USSR as geopolitical competitor; gradual departure of Russia from this region and objective economic weakness of the Newly Independent States of Central Asia; direct territorial acquisitions; direct economic advantage from trade with the countries of this region, in particular with Kazakhstan; economic rise of Xingjian thanks to improvement in geopolitical situation and intensification of economic ties with Central Asia and through it with other markets; getting control of trans-border rivers and their exploitation in its favour; creation of the geopolitical organization SCO with the clear dominance of PRC; expansion of geopolitical ambitions of China right up to the Caspian Sea.

Creation of Shanghai Cooperation Organization opened for China a strategic path to Central Asia and became a breakthrough in its diplomacy in the region. Now SCO is for China a mechanism for ensuring security, a channel for participation in the affairs of the countries of Central Asia and forms the basis for their multilateral ties. Chinese strategists consider that in case the United States establishes its control over Central Asia, then it will be able to economically keep in its hands the developed Europe and East Asia and, possibly, other regions of the world too. Comparing the successful military penetration of US in Central Asia with the expansion of NATO to the East, the Chinese experts have come to the conclusion that in reality the actions of NATO have gone far beyond the aims and objectives of this alliance. Strategically, this means that in future there is possibility of not only exerting pressure on Russia, they may even ignore the supremacy of Russia and China in this region.

Thus, the main interests of China in Central Asia are: fight against terrorism, separatism and extremism; maintenance of stability in the region; encouragement

of economic well-being of Central Asia; ensuring friendly relations of the Republics of Central Asia with China; creation of a situation so that these countries do not fall into control of one of the Super powers; avoid creation of military blocs in the region against Beijing; ensure access of China to the energy resources of CA.

Long-terms perspectives of China are (after the year 2020): to occupy leading economic and political positions in Asia (and Pacific), to annihilate fully the geopolitical presence of US in the region; to annex Taiwan; to ensure total independence of energy requirements of China; to become one of the economic leaders of the planet and eventually become number one economy; to become World Power and achieve military-strategic and geopolitical parity with USA. In the first half of the 21st century China is expected to strengthen its position in the global political arena and unconditionally dominate a number of regions. Regarding Central Asia, China can definitely become a significant geopolitical force like the U.S., the EU and Russia, in the very near future.

One of the most perspective and effective regional organizations seems to be the Shanghai Cooperation Organization (SCO). But the SCO has its geographical and political peculiarities. It combines two major world powers and four smaller Central Asian countries, which are unequal in terms of their political, economic, military, demographic, and social potential, thus composing a 2+4 organism. Beijing believes that all international forces in Central Asia may equally cooperate with the SCO. 16 Each side of this triangle has its own interest in the resources of the region. The Shanghai Cooperation Organization has diversified its activity; however, Beijing insists that its main objective is the fight against terrorism. It is believed that the SCO is a provisional structure for China while it is developing into a central world power. When this happens, China is very much likely to treat other countries, and primarily its neighbors, harshly. In the medium-term, China will try, perhaps, to become a leader in such organizations as the SCO and ASEAN and to form the Economic Cooperation Organization in Northeast Asia (with Japan and South Korea) where it will also play a leading role. It will also try to strengthen its economic and demographic influence on the Far East, Mongolia, Siberia and Central Asia.

It is certainly the case that China is isolated within the SCO, confronted by a block of post-Soviet states that share a common past and confronted with the same problems, which facilitates understanding among them. Moreover, Russia has a specific, tried-and-tested approach to each of them. For Russia, the SCO is above all a framework for cooperation with China. The scale of cooperation between Moscow and Beijing reached unprecedented levels in 2005. Russia and China held a series of joint large-scale military exercises, made a joint declaration on world order in the 21st century, and have used the SCO to counter US military

presence in Central Asia. The Russian military community views the promotion of cooperation with China within the framework of the SCO as indispensable, but remain divided over the extent of such strategic military cooperation in light of possible rivalry between the two.

Through the SCO, Kazakhstan remains at the mercy of the evolution of the Sino-Russian relations: on the one hand, excessive strategic rapprochement between Beijing and Moscow threatens to establish a double dictate of these powers in Central Asia (including within the framework of the SCO); conversely, however, there is also the danger of a flare-up in Chinese-Russian rivalry in the region, which cannot be ruled out in the future.

Historically India has always been closely connected with Central Asia. In the recent past Delhi was a close and faithful ally of USSR. Presently those relations between India and Russia are being restored. Moreover, India's policy cannot leave untouched the interests of China, US and the West as a whole in this region and, on the other hand, the situation in Afghanistan and Iran also cannot remain uninfluenced by the policies of India. Thus, directly or indirectly, India, nonetheless, must be considered a geopolitical force in Central Asia. Sudden splash of geopolitical activeness on the part of India in Central Asia goes back to the years 2002-2003 after the anti-terrorists operations in Afghanistan and change in the entire geopolitical situation in the region. India's interests can be divided into two groups: purely geopolitical which include rivalry with China and Pakistan, and partnership with Russia, and economic which include in the first place energy interests as also trade and economic interests.

Strategic goal of India in many respects is similar to the US policy in Central Asia. In other words, activities of Delhi are directed not only towards stabilization of situation in Central Asia, but also towards creation of such conditions which will help India to play an important role in the region. India is gradually getting involved in the "Great Game" in Central Asia. There is no doubt that this power has its geopolitical interests in the region which are determined by a number of factors. These factors include the following: partnership with Russia; Chinese presence in Central Asia; India's coming closer with West and US; rivalry with Pakistan; threat of spreading of militant Islamism; transport and energy and trade and economic interests of Delhi in Central Asia and in the neighbouring regions.

In this way India's potential does exist for expansion of its economic, military-strategic and geopolitical presence in Central Asia. The realization of this potential will depend upon, firstly, on the state of Indo-Russian relations, implementation of a number of big communication and energy projects, and also on objective geopolitical and geographic factors. In spite of the apparent geographical proximity of the Indian sub-continent to Central Asia direct

transport-communication connection between the two regions is very difficult. Besides this, with the growth of economic and geopolitical strength of India, as it is now happening with China, expansion of its influence and ambitions will inevitably affect Central Asia in one or the other form. It is important for Delhi to remember that Central Asia will always maintain its traditional relations with Russia, will remain a part of “Eurasia” as a geopolitical phenomenon, and also a part of European (OSCE – Organization of Security and Cooperation in Europe) political space.

The situation in Afghanistan should also be considered in light of international factors. Afghanistan is a country under occupation, with limited national sovereignty. Its security, internal stability and further economic development depend on the U.S., NATO and global economic aid. The U.S. remains the most influential military and political power in Afghanistan.

Islamic Radicalism has become a serious problem in Central Asia. In Central Asia, the focus of Islamic revival and of radical groups has been the Ferghana valley, a densely populated and ethnically mainly Uzbek territory divided politically between Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan. The valley has traditionally been a center of Islamic fervor, and was the area where foreign radicals first established a presence. As we will see, though, there are other factors besides tradition at work here. . Radical Islamic groups active in the region and include groups across a political spectrum ranging from self-proclaimed peaceful groups, such as *Hizb ut-Tahrir (HB)* and *Tabligh Jemaat*, to militant and terrorist groups such as the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU).

For more than 15 years already, the term “multi-vectored foreign policy” has been the official doctrine of Kazakhstan’s diplomacy. In one form or another, this doctrine has been put into service by the foreign policy departments of other Central Asian states, with the exception, perhaps, of Turkmenistan, which has proclaimed its neutrality, but nevertheless also means multi-vectoredness—that is, interaction in various directions in the international arena.

Uzbekistan’s foreign policy, even more than Kazakhstan’s early foreign policy, was not multi-vectored, but dualistic. This dualism by Tashkent was determined by the problems of security and the strategic choice to be made between Moscow and Washington. Karimov quarreled with Turkey, regarded the Islamic countries with suspicion, and for a long time distanced himself from China (although he put its model of state capitalism into use). Thus, Tashkent’s choice was between America and Russia. The period from spring 2002 until spring 2004 was the time of the greatest cooling in Uzbekistan’s relations with Russia. Tashkent’s expectations of major financial advantages from its support of the anti-terrorist operation in Afghanistan fell far short of being fully realized. In the course of the events in Andijan in May 2005, Karimov’s regime demonstrated

to the West (with the full political support of Moscow and moral support from Astana) that it was capable of decisively putting a stop to any attempts to destabilize the country, and Tashkent also unequivocally unfolded itself from the West and moved in the direction of Russia. In the current period (2005-2008), bilateral relations between the Republic of Uzbekistan and the United States are at their lowest level since Uzbekistan's independence.

The main partners of Kyrgyzstan, upon which its security, economic development, and domestic stability depend, are its immediate neighbors - Kazakhstan, Uzbekistan, and China - and also such powers as Russia and the United States. In such conditions, the main foreign policy task of Askar Akaev always was balancing among them. One constant in Kyrgyzstan's foreign policy is Bishkek's support for stable, good-neighborly relations with Kazakhstan, as well as its participation in all processes of integration in the framework of the Central Asian region and the CIS.

The strategic and international position of Tajikistan is determined by its proximity to Afghanistan, by its total (until recently) dependence on Russia, by its cultural-historical bent toward Iran, by its position in the system of drug trafficking, by the Islamist threat, and by the anti-terrorist operation in Afghanistan. Turkmenistan's foreign policy can be characterized not so much as multi-vectorized, but as "anti-vectorized." Since the beginning of the 1990s, the regime of Saparmurat Niyazov has insisted on its "neutrality." Turkmenistan holds a special place in Central Asia and attracts interest thanks to two factors: first, its enormous supply of hydrocarbons, above all its gas resources, and secondly, the odious regime of Niyazov's personal power. Turkmenistan is the largest producer of natural gas in Central Asia. After the death of Niazov in December 2006, the Turkmenistan foreign policy started to change slowly.

All sorts of geo-economic projects, related mostly to the transportation routes of energy resources, figured prominently in the geopolitical maneuvering around Central Asia. The Caspian pipeline project is stalling mainly because there is another pipeline project on the table, the so-called Trans-Caspian pipeline, going across the Caspian via the South Caucasian states to Turkey and Europe. Ashgabad is using it for haggling over gas prices for Russia and lower transportation tariffs across its potential partners for itself. Today it has become abundantly clear that the importance of hydrocarbon fuel will rise and Kazakhstan can profit from this.

Moscow has abandoned its efforts to reintegrate the post-Soviet expanse on the basis of universal principles as having no future. While cementing bilateral relations Russia tried to pool corrective efforts in order to address the most urgent of tasks. Such are the CIS Antiterrorist Center and the Collective Rapid Deployment Forces, as well as triple cooperation among Russia, Kazakhstan,

and Azerbaijan on the Caspian issue. In Central Asia Russia has concentrated its efforts on Kazakhstan, which was fully confirmed by the fact that Dmitry Medvedev, as the newly elected president, paid his first visit to Astana. It seems that under the pressure of domestic and foreign political factors Russia will shift the weight of its geopolitical efforts to the West (the European part of the CIS and Europe) for the simple reason that it has close economic contacts with it and its security and modernization depend on it to a great extent. Subjectively, this bias might be promoted by the personality of the new Russian president. We should expect, therefore, that Moscow will pay relatively less geopolitical attention to its eastern policies (which include China, the APR, the SCO, Southern and Central Asia).

The response from the other key geopolitical player is easy to predict: Beijing will move in to fill the gaps left by Moscow, however the process will not be smooth. China has its own problems which will not remain long on the back burner. So far experts have identified several stumbling blocks in trade and economic relations between China and Central Asia: (1) from the very beginning they have been far from equal, with China's obvious predomination; (2) the border points and their role in promoting trans-border trade are a main problem; and (3) Chinese investments in the regional economy are a cause for worry. Beijing is steadily building up its economic presence in Central Asia by carrying out all sorts of projects (pipeline, transport and communication, trade, economic, construction, and investment) with each of the Central Asian states. Its involvement is clashing, to an increasing extent, with the interests of Russia and the United States in the context of rivalry over resources and the main pipelines.

What is going on inside the region? The accumulating changes will gradually cause qualitative shifts. Kazakhstan will remain the leader even though the current financial storms make this harder. Uzbekistan is openly (and other republics latently) opposed to Astana's efforts to resume regional integration (cooperation) processes.

Kazakhstan, as one of the driving forces behind the integration processes across the post-Soviet expanse and because of its geostrategic importance, is Russia's key strategic partner in Central Asia. Its energy, transport, transit, and military potential, as well as potential in other spheres, has not yet been fully tapped in the interests of both countries. It should be borne in mind that in the present geopolitical situation in Central Asia Russia will have to work harder than before to maintain and develop its allied and partner relations with Kazakhstan.

The relations between Kazakhstan and Russia are different from Russia's relations with the other Central Asian and CIS countries. On the one hand,

Kazakhstan is one of the most loyal and reliable Russia's partners in the post-Soviet expanse; it is involved in all the integration processes. On the other hand, Astana's policies demonstrate that it has its own national interests, its own ideas about the international developments, and its own foreign policy priorities.

In recent years Uzbekistan's political and economic situation has changed radically even though Islam Karimov remains its president. The country's leaders have started the very much needed financial and economic reforms; the national currency has reached the convertibility stage; and market mechanisms are operating in the countryside. Industry and agriculture have rid themselves of the extremes, and the government has moved further away from interfering in economic processes. At home President Karimov has finally reduced the pressure of the clans and regional and departmental groups on central power. The main elite groups have reached a consensus and achieved a balance, albeit shaky. Social unrest was partly quenched and the threat of destabilization removed, while the Islamist movement was driven underground.

Likewise, the republic's international situation has changed to a great extent: Tashkent abandoned its one-sided orientation toward the West to move back to post-Soviet integration. This improved relations with Russia: today Tashkent depends much more on Moscow and Beijing. Its foreign policy revision took Tashkent farther than intended: its relations with the West are worse than at any other period, while the country has found itself in what can be described as international semi-isolation. At the same time the rapport between Russia and Uzbekistan that goes back to 2004 cannot be described as completely reliable: Uzbek foreign policy is known for its instability. In the context of bad, or very bad, relations with the West Tashkent is actively developing multi-sided (mainly economic) cooperation with China. The republic, in fact, is developing into China's key Central Asian trade, economic, and political partner.

Since 2004 Tashkent has been developing its relations with the Soviet successor-states in line with its orientation toward Russia. The importance of its contacts with China, Kyrgyzstan, Kazakhstan, and especially Turkmenistan (from which gas will be moved across Uzbekistan) cannot be overestimated; on top of this Uzbekistan is campaigning to become the transit state for the main railways and highways that will connect China and the Middle East. The Andijan riot, which Tashkent accused Bishkek of indirectly instigating, caused a lot of strain in the relations between the two countries; later, in 2006, many of the former contradictions were removed. This is the context in which Uzbekistan's post-Western foreign policy is taking shape determined, first and foremost, by the shortage of domestic resources and limited maneuverability on the international scene. Kazakhstan, in turn, wants domestic stability in Uzbekistan more than anything else; much depends on whether the regime change in Uzbekistan will be smooth.

Kyrgyzstan is present in practically all the Central Asian integration projects - CSTO, EurASEC, CAEC, and SCO. In recent years its leaders, who in the past few years have been preserving strategic cooperation and partnership with Russia, China, and the U.S. as their priorities, have been concentrating on strengthening relations within the SCO and CSTO. Relations with the United States, the third strategic partner, are clouded by the clash of financial advantages with respect to the continued presence of American troops in the republic and Washington's mounting desire to export democracy and support the opposition. In recent years Bishkek has displayed an interest in all sorts of transportation and communication projects designed to connect Central Asia with the outside world; Kyrgyzstan wants to be included in all of them as a transit country. It would also like to see Central Asia as a single economic expanse.

The dramatic events triggered by the sudden death of Saparmurad Niyazov and G. Berdymukhammedov's advent to power stirred up intrigues around Ashgabad: the West is luring Turkmenistan into alternative gas projects while Russia is fighting for its continued monopoly on the transportation of Turkmen gas to the foreign markets. The new leaders of Turkmenistan with their ideas about the country's foreign policies boldly moved onto the international arena. President Berdymukhammedov has accepted the rules of the game and feels at home on the geopolitical scene, especially where the Caspian issue is concerned: so far he has been successfully balancing among Russia, the West, China, and Iran. He is lavishing promises right and left and seems to be ready to join any of the gas pipeline projects even though this is very much at variance with the republic's gas reserves. Meanwhile Turkmenistan is steadily opening up to the world.

The West, in turn, is trying to elbow Russia out of Turkmenistan, potentially the best chance of delivering Europe and pro-Western CIS republics from their dependence on Russian gas. Today, Russia's policy in relation to Turkmenistan is free from the desire to invite the country into the SCO or any other CIS structures. Moscow wants to remain in control over its gas policies: the agreements of Turkmenbashi's time should remain in force while Gazprom should retain its monopoly on the export of Turkmenian energy resources. This makes China, which wants Turkmen gas for itself, Russia's rival, which threatens its gas interests. The expert community is of the opinion that Ashgabad's chances within Nabucco are preferable. The project expected to move gas from Iran and other Caspian states to Southern, Central, and Western Europe. The new pipeline routes will be determined not only by international competition over the oil and gas resources of Turkmenistan but also by the domestic balance of forces.

The weak economy, which suffered a lot in the civil war, the undeveloped production forces, and the geographic location, which can hardly be described

as favorable, do not prevent Tajikistan from being involved in nearly all the integration structures (CSTO, EurAsEC, CACE and SCO). Recently the country has been seeking new foreign policy partners more actively than before (while strengthening its traditional relations with Russia). The new foreign policy trends were born through a great deal of dissatisfaction with the far from successful experience of cooperation with Russia's big business. Today, Iran is building up its influence in the republic without much ado and is involved in all sorts of economic projects; India and China are also present. Russia's much advertised intention to regain control over the Soviet aluminum giants fell through or, at best, was postponed. The situation in the republic where economic and political problems are intertwined is far from simple, however Dushanbe and Tehran have moved closer in many respects. Iran is gradually moving to the fore as one of the key foreign investors and a potential user of local raw materials. In the near future Tajikistan will still need energy, transport, and communication projects; and it will have to curb the large-scale migration of manpower.

Being a sovereign state for 18 years, Kazakhstan enters the foreign affairs system with a developed foreign policy and certain foreign policy principles and concepts. In the early 1990s, the government projected the concept of the Eurasian Bridge, showing that Kazakhstan belongs both to Europe and Asia with respect to geography, culture, history, and civilization. Later on, in the late 1990s, the concept transformed into the so-called principle of multi-vector diplomacy aiming to introduce foreign policy in the directions important to Kazakhstan such as the CIS, Central Asia, East Asia, Europe, the Islamic World, the Pacific Region, industrialized countries, etc. Kazakhstan's relations with Russia, China, the Central Asian countries, the USA, and the European Union are undoubtedly strategic.

Kazakhstan today is considered to be the most successful economy of the countries of the CIS. The process of economic transformations in Kazakhstan is a graphic example of the difficulties that have to be overcome on the way to a market economy, even for new independent states with the richest of resources. The country's leaders inherited a situation that gave real grounds for optimism. The economy was diversified in nature and a reasonably well-developed processing industry and agricultural sector presented potential for a smooth transition to independence, by satisfying the material requests of the population to an extent that would preserve political stability.

In 2010 Astana should use its OSCE chairmanship to add weight to its international and foreign policy standing for the sake of Central Asian security. In its relations with the European Union Kazakhstan should take into account that the EU might lose its position as the main economic center of Eurasia; the EU countries are developing into magnets of migration that brings about deep-

cutting changes in their social makeup and their industrial structure. At the same time the European Union will depend on Eurasian energy resources for a long time to come. Islamist extremism keeps Uzbekistan on the alert: the republic is forced to tighten its border, customs, and migration regimes - measures that badly hit the Ferghana population.

The years 2007-08 was a time of geopolitical changes for the region, some of which remained latent but completely analyzable. The geo-economic factors and the worldwide financial crisis (a crisis of liquidity and defaults as well as instability in the international financial markets), the rising prices for basic commodities such as energy resources and foodstuffs, the economic growth in Russia, China, and India, and the rising importance of the energy security issue, etc. inevitably affected the situation in Central Asia.

In August 2008 the conflict in South Ossetia complicated the situation and greatly affected Euro-Atlantic and Eurasian security. The SCO summit that met late in August 2008 unanimously supported Russia and its actions in the Caucasus. We can expect similar statements from Moscow's CIS friends at the CIS, EurAsEC, and CSTO summits to be held in the fall of 2008. Central Asian security will undoubtedly be affected by the worsening relations between Russia and the West. The geopolitical game around the region has reached a new phase. The year 2009, when America received the new Obama's administration, would probably dissipate the fog.

К библиографии

Завершая настоящий том, мы решили отойти от традиции сопровождения каждого издания обширной библиографией. Вместо этого каждый раздел и каждая глава книги снабжены соответствующей их тематике литературой.

Кроме того, мы рекомендуем обратиться к следующему изданию, увидевшему свет в ходе подготовки и в рамках данного проекта: Лаумулин М.Т., Шайхутдинов М.Е. «Библиографический указатель по Центральной Азии, международным отношениям и geopolитике». – Алматы: ИМЭП, 2008. – 320 с.

Напоминаем также, что I-й том настоящего издания содержит подробную зарубежную библиографию по Центральной Азии с 1991 по 2005 гг.

См. также: Лаумулин М.Т. Новейшие исследования Института Центральной Азии и Кавказа в Университете Джонса Хопкинса // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2008. № 3. С. 122-129; его же: Обзор новейшей литературы по Центральной Азии // Казахстан-Спектр. 2008. № 3. С. 96-106; его же: Польские исследования по Центральной Азии // Казахстан-Спектр. 2009. № 1. 112-116.

Об авторе

ЛАУМУЛИН Мурат Турагович (род. в 1959 г.), в 1976 г. закончил Республиканскую физико-математическую школу (РФМШ) в Алма-Ате. С 1976 по 1982 гг. учился на специальном отделении исторического факультета КазГУ им. С.М.Кирова (ныне КазНУ им. Аль-Фараби) по специализации иностранный язык и история средних веков. С 1982 по 1985 гг. - преподаватель на кафедре иностранных языков гуманитарных факультетов КазГУ. С 1985 по 1987 гг. - научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. В 1987 г. М.Т.Лаумулин поступил в аспирантуру при Институте истории СССР АН СССР в Москве, в 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию по западной историографии истории Казахстана.

С 1990 по 1993 гг. - старший научный сотрудник Института истории и этнологии НАН РК, с 1992 по 1997 гг. - старший научный сотрудник Института Востоковедения НАН РК, с 1992 по 1997 гг. (с перерывами) - ведущий научный сотрудник, замдиректора, ген. Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.

С 1990 по 1997 гг. М.Т.Лаумулин читал специальные курсы по зарубежной историографии Центральной Азии, международным отношениям и внешней политике Республики Казахстан, политологии и дипломатии на

международных отделениях КазГНУ и Университета «Кайнар». С 1998 г. по 2002 г. М.Т.Лаумулин на дипломатической работе в Германии.

С 1993 по 1994 гг. М.Т.Лаумулин работал в Министерстве иностранных дел Республики Казахстан. В 1992 г М.Т.Лаумулин стажировался в Монтерейском институте международных исследований (США). В 1993 и 1994 гг. проходил краткосрочные дипломатические стажировки при Государственном департаменте США и МИД ФРГ. В качестве приглашенного исследователя М.Т.Лаумулин работал в различных зарубежных центрах - в Мэрилендском университете в 1994 г., Центре по ядерному нераспространению при Монтерейском институте международных исследований в 1995 (США), Центре по изучению европейской интеграции (ФРГ) в 1997-98 гг. С 1992 г. М.Т.Лаумулин - постоянный член Международной группы по изучению проблем ядерного нераспространения.

М.Т.Лаумулин неоднократно награждался грантами и стипендиями различных зарубежных фондов - Фонда Фулбрайт (1995), Фонда Макартуров (1997), Конференции германских академий наук (1997), Института им. Дж.Кеннана в Вашингтоне (1998) и Оборонного колледжа НАТО в Риме (2002).

В 2002-2003 гг. – заместитель директора КИСИ; с 2003 – генс КИСИ. С 1999 по 2006 – политический обозреватель общественно-политического журнала «Континент». С 2006 по 2009 гг. – ведущий телепрограммы «Международная панорама» на телеканале «Астана». С 2006 г. – генс ИМЭП при Фонде Первого Президента. С 2003 г. по настоящее время М.Лаумулин читает курсы по geopolитике, международным отношениям и историографии Центральной Азии в КазНУ.

Политологические работы М.Т.Лаумулина публиковались в России и странах СНГ, США, ФРГ, Иране и Пакистане. М.Т.Лаумулин - автор свыше двухсот статей и ряда монографий по проблемам истории и историографии Казахстана и Центральной Азии, востоковедения, международных отношений и внешней политики Казахстана, в том числе:

Генеалогические таблицы по изучению европейских средневековых династий.- Алма-Ата:КазГУ,1985. - 45 с.

Казахстан и Договор о нераспространении ядерного оружия.- Алматы: КИСИ,1994. - 29 с. (в соавторстве с У.Касеновым и Д.Елеуkenовым, на рус. и англ.)

Западная школа среднеазиеведения и казахстанники.- Алма-Ата: Гылым, 1992. - 90 с.

Западные исследователи Средней Азии и Казахстана. Библиографический указатель.- Алматы:Кенже пресс, 1994. - 100 с. (в соавторстве с Т.Бейсембиевым)

Foreign Policy and Security of the Republic of Kazakhstan. - Almaty: Eurasia Foundation, 1997. - 168 p. (Внешняя политика и безопасность Республики Казахстан», на английском языке)

Die EU als Modell für die zentralasiatische Integration? Discussion Paper C-29. - Bonn: ZEI, 1999. - 57 S. (ЕС как модель для центральноазиатской интеграции?», на немецком языке)

Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, geopolитика, политология. – Алматы: КИСИ, 2000.- 478 с.

Антология истории Казахстана. Т.1. Ч.1. Под ред. М.Т.Баймаханова, В.К.Григорьева. – Алматы: Адилет, 2001. – 256 с. (в соавторстве с А.А.Галиевым и А.В.Панфиловым).

The Security, Foreign Policy and International Relationship of Kazakhstan after Independence: 1991-2001. – Almaty: KazISS and Friedrich Ebert Stiftung, 2002. – 212 р. (Безопасность, внешняя политика и международные отношения Казахстана после независимости, на английском языке)

Центральная Азия до и после 11 сентября: geopolитика и безопасность. - Алматы: КИСИ, 2002. – 210 с. (в соавторстве с М.С.Ашимбаевым, Е.В.Тукумовым, Л.Ю.Гусевой, Д.А.Калиевой, А.Г.Кожиховым).

New Challenges and New Geopolitics in Central Asia: after September 11. - Almaty: KazISS, 2003. – 198 р. (в соавторстве с М.С.Ашимбаевым и др.).

Антология истории Казахстана. Независимый Казахстан. Зарубежная историография. Т.Х. Ч.1. Под ред. А.В. Панфилова. – Алматы: АЮ ВПШ Адилет, 2006. – 140 с. (в соавторстве с А.А.Галиевым и А.В.Панфиловым).

The Geopolitics of XXI Century in Central Asia. – Almaty: KazISS, 2007. – 281 р. (Геополитика Центральной Азии в XXI веке, на английском языке).

История внешней политики США. Учебное пособие. Под ред. Ф.Т.Кукеевой. – Алматы: КазНУ, 2007. – 280 с. (в соав. С К.Байзаковой, Ф.Кукеевой, К.Умаровым).

Роль США в Центральной Азии. Учебное пособие. – Алматы: КазНУ, 2007. – 163 с.

Библиографический указатель по Центральной Азии, международным отношениям и геополитике. – Алматы: ИМЭП, 2008. – 320 с. (в соавторстве с М.Е.Шайхутдиновым).

Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. В 5 томах. – Алма-Ата: КИСИ, 2005-09.

Для заметок

Для заметок

МУРАТ ЛАУМУЛИН
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ
ПОЛИТОЛОГИИ И МИРОВОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Том V
Центральная Азия в XXI столетии

Редактор М.Г. Мустафина
Дизайн обложки А.К. Садвакасов
Верстка Г.Т. Хаткулиева

Подписано в печать 18.09.2009. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 27,5.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
050010, Алматы, пр. Достык, 87«б».

Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.»
г. Алматы